Александр Сиверс

ДНЕВНИК

1916
—
1919

Drucksache

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. М. Сиверс

ДНЕВНИК 1916–1919

КУЧКОВО ПОЛЕ
Москва
2018

УДК 94(47)(093.3)
ББК 63.3(2)6-8Сиверс
С34

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-19-00279, не подлежит продаже

Сиверс А.М.

С34 Дневник. 1916–1919 / сост., предисл. А.Б. Гуларян.–М.: Кучково поле, 2018. – 600 с.: ил.

ISBN 978-5-9950-0933-7

Дневники генерал-лейтенанта Александра Михайловича Сиверса (1868–после 1932) представляют собой уникальный исторический материал. Они вносят ясность во многие детали биографии автора. Кроме того, содержат личные впечатления А.М. Сиверса от общения с такими видными деятелями Белого движения, как А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский. Также Сиверсу были известны и представители Красной армии – генералы А.А. Балтийский, П.П. Лебедев, Н.Н. Стогов и др.

Не менее интересны изложенный в дневнике факты, касающиеся ведения войны, армейского управления и строительства.

Шесть тетрадей, написанных с 1916 по 1919 г. ныне хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, дополнят и сделают объемнее картину Великой войны 1914–1918 гг. и Великой русской революции.

Издание снабжено приложением и указателем имен и адресовано как псециалистам-историкам, так и всем интересующимся историей России.

УДК 94(47)(093.3)
ББК 63.3(2)6-8Сиверс
С34

Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-9950-0933-7

© Гуларян А.Б., сост., предисл. коммент., 2018
© ООО«Кучково поле», издание, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. Б. Гуларян. Александр Михайлович Сиверс
и его дневник 7

Дневник. 1916–1919 25

Часть 1.
Начата 1 сентября 1916 года – окончена 3 марта 1917 года 27
1916 год 29
1917 год 94

Часть 2.
Начата 4 марта 1917 года – окончена 5 июля 1917 года 135
1917 год 137

Часть 3.
Начата 6 июля 1917 года – окончена 20 ноября 1917 года 231
1917 год 233

Часть 4.
Начата 20 ноября 1917 года – окончена 31 августа 1918 года . . . 329
1917 год 331
1918 год 342

Часть 5.
Начата 31 августа 1918 года – окончена 18 марта 1919 года 427
1918 год 429
1919 год 480

Часть 6.
Начата 7 апреля 1919 года — окончена 31 декабря 1919 года 495
1919 год 497

Приложение А. Список сокращений 533

Приложение Б. Марки и калибры орудий,
применявшихся на Западном фронте в 1916–1917 годов 538

Именной указатель 556

Александр Михайлович Сиверс и его дневник

Главное, не допускать сделки с совестью.
Необходимо во всяком положении,
во всяком деле сохранять порядочность.
А.М. Сиверс

Для чего пишутся дневники? Вопрос не такой праздный, как кажется на первый взгляд. Во-первых, сегодня утрачена сама культура личного дневника. Как, спросите вы, а блоги в социальных сетях? Интернет-блог, отвечу я, не является дневником в строгом понимании этого слова. Хотя бы потому, что дневник был всегда приватен, даже если писался для других людей, а блог всегда публичен. Во-вторых, (но, может быть, это главнее), от решения поставленного вопроса зависит, как, в каком качестве могут быть использованы дневниковые записи в историческом исследовании. Насколько адекватно описывают они исторические события, и можно ли их вообще использовать?

В старое доброе время дневники писали, во-первых, для потомков, и во-вторых для себя. В первом случае в старых дневниках в обязательном порядке присутствует назидательность. Во втором дневники пишутся, если человеку необходимо зафиксировать свое участие в происходящих событиях или отрефлексировать происходящее. При этом очень часто рефлексия событий или исторической обстановки связана с попытками самооправдаться.

Автор представленных дневников, генерал-лейтенант Александр Михайлович Сиверс,– человек сложной и удивительной судьбы. Он родился в семье генерала от артиллерии Михаила Александровича Сиверса и его жены, Надежды Григорьевны, урожденной Бланк, 28 декабря 1868 г. Его судьба была предопределена с самого начала: потомственный дворянин и военный в третьем поколении[1], он сам, скорее всего, не мыслил иной карьеры, чем карьера офицера. Притом офицера-артиллериста. Придворные связи (его отец состоял в Свите императора Александра III) позволили устроить юного Александра в Пажеский корпус, из которого он вышел подпоручиком в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артил-

[1] Его дед Александр Иванович Сиверс (1798–1840) был генерал-майором и начальником Тульского оружейного завода (1833), его отец, Михаил Александрович Сиверс (1834–1914/1912), генерал лейтенант, потом генерал от артиллерии, участник Русско-турецкой войны 1877–1878, начальник артиллерии 18-го армейского корпуса.

лерийскую бригаду с прикомандированием к лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. За тридцать лет службы он прошел все ступени военных чинов: подпоручик гвардии (старшинство с 09.08.1888), поручик (ст. 09.08.1892), штабс-капитан (ст. 2.4.1895), капитан (ст. 5.4.1898), полковник (ст. 28.3.1904), генерал-майор (производство 1911; старшинство с 7.10.1911; за отличие), генерал-лейтенант (производство 23.12.1915; старшинство с 7.10.1915). Карьере способствовало, конечно, окончание с хорошей аттестацией Офицерской артиллерийской школы в 1905 г. В служебном отношении карьера А.М. Сиверса связана с двумя подразделениями: лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригадой и 14-й артиллерийской бригадой. Но сам, в своих дневниках А.М. Сиверс связывает себя именно с «лейб-гвардии Второй», где он был последовательно командиром батареи, командиром дивизиона, и, наконец, командиром самой бригады. К 14-й же бригаде, где он, по-видимому, проходил необходимый «ценз» командования, он относится с прохладой, наделяя в своем дневнике офицеров бригады отрицательными качествами. Не сложились отношения новопроизведенного генерал-майора с новым коллективом за два года совместной службы... Так что в Первую мировую войну А.М. Сиверс вступил во главе своей любимой лейб-гвардии 2-й бригады.

Его военная звезда взошла осенью 1914 г. в боях под Ивангородом, за которые он был награжден орденом Св. Георгия IV степени и представлен к производству в генерал-лейтенанты (на основании Георгиевского статута (ст. 49 и 54)). Как сказано в представлении к награде: «За то, что с отличным мужеством руководил под сильным огнем блестящими действиями бригады в боях под Ивангородом с 9 по 14 окт. 1914 г., когда, распределив батареи, вместе со своей дивизией выдержал всю тяжесть натиска австрийцев на линию Новая Весь, Старая Завада, Коциолки и чрезвычайно метким огнем отразил повторные атаки неприятельской пехоты, принудил к молчанию ряд неприятельских батарей и тем сильно способствовал переходу в наступление и общему успеху боя»[1]. Правда, признания заслуг Сиверсу пришлось ждать почти полгода... В апреле 1915 г. А.М. Сиверс назначается исполняющим должность инспектора артиллерии 20-го армейского корпуса, а еще через год, в апреле 1916 г. он стал инспектором артиллерии 10-й армии[2], и в этой должности закончил свою войну. Свою – потому что ушел в отставку одновременно с октябрьским переворотом, и за заключением мира следил уже как сторонний наблюдатель.

Официальная биография А.М. Сиверса сообщает, что после Октябрьской революции 1917 года он служил в РККА, а потом стал преподавателем одного

[1] Высочайший приказ по военному ведомству от 31 января 1915 г.
[2] *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 794, 812.

из московских вузов. В 1931 г. был арестован и осужден к ссылке по печально знаменитому делу «Весна» и переехал на жительство в город Данилов. 17 сентября 1931 г. ему было разрешено переехать к родным в Ярославль, после чего его следы теряются. Неизвестна и точная дата смерти генерала[1].

Дневник позволяет уточнить многие детали биографии его автора. Именно из дневника мы узнаем, что А.М. Сиверс работал в 1910–1911 гг. в комиссии П.П. Потоцкого по пересмотру уставов. Из дневника также явствует, что в отставку А.М. Сиверс ушел практически во время октябрьского переворота в Петрограде (решение уйти вызревало у него весь последний год, а с установлением Советской власти просто совпало). В условиях продолжающегося общенационального кризиса гражданскую жизнь в Петрограде наладить не удалось, и Сиверс переезжает в Москву, где поступает на службу Советской власти, сначала председателем Центральной демобилизационной комиссии при Центральном управлении по снабжению армии (ЦУС), потом – членом комиссии по пересмотру уставов, заместителем начальника, а потом начальником Тяжелой артиллерии особого назначения РККА, начальником Высшей артиллерийской школы.

В 1925 г. А.М. Сиверс проживал в Москве. Шесть тетрадей своих дневников он переслал в Прагу профессору С.В. Завадскому через полномочного представителя Чехословацкой республики в Москве Иосифа Иосифовича Гирса. В сопроводительном письме на имя С.В. Завадского генерал Сиверс просил последнего сохранить эти дневники у себя или передать их в надежное хранилище на хранение «до падения Советской власти». А.М. Сиверс оставлял за собой право вытребовать свои дневники через И.И. Гирса или лицо по его указанию. Если же до 1950 г. дневники не будут востребованы, то их можно будет напечатать. В настоящее время, с промедлением в шестьдесят семь лет, это желание генерал-лейтенанта А.М. Сиверса выполняется.

Шесть тетрадей, хранившихся сначала в Праге, у профессора Завадского, а потом в Москве, в ГА РФ, не имеют ни логического начала, ни логического конца. Первая тетрадь начинается характерной фразой: «Никаких перемен». Это как вступление после паузы, сделанной, чтобы перевести дыхание... Последняя тетрадь 1919 г. заканчивается описанием бытовых неурядиц и охлаждения отношений с женой. По-видимому, эти шесть тетрадей представляют собой только часть дневника, который Сиверс вел, по крайней мере, с начала войны. А может быть, всю свою жизнь.

Возвращаюсь к поставленному в начале вопросу. Для чего генерал Сиверс вел свой дневник?

[1] *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. М., 2002. С. 441.

Брак Александра Михайловича Сиверса с женой, Еленой Фердинандовной, урожденной Пискорской, оказался бездетным. Поэтому если он и адресовался к потомкам, то только в самом широком смысле этого слова – к будущим поколениям. И хотя сам Александр Михайлович вспоминает, как читал и перечитывал дневники своего прадеда, Ивана Христиановича Сиверса, и восхищается светлой восторженностью и отчасти наивностью последнего, а также благожелательным описанием всех лиц, с которыми встречался прадед, в дневниках самого генерала Сиверса всего этого крайне мало. Есть холодный взгляд профессионала на положение армии накануне революции, есть усталость от войны, переходящая в апатию под влиянием нарастающего развала, возмущение поведением «государственного тыла» при «старом режиме» и уполномоченных «новой власти» на фронте после революции. А.М. Сиверс пристрастно относился к своим подчиненным, перманентно выражал им свое недовольство. Эта же пристрастность проявлялась и в отношении сослуживцев и начальников. Поэтому в его дневнике часто комплиментарные отзывы о человеке при начале знакомства сменяются нелицеприятными после близкого общения. Самый распространенный эпитет в дневнике по отношению к неприятному для Сиверса человеку – «хам». Причем этот эпитет употребляется по отношению к офицерам и генералам, подчиненным и начальникам, что заставляет подозревать генерала Сиверса в излишней желчности.

Здесь самое время сделать паузу, чтобы прояснить, каким человеком был Александр Михайлович Сиверс в общении с другими людьми. В качестве примера лучше всего подходит один из его непосредственных начальников, генерал-инспектор артиллерии фронта Али-Ага Шихлинский. Последний выдвинулся на высокий пост благодаря уму и блестящему знанию артиллерийского дела: в мирное время он руководил Офицерской артиллерийской школой, в начале войны организовал артиллерийскую оборону петроградского побережья, в действующей армии занимался формированием частей тяжелой артиллерии. Назначенный на должность генерал-инспектора артиллерии Западного фронта, он вынужден был командовать генерал-лейтенантами, хотя сам был генерал-майором[1]. Не всем это нравилось. Вот как Шихлинский описал сложившуюся ситуацию:

«Вокруг моего назначения на такой высокий пост пошли разговоры. Старики, вроде генерала Коханова, были очень недовольны. Бывший мой командир батареи, а в то время инспектор артиллерии 1-й армии, генерал-лейтенант Вартанов прямо спросил:

– Не думаете ли вы, что будут трения между вами и старшими генералами?

[1] *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. С. 675–676.

Я ответил:

– Я надеюсь эти трения изжить, конечно, вначале они могут быть.

Другой артиллерист – генерал Березовский,– один из защитников Порт-Артура, спросил меня:

– Как это случилось, что вы, такой молодой, занимаете этот пост, а нижестоящие все – генерал-лейтенанты?

Присутствующий здесь начальник штаба 10-й армии генерал-майор Иванов ответил, что «сие надо понимать духовно, а не по старшинству».

Зато были и другие случаи. При первом моем посещении 10-й армии я предложил инспектору артиллерии этой армии проехать со мной по фронту его армии. Когда мы в автомобиле двинулись к фронту, генерал-лейтенант Сиверс мне сказал:

– Вам может прийти в голову, что мы, генерал-лейтенанты,– а вы лишь генерал-майор и притом очень молодой,– будем роптать хотя бы глухо, в связи с вашим назначением; прошу меня исключить из числа ваших завистников. Я искренно рад, что именно вас назначили. Вы нас научите, а то мы при этой позиционной войне во многих случаях действуем, как в лесу.

Я поблагодарил старика за такое отношение. Через некоторое время он спросил:

– Как теперь, при таком сидении нос к носу с противником, проводить разведку?

Я сел за камень, достал полевую книжку и на отрывном листке написал несколько замечаний о способах производства разведки при данном положении противника. Он посмотрел и просил разрешения отпечатать это и послать соседним армиям. Я сказал, что не стоит, пообещав прислать обстоятельную инструкцию.

Искренность этого генерала была доказана и впоследствии»[1].

То есть генерал-лейтенант А.М. Сиверс понял назначение более молодого, но и более знающего артиллерийское дело генерал-майора своим начальником и принял Шихлинского как человека. Но, судя по дневнику, очень быстро разочаровался в нем. Поводом для разочарования стало поведение Шихлинского на совещании, проведенным 24 февраля 1917 г. главкозапом А.Е. Эвертом по вопросу о планах весеннего наступления (которое, по понятным причинам, не состоялось). На этом совещании А.А. Шихлинский без всякого объяснения отказался от озвученных им ранее взглядов на использование артиллерии крупных калибров в предстоящей операции и внес предложение, не согласованное с подчиненными ему инспекторами артиллерии, что вызвало их возмущение и протесты.

[1] *Шихлинский А.А.* Мои воспоминания. Баку, 1984. С. 144-145.

По этому поводу А.М. Сиверс записал в своем дневнике: «...этот приезд совершенно разочаровал меня в генерале Шихлинском. Если высокое положение, занятое им, несколько вскружило голову, то Бог с ним, эта мания величия забавна, но безвредна. Колебание же в проводимых принципах, да еще без оговорки, что я изменил свой взгляд потому-то и потому-то – огромный вред. Все идеи терпят эволюцию, все может окончиться иным, чем представлялось, но надо это оговорить. Иначе впечатление беспринципности и угодливости фантазиям свыше». То есть А.М. Сиверс готов был простить Шихлинскому и молодость, и назначение в обход более старых и опытных генералов, и слабость тщеславия, присущую любому человеку. Но он не мог простить колебания в профессиональных вопросах, поскольку это вредило делу. Более того, рождало впечатление беспринципности. К сожалению, эти претензии Сиверс не высказал в частной беседе с Шихлинским, а доверил только своему дневнику. Хотя для дела было бы, может, и лучше сделать «с точностью до наоборот». Но пажеское воспитание не позволило...

Все это характеризует А.М. Сиверса как человека, крайне щепетильного в вопросах профессиональной этики и личного общения. При этом часто ему не хватало твердости характера заявить свое возмущение, и он доверял его дневнику. Сиверс сам сознавал свой недостаток, считал, что отсутствие должной твердости приводило его в прошлом к кадровым ошибкам, подобно ошибке с генералом А. А. фон Деном. Но об этой ошибке старого генерала читателям лучше прочитать самим в предлагаемом их вниманию дневнике...

Итак, дневник Сиверса не для посторонних, и он не нравоучителен. А.М. Сиверс вел дневник для себя: «Мой дневник не хроника семейной жизни, это описание того, что происходило около меня, и чему я был свидетелем исключительно в отношении войны. Но, тем не менее, чем больше я пишу, тем мне доставляет большее удовольствие записывать. <...> Интересно будет почитать со временем».

Но, как солдат, А.М. Сиверс понимал, что может быть, ему и не придется перечитывать собственные дневники[1]. Тем не менее, он его вел, поскольку оказался современником событий, перевернувших жизнь нашей страны и ставших водоразделом между ее новой и новейшей историей. Он был свидетелем последних неудачных попыток Русской императорской армии организовать наступление на Западном фронте; участвовал в подготовке последнего, неудачного Июльского наступления, предпринятого Временным правительством; стал свидетелем разва-

[1] Только за последние четыре месяца 1916 г., описанные в дневнике А.М. Сиверса, из строя выбыли три генерала, равные ему в должности и положении: М.Г. Кардиналовский, сраженный пулей на наблюдательном пункте, А.Д. Сташевский, скоропостижно скончавшийся, по-видимому, от сердечного приступа, и Н.Ф. Крузенштерн, вышедший в отставку после автомобильной катастрофы.

ла старой армии. Февральская революция, корниловский мятеж и октябрьский переворот прошли мимо А.М. Сиверса «по касательной». Но интересны восприятие и оценка этих событий, зафиксированные в дневнике. А.М. Сиверс действительно фиксировал свое участие в происходящем, свое отношение к событиям, а также пытался их осмыслить.

Зафиксировано оказалось многое – прежде всего, характеристики людей, с которыми встречался Александр Михайлович. И в этом отношении дневник А.М. Сиверса уникален, ибо содержит личные впечатления от общения со знаковыми фигурами Белого движения и Красной армии. Из будущих «белых» генералов судьба сводила Сиверса с А.И. Деникиным, А.С. Лукомким, И.П. Романовским, С.Л. Марковым, В.Н. Шокоровым, В.Г. Болдыревым, С.Н. Войцеховским. Среди строителей РККА ему были известны Е.М. Склянский («русский Анрио»[1], как его иногда называли) и генералы А.А. Балтийский, П.П. Лебедев, Н.Н. Стогов, А.Е. Гутор, А.А. Самойло, братья Смысловские. Кроме этих людей, разведенных революцией по разные стороны баррикад, в дневнике Сиверса упомянуты такие нетривиальные фигуры, как великий князь Сергей Михайлович, полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем; генерал И.Р. Довбор-Мусницкий – генерал-лейтенант русской службы и генерал брони Войска Польского[2]; генерал Али-Ага Шихлинский, о котором здесь уже было сказано; генерал-лейтенант Р.А. Дурляхов, выдающийся военный инженер и конструктор лафетных установок, и целый ряд других выдающихся современников.

Не менее интересны факты, касающиеся ведения войны, армейского управления и строительства, изложенные в дневнике. Развала еще нет, но деятельность штабов по своим последствиям очень близка к развалу: главнокомандующий армиями фронта генерал А.Е. Эверт раз за разом отменяет наступления, подготовленные его подчиненными. С возмущением А.М. Сиверс говорит об отставке своего непосредственного начальника, командующего 10-й армией генерала Е.А. Радкевича, и утверждает, что именно Радкевич, а не Эверт должен был получить орден Святого Георгия III степени за Виленскую операцию (оборонительное сражение, продолжавшееся с августа по октябрь 1915 г.). Это очень ценное для историков свидетельство. Происходящее вызывает раздражение и усталость не только у солдат, но даже у старших офицеров и у генералов.

[1] Франсуа Анрио (1759–1794), французский революционер, главнокомандующий национальной гвардией Парижа после восстания 31 мая – 2 июня 1793 г. до термидорианского переворота 27 июля 1794 г.

[2] На счету этого генерала участие в Первой мировой войне, в Гражданской войне в России, Великопольском восстания 1918–1919 гг. На выборах президента Польши Довбор-Мусницкий был политическим противником И. Пилсудского.

Как очень тревожный симптом А.М. Сиверс отмечает, что война превратилось в рутинное дело, в повседневность, с помощью которой можно решать свои дела: строить карьеру, подсиживать конкурентов и наживать состояние. С раздражением говорит он о поведении предпринимателей и спекулянтов в тылу. Вместе со всеми радуется концу «распутинщины», но тут же оговаривается, что засилье «темных сил» еще не закончено.

В дневнике довольно подробно говорится о планах весеннего наступления 1917 г., которому так и не суждено было осуществиться. Как случалось и до этого, оно потонуло в приказах и контрприказах А.Е. Эверта, который вполне заслуживает звания злого гения всей действующей армии. Уже при советской власти, во время обсуждения на заседании Уставной комиссии тактического опыта Первой мировой войны, А.М. Сиверс вспоминает, как Эверт в 1916 г. вернул корпуса, отправленные на поддержку Брусиловского прорыва, и бросил их в неподготовленное наступление под Барановичами... Показательна последующая судьба генерала Эверта: по одной из версий, после установления Советской власти он был арестован, но скоро отпущен и умер в 1926 г., занимаясь в последние годы жизни пчеловодством; по другой, общепризнанной версии (подтверждаемой, кстати, сообщением в дневнике Сиверса), он был убит при конвоировании в Москву то ли в Верее, то ли на вокзале в Можайске. Если это действительно так, то генерал, не желавший воевать, был убит солдатом, не желавшим его охранять...

А.Е. Эверт не удовлетворился смещением Е.А. Радкевича: был разогнан и его штаб – начштаба, генерал И.И. Попов, генкварт, генерал В.Н. Шокоров (сыгравший впоследствии существенную роль в Гражданской войне в Сибири) получили новое назначение. Их место заняли новые люди. И подбор кандидатур на освобождающиеся должности оказался примечателен. Генерал А.С. Лукомский стал новым начальником штаба 10-й армии, И.П. Романовский – генерал-квартирмейстером указанной армии, а С.Л. Марков – генералом для поручений штаба армии. То есть еще в конце 1916 г. история завязала в единый узел судьбы известных белых генералов. К назначению всех троих А.М. Сиверс отнесся весьма приязненно, поскольку знал А.С. Лукомского как хорошего генштабиста и одного из руководителей мобилизации 1914 г., а двух других – как бывших офицеров лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. И у А.М. Сиверса было достаточно времени, чтобы лучше узнать всех троих, разобраться в их профессиональных и душевных качествах. С А.С. Лукомским и И.П. Романовским сложились хорошие отношения, первого Сиверс оценивал: «несколько канцелярист, но это пройдет, с ним можно работать», второго – как человека «с достоинством и большим нравственным плюсом», не «прогнувшегося» на совещании 24 февраля даже под давлением А.Е. Эверта. Зато мнение о С.Л. Маркове изменилось в худшую сторону: «Генерал

Марков быстро взвинчивается, а затем при малейшей неудаче сдает». А.М. Сиверс отметил имевшую место зависть Маркова к Романовскому, который вперед него получил новое высокое назначение, и был крайне обескуражен назначением этого человека начальником штаба Западного фронта: «нельзя 38-летнего выскочку, неуравновешенного человека назначать на такой ответственный пост».

Занимаясь подготовкой артиллерийской составляющей весеннего наступления своей армии, А.М. Сиверс пропустил начало Февральской революции в Петрограде. Впрочем, это утверждение верно и для всей действующей армии, а также для страны в целом. Симптоматично, что отречение Николая II не вызвало на фронте никакого брожения: никто не застрелился (дневник А.М. Сиверса таких случаев не приводит), никто не снял с позиций свои части, чтобы идти на столицу и восстанавливать на престоле царя, никто не угрожал открыть немцам фронт с той же целью. По факту, фронтовые части армии отнеслись к произошедшему индифферентно, а тыловые соединения даже поддержали Февральскую революцию.

В качестве примера: вот как описывает февральские события в городе Орле орловский историк С.В. Букалова: «Орловский гарнизон, тем не менее, сыграл важную роль в событиях Февральской революции в губернии. В обстановке исторической неопределенности губернатор П.В. Гендриков решил сохранять статус-кво, опираясь на силы орловского гарнизона. На совещании, собранном губернатором, было решено дожидаться непосредственных распоряжений легитимной верховной власти. Около всех значительных учреждений были расставлены армейские караулы. Тем не менее, после безуспешных переговоров с губернатором, к трем часам дня 2 марта 1917 г. начальник Орловского гарнизона открыто заявил о поддержке переворота и направил телеграмму о признании власти Временного правительства, а затем объявил о подчинении войск городского гарнизона Комитету общественной безопасности. Состоялся парад революционных частей»[1].

Даже сам А.М. Сиверс старательно переписал в свой дневник манифесты об отречении Николая II, великого князя Михаила и Приказ № 1 (sic!) о вступлении великого князя Николая Николаевича в должность главковерха как «великие документы нашей революции». Но потом, как известно, в войска пришел другой Приказ № 1, подписанный Петроградским советом и формально адресованный только Петроградскому гарнизону. Он послужил спусковым механизмом развала армии... В принципе, если бы деятели Февраля оставили армию вне политики, вовремя отозвали этот пресловутый приказ, они бы вполне могли бы удержаться у власти и построить свою демократическую России, поскольку ар-

[1] *Букалова С.В.* Орловский гарнизон накануне октября 1917 года // 1917 год в российской провинции: Материалы международной науч. конференции. Орел, 2017. С. 66.

мия отнеслась к смене режима лояльно. И здесь мы подходим к двум важным моментам. Первый момент: своим участием в февральских событиях и великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович, и Родзянко с его думцами фактически придали легитимность государственному перевороту. Второй момент: бесконечное оттягивание начала наступления на фронте, постоянная перегруппировка войск, подготовка и отмена наступления «в последний момент» измотали войска хуже отступления, показали солдатам и офицерам некомпетентность командования и тем самым лишили монархический режим поддержки.

Но Приказ № 1 был подписан, и подписан именно потому, что «февралисты» не поверили в лояльность армии. А дальше произошло уже известное нам по учебникам: отмена наказаний, митинговая демократия, шельмование офицеров и генералов (в том числе в газетах!) привели к разложению и распаду армии, которая дошла до того, что не могла наступать в июле 1917 г. Но и здесь дневник Сиверса добавляет несколько любопытных штрихов. Столичный лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» фронт воспринял как разрешение не наступать, и «главноуговаривающему» А.Ф. Керенскому и его приближенным пришлось потратить немало времени и сил, чтобы организовать это наступление. Тем более что одетые в солдатские шинели крестьяне думали не о победе, а о начавшемся в тылу стихийном переделе земли. Дневник Сиверса зафиксировал это в виде ответа одного из солдат в разговоре с командующим 10-й армии: «Мы все понимаем, что надо наступать, да боимся сказать это слово; сейчас свобода, там дома дают землю, а мы здесь в это время будем подставлять под пули свой лоб».

Сиверс фиксирует в своем дневнике случаи расправы над офицерами, отстранения командного состава полков, дивизий и даже корпусов солдатскими советами. Особое злорадство вызвало у него избиение солдатами 2-й Кавказской гренадерской дивизии уполномоченного представителя Петроградского совета, присяжного поверенного Н.Д. Соколова, одного из авторов пресловутого Приказа № 1. Это не первый, но и не последний случай, когда русская демократическая интеллигенция продемонстрировала свою полную оторванность от жизни и неспособность к государственному мышлению.

Именно в это время судьба свела А.М. Сиверса с одним из будущих руководителей Белого движения генералом А.И. Деникиным, который был назначен главнокомандующим армиями Западного фронта для организации и проведения Июльского наступления. Отношение к А.И. Деникину сложилось у А.М. Сиверса прохладное. По той же самой причине, что и к С.Л. Маркову: слишком рано занял высокое положение, не имеет достаточного опыта руководства войсками. И вообще, связка А.И. Деникин – С.Л. Марков сильно раздражала Сиверса. «Деникину 44 года, и это главкозап. Не следует держать стариков, но и такие мо-

лодые, не имеющие солидного опыта при всех их качествах вряд ли могут быть полезны. Какое сравнение Деникина с Гурко?!»

С точки зрения А.М. Сиверса, генерал Деникин не справился с задачей подготовки фронта к наступлению. Вместо того чтобы заняться своими прямыми обязанностями – обеспечением фронта всем необходимым для наступления, включая литерные орудия большой мощности, литерные снаряды к ним, авиационный бензин и паровозы с вагонетками, в которых так нуждался инспектор артиллерии А.М. Сиверс, Деникин непрерывно требовал отчеты (даже когда вопрос, по которому требовался отчет, например, какие именно батареи большой мощности прибудут на фронт, еще не был разрешен в штабе) и совершал многочисленные поездки в корпуса, которые не успокаивали, а наоборот, будоражили солдат. Именно во время одной из таких поездок и произошел упомянутый выше случай с избиением особого уполномоченного Исполкома Петросовета Н.Д. Соколова. Что в свою очередь привело к замене за шесть (sic!) дней до начала наступления командующего 10-й армией генерала Киселевского генералом П.Н. Ломновским, который должен был руководить наступлением, даже не познакомившись с войсками и театром военных действий. Могло ли это наступление закончиться удачно?

Военный историк А.Г. Кавтарадзе так описывает начало Июльского наступления и его крах: «9 июля войска 10-й армии Западного фронта под командованием генерала П.Н. Ломновского перешли, наконец, в наступление в общем направлении на Вильно. Используя эффективные результаты артиллерийской подготовки, они вначале достигли некоторого успеха, но затем под ударами противника (на правом фланге) и самовольно (на левом) вернулись на исходный рубеж, а на одном участке фронта, в районе Новоспасского леса (севернее Молодечно), противник даже вклинился в их расположение. На следующий день 1-й женский ударный батальон под командованием прапорщика М. Бочкаревой, введенный в бой на участке 1-го Сибирского корпуса, выбил прусский ландвер из занятых им накануне позиций у Новоспасского леса. На этом наступление Западного фронта закончилось. За два дня боев 10-я армия потеряла до 40 тыс. человек, что составляло около половины всех введенных в сражение войск»[1].

Тем не менее русская артиллерия в июле 1917 г. оказалась на высоте положения! Сиверс описывает ее работу с 6 по 8 июля как превосходную. Сохранив дисциплину и боеспособность, артиллерия выполнила свою задачу. Немцы просто покинули первые две линии своих окопов под ее огнем. И тут читателя ждет настоящее историческое открытие: к 1917 г. русская армия имела артилле-

[1] *Кавтарадзе А.Г.* Июньское наступление русской армии в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 115–116.

рию больших калибров (так называемые «литерные» батареи), не уступающую по мощности германской, а то и превосходящую ее. Во всяком случае, вражеские батареи были подавлены, инженерные укрепления уничтожены, дорога своей пехоте расчищена. Русская пехота, заняв немецкие позиции... посчитала свою задачу выполненной и вернулась в свои окопы.

И это стало подлинным, фактическим началом конца старой армии: вернувшись в окопы, армия не пожелала оставаться там, а стала разбредаться по охваченной смутой стране. Любой слух о наступлении немцев рождал панику и массовое бегство солдат из окопов. Пока армия стояла на позициях и митинговала, сохранялось видимое подобие порядка. Приведенная в движение по воле Временного правительства, армия рассыпалась. Развеялся миф об устойчивой обороне.

Кстати, разложение коснулось не только рядового состава. В своем дневнике А.М. Сиверс отмечает, что при слухах о возможном немецком контрнаступлении штабы армии и корпусов прежде всех прочих покинули женщины – жены старших офицеров и генералов. Что все они делали в прифронтовой полосе действующей армии, да еще в период наступательной операции?

А.М. Сиверс зафиксировал в своем дневнике также личные впечатления о встрече с Марией Бочкаревой и ее отрядом, но с этими впечатлениями читателям будет интересно познакомиться самим.

Сложное отношение возникло у Сиверса к Л.Г. Корнилову и его выступлению. Сочувствуя всецело Корнилову и его программе восстановления дисциплины в армии и порядка в стране, А.М. Сиверс порицает его за те методы, которыми Корнилов пытался эту программу осуществить. Не имея сил «ни достаточных, ни настоящих», он пытался использовать в своих интересах армейские части, не разъяснив солдатам ни целей, ни задач своего движения: «Считаю нечестным, так как войска не знали, на что идут. В настоящее время можно считать на своей стороне только тех, которые добровольно идут за мной. Слепого повиновения нет, если офицеры знали – это недостаточно. Вот и результат, солдаты сейчас же отказались от выполнения до конца своей задачи».

И тут же делает для себя в дневнике два неутешительных вывода. Первый, самый важный: у сторонников порядка нет и не может быть опоры в массе солдат, в то время как большевики «берут» солдатскую массу, апеллируя к чувствам и желаниям рядовых. Второй, менее важный, но еще более горький: в начавшейся политической борьбе нет правых и виноватых. Л.Г. Корнилов проиграл и был объявлен изменником; победил бы он – изменниками и немецкими шпионами были бы объявлены А.Ф. Керенский и его правительство. Кто сильнее, тот и прав.

Все эти наблюдения позволили впоследствии, в декабре 1917 г. А.М. Сиверсу вынести свой вердикт – белые победить не могут, поскольку нет силы, которая

стояла бы за ними, и не хватает личной харизмы, чтобы эту силу создать. А без этого невозможно разрешить борьбу одним ударом, подобно тому, как это сделали большевики в октябре 1917 г. В «тихой» же гражданской войне, длительной, со ставкой на переменчивое военное счастье, белые генералы обречены: «Никакой Каледин, никакой Корнилов не в состоянии сейчас что-нибудь сделать. Их гражданская война какая-то мертвая. По-моему, у них нет большой силы, мне кажется, что для того, чтобы серьезно что-нибудь изменить, надо подготовить все основательно, а затем быстро и решительно приводить в исполнение. Успех окрыляет и производит впечатление, тут возможно ожидать, что шествие будет победоносное. Тихая же война с переменным счастьем скучна и может скоро надоесть, а тогда уже и успеха ждать трудно. Все будут тяготиться и понемногу откалываться, и опять Каледин и Корнилов останутся у разбитого корыта, как это уже было с Корниловым».

Во время службы в 10-й армии А.М. Сиверс имел также возможность близко узнать двух выдающихся людей, внесших большой вклад в строительство Красной армии. Это генерал-квартирмейстер Западного фронта П.П. Лебедев и его помощник А.А. Самойло, (последний, кроме того, побывал на должностях генерал-квартирмейстера 10-й армии, начальника ее штаба, и даже генерал-квартирмейстера Западного фронта, но это было уже после ухода Сиверса).

В 1918 г. П.П. Лебедев играл, по распространенному среди высшего командного состава мнению, ведущую роль среди руководителей РККА. Вот как характеризует Лебедева генерал А.А. Брусилов: «Этот человек, который действительно работал много, будучи несколько лет начальником штаба Красной армии, и, в сущности, создал все дело и поставил на рельсы весь механизм ее. Это чрезвычайно умный человек, и, собственно говоря, работал он, а главнокомандующий Каменев, как очень недалекий человек, был пешкой в его руках...»[1]

В Красной армии П.П. Лебедев оказался с самого ее возникновения и с мая 1918 по март 1919 г. занимал должность начальника Мобилизационного управления Всероглавштаба. В период кризиса на Восточном фронте в мае 1919 г. Лебедева назначают начальником штаба Восточного фронта к С.С. Каменеву. С этого времени и до 1924 г. продолжается их служебное сотрудничество. Именно П.П. Лебедев добился сохранения Каменева на посту командующего фронта, когда Л.Д. Троцкий попытался сместить его[2].

А.А. Самойло, выдающийся русский разведчик, перед войной совершал командировки с разведывательными целями в Австро-Венгрию, Германию и Вели-

[1] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания // Военно исторический журнал. 1990. № 2. С. 39.
[2] *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 28.

кобританию. После октябрьского переворота перешел на сторону большевиков, участвовал в переговорах с Германией в Брест-Литовске, командовал 6-й армией, освободившей Архангельск и Онегу, с мая 1919 г. командовал Восточным фронтом, провел Белебейскую и Бугурусланскую операции, участвовал в мирных переговорах с Финляндией и Турцией в 1920–1921 гг.[1]

Можно с уверенностью утверждать, что Западный фронт и, конкретно, 10-я армия дали ряд выдающихся военных деятелей как Белого движения, так и РККА.

Еще после августовских событий 1917 г. у А.М. Сиверса созревает решение уйти в отставку, которая совпала (история любит такие совпадения) с событиями 25 октября и установлением советской власти сначала в Петрограде, потом в Москве. Читателям будет интересно и поучительно читать те противоречивые сообщения, которые доходили до фронта из обеих столиц и которые генерал Сиверс добросовестно вписал в свой дневник.

Но уже с лета 1918 г. мы застаем его в должности председателя Центральной демобилизационной комиссии (ЦДК) при Центральном управлении снабжения армии (ЦУС), одновременно – в Военно-технической редакции и в Уставной комиссии Военно-законодательного совета Наркомвоена, а после расформирования ЦДК – заместителем начальника, а потом начальником тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН РККА). Что заставило старого генерала пересмотреть свою позицию?

Во-первых, нужда. Продолжавшийся кризис поставил старого заслуженного генерала и его жену на грань нищеты, и он начал искать себе «места».

Во-вторых, А.М. Сиверс признал легитимность новой Советской власти именно как «центрального» правительства. Он однозначно осудил бывших царских генералов К.К. Маннергейма и П.П. Скоропадского за отделение Финляндии и Украины от России и понял, что только Советская власть может противостоять сепаратизму окраин.

В-третьих, как было уже сказано выше, он не верил в движение, начатое Алексеевым, Корниловым и Деникиным, не верил в возможность насильственного свержения большевистского правительства, но надеялся на «естественную» эволюцию политического режима: «наша теперешняя «власть» проживет положенный срок и изменится естественным путем».

«Все «заговоры», «контрреволюции» настолько несерьезны и малосильны, что считаться с ними положительно нельзя. Разговоры же совершенно напрасно волнуют усталые, панические умы и понапрасну разжигают мечты увлекающейся молодежи. События идут своим чередом, и изменить что-либо возможно

[2] Самойло Александр Александрович // Военная энциклопедия. М., 2003. Т. 7. С. 357.

лишь тогда, когда назреют в народе новые течения»,– писал он в своем дневнике.

Ну и, в-четвертых, изменилась позиция большевиков, поскольку стало ясно, что без привлечения кадровых военных новую, «красную» армию не построить. И вот Сиверс уже цитирует в дневнике выступление комиссара В. Володарского на митинге: «Нужен генерал, давай генерала! Всех желающих милости просим. Саботажников заставим работать силой».

Однако внимательный читатель может заметить, что после установления власти большевиков дневник А.М. Сиверса становится все суше и суше, в конце вообще превращаясь в календарные записи. Читателям легко это проверить: три заключительные части по своему объему гораздо меньше первых трех. При этом автор уходит в приватную жизнь, описывает треволнения, связанные с дороговизной товаров, недоступностью продуктов, бытовыми лишениями и даже скандалами с соседями, тщательно при этом обходя политику стороной. Очень показательно в этом отношении запись о неудавшимся мятеже левых эсеров: «7-го числа с утра в городе шла стрельба пулеметов, даже орудийная. Граф Мирбах убит, по словам большевиков, левыми эсерами, которые одновременно направили свои силы для свержения Совнаркома. Определенного ничего неизвестно, но к 3 часам дня стрельба почти совершенно стихла, и сегодня в городе полное спокойствие».

Ощущение рутинности происходящего, а ведь это был конец пусть и формальной, но многопартийности в стране...

Но подобная позиция автора имеет объяснение: Сиверс подчеркивает свою аполитичность именно потому, что осознает, что его тетради в любой момент могут попасть в чужие руки. Ведь ничего не мешало ему в декабре 1916 г. записывать в дневник пересуды вокруг убийства Г.Е. Распутина (а ведь это тогда была политика!), а почти весь 1917 г.– ругать в дневнике Временное правительство, А.Ф. Керенского и близких к нему людей (но это тоже политика!), а потом в октябре того же года– радоваться телеграмме о мнимой победе Керенского над большевиками. Но в период 1918–1919 гг. у А.М. Сиверса новая позиция: «политикой не интересуюсь, слухам не верю, газет не читаю» (последнее Сиверс аргументирует дороговизной газет). Получились очень странные, непривычные нам 1918–1919 гг.: в них нет привычной нам по фильмам и книгам Гражданской войны со сплошным фронтом, прорывами обороны, с Царицынским, Орловско-Кромским и другими сражениями, в которых участвуют большие массы людей. Боевые действия ведутся где-то на периферии страны, а в столице перебои снабжения, топливный кризис и пересуды. Информация не доходит или доходит в виде слухов, слухи множатся и опровергают друг друга. Через «сплошной» фронт Гражданской войны продолжают ходить поезда, развозя пассажиров до Киева и Тифлиса.

При этом А.М. Сиверс в описываемое время занимает ряд ответственных постов при Всероглавштабе и встречается с П.П. Лебедевым, А.А. Балтийским, Н.Н. Стоговым, А.Е. Гутором, В. К. и Е.К. Смысловскими, работает под непосредственным началом Ю.М. Шейдемана, которого знает еще по фронту. Он входит в Уставную комиссию при Всероглавштабе и по ее поручению составляет новые артиллерийские уставы. То есть занимает положение, позволявшее быть в курсе всего происходящего в стране. Но вот как раз «всего происходящего» мы в дневнике не найдем. Единственный раз, когда А.М. Сиверс приподнял маску незаинтересованного обывателя – это сообщение о гибели на «Кавказском внутреннем фронте» (определение самого А.М. Сиверса) генерала С.Л. Маркова. В этой записи у старого генерала прорываются человеческие чувства: «Наш Сергей Леонидович!»

При этом изменение авторской позиции произошло не вдруг, а постепенно. В декабре 1917 г, да и в марте 1918 г. А.М. Сиверс продолжает критиковать уже новую Советскую власть за развал старой армии, возмущается подписанием Брестского мира, следит за дискуссией вокруг планов создания новой армии, оставаясь при этом пессимистом. Но... Убит главковерх Духонин... Начинаются аресты и убийства высших офицеров старой армии. Возникает институт заложничества. Появляются концлагеря. Целый ряд хороших знакомцев генерала Сиверса попали либо в заложники, либо в концлагерь. Его зять М.И. Дунин-Борковский был арестован, осужден и посажен в концлагерь до «конца гражданской войны». На наше счастье, Сиверс не уничтожил свои дневники (хотя эта мысль и приходила, по-видимому, ему в голову). Но он изъял из приложения к дневнику многие «исторические документы», как он их называл: вырезки статей из газет, телеграммы, приказы и т.д. Так, исчезли газетные статьи о семье последнего русского царя, приказы А.Е. Эверта и Л.Г. Корнилова. Исчезло все, что могло спровоцировать лишние вопросы к автору дневника, если бы автор был вдруг арестован. А сам автор натянул на лицо маску «незаинтересованного обывателя». Даже в дневнике...

Но дьявол, как известно, скрывается в мелочах. Внимательный исследователь многое может почерпнуть даже из ставших сухими сообщений дневника. Например, в 1918 г. с улиц исчезают так возмущавшие Сиверса в 1917 г. «революционные» солдаты столичного гарнизона, опустившиеся, отринувшие дисциплину, занимающиеся грабежом и спекуляцией. Их заменил другой раздражитель: подростки-спекулянты, торгующие прямо на улице «всем, чем можно» и зарабатывающие таким образом себе на жизнь. Неплохо, между прочим, зарабатывающие, поскольку в столовых они позволяют себе траты, которых не может себе позволить «военспец» Сиверс. Следовательно, большевикам удалось восстановить дисциплину в городах и даже победить открытую спекуляцию, но все «дыры» они все же не сумели заткнуть. Одной из таких «дыр» стала «ма-

лолетняя» спекуляция, которая, насколько известно, пока еще не стала предметом серьезного научного исследования.

Кроме того, в дневнике имеются многочисленные указания на встречи А.М. Сиверса с высшим командным составом строящейся РККА. Эти указания могут серьезно помочь исследователям, изучающим проблему комплектования и ротации командного состава Красной армии в период ее становления. Из дневника выясняется, например, что Военно-законодательный совет при коллегии Наркомвоена почти целиком состоял из членов царского Военного совета. В него были намечены: В.Т. Чернявский, Е.А. Радкевич, В.Н. Клембовский, П.А. Гейсман, Ф. И. фон Торклус, П.К. Кондзеровский. То есть советская власть просто «унаследовала» этих старших офицеров от царского режима. Кроме того, в дневнике А.М. Сиверса приведены фамилии, идентификация которых с реальными историческими личностями вызывает затруднения. Дело в том, что известные историкам носители этих фамилий с соответствующими воинскими званиями никогда не служили в Красной армии, или служили очень недолго, перейдя на сторону белых. Возможно, записи Сиверса позволят уточнить несколько исторических биографий.

Да и сама история повседневности, представленная в дневнике, очень интересна для понимания эпохи Гражданской войны.

Изложение фактологического материала в дневнике превосходное. Не сомневаемся, что введенные в оборот факты, изложенные А.М. Сиверсом, дополнят и сделают объемнее картину Великой войны 1914–1918 гг. и Великой русской революции.

К сожалению, того же нельзя сказать о рефлексии автора дневников. Там, где А.М. Сиверс делает выводы и умозаключения на основе собственного профессионального опыта и перцепции – непосредственного восприятия событий и общения с другими людьми, позволяющего сформировать целостный образ происходящего – он оказывается на высоте. Разбор положения на Западном фронте и в армии в целом, анализ причин военных неудач, вскрытие пороков существующей системы управления войсками, нелестная и нелицеприятная характеристика персон командного состава – во всем чувствуется острый ум военного аналитика.

Но там, где события превосходят его жизненный опыт и он не может адекватно охватить их на основе собственной перцепции, он начинает пользоваться заимствованными объяснениями, которые кажутся ему адекватными, «впускает» в свое сознание клише и стереотипы газетных статей. Он серьезно рассматривает «теории заговора», рассуждает, кто – евреи, масоны или немцы – спровоцировали русскую революцию. Несколько крупных записей дневника посвящено пересказу этих газетных «сенсаций». Выйдя за пределы своего профессионального опыта, А.М. Сиверс теряется и не может найти рациональное объяснение грандиозным происходящим событиям. То есть ведет себя как обыватель.

С дневником А.М. Сиверса связана еще одна загадка. Генерал А.М. Сиверс следил за всеми перемещениями сослуживцев по любезной его сердцу «лейб-гвардии Второй». В дневнике отмечаются их назначения и продвижения по службе. Кроме того, того, он следит за судьбой своих родственников: А.А. Сиверса, А.Н. Сиверса, Н.Н. Сиверса, которые приходятся ему двоюродными братьями. И только о родном младшем брате, Михаиле Михайловиче Сиверсе, автор дневников упоминает один раз, ближе к концу записей, и как бы походя. Хранит он молчание и о трех своих сестрах: Надежде, Наталии и Елизавете. Только с одной из сестер отношения восстанавливаются в 1919 г., да и то причиной стал арест ее мужа.

Благодаря записям дневника нам удалось установить причину этого семейного разлада. Но для читателей пусть это останется маленькой интригой, побуждающей прочитать сам дневник, а не только вступительную статью к нему.

В заключение хочется выразить огромную благодарность авторам и руководителям двух Интернет-проектов: «Русская армия в Великой войне» (расположен по адресу http://www.grwar.ru/manifest/manifest.html) и «Офицеры Русской императорской армии) (адрес http://ria1914.info/index.php?title=Офицеры_русской_императорской_армии), поскольку их материалы позволили уточнить фамилии и персоналии многих упомянутых в дневнике А.М. Сиверса офицеров и генералов.

В настоящем издании дневник воспроизводится по оригиналу, хранящемуся ныне в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 795–800). Текст дается в соответствии с правилами издания исторических источников нового и новейшего времени: в современной орфографии и пунктуации, но с сохранением всех особенностей авторского стиля, в том числе авторских сокращений (см. Приложение А).

Необходимые для понимания текста сведения о марках и калибрах орудий, применявшихся на Западном фронте в 1916–1917 гг., даются нами в Приложении Б. Как отмечалось, в оригинале сохранились не все задуманные автором приложения к дневнику, которых планировалось как минимум три, причем последнее должно было состоять из серии документов (ссылки на «Приложение В» проставлены в ряде мест дневника после его завершения). Сохранившиеся авторские приложения с отсылками к соответствующим местам дневника включены нами в Приложение В. Кроме того, в Приложение В включены два приказа Л.Г. Корнилова, изъятые автором из приложений к дневнику (ссылки на них в соответствующих местах остались). Эти приказы приводятся нами по изданию: Корниловские дни. Пг., 1917.

А.Б. Гуларян

Дневник 1816–1919

Автор дневников генерал А.М. Сиверс в 1925 году проживал в Москве. Шесть тетрадей своих дневников он переслал профессору С.В. Завадскому в Прагу через полномочного представителя Чехословацкой республики в Москве Иосифа Иосифовича Гирса. С.В. Завадский получил дневники через Министерство иностранных дел. В письме генерала Сиверса на имя С.В. Завадского генерал Сиверс просит профессора Завадского сохранить эти дневники до падения советской власти у себя или передать их в надежное хранилище на хранение. Сиверс оставляет за собой право вытребовать свои дневники через И.И. Гирса или лицо по его указанию.

<...>

По завещательному распоряжению С.В. Завадского хранить в запечатанном виде впредь до востребованию автора – генерала А.М. Сиверса, Иосифа Иосифовича Гирсы, или лица по его указанию, К.И. Завадской, Г.П. Антиповой, Софьи Владиславны Ивановой (урожд. Завадской), Владислава Дмитриевича Иванова.

В случае, если эти дневники не будут востребованы до 1950 года, они поступают в полное распоряжение Р.З.И. Архива.

19.IX.1938 г.

Часть 1

**Начата 1 сентября 1916 года –
окончена 3 марта 1917 года**

На память жалуется всякий—
а на рассудок никто.

1916 год

19 сентября

Никаких перемен. В корпусах начинают заботиться о подготовке землянок на зиму.

Вечером вызывал меня к юзу[1] генерал Мехмандаров — говорит, что генерал Чикалин «перепутал», дело же в том, что если операция отменена, то надо перегруппировать тяжелую артиллерию, если же не отменена, то она останется на местах. Сообщил, что теперь можно размещать по его усмотрению, желательно лишь иметь в виду стык корпусов. Лучше всего оставить часть тех батарей, которые были в районе 20-го корпуса до операции.

Завтра с утренним поездом едет Назаров в Петроград за личными вещами. В Минске купил себе доху, крыта жеребковым мехом и подбита лисицей.

20 сентября

По поручению командарма, хлопотал о перемещении полковника Андреева, прослужившего всю войну в 69-й бригаде и получившего дивизион в 8-й артиллерийской бригаде, обратно в 69-ю бригаду. Получив согласие командира бригады и начальника дивизии, телеграфировал в Ставку начупарту. Сегодня получил ответ, что августейший инспектор[2] к перемещению полковника Андреева препятствий не встречает, и сообщил в Главный штаб.

[1] Здесь и дальше имеется в виду буквопечатающий телеграфный аппарат Дэвида Эдуарда Юза, запатентованный в 1855 г. и широко применявшийся в России/СССР вплоть до1930-х гг. «Вызов к Юзу» — приглашение к телеграфу, «разговор по Юзу» — общение с помощью телеграфного аппарата.

[2] Генерал-инспектор артиллерии, великий князь Сергей Михайлович. Как лицо из правящей династии, управлял артиллерией самостоятельно, не особенно считаясь с военным министром.

Учреждена особая должность инспектора войск гвардии, говорят, назначается великий князь Павел Александрович.

Сегодня получена телеграмма о назначении инаркора 38, генерала Кардиналовского инспартармом 11 – мало его знаю, ничего не могу сказать. Отчего освободилась вакансия в 11-й армии, куда девался генерал Сташевский?[1]

Комкор 20 не оставил мысли пошевелиться в направлении на Черняты[2], использовав 11-дюймовые гаубицы[3]. Хорошо было бы, если его маленькая операция удастся – не будем загадывать вперед. Бог в помощь!

Таким образом, большое свелось к малому, то есть к тому, что предполагал штарм ровно месяц назад. Тогда я высказал неуверенность в успехе – а сейчас как будто мелькнула надежда. В сущности, конечно, все осталось то же, даже прибавилось отрицательных элементов, в смысле погоды. Но есть и разница, тогда это была операция, то есть достичь поставленной задачи во что бы то ни стало, сейчас поиск – достичь того, что можно. В случае успеха поиск может перейти в операцию. На помощь 20-му корпусу пошел добровольно генерал Мехмандаров, предоставив свой тяжелый дивизион и установив поддержку своей артиллерией против артиллерии противника в районе д. Светляны[4].

Оказывается, жиды в Минске знали не только о готовившейся операции, но и то, что она должна начаться 15-го числа. При таких условиях ожидать «секретности» и «внезапности» невозможно. А между тем войска были лишены самого важного – систематического, заблаговременного изучения позиции противника и подготовки всеми мерами успеха. Я полагаю, что постановка войск чуть не накануне не поможет скрытности, а только вселяет неуверенность в успехе, когда всеми сознается и недостаточное знакомство с районом действий и малый срок, чтобы выполнить все, что можно. Постепенная перегруппировка вызовет меньше досужих толков, чем спешное массовое передвижение. Внезапность таких передвижений, естественно, возбуждает праздное любопытство

[1] Генерал-лейтенант А.Д. Сташевский умер 12 сентября 1916 г. от болезни в 306-м полевом подвижном госпитале. Исключен из списков умершим (Приказы о чинах военных 1916 года. СПб., 1916. 12 т. Опис. по надп. на кн.; Перед загл.: Высочайшие приказы. и Секретно. 28.9.1916. – *Далее ВП*).

[2] Имеется в виду хутор Черняты, Жодишковский сельсовет, Сморгонский район, Гродненская область, Республика Беларусь.

[3] 280 мм гаубицы Шнейдера, литера «А» (см. приложение Б).

[4] Деревня в Коренёвском сельсовете, Сморгонского района, Гродненской области, Республики Беларусь.

и желание узнать, зачем и почему. Передвижения исподволь уже самой длительностью способны привлекать меньше внимания, а шпионаж будет знать все равно.

Как ни торопили последнюю намечавшуюся операцию, все же подготовка тянулась три недели — срок весьма достаточный, чтобы шпионаж сделал свое дело. А войска стали лишь за шесть дней, артиллерия получила определенные задачи за два дня. Вот если бы генерал Цуриков боролся против этого — следовало бы приветствовать его гражданское мужество. Сорвать же операцию доблести нет, в особенности, когда применены совсем не доблестные приемы.

21 сентября

Главкозап беспокоится за исход поиска 20-го корпуса, напоминает, что, по указанию Государя Императора, неудачи на Западном фронте для поддержания морального духа не должно быть.

Сегодня произошел весьма характерный эпизод — хотя он и мелкий среди больших событий, но он отлично рисует, как многие из людей у власти не отдают себе отчета, насколько маленьким людям тяжело получать незаслуженные упреки. Кто-то из досужих болтунов утром рассказал начальнику штаба, что немецкий аэроплан сегодня утром так низко летел над нашей станцией, что огнем из его пулемета ранен командир поезда, а у солдата порвана шинель. Противосамолетная батарея дала два выстрела и успокоилась. Генерал Попов разгневался и тотчас вызвал к телефону командира батареи — отругал за то, что они, якобы, прозевали и не смогли подбить аппарат, несмотря на то, что он летел низко, на следующий раз обещал объявить выговор по армии.

На самом деле было следующее. Немец, возвращавшийся из Минска, снизился около 154-й версты, то есть в пяти верстах от Изяславля[1], и бросил в поезд бомбу, которая упала в 30 шагах. Осколками бомбы ранен кондуктор и другому кондуктору же порвана одежда. Пользуясь низкими облаками, аэроплан появился над Изяславлем неожиданно и очень низко, комбат дал два выстрела и, увидав, что аппарат ниже зоны его огня стрельбы, не продолжал, а приказал взводу пулеметчиков обстрелять немца. Однако для пулеметов, по-видимому, аппарат шел слишком далеко. Чтобы немец стрелял из пулемета по станции вообще никто

[1] Город в 12 км от Минска, сейчас называется Заславль, место расположения штаба 10-й армии.

не слыхал. Между тем, как курьез, многие, в том числе даже и командарм, «ясно» различили пулеметный огонь «сверху».

К вечеру я дал начальнику штаба чертеж, из которого видно, что со станка при угле местности 7,5° попасть в аэроплан, идущий ниже 540 саженей (на трех верстах), нельзя. Так вот, не зная техники и не разобрав действительное от басни, можно обидеть маленького чина, а себя поставить в невыгодное положение.

Я уже не беру в расчет то, что «разносить» подчиненного, когда его прямой начальник тут же, нетактично.

Присматриваясь к генералу Попову, я нахожу в нем много темных пятен, но причина заключается в том, что ему дано слишком много власти, которой он пользуется вовсю. Я бы ничего не имел даже против, если бы наряду с этим была бы и забота об окружающих. Ставлю ему большой минус именно в эту сторону – «для себя все, о других не думаю».

22 сентября

Час от часу не легче – опять телеграмма главкозапа – так как немцы к району Черняты – Мартышки[1] подвели свои резервы, то намеченный поиск 20-го корпуса отложить до того времени, когда немцы уведут свои резервы и на фронте корпуса опять будет наблюдавшееся раньше уменьшение сил противника. Другими словами – стой и нишкни! Ну что поделаешь.

Теперь займемся теорией, если не было случая извлечь пользу из практики.

Посылал вчера письмо генералу Шихлинскому; во-первых, спрашивал, нужен ли ему теперь ответ по поводу старых дел, жалобы генерала Цурикова на необорудование и недостаточность сведений, полученных от 20-го корпуса – ответ: нужно!

Второе: спрашивал, нет ли у него данных, каким образом пехота прорывала не только первую укрепленную линию, но даже и несколько укрепленных полос, так как проделывание проходов в заграждениях второй и проч. линий сомнительно, если они не видны. Оказывается, Шихлинский этого не выяснял, а ответил общими фразами то, что и я сам знаю.

Записывал днем и не ожидал, что выражение «час от часу не легче» будет иметь роковое значение. Пришел по обычаю вечером в оператив-

[1] В настоящее время деревня Берёзы Сморгонского района Гродненской области.

ное отделение — все сидят мрачные... Знаете новость? Командарм получил письмо от Эверта, где он пишет, что представляет его в Военный совет!

Более неожиданного трудно себе представить — за что? За то что «они говорят на разных языках». Спокойный, разумный, враг мелочей — конечно, все это «разные языки». Что же, Рагоза, Леш, Смирнов — талантливые?! Таких надо? Возмутительно. А заслуга человека — ничто?! Одна Виленская операция, за которую вместо Радкевича Георгия 3-й степени получил Эверт. Больно, обидно! Почему отменили поиск 20-го корпуса — из боязни возможности успеха, а вдруг выйдет, тогда как же с отмененной большой операцией?

Как все это мелочно, какие все это «разные языки» с порядочностью, с работой во имя победы.

Не могу прийти в себя от чудовищности этого выступления. Это ответы и на опасение генерала Радкевича в знаменитом «разговоре по юзу», что поездка наштазапа внесет колебание в умы исполнителей операции. Это финал создавшейся несимпатии к комбинации Радкевич — Попов.

23 сентября

Существенного ничего; то же подавленное настроение в штабе... Командующий заметно осунулся — есть от чего! Если нам всем не по себе, тот как же ему самому. Чем больше думаешь, тем более горечи на душе. Вот уж поистине «жертва» — жертва страха за свою шкуру.

Сколько не обсуждай — событие говорит само за себя.

Подсчет расхода снарядов на орудие:[1]

	3»	3"гор	3"х	48"'г	6"кр	6"120	6"200	42"'77	"120"	105"'яп
Август	4,7	3,1	0,1	1,0	0,5	0,6	0,8	0,9	7,8	1,4

[1] Подсчет расхода снарядов на орудие:

	76 мм для легких	76 мм для горных	76 мм химических	122 мм гаубичных	152 мм для крепостных пушек	152 мм для 120 пудовых пушек	152 мм для 200 пудовых пушек	107 мм для пушек образца 77 г.	120 мм	105 мм для японских
Август	4,7	3,1	0,1	1,0	0,5	0,6	0,8	0,9	7,8	1,4

Калибры и марки использовавшихся на Западном фронте орудий даны в приложении Б.

24 сентября

Вчера в Минске был полковник Яхонтов, привез сведения, по которым выходит, что увольнение Радкевича идет от наштаверха и что вместо него будто бы намечен генерал Цуриков, тоже от наштаверха. Поживем – увидим. Что-то не верится, что инициативы смещения командарма не от главкозапа, наверное, генерал Эверт написал бы об этом, а Радкевич сказал бы. Так ли иначе, недоброе дело.

Послал телеграмму полковнику Кутузову – поздравил 5-ю[1] с батарейным праздником.

Понемногу Радкевич говорит о письме: один из мотивов – обвинение в том, что допустил вывод 24-го корпуса раньше времени, чем нарушил скрытность. До чего это странно – группировка артиллерии, прибытие батареи литера «А»[2], разве это не могло и без вывода 24-го корпуса указать именно «кому не нужно», что здесь что-то готовится? А войска должны, встав на места «накануне», на следующий день атаковать. Вспоминаю в этих случаях Моцарже[3], где упрямствовал генерал Плеве, – было положено 40 тысяч.

25 сентября

Праздничный день – тезоименитство великого князя Сергея Михайловича, праздник 5-й, праздник 4-й противосамолетной батареи.

8 сентября, когда главкозап был в Русском Селе и разбирал обстановку намеченного прорыва на линии Черняты – Мартышки, были прочитаны выдержки осмотра позиций 20-го корпуса, передаваемых 24-му корпусу. Читал офицер 24-го саперного батальона, георгиевский кавалер. По его записке не только не было тех окопов, блиндажей, которые насчитывал 20-й корпус, но и то, что он осмотрел, было в таком плохом состоянии, что явилось впечатление, что за год стояния 20-го корпуса решительно

[1] 5-я батарея лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. А.М. Сиверс долгое время являлся командиром этой бригады.

[2] Батарея, входившая в состав Тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН) – артиллерийского резерва главковерха, формировавшегося в конце 1916 г. Тяжелые батареи литеры «А» комплектовались двумя 280-мм гаубицами Шнейдера и предназначались для уничтожения полевых укреплений противника (см. приложение Б).

[3] Имеется в виду польская деревня Моцарже на речке Бобра, ставшая «точкой кризиса» во время Праснышской наступательной операции. Второе Праснышское сражение развернулось с 20 февраля по 30 марта 1915 г. Во время этого сражения 12-я армия генерала П.А. Плеве и 1-я армия генерала А.И. Литвинова отразили натиск 12-й и 8-й армий германского Восточного фронта, а затем сами перешли в наступление с целью оттеснить немцев с рек Бобра и Нарева обратно в Восточную Пруссию.

ничего не было сделано и что комкору как бы «втирали очки». Вчера в штарме получен рапорт комкора 20-го, где приводится таблица количества окопов, блиндажей, козырьков и прочих инженерных сооружений только на участке Ушивцы[1] — Замостье. В ней три графы: первая — число, показанное офицером 24-го саперного батальона, вторая — число, показанное по сведениям 20-го корпуса, и третья — число по распискам ротных командиров частей 49-й дивизии, принимавших эти окопы. Последние цифры больше показанных 20-м корпусом и наглядно показывают, что цифры, данные офицером 24-го саперного батальона, неверны и значительно меньше даже показанных 20-м корпусом. Как оправдательные документы приложены подлинные расписки ротных командиров. Приходится записать стереотипную фразу — комментарии излишни.

Генерал Цуриков вызван к главкозапу.

От генерала Шихлинского получена телеграмма — представить на двухверстной карте позиции противника с их развитием в глубину по последним данным разведки и указанием на ней размещения тяжелой артиллерии и наблюдательных пунктов. Такие схемы представлять после каждой перегруппировки тяжелой артиллерии. Эти карты будут доложены главкозапу и августейшему инспектору. И это называется уменьшение переписки!

Погода неприглядная — мелкий дождь моросит с утра до вечера, ночью то же самое.

Почта неисправима, то несколько дней нет писем — затем два, три сразу. То письма идут два дня, то приходят на пятый, шестой день. И это в то время, когда газеты доставляются аккуратно через день.

26 сентября

Прибыл вызванный в штарм 42-го Сибирского стрелкового полка капитан Куликовский, изобретший гранату для разрушения проволочных заграждений. На бывших опытах получились следующие результаты: по опытам на Усть-Ижорском полигоне в январе и феврале 1916 года признано давшими наилучшие результаты:

		Сбито кольев	Порвано проволок
3-дюймовая фугасная граната	350 выстрелов	21	101

[1] В настоящее время деревня Лозовка Вишневского сельсовета Сморгонского района. Деревня Замостье сохранила свое название.

Затем на опытах с гранатой Куликовского при тех же условиях:

		Сбито кольев	Порвано проволок
3-дюймовая граната с тросом	15 выстрелов	11	138

Если же увеличить число выпущенных снарядов Куликовского до 350, то и результаты увеличатся в 15 раз, то есть дадут свыше 250 сбитых кольев и свыше 3000 порванных проволок.

Постановление же 1-го отдела технической части следующее: «Ввиду того, что у нас имеются фугасные гранаты, надобность в снарядах капитана Куликовского не встречается».

Идея же снаряда такая: граната состоит из двух частей – верхней и нижней, легко спаянных посредине, обе части соединены стальным тросом, который до выстрела навит на среднюю часть снаряда. Трубка дистанционная, разрывной заряд 2,5 золотника черного пороха.

При воспламенении дистанционной трубки воспламеняется разрывной заряд, который отделяет нижнюю часть снаряда от верхней, трос разматывается и натягивается.

Трос длиной в 42 дюйма (около полутора аршин). Вес снаряда тот же, что и обыкновенной гранаты, таким образом таблицы стрельбы остаются те же. Несмотря на изменение внешнего вида меткость не уменьшается.

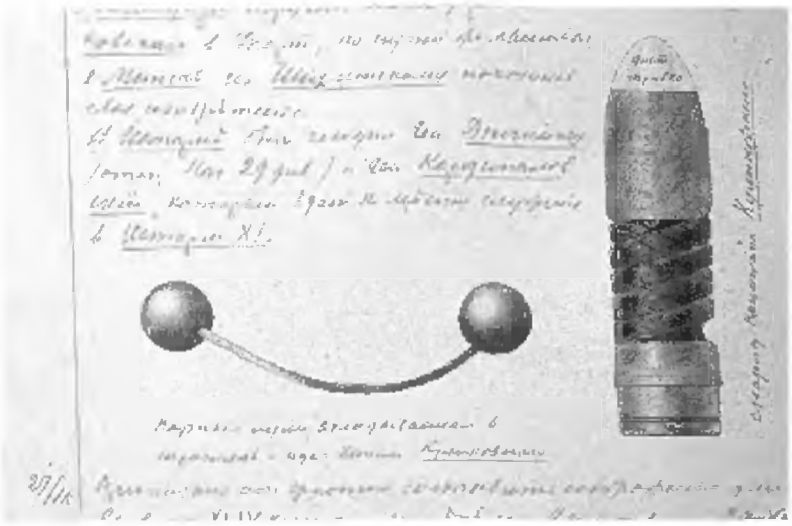
Кроме этого капитан Куликовский изобрел пули, соединенные тоже тросом, для стрельбы по аэропланам. Таких парных пуль в обыкновенный шрапнельный стакан вкладывается двенадцать пар. Каждая пара пуль, попавшая в аппарат, способна произвести такие поломки и разрывы, которые должны вывести аппарат из строя.

Командарм поручил командировать капитана Куликовского в Упарт, по пути же явиться в Минске генералу Шихлинскому показать свое изобретение.

В штарме были сегодня генерал Дзичканец (отец, начальник 29-й дивизии) и генерал Кардиналовский, который едет к месту служения в штарм 11.

27 сентября

Приказано от фронта составить соображения для вывода 44-го корпуса и замене на 11-ю Сибирскую дивизию и 2-ю Кубанскую кавалерийскую дивизию; корпус предположено перебросить в район Койданова.



Снаряд капитана Куликовского
Ил. Snaryad_DSC_0682

Генерал Безкровный не очень лестно отзывался о генерале Кардиналовском, верить ли? Генерал Безкровный не ладил с командиром корпуса генералом Артемьевым, а генерал Кардиналовский сохранил хорошие отношения. По-видимому, у генерала Артемьева очень тяжелый характер, о нем с чувством негодования говорил начальник 62-й дивизии генерал Енчевич. Может быть, это и минус хороших отношений.

Оказывается вся «дворня» знает об уходе генерала Радкевича — сведения, по-видимому, идут от дежурного генерала. Почему нельзя было держать в секрете до поры до времени! Конечно, все эти «подхалимы» уже учитывают будущее. Общий голос, что заместителем будет генерал Цуриков.

28 сентября

Вчера вечером получена из фронта новая телеграмма, с новой неприятностью — приказано подготовить соображения и указать срок перехода штаба армии в Молодечно. Чем это вызвано — известно. Переход в Молодечно неудобен по многим причинам, мало места для штаба в новом районе, вследствие чего его отделы будут разбросаны на значительных расстояниях; здесь все уже устроено и налажено и много уже сделано для продолжительной стоянки. Часть ЭХО[1] в Минске — связь с нею автомобилями — с уходом в Молодечно будет уходить много времени на проезд. Затем в Молодечно оборудована школа прапорщиков и ротных командиров.

[1] Этапно-хозяйственный отдел при полевом управлении штаба армии. Занимался обеспечением армии всем необходимым для ведения боевых действий.

Вчера наштарм хотел посылать телеграмму, но я советовал переговорить по телефону с наштазапом. Однако ставить главным мотивом невозможность нарушить размещение школы в Молодечно, как менее существенная из всех причин, может только показаться отговоркой, надо прямо говорить, что неудобно, и просить разрешения остаться. Лучше было бы генералу Попову лично съездить во фронт[1], но последние события настроили генерала Попова так, что он конечно не поедет. Вот как «отношения» мешают делу. А без сомнения штарму удобнее в Изяславле.

Генерал Попов говорит, что по слухам смена генерала Радкевича исходит от генерала Алексеева, что наступательные тенденции 10-й армии его беспокоят. Что армия, не сообразуясь с общим ходом всех операций, может создать невыгодное положение. Мне кажется, что в этом случае полезно вызвать командарма, дать ему нужные указания и директивы, а не играть в прятки, а затем, когда действия армии не подходят под общий характер, то сменять командарма. Затем по слухам (пишу по слухам, так как не знаю, откуда получены сведения) главкозап просил генерала Клембовского, но наштаверх отказал, потому что на нем держится весь Юго-Западный фронт. На предложение генерала Цурикова главкозап сказал, что у него создались рогатые отношения почти со всеми командирами корпусов. На это генерал Алексеев советовал дать соответствующее назидание генералу Цурикову. Таким образом, пока кандидатом остается генерал Цуриков.

Записываю все доходящие до меня слухи, так как совершенно интересно будет узнать, насколько они верны и как характеристика всего происходящего в последнее время.

Сегодня приезжали обер-офицеры для поручений 1-го Сибирского корпуса, 2-го Кавказского корпуса и 44-го корпуса со схемами размещения артиллерии, парков, складов и станций воздухорот. Обстоятельно размещена артиллерия в 24-м корпусе, каждая батарея имеет запасную позицию, а также передовую. Очень небрежно составлена схема наблюдательных пунктов в 1-м Сибирском корпусе (особенно во 2-й Сибирской артиллерийской бригаде).

Третьего дня вечером прибыл из запасной химической роты (в Петрограде) прапорщик Гажала, назначенный начальником 10-химической команды вместо прапорщика Колчева, смещаемого с этой должности. Вчера утром он уехал в команду. Днем прибыл прапорщик Волянский,

[1] То есть в штаб Западного фронта.

командированный для осмотра 3000 негодных баллонов, и вечером уехал в 10-ю химическую команду.

29 сентября

Вчера поздно вечером генерал Попов спрашивал наштазапа по поводу перемещения штаба в Молодечно, генерал Квецинский ответил, что окончательно решить вопрос предоставляется новому командарму генералу Цурикову. Таким образом, это первое официальное сообщение относительно назначения нового командарма.

Настроение напряженное, и к тому же полная неизвестность, остаемся здесь или же уйдем в Молодечно.

30 сентября

Сегодня с 10 утра в моем управлении заседает Георгиевская дума под председательством генерала Плешкова (командира 1-го Сибирского корпуса).

Высочайшим приказом от 13.09 великий князь Павел Александрович назначен инспектором войск гвардии.

В «Новом Времени» публикация о смерти генерала Сташевского, инспартама 11 — вот почему освободилась вакансия, на которую попал генерал Кардиналовский. Инспартамом 5 назначен генерал Шейдеман, он только недавно назначен инаркором 4 — вероятно, особенно выдающийся, так как он избран на эту должность, а между тем в высшей степени достойные генерал Андреев (Михаил Ник[анорович]) и генерал Телешов не попали; этих я знаю, а вероятно, есть и еще достойные из тех, которые мне незнакомы.

Вчера был прапорщик Волянский; по его словам, хранение химических баллонов самое безобразное, они требуют ежедневного осмотра и частого обтирания, между тем, протирали всего раз. Причина порчи — долгое хранение. Получил от него некоторые указания относительно хранения. Все это придется ввести.

Вообще, видимо, что прапорщик Колчев совершенно не на месте, и отлично сделали, что его убрали.

К сожалению, великий князь Сергей Михайлович заболел и задержался в Петрограде — без него, пожалуй, изобретение капитана Куликовского провалится, вторично посылать неудобно — надо ждать случая лично быть в Ставке, а когда это может случиться? Надо мне было предусмотреть возможность отсутствия великого князя и посоветовать капитану Куликовскому вернуться назад, не предъявляя своего снаряда, но это позднее раскаяние, посмотрим, чем кончится его поездка.

1 октября

Ничего существенного не было. В штабе, в оперативном отделении, злободневная тема, переживаемая на разные лады. В других обычная работа, а кое-где ожидание, что внесет новый режим.

2 октября

Тускло идут дни, закончил схему фронта армии, которую затребовал фронт для Упарта. Только что составил, приходится изменять, так как 44-й корпус выводится, и на его место ставят 2-ю Сибирскую стрелковую дивизию и 2-ю Кубанскую казачью дивизию. Новая перегруппировка артиллерии.

Вечером подносили генералу Радкевичу икону – надпись несколько тенденциозная: «Незаменимому».

В районе 2-го Кавказского корпуса упал сгоревший немецкий аэроплан – летчики целы, взяты в плен.

Курьезное донесение штаба 2-го Кавказского корпуса: «После обстрела нашими батареями немецкий аэроплан накренился и уронил (!) три бомбы».

3 октября

Новая перемена – 44-й корпус после смены 2-й Сибирской стрелковой дивизией и 2-й Кубанской казачьей дивизией остается в резерве армии или фронта, а уходит 24-й корпус. Его уход приветствуется штармом – беспокойный корпус, где все благополучно на бумаге и ничего в действительности. Припомнишь его доклады о позициях, принятых от 20-го корпуса, втирание очков принятыми мерами против газовых атак противника (в действительности пострадавших оказалось много), в санитарном отношении... и т.д. Не считая уже много раз мною записанных в дневнике случаев несвоевременных и неверных донесений инаркора генерала Волковицкого. Являлись новый начальник 10-й химической команды прапорщик Гажала и бывший – прапорщик Колчев.

Первый производит благоприятное впечатление, второй видимо не может быть вообще начальником, а в особенности такой ответственной, сложной и совершенно новой организации.

Командарм получил от генерала Рагозы брошюру «Причины, по которым в период июньской операции под м. Барановичи не удалось прорвать укрепленную позицию противника».

Эта брошюра затрагивает многие очень больные стороны наших операций, но манера изложения довольно странная.

Причины неудачи генерал Рагоза видит:

1) В торопливости переброски войск и еще большей торопливости подготовки к штурму. Все делалось наспех.
2) В недостаточности одних суток для артиллерийской подготовки.
3) Нет средств для борьбы с артиллерией противника, которая своим убийственным огнем заставляла нас бросать захваченное. Ее заградительный огонь не позволял продвижению подкреплений.
4) В недостаточности артиллерийских снарядов, особенно тяжелых.
5) Изношенность нашей артиллерии.
6) Отсутствие должного внутреннего порядка в частях, как следствие недостаточной прочности и крепости частичной организации — рот, взводов, отделений и звеньев.
7) В пренебрежении к организационным вопросам: бесконечные перегруппировки и перестановки войск приводили к тому, что ни начальники, ни подчиненные не поспевали узнавать друг друга, а между тем без этого нельзя управлять людьми. Вопросы снабжения и обеспечения войск всем необходимым зачастую тормозили решение задач.
8) В большой затрате сил и времени на бездельное хождение, напрасное ожидание и бесплодное утомление. Суета, ерзание и дергание бьют человека вернее пули. Умеет начальник дать людям и коням отдохнуть и поесть вовремя — часть проходит благополучно невзгоды кампании, не умеет — тает и исчезает, даже не побывав ни в одном деле.

В дальнейшем генерал Рагоза высказывает пожелания:

1) С осторожностью относиться к снабжению указаниями, наставлениями и инструкциями. Снисхождения войска не встречают ни от кого, а при малейшей неудаче становятся объектами расследования и незаслуженных нареканий.
2) Оказывать больше доверия, снисхождения к ошибкам, не залезать в чужую работу. Где страх, там и ложь.
3) Отказаться от наблюдательных пунктов начальствующих лиц.
4) Ограничить пользование телефонной проволокой, войска отучаются пользоваться другими средствами связи; начальники слишком вмешиваются в дело младших.
5) Выработки в начальниках навыка выражать приказания кратко и определенно, ударяя на цель и не вдаваясь в средства исполнения.
6) Упорядочить вопрос кандидатуры и назначения лиц командного состава.

7) Установить прочную подготовку унтер-офицеров и учителей в полках – без них нельзя подготовить солдата к бою. Упрочить организацию составных частей роты, проводить возможно строже требования, вызываемые духом сомкнутого строя.

Возразить ни против одного пункта нельзя!

4 октября

В штабе армии получена чрезвычайно интересная брошюра – доклад Генерального штаба штабс-капитана Мельчакова «Выводы о применении артиллерии при атаке укрепленной позиции» по Язловецкой операции 7-й армии в мае 1916 г. (на р. Стрыне). Написал письмо инспартарму 7-й генералу князю Масальскому: прошу выслать мне один экземпляр.

Вечером через штаб армии пришла телеграмма генерала Цурикова в ставку генерал-адъютанту Алексееву, где он просит «особой милости» оставить его командовать 24-м корпусом, получающим ответственное активное назначение, тогда как армия имеет пассивную задачу.

Новое осложнение, чем кончится.

Был обер-офицер для поручений при инаркоре 44 поручик Толоконников. Вызывал его по делу 26-й противосамолетной батареи. В этой батарее фельдфебель, старшие по конюшне и фуражу, пользуясь неопытностью командующего батареей поручика Карпова, оперировали на доходных статьях батареи – фураже, травах и пищевых продуктах. Когда батарея из поршневой была переформирована в противосамолетную, изменился порядок ведения хозяйства. При переходе на новое хозяйство командующий батареей обнаружил проделки этой шайки и для прекращения их общения рассадил их по отдельным помещениям. Ожидая плохой участи, один из них подал жалобу инаркору 44 как на незаконный арест, так и обвиняя командующего батареей в разных денежных операциях в свою пользу. Дознание произвести было поручено поручику Толоконникову, который выполнил наспех. По этому дознанию инаркор 44 сместил фельдфебеля, арестовал и разжаловал старшего по конюшне, разжаловал фуражира и всех их, и еще артельщика прикомандировал к паркам.

Поручика Карпова арестовал на две недели за превышение власти в отношении только старшего по конюшне.

В общем, дело не закончено, и решение довольно путанное. Теперь фуражир подал жалобу за то, что он был незаконно арестован. Получается полная каша, все из-за того, что дело было ведено спешно и не доделано. Посылаю обратить для выяснения – ликвидировать ли дело в кор-

пусе, как оно было, по-видимому, решено вначале, или предоставить его новому расследованию, причем, по-видимому, нужно будет довести до предания суду.

Целый год батарея была в подчинении инаркору, и ни разу ни хозяйство, ни отчетность в батарее не поверялись, хотя князь Гантимуров еще в апреле мне говорил, что поршневые батареи не внушают доверия. Казалось бы, на них и нужно было обратить внимание.

5 октября

Прибыл рядовой Гладильщиков, который два года изучал способ попадания из орудий в самолеты и теперь уверовал, что изобрел прибор, допускающий возможность установить попадание. Он написал письмо наштаверху, и из Ставки было указано дать ему возможность выполнить его идею, если она заслуживает внимания. Гладильщиков был взят в штаб 44-го корпуса и два месяца налаживал свой прибор, но за отсутствием мастеров и инструментов закончить не мог, никто не ознакомился с его изобретением, а просто дали возможность работать. Так называемое дело не клеилось — наштакор донес об этом и просил дать возможность работать в мастерских армии. Сейчас Гладильщиков отправлен в Минск к зачу. Он немолодой, в полку был писарем, а доме имел мастерскую музыкальных инструментов. Видимо, продумал много, но высказать понятно не может. Посмотрим, когда сделает.

Получил письмо от полковника Драке — другой изобретатель, капитан Куликовский, посланный в Ставку со своим снарядом, «принят», и все, что он хотел, сделано для него. Драке надеется на скорый результат.

Из новостей. Генерал Смысловский назначен инспартамом Особой, а генерал Бурман — инаркором 1-го гвардейского.

Вот везет не по заслугам!

Полковник Плюцинский командирован в Румынию инструктором — очень подходящая для него командировка.

Полковник Некрасов получил 25-ю артиллерийскую бригаду, а полковник Сапожников вызван в Упарт.

Откуда-то генерал Шокоров узнал, что в Ставке согласились на ходатайство генерала Цурикова; «уважено» — кто же теперь будет назначен?

6 октября

Сегодня утром начальник штаба армии сообщил, что проходящая телеграмма генерал-адъютанта Алексеева к генералу Цурикову составлена

совсем в другом духе. Генерал-адъютант Алексеев, наоборот, в очень доброжелательном тоне рекомендовал напутствовать корпус на предстоящую ему деятельность, и что в ближайшем и армии генерала Цурикова предстоит активная работа; а потому ему нет причин отказываться. Однако вечером командарм получил от генерала Цурикова телеграмму с просьбой разрешить ему отпуск на пять дней – по всей вероятности, он собирается лично ехать в Ставку.

Чрезвычайно интересно, чем все это закончится. Уж очень долго тянется неопределенное положение. Как бы не было еще хуже!

По непроверенным сведениям, 24-й корпус везут в Одессу.

Утром получена телеграмма за подписью воен. министра ген. Шуваева о назначении ген. Радкевича в Военный совет. Почему-то последнее время и Радкевич, и Попов считали, что будет назначение в Александровский комитет о раненных[1] – хотя у меня тогда же (стр. 3 bis)[2] было записано со слов генерала Попова – Военный совет. Говорят, получена также телеграмма о назначении генерала Цурикова; как же с его отпуском? Наверно отпуск был взят для поездки в Ставку – а теперь?

Около 10.30 утра с генералом Безкровным в Минск – был у генерала Янова; видел генерала Коханова, который вызван заместить генерала Шихлинского, пока тот в отпуску.

8 октября

Утром получена телеграмма генерала Цурикова – что он вступает в командование армией и просит наштарма и генкварма прибыть в Вилейку к 17 часам сегодня для доклада.

По получении этой телеграммы генерал Радкевич выехал в Минск. Прощался с оперативным отделением, у старика были слезы на глазах.

Итак, смена произошла – тяжелое чувство осталось на душе, глубоко обидели человека, во всех отношениях достойного. Особенно обидно потому, что никаких мотивов, в сущности, нет – единственной причиной «личные отношения». Конечно, трудно вместе работать, когда эти «личные отношения» разладились, но нужно было обставить так, чтобы не обидеть человека, за которым числятся немалые заслуги.

[1] Благотворительное учреждение Российской империи, оказывающее помощь инвалидам и семьям военнослужащих, погибших или скончавшихся от ран. Основано императором Александром I в первую годовщину Кульмского боя. Просуществовало с 1814 по 1918 г.

[2] Смотри запись от 22 сентября (стр. 000 наст. изд.).

Полковник Яхонтов имеет сведения, что вскоре и генерал Попов получит 32-ю дивизию, а генерал Шокоров будет назначен начальником штаба 39-го корпуса... полный разгон! На их места предназначены генерал Лукомский и полковник Романовский (бывш. л-гв. 2-й арт. бриг[1].).

9 октября

Наштарм и генкварм вчера вернулись после 24.30 ночи. Приняты были новым командармом любезно, а потому все казалось благополучно. Однако по приезде, вскрыв полученный от наштазапа пакет на имя генерала Попова в собственные руки, выяснилось, что те сведения, которые были утром о замене и наштарма, и генкварма, верны. Новая неприятность — странно, однако, все происходит. Сопоставляя порядок свершающихся событий (для армий это события бесспорно, а для действующих лиц тем более), приходится прийти к убеждению, что все делалось не случайно, но обдуманно. Пакет на имя генерала Попова пришел после отъезда генерала Радкевича, после отъезда Попова и Шокорова в Вилейку[2]. Замена производится по желанию нового командарма, а между тем вчера генерал Цуриков не сказал им ни одного слова.

Все это как-то нечистоплотно.

Ко всем тяжелым переживаниям генерал Цуриков требует перехода штаба в Молодечно — «хочу быть ближе к войскам, привык ездить, сам видеть войска и чтобы войска меня видели».

Разрушается все гнездо, разрушается до основания. Получается впечатление необходимости уничтожить нечистое место!

Вечером генерал Попов докладывал командарму полученное от наштазапа письмо и спросил, окончательное это решение, так как накануне командарм ничего об этом не говорил. Генерал Цуриков сказал, что это окончательно, но что по юзу он не может говорить о причинах, передаст при свидании.

Кончатся этим «замены» или предстоят впереди и дальнейшие?

Генерал Попов бодрится, по-видимому, ему очень неприятно, но все же можно было ждать, конечно, не в такой форме. Очень подавлен генерал Шокоров — он этого не ожидал никак. Генерал Попов намечен начдивом 32, а генерал Шокоров — наштакором 39.

[1] Здесь и далее в тексте имеется в виду лейб гвардии 2-я артиллерийская бригада.

[2] Сейчас районный центр Минской области.

10 октября

Нового ничего. Еще не погруженные части 24-го корпуса приказано задержать, есть слух, что уже отправленные части остановлены или возвращаются в район Юго-Западного фронта. Изумительная вещь – наша «болтливость». Об уходе наштарма знают уже поголовно все, даже номер дивизии знают. И офицеры болтают лишнее, и, конечно, через писарей.

Как мало у нас обращают внимания на писарский состав, кем он комплектуется. Казалось бы, что в высшие штабы должны попадать писари, лишь известные лично тем, кому надлежит набирать, или с соответствующей рекомендацией. Особенное значение это имеет во время войны.

Сколько было телеграмм главкозапа о скрытости подготовлений к операциям, тем не менее, все знали и болтали даже в местечке Изяславле.

11 октября

Получена телеграмма продолжить погрузку 24-го корпуса; куда его везут, неизвестно. Командиром корпуса назначен Свиты генерал[1] Некрасов (!).

Ездил в Минск – продал своих лошадей (хорошую пару), экипаж и сбрую за 1200 руб.; жаль было расстаться, но они мне сейчас не нужны, а хлопот много.

При отъезде генерала Радкевича забежал к нему генерал Эверт. На вокзал приехали проводить генерал Эверт, генерал Квецинский и генерал Лебедев.

12 октября

Получил письмо от генерала Клейненберга – тоже, как и генерал Шихлинский (стр. 3 bis)[2], не может указать, как проделывать проходы в проволочных заграждениях второй и следующих линиях первой полосы, если они не видны. Остается только одно – дойти до первой линии окопов и затем начинать снова артиллерийскую подготовку второй линии и т.д.

Получил две телеграммы генерала Коханова – сообщает, какие способы применяются в армии для предупреждения о газовых атаках противника, и поверить принимаемые меры. До сих пор все распоряжения и за-

[1] Генерал Свиты, или «свитский генерал» – генерал. Зачисление в Свиту Его Императорского Величества (в данном случае – Николая II) давало преимущества перед строевыми генералами. Упомянутый К.Г. Некрасов, был зачислен в Свиту в 1911 г. Убит в 1917 г. на фронте своими солдатами.

[2] Смотри запись от 22 сентября.

просы шли через штаб армии, теперь принялись «давить» с другого конца. На мой взгляд, это дело чисто непосредственно строевого начальства.

В приказе наштаверха № 1203 указано, что начальник химической команды дает указания мер для предохранения и борьбы с газами, но это невыполнимо, так как при армии всего одна команда на фронт свыше 100 верст.

Затем, начальник команды — прапорщик, который сам требует указаний себе, а главное, что указаний было дано бесчисленное количество, — надо, чтобы их только применяли. За точным исполнением и применением может следить только непосредственное начальство.

Расчет расхода снарядов на орудие[1]

	3 л	3 гр	3 х	48 г	6 кр	6 120	6 200	42 77	105	120
Сентябрь	3,2	2,3	0,1	05	1,2	0,5	0,5	0,7	1,0	1,3

13 октября

Ночью получена телеграмма командировать весь штаб 38-го корпуса в Добруджу, а вместо него сформировать новый штаб. Временно управление корпусу поручено генералу Бжозовскому[2], начальником штаба пока послан генерал Хитрово, но для устойчивости указано принять участие и генералу Романову.

Вечером за ужином состоялись проводы генерала Попова, генерала Шикорова и полковника Яхонтова. Всем трем поднесли подарки. Говорили теплые речи, вспоминая атмосферу сердечности, установившуюся в штабе благодаря душевным свойствам покидающих. Пили здоровье бывшего командарма генерала Радкевича, которому была послана телеграмма.

[1] Израсходовано снарядов:

	76-мм легких	76-мм гранат	76-мм химических	122-мм гаубичных	152-мм для крепостных пушек	152-мм для 120-пудовых пушек	152-мм для 200-пудовых пушек	107-мм для пушек образца 1877 г.	105-мм	120-мм
Сентябрь	3,2	2,3	0,1	05	1,2	0,5	0,5	0,7	1,0	1,3

Калибры и марки использованных на Западном фронте орудий даны в приложении Б.

[2] Ошибка в написании фамилии. Имеется в виду Н.А. Бржозовский (1857–?), генерал-лейтенант, бывший комендант Осовецкой крепости.

14 октября

Около 14 часов с эшелоном штаба 24-го корпуса прибыл в своем вагоне командарм. На вокзале его встречали наштарм, генкварм и я. К 19.30 вечера все чины штаба армии и управления инспартарма, находящиеся в Заславле, собрались в помещении штаба. Генерал Цуриков приехал в штаб и, принимая представлявшихся, сказал небольшую речь для своей характеристики.

Перед ужином были собраны офицеры Генерального штаба и я, и генерал Цуриков вел беседу, указывая на порядок и манеру работы в штабе.

Поздно вечером я получил ответную телеграмму генерала Радкевича: «Вас и доблестные дорогие остатки[1] сердечно благодарю, желаю всего наилучшего».

В 9 часов утра я был с докладом у командарма в его вагоне. Принят очень любезно: «очень рад служить вместе с Вами».

Так началась новая эра в 10-й армии.

Около 14 часов уехал полковник Яхонтов: он идет в Петроград, где пробудет недели две, а затем в Японию, куда он назначается военным агентом. Говорят, что команд[ир] 18-го корпуса генерал Крузенштерн погиб при автомобильной катастрофе[2], на его место назначен генерал Саввич (комкор 16), а комкор 16 опять генерал Драгомиров (Владимир), только что зачисленный в резерв (из 8-го корпуса) по болезни! И чего с ним возятся!

Генерал Шильдбах назначен начальником тыла 2-го гвардейского корпуса (из наштакора 39)[3].

На должность комкора 28 называют генерала Соковнина, а на должность наштакора генерала Верцинского.

16 октября

Все замерло, со всех фронтов... обычная перестрелка. Приготовляемся к переезду. Являлся ко мне командир 6-го осадного дивизиона[4] подполковник Дамич. Его батарея одна в 20-м корпусе, другая – во 2-м Кавказ-

[1] Здесь в смысле: «оставшиеся на месте». Генерал Е.А. Радкевич не знал, что его штаб фактически разогнан.

[2] Генерал от кавалерии Н.Ф. Крузенштерн не погиб в автокатастрофе, но достаточно сильно пострадал, вследствие чего был вынужден покинуть действующую армию. После излечения был (4 октября 1916) назначен членом Военного совета. После Октябрьской революции в эмиграции – в Эстонии, с 1939 г. – в Германии. Умер в 1940 г.

[3] Фактическая ошибка. К.К. Шильдбах назначен командующим 102-й пехотной дивизии

[4] Сформирован 13 ноября 1915 г. из личного состава и орудий расформированных осадных артиллерийских полков. В составе две батареи 6 дм. (152 мм) пушек в 200 пудов. Н.А. Дамич – бывший командир Ковенской крепостной артиллерии.

ском, управление он присоединил к батарее, которая при 2-м Кавказском корпусе, но командир корпуса не признает его и не считает его у себя. Отправил телеграмму генералу Чикалину — ходатайствую о включении управления и парка в состав корпуса.

17 октября

За ночь выпал первый снег — утром все было бело. Днем было теплее, и потому снег сошел. Около 22 часов вечера сообщили, что за станционным семафором к Радошковичам крушение поезда и очень много жертв. Пошли туда, по дороге выяснилось, что воинский эшелон (парк 24-го тяжелого дивизиона) был задержан у семафора, так как на станции стоял пассажирский поезд, от которого шла отцепка вагонов. Радошковичи, не получив уведомления, пустили пассажирский поезд, который наскочил на хвост воинского. Шесть вагонов с лошадьми и, по-видимому, с запасами продовольствия разбиты и свалились с полотна в болото. Пассажирский паровоз первый исковеркан совершенно, а второй попорчен. Раненных около 14 человек, убитых один нижний чин — каптенармус парка, один из железной дороги пропал и не досчитываются еще одного нижнего чина — по-видимому, тоже убит под вагонами. Есть погибшие лошади — сколько, не знаю.

Генерал Попов ночью уезжает пока в отпуск в Казань, а затем в 32-ю дивизию.

18 октября

При вчерашней катастрофе убитых оказалось три нижних чина и один смазчик, раненых 16, погибших лошадей 18. Днем укладывался, а вечером я переехал в вагон — хорошо, но слишком жарко натоплено.

Хаос, неимоверный хаос! Управлению было назначено грузиться на четвертый эшелон, уходящий в 22–23 часа вечера. Погрузка имущества и лошадей в темноте, просил дать место во втором эшелоне, которому погрузка была назначена в 9 утра. Оказалось, что первый эшелон, который должен был уйти в 8 утра, только около 8 часов начал грузиться — удалось пристроить управление к этому эшелону — поезд отошел около 11 утра. Стало быть, наши дойдут и устроятся засветло.

Удивительно, как у нас нет порядка, не могут и не умеют наладить порядок!

К сожалению и мои штаб- и обер-офицеры не шустры — сами ничего не могут сделать, все идет по указке, а если что сделают по своей инициативе, то не так, как нужно. Очень сожалею, что согласился взять

полковника Мдивани – совершенно не талант, только хороший человек. Может быть строевым начальником. Очень хотел бы получить подполковника Попова, он сейчас командует батареей в 14-й артиллерийской бригаде, при мне он был заведующим учебной командой. Очень способный – контужен или даже ранен.

Порядок не наладился и до вечера, второй эшелон вместо 11 утра ушел после 16 часов дня.

От дождя грязь невылазная, особенно около станции – комендант никуда не годится, совершенно ни о чем не заботится.

Около 23.30 в вагон перешли все офицеры штаба, но поезд не готов, не готов и третий эшелон.

20 октября

Погрузка третьего эшелона окончилась около 2 ночи, а поезд отошел в 4 утра. Наш четвертый эшелон отошел около 7.30 утра, прибыли в Молодечно к 11 утра. Помещение сносное, но несколько тесно – писари, команда в разных местах.

Записываю все подробно, так как поражен хаосом, неурядицей и отсутствием какого-либо порядка.

Разместились достаточно удобно, но писари отдельно. Писари и команда уборщиков лошадей в домах вместе с жителями. Конюшня для лошадей неважная – сарай, много щелей, крыта только соломенной крышей.

Сегодня же из Минска возвратился и командарм.

21 октября

Около 12 часов был церковный парад, к которому вызван батальон 44-го корпуса.

Днем прибыл с докладом командир 6-го осадного дивизиона подполковник Дамич – он производил рекогносцировку пути и позиций в районе 1-го Сибирского корпуса – дороги плохи, пройти до морозов нельзя, позиции открытые. 1-й Сибирский корпус просил командарма из дальнобойной пушки достать до района деревень в 10 верст от линии огня наших батарей – однако данных для выяснения позиций не подготовлено, беглым осмотром подполковник Дамич, конечно, не мог найти среди болот и открытых пространств. Может быть, придется на время убрать 42''' пушки и вместо них поставить 6» 200 п[1].

[1] Убрать пушки 107 мм образца 1877 г. и, вместо них, поставить 152 мм 200-пудовые образца 1877 г. (См. приложение Б.)

Около 9 часов вечера был у командарма с подполковником Дамичем с докладом.

Днем были начальник воздушной обороны командир 6-й батареи 57-й артиллерийской бригады подполковник Шумский и начальник пулеметных команд Кольта[1] 85 и 83. Последний представил себе, что ему кто-то приказал стать в Вилейке для стрельбы по самолетам противника.

22 октября

Вчера к 20 часам вечера подошла 4-я противосамолетная батарея.

Являлся командующий батареей 75-мм морских пушек прапорщик Попов, произвел удручающее впечатление как внешним видом, так и, по-видимому, полным незнанием ни своего, ни вообще артиллерийского дела. Летом 1914 года произведен в прапорщики из вольноопределяющихся. Вообще подготовка таких прапорщиков слабая, а тут на ответственный пост такое убожество. Да командир роты, у которого, кроме здешних, еще четыре пушки на Припяти и четыре пушки где-то на юге — всего подпоручик.

Проглядывая дневник, заметил, что не записал продолжения дела о нижних чинах 26-й противосамолетной батареи. Не помню, в какой день приехал подпоручик Толоконников и довольно развязно доложил, что дело не выгорело: комкор 44 не соглашается на перевод нижних чинов. А потому князь Гантимуров прислал всех нижних чинов ко мне. Из всех действий инаркора 44 видно желание сплавить от себя это дело. Кроме того, я подпоручику Толоконникову приказал передать, когда вызывал к себе, что нижние чины должны во всяком случае остаться в прикомандировании к паркам, пока или их не переведут, или я не закончу дознание. Подпоручик Толоконников с улыбкой доложил, что он не понял меня,— пришлось его поставить на место. Дал дело на рассмотрение заведующего судной частью штаба армии подполковника Григорьева, который указал на статью Свода военных постановлений, согласно которой дознание должно быть закончено распоряжением того начальника, в ведении которого состоял обвиняемый в момент преступления. Отправил все дело опять инаркору 44 — пусть расхлебывает эту кашу. Изумительно, что в таких высоких званиях поступают как мальчишки — идея сплавить, а не выяснить и сплавить то к старшему.

[1] Пулемет Кольта-Браунинга М1895/1914.

Утром приехал новый начальник штаба генерал-лейтенант Лукомский, получивший за мобилизацию Георгиевскую ленту к ордену Св. Владимира 4-й степени.

Он рассказывал про подполковника Кирея, руководившего работой артиллерии при прорыве 22 мая на Окне[1]. Недавно получена брошюра – описание действия артиллерии на фронте 9-й армии под руководством подполковника Кирея, изданная им же. Название «Выводы из применения артиллерийских масс при атаке». Эпиграфом брошюры поставлена очень правильная мысль: «артиллерийский пот спасает пехотную кровь и уменьшает расход снарядов».

Курьезно, что вчера я прочел в «Русском Слове» рассказ В. Дорошевича «Огонь» – как раз о подполковнике Кирее – правда, конец этого рассказа, восхваляющего работу артиллерии под управлением подполковника Кирея, совершенно неожидан: «Все сделала артиллерия, все сделали снаряды. Вспомните об этом при наступающем займе. Есть только один способ жалеть своих – не жалеть снарядов. На снаряды нужны деньги. Давайте их, если вы хотите победы, хотите скорейшего окончания войны. Без ураганного огня нет штыкового удара, нет атаки, нет победы. Артиллерия это все!» Тем не менее, статья интересная, красиво написана. Помещаю в конце дневника как исторический документ[2].

Сегодня праздник Казанской Божией Матери – праздник управления лейб-гвардии 2-й – послал телеграмму генералу Аккерману.

23 октября

К 11 часам собрались инаркоры: генерал Закутовский, генерал Чикалин, генерал Зарецкий, генерал Гуржин (комарт 62), генерал кн[язь]. Гантимуров и полковник Путинцев (комарт 11-й Сиб[ирской артиллерийской бригады]).

Около 11.30 утра кроме полковника Путинцева (опоздавшего и прибывшего только около 15 часов дня) представлялись командарму, который сказал небольшую, но очень вескую речь. Хотя его слова были больше общими местами, но красиво сказанное и подчеркивание двух-трех, хотя известных, но часто забываемых мыслей и идей, произвело очень хорошее впечатление. Затем после обеда, около 14 часов, происходило обсуждение многих вопросов, накопившихся за последнее время. Около 18 часов, по окончании наших обсуждений, все собрались в оперативном

[1] Река Окна, приток Черьньих Вод, форсировалась в ходе Луцкого (Брусиловского) прорыва.

[2] Данная газетная вырезка в приложении к дневнику не найдена.

отделении, куда пришли командарм и наштарм. Я доложил те вопросы, которые имели общий интерес,— о заградительном огне, о перемещении батарей для выполнения определенных задач (гастроли) и относительно сводки данных о стрельбе артиллерии противника.

Говорил и наштарм, но бледно; давал реплики и командарм, очень умело, красиво и умно. Вообще командарм умеет говорить, любит говорить, говорит красиво и любуется своей речью. Одно портит — слишком часто сводит на себя, на то, что он делал, и как все это было хорошо.

Вечером инаркоры разъехались.

Прибыл 3-й легкий мортирный дивизион[1] — командует полковник Муромцев (бывший офицер лейб-гвардии в конной артиллерии, а затем член правления Гвардейского экономического общества). Дивизион вошел в состав 2-го Кавказского корпуса.

24 октября

Ночью получена телеграмма о спешной отправке 2-й дивизии, начало посадки — ночь 24/25 октября. Есть телеграмма, что сформированные части 51-й артиллерийской бригады высылаются из Смоленска. 51-я артиллерийская бригада имела один легкий и один горный дивизион. В настоящее время один горный дивизион выключен из состава бригады и сделан отдельным, вместо него формируется второй легкий дивизион.

Поздно вечером являлся командир 5-го легкого мортирного дивизиона полковник Бениславский. Дивизион входит в состав 44-го корпуса.

25 октября

Настроение совсем подавленное — прежний режим признан никуда не годным — генерал Лукомский говорил мне, что во всем большой хаос. Может, это несколько преувеличено, но отчасти верно, так как, несмотря на «твердую руку» генерала Попова, за его спиной делалось многое такое, что не следовало, была периодичная распущенность. Аккуратности и методичности в общем механизме штаба не было, однако все это окупалось личными качествами генерала Попова, его «открытой, русской душой», как сказал на прощание полковник Яхонтов. Бесспорно талантливый и даровитый генерал Попов не признавал колебаний, его формула была: «Командарм приказал».

[1] Дивизион, укомплектованный 45-лин. (114 мм) английскими гаубицами (см. приложение Б).

Что будет дальше, трудно сказать – оценка всего, что было хаосом, есть ли это первое впечатление, есть ли это желание осудить прежнее с тем, чтобы потом указать, как много пришлось поработать, чтобы наладить дело?

Жалуется генерал Шокоров, жалуется полковник Евстафьев, последний приходил даже ко мне поделиться своим угнетенным состоянием.

Давно поднял вопрос о недостаточном количестве стереотруб в артиллерийских частях, вскоре прислали в мое распоряжение, кажется, 16 американских труб. Затем от инспартзапа получена бумага, что августейший генерал-инспектор артиллерии указал, что необходимо уравнять число стереотруб, передав излишествующие против штата в те части, где их нет. Долго пришлось выяснять наличие труб, наконец, это дело закончено, и я говорил, как и предполагаю, произвести замену во время совещания инаркоров. Передачу труб наметил на 3 ноября. Ввиду ухода 2-й дивизии, я послал телеграмму генералу Чикалину произвести замену – получить со 2-й бригады одну большую и передать ее в 51-ю бригаду, а оттуда взять одну малую и передать во 2-ю бригаду. Генерал Чикалин телеграфирует, что начдив 2-й не соглашается. Послал вновь – чтобы доложил комкору, что необходимо. Любопытно, чем кончится. Поражаюсь, что генерал Чикалин сам не догадался доложить комкору и настоять на исполнении.

Говорят, в Севастополе наш дредноут «Императрица Мария» затонул. Произошел пожар, а затем взрыв – есть предположение, что была адская машина[1].

Время идет так быстро, события сменяются в штабе, как в калейдоскопе, а потому пропускаю записи. 21-го числа прибыл генерал Соковнин, назначенный комкором 38, делал визиты и затем поехал в м. Воложин, где временный штаб 38-го корпуса.

Получил письмо, что 5-ю батарею получил полковник Буняковский – что делает Аккерман, куда он набирает никуда не годных командиров! Бедная лейб-гвардии 2-я [артиллерийская бригада] из блестящей скоро станет совсем слабой! Сам Аккерман приехал в Петроград на месяц. Часто ездит и на большие сроки. Слабый командир – он бригаду не подымет.

Днем был командир 57-й артиллерийской бригады генерал Липкин, батареи которого находятся на воздушной обороне Молодечненского района.

[1] Взрыв на линкоре «Императрица Мария» произошел 20 октября 1916 г., вместе с кораблем погибло 225 членов экипажа. Причина пожара и взрыва точно не установлена до сих пор.

Ночью командарм уехал в объезд корпусов. Никаких событий не было. Новый порядок мне не очень нравится, так как начштарм сидит у себя в кабинете, где принимает «доклады». Поэтому ничего и не знаешь, что происходит. Прежде, когда все работали вместе, была и полная осведомленность обо всем. Только при этих условиях можно было быть в курсе дела.

27 октября

Сегодня мне передали копию записки командарма наштарму: «Слишком часто случается, что когда я даю какие-нибудь указания кому-либо из чинов штаба, меня перебивают своими возражениями, пояснениями и т.п. Прошу принять меры, чтобы этого более не повторялось. Не только воинская дисциплина, но и простой долг вежливости, учтивости к старшему (даже только по годам) ничего подобного не допускает. Младшие прежде всего должны уметь слушать. Прошу им преподать это. 25 октября. Генерал Цуриков».

Комментарии, думаю, излишни — мания величия. При таком режиме работать трудно — надо подумать куда-нибудь наниматься. Не следует в военное время слишком заботиться о своем благополучии, но постоянное напряженное состояние мешает работе, а всякая помеха вредно действует на успех дела, а потому лучше уйти от этого — «отойди и сотвори благо». Вопрос, куда — я дошел до той точки, что некуда уйти. Дивизию — не считаю себя вправе учиться новому делу на войне, охотно бы возвратился на должность инаркора гвардейского корпуса, но сейчас нет вакансии, заняты прочно.

К вечеру вернулся командарм, ездивший во 2-й Кавказский и 20-й корпуса. Не знаю, какой результат поездки, после осмотра 57-й и 3-й дивизии были посланы телеграммы главкозапу об их блестящем виде.

По отношению к штабу гром и молния — сегодня было несколько резких слов подполковнику Раттелю по поводу автомобилей.

Вечером получаем приказ по лейб-гвардии 2-й — сильно огорчен мой любимец фельдфебель Захар Яковлевич Донцов. Отставлен от должности фельдфебеля славной 5-й. Что случилось?! В приказе не сказано — что странно, так как обычно причина наказания должна указываться.

Пункт приказа № 61 от 18 октября гласит следующее:

«Штабс-капитану Чекалову объявляю замечание за то, что позволил себе указывать в рапорте, что мне делать. Полковнику Люце ставлю это на вид. Подпрапорщика Донцова отстраняю от должности фельдфебеля и отдаю под надзор начальства в 4-ю батарею».

Странно выражение «отстраняю», обычно на уставном языке это называется смещением. Приказ, видимо, написан сгоряча, так как не только нет описания проступка, но даже не сказано, какой батареи фельдфебель.

28 октября

Вчера получена телеграмма, что на фронте 35-го корпуса (4-й армии) перешел перебежчик немец, который рассказал, что 27-го утром в 5 часов должна начаться артиллерийская подготовка и затем атака на 35-й корпус. И действительно, вчера же с 5 часов утра немцы открыли сначала редкий огонь, а затем атаковали и захватили передовые окопы. Сегодня положение еще не восстановлено.

Не могу понять, почему немцы так легко овладевают нашими окопами, а мы не можем нигде их одолеть, несмотря на то, что мы во много раз сильнее числом?

Немцы объявили русские польские губернии Польским королевством. Набирают войска, которые будут сажаться против нас. Чудовищно.

Получен высочайший приказ о назначении полковника Некрасова комартом 25, а полковника Перрета комартом 4-й Фин[ляндской] стрелк[овой артиллерийской бригады].

29 октября

Нового ничего, получена директива от фронта: снова разработать и начать подготовительные работы повторения весенней операции[1]. Те же две армии, тот же участок Кочаны—Новоселки, тот же стык у «к м[естечку] Крево»[2], тот же спорный Богушинский лес! Не нравится мне это. Нет азарта.

Условия не изменились, а только укрепления немцев усилились за это время. Наблюдательных пунктов, с которых видны вторые линии окопов,

[1] Нарочская наступательная операция 18–30 марта 1916 г. стала первым наступлением русской армии после поражений 1915 г. Опыт был использован генералом А.А. Брусиловым при планировании Луцкого прорыва.

[2] В данном случае автор дневника А.М. Сиверс употребляет стандартное для дореволюционных топографических карт выражение, обозначающее дорогу к населенному пункту или прилегающую к нему территорию. В этом проявилась пунктуальность автора дневников: русские войска стояли перед местечком Крево, превращенном немцами в опорный пункт обороны, и смогли его взять только перед окончанием войны в 1917 г. Все перечисленные населенные пункты располагаются в настоящее время в Сморгонском районе Гродненской области республики Беларусь южнее озера Нарочь вдоль шоссе М-7

нет, стало быть, весь вопрос о взятии только первой линии, и затем новая подготовка, а дальше, может быть, понадобится и еще; за этот период у немцев, наверное, закончились работы по укреплению второй полосы, которая прошлой весной по фотографиям летчиков не имела непрерывного очертания.

Весной все были полны надежд. После отсутствия снарядов — стали давать[1]. Правда, не в безграничном количестве, как у французов, но все же почувствовалось, что недостатка не будет, и если теоретические нормы дали фантастические цифры[2], то не у всех вылезли глаза на лоб и не все закричали... «не могу». Большинство сразу поняло, что в этих нормах есть ошибка, а главное, надо исходить из того, что есть. И по этим уже данным выяснять, какой максимум может быть достигнут.

Не знаю, что будет впереди, но в прошлом все дебаты и споры верхов о стыке, о Богушинском лесе оставили во мне удручающее впечатление. Перед возможностью возобновления становится тоскливо. Вспоминаю генерала Гаврилова (бывший комор 1), который решил, что группа генерала Шихлинского на стыке армий «для ценза»[3]. Действительно, какое значение имеется упорствовать на стыке «к м[естечку] Крево» — только для создания «цензовой группы»!!!

[1] Имеется в виду преодоление пресловутого «снарядного голода» — нехватки снарядов для русской артиллерии, который особенно сильно ощущался в конце 1914 — первой половине 1915 г.

[2] По опыту весенних операций 1916 г. Упарт определил средний суточный расход снарядов для орудий калибром 76 мм в 20 выстрелов на пушку, а для артиллерии больших калибров в следующих размерах: 122-мм гаубица — 40 выстрелов, 152-мм гаубица 55 выстрелов, 107-мм скорострельная пушка — 40 выстрелов, 107-мм пушка образца 1877 г. — 20 выстрелов, 152-мм орудие в 120 пудов — 40 выстрелов, 152-мм орудие в 200 пудов — 15 выстрелов, 152-мм пушка Канэ — 25 выстрелов. Нормы эти были много меньше действительной потребности снарядов, если их сравнивать с расходами боеприпасов немецкой и французской артиллерии на Западном фронте.

[3] Имеется в виду цензовое командование военным соединением для производства в следующий чин. Во время Нарочской операции А.А. Шихлинский создал артиллерийскую группу из нескольких тяжелых батарей для обстрела Богушинского леса, находящегося на стыке двух русских армий, и превращенного немцами в непроходимую полосу препятствий. Однако выдвижение молодого по возрасту и младшего по званию А.А. Шихлинского вызвало недовольство части высших офицеров. Как явствует из записей дневника, командующий 1 армейским корпусом генерал В.Т. Гаврилов заподозрил Шихлинского в том, что тот решил содействовать в проведении Нарочской операции, чтобы создать себе ценз для скорейшего производства в чин генерал-лейтенанта, озвучил это предположение и стал посмешищем в глазах А.М. Сиверса.

30–31 октября

Наштарм ездил в Минск переговорить относительно разграничения районов армий в намечаемой для разработки операции. Во фронте согласились, причем, естественно, в Северную армию[1] вследствие увеличения фронта было указано передать несколько дивизий.

Несмотря на указания инаркорам о необходимости представить сводки о действии артиллерии противника непременно в воскресенье, часть пришла в понедельник, а от 38-го корпуса совсем не получено. Теперь князь Гантимуров принял систему генерала Волковицкого или запаздывать, или вовсе не отвечать. Нет до сих пор и схем заградительного огня.

1 ноября

Режим в штабе армии совсем иной – присутствие новой метлы чувствуется во всем, командарм во все входит лично, наштарм знакомится основательно, и потому выплывают многие недочеты. Вся эта встряска очень полезна; одно не симпатично, что презрительное и злобное отношение к прошлому – все не так, все не хорошо. Понимаю – гордиться своей работой, когда будет результат явно виден, а пока – пока следует работать. Я лично чрезвычайно высоко ставлю как личности генерала Радкевича и генерала Попова, так и их работу, а заслуги их определённы.

Сегодня у командарма разбирали предположения новых разграничений и новой группировки сил «подготовляемой операции», вечером получена бумага от наштазапа с точным указанием группировки сил. Это вмешательство фронта не понравилось генералу Лукомскому – первое, но не последнее.

Читали письмо генерала Эверта с массой кислых слов генералу Рагозе, по поводу эпизода с 35-м корпусом по письму – прозевали, несмотря на то, что через перебежчика было известно о готовящемся наступлении немцев. Потери несколько больше 500 человек, а пленных 49 офицеров и более 3000 нижних чинов.

Все верно в брошюре генерала Рагозы «Причины, почему не удался прорыв», хлестко написано: прорыв не состоялся потому, что многое недоставало, многое делалось так, как нужно свыше; а почему немцам удалось захватить участок теперь – это уже всецело вина генерала Рагозы.

[1] Планируя на зиму 1916–1917 гг. крупную наступательную операцию, генерал А.Е. Эверт решил разделить войска Западного фронта на две армии – Северную и Южную, притом «тасовал» части из армии в армию в соответствии с изменениями в собственных планах.

Еще подтверждение пословицы «не хвались и т.д.». Зачем красивые фразы, зачем образные выражения — почтеннее было бы изложить причины деловым языком, а не в виде бравады над кем-то или над чем-то.

У меня все больше и больше является чувство, что мы начинаем утрачивать сознание серьезности войны. Появляется манера взаимоотношений мирного времени — создание карьеры, отписка, дабы было бумажное оправдание (документ), нежелание договориться, выслушать объяснения, а отстранять лиц, почему-либо не угодных. Нет планомерной работы, нет головы, которая думала обо всем, что нужно, и заботилась, чтобы это «нужное» своевременно было, чтобы все делалось не только наспех, но как лучше.

Особенно несерьезное отношение в государственном тылу — там идет какая-то вакханалия, полная разнузданность. Насколько в первый период войны у всех было сильно чувство и сознание необходимости «все для войны, все для победы», настолько теперь безудержно проповедуется — «рви что можешь». Печально и опасно.

Не видно чувства долга, не видно порядочности. Нет дисциплины воли.

Погода скверная, идет мокрый снег — свежеет. Скоро зима.

2 ноября

С 11 часов собрались в штарме генерал Зарако-Зараковский (начдив 11-й Сибирской), генерал Ярон, генерал Романов, генерал князь Крапоткин, генерал Федоров и подполковник Леонов (наштадив 11-й Сибирской) для выяснения различных текущих вопросов, а также для указания тех работ, которые необходимо выполнить для подготовки как большой операции, так и зимней[1]. Последняя должна быть в работе между Сморгонью и Мартышками.

Ко мне прибыли генерал Гуржин (комарт 62-й) и полковник Ржевуцкий (командующий Кавказским гренадерским дивизионом)[2], которых я вызывал, чтобы поручить им произвести разведку и расчет артиллерии на участках большой весенней операции. Ознакомленные с работами по подготовке операции, они могут быть разъяснителями при размещении артиллерии прибывающих корпусов.

[1] Зимняя операция — план наступления 10-й армии севернее Смогони для овладения обеими берегами реки Вилии или в районе Бакшты для образования плацдарма на западном берегу реки Березины. Большая операция — наступление силами всего Западного фронта (Северной и Южной армий) в слонимском или виленском направлениях. Ни один из этих планов так и не осуществился.

[2] Имеется в виду 2-й Кавказский мортирно-артиллерийский дивизион.

После обеда заседание было на квартире наштарма, собеседование продолжалось до 8 часов вечера, приходил командарм, которому докладывали о всех затронутых вопросах.

Вопросы затрагивались интересные, нужные, заседание велось в очень важном тоне – будет ли польза. Очень трудно объединить внутренние распорядки таких крупных частей как корпуса, тем более что корпуса в армиях то прибывают, то уходят – постоянных нет, а долго принадлежащих мало. Мне кажется, что подчинение должно быть лишь оперативное. Все остальное заканчивается комкором – правда для этого надо, чтобы комкоры требовали у себя в корпусе самой добросовестной внутренней работы. Чтобы армия предъявляла требования и могла бы быть уверена, что требование будет исполнено. Комкоры должны так выполнять требования, чтобы не могло явиться мысли о контроле. К сожалению, у нас хромает правдивость и на донесение нельзя всегда положиться с уверенностью.

3 ноября

Различные артиллерийские части присылают стереотрубы. Распределение труб в частях неравномерно – Упарт указал, что следует передать излишествующие против изначального числа в те части, где недостает. Разверстку не удалось сделать скоро – и только к сегодняшнему дню все было окончательно распределено. Однако неаккуратность и халатность оказались и здесь, некоторые части запоздали прислать, некоторые выслали в Изяславль (!), некоторые в Минск к зачу. Одна бригада прислала не вполне исправную для замены.

Вечером по требованию командарма в оперативном отделении офицеров Генерального штаба докладывали сводку: что произошло как на фронтах, так и в пределах армии. Был доклад и разведывательного отделения. Это новшество очень интересно – получается осведомленность в текущих событиях и обмен мнений.

Вчера генерал Крапоткин говорил, что в корпусе ходит слух об «уходе» генерала Иевреинова и что на его место ожидают генерала барона Бринкена. Все бывает на свете, но мне кажется – последнее, во всяком случае, нелепо. Генерал барон Бринкен не так блестяще аттестован, чтобы получить скоро корпус. Насчет ухода генерала Иевреинова, тоже думаю, что преждевременная болтовня. Если верно, что генералу Цурикову преподан из фронта совет уладить отношения с комкорами, то было бы с его стороны оплошностью убрать Иевреинова теперь. Сам же Иевреинов, насколько я его знаю, не уйдет.

При штабе фронта формируется школа для подготовки как офицеров, так и высших артиллерийских начальников для стрельбы совместно с летчиками. Требовались кандидаты на должность начальника школы. Намечены были 28-й бригады полковник Лось, 29-й бригады полковник Мышковский, 62-й бригады полковник Сергеев, Кавказской гренадерской полковник Глебович-Полонский и командир 17-го тяжелого дивизиона полковник Лисовский. Из них полковник Глебович на этих днях умер[1], полковник Лисовский и сам отказался, и комкор не находит возможным отпустить. Из остальных командармом избран полковник Лось, о чем вчера послана телеграмма. Попадет ли, будут кандидаты из других армий.

4 ноября

Получил на днях телеграмму полковника Лисовского, что Упартом назначается командиром 2-й Гродненской батареи какой-то капитан; таким образом мой любимец капитан Калмыков, формировавший батарею в феврале 1915 г., отлично командующий ею полтора года, участвовавший с нею в боях, должен сдать другому. Послал телеграмму нашпарту — а сегодня получил очень опечаливший меня ответ, что августейший инспектор[2] не изъявил согласия, так как капитаны 1916 г. к командованию батареей не допускаются. Обидно за отличного офицера, вкладывающего всю душу в работу и батарею, создавшему батарею с чудным духом.

5–6 ноября

Ничего существенного не произошло — в 1-м Сибирском корпусе 2-го числа противник выпустил по окопам Норочь — Стаховцы до 900 снарядов (убитых 2, раненных 2). Затем в телеграммах за 5-е число указывается на прибытие в этот же район дивизиона артиллерии — возможно, возвращение с «гастролей» против 35-го корпуса.

Есть высочайший приказ о назначении полковника Куликовского командиром 1-го дивизиона, а полковника Кутузова 2-го дивизиона в лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригаде. Жаль, что такие отличные командиры дивизионов не в лейб-гвардии 2-й, которая по командному составу сильно упала.

[1] Исключен из списков умерших 9 ноября 1916 г.

[2] Великий князь Сергей Михайлович.

7 ноября

В районе армии формируются новые дивизии под № 4 и 5, начдивами назначены князь Крапоткин и генерал Жнов.

8–9 ноября

Вчера был праздник 1-й Его Величества батареи лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады: послал телеграмму – до сих пор нет ответа. Полковник Федоров не из числа внимательных.

Говорят, генерал Аккерман никуда не годен, оно и видно, набрать к себе сплошь посредственность и даже ниже, в командиры дивизионов и командиры батарей. Пишут, что генерал Лехович в ужасе и сожалеет, что рекомендовал его.

Что неимоверно много накопилось письменности – не хватает времени со всем управиться. Полковник Мдивани совершенно не помощник – очень сожалею, что взял его. Пишу об этом не первый раз и, тем не менее, не решаюсь предложить ему избрать себе другое место. Между тем, это необходимо, так как уже ущерб делу. Мне надо ездить в корпуса, и дело совсем станет; если к тому же в мое отсутствие будет срочный запрос, то ответа дать нельзя. Вообще, нельзя штаб-офицеру быть так мало осведомленному, так мало интересоваться. Насколько он выполняет даваемые поручения, я не могу быть уверенным в том, что им будет поняты идея и дух той или другой работы.

10–11–12 ноября

Масса работы, не поспеваю не только выполнить все, что нужно, но даже вести дневник, в который до сих пор вносил все ежедневно. Сожалею, что в начале дневника вписывал малоподробно. Интересно будет прочитать когда-нибудь со временем. Восстановить в памяти все, что происходило хорошего и плохого. Когда-то читал дневник прадеда Ивана Христиановича Сиверса, очень интересно было читать. Перенестись воображением в те времена. Сколько светлой восторженности, отчасти наивности, было в этом дневнике. Иван Христианович писал дневник своей обыденной жизни, в нем было немало семейных воспоминаний, а также встречи с разными лицами. Как изумительно благожелательно было описание всех лиц. И если кто-нибудь был не вполне отмеченным во всех отношениях, как мягко и с какими оправдывающими разъяснениями говорилось о тех чертах характера или поступках, которые вызывали порицание.

Мой дневник не хроника семейной жизни, это описание того, что происходило около меня и чему я был свидетелем исключительно в отношении войны. Но, тем не менее, чем больше я пишу, тем мне доставляет большее удовольствие записывать.

События пропущенных дней следующие:

9-го числа днем я и наштарм были у командарма, я читал «артиллерийский приказ» составленный мною, который не был одобрен. Оно и верно — давно нужно было его написать, но прямо некогда. Поэтому я в утро «навалял», и потому получилось нечто совершенно сырое и неотделанное. Писать приказ очень трудно, так как я не обладаю даром писать ни особенно красиво, ни высоким слогом. Завидное умение у командарма, хотя у него есть тоже слабая сторона — именно чрезмерная длина и этот самый «высокий слог».

Итак, «не одобрено» — что же я буду делать, времени совершенно нет?

Того же дня вечером в штарме были доклады подполковника Чайковского и полковника Гоерца оперативных и разведывательных сводок. Эта новость очень полезная, так как узнаешь все то, что теперь не имеешь возможности прочесть в дельных телеграммах корпусов. В этот вечер «влетело» обоим — офицеры Генерального штаба должны докладывать так, чтоб было ясно и последовательно, их доклад должен быть отточен, как бритва!

Затем командарм уехал на вокзал на поезд для осмотра частей 38-го корпуса.

10-е число. Около 12.30 дня я поехал на автомобиле во 2-й Кавказский корпус. Дорога очень неважная — оттепель и шел снег и дождь. Был у генерала Чикалина — по поводу заградительного огня и разъяснения требований относительно составления сводок и действий артиллерии противника и еще некоторых других вопросов. Там встретил командира батареи 120[1] штабс-капитана Шафрова, который «пострадал» так же, как и капитан Калмыков, но еще курьезнее, так как вместо него «назначен» уже штабс-капитан и моложе его. Штабс-капитан Шафров едет в Ставку. Поручил ему заехать в Молодечно ко мне, чтобы взять письмо к полковнику Драке, которому я хотел написать как относительно капитана Калмыкова, так и относительно самого штабс-капитана Шафрова. Около 16.30 дня я выехал обратно и приехал около 19 часов.

[1] То есть батареи 120-мм орудий.

Часов около 23 вечера наштарм передал мне телеграмму командарма: «Если из донесений штаба 20 корпуса не будет ясно видно, что артиллерия левого участка корпуса не только отстреливалась на огонь немцев, но и приняла меры, чтобы своим огнем наказать их, как я того требую моим приказом, то передайте приказание инспектору артиллерии отправиться в 20-й корпус для выяснения всех подробностей вчерашнего дела и того, что было артиллерией корпуса сделано во исполнение моего приказа. Если инспектор артиллерии пожелает, можно в его распоряжение назначить офицера Генерального штаба. То же и артиллерия участка 2-го кавалерийского корпуса».

Дело в том, что 9-го числа немцы обрушились сильным огнем на участок 29-й дивизии против выступа (цели 36, 37) и по плацдарму в этом же регионе.

Хотя по донесениям и можно было заключить, что артиллерии было поручено «наказать» немцев, но все же я решил ехать. К тому же нужно было выяснить вопрос о заградительном огне.

11-е число. Утром неожиданно возвратился командарм – плохие дороги и плохая погода помешали ему закончить поездку. Я заходил к наштарму узнать, желает ли командарм дать мне лично какие-нибудь указания – оказалось, что этого «не требуется».

Собрался выехать в 11 часов, но почему-то на этот раз автомобиль был неаккуратен, и я мог выехать только в 11.30 утра. Приехал в Гануту к 14 дня. Был у комкора, а затем беседовал с командиром 51-й артиллерийской бригады полковником Колосовым о действии артиллерии правого участка 2-го Кавказского корпуса. Затем поехал вместе с генералом Зарецким в штаб 29-й дивизии, куда вызван и временно командующий 28-й артиллерийской бригадой полковник Лось.

В штабе дивизии узнал, что после 15 часов немцы собрались атаковать, но благодаря энергичному заградительному огню сейчас же полезли назад в свои окопы. После этого сразу прекратился огонь и весь вечер и ночь прошли спокойно.

Временно командующий дивизией генерал Вешняков и полковник Гамченко были в штабе 116-го полка и вернулись только к 19.00 вечера. По их возвращении генерал Вешняков сообщил мне обстановку и действия артиллерийских частей и противника за 9, 10 и 11-е числа, затем более подробно докладывал о действии артиллерии временно командующий 29-й бригадой полковник Циглер и приехавший к 21.00 вечера полковник Лось.

Из подробного выяснения всей обстановки видно, что артиллерия, в сущности, действительно только «отстреливалась», самостоятельного сильного сосредоточенного огня — «горчишника» — не было. Намеченное на 11-е число «наказание», отчасти из-за погоды, состоялось не в полной мере и носило весьма вялый характер.

Заставить замолчать или ослабить огонь батарей противника, как это считает командарм, невозможно. Следовало бы избрать более уязвимый участок либо позиций противника, либо района батарей, и обстрелять его сильным огнем. Казалось бы, даже правильнее тяжелую армию направить на окопы и одновременно химическими снарядами забросать район немецких батарей.

Разбирали также и «заградительный огонь» — трудно дать заградительный огонь малым числом батарей на большом фронте.

После 24.00 ночи вернулись в штаб 20-го корпуса.

Сегодня с утра собирал материалы, полученные накануне, и затем беседовал с генералом Зарецким. К 13.00 дня возвратился комкор с генералом Вешняковым, после обеда обсуждали намечаемые задачи 29-й дивизии.

После 15.00 дня я выехал обратно — не доезжая трех верст до дома, автомобиль влетел в яму, возились около 45 минут, но ничего не могли сделать. Тогда я пошел с Рыбалкой пешком и добрался лишь около 18.30 вечера. Грязь и лужи, сапоги имели ужасный вид.

Сообщил коменданту, который послал две пары лошадей, и автомобиль благополучно вытащили.

Дома застал предписание командарма, что мне надлежит поверить во всех корпусах постановку артиллерийского дела, а что именно, тому следует 8 или 9 пунктов. Отчет о поверке представить к 25-му числу, то есть через 13, а так как я поеду не ранее 16-го числа, то через 9 дней. Этого времени недостаточно не только для поверки, но даже для быстрого объезда. Предписание это не выдумано, а на основании приказа главкозапа. Нечто невероятное!

Как печальный курьез интересно записать, что при назначении числа снарядов, выпущенных немцами по участку 29-й дивизии 9 ноября, командир 116-го полка удостоверяет, что было около 3000 артиллерийских снарядов разных калибров и мин, а в то же время артиллеристы считают значительно меньше и полагают, что никак не более 1200–1500. Любопытно то, что «3000» не произвели ни на кого впечатления сильного огня, и тот же командир полка соглашается, что 10-го числа огонь был сильнее,

хотя он же дает подсчет снарядов всех плюс мины всего 1200 за день. Вот как ведется счет числа снарядов, мне кажется, что все цифры, когда они переходят 50, уже сочинительны и, во всяком случае, не точны.

13 ноября

Утром был капитан Калмыков – едет в Ставку представиться великому князю и доложить про свою горькую участь.

Днем докладывал командарму результат своей командировки в 20-й корпус.

Из новостей – генерал Алексеев заболел, видимо, переутомился и уехал в отпуск, вместо него временно исполняющий должность наштаверха генерал Гурко (командарм Особой).

В составе Дунайской армии 4-й Сибирский корпус (генерала Сирелиуса) и корпус генерала Артемьева (номер неизвестен)[1].

Получил телеграмму от зача – 2-й Кавказский корпус за 9-е число израсходовал более 2000 снарядов и 45 мин мортирных – запасов этих снарядов на фронте немного, на что он обращает внимание. Командарм сказал, что ничего, зато 2-й Кавказский проявил деятельность. Боюсь, что, «в угоду командарму», корпуса начнут тратить снаряды независимо от «дела». Основывать «проявление жизни» только на трате артиллерийских снарядов! 9-го числа во 2-м Кавказском корпусе была маленькая операция, на фронте Кавказской гренадерской дивизии был произведен короткий удар – правда, по их донесениям удалось взорвать минные работы немцев, но большого успеха что-то не видно, даже ни одного пленного, или убитого, или раненного немца. Стоила ли игра свеч? Если бы у нас были снаряды, то, конечно, хотя бы «такие» короткие удары и даже просто вспышки артиллерийского огня были бы полезны. Но снарядов нет – из-за жажды снаряда торговля с главкозапом или генералом Похвисневым.

Интересно записать цифры расхода 20-го и 2-го Кавказского корпусов.

20-й корпус (участок 29-й дивизии)

	легких	мортирных	тяжелых	химических
9-го числа	377/10	57/7	107/10	
10-го числа	162/4	59/7	159/14	170/5
11-го числа	1112/31	45/6	122/11	

[1] Генерал-лейтенант В.В. Артемьев командовал 47-м армейским корпусом (с 31 октября 1916).

2-й Кавказский корпус

	легких	мортирных	легких мортирных	тяжелых
9-го числа	2505/50	1452/121	2015/168	255/10

Надо признать, что мортирных снарядов израсходовано не в меру много.

14–15 ноября

Работы столько, что не поспеваю ни ее закончить, ни писать дневник. Эти дни ничего особенного не случилось. Оба дня около 16.00 доклады у командарма.

Резюме о 20-м корпусе, кажется, будет не очень благоприятное, так как, в сущности, действительно не была разработана идея ответного огня в виде наказания, было только отстреливание. Предполагавшаяся на 10-е число работа артиллерии не состоялась, вследствие снега и метели, но затем не была ни повторена, ни заменена какой-либо другой задачей; да то, что было намечено, не было ударом по одному месту, а разрозненным расходом снарядов. Химические не были применены в достаточной мере. 6-дюймовые крепостные работали по батареям, а легкие по окопам; следовало обратно – 6-дюймовые направить на окопы, а легкие – на батареи противника с применением химических снарядов.

Появился слух, что великий князь Николай Николаевич будет вновь назначен Верховным главнокомандующим. Для объединения Дунайской армии и румынских войск создается фронт – Главнокомандующим назначается генерал Клембовский.

Не могу найти, было ли у меня записано назначение генерала Сахарова командармом Дунайской, а генерала Клембовского командармом 11?

Поздно вечером приехал новый генкварт генерал Романовский.

16 ноября

Много домашнего дела, но ничего нового – работы накопилось очень много. Никак не могу совладать с артиллерийским приказом, пытаюсь несколько раз, но редакция не выходит в том стиле, в каком их пишет командарм.

В 23.30 еду в вагон, завтра с утра нас везут на блокпост 654-й версты.

17 ноября

Рано утром поезд отошел из Молодечно и к 7 утра подошел к блокпосту. Около 8 часов я и генерал Лукомский выехали на автомобиле (другой с Рыбалкой и вещами шел дальше) на Воложин[1] через д. Забрезье[2]. Пробыв некоторое время в штабе 38-го корпуса, видели генерала Соковнина, отправились далее через Капустино, Яцково, Белокорец в Рум[3], в штаб 11-й Сибирской дивизии. Отсюда вместе с начдивом генералом Зарако-Зараковским и наштакором 44 генералом Романовым, присоединившимся к нам, из Воложина поехали на автомобилях на позиции к д. Заберезь против д. Бакты[4]. Ехали на автомобиле до опушки леса, а затем пешком к д. Заберезь. Деревня разрушена совершенно, место открытое вплоть до немецких укреплений. Вообще все плато района д. Заберезь открыто для наблюдения противника и совершенно не пригодно для развития операций большого масштаба, так как, кроме того, еще представляет собой сильно болотистую местность, на которой невозможно устроить плацдарм. В артиллерийском отношении нет позиций, а главное н[аблюдательных] п[унктов], которые сейчас устроены большей частью по опушкам лесов на деревьях. При нас противник, по-видимому, полевыми гаубицами, обстреливал наши передовые окопы в районе Пацевичи и затем перенес по окопам к западной окраине д. Заберезье.

Осмотрев этот район, мы вернулись в д. Белый Берег в штаб 41-го стрелкового полка.

Туда был вызван командующий 11-й Сибирской артиллерийской бригадой полковник Путинцев и временно командующий дивизионом. В присутствии наштарма и начдива разбирали все вопросы, изложенные в предписании командарма (по приказу глакозапа № 945).

Вечером ужинали в полку, играл оркестр полковой музыки. Ночевали в штабе полка.

Мой автомобиль № 5007 сломал переднюю рессору, но все же дошел до д. Рум, где ему устроили деревянную рессору.

[1] В настоящее время районный центр Минской области.

[2] Деревня Воложинского района Минской области между Молодечно и Воложиным.

[3] Все населенные пункты сохранили свои названия. Расположены по трассе М-6, южнее Воложина.

[4] Все населенные пункты, включая упомянутые в далее Пацевичи и Белый Берег сохранили свои названия. Название «Бакты» правильно читается как «Бакшты». Все населенные пункты расположены по трассе М-6 к юго-западу от Воложина.

18 ноября

С утра сначала на автомобилях, а затем в экипажах проехали на другой участок позиций к наблюдательному пункту батареи. Ехали через д. Химры, Круглый Бор и остановились у опушки леса, откуда пешком прошли до д. Пацевичи, где наблюдательный пункт в разрушенном сарае. Местность и здесь такая же болотистая. Позиции противника здесь совсем близко. Так же, как и везде, видны проволочные заграждения и первая линия окопов, но что дальше за гребнем или за лесом — не видно. Из д. Пацевичи пешком прошли к наблюдательному пункту в районе д. Перуч[1]. Покончив с осмотром местности, вернулись в штаб полка, где наскоро пообедали и выехали на Воложин. Генерал Лукомский самостоятельно прямо на блокпост, а я с генералом Романовым в штаб 38-го корпуса и далее в д. Дайновку[2] в штаб 62-й дивизии.

В штабе корпуса пробыли недолго и с началом темноты добрались до д. Дайновки. Генерал Романов остановился у наштадива генерала Ладыженского, а я у комарта генерала Гуржина.

Мой автомобиль № 5007 дошел до Воложина, где я велел заночевать и завтра утром идти на блокпост, чтобы вернуться в Молодечно по железной дороге.

19 ноября

Около 10 утра выехали на лошадях к д. Харитоново, где на восточной опушке леса находится штаб 246-го полка. Командует полком полковник Дорошевский (бывший лейб-гвардии Финляндского полка). У него смотрели отлично составленный план его боевого участка в крупном масштабе. Затем обратно через Харитоново[3] проехали на 1-ю батарею 62-й артиллерийской бригады, а оттуда пешком на западную опушку этого же леса на наблюдательный пункт батареи. Генерал Романов знакомился с местностью и позициями противника для своей задачи. На этом участке весьма рельефно видно — насколько позиции немцев командуют нашими и насколько наши наблюдательные пункты дают возможность видеть лишь часть фронта.

[1] Хутор Круглый Бор в настоящее время не существует. Остальные населенные пункты сохранили свое название. Расположены в Ивьевском районе Гродненской области по трассе М-6.

[2] По видимому, имеется в виду деревня Дайнова Большая, но может быть, А.М. Сиверс имел в виду Малую Дайновку.

[3] Вероятно, имеется в виду деревня Харитоны.

Вернулись в Дайновку около 14.30 дня. Там уже ожидали инаркор 38 генерал Иванов и комарт 69 полковник Надеин. После отъезда я выяснял все вопросы, указанные в предписании командарма. Занятия продолжались до 19 часов.

Несмотря на неоднократные разъяснения, все еще существует различное понимание заградительного огня. Поразительно то, что инаркоры совершенно не объединяют ни взглядов, ни решений. В этом отношении наиболее деятельный генерал Закутовский: не знаю как в действительности, но на схемах у него отмечено правильно. На днях поеду к нему и посмотрю, действительно ли все так, как сообщается. Наиболее аккуратные и толковые донесения от него же. Маломощны генерал Зарецкий, генерал Чикалин и, по-видимому, генерал Иванов.

20 ноября

Около 10 утра я выехал с генералом Романовым через Капустино, Яцково, Першай на Городок[1]. Здесь штаб 44-го корпуса. Генерал Романов остался, а я, пообедав, поехал домой и возвратился уже после 18 часов.

Дорога возмутительная, большая часть распустившаяся глина, цепи на колесах автомобиля натягиваются и рвутся, без цепей колеса буксуют. Несколько раз приходилось останавливаться чинить цепи.

Устал изрядно.

Проехаться хорошо, но не скажу, чтобы было много пользы,—следующий раз соберу побольше артиллеристов, чтобы побеседовать, повидать и познакомиться. Посетить все нет совершенно возможности. Да, работа идет, но работа обычная, то, что командарм называет «отсиживаться». Нет мысли, нет идей сделать что-нибудь. По правде сказать, и средств нет.

21 ноября

С утра принялся за составление схемы заградительного огня на верстной карте. Все-таки не все прислали то, что нужно. Переделывать уже нет времени. Участки заградительного огня во многих корпусах слишком малы по фронту.

Около 18 часов ходил с докладом к командарму.

Вечером принесли кипу аттестаций на «заключение» – что я могу написать про многих, которых не только не знаю, но иных и не видал? Некоторым написал, что «заключения дать не могу».

[1] В настоящее время населенный пункт Молодечненского района Минской области.

Удивительно, как люди разно оценивают,— так одного дивизионера комарт и инаркор аттестуют «вне очереди», а начдив и комкор «по старшинству» — вот и разбери, что же в действительности!

22 ноября

В артиллерийский резерв приказано отвести осадный дивизион («6» 200 п.) и батарею «120»[1]. Последнюю крайне жалко, так как она, благодаря своей дальнобойности (13 верст), держала за горло батареи, сильно досаждающие и 2-му Кавказскому, и 20-му корпусам.

Есть назначение инспартармом Дунайской генерала Андреева (Михаила Никаноровича) — назначение, которое можно приветствовать.

Наштарм 20-го числа вечером уехал в 20-й корпус — сегодня должен вернуться. Его вызывают в Ставку — уже строят разные комбинации.

Не могу привыкнуть к командарму, не могу привыкнуть к его системе все и всех высмеивать и относиться с пренебрежением к людям вполне достойным. Не могу помириться с тем, как он попал на это место.

Генерал Лукомский на меня производит хорошее впечатление, несколько канцелярист, но это пройдет — с ним можно работать. В сущности, теперь идет настоящая работа инспектора артиллерии — раньше, при генерале Попове, ее почти не было, оттого и трудно сейчас наладить, много сразу дела навалились. Придет все в норму — пойдет глаже и проще, а если я добуду еще подполковника Попова, то и вовсе будет работа налажена.

Сегодня в газетах есть речь Пуришкевича в Думе[2] — хорошо и верно очертил он картину неурядиц тыла. С одной стороны возмущаются мародерами тыла, а с другой — ничего не делают для их обуздания, и главные виновники остаются по-прежнему — наседают как всегда на стрелочников — мелких лавочников; крупные же мародеры не несут ни ответственности, ни наказания. Во Франции один крупный коммерсант по требованию Жоффра был казнен за пользование обстоятельствами для чрезмерной наживы. Пуришкевич привел примеры, что сильные мира не безгрешны: «Я вам укажу на крупного бобра... на генерала Воейкова»,

[1] 152-мм 200-пудовых крепостных пушек и 120-мм дальнобойных Обуховского завода. (См. приложение Б.)

[2] Имеется в виду речь, произнесенная В.М. Пуришкевичем в Думе 19 ноября 1916 г.; в ней он выступил с обличениями окружавших трон «темных сил» (в первую очередь, Г. Распутина и близких к нему лиц), чье влияние негативно сказывалось на ходе войны и положении дел в тылу, а также обвинил ряд государственных деятелей в корысти, интригах, германофильстве. (См. приложение В.)

который, несмотря на недостаток вагонов, добывает себе для перевозки своей «куваки»[1]. Построена даже железнодорожная линия к его имению, где выделывается «кувака», он получил 1 000 000 на эту железную дорогу.

«Генерал от кувакерии» – назвал его Пуришкевич. Другой бобер – бывший министр Бобринский, который также пользовался вагонами для вывоза из своего имения суперфосфата. Вагоны давал бывший министр путей сообщения. Ныне председатель Совета министров Трепов... Это жизнь! Это закулисная сторона жизни.

23 ноября

День прошел без новостей. Газеты приносят речи членов Государственной думы на тему о разрухе тыла, страстные слова о Протопопове и Курлове.

Сказка про белого бычка... почта. Газеты приходят через день, письма на 5-й и 6-й дни. В чем дело?

Получил сегодня заметки наштарма при посещении 20-го корпуса – касаются размещения артиллерийских наблюдательных пунктов для наблюдения с разных мест и соединения этих наблюдательных пунктов между собой. Когда командарм спросил меня утром, получил ли я замечания наштарма по артиллерийской части, я думал серьезные недочеты – выходит просто: надо же что-нибудь заметить и «указать». А все же с генералом Лукомским приятно иметь дело.

Говорят, что генералом для поручений будет генерал Марков (тоже лейб-гвардии 2-й) – подбор штаба будет очень хороший. Сергей Леон[идович] идейный человек и подвижной, сейчас он профессором в Академии Генерального штаба.

24 ноября

Неприятный разговор с полковником Мдивани закончен – он уверяет, что я ему не давал «задач» – довольно странно – «давать задачи». Или действительно он не сознает, что только «отдыхал»; тогда трудно ожидать, чтобы он когда-либо мог быть мне полезен, вернее, просто отговорка, чтобы оправдать свою бездеятельность. То ли, другое – дело сделано, я не сожалею, так как и те мелочи, за которые он брался, исполнялись

[1] Владимир Николаевич Воейков (1868–1947) – генерал-майор Свиты, дворцовый комендант, приближенный Николая II. В 1913 г. основал производство по розливу минеральной воды в своем имении Кувака Пензенской губернии. Во время войны добился подряда на поставку своей минеральной воды на фронт и в госпитали, что вызвало громкий общественный скандал.

им мало продумано. Теперь вопрос другой — получить подполковника Попова. Не хочется уходить, снова пришел ко мне — если бы все бумаги поступали к нему, то тогда он мог бы помогать, — почему же не взял «бумаги» в свои руки. Нет, он не тот тон взял с самого начала, да и голова у него устроена не для такой работы. Во всяком случае, я рад, что покончил с этим вопросом.

Сегодня к 10 утра по вызову командарма собрались наштакор, и.д. инаркора и корпусной инженер 2-го Кавказского корпуса для словесного разъяснения доклада по вопросам по приказу главкозапа № 945. Сидели до обеда, а затем после обеда до 16 часов. По-видимому, командарму надоело, и конец он скомкал. Ничего существенного не выяснено. Такие же обсуждения по другим корпусам намечены на 28-е и 29-е числа.

К обеду вернулся генерал Лукомский — он назначен генерал-квартирмейстером штаба Верховного — еще раз очень жаль, что уходит. На его место по рекомендации генерала Лукомского прочат генерала Крымова и генерала Врановского. Который из них будет или, может быть, назначат постороннего, не известно.

Ночью генерал Лукомский уезжает в Ставку. В Ставке учреждается новая должность помощника начальника штаба, назначается генерал Клембовский, его обязанность — связь с союзными государствами, их представителями и военным министерством. Генерал Гурко оставляет за собой лишь операционную часть.

25 ноября

Румыны отдали Бухарест — везет же проклятым немцам! Это конечно дешевый успех над мелким государством, но все же для подъема духа своих войск и граждан — успех.

26 ноября

Фронт потребовал представления соображений по весенним операциям к 1 декабря, поэтому предстоит усиленная работа по рассмотрению и составлению всех расчетов и проектов; моя поездка ввиду этого отпала — с завтрашнего дня надо засесть за это дело.

В 11 утра был парад по случаю Георгиевского праздника, затем был обед офицерам и нижним чинам — георгиевским кавалерам.

Сегодня первое солнце, и потому немецкие части бросили три бомбы между дорогой на Лебедево и санитарным городком... безрезультатно.

Говорил командарму о подполковнике Попове — выразил согласие.

Полковник Мдивани ездил в Минск и сегодня вернулся – был у генерала Шихлинского, просил его устроить куда-либо, так как дивизиона получить он «не желает». Мне это казалось, но я не ожидал такого циничного признания. В такое время все должны работать не только в мере сил, но даже и сверх сил. Его бездельничанье было противно. Удивляюсь, что генерал Шихлинский обещал.

Сожалею, что аттестовал его на комарта, хотя как строевой офицер он заслуживает выдвижения, но, ввиду его стремления уклониться от строя, его следовало прямо зачислить в резерв. Очень, очень рад, что развязался с ним – это мне не пара. Жалею, что раньше не освободился от такого типа.

27–28 ноября

Спешная работа рассмотрения оперативных задач на весеннюю операцию. Во 2-м Кавказском корпусе совершенно не разработано – все сделано наспех. Очень обстоятельна работа 38-го корпуса, но артиллерийская часть слаба – во-первых, расчет необходимого числа батарей взят не жизненный, затем, 20 батарей размещены на участке соседней армии, причем без всякого соглашения. Получилось, что в одном и том же районе размещается артиллерия двух соседних участков и в таком количестве, что нет возможности ее втиснуть.

20-й корпус представил свои соображения хотя и обстоятельно, но увлекся в том отношении, что потребовал такое количество артиллерии, которое заведомо не будет дано.

28-го числа вызывал полковника Ржевуцкого, для составления схемы размещения артиллерии на фронте, который разрабатывал 2-й Кавказский корпус.

Вообще, все работы носят отпечаток полного отсутствия однообразия и системы. Задачи были розданы, и решай, кто хочет, без общей связи, без общего направления. Казалось бы, сначала надо было бы обсудить в штарме, решить – а затем уже раздать для детальной работы, причем надо было указать, что именно сделать. Тогда везде было бы более или менее однообразно, из этого возможно было бы составить в армии общую сводку.

Генерал Цуриков, видимо, просил генерала Лукомского устроить его в 11-ю армию, так как была получена телеграмма, что «вы и генерал Вирановский (по-видимому, новый наштарм) будете назначены, но много южнее».

В Минске ходит упорный слух, что весь штаб 10-й армии будет переброшен на юг. Куда?

Пусть лучше один генерал Цуриков уходит — с ним служба очень томительна и нервна.

Генералу Романовскому он тоже не нравится — позер, краснобай, всех критикует и всегда впереди свое «Я». Генерал Лукомский сравнил его с Куропаткиным по поводу его «тяжебных» дел с генералом Радко-Дмитриевым и генералом Корниловым. То же собрание документов и обвинение и критиканство всех и только один «Я».

Посмотрим, что будет.

29 ноября

Возмутительны случай — 53 нижних чина, назначенные на пополнение 5-й химической команды, 18 ноября отправлены этапным комендантом штаба армии в Молодечно, а отсюда к этапному коменданту м. Воложин, где штаб 38-го корпуса. Этот комендант, не справясь в штакоре, отправляет команду обратно, и вот сегодня снова она от этапного коменданта штаба армии попадает в Молодечно ко мне. Задаром прогуляла 10 дней!

Приезжала комиссия в составе наштакора генерала Довгирда, комарта генерала Эггера и корпусного инженера. Такие комиссии назначены глакозапом во все армии. Им поручена поверка нашей оборонительной линии. Поверка вызвана письмом наштарма к глакозапу. Сегодня читали это письмо у командарма. Был слух, что генерал Квецинский получает корпус, главкозап целился на генерала Лукомского.

27-го числа послал телеграмму комкору 8 с просьбой сообщить, имеются ли препятствия к назначению подполковника Попова на должность штаб-офицера при мне. До сих пор нет ответа — неужели встретится препятствие? Будет крайне неприятно.

Сегодня получена самая свежая новость — генерал Цуриков и генерал Врановский получают назначение в Дунайскую армию. Командармом 10-й армии будет генерал Горбатовский (из 6-й армии), а начальником штаба генерал Минут — последнего я знаю по Петрограду.

Вопрос теперь другой: останусь ли я, или генерал Горбатовский возьмет с собой генерала Святловского? А вдруг генерал Цуриков предложит ехать с ним — хотя вряд ли, этого я очень бы не хотел. Надеюсь, что предложения не будет. Совместная служба с генералом Цуриковым не очень приятна.

Не новость, а факт! Есть уже телеграмма, и генерал Цуриков уже уехал сегодня в Минск, может быть, он проедет в Ставку.

Обо мне разговора нет – стало быть, остаюсь, думаю, что Святловский не конкурент, так как он хотя и очень толковый, но лично ему приятнее остаться в петроградской армии. Поживем – увидим, предчувствия ухода нет (сегодня как раз говорили о предчувствиях своей судьбы).

В сущности, почему же и рассчитывать, что кто-нибудь может идти на уже занятое место; если же у меня возник об этом вопрос, то он навеян режимом Цурикова... «заменять» и ставить «своих человечиков».

Об уходе Цурикова сожалеть никто не будет. Действительно, было жалко Радкевича – этот человек внушал к себе и доверие и любовь.

Сколько перемен испытывает 10-я армия, сколько было командующих!

Полковник Мдивани «принялся за работу (!), помогает»... Но, конечно, во-первых, только мешает, во-вторых, ничего не знает, и потому мне работа с его помощью вдвое сложнее. Если бы я не был занят сейчас большой работой составления соображений по артиллерийской части для «предстоящих» операций, то его усердие по разуму было бы смешно, а сейчас раздражает. Какую чушь нес он сегодня по поводу причин, вызвавших создавшееся отношение генерала Цурикова к штабу! Еще упорствует в высказанных глупостях. Нет, ему не место у меня, жалею бесконечно, что церемонился и давно не выставил его.

Только бы получить подполковника Попова – а ответа все еще нет.

Историческая справка: командармами 10 были – генерал Флуг, генерал Сиверс, генерал Радкевич, генерал Цуриков и генерал Горбатовский; наштармами были – генерал Марков, генерал Одишелидзе, генерал Будберг, генерал Попов, генерал Лукомский и генерал Минут[1].

Приехал офицер химической команды и доложил, что присланные на укомплектование 47 человек оказались по списку предназначенными на нестроевые должности, часть раненные, с физическими недостатками. Поэтому он просит отправить их обратно. Надо будет переговорить с генералом Романовским и дегенармом.

Штаб 4-й армии ушел на юг, корпуса этой армии перешли во 2-ю армию. Уход штаба 4-й армии из Западного фронта был 20 или 21 ноября.

1 декабря

Вчера генерал Цуриков ездил в Минск, но главкозапа не видал, так как он в Особой армии.

[1] Так в тексте рукописи. Написано той же рукой, тем же карандашом и не является позднейшей вставкой.

Сегодня вечером прибыл во временное командование армией генерал Мехмандаров, генерал Цуриков к ночи перешел в вагон и с пассажирским поездом уезжает к «месту нового назначения». Всякий теперь вздохнет свободнее и искренно скажет — «скатертью дорога».

Генерал Шихлинский притворяется, что хочет устроить полковника Мдивани. Сначала говорил о должности штаб-офицера у генерала Гаитенова... но она оказалась занятой. Теперь у генерала Смысловского... но штаб-офицер, на место которого хотели назначить полковника Мдивани, сам не хочет уходить. Неужели полковник Мдивани верит всему этому?

Записываю как характерную для генерала Шихлинского неискренюю политику.

2 декабря

На какие подлые способы пускается Германия, чтобы сбить с толку наше простодушие и использовать в свою пользу. Вчера в газетах появилось сообщение, что Германия, Австрия, Болгария и Турция предлагают окончить войну. Их победы в достаточной мере указали, что победить их нельзя, а потому дальнейшее продолжение войны бесцельно. Условия, а какие именно не говорится, наверное, удовлетворят все враждующие стороны, а потому продолжение войны является только бойней и отказ вражеских держав возложит на них всю ответственность перед культурой и историей.

Идея этого выступления ясна — первое, как объяснение того, что Германия последнее время все чаще заговаривает о мире — они воевать могут, а ожидают лишь победного исхода, но «благородные» чувства заставляют их поднять голос за прекращение войны. Во-вторых, в отношении России момент избран самый удачный — у нас внутри борьба Совета и Думы против нависшей тени сепаратного мира, стало быть, есть какая-то уже подготовительная почва, значит, есть надежда увеличить число приверженцев этой идеи. У нас разруха тыла, а потому для нестойких элементов мир — желанный исход для восстановления обычного уклада жизни. К счастью, до сего времени немцы ошибались в своих расчетах, будем надеяться, что и теперь у нас сумеют убедить тех, кто пал духом, что предложение мира есть лишь один из мерзких способов вселить разлад в сердцах и духе противника и, пожалуй, даже больше, вселить разномыслие между союзниками. В-третьих, идеей мира развратить умы сражающихся и тем ослабить энергию противника.

Бороться против этого нужно всеми средствами. Довольно сентиментальных отношений с теми, кто не понимает ничего, кроме грубой силы. Достаточные примеры Турция и Болгария, а затем изумительнейшая политика с Грецией[1].

Интересно, что будут писать в газетах по этому поводу, с какой стороны осветят это новое средство борьбы. Газовых атак, огнеметов – мало. Теперь выдвигаются батареи против морального элемента, против настроения массы.

Одно еще утешительно, что это показатель тяжелого положения самой Германии. Быть может, не так далек час, когда станет ясно, что немцы «не могут» уже вести войну. Не повторилась бы знаменитая фраза: «они не знали». Может быть, и теперь уже неблагополучно у немцев, да «мы не знаем».

Вчера немцы летали над Молодечно и сбросили четыре бомбы в районе станции.

3 декабря

В 10 утра приехал наштазап генерал Квецинский с целой комиссией. В штарме генерал Квецинский знакомился с общими соображениями и выработанными идеями разрабатываемых внешних операций.

Генерал Квецинский произвел очень благоприятное впечатление своей обстоятельностью. В этот раз им был поднят новый весьма важный вопрос – предел, до которого может помогать артиллерия продвижению пехоты с тех мест, на которых она поставлена. Этот вопрос затрагивался и раньше, но в узких рамках – выдвижения вперед легкой и в крайности мортирной артиллерии. Что же касается тяжелой, то этот вопрос обычно не затрагивается. А между тем он имеет большое значение, так как даже на выдвижение 6-дюймовых крепостных и полевых орудий надо время, а на перемену позиции других систем того же калибра, и тем более крупных калибров, понадобится еще и серьезное оборудование.

Около 14.30 дня генерал Квецинский уехал на вокзал, а затем поездом пойдет вперед и будет в 38-м, 2-м Кавказском и 20-м корпусах.

С генералом Квецинским едет целая комиссия из двух подполковников Генерального штаба, двух артиллеристов и двух инженеров.

[1] А.М. Сиверс имеет в виду провальную политику стран Антанты на Балканах. Франция и Англия не сумели удержать Болгарию и Турцию от вступления в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии и вынуждены были фактически оккупировать Грецию, чтобы помешать ей вступить в войну на стороне Центральных держав.

Выясняется, почему до сих пор нет ответа от комкора 8 — корпус из состава Особой армии переведен в Румынию, стало быть, был или в дороге, или в делах.

Дунайская армия переименована в 6-ю, а последняя как таковая (Петроград) расформирована.

За эти дни закончил составление артиллерийского отдела операции на фронте Мартышки — Кунава[1], Кунава — Гевершики, Гевершики — дв. Подберезь. Осталось еще составить фронты Вишневского и Бакситинского направлений.

По поручению генерала Мехмандарова говорил по юзу с полковником Ржевуцким и генералом Зарецким, что надо подготовить к докладу наштазап.

Командующим 1-й дивизионом 11-й тяжелой бригады назначается полковник Пискорский.

Расчет снарядов на одно орудие, израсходовано за:[2]

	3 л	3 х	48 л	6 дм кр.	6 дм 120	6 дм 200	42 л	105	120	45 л
Октябрь	2,1	0,1	1,1	1,1	0,3	0,8	1,3	1,0	2,8	
Ноябрь	3,0	0,1	2,6	2,5	0,5	1,7	1,6	5,0	2,2	5,0

Полное затишье, никаких новостей, погода скверная — идет снег и тает. Вероятно, на дорогах грязь. Надо бы начать поездки, да опять автомобиль испортится. Числа 8-го придется вызвать инаркоров для обсуждения текущих вопросов.

Полное безначалье, зато хорошо в войсках — отдых от бумажного дела.

[1] Деревня к югу от Сморгони.

[2] Расход снарядов на одно орудие

	76 мм легкий	76 мм химический	122 мм	152 мм крепостная гаубица	152 мм 120 пудовая пушка	152 мм 200 пудовая пушка	107 мм	105 мм	120 мм	114 мм
Октябрь	2,1	0,1	1,1	1,1	0,3	0,8	1,3	1,0	2,8	
Ноябрь	3,0	0,1	2,6	2,5	0,5	1,7	1,6	5,0	2,2	5,0

Марки и калибры орудий приведены в приложении Б.

Полковник Пискорский не только назначен, но уже два дня как приехал в бригаду.

4–5 декабря

Без перемен, совсем тихо – ни нам не пишут, ни мы не пишем.

Сегодня закончил все расчеты по артиллерийской части на «предстоящие» операции.

Оказывается, что генерал Мехмандаров дважды был боевым соседом бригады и в августе 1914 года под Тарнавкой, и в октябре под Ивангородом, тогда он командовал дивизией[1] в корпусе генерала Ирманова[2].

6 декабря

Получил сегодня приветственную телеграмму от 20-го мортирного паркового дивизиона по случаю их паркового праздника.

Завтра утром приезжает новый командарм генерал Горбатовский с наштармом генералом Минут.

7 декабря

Вчера вечером по телефону дали знать, что командарм выехал из Минска и прибудет на станцию Молодечно к ночи. Генерал Мехмандаров, я и генерал Романовский после 24 часов ночи поехали встречать. Поезд подошел после 0.30 час., но командарм и наштарм уже спали, так что мы уехали назад.

Сегодня около 10 утра генерал Горбатовский, генерал Минут и два адъютанта (один капитан Андерс, бывший лейб-гвардии конной артиллерии) приехали в штарм. Командарм произвел очень приятное впечатление; поздоровавшись с представлявшимися, он сказал, что речи говорить не будет, но что рассчитывает на то, что все мысли и вся работа будет направлена, чтобы скорее выгнать немцев.

Около 12.00 дня генерал Мехмандаров зашел ко мне и просидел до обеда. Между прочим, секретно он передал, что генерал Горбатовский встретил у главкозапа холодный прием. Генерал Эверт сказал, что назначение генерал Горбатовского было для него неожиданным и нарушило его расчеты. Что все уже налаживалось, а тут перемена командующих. Удивительно, что генерал Эверт относится к людям, заслуживаю-

[1] 21-й пехотной дивизией.

[2] В 1914 г. командир 3-го Кавказского армейского корпуса еще носил свою настоящую фамилию – Ирман, которую русифицировал только в 1915 г., став Ирмановым.

щим уважения, не считаясь с чувством самолюбия! Так было при уходе генерала Радкевича, так было и с генералом Беляевым.

Не помню, записал ли в свое время, что генерал Беляев состоял при главкозапе до создания должностей инспекторов артиллерии фронта и армий. И вот генерал Эверт сказал генерал Беляеву, что он не может оставить его на должности инспартзапа, так как он молод для этой должности, и тут же просил себе генерала Шихлинского, который по чину генерала много моложе генерала Беляева. Все это характеризует генерала Эверта.

Днем снимался у нашего фотографа штабс-капитана Мартынова.

До обеда показывал свои приборы нижний чин Гладких, построенные для стрельбы по самолетам; изумительно, что простой человек, совершенно не знающий математики, додумался до совершенно правильной идеи, но как эту идею (подобие треугольников) выполнить в виде точных приборов, конечно, трудно даже всем нам. По-видимому, практического применения достигнуть нельзя.

8 декабря

Совершенно не понимаю, почему нет ответа ни на мою телеграмму комкору, ни на телеграмму наштакору, ни, наконец, на повторную телеграмму комкору, посланную несколько дней назад. Что-то не удается получить к себе подполковника Попова — а он мне так нужен теперь.

9 декабря

Около 9 часов утра верховая кобыла ожеребилась — целый день возились с устройством конюшни, так как та, где она стояла, довольно холодная, сначала перевели в одну, но там очень тесный станок, наконец, поставили к одному крестьянину в сарай.

Около 11.30 утра был с докладом у командарма — доклад у наштарма в комнате в его присутствии, это очень хорошо и удобно. Беседовали почти до 1 часа дня.

Впечатление очень хорошее, командарм простой, но у генерала Радкевича было больше внешнего вида и решительности в манерах. Генерал Горбатовский больше говорит. Ему нужен начальник штаба в духе генерала Попова, а генерал Минут, пожалуй, слишком мягок.

Совещание инаркоров командарм разрешил — собираю на 11-е число.

Вернулся полковник Мдивани — был в Ставке, великий князь обещал дать отдельный тяжелый дивизион. Цепляется за должность — против-

но. Все еще мечтает, нельзя ли остаться. Полное отсутствие самолюбия и выдержки... уверен, что скоро будет мир... дальше подразумевается, «а потому стоит ли затевать кашу».

Второй день снег и небольшой мороз.

Вставил схему армий по настоящему положению, весь район не умещается на листе этого дневника, потому нет общего впечатления. Надо будет постепенно вклеить схемы района армии с июня сего года, а пока занесу расположение корпусов в армии в хронологическом порядке их пребывания.

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ 10-Й АРМИИ[1]
(северная часть)
Масштаб 10 верст в дм.К 8 декабря 16.
Штарм X с 20-х
1 сиб. к. с конца августа
20 корп. с середины сентября
2 кавк. к. с конца августа

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ 10-Й АРМИИ[2]
(южная часть) к 8 декабря 1916 г.
38-й корпус с конца августа до Доржни
настоящее положение с начала октября
2-я Сибирская дивизия с начала октября
К 8 декабря 1916.

Начало июня
20-й корпус от Г[осподские] дв[оры] Спяглица[3] до р. Вилии[4]
26-й корпус от р. Вилии до д. Цари[5]

[1] См. вклейку рис. 0715
[2] См. вклейку рис. 0716
[3] На старой дореволюционной карте-верстовке этот населенный пункт обозначен как «деревня Спяглица, 52 двора». Рядом – поселение «Господские дворы Гиполитово». Отсюда, по-видимому, произошла путаница. В настоящее время деревня называется Светиловичи.
[4] При пересечении линии фронта рекой Вилией, к северо-востоку от города Сморгонь, у деревни Пшевуз, в настоящее время деревня Перевозы.
[5] Название населенного пункта не изменилось. Расположен в Сморгонском районе Гродненской области.

2-й Кавказский корпус от д. Цари до д. Закревье[1]
24-й корпус от д. Закревье до д. Милейков[2]
38-й корпус от д. Милейков до д. Слайковщина[3]
44-й корпус от д. Слайковщина до м. Делятичи[4].

К середине июня
20-й корпус от Г. дв. Спяглица до р. Вилии
2-й Кавк. к. от р. Вилии до д. Сельце[5]
24-й корпус от д. Сельце до пруда в д. Кревлянка[6]
38-й корпус от д. Кревлянка до д. Слайковщина
44-й корпус от д. Слайковщина до м. Делятичи.

К середине июля
36-й корпус от оз. Нарочь до Г. дв. Спяглица
20-й корпус от Г. дв. Спяглица до р. Вилии
2-й Кавк. к. от р. Вилии до д. Сельце
24-й корпус от д. Сельце до д. Милейков
38-й корпус от д. Милейков до д. Слайковщина
44-й корпус от д. Слайковщина до м. Делятичи.

К концу августа
1-й сиб. корп. от оз. Нарочь до Г. дв. Спяглица
24-й корпус от Г. дв. Спяглица до 1 верст. Ю[жнее] д. Мартышки
20-й корпус от д. Мартышки до р. Вилии
2-й Кавк. к. от р. Вилии до «к Крев»
38-й корпус от «к Крев» до д. Доржни[7]
44-й корпус от д. Доржни до м. Делятичи

[1] В настоящее время хутор Закревье в одноименном урочище возле поселка Крево.
[2] В настоящее время деревня Милейково Сморгонского района Гродненской области.
[3] Название населенного пункта не изменилось. Расположен в Воложинском районе Минской области.
[4] Название населенного пункта не изменилось. Расположен в Новогрудском районе Гродненской области.
[5] В настоящее время деревня Селец Сморгонского района Гродненской области.
[6] В настоящее время деревня Круглянка Сморгонского района Гродненской области.
[7] Название населенного пункта не изменилось. Расположен в Воложенском районе Минской области.

36-й корпус в районе м. Куренец[1]
11-й Сиб. стр. д. в районе Вилейки[2].

К середине сентября
1-й сиб. корп. от оз. Нарочь до Г. дв. Спяглица
20-й корпус от Г. дв. Спяглица до р. Вилии
2-й кавк. к. от р. Вилии до «к Крев»
38-й корпус от «к Крев» до д. Доржни
44-й корпус от д. Доржни до м. Делятичи
24-й корпус в районе Вилейки
11-я Сиб. стр. див. в районе Вилейки.

К концу сентября
1-й Сиб. корпус от оз. Нарочь до Г. дв. Спяглица
20-й корпус от Г. дв. Спяглица до р. Вилии
2-й Кавк. к. от р. Вилии до «к Крев»
38-й корпус и 2-я куб. каз. д. от «к Крев» до Шулойцы[3]
11-я Сиб. стр. див. от Шулойцы до м. Делятичи
24-й корпус район Вилейки
44-й корпус район М. Городок[4]

К середине октября
То же без 24-го корпуса.

К концу октября
То же и формируемые дивизии 132-я – в районе Куренец и 133-я в районе Марково[5].

[1] Название населенного пункта не изменилось. Является центром одноименного сельского совета Вилейского района Минской области.
[2] Название населенного пункта не изменилось. Является центром одноименного района Минской области.
[3] Фольварк на правом берегу реки Западная Березина, в настоящее время не существует. Находился на территории нынешнего Бакштовского сельского совета.
[4] Название населенного пункта не изменилось. Является центром одноименного сельского совета Молодеченского района Минской области.
[5] Название населенного пункта не изменилось. Является центром одноименного сельского совета Молодеченского района Минской области.

Высочайшим приказом 6 декабря произведены в генералы — комарт 22 Гладков и комарт 35 Михайловский.

Учреждена должность и штат управления командира воздухоплавательного дивизиона, подчиненного во всех отношениях инспартарм. При командире дивизиона будут мастерская и воздухоплавательный отряд с одним привязным аэростатом.

Воздухоплавательные роты переформировываются в отряды, придаваемые каждому корпусу, как неотъемлемую составную часть корпуса.

Вот это правильно и необходимо. Положения о командире дивизиона еще нет, а потому не ясны его функции — будет ли он объединять работу воздухоплавательных отрядов или нет, не указано тоже, сколько будет станций (т.е. аэростатов) в корпусном отряде. Во всяком случае, это большой шаг вперед, который следует приветствовать.

10 декабря

Утром был командир 20-го мортирного паркового дивизиона полковник Шацилло — благодарит за поздравление с праздником. Его посещение окончилось неприятным случаем: он оставил в полушубке в кармане бумажник с 285 рублями, удостоверением и разными нужными для него бумагами. Через час, что он сидел у меня, бумажника не оказалось. Украл ли кто из писарей или же он раньше обронил его где-либо, сказать трудно. За это время был лишь один ординарец и наши писаря, так что, с одной стороны, вообще сомнительна пропажа у нас, с другой — больше никто не мог взять, как один из двух писарей.

11 декабря

Сегодня было совещание инаркоров — генерал Закутовский, генерал Зарецкий, полковник Ржевуцкий, генерал Иванов и полковник Дмитриев (за комарта 11-й Сибирской бригады).

Вчера вечером приехал полковник Пискорский и ночевал у меня. Сегодня вечером уехал назад. Приезжал встретить сына.

12 декабря

Сегодня в штарме были комкоры генерал Поспелов (начдив 2-й Сибирской за комкора 1-го Сибирского), генерал Иевреинов, генерал Мехмандаров, генерал Соковнин и генерал Зарако-Зараковский (начдив 11-й Сибирской).

Уже вчера чувствовал себя не совсем здоровым, сегодня расклеился совсем. К вечеру температура несколько поднялась.

13 декабря

Сижу дома, температура меньше, но все же чувствуя себя еще не здоровым.

Заходили ко мне днем генерал Романовский, а вечером генерал Минут.

14 декабря

Получено приказание отправить 44-й корпус в районе Бендеры – Раздельная. Батареи противосамолетные, выставленные в Вилейке, Молодечно и Изяславле, снимаются, и на их место другие не требуются, кроме Вилейки, куда ставится батарея от 20-го корпуса.

Вновь сформированной 33-й батарее придется уже теперь принять участие в охране станции Молодечно.

Днем заходил справиться о здоровье генерал Горбатовский. 11-го числа на вокзале видел поручика Попова (сына бывшего наштарма), говорит, что его отец будто получил 18-й корпус – верно ли? Был бы очень рад.

Полковник Мдивани уехал в отпуск на месяц.

15 декабря

Три недели нет ответа относительно подполковника Попова – любопытно знать, какая причина. Не знаю, что теперь предпринять. Посылал четыре телеграммы.

Сегодня заходил к наштарму по некоторым вопросам, там был командарм – большая разница с генералом Радкевичем. Тот выслушивал доклад и затем, вникнув в суть, говорил свое мнение. Правда, мои доклады были чрезвычайно редки, но тогда как-то было меньше «вопросов» – теперь их накапливается большое количество, слишком большое. Генерал Горбатовский много говорит и не всегда по сути дела, а потому самый «вопрос» остается в тени. Очевидно, что уже старческая черта. Тем не менее, работа с генералом Горбатовским будет гораздо продуктивнее, чем с генералом Цуриковым.

Все еще заградительный огонь! Меня совершенно не удовлетворяют те небольшие участки, которые помечены в корпусах, особенно во 2-м Кавказском и 38-м корпусе. Слишком незначительно их протяжение – кажется, что этот огонь не запрет, а лишь укажет немцам, что нужно «обойти». Этот заградительный огонь «не гибкий», т.е. не может быть перене-

сен немедленно на соседний участок, если бы немцы пошли не там, где предположено. Того же мнения и генерал Минут, а за ним и командарм.

16 декабря

Вчера в ночь командарм и наштарм поехали с поездом в корпуса, сегодня они должны быть во 2-м Кавказском корпусе, а завтра в 20-м корпусе.

Получил сегодня копию рапорта инаркора Гренадерского генерала Богаевского своему комкору, в котором он в довольно туманном положении с одной стороны сетует на то, что все новые формирования в тылах производятся медленно, с другой стороны — предлагает формирование производить на фронтах, причем рекомендует во вновь формируемые части (естественно, разговор про артиллерийские) передавать полные запряжки из батарей и парков, дабы состав этих частей имел бы кадр рабочих и втянутых лошадей и уже бывших в боях нижних чинов. Орудия должны быть отпущены, а зарядные ящики без ущерба для дела переданы из тех же артиллерийских частей фронта. Мысль, безусловно, правильная, всякое формирование будет скорее закончено, если оно будет вестись под надзором прямого начальства, заинтересованного в скорейшем окончании формирования. Выделение кадров также весьма полезно — в отношении нижних чинов оно дает молодой контингент в старых батареях, а в новых эти кадровые дадут устойчивость части.

17 декабря

Целый день разбирался вновь с заградительными огнем — очень трудно при большом фронте и малом, относительно, числе артиллерии устроить заградительный огонь, как полагает наштарм, на всем фронте.

Около 20 часов вечера вернулся с объезда командарм.

18 декабря

Заходил ко мне наштарм, опять рассматривали схемы заградительного огня; недостаточное число батарей на таком большом фронте совершенно исключает возможность устроить заградительный огонь на некоторых участках.

19 декабря

Приезжал командир дивизиона 11-й тяжелой бригады полковник Боголюбов. Доклады командарму принимают характер затяжных разговоров, генерал Горбатовский, остановившись на какой-нибудь фразе, на-

чинает говорить «по поводу», и так как он любит говорить, то в этом говорении проходит много времени и остальное, существенное, отходит на второй план, суть дела затягивается, и вопрос остается неразрешенным. При такой системе бесполезно уходит время, а дело решения не получило.

Надо найти выход; думаю, что придется терпеть «разговоры», дабы создать впечатление, что «доклад был», а все вопросы решать самому. В общем, тоже известное неудобство для дела. Итак, сказка про белого бычка, та система работы, которая была при генерале Попове,– наилучшая. Все обсуждалось вместе, и затем уже готовое решение докладывалось генералу Радкевичу; так как вопрос был рассмотрен со всех сторон и решение принято наиболее целесообразное, то генерал Радкевич решал без длинных разговоров.

Наконец получил телеграмму от комкора 8 – препятствий нет, подполковник Попов согласен. Послал свое ходатайство дежурному генералу. Итак, дело пущено в ход. Когда же наконец удастся получить подполковника Попова!

Вечером передавали слух, что Распутин убит – давно пора убрать этого негодяя, удивительно, что до сих пор никто этого не сделал. Верно ли? Не первый раз слухи, и все же он «оживал».

20 декабря

Около 9 часов утра выехал на автомобиле в Высоковщину. Холод 14°, хорошо, что не было ветра. Дорога вполне удовлетворительная, проехал и туда и обратно по часу.

Ездил, чтобы наладить осведомление 20-го корпуса и всех батарей 2-го Кавказского корпуса, размещенных в районе 29-й дивизии.

Вчера ездил в Минск генерал Романовский и сегодня передал, что слух об убийстве Распутина подтверждается, убил его граф Сумароков-Эльстон, муж княжны Ирины Павловны[1].

Забыл отметить, что вчера, наконец, решился заговорить об отпуске, получил, но насколько охотно – мне не ясно. Но это не важно.

Период ухода генерала Радкевича, генерала Попова и генерала Шокорова, а также режим генерала Цурикова создали удручающее впечатление, которое сильно отразилось на настроении. Я устал душой – от-

[1] Ошибка автора, верно – Ирины Александровны, дочери великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны (сестры Николая II).

дых, перемена обстановки необходимы, поэтому я не чувствую за собой греха в том, что уезжаю. Наоборот, мое внутреннее убеждение в обязательности набраться сил.

Заместителем будет генерал Чикалин, просил, чтобы вызвали генерала Закутовского, но последний отговорился нездоровьем. Так как генерал Чикалин старше, то нельзя настаивать.

Сейчас в отпуску генерал Зарецкий (20-й корпус) и генерал Иванов (38-й корпус).

Получил длинную бумагу от генерала Шихлинского относительно представленной схемы заградительного огня. Во-первых, резолюция главкозапа: «Судя по карте, заградительного огня на фронте армии нет. Имеются лишь некоторые набольшие участки под этим огнем, на всем остальном пространстве противник может наступать беспрепятственно, хотя пристрелочные данные есть, но раз батареям указаны только те участки, то они и будут готовы вести огонь по ним. В остальных местах, сколько времени участковые начальники ни будут вызывать, огня не последует. Такое положение считаю опасным».

С первой частью нельзя не согласиться, но что же делать, если нет средств. Сейчас будет разрабатываться почти сплошная линия заградительного огня, но все же я считаю, что это не решение вопроса, так как достичь ленты заградительной полосы можно только путем деления ее на небольшие участки, обслуживаемые тремя, много четырьмя, батареями, то есть предел 300–400 сажен. Такой участок легко обойти, он будет иметь значение лишь в первый момент. Затем, какой будет заградительный огонь, если противник пойдет на стык или несколько соседних участков.

Как выйти из этого положения — я еще не знаю.

Дальнейшее «писание» генерала Шихлинского — канцелярская казуистика с бюрократическим духом. Не лучше ли было бы генералу Шихлинскому вместо писания или приехать, или вызвать, тогда было бы видно, что можно ожидать, что нельзя. Может быть, свежая голова могла бы дать и полезное указание.

Выходит, что писать много легче, чем делать дело.

21 декабря

Еду в отпуск... приехал днем генерал Чикалин для замещения на время отпуска. Выехал в 23 часа.

22–23 декабря

Народу невообразимо, стояли в коридоре и притом столько, что первую ночь проводник не мог пройти топить печь, и потому к утру температура понизилась до 7°. В мое отделение набилось всякого народу, но все же более четырех человек я не пустил.

От Великих Лук в вагон, ко мне в отделение, поместился генерал Ресин – удивительно, что я часто его встречаю.

В Петроград поезд пришел в 11 часов, с опозданием на два часа.

Здесь холодно, 8–10° мороза, извозчиков мало, чрезвычайно наглы.

Рассказывают подробности убийства Распутина – но в газетах совсем перестали писать.

Участниками называют – великого князя Дмитрия Павловича, Сумарокова-Эльстона, Стенбок-Фермора и Пуришкевича. Присутствовала и Ирина Павловна[1]. Говорит, что заговор обширный и что Распутиным активные выступления не окончатся. Но это все разговоры и сплетни.

24–30 декабря

Был у генерала Леховича, видел нескольких офицеров бригады – но никого и ничего интересного. Здесь снова генерал Аккерман, бывший в отпуску всего месяц назад. Совершенно непонятно, как командир части может так часто ездить в отпуск! Встретил также генерала Мировича – этот тоже что-то постоянно в Петрограде. Говорит – был контужен; коли верно, то другое дело, сейчас он с Кавказа.

По сведениям от Верховного главнокомандующего (газеты) мы ведем наступление к югу от оз[ера] Бабит на путях к Митаве. Прорыв успешный, генерал Рузский поздравил командарма 12-й генерала Радко-Дмитриева с успехом. Значит, серьезно. Говорили, что взяли Митаву, но отсутствие поддержки или резервов заставило отойти. Интересно, верно ли, не просто ли Митава была захвачена лишь конными частями, на плечах отступивших немцев, а затем отошедшей под давлением подошедших немецких сил. Петроградские женщины уверяют, что много потерь, а газеты отмечают именно небольшие потери. Взято много трофеев.

Это вот правильно: наступление с юга и с севера, нам на нашем фронте успеха ждать нельзя – это лобовой удар. Только пока операции на юге фронта генерала Брусилова направлены на помощь Дунайскому

[1] Александровна. В момент убийства Распутина Ирины вообще не было в Петрограде – она находилась в Крыму. В то же время существуют версии о присутствии среди убийц некой женщины (женщин).

фронту, что, конечно, очень важно для сдерживания наступления немцев в Румынии. Однако следовало бы сейчас колыхнуться и в направлении на север для поддержки Митавской операции.

Мне кажется, нам следовало устроить артиллерийскую демонстрацию – это теперь должно было бы увеличить нервность немцев и заставить их разбросать свои небольшие резервы, собранные, очевидно, на узлах железнодорожной линии, дабы перебросить их туда, откуда им будет грозить опасность.

Мое убеждение, что, имея на фронтах очень ослабленный состав, немцы держат сильные резервы в более отдаленном тылу, чтобы, пользуясь железной дорогой, выдвигать их в том или другом направлении.

В тылу эти части вероломно ведут усиленную подготовку и обучение.

31 декабря

Среди бумаг нашел интересный документ, который в период мобилизации разослан был секретно начальникам дивизий и передан командирам частей для прочтения, так как у меня сохранилась карандашная копия – это «мнение немцев о русских».

«Особенности русского народного характера – нелюбовь ко всякой методической работе и склонность к своему удобству. Отсутствие сознания долга, боязнь ответственности, недостаток инициативы и полнейшая неспособность правильно оценивать и использовать время.

В противовес этим недостаткам, которые не могут устранить ни денежные затраты, ни организационные изменения, имеются и хорошие военные качества, основанные, главным образом, на том, что $^{9}/_{10}$ русского народа состоит из крестьян.

Состав нижних чинов вообще хорош, здоров, мало потребностей, не боязлив – но, наряду с этим, неповоротность, умственно вял и несамостоятелен. Легко сдает при незнакомых начальниках, с которыми еще не свыкся. После неудачи русские войсковые части, вероятно, скоро опять оправятся и будут способны на упорное сопротивление.

Революционные выступления последние годы имели неоднократно успех, но русский солдат все еще верен государю и охотно несет службу; на него можно положиться. Война против Германии и Австрии в русском населении не будет популярна. На поляков в армии положиться нельзя.

Офицеры: недостатки русского народа чувствуются резко. Нет недостатка лихости, но мало чувства долга и сознания ответственности. Постоянное наблюдение со стороны старших начальников – необходи-

мое условие, если не желают дать разрастись служебным неполадкам. Хладнокровие, крепкие нервы, склонность к личному удобству, физически и умственно ленивы, несамостоятельны, ненаходчивы, наталкиваясь на неожиданность. Русский офицер готов на всякое предприятие, несущее тягость, опасность, если можно ожидать внешних знаков признания. Генеральный штаб предпочитает работу в канцелярии – практике службы руководства войсками. Менее заслуживают доверия чиновники – подкупность и халатность интендантства останутся и в будущем злейшими врагами армии.

Тактика: Новейшие уставы в соответствии с германскими. Передвижения медленны. Быстрое использование оперативного момента маловероятно, как и быстрое и точное выполнение войсками приказанного передвижения. Слишком велики трения в отдаче, передаче и исполнении приказов. Поэтому немцы при встрече с русскими войсками могут себе позволить передвижения, на которые не смели бы решиться, имея дело с равноценным противником. Русским чужд встречный бой, и для подвижного, энергичного противника легко принудить их к обороне, отсюда придача большого значения позиционной войне. Неисправимая ошибка – высылка слабых сил, почему при занятии предбоевого положения прикрывающие части должны отходить назад под напором более сильного противника.

Движения широким фронтом, избегая глубоких колонн (по одной дороге не более дивизии). Русские войска привычны к дурным дорогам. Скорость движения, как и у немцев, но дороги плохи, выносливость менее, русские плохие ходоки. Порядок на походе неудовлетворительный. На походе стремление прикрываться со всех сторон от нечаянного нападения (арьергард – цели полицейские). Ночные движения приобрели права гражданства.

Отдых – квартиры, квартиро-биваки и биваки. К последним русские привыкли, так как лето проводят в палатках. Последнее время предпочитают квартиро-бивак – это затрудняет разведки, особенно воздушную. По этой причине отступают от уставных форм. Наблюдаются грубые нарушения простейших основ охранения и сторожевой службы; не иначе будет и на войне. В охранение назначается кавалерии немного, пулеметы всегда, артиллерия в исключительных случаях.

Разведки – дальняя на сильную армейскую конницу (разведывательные эскадроны, самостоятельные разъезды). Новый устав требует боя, если иначе нельзя получить сведений. Ближняя – задачи корпусов, диви-

зионная конница. Пехотная высылается на относительно большие расстояния!»

Многое из этих данных правильно. Особенно печальная черта — отсутствие чувства долга среди солдат... обвинение в этом офицеров неправильно в массе. Но нижние чины по малой культурности действительно имеют очень смутное представление о долге.

По газетным сведениям, немцы произвели за мое отсутствие газовую атаку у Новоселок. Подготовка газовой атаки была обнаружена, и потому приняты меры... Интересно знать, действительно как было и что делали, как действовала наша армия?

1917 год

Праздники — как ни странно, никого не видно, новостей не узнал. Газеты сообщают о составе Государственного совета, где часть энергичных, деятельных членов переведены в неприсутствующие. Председателем назначен Щегловитов.

Из недра бумаг выкопал приказ войскам 4-й армии 20 августа 1914 года № 34: «На позициях пушечные и мортирные батареи ставятся слишком разбросанно. Допускаю отдельное расположение батарей, но с тем, чтобы они находились под управлением своего командира дивизиона для возможности в случае надобности немедленно сосредоточить свой огонь. Обращаю внимание артиллерийских начальников на более экономное расходование патронов, подвоз которых труден. Особенно бережно расходовать гаубичные патроны, так как их мало, применяя гаубицы преимущественно для уничтожения укрыто стоящих батарей и разрушения сильных укреплений и местных предметов». Подписал командарм генерал от инфантерии Эверт[1].

2–3 января

Сегодня был у генерала Радкевича — видимо, скучает, бедный и, по-моему, похудел. Явно, что перенесенная несправедливая обида оставила глубокий след. Жаль, очень жаль высокопочтенного человека, особенно когда сравнить с теми, кто были виновниками всей этой печальной и неразумной истории. Считаю даже, что для дела это было большим ущербом.

4 января

Сегодня был у меня генерал Радкевич — сообщил две новости; первая о назначении генерала Беляева (бывшего офицера лейб-гвардии 2-й) военным

[1] Далее в дневнике приведена схема европейского театра войны к 1 января 1917 г. Масштаб 265 саженей на дюйм. (См. вклейку, рис. 0724.)

министром и вторая, что взорван Сызранский мост через Волгу. Вечером генерал Лехович добавил, что 11 января нового стиля взорван в Америке завод канадской компании, кажется, сильно субсидированный нами, выделывавший снаряды, трубки и разные части для снарядов.

Какая небрежность, какая халатность в охране!

Что сказать о назначении генерала Беляева; я не ожидал, то есть, вернее, не думал, что это когда-нибудь может состояться. Он был помощником военного министра при генерале Поливанове; это как будто бы и выдвигает генерала Беляева с выгодной стороны, хотя возможно, что генерал Поливанов его избрал как очень добросовестного и большого работника и как таковой он мог быть очень полезным военному министру, но на этом высоком посту он вряд ли может дать много.

В городе ходит много разговоров на тему о «темных силах» и свершившемся событии. Кроме письма княгини Васильчиковой[1], разговора великой княгини Виктории Федоровны, Кауфмана-Туркестанского, говорили протопресвитер Шавельский, было письмо великого князя Николая Михайловича[2] и, вероятно, много чего другого — однако гипноз не рассеялся, и только все большее число удаляется и из Петрограда вообще и от двора в частности.

5 января

Тяжелые времена, засилье «темных сил» пустило глубокие корни. Помоги, Господи!

Не могу понять, как люди стоящие высоко, могут иметь так мало чувства собственного достоинства, чтобы ради земных выгод «ходить на поклон» к темным силам! Это паломничество к «Питириму»[3] при новом назначении, за советом и т.д., все это так возмущает душу. Жалкие люди, и эти марионетки призваны управлять страной!

А генерал Беляев — будет у Питирима? До сих пор он был высокопорядочным человеком.

[1] Княгиня С.Н. Васильчикова осмелилась написать письмо императрице Александре Федоровне, в котором осудила ее вмешательство в управление государственными делами, за что была выслана в свое имение в Новгородской губернии.

[2] Все перечисленные люди составляли придворную «оппозицию» политическому курсу Николая II и в разное время выступали за удаление от двора Г.Е. Распутина.

[3] Имеется в виду митрополит Петроградский и Ладожский Питирим (П.В. Окнов, 1858–1920), имевший в обществе репутацию ставленника Г.Е. Распутина, поэтому смещенный с кафедры сразу после Февральской революции.

6–7–8 января

Ничего нового, все те же разговоры, которых записывать невозможно, многие преувеличены, не так толкуются. Однако интересно отметить спокойный тон всех разговоров, несмотря на жгучесть совершающихся событий, нет страстности. Это хороший признак, значит, не будет необузданных эксцессов, и все, что делается или будет делаться во имя борьбы с темными силами, будет обдуманно. Настоящее положение волнует не только думские сферы, но и высокостоящих лиц. Говорят, в Яхт-клубе решено бойкотировать генерал-адъютанта Максимовича, который был передатчиком великому князю Дмитрию Павловичу его ссылки, и заодно генерал-адъютанта князя Васильчикова, ставшего на сторону генерала Максимовича.

Сегодня в 17.50 выехал на фронт. Все места заняты, в отделении ехал с нами грязный жид – вот времена!

9 января

Около 15-ти дня приехал в Минск, там за мной прислан вагон, очень удобно. Капитан Каминский в этот день провожал жену, а потому встретил и его, и вместе в 18.50 вечера выехали в Молодечно, куда приехал около 22 вечера.

По дороге в вагоне видел генерала Синеокова.

10 января

Утром являлся командарму, который нездоров, лежит в кровати, температура сильно повышена.

Генерал Чикалин уехал в Минск.

Дела много, на конец января или начало февраля намечена операция Мартышки – р. Вилия, значит, будет много работы.

Сейчас намечено формирование трех артиллерийских дивизионов для 132-й (при 1-м Сибирском корпусе), 133-й (при 20-м корпусе) и 134-й (при 2-м Кавказском корпусе) дивизий. Берут из этих корпусов и еще от двух армий по одной батарее от бригады и создают готовые части. Взамен их выделением личного состава и запряжек формируют выбывшие части. Таким же порядком формируются и парки.

11 января

Намечается операция в районе Мартышки – р. Вилия с поддержкой на высоту 72,9. На эту операцию дают порядочно артиллерии, так что можно

было бы ожидать успеха — но то обстоятельство, что нельзя видеть второй линии укреплений противника на фронте главного удара, заставляет призадуматься, как выйти из этого положения. Операция предполагается на конец января или начало февраля. Может быть, удастся сделать хоть что-нибудь, и то будет хорошо. Засиделись на местах. Лишь бы затем не утратить того, что удастся захватить.

На место 44-го корпуса в район Молодечно приходит 35-й корпус, который будет считаться в резерве главкозапа.

12 января

Приехали генкварзап (генерал Лебедев) и инспартзап и с 10 утра до 15 дня пробыли в штарме, обсуждая намеченную операцию. Очень приятное впечатление производит генерал Лебедев — обстоятельный, здраво смотрит на вещи. Хотя в данной операции я не согласен с его идеей выдвижения всех четырех дивизий на фронт атаки, но все же он говорит дельно. В его убеждении выдвижения голов всех дивизий в боевую линию сквозит мысль, внушенная главкозапом. Об этом было много споров и в сентябрьскую подготовку, когда главкозап оказал давление, и в последнюю минуту переделали. Мне больше по душе мнение генерала Минута — что для короткого удара достаточно того, что есть; резервная (Кавказская гренадерская дивизия) должна развить успех, если таковой будет. В дальнейшем для удержания захваченного, так как немцы, наверное, соберут силы и будут пытаться отнять утерянное, необходим свежий корпус — это назначение должен выполнить 35-й корпус.

Около 15 часов я и генерал Романовский поехали на вокзал, где к поезду фронта прицепили вагон, бывший командующего, и мы поехали на ст. Пруды. Автомобили послали без погрузки прямо.

К 18 часам из поезда приехали в штаб 2-го Кавказского корпуса, где до 22 часов обсуждали предположения корпуса. Вернулись затем в поезд и переехали на Залесье.

13 января

В 8 часов утра за нами приехал полковник Ржевуцкий, и все поехали на автомобиле на д. Белую, а там через мост через р. Вилию. У моста ждали сани, и мы поехали дальше на наблюдательный пункт мортирной батареи. Генерал Шихлинский поверил знание батареями целей, особенно участков проволочных заграждений, назначенных к пробиванию. Затем генерал Лебедев и генерал Шихлинский ходили на другой наблюдатель-

ный пункт; так как подход к этому пункту открыт, то они пошли только в сопровождении временно командующего дивизионом 51-й бригады подполковника Разумовского.

После этого поехали назад в поезд. В 15.30 дня снова выехали и через д. Рудню проехали в штаб 20-го корпуса; там выясняли намеченную операцию до 20 часов вечера. Условия работы в 20-м корпусе довольно тяжелые, комкор совершенно не считается с начдивами; все решает самостоятельно. Черта почтенная, но все же следует выслушивать и принимать к сведению пожелания подчиненных, тогда создается работа дружная, с пользой для дела. Работа исключительно по приказу, говоря грубо, из-под палки, не дает нужного настроения, угашает порыв и охоту. Это сказалось в полной мере в докладе начальника штаба 28-й дивизии генерала Федоренко, который заявил, что операция дивизии «вспомогательная». Однако такой задачи в предположения штакора поставлено не было, весьма возможно, что комкор, желая указать на необходимость именно энергичных действий 28-й дивизии, подчеркнул, что они нужны как помощь 29-й дивизии. Это слово «помощь» – красный цвет, раздражающий генерала барона Бринкена, а за ним и всех его подчиненных.

В штабе 20-го корпуса передали телеграмму начальника штаба 38-го корпуса, который просит разъяснить и изменить порядок назначения запряжек от корпуса. Оказалось что в спешке вместо 62-го паркового дивизиона, я указал 69-ю парковую бригаду. Очень неприятно было, что мною сделана такая ошибка. Устаю – иначе не могу себе объяснить, как могла вкрасться ошибка.

Вернулись назад в поезд через д. Оленец.

14 января

От 8 утра выехали на автомобилях к мосту через р. Вилию у д. Рудня, там нас ждали генерал Дзичканец, генерал Зарецкий, генерал Безкровный, генерал Вешняков, полковник Лисовский. Дальше поехали на наблюдательный пункт № 42, куда возят начальствующих лиц. Оттуда видел участки позиций от № 40 до № 43 включительно.

Погода не благоприятствовала, было туманно, а потому видимость была неважная, поехали дальше на батарейный наблюдательный пункт на краю леса и болота у озера с отметкой 77,4 – там видны участки к северу от № 30.

После этого были в штабе 29-й дивизии, где генерал Шихлинский обсуждал разные вопросы. После этого генерал Лебедев снова поднял

вопрос относительно времени вывода дивизий на фронт, причем оказалась та же картина давления со стороны комкора, а пожелания начдивов были совершенно иные и более практичные. Вообще 20-й корпус не представляет собой картины хорошо спаянной организации. Довольно сильное недовольство, особенно в 28-й дивизии; правда, что и генерал Иевреинов слишком явно подчеркивает свое особое расположение к 29-й дивизии и почти нелюбовь к 28-й.

К 14 дня вернулись в поезд, к этому времени приехал генерал Мехмандаров с наштакором и полковником Ржевуцким. Вместе с ними доехали до ст. Пруды.

В Молодечно вернулись к 16 часам.

Около 17 часов генерал Лебедев и генерал Шихлинский приехали в штарм и заходили к командарму. Затем некоторое время беседовали у наштарма и окончательно уехали.

На мой взгляд, поездка их, если ее считать как ознакомление с обстановкой для составления идеи операций, то она не своевременна,— запоздала. Если она для выяснения, что сделано, то это было слишком рано. Во всяком случае, все эти наезды отрывают от работы и, как говорил генерал Радкевич, вносят смуту в умы исполнителей. Это глубоко верно, каждый приезд таких лиц — власть имущих — кончается либо выпрашиванием, либо нытьем. Польза же их слишком мала. Генерал Лебедев пугает, что предстоят еще несколько «посещений» имен — или наштазапа, а между 25-м и 30-м самого главкозапа.

На тему о неполезности посещений говорил сегодня и генерал Романовский.

Прибыл в штарм новый генерал для поручений генерал Марков (бывший офицер лейб-гвардии 2-й).

15 января

Оказывается, вчера, когда у командарма были... «знатные иностранцы», то он тоже говорил на тему, что поездка сверху мешает работе. Не понимают это только там, наверху, считая, что каждое дело требует надзора нянек... С последним я согласен, мы действительно нуждаемся в няньках, но и работа нянек должна быть разумная — контроль штазапа не должен идти ниже штарма. Может быть, полезно главкозапу приехать раз подбодрить, напутствовать войска, но не делать экзамена, ибо тут... или будут стремиться «потрафить»... или будут сбиты с толку разноречивыми требованиями. Если уже ездить, то надо ездить перед началом подго-

товки,—все обсудить, все решить, а потом, благословясь, за работу и тогда не мешай делать дело, а в той форме, как эти поездки производятся теперь, они бесполезны.

На днях по донесению 11-й Сибирской дивизии был поиск, причем захвачено 23 пленных и донесено, что убитых немцев больше ста. По рассказам пленных дело было не так... Партия немецких разведчиков в 26 человек была окружена нами. Трое было убито, остальные 23 попали в плен. И это хорошо; но к чему доносить неправильно, по донесению дивизии, наши разведчики вышли и были окружены почти тремя ротами, пробились уложив многих (более 100) и привели 23 пленных. Обычное преувеличение, которое подрывает доверие и к донесениям, и к начальникам.

16 января

Ничего существенного не было, приезжал офицер от зача для выяснения подвоза снарядов. Вечером этот офицер на автомобиле поехал в штаб 20-го корпуса для выяснения деталей устройства и оборудования складов.

Погода очень мягкая, днем было всего 2°.

17 января

Разные недоразумения с прибывающей артиллерией. Во-первых, мы задержали 8-ю батарею 10-й тяжелой бригады, а к нам должен прийти 1-й дивизион, в который должна войти 7-я батарея, а ее-то мы отправили уже во 2-ю армию.

Затем, прибывающие батареи 10-й тяжелой бригады идут с пушками 6 дм. 120 пуд. и должны здесь перевооружаться 6 дм. полевыми[1]—поспеют ли.

Днем был ком[андир] див[изиона] 62-й бригады полковник Сергеев—очень бравый, Георгиевский кавалер, он назначен на Румынский фронт в распоряжение генерала Виноградского, который занимает сейчас должность помощника инспектора артиллерии Румынского фронта.

Утром был сильный мороз, мой термометр отметил –15°, затем появилось солнце, а с ним около 11 часов немецкий аэроплан. Давно не было их.

В последних высочайших приказах есть интересные назначения. Командарм 11-й генерал Клембовский назначен помощником наштаверха,

[1] Скорее всего, А.М. Сиверс имеет в виду 152-мм скорострельную крепостную гаубицу образца 1909 г.

на его место назначен генерал Баланин. Инспартрум назначен генерал Ханжин, а инспартармом 8 назначен генерал Андреев (Михаил Никанорович).

18 января

Утром являлись командир 1-го дивизиона 10-й тяжелой бригады подполковник Кульчицкий и командующий 4-м Сибирским тяжелым дивизионом. Затем днем был командир 10-й тяжелой бригады полковник Костин.

Не записываю довольно важного – характеристику артиллерийских начальников – вообще, если бы теперь начать дневник, то его первая часть, представляющая интерес для бригады, была бы более подробно составлена. Сколько помню, я вел дневник скорее полезный для управления бригады, чем для всей бригады – нет совсем сведений о местах расположения действий батарей. Прошлого не вернешь.

Так вот, начну вписывать характеристики артиллеристов. Пока полковника Сергеева и Костина. Первый имеет блестящую аттестацию ближайшего начальства; производит очень благоприятное впечатление работника за совесть, не ради выгод и рекламы; Георгиевский кавалер. Полковника Костина рекомендует генерал Шихлинский с очень хорошей стороны, производит тоже очень благоприятное впечатление, очень энергичный по виду и манерам, проглядывает уверенность. И того и другого следует отнести к типу желательных работников.

19 января

Утром заходил к командарму – все еще в постели, вид усталый и похудевший. Докладывал о своем предположении ехать. Дал указания, чтобы наблюдательные пункты выбирали в таких местах, чтобы они были не явно заметны, так как при условии явной видимости они будут быстро уничтожены и стрельба остановится. На явных местах лучше устраивать ложные наблюдательные пункты.

Вообще командарм невысокого мнения о работе и целесообразности работы войск и войсковых начальников.

Около 14.30 дня выехал на автомобиле в 20-й корпус, одновременно со мной выехал и подполковник Рябцев, который командирован в распоряжение генерала Вешнякова. Поехали на Пруды – Оленец – Гануту. Около Оленец сбились и проскочили на Залесье. Заметил ошибку довольно скоро, вернулись обратно и по опросу местных людей нашли мост.

Сейчас же, как приехал, беседовал по поводу операции и предполагаемого прибытия главкозапа, который собирается 23-го или 24-го чис-

ла. На обсуждении были генерал Зарецкий, генерал Вешняков, полковник Костин, полковник Закутовский, полковник Лисовский, генерал Насекин (этот скоро уехал – начальник штаба 28-й дивизии генерал Федоренко просил его отпустить и на следующее утро прислать командиров дивизионов, чтобы толком выяснить, что нужно).

Около 19 часов в штакоре показывали кинематограф.

20 января

От 10 часов утра ту же беседу вел с полковником Гаркушевским (начальник тяжелой группы на фронте 28-й дивизии), и командиром дивизиона 28-й бригады полковником Зайковским, и подполковником Абертом (полковник Лось в отпуску). Просидели до 13 часов дня. Затем от 16.30 дня на ту же тему была беседа с наштадив 133 полковником Кабаловым и временно командующим 133-м арт[иллерийским] дивизионом капитаном Алексеевым.

Если в 29-й дивизии кое-что сделано и идет работа, то в 28-й и 133-й еще ничего не начато. В 28-й дивизии чувствуется какое-то безразличное отношение, 133-я дивизия хочет вести дело обстоятельно, а так как это невозможно, то, конечно, во всем видит препятствия к исполнению работы. Со стороны комкора не видно настойчивости требований и достаточно твердой воли. Есть давление в мелочах, а силы не чувствуется.

В 19 часов я выехал обратно.

Вчера днем ехать было сносно, было –10°, но ветра не было, и солнце согревало. Назад вечером температура хотя и была незначительно больше –12°, но ветер, и еще встречный, был очень неприятен. Мерзли сильно руки.

По приезде заходил к наштарму по поводу вызова квартирьеров и рабочих от прибывающих тяжелых батарей для устройства тылов, а также относительного объединения артиллерии на фронте 133-й дивизии, где во всех дивизионах временно командующие. Рассчитывали на командира 6-го тяжелого дивизиона полковника Бурко, но, говорят, он эвакуирован и даже зачисляется в резерв.

21 января

В 8 часов утра наштарм вместе с генералом Марковым поехали в 20-й корпус на участок 28-й дивизии.

В 10 часов утра приезжал полковник фон Энден, который едет во 2-й Кавказский и 20-й корпусы осмотреть позиции для постановки позиционных противосамолетных батарей на фронте этих корпусов.

В 15 часов приезжал вызванный мною комарт 67 генерал Мальковский — говорил с ним по поводу восстановления 6-й батареи, выделенной на формирование 133-го артиллерийского дивизиона, по поводу производства на фронте армии инструментальных съемок — эти съемки приказано произвести фронтом, и они вылились в уродливую форму нанесения на карты точных мест батарей и наблюдательных пунктов. Так как генерал Мальковский инициатор этих съемок, то интересно было услышать от него, в чем дело. Оказалось, как я и предполагал, что топографы должны установить триангуляционные вехи (столбы с номерами) и отметить их на карте. По этим данным каждая батарея может точно определить на карте свое место и свой наблюдательный пункт и по этим точным данным, пользуясь целлулоидным кругом, вести стрельбу по карте. При этом надо иметь в виду, что не всегда дистанция по карте соответствует дальности полета снаряда, кроме того, в установке трубки играет роль погода и другие условия данного момента. Определив эти данные по видимости цели, можно их трансформировать на заданную невидимую цель.

Затем я сообщил ему о предполагаемом назначении его руководителем артиллерии на участке 133-й дивизии. Генерал Мальковский убедительно просил освободить его от этой роли, указав, в конце концов на то, что у него рогатые отношения с начдивом 133 генералом Крапоткиным — обещал поговорить с наштармом.

После этого был воздуходив подполковник Шутинг, недавно прибывший в мое распоряжение.

К 20 часам вернулись генерал Минут и генерал Марков, уверяют, что не замерзли, хотя утром мороз доходил до 20°.

22 января

С утра были командир 18-го тяжелого дивизиона полковник Савич и временно командующий 6-м тяжелым дивизионом подполковник Дубровин. Они прибыли с командирами батарей. Им тоже не была указана возможность выезда на разведку, а потому они приехали без разведчиков и в одежде, не соответствующей погоде. Всех отправил в штаб 20-го корпуса. Днем приезжал командир батареи 2-го легкого мортирного дивизиона подполковник Мартынов, бывший офицер Константиновского артиллерийского училища — он на днях уезжает в Киев, где получает назначение командиром 2-й батареи Николаевского артиллерийского училища. Просил его о бывшем офицере 14-й бригады штабс-капитане Побыванец.

Вечером получены сведения о прекращении дипломатических отношений Североамериканскими Штатами с Германией. Вот такой неожиданный результат проповеди мира президента Вильсона. Когда «беспощадная подводная война» дала себя чувствовать, то все мирные настроения пришлось отложить в сторону.

Наштарм сообщил, что Ставка отказала в организации особых калибров... 11 дм., 6 дм. 200 п., 120"[1] Это в период, когда подготовительные работы в полном ходу, когда уже все расчеты и все надежды на эти орудия настроены.

Командарм послал телеграмму с просьбой сохранить хотя бы уже стоящие на позициях батареи 6 дм. 200 п. и батарею 120".

Кроме того, получено «надрание» за недостаточно тщательную разработку... особенно по артиллерийской части... представленных предположений 20-го корпуса.

Удивительное свойство не помогать, а присылать «надрание». Соображения 20-го корпуса были посланы довольно спешно, а потому действительно несколько в общих чертах. Затем снова повторяю, что поездки сверху подготовляются изумительно некстати. Генерал Лебедев и генерал Шихлинский ездили как раз тогда, когда нужно было обсуждать соображения комкора 20. Гораздо лучше, если бы они приехали раньше, когда устанавливались и давались директивы.

Затем сегодня – телеграмма об уменьшении артиллерии сопровождалась вопросом, какие изменения в задачах корпусам внесет это уменьшение артиллерийских средств – ну не лучше ли было генералу Лебедеву приехать лично с полномочными от главкозапа и тут же на месте выяснить все вопросы. Теперь же строчится бумага, она, может, не удовлетворит главкозапа, от него будет ответ, и затем, когда пойдет уже разработка по новым данным, опять приедет генкварзап или наштазап «смущать умы» исполнителей.

Легко замечать ошибки других, но нелегко видеть их у себя... цитирую в приложении не к себе, а к главкозапу.

23 января

С утра приехал генерал Шихлинский – зачем приехал, неизвестно, он понял, что надо проявлять деятельность, и потому приехал за день до глав-

[1] 280-мм гаубица Шнейдера, 152-мм 200-пудовая пушка, 120-мм дальнобойная пушка (см. приложение Б).

козапа, якобы чтобы обсудить нужды операции, ввиду того что отняты все «экзотические» орудия. Его поездка могла бы принести пользу, если бы попутно с этим с ним можно было бы поговорить о многих вещах, но это не выходит, он, видимо, умышленно все поднимаемые вопросы обходит, переводя разговор на неделовые, неслужебные темы. О деле он говорит только в том направлении, с которым он приехал.

Он быстро вошел в роль крупного начальника и принимает «знаки подданства», несмотря на чин генерал-майора.

Он бесспорно умный, но и хитрый татарин, генерал Радкевич назвал его «лукавым» — это очень верное определение. Он любезен и мягок и вместе с тем ставит безапелляционную критику о негодности человека. Я не отрицаю, что мягкотелость даже преступна (я и генерал Ден[1]), но все же я не буду вести себя как лучший друг и за спиной аттестовать как негодного. Если и друг, то скажу прямо: люблю как человека, но не ценю как работника. Если же я этого не берусь сказать, то и дружить не буду. Между тем обласканные им его «старшие» товарищи идут к нему, воображая, что он их спаситель, летят как бабочки на огонь.

За сим над генералом Шихлинским точка, последнее время я стал пространно «жаловаться». Это от неумения писать и, пожалуй, мыслить. Нет краткости и потому яркости, выпуклости очертаний мысли.

После 14 часов генерал Шихлинский уехал.

Завтра приезжает главкозап.

24 января

Около 8 утра на автомобилях выехали наштарм, я и генерал Марков на ст. Пруды. Приехали около 8.30, в 9 часов были приняты главкозапом, который приехал с генералом Лебедевым. Надрания не было.

В 9.30 поезд восемь автомобилей поехал в 20-й корпус.

Главкозап очень подробно выслушивал, какая подготовительная работа сделана в дивизиях корпуса. В полной мере подготовка идет лишь в 29-й дивизии. Фланговые («пристяжные»)[2] хромают, у них все в перио-

[1] Скорее всего, здесь имеется в виду фон Ден Александр Александрович (1867–1930) – генерал-майор, командир 36-й артиллерийской бригады, сдавшийся в плен в Восточной Пруссии в августе 1914 г. Аттестацию на генеральский чин подписал ему автор дневника, А.М. Сиверс, когда А.А. Ден служил у него командиром батареи в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. В своем дневнике А.М. Сиверс несколько раз укоряет себя за то, что выдвинул А.А. Дена.

[2] Так в тексте. Под «пристяжными» А.М. Сиверс имеет в виду «соседей» 29-й дивизии (28-ю и 11-ю дивизии), которые должны были поддержать ее атаку с флангов.

де кабинетных предположений. Хорошо, что я их настроил в артиллерийском отношении, по крайней мере, хотя бы «кабинетные» расчеты закончены и намечены, и все же комбат был с кое-какими пехотными начальниками. Очень требовать и нельзя, только 20 января 28-я и 133-я дивизии стали на своем участке. Правда, мне кажется, можно было бы и раньше побывать на тех участках, которые намечены для них, пожалуй, это даже и должно, но... мы любим и требуем понуждения и пинек[1]. Сами по своему почину вряд ли сдвинемся с места. Учитывая это, комкору следовало это указать и потом периодически приглашать для доклада – что сделано. В этом была бы «систематическая» работа. Мне кажется, что для нас применима «урочная система».

Грустное впечатление производят «жалобы» (28-я и 133-я дивизии) в присутствии высокого начальства. Если жалобы серьезны, то о них надо говорить, кричать, требовать и своевременно и в порядке постепенности. «Крик наболевшей души», на мой взгляд, пользы не принес, а неприятное и некрасивое впечатление оставил.

Вернулись на ст. Пруды к 19 часам вечера, затем ужинали у глакозапа и около 22 часов выехали в Молодечно.

После ужина наштарма вызывал к телефону генерал Романовский сообщить, что на участке 11-й Сибирской дивизии немцы выходили из окопов от Бакнеты на Заберезь, по-видимому, овладели нашими окопами, но затем «положение восстановлено».

25 января

Утром был у командарма – еще лежит. Волнуется тем, что не может оправиться.

Странное он производит впечатление, не могу еще разобраться, в чем дело. Доклады у него не как у всех – он не вникает в суть вопроса, а ухватывается за слова, фразу и затем начинает говорить «по этому поводу» – доклад уходит на второй план и, в конце концов, остается неразрешенным.

Около 17 часов поехали опять той же компанией: наштарм, я и генерал Марков – на ст. Пруды в поезд к глакозапу. Приехали рано и сидели до 19 часов в вагоне генерала Лебедева. От 19 часов пригласили в столовую, и разбиралась подготовка операции 2-го Кавказского корпуса. Видел начдива 51 генерала Бенескула – впечатление «забитого». Говорил

[1] Так в тексте. Скорее всего, производное от глагола «пинать».

много командир Горийского[1] полка полковник Лисевицкий (Генерального штаба), говорил хорошо, часто образно, но чувствуется рисовка. Говорили артиллеристы — приятное впечатление, просто, но дельно; очевидно, хорошо знают свою работу.

Очень определенный человек полковник Ржевуцкий — чем больше с ним знакомлюсь, тем более у меня к нему уважения.

После 21 часа с поездом главкозапа проехали до Молодечно.

Утром из фронта получена телеграмма, что Ставка оставляет одну батарею «120» с 800 снарядами и в осадный дивизион с этим комплектом снарядов, что есть в наличности.

26 января

Мороз опять крепнет... термометр отмечает −16°. Около 11 часов, затем около 16 часов над Молодечно пролетали шесть немецких самолетов — сбросили 11 бомб.

Говорят, вчера главкозап, когда был у командарма, очень остроумно сказал, что инаркоры в 20-м и во 2-м Кавказском корпусах — «обозначенные».

Генерал Насекин назначен инаркором 47-го корпуса — вот назначение, которого нельзя понять, аттестован в порядке старшинства, стало быть, уже имеется кое-какой минус.

Вчера по радиотелеграмме немцы сообщили, что на фронте 11-й Сибирской дивизии взято в плен 20 офицеров и 50 нижних чинов и 9 бомбометов. Выходит, что донесения дивизии ложны. Какой позор!

27 января

Утром прибыли штаб- и обер-офицеры 2-й армии. Командированные генералом Беляевым для ознакомления с производством подготовки к операции, днем они выехали в штаб 20-го корпуса.

Вследствие метели отложил поездку до завтра — не знаю, будет ли возможность ехать. Днем получена телеграмма: «сообщено печати», что в районе Манозова, 30 верст южнее Брод, убит ружейной пулей доблестный генерал Кардиналовский — инспартарм 11.

По слухам, в высочайшем приказе еще не было, генерал Шейдеман (инспартарм 5) назначен комкором тяжелой артиллерии, на его место назначен генерал Вахарловский. На место инспартарма 11 назначен генерал Карачан.

[1] 202-й пехотный Горийский полк.

К характеристике командного состава можно указать на обстоятельные доклады в присутствии главкозапа подполковника Калатилина (4-й Сибирский тяжелый дивизион), о нем хорошо отзывается и генерал Вешняков, затем полковника Костина (командующий 10-й тяжелой бригадой), аттестация о нем записана; полковника Ржевуцкого (командир 2-го Кавказского морского дивизиона), его толковая и продуманная работа вообще оценивается генералом Мехмандаровым; подполковника Разумовского (командир батареи 51-й артиллерийской бригады) и, наконец, полковника Лисовского (командир 17-го тяжелого дивизиона) – последний давно мне известен как особенно выдающийся артиллерист. Слабее были доклады полковника Гаркушевского (командир 20-го мортирного дивизиона) и полковника Закутовского (командир 8-го тяжелого дивизиона).

Днем был возвращавшийся из отпуска полковник Муромцев (командир 3-го легкого мортирного дивизиона).

28 января

Погода резко изменилась, холода сменились оттепелью, сегодня было до +3°, при значительном ветре, который не утих до вечера. Дороги занесло, и нельзя было ехать.

Ничего за день не произошло. Днем приехал из Минска генерал Мехмандаров и остановился у меня, пока вызывали автомобиль из штакора. Шоферы говорят, что дорога очень неважная. Генерал Мехмандаров заходил к командарму.

29 января

В 8 утра я выехал в 20-й корпус, одновременно туда же поехали наштарм и генерал Марков. Погода была не холодная, около 4°, но ветер. В дороге поднялась вьюга с градом. Около 10 часов я приехал в Ордзею – штаб 28-й дивизии. Начдив барон Бринкен еще не приехал (был болен и лежал в одном из отрядов Красного Креста при дивизии, в этот день он должен был вернуться). В штадив выяснил, как идут подготовительные работы. Вызывал командира дивизиона 28-й бригады полковника Зайковского и начальника тяжелой группы полковника Гаркушевского.

По докладу этих лиц, дело идет – некоторые сложности вызывает как вопрос проделывания проходов, так и заградительный огонь. В отношении проходов нет доверия к имеющемуся опыту сравнительно небольшого расхода снарядов и времени выполнения 3–4 часа. «Желтой книжке» верят слепо и не сообразуются с тем, что она издана по пер-

вым и недостаточным опытам проделывания проходов артиллерией. Заградительный огонь ставить не умеют. Здесь, на стыке с 29-й дивизией, собрались отгородиться от нее и тем, конечно, помешали бы ближайшим ротам 29-й дивизии.

Около 16 часов я выехал на лошадях 28-й бригады в штаб 20-го корпуса, автомобиль должен был пробираться через Мицкевичи, там застрял автомобиль штарма. По дороге встретил генерала барона Бринкена, возвращавшегося из штакора. Наштарм перед моим выездом из Ордзеи приехал обратно.

Вечером в штакор приезжал генерал Вешняков и подполковник Рябцев.

30 января

Около 8.30 утра я с инаркором 20 выехал на лошадях воздухоплавательной роты в Мицкевичи в штаб 29-й дивизии. Пробыл до 17 часов, выясняя те же вопросы с командующим 29-й бригадой полковником фон Циглером, начальником тяжелой группы полковником Лисовским и начальником противоартиллирейской группы полковником Костиным. Занимались по мере того, что они были свободны. Говорил также и с генералом Дзичканец. Здесь наиболее яркий вопрос о проходах 8-й батареи – должны проделать 24 прохода... Четыре батареи по два и четыре батареи по четыре прохода. Если два на батарею еще можно ожидать, так как всего работы 7 часов, т.е. по 3,5 часа на проход, то четыре на батарею совершенно немыслимо. Генерал Дзичканец говорит, что, по его указанию, с которым он знакомит командиров полков (артиллерия еще не знает), батареи должны проделать по одному чистому проходу и затем... или расширять проделанный, или начать проделывать второй. Конечно, третий и четвертый немыслимы. Очень основательно работает полковник Костин, взявший вполне в свои руки дело разведки батарей противника и даже наших летчиков, которые уже летают, хотя еще не корректируют.

Вернувшись в штакор, узнал, что генерал-квартирмейстер с подполковником Чайковским в районе 133-й дивизии. Поздно вечером они приехали и сейчас же выехали в штарм.

31 января

Заказал лошадей к 9 утра, но по недоразумению лошади вместо штакора поехали в Мишуты – остался без лошадей. Выехал вместе с комкором, который поехал на собеседование в 29-ю дивизию в Угляны (один

из полков в лесу). Оттуда на лошадях наштакора доехал до штаба 133-й дивизии в Мишутах.

В присутствии начальника дивизии князя Крапоткина наштадив разбирал выполнение задач легкой артиллерией с командиром 133-го артиллерийского дивизиона полковником Петровским и начальником тяжелой группы подполковником Калатилиным (временно командующий 3-м Сибирским тяжелым дивизионом). Здесь условия трудные – мало легкой артиллерии, разместить ее трудно. Тяжелая артиллерия хотя тоже далеко, но в несколько лучших условиях. Как и в других дивизиях, вопрос о проходах вызывает сомнения, также опытные данные не встречают доверия, всюду – «желтая книжка». То же и заградительный огонь – нет ясного понимания могущественного действия его для прегражения доступа противника к занятому нами участку и отрезыванию им частей, бросившихся в контратаку, ведь эти части должны понести потери от нашего ружейного и пулеметного огня, а затем отрезанные заградительным огнем становиться нашей добычей. Отсутствие ясного понимания сквозит в действиях 11-й Сибирской дивизии в отражении атаки 27 января.

Вернулся в штакор после 16 часов на лошадях 133-й дивизии. Комкор отдыхал, поэтому мог выехать домой только в 18 часов. Дорога сносная, местами большой снег, но, благодаря морозу 7–9°, довольно крепкий. Около Вожуцы полтора часа простоял в поле, пока меняли шину. Плохо содержатся наши автомобили – никто не заботится. Заведующий ими прапорщик живет в Минске и, вероятно, занят больше житейскими радостями, чем автомобилями.

Все время заступался за инаркора 20 генерала Зарецкого, он действительно хороший человек, но не только больной, но и безвольный и не работник. Он посещает батареи, наблюдательные пункты, но толку от этого мало. Совершенно не ориентируется во многом – он только ужасается большой работе и ведет текущее дело. Малейшее затруднение вызывает уже растерянность, не говоря о том, что предусмотреть и подготовить что-либо заранее, а тем более что-нибудь «потребовать». Работа у него механическая, но не одухотворенная.

Фронт расстроил мои расчеты – уговорил комкора отпустить генерала Насекина, а фронт приказал задержать. Зачем они вмешиваются не в свое дело!

Домой попал к 22 часам – устал немного. Огорчает капитан Каминский – добросовестный старший писарь... и больше ничего. 10 месяцев общей работы не научили его самостоятельно мыслить, а последнее вре-

мя стал забывать. Ничего не помнит. Жду подполковника Попова — «помочь». Чувствую, что переутомляюсь. Не могу сосредоточиться на чем-либо, устает голова, обидно.

1 февраля

Ночью немцы произвели газовую атаку на фронте 132-й дивизии в районе Окушково. Атака прошла, по донесению 1-го Сибирского корпуса, благополучно, отравленных 69 человек. Об этой атаке предупреждал перебежчик. Другой перебежчик предупреждал о готовящейся газовой атаке на фронте 51-й дивизии в районе Минки — железная дорога. После газовой атаки немцы готовятся отнять от нас нашу первую линию окопов, и на эту операцию у них отпущено 9 тысяч снарядов.

Из Петрограда передают слух, что генерал Гиленшмидт получает 3-ю гвардейскую дивизию.

2 февраля

Утром и после обеда был доклад у командарма последних соображений 20-го корпуса по поводу операции.

Говорят, что генерала Цурикова сместили, верно ли?

11-я Сибирская дивизия включена в состав 38-го корпуса.

Днем был с докладом нахим 5 подпоручик Юрченко.

3 февраля

Праздник лейб-гвардии 2-й — второй год не могу быть в этот день в бригаде.

Посылал вчера телеграмму генералу Шихлинскому — относительно обещанного взамен литерных батарей 2-го Сибирского тяжелого дивизиона; ответ: «Главкозап отклонил». Это уже хуже, особенно принимая во внимание что 7-я и 10-я тяжелые бригады оказались неперевооруженными 6-дм полевыми пушками, т.е. ко дню операции будут иметь 6 дм. 120 пуд[1]. Вообще обещания генерала Шихлинского — пустые слова: пушки 37-мм Розенберга[2] еще не прибыли, лишний дивизион не дан, орудия не полевые, а 120 пуд. Стереотрубы не даны мне, а выданы в батареи без учета и расчета.

Утром был с докладом у командарма соображений 2-го Кавказкого корпуса на предстоящую операцию. После доклада командарм поблаго-

[1] 152-мм 120-пудовая пушка.

[2] Траншейная 37-мм пушка образца 1915 г., сконструированная членом Артиллерийского комитета Розенбергом. Разбиралась на три части, могла быть установлена в обычном пулеметном гнезде, имела пехотный прицел и могла обслуживаться пехотинцами.

дарил за мою работу – неожиданный сюрприз! Я считаю, что, в сущности, мало работал, ездил много.

Вот генерал Беляев (инспартарм 2) все строчит «указания» – есть ли толк! Это не в похвалу себе.

Послал телеграмму в бригаду, другая послана от меня, Романовского и Маркова.

Получил телеграмму подполковника Попова – приезжает 5 февраля.

Получено от главкозапа – телеграмма, предписание или письмо не знаю и не важно, что намеченная операция уже достаточно разработана и потому может быть представлена исполнителями, а штарм должен поспешить разработкой весенней операции. Благая мысль или... или признак отмены операции. Слабый намек на последнее... Главкозап не едет на фронт, отказ в присылке 2-го Сибирского тяжелого дивизиона. Неужели это будет?

Расчет снарядов на одно орудие израсходованных за:[1]

	3 л	**3 х**	**45 л**	**48 л**	**6 к**	**6 п**	**6/120**	**6/200**	**42 л**	**42 лк**	**105**	**120**
Декабрь 16	2,5	0,2	1,9	1,6	0,7	v	1,5	v	0,7	v	1,4	v
Январь 17	3,0	0,1	0,2	1,4	0,6	v	0,6	v	1,3	v	1,1	1,0

Изменения в группировке и границах корпусов с конца октября по декабрь не было.

В 20-х числах декабря

1-й Сибирский корпус – от оз. Нарочь до Г[осподского] дв[ора] Спяглица

20-й корпус – от Г[осподского] дв[ора] Спяглица до р. Вилии

[1] Расход снарядов на каждое орудие:

	76 мм легких	76 мм химических	114 мм гаубичных	122 мм гаубичных	152 мм пушек для пушек Канэ	152 мм для полевых пушек	152 мм для 120 пудовых пушек	152 мм для 200 пудовых пушек	107 мм для пушек образца 910 г.	107 мм для пушек образца 77 г.	105 мм	120 мм
Декабрь 16	2,5	0,2	1,9	1,6	0,7	v	1,5	v	0,7	v	1,4	v
Январь 17	3,0	0,1	0,2	1,4	0,6	v	0,6	v	1,3	v	1,1	1,0

Калибры и марки использующихся на Западном фронте орудий даны в приложении Б.

2-й Кавказский корпус – от р. Вилии до «к Крев»
38-й корпус – от «к Крев» до Шулойцы
11-я Сибирская стрелковая дивизия – от Шулойцы до Делятичи
Ушел из состава армии 44-й корпус.

В 20-х числах января
1-й Сибирский корпус – от оз. Нарочь до Ушивцы (включая 132-ю дивизию)
20-й корпус – от Ушивцы до р. Вилии (включая 133-ю дивизию)
2-й Кавказский корпус – от р. Вилии до **«к** Крев» (включая 134-ю дивизию)
38-й корпус – от «к Крев» до Шулойцы
11-я Сибирская стрелковая дивизия – от Шулойцы до Делятичи
35-й корпус – в районе Городок.

В начале февраля (1-го или 2-го)
То же, только в 38-й корпус включена 11-я Сибирская дивизия.

4 февраля

Снова немцы произвели газовую атаку на участке Семенки – Лещенята, на этот раз отравленных несколько больше. Говорят, газы чувствовались в Молодечно.

Настроение, что операция будет отменена.

С перевооружением 7-й тяжелой бригады путаница: то орудий не было, а сейчас телеграмма, что вызывают приемщиков не только для 2-го дивизиона 7-й бригады, но и для 3-го дивизиона 10-й тяжелой бригады.

5 февраля

Сегодня в ночь немцы еще раз пустили газы и все на том же участке Семенки – Лещенята; жаль, что наши команды не столь приспособлены, чтобы тем же отплатить. Военмет считает сегодня ветер благоприятным для нашей газовой атаки и добавляет, что об этом ветре немцы не осведомлены,– будет ли нахим 5 готов. Когда был здесь, докладывал, что все готово.

Штабом армии послана в 38-й корпус телеграмма воспользоваться газополезным ветром для производства газовой атаки. Военмет поехал на участок.

2 февраля 2-й Кавказский корпус обстреливал окопы противника, откуда, по сведениям от пленного, ожидается газовая атака. Израсходо-

вано было 300 крепостных 6-дм снарядов. Сегодня от генерала Шихлинского получена телеграмма, что главкозап признавая за этой стрельбой значительный успех местного характера, не находит возможным расходовать для таких целей снаряды тяжелой артиллерии, назначенные для более широких задач, приказал в будущем для решения частных задач пользоваться исключительно снарядами армейского запаса, не входящими в расчет средств, назначенных для предстоящей операции. С первой частью согласен, вторую не понимаю, так как армейские средства входят полностью в расчет «предстоящей операции»... а будет ли она еще!

Занят разработкой артиллерийской части весенней операции.

Подполковник Попов приехал в Минск, но, ввиду запаздывания поездов, не попал на часовой поезд и будет в Молодечно завтра около 17 часов.

6 февраля

Немцы четвертый раз выпустили газы по одному и тому же месту Семенки – Лещенята, еще нет донесений о результатах.

Вот что значит господствующие ветры, а главное, пожалуй, организация.

Интересно возвращение военмета, он был уверен, что ветры будут нам газополезные, а между тем немцы выпустили газы, хотя говорят, что газы на пути остановились.

Важно то, что немцы выпустили газы, несмотря на сильный мороз, дошедший утром до –27°.

Очевидно, у них техническое оборудование позволяет работать при морозе, или же они умеют пользоваться какими-либо средствами, дающими возможность отогревать шланги, вентили и проч., что у нас промерзает и портится.

Генерал Беляев прислал телеграмму – командарм 2 просит засвидетельствовать командарму 10 искреннюю признательность за оказанное содействие артиллеристам по ознакомлению с работой подготовки операции и лично благодарит меня за товарищескую помощь.

К 18 часам приехал подполковник Попов – наконец! – какая разница с полковником Мдивани, сразу вошел в работу. Приглашается с охотой и полным желанием быть полезным.

Военмет вернулся к вечеру – газовой атаки не было, нахим 5-й не рискнул, опасаясь, что наши шланги не выдержат сильного мороза (было до –27°) – значит у немцев оборудование иное, они в эту же ночь

выпустили газы, хотя они и не дошли до наших окопов, остановившись вследствие изменения ветра.

7 февраля

Идет работа по составлению предположений на весеннюю операцию. Главкозапом было намечено просить у Ставки дополнительное число тяжелых орудий, даже несколько большее, чем было намечено в нашем предположении, составлявшемся еще в ноябре. Однако Ставка отклонила то, что просили, и дала сильно урезав число тяжелых орудий. В общем, по данным главкозапа, на армию должно было быть 100 батарей разных калибров (не считая 45 л. мортир[1]), а с тем, что дает Ставка, выходит всего 65 батарей. Исключив мортирные, процент тяжелых и дальнобойных будет еще резче — 79 и 44.

С этими средствами очень будет трудно вести операции на таком широком фронте — по-моему, необходимо сузить задачу.

Совсем забывают основное правило — соразмерять задачу с наличными средствами.

Подполковник Попов в противоположность полковнику Мдивани стремится всем силами быть полезными и сразу входит в дело и работу.

Генерал Чикалин телеграфирует, что командир 8-го тяжелого дивизиона получил извещение от комкора 48, что дивизион вошел в состав его корпуса.

48-й корпус, по слухам и по тому, что командиром его назначен бывший инспартам 5 генерал Шейдеман, — артиллерийский[2], таким образом, убытки включения 8-го тяжелого дивизиона сейчас не предвидятся, но будет жаль, если этот дивизион уберут из 2-го Кавказского корпуса, — они уже сжились.

Однако в этом деле непонятным является непосредственное сношение комкора 48 с командиром дивизиона помимо штарма и штакора. Чувствуется что-то несимпатичное в создании артиллерийского корпуса. Казалось бы, правильнее было бы объединение всех крупных калибром под начальством особого артиллерийского начальника, для регулировки

[1] 45-лин. (114-мм) гаубица (см. приложение Б).

[2] Формирование резерва Верховного главнокомандования — Тяжелой артиллерии особого назначения — проводилось в строжайшей тайне. Официально в начале 1917 г. был создан 48-й корпус. В него вошла вся тяжелая артиллерия больших калибров, которая была переформирована в шесть тяжелых артиллерийских бригад: 200, 201, 202, 203, 204 и 205-ю. 201-я бригада была придана в усиление Западному фронту.

и распределения мощных орудий на те участки фронтов, где они по обстановке требуются. Включать же отдельные дивизионы, приданные корпусам, не следует. Каждый корпус должен иметь свой основной тяжелый дивизион. При назревании операций к намечаемому участку могут стягиваться и основные тяжелые дивизионы, но по выполнении задач они должны возвращаться в свои корпуса. Большое значение имеет «своя часть».

Знают ее войсковые начальники, знает и сживается она с частями.

8–9 февраля

Ничего нового, погода – «с переменным счастьем», то теплее, то холоднее, до довольно сильного мороза 15°.

Работа по составлению предположений идет полным ходом – литература и схемы; подсчет орудий, меняющихся в числе не по дням, а по часам.

10 февраля

Оказался вчера пророком – около 9.30 приехал генерал Шихлинский, привез новые данные числа орудий на весеннюю операцию. Утром генерал Шихлинский вел беседу со мной, затем командармом и наштармом, а от 18 часов еще вызывал и генерала Орлова, суть последней беседы осталась для меня неясной. Генерал Шихлинский и на этот раз остался верен себе... дал «указания», написал много пунктов, по которым надо отвечать все о той же весенней операции, а о текущих делах ни полслова, обходя все задаваемые мною вопросы с ловкостью пловца на подводных камнях. Генерал Марков уехал в Петроград на несколько дней. Наконец разъясняется загадочный 48-й корпус – это артиллерийский, назван армейским, «чтобы немцы не догадались»... а свои не знают. Итак, комкором 48-го генерал Шейдеман, наштакором полковник Порохонский (артиллерист, бывший офицер 14-й и 33-й бригад), инаркором – генерал Конопчанский, наконец, комарт 201-й бригады генерал Столбин (бывший конноартиллерист, а затем комарт 10-й Сибирской бригады).

Кроме 8-го тяжелого дивизиона в состав 201-й бригады, которая на весеннюю операцию будет придана армии, входит еще 6-й осадный и 6-й тяжелый дивизионы.

Мороз к ночи –21°.

11 февраля

Командарм утром разбирался в артиллерийских средствах на предстоящую весеннюю операцию и затем рассматривал шансы за и против –

все его взгляды и выводы очень правильны, хотя мыслит несколько тяжеловесно.

Около 13.00 дня приехал генерал Шихлинский, ночевавший на станции в вагоне... удивительно то, что он сидит здесь «зря»... ожидая чего-нибудь, чтобы «показать» главкозапу. Все это можно было бы прислать ему... но без новостей он «приехать» к главкозапу не может. Вот политика. В ночь немцы пятый раз выпускали газы на участке Семенки—Лещенята, но газы, дойдя до наших окопов, остановились и повернули назад.

Телефонировал штабс-капитан Шафров: так же, как и 8-й тяжелый дивизион, получает телеграмму от комкора 48-го.

12 февраля

Операция 20-го корпуса отменена! Причиной соглашение с союзниками или по их указанию. Вернее, по указанию новых «темных сил». Чувствовалась отмена, но не хотелось верить. Командарм делает последнее усилие, послал рапорт главкозапу, выясняя мотивы, по которым отмена вредна как подрывающая дух и порыв войск. Создавшаяся обстановка, достаточные силы, много артиллерии (вся эта артиллерия предназначена на весеннюю операцию на 19 верст—добавляются лишь крупные калибры), малочисленность противника против нас—дают право рассчитывать на успех.

Столько раз готовились на этом месте и столько раз отменяли—положительно прав командарм, который говорит, что ему «стыдно» показаться перед войсками.

Какой скверной иронией звучит конец телеграммы глакозапа, что 2-й Кавказский корпус и 20-й должны производить «усиленные поиски», поддержанные газовыми атаками.

Батарею Шафрова («120») уводят на Юго-Западный фронт, штарм заканчивает свои соображения по весенней операции, причем генерал-квартирмейстер самостоятельно, без моего участия, переместил батареи из одних корпусов в другие. Получилась неувязка и по схеме, и во всех расчетах.

Вообще, возникает снова вопрос о ненормальном положении инспектора артиллерии. Многие вопросы проходят помимо меня—например, целый отдел приказов по корпусам, в них дается довольно много указаний по части артиллерии и которые до меня не доходят. Не могу же я ежедневно рыться в бумагах штаба, чтобы извлечь кое-что. Вчера просил начальника штаба, не послать ли перечень газоопасных участков

на фронте армии во все корпуса,– согласился, я отпечатал копии и совсем было собрался послать, но случайно наткнулся, что оперативное отделение уже разослало эти копии. Правая рука не знает, что делает левая, или наоборот.

Утром был нахим 5 подпоручик Юрченко – все нелады с местным начальством. Распоряжением комкора 38 команду перевели из Городьки в Кривск. Может быть, это необходимо, но все же следовало меня предупредить; Городьки близ железной дороги, а Кривск в стороне.

Получил письмо от полковника Сапожникова (из Упарта), он наводил справки относительно восстановления старшинства 11-й Сибирской бригады поручика Смирнова. Дело – безнадежно. Поручик Смирнов до войны, кажется в 1913 году, был командирован с батареей в Монголию. С объявлением мобилизации он просился в бригаду, но за отсутствием желающих его заменить не мог устроиться до 1916 года. Теперь, найдя заместителя из числа раненных, он прибыл в бригаду и оказался моложе не только товарищей, но и моложе бывших при нем вольноопределяющимися. Ввиду того, что он не по своей воле не был до сего времени на войне, о нем ходатайствовало начальство – но на этом приходится поставить крест.

Получил также письмо от штабс-капитана Побыванца (бывший офицер 14-й бригады) – он принят в Николаевское артиллерийское училище.

13 февраля

Ночью около 24 часов немцы выпустили газы у Сморгони, где именно, еще не выяснил, а потому не знаю, там ли, где указал пленный. Все же район Сморгони оказался верным, и потому газовая атака была ожиданной и пострадавших мало... 6 офицеров и около 50 нижних чинов. Обращает внимание большой процент офицеров, наштарм полагает, что это следствие распоряжения заносить в послужные списки – отравление газами (как его проверить, это ведь вроде контузия).

Получен от главкозапа отрицательный ответ на заявление командарма о необходимости удара на фронте 20-го корпуса. Итак – все впустую. Обидно – неприятно слышать в войсках при каждой подготовке – «а не отменят?». Как-то неловко чувствуешь себя при таких вопросах.

Неужели генерал Эверт удержится после стольких отмен. Или неумение, или не везет ему. Казалось бы, что надо было взвесить все и затем уже трепать войска, если надо; бесцельное же утомление и дергание к добру не приводит.

14 февраля

Утром у командарма был комкор 35 генерал Парчевский... командарм характеризует его слабоватым.

К ночи я поехал в вагон, чтобы ехать в 38-й корпус.

15 февраля

Ехал с генералом Романовским — выехали поздно, около 2 часов ночи, через полтора часа приехали на блокпост 654. Около 8 утра генерал Романовский поехал в штаб 38-го корпуса в Воложин, а я в Лоск к комарту 69. Ехали на лошадях. Начдив 69, оказалось, уехал на позиции, а потому я его не видел — просил собрать командиров дивизионов и командиров батарей 69-й бригады и комарта и командиров дивизионов 11-й тяжелой бригады. Генерал Яценко, полковник Надеин, полковник Андреев, полковник Гололобов, полковник Глоба и командиры батарей беседовали о размещении батарей, наблюдательных пунктов, видимости с них, о заградительном огне и др. Все в один голос подтверждают, что пехота предъявляет им требования по букве «желтой книжки», а не по духу. Претендуют на артиллерию, когда она не буквально выполняет указанные параграфы.

Затем обедали в собрании и смотрели кинематограф. После этого я вернулся к 16 часам в Лоск и был у начдива 69 генерала Гаврилова. Говорил по поводу 5-й химической команды. Начдив считает, что команда небрежно хранит свое имущество, нет внутреннего порядка в соблюдении чистоты в районе расположения.

Около 18 часов я выехал на блокпост, там ожидал меня полковник Боголюбов. К 22 часам приехал и генерал Романовский, и мы поехали назад и возвратились в Молодечно после 24 часов. Полковник Боголюбов говорил, что им был запрос, существует ли офицерская лига, поставившая целью доведение войны до победного конца и борьбу с немецким засильем и еще что-то. Большинство ответило, что лига во вверенных им частях не существует, но что все офицеры преисполнены желания победного конца и уничтожения немецкого засилия. Любопытные документы.

16 февраля

Получено извещение, что главкозап, предполагавший быть в штарме в субботу 18-го, приедет завтра около 18 часов. Посланы спешные телеграммы комкорам с вызовом их в штарм. Усиленно занялись вычерчи-

ванием схем видимости с наблюдательных пунктов для фронта; схемы в масштабе 250°[1], а потому размеры обширны.

Из фронта от генерала Эверта получена шифровальная телеграмма, что он утверждает соображения штарма, причем нам будет добавлено еще два тяжелых дивизиона (2-й дивизион 10-й тяжелой бригады и 32-й тяжелый дивизион). Это несколько лучше, может быть, и еще что-нибудь дадут со временем.

17 февраля

Утром от главкозапа получена телеграмма, что он сегодня не приедет, а будет 23-го числа. Для чего же спешно вызывали комкоров?

До обеда обсуждали разные вопросы, связанные с предстоящей операцией, с командармом. Странное впечатление производит генерал Горбатовский, очевидно, старость уже затронула его – долго спорит, иногда против очевидного, иногда не уяснив себе сути доклада, а затем выдыхается и соглашается.

К 13 часам собрались генерал Иевреинов, генерал Безкровный, генерал Зарецкий (20-й корпус), генерал Соковнин, генерал Зайченко, генерал Иванов (38-й корпус), генерал Мехмандаров, генерал Федоров, генерал Чикалин (2-й Кавказский корпус), генерал Плешков, генерал Ярон, генерал Закутовский (1-й Сибирский корпус). После обеда от 14 до 18 часов было совещание по поводу все той же весенней операции.

Любопытно, что все комкоры считают более целесообразным выводить на фронт атаки три дивизии, имея одну в резерве. Главкозап, а за ним наштарм и генкварм требует вывода голов всех четырех дивизий.

Грустное впечатление производят инаркоры – ископаемые!

Прочел в высочайшем приказе, что генерал Российский (бывший комбриг 28-й дивизии) зачислен в резерв – неужели отставлен от командования (56-й дивизией)? Что случилось?

Из Петрограда пишут, что генерал Цуриков действовал очень неудачно. Генерал Мехмандаров считает его вредным для военного дела, признавал за ним острый ум, образованность, тем не менее, находит, что он вреден для дела.

Устарел, по-моему, и генерал Иевреинов, ему пора уже и на покой. Не следует мрачно смотреть на вещи, но быть по-детски оптимистом –

[1] То есть в 1 см чертежа 250 единиц натуральной величины.

это тоже вредно. Ему следовало бы на покой, он должен сам понять — но не понимает.

18 февраля

Продолжение черчения схем, сколько уходит труда и времени на это бесполезное дело.

Вечером приезжали ученые химики (прапорщик Писарев, химик фон Юнг, доктор Беднаржу) — едут выяснить обстоятельства химических атак под Сморгонью и в районе 132-й дивизии.

Характерные черты командарма — подавал ему проект приказа относительно объединения работы по обнаружению артиллерии противника на фронте корпусов... Одна фраза показалась непонятной, выручил наштарм, вставив классическое выражение «вследствие того что», и тогда ему стало все понятно.

Получил сегодня телеграмму от генерала Шихлинского, который спрашивает, нет ли надобности увеличения штатов Управления инспартарма, так как инспартарм 2 генерал Беляев телеграфирует: «Настоящее время помимо прямых обязанностей я исполняю функции комкора, начдива и комарта по отношению воздушных батарей армии, химической команды и воздуходива. Штат и характер работ Управления к этому совершенно неприспособлены, так как текущие потребности частей не могут оставаться неудовлетворенными, то это имеет прямым следствием ущерб более важной (оперативной и инспекционной) стороне обязанностей моих и управления».

Высокопарно и цветисто, а в сущности беспочвенно. Не штат виной, а непомерные бумажные требования фронта.

По-моему, канцелярия совершенно не мешает поездкам, невелика важность, если бумаги залежатся дня на три, много четыре. Это бывает нечасто. Подчиненные части вовсе не доставляют так уж много хлопот.

Генерал Шихлинский обещает поддержать ходатайство об изменении штатов.

19 февраля

Вышло новое постановление вычерчивания «полей видимости» с н[аблюдательных] п[унктов] — издано и объявлено в приказе наштаверха в декабре 1916 года, дошло до нас только сегодня. Оказывается же, что Наштазап, прочитавший это в наставлении, затребовал от нас и еще торопит. Удивительная поспешность — а потом будет «надрание». Если бы

мы получили раньше, то, конечно, нетрудно было бы «потрафить». Великолепные слова «потрафить» и «наломаться», продукт нынешней войны.

Снова морозы, ночью до –20°. Днем яркое солнце, и с ним налеты немцев. Впрочем, их летчики летают и ночью, так 17-го поздно вечером приходил самолет и сбросил несколько бомб у станции. Несмотря на лунную ночь, увидеть его было нельзя, одна из батарей сделала несколько выстрелов и прекратила огонь.

20 февраля

Сегодня был нахим 5 подпоручик Юрченко с докладом о газовой атаке, произведенной в ночь с 17-го на 18-е число. Эта атака мне не очень понравилась. Выпустили две волны одна за другой с промежутком всего 5 минут вместо 40 минут. Нахим объясняет тем, что было наблюдено колебание ветра, частью штиль, поэтому, чтобы не ограничиться одной волной, он поспешил выпустить вторую. Мне кажется, что ускорять выпуск волн не следует. Если направление ветра помешает, то на нет и суда нет, но если ветер будет благоприятный, полезнее растянуть выпуск волн, дабы держать противника дольше в напряженном состоянии.

Обсуждал с нахимом положение команды, так как это мне говорил начдив 69, а потом и лично полковник Дрейер, подпоручик Юрченко расплакался... Не могу разобрать, действительно ли отношение к команде, к нему полковника Дрейера и отсутствие поддержки со стороны начдива его довело до нервного состояния или же просто это плаксивая натура. Намек на ненормальное положение команды – это вывод команды из д. Городьки ради отряда гр[афини] Толстой.

Затем другой факт – полковник Дрейер приказом по полку требует от команды более интенсивной работы по расчистке ходов сообщения, возлагая ответственность на нахима, начдив 69-й на приказе собственноручно пишет: «В изменение п. 5 приказа наряжать от команды по 80 чел. «поурочно» и ответственность возложить на ротных командиров». На эту надпись полковник Дрейер говорит: «Это вздор, а я возлагаю ответственность на Вас».

Это некоторые факты – таких, вероятно, много.

Но и подпоручик Юрченко поступает неправильно – будучи в Петрограде, устроил себе перевод в 14-ю команду. Сейчас требуют немедленного командирования, указывая что под[поручик] Лукерьин может его заменить. Против подпоручика Лукерьина все. Послал ответ, что не могу отпустить, пока не будет назначен новый опытный и энергичный на-

чальник, подпоручик Лукерьин недостаточно подготовлен быть начальником команды.

Утром докладывал командарму о необходимости назначения в активных корпусах артиллерийских начальников для черной работы разведки позиций и размещения мортирной и тяжелых батарей, наименовав их помощниками инаркоров. Командарм не пожелал, чтобы это было проведено приказом, так как он понял буквально слово «помощником» — т.е. заместителем не подходящих инаркоров. Эти помощники (идея полковника Кирея) должна быть независимо от того, деятельные или недеятельные («обозначенные») инаркоры. Эти «помощники» должны сидеть в районе позиций, изучать и «примерять» постановку каждой батареи. В свою очередь, в помощь им должны быть даны офицеры с навыком разведчика от каждого дивизиона, входящего в состав корпуса.

21 февраля

В конце концов командарм согласился на эту меру, но как совет, а не приказание.

С 20 февраля изменилась группировка корпусов в армии:
35-й корпус — от оз. Нарочь до д. Спяглица (55-я и 67-я дивизии)
20-й корпус — от д. Спяглица до р. Вилии (28, 29 и 132-я)
2-й Кавказский корпус — от р. Вилии до «к Крево» (Кавказ. грен., 51-я и 134-я)
38-й корпус — от «к Крев» до Куписка[1] (62-я, 69-я, 11-я Сибирская, 2-я Кубанская казачья)
1-й Сибирский корпус — в резерве в районе Городка.

Разрешено командармом оттянуть химическую команду в резерв в район Куренцы недели на две с тем, чтобы затем поставить ее в район 35-го корпуса для производства газовых атак у оз. Нарочь.

Около 18 часов на автомобиле ездил в штакор 2-го Кавказского корпуса (Васюковщина), вернулся к 23 часам. Дорога проезжая, но есть рытвины и ухабы.

Говорил с генералом Мехмандаровым относительно организации разведки артиллерийских позиций, о составлении сводок деятельности артиллерии противника, о схемах полей видимости с наблюдательных пунктов и о некоторых других вопросах. Присутствовали инаркор и наштакор.

[1] Сохранил свое название. Ныне поселок в Гродненской области Беларуси.

Днем вновь заходили химики – едут в 5-ю химическую команду, где ночью намечена газовая атака.

Получил снимок летчиков, где очень ясно видны результаты обстрела нашим 8-м тяжелым дивизионом 12-го числа окопов противника, где, по сведениям пленных, предполагалась и затем действительно была произведена газовая атака. Снимок интересен, но показывает, что обстрел велся, по-видимому, «поспешный», без наблюдения каждого выстрела.

22 февраля

Выясняется, что ни 1-й, ни 2-й дивизионы 10-й тяжелой бригады не будут перевооружены; таким образом, на предстоящую операцию будет 10 батарей с пушками 120 пуд. Это ослабление мощности при общем недостаточном числе тяжелых орудий начинает внушать беспокойство. Докладывал командарму, но предложение выяснить и указать генералу Похвисневу командарм отклонил – «не люблю Похвиснева», хотел послать телеграмму великому князю – я предложил лично проехать в Ставку в Упарт. Пока решено на этом.

На запрос, окончательно ли отменено перевооружение, за Похвиснева ответил генерал Шихлинский... соответствующих орудий в настоящее время не имеется.

Благотворительность начинает процветать – в высочайшем приказе прочел о назначении генерала Артамонова («Нильский крокодил»[1]) начальником вновь формируемой (выделенной 4-й) дивизии. Это после главного начальника Кронштадта, командира корпуса и, кажется, коменданта Львова или в этом роде. Говорят, что отставленный в свое время командир корпуса Епанчин (бывший директор Пажеского корпуса) тоже командует дивизией.

Высочайшим приказом 6 декабря в 16 часов генерал Голицын произведен в генералы от артиллерии.

В ночь на сегодня подпоручик Юрченко вновь произвел газовую атаку, небольшим числом баллонов – оставшиеся неиспользованными от атаки 17–18-го числа – о ней не занес в дневник.

[1] Экзотическое прозвище генерал Артамонов получил после того, как он, «член Императорского Географического Общества, совершил путешествие в Абиссинию и по возвращении в Петербург прочел о своей поездке ряд "эффектных лекций", в которых, наряду с интересными сведениями об этой стране, рассказывал много вымыслов и фантазий о своих приключениях» («Лагерный сбор 1907 года. Из писем М.В. Алексеева. Журнал «Военная быль» // URL: http://lepassemilitaire.ru/lagernyj-sbor-1907-alekseev/).

При выпуске газов присутствовали приезжавшие химики, они получили полное удовольствие и очень благоприятно отзываются о работе подпоручика Юрченко. Трудно разобрать, кто прав, кто виноват; конечно, есть дефекты во всем, но не следует придираться, прижимать и травить «одного из малых сих». Надо помочь, указать и направить.

Имущество приезжие химики нашли не в таком безобразном виде, как рисовал начдив 69. Мне очень жалко, что подпоручик Юрченко уходит. Если бы дали такого, как прапорщик Гажала, то еще ничего, а то кого назначат.

Во время газовой атаки ранен в голову прапорщик Доброхотов осколком тяжелого снаряда.

23 февраля

Вчера подпоручик Юрченко прислал телеграмму, что 18-го числа, то есть после выпуска им газов, видны были приносимые немцами очаги для очистки окопов от газов, командир 6-й батареи 69-й бригады сообщил, что видел санитарный поезд около 30 вагонов и много санитарных повозок — очевидно, газовая атака была успешна. Показал эту телеграмму командарму — он приказал поместить в сводку, представляемую во фронт. Сегодня из штаба 38-го корпуса была записка — кем сообщены эти сведения; очевидно, обиделись, что помимо них прошло это донесение.

Поразительное отношение ко всем требованиям — чтобы получить ответ, надо посылать неоднократные напоминания, кроме того, не менее поразительно и небрежное выполнение — все кое-как, только чтобы сдать. В этом отношении инаркоры побивают рекорды — при разных вопросах передают донесения частей без всякой обработки и личной оценки; как будто это только передаточная инстанция.

24 февраля

К 9 утра собрались опять комкоры, наштакоры и инаркоры корпусов, предназначенных для весенней операции. К этому времени приехал главкозап с наштазапом, инспартзапом и начинзапом.

Совещание было менее людное, чем в мае 1916 года, но более тягостное по впечатлению.

Начал главкозап с вступительной речи, в которой указал, что все бывшие до сего времени операции и подготовка к ним были недостаточно продуманными, не все было предусмотрено, не все, что нужно и можно, было сделано исполнителями.

Мартовская операция в районе Поставы – непродумана, плохо нацелена, связь в зачаточном состоянии. Майская подготовка к Кревской операции была выполнена основательно, но долго, – отмена ее не дала поверки. Барановичская операция – скороспелая, подготовки требовать было трудно. Вначале был успех, но дальнейший распорядок недостаточно продуман. Стоход – без подготовки, смаху. Сентябрьская – 20-м и 24-м корпусами подготовка велась недостаточно интенсивно. Февральская подготовка 20-м корпусом велась слишком длительно, чувствовалось сомнение – не будет ли отменена.

В общем, нет дружной работы, нет желания бороться с препятствиями, нет сердца, нет порыва. После такого вступления совещание – беседы носили характер и тон недостаточно благожелательный в отношении командарма и даже всего штарма.

Несмотря на телеграмму главкозапа, что в общем он согласен с соображениями армии, на совещании выяснилось полное несходство взглядов на идею выполнения операции. Штарм полагал центр тяжелой атаки на южном участке главного удара – главкозап, а вернее наштазап, считает, что важнейшее направление северное.

Разъяснением, почему фронт придает этому направлению первенствующее значение, послужил доклад начинзапа генерала Гиршфельда, который указал, что немцы устроили свои укрепления так, что получились серьезные перегородки, образованные своим оборонительным валом на юг, поэтому преодоление их легче с севера, то есть бить не в лоб, а в тыл. Такое решение на первый взгляд кажется правильным, но если вникнуть в дело, то оно примет совсем иной вид. Почему немцы строили перегородки, преграждая наше наступление с юга, – или считая направление тактически более важным, связывая необходимость очищения всей позиции при нашем продвижении, или же считают южное направление по условиям местности более опасным и менее обеспеченным, а потому усиливают его инженерными сооружениями. На это именно указывает штарм, делая вывод, что, перенося центр удара на север, нельзя ожидать успеха.

Затем привезенной новостью явилось предложение генерала Шихлинского образовать армейскую артиллерийскую группу... собрав в нее все крупные калибры и три батареи 6-дм крепостных гаубиц. Против этого восстали все комкоры.

Однако как тактическая идея, так и армейская группа были навязаны главкозапом путем обструкции – он говорил об этом до тех пор,

пока командарм не махнул рукой: «пусть будет по Вашему, отпустите лишь душу!».

В таком духе шлю все совещание, это не был обмен взглядов, предоставление штарму разобраться в новых факторах и предложениях, а навязывание своей идеи, давление сверху. Тогда уже имей мужество приказать, между тем главкозап подчеркнул, что он мог бы приказать, но он не делает этого, и одновременно так настойчиво проводил свою мысль, так давил на волевую сторону штарма, что все приняли, совершенно не убедившись и не согласившись с доводами главкозапа.

На совещании были печальные, отрицательные картины — так, генерал Шихлинский, указавший в прошлый приезд, что батареи 12-дм гаубиц следует приближать с тем, чтобы увеличить прострел в глубину противника, сегодня утверждает, что эти батареи не следует ставить ближе 7–8 верст и как крайность в 6 верстах от окопов противника. Затем он при поездке вместе с генералом Лебедевым утверждал, что стрельба по карте пользы принести не может, а вызовет лишь большой расход снарядов, так как артиллерия может стрелять только по тем целям, которые видит. Сегодня советовал начать стрельбу по карте. Вообще, этот приезд совершенно разочаровал меня в генерале Шихлинском. Если высокое положение, занятое им, несколько вскружило голову, то Бог с ним, эта мания величия забавна, но безвредна. Колебание же в проводимых принципах, да еще без оговорки, что я изменил свой взгляд потому-то и потому-то — огромный вред. Все идеи терпят эволюцию, все может окончиться иным, чем представлялось, но надо это оговорить. Иначе впечатление беспринципности и угодливости фантазиям свыше. Неприятно вел себя начальник штаба 1-го Сибирского корпуса генерал Ярон, поддакивал всему, что говорил главкозап, и не только в тех случаях, когда его спрашивали, но все время, когда говорил главкозап. Получались и курьезы. Главкозап давал решения или-или, генерал Ярон поддакивал и на первое, и на второе!

Обращала на себя внимание толстокожесть генерала Гиршфельда, который вставлял «слова», несмотря на то, что главкозап не раз в довольно резкой форме осаживал; если бы еще «слово» было в защиту каких-либо идей, а то, наоборот, его «слово» действительно почти каждый раз было не кстати.

Очень хороший человек генерал Минут, но очень бессловесный и бесцветный на таких совещаниях.

Подводя итог совещанию, я считаю такой способ ведения «обмена мыслей» вредный. Я еще раз подчеркиваю свой взгляд, что фронт дол-

жен был обсудить со штармом всю операцию, договориться до определенного решения и затем уже решенное в «окончательной» форме передать корпусам. Теперь же получилась такая картина, что или штарм недоделал, не все предусмотрел – тогда уменьшается доверие корпусов к штарму, или же фронт оказал давление, и штарм – уступил. Это тоже не может служить поднятию престижа и власти командарма. Я нарочно остановился подробно на этом совещании, которое чрезвычайно характерно для генерала Эверта. Сначала он согласился с соображениями штарма, затем кто-то что-то нашептал и вселил сомнение, а вдруг будет неуспех. Все было спутано, но, однако, приказания не отдал... Я не приказывал, я только подчеркнул то, что казалось против вас, вы ближе к делу, вам виднее, а потому вы могли принять или не принять. Стало быть, вина неуспеха на вас. Вот мысль, сквозившая во всех его словах. Это печально, вредно и не обещает ничего хорошего.

Приятный контраст составляет генерал Романовский, который твердо и определенно держится в своих взглядах и не гнется под давлением напора фронта.

25 февраля

Утром разбирались с командармом в некоторых вопросах вчерашних нововведений. Другие вопросы мне нужно предварительно обсудить с наштармом.

Высочайшим приказом произведены в генералы комарт 25 генерал Некрасов и комарт 4-й Финляндской генерал Перрет (оба лейб-гвардии 2-й).

26 февраля

Утром снова докладывал командарму о размещении батарей больших калибров, который составят «армейскую группу».

По снимкам летчиков и показанию пленного по железной дороге за ст. Сморгонь в 4 верстах 235 саженях от железнодорожного полотна отводится ветка и строится батарея для 38-сантиметровых пушек – достать до нее нельзя, иначе как батарею «120» штабс-капитана Шафрова, которую можно поставить за р. Вилией в лесу к ю[гу] от Трилесино. Новое сооружение немцев будет от этой батареи в 11 верстах.

Командарм посылает меня в Ставку к Великому князю просить оставить батарею «120», затем перевооружить 10-ю и 11-ю тяжелые бригады и обильно снабдить химическими (синими) снарядами.

Сегодня в ночь с 1.40 до 3 утра немцы произвели снова газовую атаку, выпустив три волны и сопровождая обстрелом химическими снарядами. Пострадавших по донесениям 26 тяжело и около 50 легко отравленных.

27 февраля

Изготовляю с подполковником Поповым карты и справки для великого князя.

Около 23 часов поехал в вагон, который мне дали на поездку в Ставку. Еще 25-го числа просил начвосозапа генерала Колюбакина разрешения прицеплять вагон к поездам в Минске и Орше — очень любезно согласился, и сегодня была от него телеграмма, которую я взял, дабы не было задержек.

Со мной до Минска едут генерал Безкровный (наштакор 20), полковник Лесевицкий (командир Горийск[ого] полка) и сестра милосердия Плахова.

28 февраля

Поезд отошел 3.30 ночи, и утром были в Минске. Несмотря на телеграммы генерала Колюбакина, было много хлопот, чтобы прицепили вагон к поезду. Порядки российские — никто никому не передал, что мой вагон следует прицеплять.

На вокзале встретил флигель-адъютанта полковника Цвецинского и доктора Ваулина, которые доехали до Орши в моем вагоне.

1 марта

В Орше тоже история, никто ничего о моем вагоне не знает, снова хлопоты, из Минска не дали знать, что вагон идет на Могилев.

В Могилев пришли поздно ночью — снова хаос, вагон чуть не провезли дальше, едва проводник поспел сказать, чтобы отцепили.

Около 10 часов поехал к Н.Н. Долгово-Сабурову (радомский вице-губернатор). У него узнал о чудовищном событии — революционном движении. Пока еще знает мало.

После роспуска Государственной думы старейшины собрались и постановили Думе не расходиться и членам Думы не разъезжаться. С 26-го числа начались беспорядки, о которых председатель Думы телеграфировал Государю: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит

беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы часть ответственности не пала на венценосца».

Одновременно Родзянко посылает телеграммы главнокомандующим фронтами вышеприведенную телеграмму с просьбой поддержать со своей стороны перед царем.

На что были ответы генерала Брусилова: «Телеграмму получил. Свой долг перед родиной и царем исполню». От генерала Рузского: «Телеграмму получил. Поручение исполню».

Не получая ответа от царя, Родзянко посылает 27-го числа вторую телеграмму: «Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

После этой телеграммы был послан генерал Иванов с Георгиевским батальоном, и затем поздно ночью выехал Государь.

Царский поезд около ст. Дно был остановлен и направлен в Псков.

Между тем из состава Государственной думы был образован Исполнительный комитет в составе, как указано в прилагаемой выписке.

«27 февраля, ровно в полночь, окончательно организовался исполнительный комитет Государственной думы в следующем составе:

Мих. Влад. Родзянко.
А.Ф. Керенский.
Н.С. Чхеидзе.
В.В. Шульгин.
П.Н. Милюков.
М.А. Караулов.
А.И. Коновалов.
И.И. Дмитрюков.
В.А. Ржевский.
С.И. Шидловский.
Н.В. Некрасов.
В.Н. Львов.
Полковник Энгельгардт

По предложению исполнительного комитета Государственной думы, обязанности коменданта восставшего Петроградского гарнизона принял на себя полковник Генерального штаба, член Государственной думы Б.А. Энгельгардт, вступивший в должность в начале 1 часа ночи»[1].

[1] Здесь и далее газетные вырезки, наклеенные на страницы дневника, даются в кавычках.

В день моего приезда в Ставку сведения о том, что происходило в Петрограде, очень скудны.

Днем получена телеграмма генерала Мрозовского: «В Москве полная революция, войска перешли на сторону революционеров».

От Н.Н. Долгово-Сабурова я пошел к адъютанту великого князя полковнику Драке, но ни его, ни полковника Сапожникова нет в Могилеве, оба уехали в Петроград.

Нет и генерала Синеокова, который в командировке. Пришлось идти в Упарт, где видел и говорил с полковником Далером. От него узнал некоторые подробности происходящего, но, в общем, очень мало. Поговорил с ним относительно перевооружения 6-дм пуш. 120[1] в 10-й и 11-й тяжелых бригадах. По-видимому, 10-ю бригаду перевооружить возможно, но 11-ю бригаду ожидать безнадежно. Великий князь был болен и не выходил, тем не менее, спрошенный по телефону, назначил мне прием в 11.30 утра.

Заходил к генералу Барсукову – тот торопился, а потому видел его минуту.

Великий князь тоже сказал, что перевооружение 10-й тяжелой бригады, вероятно, будет возможно, однако считает, что пушки 6-дм 120 п[2]. совсем не плохи, так как дальность их не менее 6-дм полевых, и снаряды те же. Вопрос в лафетах, которые не выдерживают. Относительно батареи «120» все зависит от генерала Лукомского.

Затем великий князь сказал, что он сам получает мало синих химических снарядов, но что они вовсе не так уже желательные, так как газ этих снарядов хотя и ядовитый, но легкий и потому неустойчивый, быстро испаряется, даже при самом легком ветре уносится, между тем газ красных снарядов плотнее и долго держится в одном месте, оседая во всех углублениях, и особенно устойчив в лесах.

Снаряды с дымовыми шашками могут быть полезны, но заводы с трудом ставят производство новых снарядов и потому ожидать этих снарядов на фронте нельзя ранее как через полтора года.

Пробыл я у великого князя более получаса. Затем поехал к себе в вагон.

[1] Имеется в виду 6-дюймовая осадная пушка в 120 пудов весом (см. Приложение Б).

[2] То есть пушка калибром 6 дюймов и 120 пудов весом. В распоряжении Русской армии имелись два осадных орудий одинаковые по калибру но различавшиеся по массе – 120 пудов и 190 пудов (см. Приложение Б).

Поезда из Петрограда задерживаются и неизвестно когда придут.

Около 16 часов поехал опять в город – зашел к полковнику Плющевскому-Плющику, передал письмо генерала Маркова, который описывает между прочим совещание главкозапа в штарме. От него пошел к генералу Лукомскому, с которым, однако, не мог говорить, – он занят текущими событиями, масса телеграмм и распоряжений. Видел у него генерала Клембовского.

Относительно батареи «120»[1] генерал Лукомский сказал, что напрасно посылали к нему – это дело Упарта.

Так я почти ничего не сделал и ничего не узнал. Всюду не до наших дел. Как говорит генерал Барсуков, что будет – неизвестно, дай Бог, пока все не образуется, не дать немцам перейти самим в наступление. Он настроен очень пессимистически, но часть правды в его словах есть.

2 марта

Петроградские поезда пришли поздно ночью, около 2 часов со скорым поездом приехала Е. Ф. – у них в поезде сломалась ось вагона III класса, и они недалеко от Петрограда простояли 15 часов. Вот причина задержки – поезда же идут по расписанию и события не отразились на железных дорогах. По рассказу Е. Ф., революционное движение в Петрограде проявилось в более сильной степени, чем в 1906 году. Огромные толпы народа и солдат, много пьяных (говорят, ограбили винные погреба и нашли много спирта в полицейских участках). Стрельба на улицах – стреляют подростки и пьяные бабы. Отвратительное впечатление производят разнузданные солдатские банды. Солдаты сразу потеряли воинский вид – чести не отдают, курят, несут красные флаги, ездят в автомобилях. Извозчиков нет, трамваи не ходят – на вокзал пришлось идти пешком.

Около 11 часов поехали к Н.Н. Долгово-Сабурову, где Е. Ф. осталась, а я пошел в Упарт. Доклада у великого князя не было, а потому вопрос о перевооружении еще не решен. Тоже ничего не выяснил о батарее «120». Генерал Барсуков не соглашается – нужнее на Юго-Западном фронте. Вообще, в Ставке совершенно безнадежно смотрят на Западный фронт – сколько намечалось операций и каждый раз чуть не накануне – сообщают, что операция не может быть выполнена, так как подготовка еще не закончена. Кроме того, обычно штазап предъявляет такие требования на артиллерию, которые никак не могут быть выполнены.

[1] Имеются в виду 120-ти миллиметровые орудия (См. Приложение Б).

То же говорил вчера и великий князь.

Говорил с полковником Басовым и подполковником Драшусовым относительно химических команд и снарядов с дымовыми шашками.

Общее впечатление от Упарта — большая канцелярия.

Новостей нет, те же рассказы приехавших из Петрограда офицеров: — ограблена «Астория», многие лишились имущества. Есть убитые и раненные офицеры. С офицеров толпа и солдаты снимают оружие — позорная картина. Многие приехавшие в отпуск сейчас же уезжают назад.

Около 14 часов я зашел за Е. Ф., и мы поехали на вокзал.

Наш вагон, опять не без больших хлопот, прицепили ко второму скорому поезду и к вечеру доехали до Орши. Здесь, вопреки ожиданию, все распоряжения о прицепке вагона были выполнены железнодорожным начальством очень скоро, но... вагон потерпел аварию на одной стрелке. Ее перевели, не дождавшись, что пройдет весь вагон, поэтому одна тележка пошла по одним рельсам, задняя по другим; колеса сошли с рельса. По счастью, паровоз быстро остановился, и не все колеса сползли, и тележка не была вырвана из-под вагона.

Подвезли другой паровоз с другого конца и довольно удачно поставили снова на рельсы. При осмотре вагона все оказалось в целости, и потому вагон мог идти дальше. Начальник станции задержал поезд, и мы поехали дальше, задержав отход всего на один час.

3 марта

В Минск приехали почти вовремя. И здесь передача на другой вокзал и прицепка вагона к поезду были выполнены без задержек. Изумительное хамство людей — на вокзале был полковник Лесевицкий — видел, что я с женой, наверное, узнал от проводника, однако просил разрешения ехать в моем вагоне и, несмотря на то, что я предупреждал, что еду с женой, тем не менее, не понял моего намека и влез.

В Молодечно приехали около 17 часов. Снег и поземок намели снег на рельсы, так что поезд шел очень медленно, прокладывая путь по занесенному пути.

Так окончилась моя поездка.

Около 19 часов был у командарма — курьезный человек, всегда спорит! На мой доклад начал спорить со мной, доказывая возможности того или другого, как будто это в моих руках, и не учитывая, что у всех интересы теперь на совершающихся событиях и наши «провинциальные» в эту историческую минуту — мелки. К моему приезду уже здесь имелись кое-

какие очень серьезные и тяжелые сведения. Государь отрекся от престола за себя и наследника, передав управление великому князю Михаилу Александровичу. Однако манифест был задержан выпуском. Но вечером приказано снова обнародовать, с добавлением манифеста великого князя Михаила Александровича, который соглашается принять правление только при условии, если будет избран всем народом через представителей в Учредительном собрании. Одновременно Верховным главнокомандующим назначен великий князь Николай Николаевич.

Грустные, тяжелые минуты – вот куда завели политику и царя скверные советчики!

Исполнительный комитет Государственной думы объявил состав нового правительства:

Председатель совета министров и министр внутренних дел – князь Львов

Министр иностранных дел – Милюков

Министр юстиции – Керенский

Министр путей сообщения – Некрасов

Министр торговли и промышленности – Коновалов

Министр народного просвещения – Мануйлов

Министр военный и временный морской – Гучков

Министр земледелия – Шингарев

Министр финансов – Терещенко

Государственный контролер – Годнев

Обер-прокурор Св. Синода – Львов

Из них члены Государственного совета – Гучков, Мануйлов (бывший), члены Государственной думы – Милюков, Керенский, Некрасов, Коновалов, Шингарев, Годнев и Львов; председатель Главного Комитета Всероссийского земского союза... кн[язь] Львов (бывший член 1-й думы) и неизвестно... Терещенко.

Настоящий состав правительства, как сказано в газетном сообщении, установлен после переговоров Исполнительного комитета Государственной думы с Исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов!

Часть 2

**Начата 4 марта 1917 года –
окончена 5 июля 1917 года**

Мало быть ученым — надо быть умным!
Опыт — хороший учитель!

1917 год

4 марта

Манифест Государя Императора:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжелое испытание: Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны; судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа и все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными союзниками нашими сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и уплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, мы передали наследие наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу. Благословляя его на вступление на престол государства российского, заповедаем брату нашему править делами государственными в полном и непорушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, как будут ими установлены.

Принеся в том непорушимую присягу во имя горячо любимой Родины, призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

На подлинном собственною Его императорского Величества рукою подписано

"Николай"
г. Псков, 2 марта 1917 года, 15 часов».

Манифест великого князя Михаила Александровича:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа. Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если таковая будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному со всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, ровного и тайного голосования учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

На подлинном подписано

"Михаил"
г. Петроград 3 марта 1917 г. »

Приказ Армии и Флоту

№ 1

«Волею Монаршей по неисповедимым путям Господним я назначен Верховным Главнокомандующим. Осенив себя Крестным знамением, горячо молю Бога явить мне свою всесильную помощь. Твердо верю, что на благо Родины Он, Всемогущий и Всемилостивейший, услышит молитву мою. Глубоко проникнут сознанием, что только при всесильной помощи Божией получу силы и разум вести вас к окончательной победе. Что касается вас, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи земли Русской, то знаю, как много вы готовы отдать на благо России и Престола. Вам только нужна помощь Божия. Веруйте же едино со мной, что Бог нам поможет. Знайте, что Россия в сознании, что для достижений окончательной победы нужна дружная самоотверженная работа всех ее сынов

в тылу, своим достоинством и спокойствием явит всему миру величие русского духа и непоколебимую силу нашей Великой Родины.

Генерал адъютант Николай»[1].

Вот великие акты, результат нашей революции.

Кто поручится, что вся разруха... отсутствие хлеба и топлива, может и других предметов, а также «паралич» железных дорог не был подготовлен революционными силами. Все говорили про «темные силы», а не было ли все это делом рук хорошо организованного «движения»?

В отсутствие царя, при действительно слабом правительстве, при армии, занятой на фронте, исподволь готовилась революция. Кто все это знает?

Начинают появляться газеты, из них начинают вылепляться «новые» нестерпимые порядки. Революция выдвинула новое слово — «в согласии». Обидно, что новый режим, новое правительство должно считаться и работать «в согласии» с Исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов. От этого ожидать добра трудно.

Все было бы еще переносимо, если бы действительно все работы были исключительно во имя «блага» России, а то ведь, пользуясь смутным временем, самые темная сила революции стремится «урвать». А где слово «урвать», там уже не ищи никаких возвышенных идеалов, а тем более общего блага!

Тяжело. Помоги Господи!

Живем больше интересами «событий» — наши дела фронта как-то в тени.

В ночь с 2 на 3 марта немцами снова была произведена газовая атака в районе 35-го корпуса между д. Колодино и Стаховцы, всего было 5 волн.

5 марта

Ничего нового, выясняются большие подробности. Нет возможности внести в дневник всего, пусть все несколько «образуется». Тогда можно будет резюмировать.

Эксцессы докатываются и до нас — так, сегодня в Молодечно несколько солдат разоружали железнодорожных жандармов — выехали на станцию генералы Минут, Романовский и Марков. Ничего особенного не оказалось.

С поездом 19.23 уехала Е. Ф., проводить ее до Петрограда послал Петрова.

[1] Текст манифестов и приказа переписан А.М. Сиверсом в дневник от руки.

6 марта

Сегодня от 10 до 13 часов был в Георгиевской думе, председательствовал генерал Парчевский (комкор 35), было 4 представленных – всем отклонили.

Приезжал подпоручик Юрченко и вечером генерал Столбин (комарт 201-й) – его крупные калибры еще формируются; 12-дюймовые[1] будут к 15 марта в Смоленске (г. Ельня), а 8-дм[2] батареи еще не готовы и вряд ли будут к «сроку», т.е. 6 апреля.

Получен приказ генерала Эверта (4.III.17 № 1071)

«Войска Западного фронта, в течение полутора лет, несмотря ни на какие обстоятельства, вы твердо стояли на занимаемых ныне позициях, грудью своей преградив дорогу к сердцу России – Москве. Ни одной пяди русской земли за это время враг не мог вырвать у вас. Упорный враг истощается, но он еще силен, мечты его полны завоевательных стремлений, и он, напрягая свои хотя и последние, но все еще большие силы, только и ждет и ищет выгодного времени, чтобы обрушить на нас свой решительный последний удар. Россия переживает великие минуты государственного строительства. Новое правительство, выбранное Государственной думой и народом, облеченное общим доверием, ставит первейшей задачей своей «установление твердого порядка в стране и достижение окончательной победы над нашим жесточайшим врагом», «вполне полагаясь на вашу испытанную беззаветную преданность Родине, мужество и отвагу, и горячо призывает вас сохранить непоколебимое спокойствие, полный порядок». Вместе с новым правительством, призываю вас войска Западного фронта к упорной работе по укреплению своей мощи и занимаемого лицом к лицу противника боевого положения, к настойчивой, неустанной подготовке предстоящих решительных боев, сохраняя, в сознании важности лежащей на вас задачи – защиты дорогой родины, полный порядок, строгую дисциплину и постоянную готовность к встрече врага решительным отпором, достойным прошлых подвигов ваших и смертью павших ваших товарищей. Помните, что без порядка, без дисциплины, без настойчивого труда невозможна победа, а без победы над злейшим врагом не может быть достигнуто свободное процветание, спокойствие и благоденствие нашей великой Родины. Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-адъютант Эверт».

[1] 305 мм гаубица образца 1915 г. (особой мощности).

[2] 203-мм гаубица образца 1913 г. (орудия в войска не поступили).

Приказ командующего армией в подлиннике прилагаю в конце дневника[1]. Как тот, так и другой длинны, в первом нет души, второй не приказ, газетная статья. Так он и был – генерал Марков написал статью для «Вестника X армии», но наштарм пожелал его выпустить приказом, следовало несколько изменить стиль; без поправок приказ вышел не очень удачным.

Прилагаю также дословно сношение дегензапа от 2.03.17 № 1713 Наштарму 10.

«По приказанию главкозапа и для доклада командарму сообщаю, что инаркоры 2-го Кавказского Г.Л. Чикалин и 20-го Г.М. Зарецкий по аттестациям признаны не соответствующими занимаемым ими должностям и подлежат зачислению в резерв чинов Минского военного округа по несоответствию, так как дальнейшее оставление их на службе по указанию Августейшего инспектора является нетерпимо. Вместе с тем Августейший инспектор, не желая обидеть старых служак зачислением по несоответствию, просит сделать распоряжение о зачислении в резерв названных генералов по болезни.

Сообщая о сем, прошу распоряжения предложить Г.Л. Чикалину и Г.М. Зарецкому подать рапорты о болезни с просьбой об их освидетельствовании.

Само представление о зачислении в резерв должно быть сделано, согласно статье 7 Положения, объявленного в приказе по В. В. 1916 г. № 657, в самый кратчайший срок. Генерал-лейтенант Галкин».

Жаль и того и другого – следовало их предупредить; генерал Шихлинский не мог не знать об аттестации главкозапа, он их приятель, ему следовало сказать им.

Великий князь мне сказал, что главкозап их плохо аттестовал, и выразил сожаление относительно генерала Чикалина, которого знает давно.

Конечно, они пользы не приносят, но ведь таких много и надо уже убрать тогда всех... тут и Шифнер, и Берников, и Головачев, и Горбачевич и т.д. и т.д., а Невадовский и Синицын, они уже по годам не должны оставаться. Очень жаль и Чикалина и Зарецкого.

7 марта

Чем дальше в лес, тем больше дров. Революционное движение идет крупными шагами – если оно устраивает государственную жизнь на новых

[1] Документ не найден. По-видимому, он был изъят из дневника самим А.М. Сиверсом после известия о расправе над генералом А.Е. Эвертом.

началах во имя блага Родины – это понять можно, но зачем вмешиваться в армию, за что поносить офицерский состав?

Сегодня объявлен новый приказ... говорить нижним чинам на «вы», не называть нижними чинами, а солдатами, выкинуть титулы «ваше превосходительство», «ваше благородие», заменить обращение словами «господин генерал», «господин полковник», «господин поручик», «господин чиновник» и т.д. Разрешено «солдатам» ездить по железной дороге во всех классах, внутри трамвая, курить на улице, бывать в ресторанах и проч., а также участвовать на политических собраниях и в таких же обществах!

Вспоминаю выражение кавказца: «Куда мы идем, зачем мы идем; а я вам говорю: мы никуда не идем!»

Сегодня утром генерал Столбин представлялся командарму, а затем днем уехал в корпуса.

8 марта

Утром был вызванный из 2-го Кавказского корпуса обер-офицер инаркора[1] поручик Вукотич – ему было указано на недочеты по составлению нужных сведений и запаздывания донесений.

Сегодня немцы повторили набег в районе Заберезья (81-я дивизия), наши части очистили свои окопы, и к ночи немцы заняли линию по р. Ислочи и затем по буграм к с[еверу] от Заберезь.

На поддержку 81-й дивизии были вызваны один полк 11-й Сибирской дивизии и два полка 2-й Кубанской казачьей дивизии с двумя конными батареями. Эти части подали к району д. Заберезь к вечеру[2].

Днем рассматривали соображения 1-го Сибирского корпуса относительно операции в присутствии командарма. Составлено крайне поверхностно.

9 марта

Утром получено донесение, что немцы «отогнаны в свои окопы»... по-видимому, просто ушли, выполнив свою задачу. Ими были сожжены все деревянные части окопов и блиндажи.

Изумительно мало упорства в наших частях, малейший нажим, и части отходят, никакого сопротивления, никакой контратаки, никакого маневра; как удобно было бы взять немцев во фланг со стороны д. Па-

[1] Так в рукописи.

[2] См. вклейку рис. 0777 (схема окопов у деревни Заберезь).

цевичи. Днем была получена телеграмма, что к 14 часам «положение восстановлено».

После обеда в присутствии командарма рассматривали соображения 38-го корпуса о предстоящей операции. Составлено довольно обстоятельно, и масса чертежей. Однако задачи тяжелой артиллерии намечены слишком обширные.

В 1-м Сибирском корпусе вся тяжелая артиллерия объединена в руках инаркора — по 6 гаубиц 48 лин[1], приданы по две каждой атакующей дивизии — что это означает, для какой цели? Совершенно бесцельное ослабление группы тяжелых калибров.

10 марта

Немцы сообщают, что забрали у нас на Заберезском участке около 240 пленных, два траншейных орудия, пулеметы, бомбометы и минометы. 81-й дивизион доносит, что без вести пропало около 160 человек, о потерях трофеев донесений еще нет. Безобразное дело — все побросали! Интересно знать, какие траншейные орудия взяли немцы?

Получил телеграмму, ночью посланную генералом Плешковым наштарму: прошу срочных распоряжений об освобождении таких-то мест, занятых такими-то частями, все указанные пункты заняты по распоряжению инспартарма без моего ведома и моего согласия и т.д. Изумительно неприличная форма. Наштакор генерал Ярон порядочный хам.

Около 12 часов была присяга новому правительству, форма присяги очень видоизменена и в конце отсутствует совершенно «в удостоверение сей моей клятвы целую крест и слово Спасителя моего. Аминь!»

Грустно было слышать молитву за Царя, названную теперь молитвой за Отечество... «Победы великой державе Российской на сопротивныя даруя» и т.д., неправильно было и провозглашение многолетия.

Генерала Маркова вызывают во фронт для командировки дня на три-четыре в Брянск... для какой цели? Из фронта ему передали: «сами догадайтесь, по телефону сказать нельзя». Генерал Марков предполагает, для установления порядка среди рабочих на заводах.

Очень мне не понравилось, что, шустрый на словах, он сдал ввиду этой командировки: «если б касалось меня, то мне все равно обидно, если останутся малыши одни в такой момент разрухи».

Едет с большим неудовольствием.

[1] 122-мм полевая легкая гаубица (См. Приложение Б).

Получил сегодня телеграмму Е. Ф. от 7-го числа – доехала, 12 часов опоздания. Не везет, в Могилев ехала – 15 часов задержки, назад – 12 часов.

Представляются офицеры для командования позиционными батареями... выбрал пока штабс-капитана Лагунова 2-й Сибирской бригады, штабс-капитана Волоцкого 10-й тяжелой бригады, штабс-капитана Кияницу 3-го легкого мортирного дивизиона, поручика Набокова 132-го дивизиона. Условно поручика Порошина 7-й тяжелой бригады.

Около 18 часов по улице Молодечно шла большая толпа солдат, железнодорожников, любопытных... с красными флагами и двумя оркестрами музыки, игравшими Марсельезу. Командарм, видимо, несколько смутился, ибо зашел к генералу Маркову и просил его выйти к толпе. Генерал Марков говорил с толпой, после чего она мирно разошлась.

Прилагаю в особом конверте в конце этого дневника вырезки из газет, касающиеся государя[1].

Наш флот опять выделяется на фронте революции своей безудержной распущенностью, в газетах сообщают об убийстве пяти адмиралов: Вирена, Бутакова (начальника штаба Кронштадта), Непенина и Небольсина (оба убиты в Гельсингфорсе рабочими[2]) и Герасимова (коменданта Ревельской крепости)[3].

11 марта

Утром позвонил ко мне генкварм и сообщил, что генерал Лехович назначен начальником Главного артиллерийского управления, генерал Эверт уволен в отставку, а главкозапом назначен генерал Лечицкий.

Генерал Маниковский (бывший начальник ГАУ) назначен помощником военного министра.

События идут быстрым темпом. Смену генерала Эверта нельзя не приветствовать – нерешительный, лично никаких указаний никогда не давал, всегда всех упрекал в недостатке усердия в работе. История увольнения генерала Радкевича также на душе генерала Эверта.

Вечером вызывал полковника Дамича (который 6-го осадного ди-

[1] Остался только вклеенный конверт бесплатного солдатского письма. Вложенные в него вырезки из газет были изъяты, по-видимому, самим А.М. Сиверсом после октября 1917 г.

[2] Вице-адмирал А.И. Непенин и контр-адмирал А.К. Небольсин были убиты в Гельсингфорсе не рабочими, а революционными матросами.

[3] Автор дневника был введен в заблуждение. Вице-адмирал А.М. Герасимов был тяжело ранен, но выжил. Скончался в 1931 г. в Бизерте.

визиона), которому поручил произвести разведку для батареи крупных калибров. Приехал от Упр[авления] инспартзапа помощник захимзапа капитан Баташев и метеоролог, которые едут на фронт для выяснения разных вопросов относительно производства нами газовых атак.

Второй день чувствую легкое нездоровье и слабость – не вовремя.

По слухам, великий князь Николай Николаевич отчислен, временно исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего – генерал Алексеев... сведения эти из агентских телеграмм[1].

12 марта

Днем приехал генерал Столбин – вечером обсуждали задачи, намеченные корпусами и выяснили те из них, которые могут быть выполненными нашими крупными калибрами. Около 22 часов обсуждали наше решение с наштармом.

Поздно вечером получена телеграмма от генерала Шихлинского, который передает телеграмму великого князя Сергея Михайловича:

«Признав Временное правительство и подчиняясь его желанию, я оставил должность полевого генерал-инспектора артиллерии и ухожу в отставку. Прошу передать генералам, офицерам, классным чинам и солдатам артиллерии мою самую горячую благодарность за их доблестную, беззаветную и беспримерную службу. Расставаясь с родной семьею артиллеристов, заповедую вам свято исполнять свой долг перед Родиной и Временным правительством и помнить, что все артиллеристы всех категорий суть члены одной крепкой духом семьи, в которой нет раздора. Война еще более сплотила нас, вы все перемещались в разных частях, но, по общему отзыву, нет отличия между молодыми и старыми частями; этим вы доказали всей армии, как велик наш дух. Вы заслужили доверие всей армии, восхищение родины. Помните, что от вас ожидают еще большей работы, готовьтесь денно и нощно к предстоящим боям, чтобы нанести врагу окончательный смертельный удар. Победа впереди – она возвеличит обновленную свободную Россию. Прощайте, родные артиллеристы, да благословит Господь ваши ратные дела, да сохранит он ваши жизни на утешение ваших семей и на благо дорогой Родины. 30408[2].

Сергей Михайлович».

[1] То есть из газетных телеграфных сообщений.

[2] По всей видимости, номер телеграммы.

Уход великого князя – событие великой верности. Не говорю уже о навертывающихся на глаза слезах, я считаю, что заменить его нет подходящего лица.

По широте взглядов, бесконечной доброте и желании быть полезным каждому он незаменим. Если можно найти знающих и способных, но вмещающих в себе все качества великого князя – нет.

Самый подходящий Дельвиг, но я ему не верю как человеку, не верю в его беспристрастие. Посмотрим, кто будет.

Эта отставка вселяет чувство самой тяжелой горечи.

13 марта

Чувствую себя совсем не по себе. За обедом говорили, что в 1-й армии за командарма подписывает генерал Одишелидзе, за наштарма генерал Орлов, по-видимому, генерал Литвинов и генерал Довбор-Мусницкий отстранены. Вечером в агентских телеграммах указано об уходе генерала Смирнова и... генерала Горбатовского. Подробностей не знаю. Предложат ли им выйти в отставку, уволят ли их, назначат ли куда-либо. В уходе генерала Горбатовского, думаю, не [обошлось] без помощи генерала Эверта.

Генерал Горбатовский производит приятное впечатление своей сверхпорядочностью, но, действительно, несколько устарел; я уже отмечал, что говорит много, спорит, но не дельно, не схватывает сути. Однако все же за ним заслуг, и заслуг боевых очень много, он имеет два Георгиевских креста, его репутация не запятнана ничем, а потому отстранение, да еще без предупреждения, обида тяжелая, незаслуженная.

В газетах есть о назначении генерала Маниковского помощником военного министра и генерала Леховича начальником ГАУ.

Получен прощальный приказ генерала Эверта: «До моего сведения дошло, что моя иностранная фамилия шведского происхождения подрывает полное доверие в войсках, хотя предки мои давно находятся в России и все мы православные, и я всей душой ненавижу немцев и все немецкое, тем не менее, придавая огромное значение полному доверию войск к своему вождю, я сообщил о дошедших до меня слухах военному министру, прося уволить меня от службы, тем более что за 2½ года беспрерывной нервной работы здоровье мое настолько подорвано, что мне трудно проявить всю ту энергию, которая необходима вождю в предстоящей борьбе. Ныне просьба моя уважена, и я оставляю Западный фронт, с величайшей грустью расстаюсь с войсками Западного фронта» и т.д.

Страшное и неуместное упоминание о своей «иностранной» фамилии! Этими словами подчеркивается возможность «недоверия» ко всем начальникам с «иностранными» фамилиями. Таких ведь немало. Никогда не останавливался над вопросом фамилии, мне казалось, что не фамилия, а вся жизнь, деятельность, мысли и чувства могут быть показателями искренней любви к своей Родине. Мне казалось, что все меняющие свои фамилии делают это не ради «особой любви» к Родине, а ради «личных выгод», связанных с переменой, ради того, чтобы устранить от себя «подозрения». Мне казалось, что, сохраняя свою фамилию, я даю возможность относиться ко мне соответственно моим поступкам, а не пустому звуку фамилии.

Что бы дальше не случилось — иду навстречу будущего с легким сердцем и спокойной совестью. Господь Бог видит и знает мои помыслы и мои чувства.

14 марта

Чем дальше в лес, тем больше дров. Отражение революционного движения проникает в войска.

Приехал генерал Дзичканец — им недовольны в дивизии за строгость, за то, что «ведет на убой», за то, что нехорошо отзывается о некоторых полках. Генерал Дзичканец был у командарма, едет во фронт и далее в Ставку... выяснить «свое положение». Его желание, конечно, уйти, так как продолжать работать в дивизии при этих условиях невозможно. Обидно и ненормально только это «желание» или «нежелание» начальника. После этого генерал Романовский говорил мне, что начальник 69-й дивизии получил анонимное письмо, в котором не рекомендуется возвращение в полк командира Лебедянского полка полковника Дрейера.

Развал начался, полковник Дрейер тоже поехал в Ставку просить другой полк.

Около 15 часов приехал командир 6-го осадного дивизиона подполковник Дамич со старшим офицером капитаном Самохваловым и доложил, что 13-го числа около 5 утра к нему явился командующий 1-й батареей штабс-капитан Беркутов в полном виде и заявил, что, во-первых, «солдаты» выбрали его командиром батареи, а затем, что «солдаты» же его батареи просили передать, чтобы он (подполковник Дамич) ушел из дивизиона, и прибавил, что офицеры дивизиона тоже им недовольны.

Подполковник Дамич поручил капитану Самохвалову узнать от офицеров в чем дело, кто уполномочивал капитана Беркутова передать то, что

было им сказано. По словам капитана Самохвалова, офицеры возмущены поступком капитана Беркутова. Вытребовал для объяснения капитана Беркутова, который приехал около 24 часов. Он доложил, что его всегда возмущало поведение подполковника Дамича, который большей частью сидел в тылу, редко посещал позиции и наблюдательные пункты батарей. Все начальники и соседи с пренебрежением относились к командиру дивизиона – вот он и решил высказать все это подполковнику Дамичу. Говорил он «только от своего имени», почему он явился в 4 утра, он объяснил смутно. Относительно своего разговора с солдатами он говорит, что хотел выяснить, как относятся к нему солдаты, и что ему было бы неприятно узнать, если бы солдаты выразили свое неодобрение ему через кого-нибудь, а не непосредственно, и что он гордится, что батарея выразила желание, чтобы он оставался. В общем, впечатление, что капитан Беркутов, кутнув накануне и пропьянствовав всю ночь, не отдавая себе отчета о времени, наговорил ерунду. А подполковник Дамич струсил.

По соглашению с наштармом отправил капитана Беркутова в Минск временно в распоряжение зача 10, чтобы он снова с пьяных глаз не натворил каких-нибудь новых эксцессов.

Сегодня командарм получил от генерала Алексеева письмо или телеграмму, что, исполняя неприятное поручение, передает приказание Верховного главнокомандующего просить о назначении его на другое место или подать в отставку. Думается, что тут не без «доброго» слова бывшего главкозапа генерала Эверта.

Получил телеграмму полковника Далера, что одна из батарей 10-й тяжелой бригады будет перевооружена на 6-дюймовыми крепостными гаубицами.

Вечером был 29-й бригады поручик Морозов – назначен на Салоникский фронт. Уходит из бригады тоже, благодаря тому, что, командуя 2-й батареей, вел батарею строго без определенного направления и не мог вместить нового уклада, поэтому солдаты вынесли резолюцию, что не желают его иметь командиром батареи.

Как-то жутко становится, что все «требования» солдат о смене начальников исполняются, если не приказанием свыше, то уходом начальников по их инициативе.

15 марта

Сегодня наши солдаты ходили на «собрание», оказывается, уже несколько дней оповещены, что следует выбрать депутатов и заместителей. Это не порядок. Просил подполковника Попова указать, чтобы обо всем, что

происходит в команде, было всегда известно подполковнику Попову, все выборы и посещения собраний должны быть с его ведома.

Вызвал для производства расследования в 6-й осадный дивизион 28-й бригады полковника Лося.

Начинается весна — всюду лужи.

16 марта

Привезены «шлемофоны» — маски с вделанными аппаратами для разговоров и выслушивания по телефону с надетыми масками. Пока 40 штук для опытов.

Горит железнодорожный мост через Вилию близ Вилейки, причина еще не выяснена.

Поздно вечером приехал полковник Лось, которому я поручил расследовать в 6-м осадном дивизионе дело штабс-капитана Беркутова.

Еще позднее приехал помощник захимзапа капитан Баташев, который вернулся с объезда фронта армии — за поздним временем я не выяснил подробно, что им сделано. В кратких словах он сообщил, что местом для большой газовой атаки может быть лишь участок Нарочь — Стиховцы, участок Спягла — оз. Вишневское не годен для пеших атак, также и участок у Боровой мельницы малоподходящий, а у д. Лычники непригоден в виду трудности оборудования и использования. Участок у Навоселок небольшой, пригодный для пассивных газовых атак.

Затем пришел к тому же убеждению, как я писал захимзапу, что организация команды неудовлетворительна, надо иметь полное число солдат команды, подготовленных для газовых работ, а не часть, пополняя, недостаток переменным составом. Начальником команды должен быть штаб-офицер или не ниже капитана.

Прилагаю заметку из «Русского слова» об уходе генерала Эверта. Если верить «печатному», то причиной совсем не «иностранная фамилия». При теперешней свободе слова и печати, неужели генерал Эверт думал оправдать свой уход «иностранной фамилией».

«Подробности отставки генерала Эверта.

МИНСК, 13.III. Отставка генерала Эверта встречена на фронте с большим удовлетворением. Всем памятны гонения, предпринятые им против общественных организаций на фронте.

Интересны подробности его отставки. Генерал Эверт, чувствуя недоброжелательное к себе отношение, обратился к А.И. Гучкову с просьбой

назначить его на другую должность. А.И. Гучков ответил лаконической телеграммой:

«Считаю ваше пребывание на фронте опасным и вредным. Предлагаю немедленно сдать должность». Главный начальник снабжения Западного фронта генерал Туманов, которого здесь прочили на место командующего Минским военным округом, подает в отставку. На его место, как уже сообщалось, назначается Вырубов.

МИНСК, 14.III. Выехал в Смоленск генерал Эверт, которого провожал штаб. При отходе поезда Эверт сказал:

– Если бы вынули мое сердце, то увидели бы в нем горячее желание победы.

Штаб прокричал «ура».

С теми же словами обратился Эверт и к солдатам, случайно собравшимся на вокзале. Солдаты ответили молчанием».

17 марта

Приезжал штабс-капитан Фортунатов – доложил, что в батарее солдаты просят сменить фельдфебеля. Пока оставил вопрос открытым – необходимо разъяснить, что это требование – нарушение дисциплины, а не право, данное свободами.

Есть сведение, что не генерал Лечицкий будет Главкозапом, а генерал Гурко.

Отчисляются также командарм 2 генерал Смирнов и наштарм 2 генерал Геруа.

Арестован наштарм 12 генерал Беляев (бывший редактор «Русского инвалида»).

Получено сведение, что завтра приезжает г-н Баржили – чиновник при военном министре с секретным от него поручением.

Г-н Баржили в декабре 1916 года был заведующим поездом Гучкова на ст. Залесье, эту зиму был у Е. Ф. и Мещериновых.

Вчера вечером в 20.30 часов немцы выпустили одну газовую волну на Сморгонском участке. Газы дошли до наших проволочных заграждений и остановились.

Вечером явился полковник Дамич с докладом о выборе позиции для батарей крупных калибров.

18 марта

Днем было собрание офицеров отдела генерал-квартирмейстера для выбора комитета — выбрано 12 человек, шесть в комитет и шесть заместителей. Члены нашего управления вошли в этот отдел и в комитет, в число первых шести 25 голосами из 44 выбран капитан Каминский. Не знаю, удачный ли выбор, слишком в нем мало энергии, жизненного интереса.

Приезжал генерал Соковнин по разным делам в штарм, заходил ко мне.

Приехал г-н Баржили, говорил с генералом Соковниным и затем поехал в 29-ю дивизию через Залесье.

Получил от Упарта телеграмму полковника Далера, что еще одну батарею 10-й тяжелой бригады перевооружают 6-дюймовыми крепостными гаубицами — именно так, как я просил, т.е. дают две гаубицы с завода, а две из запаса фронта. Моя поездка была не напрасна — приятно.

Из анекдотов «сознательных» солдатских выступлений — при объезде генералом Соковниным полков, после его речи он увидал одного унтер-офицера, как будто собирающегося что-то спросить. Генерал Соковнин вызвал его и предложил сказать, если он что имеет. «Так что, господин генерал, а какие будут гарантии нашей аграрии». «Я что-то не понимаю, это по иностранному, ну объясните мне это по-русски». Унтер-офицер замялся. «Ну, а вы братцы, поняли, что он хотел сказать, можете мне объяснить...» Общий хохот.

И смех, и горе.

19 марта

Утром и днем собрания офицерского и солдатского комитетов, на дневном председательствовал солдат (радиотелеграфного дивизиона) товарищем председателя был избран капитан Каминский.

Вечером приехал полковник Лось, затем выехал дальше на Минск, для опроса штабс-капитана Беркутова. Кроме его выступления в отношении полковника Дамича, выясняется еще растрата около 1500 руб. Это уже много хуже. По докладу полковника Лось в дивизионе состояние «умов» вполне нормальное, никакого возбуждения нет.

Сегодня полковник Плавский предложил прислать 6 дм. батарею Канэ[1] для борьбы с тяжелой батареей, обстреливавшей ст. Залесье.

[1] 152-мм береговая пушка Канэ. Батарея состояла из четырех орудий .

20 марта

Видел сегодня немецкое донесение о наступлении 8 марта на Забережском участке против 81-й дивизии. Хотелось бы достать копию: немцы доносят вроде нас, также раздувают свои заслуги, правда, на этот раз им вполне удалось выполнить намеченную задачу. Замечательно, что о действии нашей артиллерии нет ни слова. Это понятно, так как из доставленной схемы работы артиллерии 8-го числа видна неутешительная картина полного отсутствия руководства, плана действий и идеи боя.

В штарме был сегодня командир Орловского полка генерал-майор Седергольм (бывший офицер лейб-гвардии 2-го стрелкового полка).

Получил телеграмму генерала Похвиснева – что в запасах фронта только две 6-дюймовые крепостные гаубицы, а потому 5-я батарея 10-й тяжелой бригады будет перевооружена полевыми, затем зач телеграфирует, что он получил согласие Артснабзапа на перевооружение всего дивизиона, будут полевые гаубицы.

Почему же раньше генерал Похвиснев мне телеграфировал, что перевооружение 1-го и 2-го дивизионов «и не предполагалось»? Удивительно, как генерал Похвиснев не идет навстречу нуждам.

21 марта

19-го числа послал телеграмму Е. Ф., до сих пор нет ответа. Сегодня послал вторую.

Около 14 часов приехал капитан Калмыков – уходит из батареи, сейчас он взял семинедельный отпуск. На почве текущих событий у него вышел разлад с солдатами батареи. Четыре «сознательных» негодяя стали мутить батарею, пользуясь тем, что капитан Калмыков близко к сердцу принимает все происходящее и с трудом мирится со всеми невзгодами и грязью, выливаемой на офицеров. Капитан Калмыков сидел весь бледный, нервно дрожит. Жаль, бесконечно жаль славного дельного офицера.

22 марта

С 10 часов утра собрались инаркоры – генерал Карпович (35-й корпус), генерал Вешняков (20-й корпус), генерал Закутовский (1-й Сибирский), генерал Казбек (за 2-й Кавказский корпус), генерал Иванов (38-й корпус) и комарт генерал Борисов (81). Обсуждали многие вопросы до 16 часов.

Инаркором 2-го Кавказского назначается генерал Синеоков.

Получены первые приказы по армии и флоту, в них объявлены увольнения инаркоров 6-го корпуса генерала Михайлова, 7-го корпуса генера-

ла Долгова, 11-го корпуса Фролова, 16-го корпуса генерала Красильникова и 3-го Кавказского корпуса генерала Шифнера.

Как курьез следует отметить получение 167-й дивизии инаркором 3 генералом Палкиным (бывший гвардейской конной артиллерии), чего люди идут, совершенно не зная дела!

Генерал Марков представлен на должность начальника 29-й дивизии. Признаю заслуги генерала Маркова, но все не могу одобрить его манеры бить на популярность и устраивать свою карьеру — далеко пойдет. Вот человек, который ни в чем не изменился с молодых лет. Как и в батарее, совсем юным офицером знал, с кем нужно поддерживать теплые отношения, — так и сейчас эта черта сохранилась в нем в полной неприкосновенности.

А ответа на телеграммы от Е. Ф. до сих пор нет — просил генерала Романовского узнать телеграммы через свою семью. Совершенно не понимаю, почему нет ответа. Это начинает меня беспокоить.

Крупная неудача в 3-й армии[1] — у нас большие потери, немцы забрали часть наших позиций.

23 марта

Прибыли командир и два офицера из тяжелого дивизиона литера «Г»[2]. Дивизион совершенно еще не сформирован — орудий (8-дюймовых) нет, солдат половина состава, да и те не занимаются. Много рассказывали эти офицеры про все происходящее в Петрограде и окрестностях.

Затем приехал генерал Столбин с одним офицером дивизиона литера «Е» (120 мм)[3]. В этом дивизионе командиры дивизиона и батареи — «выборные» солдатами. Недурная компания, недурное войско.

Возвратился полковник Лось — докладывал произведенное расследование. Деньги штабс-капитан Беркутов сдал все, очевидно занял где-нибудь.

[1] 22 марта 1917 г., использовав разлив реки Стоход в тылу 3-го армейского корпуса, входившего в состав 3-й армии Западного фронта, командующий германским фронтом генерал Линзинген коротким ударом группы Гауэра овладел Черевищенским плацдармом. 3-й армейский корпус был полностью разгромлен, потеряв две трети своего состава. Из 19500 бойцов корпуса (73-я и 5-я стрелковые дивизии) 3 тыс. было убито и утонуло в Стоходе, а 9 тыс. человек, отравленных газами, попало в плен. Немцы взяли 15 стоявших на плацдарме орудий и 200 пулеметов. Катастрофа на Стоходе произвела большое впечатление на русские войска и командование .

[2] Дивизион, входивший в состав Тяжелой артиллерии особого назначения. На Западном фронте ТАОН состоял из трех литерных дивизионов — «В», «Г», «Е», дивизиона 200-пудовых 152-мм осадных пушек и дивизиона 152-мм крепостных гаубиц..

[3] Дивизион состоял из трех батарей, имевших двенадцать 120-мм французских орудий образца 1878 г., литера «Е» .

За недисциплинарное заявление командиру дивизиона, за нерадивое отношение к хозяйству и несвоевременную выдачу денег солдатам, а также за неприличные слова по адресу товарища, адъютанта дивизиона, по телефону телефонистам – он будет зачислен в резерв.

24 марта

Утром прибыли командир и один офицер дивизиона литера «В» (12 дм)[1], командир батареи подполковник Черепанов (офицер 29-й бригады, командир батареи в 28-й бригаде).

Все офицеры 201-й бригады вместе с генералом Столбиным изучали по картам места позиций и задачи – завтра выезжают на места. В 16.30 часов был полковник Проценко (начипарм) и с ним совместно с генералом Столбиным установили, что 27-го числа он командирует инженерного офицера, которому будут указаны точно места позиций батареи крупных калибров. К тому же времени вызывается и строитель широколейной дороги, строящейся для 12-дюймовых батарей. Днем был в штарме начвосозап генерал Колюбакин.

25 марта

Вчера вечером были у командарма два члена Государственной думы, один Пелипенко, фамилии другого не запомнил.

Со вчерашнего дня идут «уговоры» полка 112-й дивизии. Дивизия назначена на смену 38-го корпуса на участке 62-й дивизии. Полк, прибывший на ст. Молодечно 24-го вечером, «не пожелал идти дальше». Они думали, что идут отдыхать в резерв, и если бы знали, что их посылают в окопы, то не пошли бы со своих мест. Депутатов полка (офицеры и солдаты) вечером вчера уговаривал генерал Марков, сегодня утром комитет офицерских и солдатских депутатов штаба армии. Перед обедом ездил на вокзал командарм.

Делегаты как будто убедились, но полк все же остался при своем. Все же их отправили вперед, и будет назначена комиссия врачей для выделения больных. Что будет дальше, неизвестно. Приезжали в штарм князь Крапоткин (начдив 133) и полковник Кабалов (начштдив 133) – они оба уходят из дивизии, так как им выражено офицерами и солдатами недоверие.

Князь Крапоткин рассказывал, что недовольство назревало со времени подготовки операций у Мартышек на почве малой заботливости

[1] 305-мм гаубицы Обуховского завода образца 1915 г., литера «В» (см. приложение Б).

о дивизии... подкладка же несколько иная, суровый режим и крутая дисциплина.

Так вот от мала до велика уходят твердые основательные начальники... генерал Дзичканец, генерал князь Крапоткин, капитан Калмыков, штабс-капитан Морозов.

Сегодня с утра уехали на разведку позиций офицеры 201-й бригады. Поздно вечером заходил инженер Поваров, строящий ширококолейную ветку для 12-дюймовых батарей.

Генерал Минут вызван во фронт – ему предлагают место Снабзапа вместо увольняемого генерала князя Туманова.

Ответа на телеграммы мои и посланную генералом Романовским нет до сих пор... Почему?

26 марта

Сегодня была назначена манифестация по случаю похорон жертв революции. Около 14 часов на площади у церкви собралась большая толпа в несколько тысяч человек, преимущественно солдат. Было бесконечное число красных флагов с различными надписями, лучшая из них «Да здравствует Народ и Армия», остальные банальные в духе времени. Началось с молебна, затем говорили несколько ораторов, среди которых выделились речи генерала Маркова и одного еврея. Затем толпа двинулась к штарму. Ее встретил у ворот командарм, сказал простое приветственное слово. Его речь не блистала красноречием. Но он сказал то, что считал возможным. Затем говорил генерал Романовский, его речь была идейная, хорошая по замыслу, но сказана языком малопонятным простой толпе. Затем манифестанты пошли к вокзалу. Среди приказов по лейб-гвардии 2-й мне попала копия письма генерала Гурко на имя генерала Потоцкого; в этом письме он пишет, что до его сведения дошло, что перемены форм и обычаев, а особенно новые условия взаимоотношений офицеров и солдат не только медленно воспринимаются, но и вызывают досадные трения и столкновения между отдельными лицами. Кончает он свое письмо следующим:

«Приказываю устранить поводы к возникающим недоразумениям, внушив старшим начальникам и господам офицерам, что дарованные солдату права должны быть совершенно ограждаемы; что наблюдавшиеся иногда грубое и резкое обращение с солдатами должно быть прекращено; что возникающая в некоторых частях рознь на почве различного понимания положения безусловно недопустима.

Важность минуты заставляет меня предупредить, что, в случае нарушения этих моих указаний, я буду считать виновными начальников, а неумеющих поставить себя офицеров буду удалять».

Бедные начальники и офицеры, сколько на них уже вылито незаслуженных обвинений, и в конце концов вместо помощи и поддержки – угроза удаления.

Как бы в ответ на это сегодня получен рапорт командира 61-го Сибирского полка; верно, правдиво и с чувством глубокой скорби он пишет о той тяжелой атмосфере, в которую поставлен ныне офицер. Копия письма приложена в конце дневника[1].

Прилагаю также в конце дневника «страничку из Сатирикона», приказ лейб-гвардии 2-й от 12 марта за № 26[2]. Неужели генерал Аккерман думает, что в такие серьезные дни можно отдавать подобные шутовские приказы, что этим он исполнил свой «гражданский» долг? Вот суконный язык[3]!

Как слухи бывают неправильны, все время говорили, что генерал Аккерман не аттестован на инаркора, а в присланном кандидатском списке он значится с припиской «вне очереди». Правда эта блестящая аттестация доказывает, насколько все аттестующие мало разбираются в своих заключениях, ибо после всех бестактностей «вне очереди» совершенно не подходит к генералу Аккерману.

На днях он должен получить инаркора, может быть, бригаду получит генерал Михайловский, что было бы хорошим выбором.

27 марта

Генерал Минут уходит – не скажу, чтобы я очень сожалел, а если действительно будет генерал Романовский, который по телеграмме допускается главкозапом, то и вовсе замена будет неплохой. Мне ужасно не нравится эта «собачья» преданность командарму, ходит по пятам, выслушивает с подобострастием болтовню старика, а потом все делает по-своему. Затем у него как-то все выходит не от мира сего. Не жизненный. Одним словом, мне не нравится.

Генерал Марков проявился сегодня именно в том свете, как я его себе рисую. Пока дело шло о назначении его начальником дивизии (в 38-ю пехотную), он чувствовал себя героем, но... возможность, что генерал Романовский будет наштармом, вызвала зависть.

[1] См. приложение В настоящего издания.

[2] Данный документ удален из приложения к дневнику.

[3] То есть косноязычный.

Вот этот карьеризм, идейность работы и в то же время не забывание устроить себя и выдвинуться довольно противна.

Какой контраст. Генерал Романовский, безусловно, назначение высокое, лестно – он был и рад, и смущен. Это человек с достоинством и большим нравственным плюсом. Я бы назвал его высокочестным в моральном отношении. Той чистоплотности, которая выделяет генерала Романовского, нет у генерала Маркова. Генерала Иевреинова «уходят», на его место назначают генерала Довбор-Мусницкого, говорят, дельный, но невоздержан и груб.

На место генерала Горбатовского главкозап просит генерала Деникина (комкор 8-го).

Новый главкозап так же, как и предыдущий, душит схемами, а корпуса как нарочно присылают непроверенное, с ошибками и кое-как.

Писем нет который день – последнее от Е. Ф. от 18-го числа; газеты приходят исправно.

28 марта

Генерала Минута вызывают незамедлительно во фронт. Поэтому он уезжает сегодня. В 22 часа был прощальный ужин – говорили речи. Затем ездил провожать на вокзал.

О генерале Романовском послано на утверждение в Ставку.

Генерал Марков очевидно обеспокоен тем, что так долго нет ответа о его назначении начдивом 29 – просил командарма ехать в Минск вместе с ним. Генерал Горбатовский вызывается в штазап, так как туда приехал военный министр А.И. Гучков.

29 марта

Чудовищно! Вчера 2-я Кавказская гренадерская дивизия выразила недоверие генералу Мехмандарову, начдиву генералу Никольскому и наштадиву подполковнику Войцеховскому.

История в том, что на смену 51-й дивизии на позиции была намечена 1-я Кавказская гренадерская дивизия. По словам генерала Мехмандарова, в двух полках этой дивизии было брожение, и поэтому он решил пока ее не выводить на позиции, а поставить 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию. Думаю, что просто 1-й Кавказской гренадерской дивизии не хотелось идти в окопы на Пасху, и потому они раздули брожение двух полков; может быть, тут согрешил и генерал Мехмандаров. Большие льготы всегда были для бывшей Кавказской гренадерской дивизии,

ныне наименованной 1-ю Кавказскую гренадерскую дивизию. Очевидно, это почувствовали во 2-й Кавказской гренадерской дивизии. И на этом построили недоверие к генералу Мехмандарову. Подкладка же, наверное, та же — нежелание идти в окопы под Пасху. Мотивом было заявление о незаконченном формировании дивизии, что, в сущности, вздор, так как дивизия составлена из целых частей, выделенных из состава других частей корпуса.

Итак, генерал Махметдарову было выражено недоверие, и он подал в отставку, говорят, генерал Никольский арестован, что с подполковником Войцеховским, неизвестно.

На место генерала Горбатовского назначают нового кандидата генерал-лейтенанта Веселовского (комкор 19); говорят, очень ловкий господин, начал войну командиром полка.

К увольнению намечены генерал Иевреинов, на место которого предложен генерал Довбор-Мусницкий (наштарм 1) — всего генерал-майор и в этом чине несколько более года.

Хорошо ли назначать таких молодых, это подрывает доверие к промежуточным начальникам. Надо омолодить состав, но нельзя же делать скачки. В моей голове такие вещи не укладываются, я считал генерала Маркова слишком молодым для дивизии.

Затем увольняют и генерала Парчевского (комкор 35). Совсем его не знаю. В список избиваемых попали еще несколько начдивов.

Вечером Гучков прислал телеграмму по поводу смены генерала Мехмандарова, где указывает на недопустимость смены «снизу». Он пишет, что как раз занят разбором, кто может оставаться, кого надо заменить. Требует доверия и предоставления решения вопроса о командном составе властям.

А как моя судьба? — я даже был бы рад увольнению, устал и переутомился душой. Всю жизнь, на всякой должности все принимая близко к сердцу, и теперь сердце уже не выдерживает. Я чувствую, что я уже не тот, что раньше, энергия уже израсходована.

> «Скажите по совести: разве не похожи на безумие все наши штатские споры о военной дисциплине? И разве не похожи на преступление все часы, и минуты, украденные нами у нашей работы на оборону?..
>
> *Александр Яблоновский».*

Слава Богу, появляются в газетах трезвые мысли — жаль только, что они редки.

Пусть это будет первой ласточкой, за ней должны полететь и другие.

Сегодня генерал Романовский в миноре, его назначение еще не вполне твердо.

За операцию на Стоходе – я о ней не писал (надо будет записать) генерал Леш (командарм 3) и генерал Янушевский (комкор 3) отчислены. На место командарма 3, говорят, уже назначен генерал Квецинский, а Наштазапом генерал Алексеев – наштарм Особой.

Всё перемены, всё перемены – надо готовиться на бой с немцем не на жизнь, а на смерть, а тут перемены, и внутренний разлад, и упадок дисциплины.

30 марта

Командарм вернулся вчера ночью. Странно, говорит, видеть военного министра в полосатых штанах.

Еще нового кандидата называют на должность командарма – генерала Киселевского. Не знаю, как он для дела, я привык о нем слышать не очень одобрительно в гвардейском корпусе, но после он отличился, получил Георгиевский крест. Он разумный и чрезвычайно приятный в обращении.

Приезжали в штарм генерал Никольский (бывший в лейб-гвардии Павловском полку) и подполковник Войцеховский – отставленные во 2-й Кавказской гренадерской дивизии.

Говорят, наштазапом будет генерал Миллер, а генерал Алексеев Генкварзапом.

31 марта

На совещании с инаркорами генерал Вешняков спрашивал, возможно ли израсходовать 1000 тяжелых снарядов для подготовки полка. После доклада командарму вчера около 18 часов я передал по телефону генералу Вешнякову, что командарм считает, что всякий расход снарядов допустим, если он ведет к определенному, реальному успеху, но что он желает, чтобы комкор сообщил в общих чертах, на каком участке и что предполагается. На это инаркор 20 сказал, что при таких условиях вряд ли это состоится, а сто тяжелых можно? Я ответил, что сто допустимо.

Сегодня около 9 часов генерал Вешняков вызывает меня и сообщает, что комкор 20 приказал сегодня выпустить 1000 снарядов и затем произвести поиск[1]; на мой вопрос, почему же не сообщено командарму,

[1] То есть разведка боем.

как он того требовал, генерал Вешняков сказал, что дело не терпит отлагательств и что он идет отдавать приказание. Я пошел сообщить наштарму, что 20-й корпус что-то затевает,—знает ли он те таинственные причины, которые вызывают безотлагательность операции. Генерал Романовский не знал, но в оперативном отделении оказалась телеграмма комкора, выясняющая обстановку. Оказалось, что немецкий офицер с солдатами вышел на фронте 28-й дивизии и передал письмо «ротному комитету» о том, что немцы не питают злобы на русских и от имени начальника дивизии предлагая мир. Немцы были прогнаны нашим огнем. Это и послужило мотивом спешного решения произвести поиск с расходом 1000 тяжелых снарядов.

По докладу командарму эта стрельба была отменена (передано около 13 часов дня), тем не менее, корпус поспел израсходовать 300 мортирных и 104 тяжелых снаряда.

Выходы немцев с белыми флагами были и на фронте 2-го Кавказского корпуса, причем навстречу им вышли наши, но... те и другие были загнаны в свои окопы нашей артиллерией. Характерный факт, артиллерия еще держится и выполняет свой долг.

Наштарм говорил, что такие выступления немцев были на всем фронте армии.

В 13 часов в церкви великомученика [Георгия Победоносца] было богослужение и вынос плащаницы.

Поздно вечером звонил генерал Романовский, ему предлагают должность генкварсев. Если он будет утвержден наштармом, то это не выгодно, если же его кандидатура не пройдет, то это более высокое место. Лично желаю, конечно, чтобы генерал Романовский остался у нас.

1 апреля

Сколько грязи: в «Минском голосе» есть статья относительно привлечения великого князя Николая Николаевича к ответственности за гибель 20-го корпуса в Августовских лесах[1], по-видимому, в связи с этим привлекается и генерал Янушкевич. Там же указано о привлечении великого князя Сергея Михайловича и Кшесинской как причастных к каким-то артиллерийским поставкам, говорится о 15-миллионном куртаже, в связи с этим упоминают Шуваева и «бывшего квартирмейстера» Лукомско-

[1] Имеется в виду разгром 20-го корпуса генерала П.И. Булгакова (40 тыс. человек) сосредоточенным ударом двух немецких армий в лесах под городом Августов во время Мазурского сражения 25 января – 13 февраля 1915 г.

го... Отчего «бывшего», разве он тоже устранен? Вот уж когда поистине можно сказать «что день грядущий мне готовит».

В связи с артиллерийскими поставками не всплывет ли имя генерала Смысловского, о нем упорно говорили весной 1916 года? О нем говорил и генерал Шихлинский, а это архиосторожный человек.

Генерал Марков ездил во 2-й Кавказский корпус выяснять обстоятельства вспышки 2-й Кавказской гренадерской дивизии. По его мнению, возвращение генерала Мехмандарова невозможно, как то предполагал главкозап. Генерал Мехмандаров несколько подорвал свой авторитет слишком резким изменением своих отношений после «свобод». Вместо твердого разъяснения происходящего и поддержания порядка и дисциплины он стал явно заискивать, особенно у младших чинов. Да и в тот день, когда ему было выражено недоверие, он не проявил нужной выдержки.

Конечно, критиковать легче, чем действовать, но все же нельзя не согласиться с генералом Марковым. В выигрыше всегда будет более сильный и физически, и духом. Бесконечно жаль доблестного генерала Мехмандарова, этого настоящего боевого генерала, сдавшего в момент внутренней неурядицы.

2 апреля

Светлое Воскресение. Ночью был на Богослужении, а затем разговлялись в столовой. Утром пришло известие, что генерал Бенескул (начдив 51), временно и.д. комкора 2-го Кавказского корпуса, застрелился. Днем из штаба 2-го Кавказского корпуса было получено постановление чинов штаба, что в смерти генерала Бенескула они винят генерала Мехмандарова и генерала Маркова. Первого потому, что отнесся с презрением к генералу Бенескулу в день выражения недоверия 2-й Кавказской гренадерской дивизией, а второго, что держал себя резко при расследовании происшествия и отказался вести разговор в кабинете. Копию этого решения предлагается отправить вдове генерала Бенескула с правом напечатать во всеобщее сведение. Кроме того, более подробное расследование причины смерти генерала Бенескула поручено 51-й дивизии. Обвинение генерала Маркова в виновности смерти генерала Бенескула принято им крайне тяжело. С ним сделался обморок, а затем в высшей степени угнетенно-нервное состояние.

Вечером был офицерско-солдатский комитет, на котором генерал Марков заявил, что его считают убийцей генерала Бенескула. Вопрос этот был предметом рассмотрения и разбора. Я не слышал, но, говорят,

великолепно говорил 8-го тяжелого дивизиона поручик Волковинский, я слышал речь солдата Денисова, прекрасно и с чувством подчеркнувшего, что генерал Марков выполнил свой долг и что он не может быть ответствен за слабость генерала Бенескула, понявшего свою ошибку и не пожелавшего услышать приговор суда чести и совести.

По-моему, у генерала Бенескула было, как говорят, «рыльце в пушку». Генерал Мехмандаров честный солдат, и если он презрительно отнесся к генералу Бенескулу, то, очевидно, он узнал или почувствовал нечистую игру генерала Бенескула.

2 апреля

Как самый инцидент выражения недоверия к генералу Мехмандарову, так и обвинения генерала Маркова в смерти генерала Бенескула,– глубоко печальные явления, показывающие и отсутствие выдержки, здравого смысла, и злобности.

Я не понимаю, почему генерал Марков отнесся так драматично – нельзя реагировать на всякий вздор!

Кажется, окончательно командармом назначается генерал Киселевский – но, к сожалению, его выбор начштаба генерала Добрышина крайне неудачен – это надменная посредственность. Конечно, генерал Романовский был бы куда более на месте.

Печально и то, что, как говорят, генерал Добрышин родственник генерала Киселевского.

Генерал Романовский согласился на должность генквартсева, сегодня ему предлагали должность дежурного генерала в Главном штабе вместо генерала Архангельского, который назначается на должность дегенверха вместо генерала Кондзеровского.

Умер комкор 22-го генерал барон А. Ф. фон ден Бринкен.

3 апреля

Вышел приказ Наштаверха № 435 о введении в штат инспартарма должностей заведующего средствами химической борьбы и его помощника, а также о подчинении военно-метеорологических отделений при штабах армий.

Теперь как противогазовая борьба, так и газовые атаки и применение химических снарядов будет под реальным контролем.

4 апреля

Вчера в «Русском слове» было вклеенное сообщение об аресте генерала Куропаткина и генерала Сиверса (Николая Николаевича):

> «ТАШКЕНТ, 30.III. Советом солдатских и рабочих депутатов арестованы генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, начальник штаба Туркестанского военного округа генерал Сиверс и начальник Сибирской запасной стрелковой бригады генерал Буров.
> Генерал Куропаткин подвергнут домашнему аресту.
> Генералы Сиверс и Буров подвергнуты заключению в крепости».

Нечто роковое в привязанности и приверженности Н. Н. к Куропаткину. После Японской войны из-за этих симпатий он был долго в тени. Затем, выбившись из окутывавшего его недоброжелательства Сухомлинова, он вскоре, благодаря своей работоспособности, выдержке и прекрасному характеру, быстро стал выдвигаться – наштарм 12, затем 6 и потом наштасев. На последней должности, соединившись опять с Куропаткиным, ему не повезло, с уходом последнего в Туркестан, он поехал с ним начальником штаба и вот теперь оказался к Светлому празднику в крепости.

Дегенарм получил телеграмму о назначениях генерала Киселевского командармом, генерала Ельшина комкором 20 и генерала Ванновского комкором 35. Почему-то генерал Довбор-Мусницкий не назначен в 20-й корпус. Это очень расхолодило и генерала Маркова, и, особенно, генерала Романовского, особенно последнего, который имел столкновение с генералом Ельшиным, а потому хочет отказаться от кандидатуры на 28-ю дивизию.

Есть назначение генерала Деникина наштаверхом, а генерала Клембовского... в Военный совет.

5 апреля

Всё перемены – генералу Соковнину предложена должность начштазапа, генералу Романовскому – наштарма 8.

Вместо генерала Соковнина комкором 38 намечается генерал Чоглоков (бывший лейб-казак).

Генерал Янушкевич уволен в отставку.

Генерал Архангельский назначается дегенверхом, предлагали его место генералу Романовскому. Начальником Главного штаба вместо уво-

ленного генерала Михневича называют генерала Минута, но его не хотят пустить из фронта.

Генерал Лукомский пока на месте, но есть слух, что он будет назначен комкором 9. Поздно вечером приезжает в армию член Государственной думы Иванов, генерал Романовский выехал на вокзал его встречать.

Сегодня в ночь 20-й корпус сменяет на участке р. Вилия – Шалудька 2-й Кавказкий корпус.

Затем предполагается перегруппировка – штаб 3-й армии переезжает, кажется, в Будслав и получит часть корпусов 1-й армии и от нас 35-й и 20-й корпуса.

Во что выльется оборона Сморгоньского участка, пока приказано всю тяжелую и легкую артиллерию, находящуюся на этом участке, оставить на местах, а из легких батарей увести только три батареи, вместо которых станут батареи 133-го дивизиона.

Письма из Петрограда задерживаются невозможно – последнее от Е. Ф. было от 26 марта, т.е. 11 дней назад. Что-то невероятное!

6 апреля

Эти дни в штабе армии находится помощник английского военного агента майор Торнхиль. Он говорил об отношениях солдат к офицерам и дисциплине в английской армии сначала в офицерско-солдатском комитете при штабе армии, а затем в частях 2-го Кавказского корпуса.

Там же был и В.М. Пуришкевич, и туда же поехал член Государственной думы Иванов. Все они стараются наладить «порядок» в корпусе... совершенно упуская из виду, что хотя бы и горячее слово, поднявшее настроение массы, все же это временно и не может изменить положения[1], когда некоторые мерзавцы настойчиво ежедневно подтачивают дисциплину и порядок.

Какой бы ни был режим, вор всегда остается вором, а вредный человек всегда вредным. Вредный человек должен быть изъят, безразлично какое бы правительство не было.

Вопрос, какое правительство лучше, какое правительство даст максимум блага родине; но то или другое должно быть, разрушение власти ведет к анархии, которая блага родине дать не может.

Если прежний режим всюду искал крамолу и, чтобы ее задушить, прибегал к провокационному способу, это мерзко и грязно. Но невоз-

[1] Так в рукописи.

можно же допускать людей нарушать установленный порядок. Ведь выведут же из общественного места безобразника — не назовут же это нарушением свободы личности. Так и здесь и особенно здесь в войсках необходимо убирать те элементы, вроде прапорщика Ремнева[1] и другого прапорщика Куклиша, ведущих вредную агитацию. Мне кажется, изобличенная вредная деятельность должна быть остановлена силой, если нельзя достигнуть добровольного отказа от преступной и вредной пропаганды.

Может быть, я действительно «осколок старого режима», но мне безумно обидно, когда поучают иностранцы; почему мы не можем создать своего, верить своим? Стоит только иностранцу разинуть рот, и мы принимаем на веру, стараемся свой уклад переделать по-иностранному. Пользоваться опытом соседей одно, а слепо пересаждать иноземное другое. С Петра мы прививаем себе иноземные порядки, часто по внешней форме и притом от разных народов. Этот сумбур наносной культуры и есть, вероятно, причина того, что мы верим всем, только не своим. Пользуемся одеждой с барского плеча, совершенно не обращая внимания, что она сидит мешком.

Больно и обидно, что внесен такой разлад между офицерами и солдатами, что надо привлекать чужих людей, штатских, для «примирения»! До чего мы дошли, что даже студенты шлют к нам своих посланцев-юнцов! Они воображают, что могут чем-нибудь помочь.

Разве могут штатские люди принести пользу — весь уклад жизни штатского... «вольного» иной, такое вмешательство штатских только вредно. Штатских, понимающих дух войска, его особенные законы, его особенную этику, — мало, а потому самая доброжелательная проповедь штатского внесет все же разложение. Еще не скоро наступит время, когда «дисциплина» будет символом «долга». Для этого нужно, во-первых, уничтожить темноту массы, размягчить озлобленность. Да что говорить, тяжелое время выпало на нашу долю. Распад старого и отсутствие новых твердых начал. Ограниченность или злая рука толкает армию к развалу.

В эти минуты глубже горячая молитва — помоги Боже!

[1] «Известный демагог прапорщик Ремнев с толпой солдат арестовал и сместил командира корпуса ген. Мехмандарова и вручил командование ген. Бенескулу. Марков очень горячо обрушился по этому поводу на ген. Бенескула». (См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Париж, 1921. Примечание № 64 к главе X.)

7 апреля

Каждый день приносит новости о назначениях и увольнениях.

Утвержден Верховный главнокомандующий генерал Алексеев.

Назначается генерал Юзефович. Генкварверх.

Затем, намечены к увольнению, кроме уже отмеченных мной, командарм 1 генерал Литвинов и 11-й – генерал Баланин. На их места называют генерала Бельковича и генерала Гутора. Увольняется также командарм Кавказской генерал Юденич, а на его место намечают генерала Пржевальского.

Из командиров корпусов предназначены к увольнению генерал Казнаков (12-й), генерал Лайминг (45-й), генерал Истомин (46-й), генерал Калитин (1-й Кавказский), генерал Яблочкин (5-й Кавказский), генерал Рооп (2-й конный). Кроме того, по слухам, смещены снизу генерал Потоцкий и генерал Раух.

Генерал Гулевич (комкор 47) назначается в действующую армию, а генерал Орановский (1-го конного) комкором 47.

Сегодня штабс-капитан Аменицкий доложил, что его батарея (4-я отдельная противосамолетная) решила убрать фельдфебеля, двух взводных и старшего по конюшне. Вечером в батарею ездил председатель армейского комитета солдат Денисов со своим секретарем и около четырех часов вели с солдатами батареи переговоры, уговорив их изложить свои желания в виде просьбы к командиру батареи.

Штабс-капитан Аменицкий уволит пока фельдфебеля в отпуск, сместит старшего по конюшне, а относительно взводных передает в армейский комитет.

Оказывается, всю батарею поднял один солдат, бывший в отпуску и только несколько дней возвратившийся. Он был выбран в число депутатов в батарейный комитет. Зараза проникает понемногу во все части.

8 апреля

Днем был у меня железнодорожный инженер Поваров, с которым договорились относительно постройки широколейных веток для 12-дюймовых батарей[1].

[1] Большинство тяжелых орудий, вошедших в ТАОН, представляли собой неприспособленные для перевозки системы. Их приходилось перевозить по железной дороге и монтировать заново на прочно обороняемой, укрепленной позиции. К каждой подобной позиции приходилось строить железнодорожную ветку с широкой (при небольших расстояниях – узкой) колеей.

Затем был у меня генерал Соковнин, который едет в Минск на должность наштазапа. Эта замена очень приятна, не лежит у меня сердце к генералу Квецинскому, как не лежит и к генералу Добрышину.

Приехал и генерал Столбин (комарт 201) теперь уже окончательно.

Вчера ночью около 2 часов меня вызывала к телефону со станции В.М. Пискорская – ездил повидать ее и вернулся лишь около 3.30 ночи. Видел сына Мишу, большой мальчик.

Сегодня прочел в «Русском слове», что отдано распоряжение (кем?) не препятствовать выезду из Ташкента генералу Куропаткину и генералу Сиверсу. Где-то было написано, что тот и другой находились под домашним арестом – где правда? и что верно?

А все же я устал душой, надо ехать в корпуса, а ехать не хочется. Нет подъема. Ничего не имею даже уйти в отставку – другого не придумаешь, в Военный совет даже командармов назначают с трудом.

Сегодня мне телеграмма, что генерал Вешняков назначен инаркором 20. По нынешним временам эта должность очень мизерна.

Интересно отметить ряд телеграмм от коллеги, инспартарма 1 генерала Вартанова. От фронта была телеграмма принять свыше 2000 химических баллонов от 1-й армии. Утром получил от генерала Вартанова телеграмму, что просит поспешить [с] приемкой этих баллонов со ст. Сеславино. Телеграфировал нахим 5, чтобы выслал приемщика и копии послал генералу Вартанову. На это днем получил ответ, что баллоны на участке 2-й хим[ической] ком[анды] в 15-м корпусе и что их нежелательно сдавать, так как она готова для действия. Послал телеграмму отменить приемку. Сегодня утром вновь получаю телеграмму – ускорить приемку баллонов, так как 2-я хим[ическая] ком[анда] спешно уходит, а затем днем, что команда «остается» и баллоны отдать не может!

Что же это такое! Нечто смехотворное. Кажется, и генерала Вартанова было бы пора убрать.

Вот до чего устал, что не записал, что 2-го вечером подполковник Попов уехал в отпуск. У него умер отец, надо устроить больную сестру. Поездка не вовремя – сейчас очень много дела, приказано готовиться полным ходом и по возможности быть готовыми к намеченному сроку, т.е. к концу апреля. Стало быть, сейчас будет много поездок, вся домашняя работа, значит, остановится, так как у меня не хватит сил на то и другое.

Несколько разочаровываюсь в подполковнике Попове, у него тоже нет «широты» взглядов, правда, охотно помогает, ищет работы но... тоже

требует указки, а не может сам проникнуться тем, что нужно сделать. Как мало способных людей на свете!

Я чувствую, что при моем умении схватывать суть дела я бы мог пойти далеко – как обидно, как тяжело, что обстановка сложилась так, что я не укреплял свое здоровье, а только растрачивал! Теперь я начинаю пожинать плоды того, что я не умел устроиться так, чтобы развивать свои силы и способности, а не губить.

Теперь природный талант уже погиб и не воскресить его.

Не буду бесцельно сожалеть, сожалением прошлого не вернешь. На все судьба. Помоги Бог дожить до конца хоть с тем, что есть.

9 апреля

С утра было заседание армейского комитета, делегаты 4-й противосамолетной батареи докладывали о причинах, по которым они считают невозможным оставление взводных. Комитет решил назначить расследование, для чего имеется в комитете избранная специальная комиссия.

На этом же заседании между прочим было кем-то из солдат «указано», что комитет идет «в поводу» у генерала Маркова.

К сожалению, я не записал в свое время мое опасение, что как бы пожинаемые генералом Марковым лавры не обратились бы против него самого. Мне сразу казалось, что генералу Маркову могут поставить в упрек, что, владея искусством захватывать толпу, он будет вести ее по своему усмотрению. Это я говорил и подполковнику Попову и генералу Романовскому. Теперь это сбылось. Генерал Марков хочет выйти из состава комитета – это уже мне совсем не нравится, нельзя сдавать. Теперь время борьбы, и если я в чем-то убежден, то я должен за это бороться. Генерал Марков быстро взвинчивается и затем при малейшей неудаче сдает. Это результат того, что ему удавалось прежде зачаровывать и отдельных лиц своей «искренностью» и умением говорить.

Губит же его больное самолюбие.

Во 2-й Кавказский корпус приехал инаркор генерал Синеоков, говорил со мной по телефону. Нелады в частях продолжаются – там полки отказываются идти на позиции, тут приезжают офицеры полка 16-й стрелковой дивизии депутатами от всех офицеров полка, что они просят о переводе их всех в другие части, так как жизнь в полку невозможна; солдаты относятся недоброжелательно и даже враждебно. Ну как же при таких условиях воевать!

События идут таким быстрым темпом, что решительно забываешь записывать в хронологическом порядке. Мысли скачут с одного предмета на другой.

Невеселые слухи доходят из «внутри», жутко за будущее, жутко за порядок, жутко за мощь страны!

Говорят, генерал Шихлинский весь погрузился в съезд представителей частей фронта и рабочих — не точно знаю, из кого состоит этот съезд. Знаю, что в Минск на съезд приехали Родзянко, Родичев, Скобелев, Чхеидзе и, вероятно, еще и другие.

Что генерал Шихлинский занят не своим делом, видно из присылаемых ответов, а также и потому что многие вопросы остаются без ответа.

Полевым генералом-инспектором артиллерии при Верховном главнокомандующем называют более определенно генерала Ханжина.

10 апреля

Около 13 часов приехал генерал Синеоков, разбирали разные текущие вопросы, интересовавшие его в виду вступления в должность. Вместе с тем он смотрел и купил верховую лошадь командарма. Около 16.30 дня он уехал, а я к 18 часам поехал на станцию, чтобы ехать в головной поезд на 648-й версте (линия на Полочаны), откуда строится ветка для батареи литера «В» и дальше окончательно выбрать позицию для северной батареи.

Однако, вследствие недоразумений с доставкой моей телеграммы, вагона не оказалось, и только любезным содействием железнодорожного начальника станции Молодечно я получил вагон и выехал около 21.30 вечера. Со мной поехал генерал Столбин и его офицер для связи. Приехали около 23 часов. Ночевали в вагоне.

В штарме получена телеграмма, что 8-дюймовые гаубицы еще не вышли из Англии, а потому к операции, конечно, поспеть не могут.

11 апреля

С утра сильный дождик, а потому выехали только около 10.30 утра. Поехали верхом на лошадях из транспорта, которые совершенно не выезжены, а потому ехать на них было в достаточной мере тяжело. Ехали вдоль полотна строящейся ветки до д. Рудевщина, затем по прямому направлению на Высокое, Юровщину в лес Лоховщины, где помещается в отлично выстроенном бараке инженер Поваров. Нас сопровождал от 648-й версты начальник строящейся дороги инженер Меднис. Там мы пообедали и затем поехали на позицию мимо д. Корочевщина, Левополе,

Лотань. Позиция намечена в лесу к северо-востоку от Лотани и к юго-западу от д. Загорье.

Осмотрев все участки, генерал Столбин остановился на той, которая избрана в вырубленном лесу, но с высокими порослями – на мой взгляд, она будет мало обеспечена от наблюдений сверху. В этом лесу сейчас стоят различные артиллерийские части – дивизион 2-й Сибирской бригады, резервы легких батарей и дивизиона 7-й тяжелой бригады. Все это надо будет вывести. Затем существенная вещь – это поставить охрану от порубок. Сколько леса вырублено за этот год, многих участков я прямо не узнал, а прошлое лето часто ездил в этих местах.

Около 16.30 дня мы с инженером Меднисом поехали обратно, а генерал Столбин с инженером Поваровым поехали еще к д. Синьки осмотреть забракованную подполковником Черепановым позицию. От барака инженера Поварова мы с инженером Меднисом пересели в тележку и доехали до головного поезда. Через час-полтора возвратился и генерал Столбин. За этот день я проехал верхом около 24 верст и 8–10 верст в безрессорной тележке. С непривычки устал.

12 апреля

Ночевал в вагоне, а затем около 8 часов нас повезли назад в Молодечно, куда подошли около 9 часов.

Дома застал телеграмму комкора 48, ответ на мою с просьбой командировать офицеров и разведчиков батареи литера «В», что эти батареи направлены в распоряжение инспартзапа. Значит, идут в армию. Однако в штарме нет никаких сведений об этом – может быть, они, также как и батареи литера «Е», направляются в другую армию.

Решил ехать в Минск, чтобы узнать и просить задержать их где-либо, так как в нашем районе совершенно нет места, где их поставить. Командарм просил, чтобы я поехал днем. А потому я собрался и выехал с поездом [в] 14.24 дня. Ехал в общем вагоне, тесно. Устал от вчерашней поездки.

В Минск приехал с опозданием на полчаса, там, благодаря любезности генерала Янова, был автомобиль, что было очень приятно и удобно.

Поехал к генералу Шихлинскому – с этим человеком толком ничего нельзя говорить, увертывается, как уж. Он доволен, что батареи идут на фронт, у меня сложилось убеждение, что он их и вызвал.

Около 21 часа был у наштазапа генерала Соковнина. Он очень любезно принял участие и возмущался, что шлют батареи вопреки, и не предупредив армию. Обещал узнать и если возможно задержать где-либо

до Минска, а ту батарею (4-ю), которая уже пришла в Минск, просил устроить где-либо в районе армии. Окончательно выяснить вопрос обещал завтра после вечернего доклада главкозапу.

13 апреля

Ночевал в вагоне армии, который оказался на ст. Минск.

Около 10.30 приехал в штазап — встретил бывшего воспитателя генерала Гейштора, приехал просить зачисления его в резерв Минского округа. Он генерал-майор, очень мало изменился.

Затем пошел к генералу Соковнину — «А я уже не начальник штаба!» Оказывается, сегодня утром получена телеграмма о назначении его командармом! Очень жаль, жаль, что уходит, так как это в высшей степени знающий и хороший человек, затем он прекрасно осведомлен как раз о том районе, где намечается наш удар, знает о его трудностях, знает о том, что подготовка задерживалась невозможной погодой, знает как начштарм 2 также и северный район фронта. Вообще очень полезный человек на фронте.

На его место назначается генерал Миллер — курьезно, что генерал Миллер был назначен на Румынский фронт и был по дороге арестован и направлен в Петроград в распоряжение генерала Корнилова. Очевидно, по дороге его освободили и назначили наштазапом. Чего не бывает на свете!

По поводу батареи литера «В», генерал Соковнин говорит, что батареи направляются на фронт распоряжением Ставки, и начальник военных сообщений фронта указывает на возможность поставить две батареи в Родашковичах и одну в Молодечно.

Что поделаешь — это уже власть свыше. Кроме того, выясняется, что и батареи литера «Е» и 6-й отдельный дивизион, посланные во 2-ю армию, вряд ли будут возвращены — дать легко, отнять гораздо труднее, так говорит генерал Соковнин, так говорит и генерал Шихлинский.

Исходя из этого теперь возникает вопрос, как получить 3-й дивизион 10-й тяжелой бригады и 8-й тяжелый дивизионы, остающиеся в 35-м и 20-м корпусах, переходящих в 3-ю армию.

Генерал Шихлинского сегодня не видал — на секции фронтового съезда. Не своим делом занимается!

Около 13 часов выехал в Молодечно в штабном вагоне. Вместе ехал еще генерал Бонч-Богдановский, вновь назначенный начдивом 27. Вид важный, очень интересный и, по-видимому, дельный генерал.

От ст. Радошковичи на крышу вагона влезли солдаты и стали играть, по-видимому, на балалайке, которую положили, по-видимому, на самую крышу, так как звуки были чрезвычайно резки. Нельзя сказать, чтобы «товарищи» вели себя воспитанно, а, кроме того, путешествие на крыше небезопасно.

По дороге я заметил, что возможно поставить одну из батарей литера «В» на запасном пути у разъезда № 13 между Ушей и Молодечно.

Приехали назад в 17.30 дня. Дома застал телеграмму Е. Ф., что приедет около 20-го числа – телеграмма от 7 апреля.

14 апреля

Лег спать в 21 час. Очень устал за эти дни.

Утром принимал квартирьеров батареи литера «В» и затем устроил вывод из ближайших деревень у Радошковичи и разъезда № 13 некоторых частей для размещения в них литерных батарей. Затем был техник лейтенант батареи, но оказался совершенно не знающим человеком, почему пользы от него не было никакой.

По просьбе генерала Синеокова послал телеграмму в 20-й корпус передать 1-ю и 5-ю батареи Кавказской гренадерской бригаде и 6-ю батарею 10-й тяжелой бригаде. Вместо снимаемых легких указал, чтобы была поставлена одна из батарей 51-й бригады из района Трилесино. Оказалось, что 51-я бригада уже снята с позиций, и потому, по-видимому, получилась какая-то неясность. А все потому, что инаркоры не донесли своевременно о смене и замене батарей на позициях. Возмущен!

Вечером были проводы генерала Горбатовского, генерала Романовского и генерала Маркова. По адресу генерала Горбатовского было сказано много теплых слов. Говорил Марков, говорил красиво, как оратор, но его речь была очень искусственна и по замыслу, и по манере говорить. Погоня за «эффектом», за популярностью!

Около 23 часов поехали наштарм, дегенарм и я на станцию встречать нового командарма. Генерал Киселевский встретил любезно – поцеловались. Генерал Горбатовский переехал в вагон.

15 апреля

В 10 часов было представление чинов штарма новому командарму, затем день пошел обычным порядком.

Около 17 часов генерал Горбатовский заехал проститься. Вечером после ужина я и генерал Романовский поехали прощаться с бывшим командармом, посидели, пили чай и вернулись после 23 часов.

16 апреля

Утром приехал разведчик батареи литера «В», говорит, что до сих пор д. Кички, где назначено поместить батарею, еще не освобождена — обращался в штарме ко всем, но толку мало: послали вторую телеграмму в штакор 3, но до вечера никакого ответа не было. Невероятный хаос у нас во всем; пишут, что негде поставить дивизион — шлют, пишут освободить деревни — полное молчание.

Все кое-как!

Наш армейский комитет начинает так же, как и на фронте, проявлять стадное начало. Услышали мир без аннексий и контрибуций и тоже как попугаи выносят резолюции.

Вот в чем оказывается вина «прежнего режима» — это темнота народная. Свобода понимается не как уважение личности, а как возможность сложить с себя свои «обязанности», дать волю разнузданности. Не скоро еще уляжется и войдет в ту норму, которая даст возможность улучшить свой быт, довести культуру до высоты наших союзников. Власть толпы, темного, некультурного демократизма надолго задержит наше совершенствование. Это своего рода татарское иго.

Главное, что будет служить помехой, — это отсутствие патриотизма, любви к родине, народной гордости. Везде «родина» предмет уважения, культа и зачастую особой, нежной любви.

Беспокоит меня судьба Е. Ф., мне совсем не улыбается ее желание идти на фронт. Я так устал душой, так неясно мне будущее, так печально все, что видишь кругом, что совсем исчезает вера и надежда на светлое будущее. Хочется уйти и отдохнуть. Может быть, после отдыха я снова буду в состоянии ожить, но сейчас душевные силы падают. Нервы сдают. Всему есть мера.

Днем был инаркор 3 генерал Андреев (брат инспартарма 8).

17 апреля

В 10.30 поехал поездом на ст. Пруды, там меня встретил генерал Синеоков, с которым мы приехали в штакор 2-го Кавказского. Около 12 часов приехал и вызванной мною новый инаркор 1-го Сибирского генерал Бодиско. Заходил к временно командующему корпусом генералу Подгурскому (начдив 1-й Сибирской).

Около 17 часов генерал Бодиско уехал домой. Я же поехал на станцию к 20 часам, где, однако, ждал поезда на Минск до 23.30 вечера. Народу было много, особенно солдат, но все-таки место и туда и обратно было.

В поезде на Пруды встретил дивизионного интенданта 1-й Кавказской гренадерской дивизии подполковника Дитмана – бывшего офицера лейб-гвардии 2-й.

Эти дни холод, и временами идет снег.

18 апреля

Приказано!!! считать сегодня 1 мая – праздник пролетариев, трудящихся классов. Сегодня потому, что по новому стилю этот день празднуется во всех странах.

Около 14 часов на площади у церкви собрались массы солдат, депутации от рабочих, железнодорожных служащих, от войсковых частей было вынесено много красных флагов и плакатов с ходовыми формулами. Был оркестр музыки и войсковые команды.

Приехал командарм и сказал речь – приветствуя собравшихся в день празднования труда и трудящихся. Он указал на значение труда в жизни вообще и в строительстве нового свободного государственного строя. Отметил, что лепту труда вносит каждый, и чем добросовестнее его работа, тем большая польза родине. Закончил речь командарм провозглашением «ура» свободной России и всем трудящимся на ее пользу.

После него говорили другие «ораторы» – солдаты, представитель железнодорожников, доктор (по-видимому, из жидов – по фамилии Ихо) и рабочий «товарищ Шиманский». Последний говорил долго, убедительно и, как поляк, очень вкрадчиво. Сначала он указал, что революция еще не закончена, что она продолжается, что необходимо добиться еще очень многого, что реакция и контрреволюция не задушены, только теперь наблюдается обратное тому, что было раньше, теперь реакция ушла в подполье, как в былое время там скрывалась революция. Говорил, что надо еще держать ухо остро, так как те, кому это выгодно, натравливают солдата на рабочего и обратно, и кончил горячим призывом борьбы с имущим классом и буржуазией. Порицая вначале натравливание одних против других, он в конце своей речи стал натравливать пролетариев на имущие классы; закончил свою речь очень эффектно, вызвав на трибуну солдата и крестьянина. Вот те лица, которые сейчас объединены,– «заметьте, что среди нас здесь нет представителей имущих классов, они не пришли, они не пожелали прийти сюда, не пожелали быть с нами!»

После эта митинговая часть закончилась, и все собравшиеся процессией прошли по Молодечно и к вокзалу.

На праздновании было много офицеров штаба.

Утром рано получил телеграмму от Е. Ф., посланную 16-го числа, что почти наверное она будет сегодня в Минске. Послал спешно Петрова, но с дневным поездом Е. Ф. не приехала.

19 апреля

Ночью около 1 часа по телефону с Александровского вокзала в Минске Е.Ф. сообщила, что она только что приехала. Вот положение — что делать. Послал Рыбалку — устраивать. Оказалось, что Е. Ф. пришлось ночь просидеть в комнате коменданта — хорошо еще, что писарь был очень любезен. Затем с поездом 12.50 Е. Ф. выехала из Минска и приехала в Молодечно около 18 часов.

От 14.30 до 16.30 докладывал командарму вопросы по артиллерийской части операции.

20 апреля

Управление приняло оттенок какого-то клуба — это мне совсем не нравится. Капитан Каминский совершенно не умеет соблюдать приличного «тона». Офицеры управления 201-й бригады совсем чувствуют себя, как дома — пришлось сказать генералу Столбину, что мое управление имеет свое дело и для посторонних работать не собираемся.

Приехал и был в штарме новый комкор 2-го Кавказского генерал Чоглоков (бывший лейб-казак).

Генерал Сиверс уже в Петрограде и освобожден, что и надо было ожидать.

Говорят, генерал Попов (бывший наштарм) получил 1-й корпус. Этот корпус из Румынии (собственно, Бессарабия) переводится на Балтийское побережье, вероятно в 1-ю армию.

21 апреля

Являлся новый комарт 11-й Сибирской генерал Штединг, служил когда-то в 14-й бригаде.

До обеда заходил ко мне комкор 2-го Кавказского генерал Чоглоков. Много рассказывал про генерала графа Келлера. Я привык слышать, что это выдающийся генерал — очень резкий, даже грубый... но знаток кавалерийского дела. Не отрицая личной храбрости, но и то ради рекламы, он не проявлял никакой распорядительности в боях, предоставляя дивизиям делать, что они знают.

В период отсутствия боев граф Келлер своим пристрастным, грубым отношением вредил делу. Причиной, что он, несмотря на свои отрицательные качества, не только не был отставлен, но и выдвигался – была его дружба с Вырубовой.

По какой-то причине вызван в штазап полковник Пискорский – по поводу постановления 19 марта. Не вышло ли что-нибудь! Е. Ф. прислала мне письмо его жены, где она пишет, что он ведет некорректную жизнь, кутит, вечно возится с сестрами, редко бывает на батареях.

22 апреля

Сожалею, что не говорил с генералом Соковниным о переходе к нему инспартармом, мне кажется, что генерал Вартанов согласился бы на перемещение. Думаю, что и генерал Соковнин не отказал бы мне – теперь упустил, а проситься не буду. Никогда в жизни не просился ни на какую должность.

Что-то генерал Столбин все сидит, пристает с задачами корпусов, а сам не едет. Когда придет время, выставлю его, пусть узнает детальные задачи на месте.

Ввиду посадки на ст. Радошковичи 132-й дивизии, Кубанской казачьей дивизии, прибывшие туда 4-я и 5-я батареи литера «В», оказывается, «мешают», дорожзап просит их передвинуть – штарм просит вернуть в Минск. От кого-то получается разрешение.

23 апреля

Явился командир 5-й батареи литера «В» подполковник Черепанов, батареи вместо Минска перевезены в Молодечно. Опять переговоры со штазапом, и в конце концов приказано принять их в армии – ну что поделаешь.

Днем приезжал генерал Синеоков.

На завтра вызывают комкоров. Генерал Столбин со своими офицерами переехал из нашего помещения в Великое Село.

24 апреля

Приехал из штазапа генерал Мезенцов – командирован в 11-ю тяжелую бригаду для выяснения жалобы на полковника Пискорского. Его обвиняет один из офицеров, который был избран от бригады делегатом, а полковник Пискорский командировал его в Киевскую школу авиации, другого офицера, также выбранного куда-то, – тоже назначил в командировку.

Вообще относится к новому режиму не с надлежащим вниманием, мало бывает на позициях, постоянно возится с сестрами. Кажется, даже есть об этом постановление бригадного или другого комитета.

К 11 часам генерал Плешков (комкор 1-го Сибирского), генерал Чоглоков (комкор 2-го Кавказского), генерал Зарака-Зараковский (временно комкор 38-го), генерал Надежный (комкор 3-го), генерал Федоров (наштакор 2-го Кавказского), генерал Добрышин, я, полковник Гоерц и подполковник Чайковский собрались у командарма.

Обсуждался вопрос, насколько подготовка и настроение войск допускают выполнение намеченной операции.

Общий голос — затруднительно оборудование, вследствие невозможности подвезти материал. Узкоколейка не готова, а на лошадях совершенно нельзя, так как корма нет. В среднем в день поступает 1/6 и в лучшем случае 1/4 потребности зерна.

В отношении настроения войск дело обстоит несколько хуже. Не следует закрывать глаза, что наступательный порыв исчез совершенно. Есть даже определенные течения среди солдат, что наступать они не будут. Оборону еще признают, но движение вперед отрицается всеми. Лозунг «без аннексии и контрибуции» сыграл печальную роль. Поднят он был, очевидно, как мотив для скорейшего окончания войны слабодушными, анархистами и подкупленными немцами. В окопах же был понят как отказ от наступления, и никакие убеждения, чтобы добиться мира, надо сломить врага, и вопрос об «аннексии и контрибуции» может быть поднят только на мирной конференции.

Темное царство, так и останется темным. Надо раньше всего и прежде всего заняться грамотностью.

25 апреля

Генерал Столбин просит вывести батареи литера «В» на позиции, оставить материальную часть на путях в Молодечно. Посланы соответствующие телеграммы, их довезут до блокпоста, а затем походным порядком они пойдут в свои районы.

Генерал Столбин и комдив и комбат уехали в штакор 1-го Сибирского для осмотра скрытности позиций.

Наштарм уехал ночью в Минск, очевидно за новостями, может быть, выведать для командарма, о чем будут беседы с главкозапом.

Днем был у командарма с докладом — обсуждали обойтись с наличными артиллерийскими средствами.

Корректирование стрельбы при помощи наших летчиков не налаживается. Сначала апреля в каждом корпусе выделены «артиллерийские отделения» летчиков; казалось бы, что дело должно начаться, но до сих пор ни одного полета для корректирования не было. Летали для фотографирования. Командарм сделал пометку на донесениях от корпусов, что требует от корпусов настойчивого проведения немедленной пристрелки при помощи самолетов.

Прихожу к убеждению, что не только летчики виноваты, но виноваты и инаркоры, виноваты, пожалуй, в еще большей степени, так как проявляли мало энергии, им необходимо, чтобы все было готовое, налаженное. Организовать самим не хватало воли и настойчивости.

26 апреля

Читал «открытое письмо» Пуришкевича к большевикам под названием «Без забрала». Дельно и правда. Слишком большая правда, а потому, конечно, на это письмо возникло гонение, оно было окрещено провокацией. Комитетом штаба армии постановлено просить и изъятия его из типографии, где оно предполагалось печатать, а как противоположность этого во 2-м Кавказском корпусе решено, наоборот, распространять возможно шире.

Письмо мне очень понравилось.

Автограф
В.М. Пуришкевича
Ил. Avt_Pur-DSC_0807

27 апреля

Генерал Добрышин вернулся из Минска поздно ночью, относительно вызова командарма ему говорили, что предупреждение будет послано за 4–5 дней. Между тем, в 12 часов ночи была получена телеграмма, что командармы 2, 3 и 10-й армий вызываются на 27-е в штазап. Ночью командарм выехал в Минск. Интересно, что вызвало такой спешный вызов.

Вечером заходил ко мне генерал Добрышин – посидеть, принес письмо вдовы генерала Бенескула, которое оставило очень неприятное впечат-

ление. Она во всем обвиняет исключительно генерала Мехмандарова — конечно, в ее горе естественно искать виновников несчастья с мужем, но нельзя же считать «кристальным» человека только потому, что он умер, и сваливать все на других. Генерал Добрышин, видимо, согласен с ней; из этого я вывожу, что он не блещет большим умом. Он оказался — пока что — очень корректным, но насколько он ниже Попова, Лукомского, Минута и Романовского.

При этом он настроен крайне пессимистически.

Утром полковник Попов сообщил, что капитан Каминский писал письмо полковнику Мартюшеву и генералу Ипатьеву с просьбой принять его в запасную химическую роту, затем около 11 часов я получил телеграмму от генерала Жанколя из ГАУ с запросом, не встречается ли препятствий к прикомандированию его к захимроте.

Целый день капитан Каминский не нашел времени поговорить со мной. Что он не сказал мне, что устраивается, я понимаю, мне кажется, что я много сделал для него, а потому он чувствовал себя неловко, предприняв, может под впечатлением моих замечаний за последнее время, шаги к уходу из управления за моей спиной. Но то, что, увидев телеграмму ГАУ на мое имя, он не счел долгом поговорить — показывает его мелкую и нечестную натуру. Этим он выказал отсутствие благородства, воспитанности и элементарной благодарности.

28 апреля

Не по своему почину, а по совету полковника Попова сегодня утром капитан Каминский собрался «поговорить» со мной. Я поручил передать ему, что мне не о чем говорить с ним.

Так мы и расстались, не повидав друг друга.

Последнее время, со времени возвращения из отпуска, капитан Каминский стал работать настолько небрежно, что мне неоднократно приходилось ему говорить подчас очень неприятные слова.

Потеря невелика, но трудно найти в настоящее время кого-либо на эту должность. Просится очень капитан Аменицкий — не знаю, подойдет ли, для него эта должность слишком мала. Конечно, его дело, раз просит, то надо ожидать, что будет работать.

Командарм вернулся сегодня около 18 часов, пока ничего не узнал о причинах его спешной поездки. Подполковник Чайковский говорит, что была «таинственная» телеграмма Ставки. Очевидно, он знает, но не уполномочен говорить.

29 апреля

Снаряды к 12-дюймовым орудиям изготовляются, и первые 100 будут отправлены Юзу, а следующие 200 – Запу[1]. Когда прибудут на фронт, неизвестно, командир 4-й батареи [литера] «В» подполковник Сченснович говорит, что к 1 июня. Вот и воюй!

Прибыл новый комкор 38 генерал-майор Довбор-Мусницкий.

Не помню, отметил ли, что полевым инспектором артиллерии при Верховном главнокомандующем назначен генерал Ханжин.

Есть сведение, что в Царском Селе[2] получены несколько 8-дюймовых отличных орудий и что две батареи по два орудия прибудут к нам около 20 мая... а есть ли у них снаряды?

30 апреля

Утром довольно долго просидел у командарма с докладом – вникает во многие детали и совершенно правильно требует выяснения норм артиллерийских средств (орудий и снарядов) для операции. Обоснованных данных у нас нет. Надо составить.

В зависимости от поездки командарма на фронт вызову инаркоров на 1 или 2 мая.

За обедом выяснилось, что вызвать следует на завтра.

Во время обеда приехал полковник Пискорский – хочет уходить, так как после жалоб на него он уже не чувствует в себе достаточного подъема, чтобы работать с «этими» же людьми. Куда уйти – проклятый вопрос.

1 мая

К 10 часам собрались инаркоры генерал Синеоков, генерал Бодиско, генерал Иванов, генерал Андреев. Занимались с перерывом на обед до 17.30 дня. Часа на полтора заходил командарм и наштарм. Надо подчеркнуть, что единственный из назначенных инаркоров, сознательно работающий и ясно понимающий дело, – это генерал Синеоков. Все остальные много ниже, а генерал Андреев так прямо неподходящий на эту должность.

Вернулся генерал Столбин; на должность генерала для поручений при Упарте он не назначается, но получает должность инаркора 3-го Сибирского. Он тоже невысоко плавает – может быть, еще поднимется, когда

[1] Юго-Западный и Западный фронты.

[2] Формирование частей ТАОН производилось в глубоком тылу Западного фронта – в Царском Селе, доформирование и боевая подготовка – в районе Смоленска, Ельни, Гжатска, Вязьмы и Ржева.

войдет в курс дела, но пока он все жует, чтобы ему указали, что дали все готовое. Выгодно, но для дела не важно.

Приезжал полковник Боголюбов (командир 2-го тяжелого дивизиона). Он из числе тех, которые представлены к старшинству в чине уже более полугода, но до сих пор это старшинство не объявлено, а потому многие уже обходят... В таком положении из тех, кого я знаю, Пискорский, Батог и многие.

2 мая

Командарм с утра уехал во 2-й Кавказский корпус, вернулся в 23.30 вечера.

Приехал член Исполнительного Петроградского комитета Совета рабочих и солдатских депутатов г-н Соколов, по профессии присяжный поверенный. Говорил в столовой офицерам, что Совет рабочих и солдатских депутатов против коалиционного министерства, но что силой событий он, вероятно, будет втянут. Отказываются они от министерских мест, дабы не возбудить подозрение, что, добиваясь этого, они отказываются от тех идей, во имя которых работают. Они боятся, что потеряют силу и значение среди рабочих и солдатских организаций, которые пока их слушают беспрекословно. Затем говорил, что идеей отказа от завоевательных стремлений они хотят добиться того, чтобы у немецкой социал-демократии вырвать точку опоры, что они борются против империалистических вожделений России. Он говорил, что Гучков стоял за приобретения, но, в конце концов, сознался, что возможности получить приобретения нет.

Таким образом, идеалистическое направление в решении вопроса «без аннексий и контрибуций» находит подтверждение в реальных возможностях. Французские социал-демократы присоединяются к этим идеям, у них вопрос лишь об Эльзас-Лотарингии, но и здесь достигнуто соглашение, так как решено узнать желание жителей путем плебисцита. В отношении Италии и Румынии г-н Соколов говорит, что с ними считаться особенно нет причин. Это политические торгаши, и они теперь ясно понимают, что всего «обещанного» они, конечно, получить не могут, а те местности, населенные единоплеменниками, могут быть присоединены также путем плебисцита. Сложнее сговориться с Англией, но она должна понять, что «одна» она воевать не может.

Вся его беседа носила характер несерьезный, либо он сам недостаточно осведомлен, либо он нас всех считал за малых детей, которым нельзя раскрыть карты. Вернее первое, так как во всех его словах вид-

но было незнание или умышленное нежелание знать характера дипломатических сношений.

Приехал генерал барон Бринкен, он отчислен от командования дивизией по возрасту, а на его место назначен новый, по его словам, более старый, чем он.

Получена телеграмма от дегензапа... отозвать в штазап командира 1-го дивизиона 11-й тяжелой бригады полковника Пискорского – говорил с дегензапом по телефону, считает, что ему будет предложено другое место.

Целый день не мог добиться разговора по юзу с генералом Клейнен-бергом – все время говорили, что нет дома!

3 мая

Плохие вести с фронта, не желают «товарищи» воевать. Вчера командарм беседовал с солдатами, всячески добивался – что нужно, чтобы добиться победы, про которую выносят резолюции все комитеты, которая красуется на всех плакатах и знаменах манифестантов. Долго не мог получить ответа, наконец, один храбрый сказал: «Мы все понимаем, что надо наступать, да боимся сказать это слово; сейчас свобода, там дома дают землю, а мы здесь в это время будем подставлять под пули свой лоб».

Вот это действительная «правда», не идеалистическое стремление бороться «без аннексий и контрибуций», ни другие мотивы – все дело в личном благополучии, в личном удобстве, нет чувства долга, нет сознания своих «обязанностей». Прежде двигала «дисциплина», теперь с падением дисциплины и полным отсутствием «долга и обязанностей» нечем двинуть всю массу вперед. Долго ли будем болеть – очевидно, долго, так как сначала надо побороть темноту народную, и тогда можно ожидать общественное дело станет выше личного.

На эту тему много говорилось после обеда с тем же членом Совета рабочих и солдатских депутатов Соколовым, который еще здесь и сегодня уехал во 2-й Кавказский корпус.

Приезжал подпоручик Бутенин, тоже рассказывает невеселые вещи. «Товарищи» 35-го корпуса относятся враждебно к химическим командам. «Вся армия решила не воевать, а вы собираетесь пускать газы», а потому портят устроенные для баллонов ниши и обещают разогнать штыками. Команда еще держится, но говорит, что при таких условиях работать не может. Подпоручик Бутенин просит вернуть команду в 10-ю армию.

Наконец говорил по юзу с генералом Клейненбергом относительно передачи тяжелых батарей из 3-й армии в 10-ю на время операции, затем какую мы ожидаем помощь со стороны 20-го корпуса.

Являлись: командир 26-й батареи поручик Карпов, у которого в д. Загорье сгорела вся канцелярия — не везет, опять у него же несчастье; потом командир 117-й батареи штабс-капитан Таргонский.

Генерал Иванов (инаркор 38) просил о переводе его сына в противосамолетную батарею. Из приказов по лейб-гвардии 2-й узнал, что генерал фон Аккерман назначен инаркором 34. Кто же будет командиром лейб-гвардии 2-й? Представляю себе, как волнуется генерал Михайловский, неужели он не будет назначен, не удержался, послал в Упарт полковнику Песчанскому телеграмму с вопросом. Ответа все нет. Вместо генерала Столбина просил полковника Батога, прогорел, назначают полковника Шелля, что тоже очень хороший командир.

4 мая

Собрался ехать в 1-й Сибирский корпус — выехал в 14 часов на автомобиле, но, проехав около двух верст за Лебедево, что сломалось что-то внутри[1]. На грузовике доехал до Лебедево, а затем на случайном легковом автомобиле вернулся домой.

5 мая

Поехал снова в 1-й Сибирский корпус, выехал с генералом Платовым около 14.15 дня. В м. Марково оставил генерала Платова в 312-м госпитале, где ему нужно производить дознание. В штакоре говорил с генералом Бодиско по поводу операций и других дел. Около 17 часов генерал Бодиско выехал на радиостанцию присутствовать при корректировании. Я прошел к комкору, там же был наштакор полковник Михайлов. Говорили на тему, что при настоящем положении вещей надо действительно разрушить укрепления противника и на большом расстоянии, так как без этого не только рассчитывать нельзя на наступление пехоты, но с уверенностью можно сказать, что она не пойдет, если не убедится, что она возьмет окопы «без потерь».

Вообще положение безнадежное.

Получил телеграмму из Упарта, что лейб-гвардии 2-ю бригаду получает генерал Михайловский — очень, очень рад!

[1] Так в рукописи.

Поздно вечером из оперативного отделения мне передали телеграмму, что к нам в армию высылают дивизион литера «Т» с 9,2 гаубицами[1]. По штатам дивизион состоит из трех-четырех орудийных батарей.

Данных об их свойствах нет.

Кроме того, 18-му тяжелому дивизиону высылают 3-ю батарею 42 лин. пушек[2].

6 мая

Вчера приехал подполковник Пискорский, сдавший в 11-й тяжелой бригаде свой дивизион, и сегодня уехал в Минск.

Главнокомандующим Северным фронтом назначен генерал Драгомиров (Абрам). Молодой, но очень дельный. Это назначение можно приветствовать.

События идут так быстро, что не поспеваешь отмечать даже самые важные этапы. Крупная новость последних дней: уход Гучкова и назначение военным министром Керенского.

7 мая

Работы по корректированию стрельбы при помощи летчиков начинают налаживаться, особенно во 2-м Кавказском корпусе и затем 38-м. Совсем печально в 1-м Сибирском корпусе, на что сегодня обратил внимание командарм,—хотя следовало бы насесть на это мне. Я послал телеграмму генералу Бодиско с вопросом, какая причина отсутствия успеха,—но как всегда до вечера ответа нет. Командарм приказал послать штаб-офицера, а также авиадива. Подполковник Коновалов оказался в Петрограде, вместо него вместе с подполковником Поповым поехал его заместитель. Выехали в автомобиле около 14 часов и возвратились к 19 часам.

Подполковник Попов выяснил, что причины заключаются как в недостаточном количестве аппаратов, их изношенности (работают с начала войны), отсутствия конвоиров, почему при появлении немецкого аппарата приходится прекращать стрельбу, чтобы не обнаруживать свои батареи. Затем, по словам летчиков, и артиллеристы неохотно ведут подобные стрельбы—на продолжительные вызовы нет ответа, особенно в ранние часы; не идут навстречу работе правильным указанием мест батареи, которую хотят пристрелять, кончают работу, не доведя при-

[1] Четырехорудийные батареи ТАОН, литера «Т» с 9,2 дюймовыми (234-мм) английскими гаубицами Виккерса на тракторной тяге.

[2] 107-мм пушка образца 1877 или 1910 г.

стрелки до конца, и т.д. Следует отметить пример нового порядка — для перемещения 5-й химической команды из 3-й армии, где она осталась при 35-м корпусе, в нашу армию я вызвал квартирьеров для того, чтобы найти свободные селения.

Вчера, по уверению фейерверкера канонира с нашивками военно-определяющегося, они искали целый день, исходив 40 верст, и ничего не нашли, так как все забито войсками.

Сегодня послали вновь, причем дана была записка к этапному коменданту, чтобы им были даны подводы. Опять ничего нет, где занято, а где хотя и свободная деревня, но «разве там, господин генерал, можно разместиться — халупы маленькие, земляной пол, много жителей и очень грязно, свиньи ходят!»

В прежнее время были бы довольны тому, что нашли помещение, а не то, что худо или хорошо. Мое впечатление, что они как следует и не искали, а нахальства без меры, вот и воюй с такими «товарищами».

8 мая

Командарм уехал с утра на фронт 1-го Сибирского корпуса.

Сегодня в газетах новости — «ушли» или получили новое назначение генерал Минут (начальник Главного штаба) и генерал Аверьянов (начальник Генерального штаба). На их место назначены генералы Архангельский и Романовский.

Отставлены также помощники военного министра генерал Филатьев и Новицкий (Е. Ф.).

Объявлен состав нового правительства:

Председатель Совета министров и министр внутренних дел — князь Львов.
Министр иностранных дел — Терещенко
Министр юстиции — Переверзев
Министр путей сообщения — Некрасов
Министр торговли и промышленности — Коновалов
Министр народного просвещения — Мануйлов
Министр военный и морской — Керенский
Министр финансов — Шингарев
Министр труда — Скобелев
Министр земледелия — Чернов
Министр продовольствия — Пешехонов
Министр государственного призрения — князь Шаховской
Министр почт и телеграфов — Церетели

Государственный контролер – Годнев
Обер-прокурор Синода – Львов

Накануне объявления предполагалось создание еще одного министра – по созыву Учредительного собрания, а Министерство государственного призрения именовалось Министерством социального обеспечения.

Помощниками военного министра назначены полковники князь Туманов и Якубовский[1]!!!

9 мая

Вчера командарм ездил в 1-й Сибирский корпус – погода вчера (особенно) и сегодня очень холодная, ночью было 3° мороза.

Днем был генерал Иванов, который сдал должность генералу Мальковскому и сегодня же уезжает через Минск в Смоленск.

Приехал вызванный мной для командования 4-й противосамолетной батареей капитан Поммер (бывший офицер 14-й бригады).

10 мая

Утром вызвал меня к телефону генерал Шихлинский предупредить, что главкозап при объездах требует доклада о батареях противника не только в штабах, но и от комартов на фронте своей дивизии; нужны также наглядные схемы; затем от него же была телеграмма, что главкозап приезжает завтра в штарм. Пришлось посидеть целый вечер, подготовить разные данные, схемы и доклад командарму относительно недостаточности артиллерии на фронте удара.

Прибыл полковник Шелль, назначенный комартом 201-й. Дал ему указания, и он поехал на места батарей, чтобы ознакомиться с ходом работ, нуждами и проч.

11 мая

Около 9.30 утра в штарм приехали генерал Гурко, генерал Шихлинский и Генерального штаба подполковник барон Нолькен. Знакомился[2] с планом обороны армии, смотрел мои схемы и таблицы деятельности артиллерии противника.

Около 16 часов главкозап с командармом ездили смотреть один из полков 51-й дивизии; говорит, впечатление неважное – большинство

[1] Здесь ошибка автора, верно – Г. А. Якубович.
[2] Так в рукописи.

за то, что воевать больше не надо, что открыто говорили главкозапу. Было два характерных эпизода – один солдат говорил, должно быть, на тему о бесполезности продолжения войны, генерал Гурко задал ему вопрос, на который солдат не сумел возразить и что-то ответил несуразное. Генерал Гурко задал другой вопрос – солдат подумал и сказал, нет, я с вами говорить не могу, повернулся и ушел. Затем вышел унтер-офицер, который заявил главкозапу, что он считает его как буржуя своим врагом, его враги и буржуазия союзных государств, но перед лицом врага внешнего, врага нашей свободы, он считает и понимает, что солдаты должны подчиняться своим вождям. Сейчас нет места личным счетам, и что для этого наступит время, когда внешний враг будет сломлен. Генерал Гурко подал руку и поцеловал этого унтер-офицера, сказав, что для победы над противником он рад был бы иметь таких разумных, открытых врагов, как этот унтер-офицер. Полк вышел на смотр с массой красных флагов.

Вечером около 20 часов ужинали в вагоне главкозапа.

12 мая

Около 8 часов выехали от вагона главкозапа на автомобилях в штакор 1-го Сибирского. Шло 5 автомобилей, мой, № 5007, по дороге должен был остановиться, так как лопнула наружная камера на колесе, пересел к полковнику Проценко. В Бенице у церкви присоединился к нам комкор и штаб 1-го Сибирского. Чтобы не идти большим числом машин, пересели вместе и пошли дальше на трех автомобилях.

Проехали через Каскевичи и Синьки в Вересский лес к штабу 64-го стрелкового полка, оттуда пешком на наблюдательный пункт 1-го Сибирского мортирного дивизиона. Главкозап проехал около получаса, пошел дальше в окопы и затем к месту сбора двух полков в районе ф[ольварка] Косимово.

Мы с генералом Шихлинским проехали еще около часу, причем по желанию генерала Шихлинского 3-я батарея 1-го Сибирского мортирного дивизиона сделала пять выстрелов. В 13-м часу поехали обратно, по пути были на 3-й батарее. Генерал Шихлинский собрал номеров и вел речь на тему «Какие вы молодцы». После 13 часов вернулись в Беницу, где генерал Шихлинский очень поверхностно смотрел кое-что у генерала Бодиско и вскоре заснул. Томительно шло время в ожидании главкозапа. Оказалось, что один из батальонов, назначенных для осмотра главкозапом, не пожелал идти 12 верст – «пусть он к нам приедет». Все же, в кон-

це концов привели и этот батальон ценой обещаний отдыха и отмены работ. Общее впечатление гораздо лучшее, чем от полка 51-й дивизии, красных флагов или совсем не было или было так мало, что это было отмечено. Здесь за наступление.

После 18 часов главкозап приехал в штакор – здесь его встретил речью председатель съезда делегатов корпуса. Затем говорил один прапорщик, говорил, волнуясь сильно, но очень гладко и умно. Им отвечал главкозап, говорил хорошо, вразумительно, но несколько длинно и языком офицерских лекций. После этого выступил рядовой 7-го стрелкового полка и сказал прекрасное слово на тему, что мы должны наступать, должны подчиняться начальникам и вождям, обратился он к главкозапу Отец-начальник, обратился так потому, что в словах главкозапа он услышал чувство любви к солдату, и кончил призывом к единению, братству и любви. После речи его расцеловал генерал Плешков, затем генералы Гурко и Киселевский. Любопытно, что этот солдат поцеловал руку Гурко и Киселевского.

После этого около 19 часов сели обедать. Затем провели еще около 1.30 в оперативной, причем у генерала Бодиско материалы оказались не «наглядными», что произвело неблагоприятное впечатление. Выехали в 22.10, домой вернулся к 24 часам.

В поезд главкозапа по приезде из 1-го Сибирского корпуса был вызван комкор 38 генерал Довбор-Мусницкий. Не знаю, для какой цели, вероятно, по поводу случая в корпусе. Один из полков не пожелал идти на позиции, посылал делегатов узнать, все ли полки идут сменять в окопы. Генерал Довбор поехал к полку, выяснив, что агитирует один прапорщик, он его арестовал, но тогда его обступили солдаты и «потребовали» освобождения. Для восстановления порядка он был «принужден» его освободить. Вообще генерал Довбор большой фокусник и устраиватель своей карьеры. Приняв корпус, он послал Керенскому телеграмму, что корпус в блестящем виде, спаян и готов по первому требованию идти в бой. Кажется, не одну такую телеграмму послал он Керенскому – и вдруг первый же случай смены в окопах, и полк не идет.

Начало его телеграммы составлено в очень решительном тоне, но... потом тон сильно изменился. Мне кажется, что, принимая какое-либо «твердое» решение, его нужно уже и держаться и во имя этой твердости жертвовать собой. Если бы его подняли на штыки – может быть, это и было бы тем толчком, который открыл глаза всем, что своеволие солдат недопустимо, что нельзя управлять толпой без дисциплины, что

надо наконец остановиться в этом разрушении армии. Но генерал Довбор не смог подняться до бессмертного подвига майора Горталова[1] — мелкая душонка сдала. Если не чувствуешь в себе силы в известный момент стать героем, то надо вести свои дела так, чтобы не вызывать необходимости поставить себя в позорное положение.

Я бы убрал генерала Довбора — его поведение следует отнести к серии способствующих разложению, а никак не усилению армии.

Красивые слова, красивые жесты только тогда хороши, когда они искренны и когда они поддержаны твердой решительностью довести слова до дела — иначе это одна буффонада.

Его превозносил Марков — скажи, кто твои друзья, я скажу, кто ты.

13 мая

Генерал Шихлинский отделился от главкозапа и поехал во 2-й Кавказский корпус. Чем дальше работаю с Шихлинским, тем больше он мне не нравится — тоже из числа фокусников и созидателей карьеры. Хам, выскочивший в господа!

Удивительные, однако, идут назначения — генерал Драгомиров, командуя 5-й армией, выставил генерала Вахарловского, это бы еще ничего, но изумительно то, что взял к себе на это место генерала Орановского, бездарного человека.

Днем был 8 тяжелого дивизиона подполковник Бардадымов, вызывал его предложить должность захимарма. Пока он еще не дал окончательного ответа. Интересный человек — был инструктором артиллерии в Черногории.

14 мая

Утром прибыли какие-то «господа» метеорологи — послал их по дивизиям. Затем опять был метеоролог Земсоюза Рубин. Никак не можем выяснить его роль — все дивметы в своей работе подчиняются указаниям военмета, г-н Рубин является каким-то посредником. Сначала из фронта мне телеграфировали, что на него возложены хозяйственные заботы, затем в бумаге ему предоставлены права административно-хозяйствен-

[1] М. Ф. Горталов (1839–1877) — майор 61-го пехотного Владимирского полка, герой Русско-турецкой войны. Отказался уходить с захваченного его батальоном во время штурма Плевны редута Каванлык, мотивируя это честным словом, данным лично генералу Скобелеву. Отпустив своих подчиненных, защищал позицию в одиночку и был поднят турками на штыки.

ные и техническое руководство – хотел запросить генерала Шихлинского, какие же в конце концов функции этого г-на Рубина, но думаю, что этого не сделаю, а сам установлю, что он должен делать и какие его будут отношения к военмету.

Затем был полковник Шелль, который осмотрел позиции батареи Лит[еры] «В» и установил порядок окончания тупиков к позициям и устройство фальшивых путей.

Около 21 часа была гроза, пошел сильнейший дождик вперемешку с градом. Несколько ударов грома были очень сильны.

Около 22.30 часов по телефону вызвал меня генерал Шихлинский в свой вагон – думал за делом, оказалось, что совершенно зря, мания величия. Главное, что узнал от него, что он проехал сегодня более 100 верст на автомобиле и устал. Рассказал, что комкор 38 собирается снести тяжелой артиллерией весь лес от Томасовки до Памены и что депутация 48-й позиционной батареи – офицер и два солдата (по-видимому, не 48-я, а 52-я батарея, так как у Михневича стоит 52-я) заявили претензию, что их держат «бессменно» на позиции, тогда как такие же батареи стоят в Минске и устраивают спектакли, «справедливость» требует чередования.

Вот все, из-за чего вызывал меня генерал Шихлинский! Вернулся после 24 часов.

А претензия позиционной батареи знаменательна!

Вчера ночью был довольно сильный пожар в Великом Селе, сгорело семь домов.

15 мая

Получил сегодня постановления комитета 26-й противосамолетной батареи с выражением порицания командиру батареи поручику Карпову. Вспоминают и прежнюю историю, обвиняя его в составлении подложных счетов с корыстной целью, в настоящем ставят в вину безучастное отношение к делу. Поручик Карпов ни разу не был на взводе, который стоит у Радошковичей, не выходит на стрельбу. Что поручик Карпов не пригоден к командованию, бесспорно, я видел сам, но... во-первых, это было мое впечатление без фактических данных, затем отрывать офицеров из действующих частей для командования противосамолетными батареями мне очень не хотелось, и потому я медлил его отчисление. Постановление батарейного комитета развязывает мне руки, тем более что на эту должность просился адъютант командующего капитан Андерс (бывший лейб-гвардии конной артиллерии).

Воздухдив 10 подполковник Шуттинг подавал рапорты о производстве его в полковники, раз неудачно сославшись на сверстника, другой — на ошибку штаба Свеаборгской крепости. Сегодня получен ответ начальника штаба, который просил дать заключение, что представление отклонено по аттестации — где сказано, что подполковник Шуттинг имеет некоторую склонность к вину в компании.

Опять нелады с корректированием стрельбы в 1-м Сибирском корпусе — ввиду того, что аппараты авиаотряда, переданного корпусу, уже 8 дней всё чинятся, а вылетавшие эти дни не могли выполнять задачи вследствие неисправности моторов, считать виновной артиллерию я не могу. Я говорил авиадиву подполковнику Коновалову, что для меня не совсем понятно, почему не вылетает следующий аппарат, если первому по какой-либо причине не удалось выполнить задачу. Казалось бы, что начальнику авиаотряда дается задача, а как ее выполнять, это уже его дело. Он должен почитать своей обязанностью ее выполнение.

Правда, что в 1-м Сибирском корпусе все делается как-то по-домашнему, без увлечения, без особого желания.

16 мая

Около 11.30 утра был у командарма с докладом о корректировании, в это же время прибыл и подполковник Коновалов, который доложил, что сегодня утром в 1-м Сибирском корпусе было произведено успешное корректирование. Что им приняты самые твердые меры, чтобы работа с артиллерией наладилась. Я считаю, что раз аппараты летают, то неудачи в выполнении составляют уже вину артиллеристов. Хотелось бы, чтобы это дело с 1-м Сибирском корпусом наладилось.

Подполковник Коновалов рассказал, что на днях немецкий летчик сбросил узел с окровавленными тряпками и надписью: «Результат геройского подвига в Вильне» — недавно.

17 мая

Около 8 утра выехал с полковником Шелль в Воложин. Жарко и довольно пыльно, но дорога еще сносная. Проехали 2,5 часа. Генерала Мальковского не оказалось, посланную мною телеграмму писарь не подал, и генерал выехал производить «инспекторский смотр» подчиненных частей. Комкора тоже не было дома.

Ждали до 15 часов, наконец возвратился генерал Мальковский — выяснили интересовавшие меня вопросы. Никаких схем, никаких учетов

батарей противника нет. Этот вопрос совершенно не разрабатывается в управлении инаркора. Кажется, только у генерала Синеокова сделано кое-что, но и то не все, что было бы нужно.

Видел молодчика летчика поручика Гончарова – Георгиевский кавалер, который блестяще корректирует стрельбу, и на днях, дважды атакованный немецким аппаратом, вступил в бой и, отогнав противника, продолжал корректирование.

Около 16 часов вернулся комкор – говорил с ним. Производит впечатление коридорного хама. Вспоминал, что его «чуть» не убили. Говорит, что командовал полком, дивизией и теперь корпусом и нигде нет уменьшения работы. Это верно, повышение в должности не увеличивает отдыха и не уменьшает хлопотливости. Генерал Довбор говорил, что он ожидает от своей артиллерии. Некоторые требования курьезны – например, завалить весь Закревский лес, имеющий до 3,5 верст по фронту и в некоторых местах до версты в глубину.

Думаю, что «комментарий излишен».

Уехали в начале 18 часа и приехали домой к 20 часам, в двух верстах от дома застряли на 25 минут – лопнула шина.

Дома мне подали телеграмму, что нам дают 8 оруд. 11 дм, 8 оруд. 6 дм 200, 12 оруд. 6 дм креп., 12 оруд. 120 мм (литера «Е») и 12 оруд. 120 мм («120»)[1]. Это уже большое «нечто». В телеграмме добавлено, что идея операции в Виленском направлении не оставлена.

18 мая

Был с докладом у командарма относительно распределения прибывающей артиллерии.

Приехал делегат Государственной думы священник Разумович (не член Думы) – говорит, что имеет назначение быть проповедником 10-й армии, объединить деятельность пропаганды войсковых священников. На эту деятельность он рассчитывает посвятить месяц, затем поедет в Петроград, после чего вернется вновь во 2-ю и 3-ю армии. Что-то странное, проповедник 10-й армии, а поедет в другие.

В штабе батюшка говорил в том тоне и на те темы, которые нам нужны. Что выйдет и удастся ли ему это сделать, посмотрим.

[1] 8 орудий калибра 280 мм системы Шнейдера (литера «А»), 8 осадных орудий калибра 152 мм 200 пудовых образца 1904 г., 12 орудий калибра 152 мм скорострельных крепостных образца 1909 г., 12 французских пушен калибра 120 мм (Литера «Е»), 12 пушек калибра 120 мм образца 1915 г. Обуховского завода (литера «В»).

Днем говорил с депутатами батарейного комитета 26-й противосамолетной батареи. В числе делегатов я вызывал и прапорщика Негреева. Говорили долго на тему о поручике Карпове — они подтверждают, что в прошлом были неоднократные случаи представления подложных счетов с корыстной целью.

Прапорщик Негреев производит впечатление порядочного негодяя, противно было, что он копался во всех поступках поручика Карпова, освещая каждый значительно хуже, чем может быть было на самом деле.

19 мая

Днем около 15.30 дня поехал на автомобиле с полковником Шелль в 1-й Кавказский корпус. Довольно долго говорили с комкором генералом Чоглоковым, говорили о текущих делах, он рассказывал некоторые впечатления своих объездов полков корпуса. Наряду с полками, уже сознавшими необходимость более твердых начал, некоторые все еще упорствуют в нежелании наступать.

За разговорами время затянулось, и мы выехали обратно около 20 часов, по дороге опять лопнула камера в шине, и домой попали в 22-м часу.

20 мая

С утра собрались инаркоры генерал Синеоков, генерал Бодиско и генерал Мальковский. Обсуждали многие вопросы, преимущественно учета батарей противника, составления схем, распределения прибывающей артиллерии. Генерал Синеоков работает идейно и с глубоким пониманием дела. Генерал Бодиско и генерал Мальковский, знающие, но, на мой взгляд, еще не уяснившие своей деятельности. Все требования армий и выше все выполняют механически, совершенно не признавая в этих требованиях существенной надобности. Они были бы правы, если бы статистическая работа велась в корпусах, то, конечно, не нужно было бы требовать в высшие штабы для контроля. Но вот этого сознания необходимости, а главное полезности ни у одного инаркора нет! Инаркоры сами не входят, а предоставляют своим офицерам исполнять «срочные схемы и донесения», поэтому все доставляется выполненное кое-как.

За эти дни командарм ездил в 38-й корпус, выехал в ночь с 18-го на 19-е и вернулся сегодня вечером.

Приехал из Минска полковник Пискорский — назначен командиром 1-го дивизиона 10-й тяжелой бригады, сейчас он должен явиться дегенарму.

Беседую иногда с генералом Добрышиным, он смотрит довольно пессимистически на нынешнее положение, думаю, что он прав. Он говорит, что командарм смотрит оптимистически, но это лишь по должности; действительно, если еще он будет смотреть мрачно, то тогда нельзя и быть командующим.

21 мая

Какие бывают идиоты – адъютант дегенарма полковник Новосильский дал предписание полковнику Пискорскому явиться дегенарму 3, хотя дивизион стоит близ ст. Залесье.

Сегодня ходила манифестация «украинцев» – толпа и музыканты с Марсельезой. У дома командарма остановились и вызвали его, говорил речь. Ну и глупо же все это! Угар какой-то.

Кронштадт отделился, не признает Временного правительства, в Киеве безобразят 12 тысяч дезертиров. Беспорядки и хаос всюду. В Петрограде рабочие требуют уже 6-часового рабочего дня и минимальной платы 150 рублей в месяц.

22 мая

Утром был у меня батарейный комитет 113-й позиционной батареи, который я вызывал – дело в том, что я наметил командира этой батареи капитана Лагунова обер-офицером для поручений, так вот батарея за подписью 62 солдат обратилась ко мне с письмом оставить штабс-капитана Лагунова командиром батареи, так как они им очень довольны. Похвалил их за добрые слова и «просил уступить» мне командира. Говорили в хорошем тоне, но в виду неприбытия нового командира вопрос еще открыт.

Получил телеграмму, что завтра приедет генерал Шихлинский и просит собрать инаркоров к 17 часам.

23 мая

Около 10 часов приехал генерал Шихлинский и беседовал с командармом, как всегда все вокруг да около, ничего определенного – какие-то малосущественные вопросы.

Сообщил очень неприятную новость, что ушел Верховный главнокомандующий генерал Алексеев, на его место назначен генерал Брусилов. Главкоюзом назначен генерал Гутор.

К 17 часам собрались генерал Синеоков, генерал Бодиско и генерал Мальковский. Автомобиль сломался, и потому не мог приехать генерал

Андреев. На совещании присутствовал командарм. Опять ходили около вопросов, но оных не решали. Генерал Шихлинский дал несколько «указаний», которые все давно знают или уже устарели. Как заметно, что он стал далеко от дела живого и погрузился в блага большого штаба.

Генерал Синеоков уходит инстартармом 4 вместо генерала Коханова. Вот жалко такого идеального работника-артиллериста, но это назначение можно только приветствовать. На его место командарм просит генерала Руднева (бывший дивизионер лейб-гвардии 2-й), по-моему, он все же слабоват, а в сравнении с генералом Синеоковым разница слишком велика.

После 21 часа разъехались инаркоры, а несколько позже уехал и генерал Шихлинский, который едет по корпусам «на позиции».

24 мая

Получен приказ о расформировании тяжелых бригад и наименовании дивизионов отдельными с особыми номерами.

Генерал Мельгунов (бывший лейб-гвардии 2-й) назначен командиром 41-го корпуса.

Много знакомых зачислено в резерв — генерал Дельсаль, генерал Регульский, генерал Артемьев и др.

В 19 часов 20 минут уехала в Петроград Е.Ф. — что-то ее ожидает там. Буди, Господи, милостив к нам.

Отказался еще один кандидат на захимарма — подполковник Ретивов, рекомендованный генерал Клейненбергом (инстартарм 3).

Послал телеграмму в 14-ю бригаду подполковнику Лалевичу — соблазняю должностью захимарма.

25 мая

Получена копия телеграммы штазапа в Упарт с недоуменным вопросом, что должно означать изменение состава артиллерии, обещанной с Северного фронта под фирмой 203-й бригады[1]. Действительно непонятно — то один, то другой состав артиллерии. А срок готовности дан 20 июня. Я не верю, чтобы через три недели мы были бы готовы, но все же постоянные перемены совершенно неудобны.

После хороших слов генерала Алексеева снова раздались прекрасные, смелые слова генерала Деникина, которые помещаю на следующей

[1] 203-я бригада 48-го артиллерийского корпуса (официальное обозначение ТАОН) располагалась на Северном фронте.

странице. Надо надеяться, что когда-нибудь слова перейдут в дело. Вероятно генерала Деникина тоже уйдут.

«Берегите офицера.
Ставка Верховного главнокомандующего, 23 мая. (Случайная). Речь начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Деникина при закрытии офицерского съезда в Могилеве 22 мая 1917 года:
"Верховный главнокомандующий, покидающий свой пост, поручил мне передать вам, господа, свой искренний привет и сказать, что его старое солдатское сердце бьется в унисон с вашими, что оно болеет той же болью и живет той же надеждой на возрождение истерзанной, но великой русской армии. Позвольте и мне от себя сказать несколько слов.
С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам скорбь свою безысходную, свою душевную печаль. Как живая, развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря.
Вы, бессчетное число раз стоявшие перед лицом смерти; вы, бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенной снарядов; вы, скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга – вы ли теперь дрогнете?
Нет. Слабые, – поднимите головы! Сильные, – передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья родины, перелейте в поредевшие ряды наших товарищей на фронте.
Вы не одни. С вами всё, что есть честного, мыслящего, всё, что остановилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла. С вами пойдет и солдат, поняв ясно, что вы ведете его не назад – к бесправию и нищете духовной, а вперед – к свободе, и свету. И тогда над врагом разразится такой громовой удар, который покончит и с ним и с войной.
Проживший с вами три года войны одной жизнью и одной мыслью, деливший с вами и яркую радость победы и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом... Я имею право бросить им: «Вы лжете. Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником. Забитый, загнанный и обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, волоча полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь

бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до отечественной войны как яркий светильник, жажду подвига, подвига – для счастья родины". Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: "Берегите офицера, ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности и сменить его может только смерть"».

В газетах пишут, что военный министр Керенский говорит, что уход генерала Алексеева не вызван газетной травлей за его слова на защиту офицеров, а намечался уже ранее по неоднократным его просьбам – между тем как будто это не сходится с действительностью, так как генерал Алексеев собирался посетить фронт и задержка его приезда как раз совпала с газетной травлей – то есть, вероятно, переговорами о поддержке генерала Алексеева Правительством или его отставке. Видно первое не прошло – осталось второе. Зачем же ложь! Зачем не говорит правды г-н Керенский.

Разнесся слух, что уходит генерал Гурко – еще и еще одна жертва. Куда мы идем, когда все талантливое и твердое уходит. Называют заместителем генерала Рогозу – вот несчастье, неужели не видят, что этому генералу не сопутствует счастье. Он мастер на слова, но на деле у него не было ни одной удачи. Если еще можно терпеть генерала Брусилова, этого баловня счастья, то назначение генералов, отмеченных отсутствием удач, – как-то непонятно.

Тяжело жить, еще тяжелее работать!

26 мая

Сегодня в «Русском Слове» написано об уходе генерала Гурко, который назначается начальником дивизии в Казанском округе. Причиной ухода резкое письмо, написанное им Временному правительству по поводу деятельности правительственных агентов в области военного управления (24 мая).

Между тем утром генерал Гурко говорил по телефону с командармом.

Что же это такое! Выдумка и сплошная ложь или же действительно генерал Гурко уходит.

Приехавший из Ставки капитан Говоров (штарм) говорит, что уход генерала Алексеева был полной неожиданностью для всех.

Интересно все же отметить, что Керенский в своей речи очень определенно сказал, что генерал Алексеев ушел под влиянием травли за его

речь: «Мне ставили в вину, что я не реагировал на речь Верховного главнокомандующего? Раньше был Алексеев – теперь стал Брусилов!»

Как же связать это с тем, что раньше он (судя по газетам) уверял, что уход генерала Алексеева не связан с нападками на него за его речь! Где-то неправда. Председатель Совета министров князь Львов тоже намекнул, что хотя генерал Алексеев поднимал несколько раз вопрос о его увольнении по болезни, но на этот раз просьба совпала с событиями, которые диктовали необходимость, чтобы в Ставке боевая жизнь не нарушалась и настроение ее соответствовало настроению всего фронта. Эти соображения и заставили Временное правительство удовлетворить просьбу.

После этого, кажется, совершенно ясно, что вызвало уход всеми глубокоуважаемого генерала Алексеева.

В штарме поселился генерал барон Бринкен – назначенный или допущенный в распоряжение командарма. Какая его роль, на что он рассчитывает? Вот бы я на его месте ушел без оглядки.

27 мая

Сведения о генерале Гурко подтверждаются, причем в агентской телеграмме сказано, что Временное правительство устраняет его от должности; принимая во внимание его прежнюю службу, поручает назначить на должность не выше начальника дивизии.

Днем приехал генерал Шихлинский, набрал разных мелочей и понес их командарму, существенного ничего. Не вполне налажены противоартиллерийские группы в 1-м Сибирском и 38-м корпусах.

А что вообще-то налажено – стыдно такие вещи говорить. Затем насплетничал, что в одном месте (2-й Кавказский корпус) пехота требовала разрушения куртины – артиллеристы (инаркор – это генерал Синеоков-то) считали, что нет надобности, между тем оказалось, что между флакирующими участками немцы настроили несколько выдвинутых укреплений – это он увидел с наблюдательного пункта. Мне кажется, что при детальном рассмотрении целей, это упущено не будет, все же «указание» сделано для того, чтобы показать, что он был на наблюдательном пункте. Ну Бог с ним – пусть себе набивает цену, теперь каждый дрожит за свою шкуру.

28 мая

Утром был в церкви, текст прочитанного Евангелия – «просите и даст-

ся вам» как раз подошел к моему настроению. Беда в том, что никто не «просит». Воображают, что все само собой устроится. Говорят, генерал Гурко написал в телеграмме генералу Алексееву, и это послужило причиной его смещения: «если это делается по неразумению, то нужно немедленно исправить, если же с умыслом, то я не хочу участвовать в этом разврате». Это действительная правда, никто не поднимает громко голоса, все подыгрывают, уверяя, что все будет хорошо, что все можно наладить на чувстве долга.

Я понимаю, что нельзя говорить громко о полном развале, «оптимизм по должности» должен быть, но надо же прислушиваться и к здравым голосам. Дай Бог, чтобы к твердым словам Алексеева, Деникина и Гурко присоединились еще и еще. Тогда может быть и будет: «просите и дастся Вам».

В церкви был протопресвитер отец Георгий Иванович Шавельский, который затем обедал у нас в собрании. Какой высокой души человек.

Сегодня мне рассказывали два случая, всё из «той» же области.

На днях комкор 3 говорил, что дивизии его корпуса пойти на смену 38-го корпуса пойдут, но будут ли наступать, он не ручается — между тем, один из офицеров присутствовал, как начдив 27 генерал Бонч-Богдановский «уговаривал» идти на смену, причем ему говорили, что сначала надо как следует одеть, дать новые пулеметы и новые пушки, да и тогда мы еще посмотрим, пойдем ли.

Другой случай, полк 1-й Сибирской дивизии, на которую все особенно рассчитывали, не хотел идти на смену. Командир полка уговаривал солдат, но наконец вышел из себя, выручая полк, сказал, что такими негодяями он командовать не намерен, что он их не боится, что он неоднократно видел перед глазами смерть — разорвал свой китель и выставив обнаженную грудь, крикнул: «Берите меня в штыки, расстреливайте, если можете!» Озверевшая масса уже было взяла наперевес ружья, в это время один из батальонных командиров верхом быстро проехал между солдатами и командиром. Это ошеломило, ружья были взяты к ноге, и командир ушел. На следующий день этого командира полка — качали!

Вот картинка современного состояния.

А тут приехал из фронтового комитета какой-то капитан, командир батареи 2-й Сибирской стрелковой бригады, который уверяет, что через две недели войска перейдут в наступление.

Где уж тут — им хорошо наступать из Минска. Пренеприятное впечатление производит этот офицер — тоже из числа подыгрывающихся

(из лакеев революции).

Теперь армия представляет из себя медвежонка, который попробовал мяса – он уже опасен. Нет узды на солдатскую массу. Надо перевоспитать, а этого скоро не сделаешь.

Телеграмма Е.Ф., что она благополучно добралась, отправленная 26-го, пришла сегодня поздно вечером. Все те же порядки на почте и телеграфе. Улучшения не видно нигде.

Говорит, что вместо генерала Гурко будет не генерал Рогоза, а генерал Радко-Дмитриев – любопытно, кто.

Слух прошел, что генерал Деникин уходит, получая армию, а на его место старый знакомый генерал Лукомский. Если верно, то что-то очень часто Сергей Николаевич[1] меняет места.

Сегодня в «Русском слове» было, что генерал Попов (бывший наштарм), отчисленный от командования 132-й дивизией тоже за резкое письмо, собирается перейти в американскую армию – похоже на него. Чудеса!

29 мая

Назначенная нам тяжелая артиллерия из состава 203-й бригады, оказывается, перечислена остаточно – будет совершенно другая, между которой опять 8 и 12 дм[2] дивизионы только формируются. Вот и составляй предположения, разрабатывай задачи. Командарм поручил мне составить расчет, возможно ли выполнить артиллерийскую подготовку в корпусах в 2,5 дня – вычисляя, я получил, что вполне возможно, если не задаваться невыполнимыми задачами. У нас предъявляют требования, не считаясь совершенно со средствами.

Путем подсчетов в конце концов все-таки стали не нужны согласования хотя бы с элементарными данными возможности выполнения тех преувеличенных требований, которые предъявлялись пехотой. Результатом этого вышла растяжка артиллерийской подготовки на 4–6 дней. Эти расчеты даже в самих составителях вызвали сомнение и после долгих размышлений стали уменьшать число дней подготовки.

30 мая

В «Новом Времени» хорошая статья относительно отставки генерала Алек-

[1] Ошибка автора дневников – Лукомского звали Александр Сергеевич.

[2] 203-мм и 305-мм гаубицы Виккерса (см. приложение Б).

сеева, наклеенная дальше[1]. Совершенно верно автор отмечает, к чему играть в прятки. Писать одно, а думать другое. Говорить, что ценят генерала и увольняют ввиду его утомленности, а в действительности отставить по требованию «пораженцев».

31 мая

С 10 часов было собрание всех комкоров, наштармов и инаркоров. Очень подробно обсуждались все детали разработки плана предстоящей операции. Сначала комкоры докладывали, как они решили свои задачи, при этом 1-му Сибирскому корпусу была введена поправка, а 38-му корпусу было указано на необходимость переработки даже идеи исполнения задачи; сегодня решено изменить и число дивизий первой линии — поставив три вместо четырех и вывести одну в резерв. После этого доклады делали инаркоры отлично, обстоятельно, и суть дела доложил генерал Синеоков, мямлил генерал Бодиско и совершенно бессистемно докладывал генерал Мальковский. Хотя, надо сказать, что генералу Мальковскому задача была затруднена несуразными идеями, которые дает комкор генерал Довбор. Этот человек увлекается настолько, что предъявляет часто абсурдные требования, правда, быстро сдает и даже отказывается от своих слов, если имеет дело с посторонними, но для своих подчиненных, по-видимому, все его самые нелепые мысли — закон, так как генерал Мальковский докладывал их как серьезную разработку.

Затем были выясняемы вопросы инженерной подготовки, показавшие очень большие недочеты.

В конце был поднят вопрос относительно самого главного — оценки живой силы. Все комкоры признали, что состояние полков в отношении подготовленности масс к наступлению большей частью неудовлетворительно, и только комкор 1-го Сибирского считает, что в его корпусе оценка может быть дана удовлетворительная.

После всех разговоров командарм сказал, что все работы должны быть закончены к 15 июня и что артиллерийскую подготовку надо вести не более 2,5 дней, причем начало атаки наиболее удобно в 10–11 часов утра.

Разнообразные типы комкоров — барин, спокойный, уравновешенный, пожалуй, мало вникающий в детали генерал Плешков, все кто его знают, служили или имели дело, сохраняют самое лучшее воспоминание. Живой, очень толковый, приветливый, лично вникающий в дело генерал Чогло-

[1] Документ удален из приложения к дневнику.

ков. Нахалы, карьеристы, себе на уме, неглупые генерал Надежный и генерал Довбор-Мусницкий, к последнему следует добавить эпитет – хам!

Если генерал Надежный и рано попал в комкоры, то, по слухам, заслуженно и старается быть на месте, то генералу Довбору еще рано командовать корпусом, пошел широким аллюром, но осекся и теперь производит впечатление, что стул, на который он уселся, поломан, о трех ножках.

Заседание окончилось около 23 часов вечера. Было утомительно целый день слушать, хотя и нужные речи, но докладываемые часто совершенно несерьезно и, по-моему, не всегда правдиво.

1 июня

Ничего существенного не случилось, прибывают артиллерийские части 203-й тяжелой бригады, в штарме и штакорах хаос, никто не озаботился раньше выяснить, куда размещать приходящих.

Хаос – свойство наших штабов, нашей жизни, нашей работы. Если все «как-нибудь» выходит, то причину надо искать, во-первых, в бесконечном милосердии и заступничестве Николая Чудотворца, и в некоторой доле талантливости в народе. При народной тупости нельзя было бы разобраться в созидаемом хаосе. Природная тупость немцев создала аккуратность и методичность.

2 июня

Собрался ехать в 1-й Сибирский корпус, чтобы выяснить налаженность подготовительных работ артиллерии, но утром было получено извещение, что в Молодечно выехали из Минска Верховный главнокомандующий генерал Брусилов и бывший главкозап генерал Гурко.

Около 12 часов сообщили, что поезд приближается, и командарм поехал встречать.

Генерал Брусилов в штарме слушал доклад об операции и, в конце концов, поставил вопрос, может ли состояться операция. Как командарм не хотел уклониться от категорического ответа – и совершенно правильно, так как дивизии еще не вполне выздоровели, – главковерх выудил, что готовность армий должна быть после 20-го числа, но 25-е он считает поздно.

По моим соображениям, к этому сроку мы готовы не будем. Я не знаю, как к этому сроку будет настроение солдат, но я знаю, что не все батареи будут иметь оборудование позиций. Ведь это же изумительно, что через 2–3 недели решающее наступление, а крупные калибры, для кото-

рых оборудование требует проведения железнодорожных тупиков, еще не прибыли, да еще и прибудут ли.

Все импровизируется перед самой операцией, придаются пушки крупные 6 дм 190 пудов[1] без прислуги, создаются «нештатные батареи». Создаются минометные батареи, опять-таки «нештатные», и подай еще к ним капитанов или штабс-капитанов артиллерии для командования. Все это создается наспех, кое-как. Как будто нет сознания на «верху» о серьезности операции вообще и настроения в частности. Как будто все по старому, как будто можно зажечь на усиленную работу людей, понявших «свободу» как освобождение от всех обязанностей, от всего, что составляет долг.

3 июня

Около 12.30 утра выехал в штаб 1-го Сибирского корпуса вместе с полковником Шелль. Там около 3 часов дня были собраны командиры легких дивизионов и бригад и начальники тяжелых групп.

Работы идут постольку, поскольку это касается артиллерии, но от пехоты еще нет окончательных твердых указаний — именно мест, где проделывать проходы, т.е. самого главного — идеи атаки. Очень неосновательно идет работа изучения артиллерии противника. В общем, генерал Бодиско мечется, но толку мало.

Вернулись к 21 часу.

4 июня

Докладывал командарму результат поездки в 1-й Сибирский корпус, написал «указания», которые теперь не принято не только исполнять, но и принимать к сведению.

Являются один за другим начальники артиллерийских частей, пребывающих для операции — будет ли она, «товарищи» не очень охотно идут на эту удочку.

Вечером приходил железнодорожный инженер г-н Лидеман — завтра с утра он едет с полковником Шелль на места осмотреть устройство тупиков.

5 июня

Около 13 часов выехал в штакор 2-го Кавказского, откуда вместе с гене-

[1] 152-мм 190-пудовая крепостная пушка (см. приложение Б).

ралом Синеоковым проехал в Курпово, где у полковника Глазкова (командир дивизиона 10-й тяжелой бригады) были собраны также легкие командиры и групповые тяжелые начальники. Здесь все налажено гораздо обстоятельнее, чем в 1-м Сибирском корпусе. Все доведено уже до возможной, по нынешним условиям, ясности. Обстоятельно идет дело знакомства с артиллерией противника – особенно энергично работает Кавказской гренадерской бригады подполковник Фок, который сам летает на самолетах. Впечатление планомерной, законченной работы.

Вернулся к 20 часам. Здесь оказалась французская миссия – два генерала, полковник и лейтенант. Один из генералов – Вальш, артиллерист, после ужина часа полтора провел у меня, интересуясь артиллерийской подготовкой. Говорили довольно откровенно обо всех плюсах и минусах. Во Франции идет методичное изучение всех средств облегчить возможность более точных данных обстрела. Так, три раза в день ведутся записи температуры, барометрических давлений и силы ветра и соответствие пристрелочных данных от этих условий. Затем, когда является необходимость вести стрельбу, по метеорологическим данным смотрят в составленные таблицы и открывают огонь, пристрелка дня уже не нужна. Генерал Вальш говорит, что он считал необходимым вести стрельбу так, чтобы каждый снаряд достигал цели. Затем генерал говорил, что у них принята система разрушения батарей противника; когда батарея будет обнаружена летчиками, они вычисляют все данные для стрельбы и ожидают, чтобы эта батарея обнаружила себя ночью – значит не ушла, и тогда при помощи корректирования самолетами навариваются на нее и разрушают.

Разговор был очень интересный. Между прочим, говоря о летчиках, я упомянул про молодца поручика Гончарова, генерал поручил бывшему с ним переводчику записать его фамилию.

6 июня

Какие изумительно бестолковые телеграммы присылает генерал Мальковский, он совершенно не может быть инаркором.

Наштазапом назначен генерал Марков – назначение, которое я не приветствую, нельзя 38-летнего выскочку, неуравновешенного человека, назначать на такой ответственный пост. Какой же может быть из него толк – из командиров полка на пост военачальника нескольких армий. Ни дивизией, ни корпусом не командовал. Я не любил генерала Квецинского, но нельзя же отнять в нем ума, я приветствовал назначение гене-

рала Соковнина. Уже одно то, что он, вероятно, упивается новой своей властью — худо, я помню, как он мучительно завидовал Романовскому, теперь он еще выше него, но все же, как человек, как генерал он неизмеримо ниже.

Вечером ездил в Мясоту в воздухдив к полковнику Шуттингу, хотел послать его в Минск к инвоздухзапу, но оказывается, что заместитель, полковник Гебауер, на нашем фронте и завтра будет в Молодечно.

Послал телеграмму с просьбой заехать.

7 июня

Не могу выехать в 88-й корпус — нет автомобиля, мой 5007 ушел с французами, вот что значит не иметь своего.

Утром был железнодорожный техник, бывший на осмотре позиций новых батарей «В»[1], выяснили вопрос работы тупиков.

Днем был подполковник Гебауер, говорил ему о необходимости получить аэростаты для операций, они не очень торопятся с этим, а между тем без ознакомления с местностью с «колбасы»[2] заблаговременно трудно работать и наблюдать. Вечером ездил на вокзал к железнодорожному инженеру Лидеману выяснить окончательно постройку тупиков.

Целый день в хлопотах, устаю очень — время идет, а между тем мало продвигается вперед все то, что нужно сделать. Да и нервы не те, трудно жить без сознания продуктивности работы — вкладываешь труд, а результатов никаких.

8 июня

Автомобиля все еще нет, застрял, но все же назначаю на завтра. Вожусь все время с наштармом, полковником Шелль и инженерами по поводу тупиков для новых 12-дюймовых пушек.

Сегодня наштарм рассказал, что одна рота 171-й дивизии из полка, который шел на позиции, повернула назад и решила идти в Минск узнать, «почему Временное правительство до сих пор не обнародовало секретных договоров с союзниками». Рота идет без офицеров, которые остались при полку.

В той же 171-й дивизии верховой солдат, проезжая, толкнул офицера, на окрик хоть бы он извинился, солдат ответил что-то неподходящее;

[1] См. приложение Б.

[2] Здесь – аэростат.

офицер выстрелил из револьвера, тяжело ранив солдата. Рота, с которой он шел, избила офицера до смерти.

Ни дисциплины, ни стойкости духа в офицерах. Распад делает большие шаги. Пестрота настроений в частях не постоянная, а переменная. Полк, бывший больным, становится выздоравливающим, и наоборот. Все в зависимости – полк на отдыхе мыслит удовлетворительно, полк должен идти на смену, сейчас же переходит в разряд волнующихся, протестующих и, наконец, сопротивляющихся. От службы, работы люди отказываются, все время проходит в митингах.

При этих условиях подготовка операций невыполнима, да и сама операция висит в воздухе. Предположение, что с началом артиллерийского огня явится воодушевление – продукт добросовестного желания, а не основан на реальной возможности.

Днем получено из фронта, что командарм и я вызываемся завтра к 13 часам в штазап. Едем на автомобилях.

Готовлю разные справочные данные.

9 июня

Выехали в 8 часов утра, приехали в Минск к 11 часам, ехали скоро, дорога полуприличная, пыль и жара. Умылись в вагоне и к 13 часам были в штазапе. Генерал Деникин производит довольно приятное впечатление, генерал Марков – сияет и светится на столь высоком месте. В общем, они оба не производят «внушительного впечатления», кажется, что они стараются быть тем, на роль кого выдвинуты.

Кроме нас были генерал Квецинский (командарм 3) с наштармом генералом Лебедевым, генерал Веселовский (командарм 2) с наштармом генералом Геруа, кроме того, были здесь генерал Алексеев (бывший наштазап[1]) и генерал Самойло (назначенный генкварзап).

После представления пошли на обед и затем засели за занятия. В первую очередь был вопрос о настроениях. Говорили разные примеры и случаи, но, в общем, командармы отмечают улучшение, хотя факты из действительности этого не вполне подтверждают, а 55-я дивизия 35-го корпуса разваливается совершенно. Радужнее рисует генерал Веселовский, но по разговору с посторонними (из штазапа) менее всего благополучна 2-я армия.

[1] Ошибка автора дневника: М.В. Алексеев был Главнокомандующим армиями Западного фронта, а не начальником штаба. Возможно, А.М. Сиверс просто допустил описку.

Затем рассматривались оперативные вопросы. При рассмотрении артиллерийской части генерал Деникин указал на слишком большое удаление (вообще и легких особенно) батарей. Даже 12-дюймовые, поставленные в 6,5 верстах, показались ему слишком дальними. Не уяснял себе он также и причины выделения крупных калибров в подчинение инаркору, когда прочая артиллерия разрушения подчиняется начдиву. Также, по-моему, не основательно пожелание генерала Деникина, чтобы батарея 120 мм[1] работала на разрушение — наша гордость, создание могучей противоартиллерийской группы. Передачей же батарей 120 мм в группы разрушения мы их фактически отнимаем от группы борьбы с артиллерией. Конечно, в «свободное время» батареи эти могут работать в районах разрушения, но самостоятельных участков, ответственных, не должны иметь.

Затем, около 20 часов ужинали; после чего вновь собрались, были доклады генерала Похвиснева и генерала Кианoвского.

Генерал Похвиснев, по своей манере, сразу огрызается, но дал мне нужных и обстоятельных разъяснений по поводу снабжения артиллерийскими средствами.

Генерал Кианoвский говорил о повальной продаже солдатами казенных вещей, о складах летней одежды в полках и требование тем на месте от снабжения, что обнаружилось при пожаре таких складов. Говорил, что через месяц будет полное отсутствие леса и, кажется, к концу июля, сахарный голод. Вообще картина неприглядная.

По поводу отказов от исполнения оперативных приказов генерал Деникин охотно идет на «крутые меры», но, во-первых, у него мало «власти», а во-вторых, необходимо доводить до конца — не только пугать. Между тем даже приказ Временного правительства о расформировании четырех полков до сих пор еще не выполнен. А потому... охотно поддержу, *Но* до этого испытайте все другие способы. Т. е. опять ничего, ничего потому, что нет *«власти»* или *«силы»* поддержать свои крутые меры.

Разошлись около 23.30 вечера. Поехали на вокзал. Командарм остался ночевать в вагоне, а я с капитаном Манаковым поехали домой на автомобиле.

10 июня

Выехали в 24.30 и вернулись в 3.30 ночи.

[1] 120-мм французские пушки, литера «F» (см. приложение Б).

День прошел без особых интересов. Днем из фронта потребовали схемы размещения батарей и задачи – совершенно немыслимо. Где же все это выполнить в несколько часов, говорим с наштармом генералом Марковым, получил разрешение передать им при их приезде.

Затребовал от корпусов – озверели страшно, я их понимаю, но что делать. Однако маленькая подробность, все эти данные имеются в штарме, который не только не передает, но даже не сообщает, что у них существует нечто подобное.

11 июня

Идет усиленная работа черчения карты для фронта. Полковник Попов целый день чертит, а топографы армии гуляют. Ну и штабы – лучше сказать, как хамеют мелкие люди в больших штабах.

Приезжали [в] штарм командир сводного конного казачьего корпуса генерал Абрамов и врид начдива 9.

Получил от М.Э. Мельгунова открытку с портретом, ответ на мою поздравительную телеграмму.

Утром приезжал генерал Шихлинский – из всей обещанной массы тяжелой артиллерии крупных калибров нам дают только 4 орудия 8-дюймовых[1]. Для чего же было огород городить – как же тут не быть недовольству.

Новые сведения о непорядках в 61-м Сибирском полку (16-я стрелковая дивизия, 1-й Сибирский корпус). Подробности еще точно неизвестны.

Куда мы идем?! Неужели вершители судеб армии не видят, что они наделали. Неужели с такой бандой они надеются что-либо выиграть? Неужели они не предвидят серьезной опасности от вооруженной разнузданной толпы при демобилизации? Я начинаю верить, что среди рабочих еще можно найти желание порядка, но в распущенных войсках даже проблеска к порядку не найдешь. Чем-то все это кончится.

Если бы возможно было уйти в отставку, то, кажется, убежал бы.

12 июня

Около 8 часов утра подошел поезд главкозапа – передал карты, составленные вчера, генералу Маркову. По-видимому, ничего не смыслит. Генерал Шихлинский говорит, что, может быть, действительно нам дают два дивизиона литера «Г», т.е. по две батареи по два орудия, всего 8 орудий,

[1] 203-мм гаубицы Виккерса, литера «Г».

а вчера он меня уверял, что будут только 4 орудия. Ну какая же цена его словам, так и во всем он путает? Нельзя же войскам давать самые разноречивые и противоречивые данные, особенно относительно артиллерии крупных калибров.

Послал телеграмму [в] ГАУ генералу Леховичу, прошу сообщить, что же окончательно придет в 10-ю армию.

Днем был комкор 10 генерал Цыхович[1] (бывший офицер 14-й бригады), тоже кажется из «молодых», хотя уже генерал-лейтенант. Георгиевский кавалер.

В 18.30 вечера ездил на автомобиле во 2-й Кавказский корпус к генералу Синеокову узнать, какую тяжелую артиллерию возможно передать в 20-й корпус, при выдвижении 28-й и 29-й дивизий на смену правофланговых частей 2-го Кавказского корпуса

После дождя дорога порядочно испортилась.

Письма из Петрограда начинают приходить, но периодически, идут от 5 до 10 дней. Телеграмма шла неделю!

13 июня

По небрежности командира батареи «В» подполковника Сченсновича и халатности и манере работать на «авось» железнодорожных служащих, в котлован батареи влетела платформа и несколько попортила установку (платформу), но, к счастью, не настолько серьезно, чтобы орудие выбило из строя[2].

Рабочих мало, работают плохо — на тупиках нет необходимого числа рук. Тоже и на самих позициях батареи «В».

Днем приехал генерал Шихлинский — делился впечатлением поездки главкозапа. Говорит, что артиллеристы спорят, не умеют понять, что и о чем их спрашивают. Надо думать, что и вопросы предлагаются так, что не всегда все понятно. Пример — мой разговор с главкозапом в Минске.

Ловкий человек генерал Шихлинский — на оба фронта, но категорических указаний не дает, а теории и взгляды меняет соответственно главкозапам,

[1] Имеется в виду генерал-лейтенант Я.К. Цихович (1871–?).

[2] 305-мм гаубицы Обуховского завода, которыми комплектовались дивизионы литеры «В», перевозились в разобранном виде по железной дороге и устанавливались на месте на деревянное основание, врытое в котлован. Одно основание весило 1000 пудов (16 т). Для установки на позициях и снятии при погрузках требовались кран, домкраты и прокладки. Только установка занимала от 2 до 7 дней. Но по разрушительной силе и дальнобойности это было самое мощное русское орудие.

совсем как нововременский Меньшиков. Его не уберут – скользкий как уж.

В сущности, кроме пустяков ничего не сказал – говорил о митингах, разговорах главкозапа с полками. Дважды слышаны были голоса: арестовать главкозапа – «чего ездит и говорит о наступлении».

43-й стрелковый полк (11-я Сибирская дивизия) представился в блестящем виде. Командир полка через генерала Деникина спросил полковника, может ли он доложить главнокомандующему, что полк готов к наступлению... «просим, просим...» Такое настроение полка создано офицерами – всеми, от батальонного до младшего, которые живут вместе с солдатами и едят вместе с ними. Герои и мученики – неужели наградой им будет полный крах, достигнутый внедрением одного-нескольких ленинцев? Очевидно, что при таком состоянии полка на него будет серьезная атака большевиков.

Если офицеры полка верят, что своими геройскими поступками они удержат полк – какое же будет трагическое разочарование, когда полк под давлением кучки негодяев дрогнет!

14 июня

От генерала Леховича нет телеграмм о числе и времени прибытия 8-дюймовых батарей – осталась всего неделя. Не смогу понять, что мы делаем, куда мы идем! Нас ругают за недостаточную «продуманность» операции (слова генерала Эверта), а высшие штабы продуманно делают, обещая горы и присылая только кое-что.

Вечером приезжал полковник Пискорский – я его посылаю в Минск к генералу Шихлинскому, который обещал устроить его в Могилев в комиссию по выработке штатов. У него опять «нет контакта» в дивизионе.

Утром приехал генерал Руднев, назначенный инаркором 2-го Кавказского. Мало изменился.

15 июня

Пишу нескончаемое число телеграмм – другой переписки почти нет, идет текущая, по большей части в отношении подчиненных частей. Наконец сплавляю три батареи противосамолетные в корпусы (113-ю, 115-ю и 117-ю)[1]. Кое-как их не сформировал, а склеил – лошадей и то неполное число, дал из двух противосамолетных батарей шестерых в штате

[1] Позиционные легкие четырехорудийные батареи для стрельбы по самолетам. Укомплектованы 76-мм полевыми пушками образца 1900 г. на конной тяге, кустарно приспособленными к стрельбе по воздушным целям.

конский состав[1]. Пришлось повозиться и с получением палаток — телеграфировал и Нэхо и Завинт: добыл все-таки вовремя.

18-го числа грузятся и будут в корпусе. Около 12.30 поехал к инаркору 38. Ехал через Беницу, Редьки, Лоск. Дорога сносная, но под Лоском захватил дождь и сразу испортил дорогу настолько, что колеса стали буксовать и едва-едва добрался до Микулевщины. По дороге у двора Шлямки видел командира 4-й батареи литера «В», говорит возмутительные вещи — лес, маскировавший батарею, вырублен давно, фальшивая ветка, проложенная мимо батареи далее в лес, уничтожена, шпалы и искусственные рельсы утащены, очевидно, на дрова.

С генералом Мальковским говорил по поводу окончательного числа батарей, которые можно ожидать, а также о непомерном требовании снарядов. Получить больше того, что отпускают, все равно требуй или не требуй, нельзя.

Выехал обратно в 17 часов и приехал без четверти 20. Несколько устал.

Говорят, завтра у нас будет военмин Керенский. Интересно его видеть.

Вспоминаю генерала Горбатовского, у которого впечатление о Гучкове осталось, что военный министр в полосатых штанах!

Если неумелые руки, а может быть, умышленное желание развратить армию, принесло столько непоправимого зла, то эти полосатые штаны, может и неумышленно, делают с армией такие опыты, от которых она разлагается не по дням, а по часам.

16 июня

Вместо Керенского приехали генерал Брусилов и генерал Деникин. Поехали в 2-й Кавказский корпус. Затем в 1-й Сибирский. И там и тут собирали разные комитеты, причем в Беницу вызывали комитеты и 38-го корпуса. Около 16 дня возвратились в Молодечно, где был созван митинг корпусов и частей резерва. Я не был на нем и потому не знаю точно, что было. Говорил генерал Брусилов — «о наступлении». В задних рядах раздавались голоса: «ну и пусть сам наступает, коли охота», а на его фразу, что он сам возьмет ружье: «ну бери и лезь в окопы».

Был и неприятный эпизод — когда начальство было в 1-м Сибирском корпусе, что все делегаты от полков, вызванные на митинг к 3 часам, пошли в армейский комитет и начали шуметь и даже буйствовать, по-

[1] Так в рукописи.

чему Брусилов не едет и заставляет их ждать. Сообщили по телефону в Бениц – там принял это генерал Довбор-Мусницкий и передал генералу Брусилову, что в Молодечно бунт. Удивительно, что генерал Довбор всегда попадает в докладчики панических слухов.

Перед отъездом, а затем еще вечером у меня был полковник английской службы. Беседовали на артиллерийские темы. Кого не приходится принимать!

Устроил Осовецкой батарее перевооружение 42 лин[1]. пушками. В третий раз удается мне устроить перевооружение – сначала 2-й дивизион 10-й тяжелой бригады, затем 1-й дивизион той же бригады, а теперь Осовецкую батарею. Каждый раз приходилось вести борьбу с генералом Похвисневым.

Меня уверили шоферы, что во время поездки командарма на фронт немецкий офицер, переодетый русским солдатом, снял всех начальствующих лиц и «автомобили». Если это и неверно, то все же характерен рассказ о возможности такого явления. Шоферы рассказывали, как возмутительную вещь, а наши солдаты? – они это не считают позором, они не понимают всего ужаса. Понимают, конечно, что это не хорошо, но всего ужаса, всего беспредельного отчаяния всякого порядочного человека! Этого они не способны понять. Толстокожие животные, неразвитые мозги. И с такими-то невеждами, грубыми и непорядочными пародиями на человека считаются. Воображаю, если бы прочитали мой дневник, как бы его изодрали на клочья, да и меня самого.

Есть много здравомыслящих, но, во-первых, во всей массе они слишком распыляются, а затем, они боятся говорить вслух свои мысли. Толпа же – это дикий зверь.

Рассказывают анекдот: приехал начдив 5-й стрелковой в радужном настроении. Спрашивают, почему у него такой веселый вид – «как же не радоваться, дивизия выразила мне недоверие и я на законном основании ухожу!»

Опять-таки, если это и анекдот, то очень близкий к правде!

Куда мы идем. Что с нами будет!

Получил от Е. Ф. письмо с оказией, плохо им живется в Петрограде.

17 июня

Все то же, те же разговоры о «товарищах» – забыл записать, приезжал вчера комкор сводно-кавалерийского генерал Абрамов доложить командарму, что Уральский казачий полк отказался перейти в новый район –

[1] 107-мм пушка образца 1910 г. (см. приложение Б.)

в тыл позиций. Несмотря на уговоры офицеров и начальников, ничего не вышло, тогда офицеры решили выступить одни, рассчитывая, что в конце концов казаки пойдут за ними, но... казаки забрали денщиков и распрягли двуколки с офицерскими вещами. Офицеры отказываются возвращаться в полк. Чем закончился эпизод, не знаю.

Снарядов для литерных батарей нет, генерал Шихлинский шлет идиотские телеграммы — сам обещал пушки 190 пуд[1]., а теперь пишет, что их нет и отсутствие их не может оказать вредное влияние, если прибавить снарядов к пушкам 120 пуд[2]. Между тем в 1-м Сибирском корпусе сформирована батарея, которая ждет орудий. Командарм приказал послать телеграмму, что в настоящее время многое зависит от наступления, и отсутствие пушек нельзя считать маловажным обстоятельством: необходимо восполнение обещанных орудий.

Эти «святые» люди как будто издеваются или делают вид, что ничего не видят и ничего не слышат.

Нет, так воевать нельзя.

Как курьез отсутствия здравого смысла — это перевод солдата фейерверкера, изобличенного в провокаторстве и изгоняемого 99-й противосамолетной батареей (на фронте) переводят (кем неизвестно, полагаю, что генералом Шихлинским) в 33-ю противосамолетную батарею. Конечно, комитет батареи постановил, что если этот солдат не годится в одной батарее, то, очевидно, он не может служить и в другой. Что означают подобные глупости, ведь они подрывают авторитет начальников, которые делают подобные перемещения.

18 июня

Каждый день приносит «курьезы», если можно так назвать факты, имеющие трагический характер. Во-первых, главкозап, как по телефону генерал Марков передал генералу Добрышину, рвет и мечет, что у него нет артиллерийского плана. Генерал Шихлинский присылает телеграмму: немедленно и не позже завтра утром доставить!

Каким местом думают там сидящие вверху, что только и есть время «писать» планы, да еще когда они Главко...[3] сами издевательски равнодушны к тому, что же в конце концов будет в количестве и качестве артиллерии. Какие писанные планы могут быть, когда каждый день пе-

[1] 152-мм крепостная пушка в 190 пудов (см. приложение Б).
[2] 152-мм крепостная пушка в 120 пудов (см. приложение Б).
[3] Так в рукописи.

ремена в числе и калибре орудий.

Хотел ехать в Шлямки к полковнику Шелль, а оттуда в Беницу к генералу Бодиско, пришлось изменить маршрут и поехать в Высоковщину и потом в Беницу, чтобы получить эти «планы». Советовал генералу Синеокову не торопиться отъездом, так как, может быть, ему ближе переехать в Молодечно, чем в Бырлат[1] (4-я армия)

Выехал в 15 часов и вернулся в 20.30 вечера, после 24 часов ночи докладывал командарму и затем послал готовый план 2-го Кавказского корпуса и материалы 1-го Сибирского.

Инаркор 38 как всегда телеграммой сообщил, что не может прислать сегодня и вообще просит заранее осведомлять, когда что нужно. Он становится невменяем, этот генерал Мальковский, обо всем заботится кроме того, о чем ему действительно заботиться нужно.

Вечером заходил ко мне опять английский полковник Финлейсон – говорил о посещении 2-го К[авказского] и 1-го Сибирского корпусов, позиций и батарей; сопровождавший офицер просил представить его к... Владимиру 4 степени с мечами!

За сегодня кроме новостей от главкозапа еще неприятные новости в корпусах. Во 2-м Кавказском корпусе 2-й Кавказская гренадерская дивизия окончательно мутит все остальные дивизии, пропаганда большевиков направлена туда усиленно. Ночью у командарма была депутация 51-й дивизии, которая просит убрать 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию, так как они почти уверены, что в дивизии имеются немецкие шпионы и даже офицеры и солдаты. Генерал Чоглаков приезжал в штарм, докладывал командарму. Между прочим, к великому огорчению и стыду 2-я батарея 132-го дивизиона отказывается становиться на позицию. Командир батареи просит отчисления его хотя бы старшим офицером, так как он не в состоянии командовать такой батареей.

В 1-м Сибирском корпусе еще того хуже, корпусный совет выразил «недоверие» комкору генералу Плешкову – генералу, у которого, кажется, нигде нет врагов. Припомнили его неудачи у оз. Нарочь[2] и передают ему, что он как «благородный человек должен понять, что под его командой корпус победы одержать не может и потому просят его уйти».

Если удалось во 2-м Кавказском корпусе развратить низы, то 1-й Си-

[1] Имеется в виду город Бырлад в Румынии, где с декабря 1916 г. располагалась 4-я армия.

[2] Наступление русских войск в марте 1916 г. в районе озера Нарочь. Несмотря на то, что операция носила отвлекающий характер, потери были весьма значительными.

бирский, где это не так идет успешно, пытаются накануне наступления убрать верхи.

Хотя в 1-м Сибирском корпусе и низы не вполне благополучны. 16-я дивизия собралась идти сменять в окопы на своем участке 2-ю стрелковую дивизию, но в 6–7 верстах ее встретили делегаты 2-й дивизии, передали, что они не пустят 16-ю дивизию, и весь пыл сразу пропал, и полки, только что решившие наступать даже без артиллерийской подготовки, сразу сдали и заколебались. Потребовали немедленно разместить их по квартирам.

Неужели это не полный развал, неужели можно переходить в наступление с этой ордой, да и в орде, наверное, было больше порядка — там за ослушание снимали головы!

Наверное, обвинили бы меня в приверженности к старому режиму, если бы прочли эти строки. Но ведь так душа тоскует по порядку и здравому смыслу! Как, однако, жаль этого рыцаря доброты и чести генерала Плешкова, какой удар его любви к корпусу, какая мерзость говорить и корить неудачей на оз. Нарочь — а сколько доблестных дел у корпуса за его командование! Генерал Плешков убит совсем, он говорит, что вырвали всю его душу! Я вполне это понимаю.

Упаси Господи, чтобы в войсках была допущена политика! Пусть угар пройдет, пусть станут во главе люди светлого разума, а не затемненные таким дешевым успехом «свободы» — свободы разгула, развала и свободы не считаться ни с чем, ни с какими законами, ни со здравым смыслом! Пусть твердая власть изъемлет политику из армии, тогда она может вновь окрепнуть, тогда можно служить. Иначе армии нет.

19 июня

Вчера генерал Шихлинский телеграфировал, что посылает полковника Плавского, который будет у меня рано утром — рано, оказалось, позже 10 часов. Командирован также главкозапом по корпусам проверить, что сделано по артиллерийской части. Вот тревога-то не в меру. Лучше бы главкозап занялся своим ближайшим делом — ускорил прибытие литерных орудий, да литерных снарядов, да бензину для летчиков, да паровозов и вагонеток, да... много еще чего, что ему непосредственно ведать надлежит! А формирование минометных групп — батарей, накануне операции... каждая группа должна иметь капитана или штабс-капитана артиллериста командира, а где их взять. Когда заикнулся, дайте из тыла — полное молчание, как в рот воды набрали.

Если стать на точку упреков да отметок, кто чего не сделал, то ведь

еще неизвестно за кем наберется больше греха. За теми ли, кто требует и не заботится, чтобы все было своевременно, или же за теми, кто почти ничего не имеет под руками и все же создает кое-что, да при самых неблагоприятных условиях.

Зачем считаться, не лучше ли помогать друг другу.

20 июня

В 8 часов поехали на вокзал – командарм, наштарм, я и капитан Манаков. Поезд главкозапа подошел одновременно с автомобилями. Около 9 часов на автомобилях выехали в Бениду. С главкозапом приехали генерал Марков, генерал Шихлинский и капитан Кельчевский. Встретил главкозапа генерал Плешков и они ушли сейчас же говорить о последнем инциденте. Генерал Плешков настолько расстроился, что не вышел затем ни на совещание, ни на обед – бесконечно обидно за доблестного, хорошего и порядочного генерала.

Около 11 часов сели за обсуждение вопросов предстоящей операции – во-первых, 22-е число отменено, надо ждать 26-го, но выяснилось, что 2-й Кавказский корпус еще совершенно болен и его дивизии не заняли исходного положения. 1-й Сибирский корпус, хотя и занял исходное положение, но не вполне, так как точно приказ, как теперь называют «боевой», не исполнен. По удостоверению, по разговорам корпус болеет также довольно сильно, но рельефно это никто не сказал главкозапу. 38-й корпус занял исходное положение – болеет, но в меньшей степени, хотя от генерала Довбор-Мусницкого трудно узнать правду, он то сгущает краски, то почему-то выставляет все в розовом свете, последнее правда при условии подчеркнуть свою работу.

Затем главкозап выяснил, что сближение от 400 до 1200 шагов; он говорит, что впервые узнает, что сближение столь большое; оно требует вынесения или плацдармов, или, по крайней мере, параллелей.

Были и еще некоторые общие вопросы, а затем главкозап выяснял смущающие его артиллерийские вопросы; главным образом его озабочивает, чтобы было сделано заблаговременно распределение батарей по целям второй полосы. Этот вопрос, в сущности, поднимается впервые. Он имеет существенное значение – как выполнить, возможно ли это – вопрос другой, но сам по себе серьезный и требует размышления и разработки.

Окончилось собеседование около 19 часов, после чего все приезжавшие разъехались.

На совещании были комкоры 2-го Кавказского, 38-го и 10-го и неко-

торые начдивы — 2-й Кавказской гренадерской, 16-й Сибирский, 1-й и 2-й Сибирских, и.д. 62-й и другие, которых не знаю.

Полковник Плавский тоже ездил с нами и уехал с поездом главкозапа в Минск.

21 июня

Вчера вместе с главкозапом приехала из Петрограда депутация в составе члена Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов г-на Соколова (ныне сенатора) и нескольких солдат. Вчера же они проехали во 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию... видимо, уговаривать, но уговоры кончились печально. Депутацию и главным образом г-на Соколова избили и арестовали, не давая даже сделать ему перевязку. Г-н Соколов был освобожден лишь Горийским полком (51-й дивизии), который потребовал освобождения, и в случае неисполнения его требований оставил за собой свободу действий вплоть до применения оружия[1].

Это подействовало отрезвляюще и ночью депутаты были освобождены. У г-на Соколова сильно разбита голова, его били по чем попало, а по голове железными касками (шлемами). Конечно, такое насилие недопустимо, но я очень рад, что господа Совета рабочих и солдатских депутатов на себе испытали всю прелесть разнузданной толпы, плоды их же стараний разложить и развратить армию. Они не слушали, когда им говорили такие люди, как Алексеев, Гурко и много других, они слушали господ поливановых, якубовских, туган-барановичей[2] и прочих прихвостней революции. Вот и дождались результатов на своих шеях. Соколов после избиения сознался — как же тяжело мученикам и героям офицерам. Да об этом никто не заботился, все старались втоптать офицеров в грязь. Где лес рубят — щепки летят, не все им изобретателям приказа № 1 и декларации прав солдата жить сладко, да речи говорить; это хорошо, что избили Соколова, он пользуется, говорят, влиянием в верхах революции... Побольше бы их избили, может, тогда поймут эти насадители свободы, почему во всех странах армия «вне политики». Это страшная сила — грозная, когда дисциплинирована и послушна, и ужас-

[1] Этот случай также описан в книге: Гончаров В.Л. 1917: разложение армии. М., 2010. Док. № 113 (Телеграмма сенатора Соколова военному министру от 22 июня 1917 г.).

[2] Здесь в нарицательном значении использованы фамилии известных своими демократическими взглядами генерала А.А. Поливанова, полковника Г.А. Якубовича и русского экономиста и социолога, примыкавшего в свое время к «легальному марксизму» М.И. Туган-Барановского, причем две последние фамилии искажены.

ная, когда она ничем не управляется.

Разве наш солдат понимает гражданскую свободу – для него это свобода ничего не делать, свобода разгула, свобода своеволия.

Утром был у меня генерал Клейненберг (инспартарм 3) и, должно быть, наштарм, генерал, которого я часто видел в Петрограде, но фамилии не знаю.

Генерал Клейненберг мрачно смотрит на вещи, он находит, что с такими войсками воевать нельзя. Он говорит, что высшие начальники проникнуты еще прежней системой все называть «благополучием», и потому, попросту говоря, «врут». По моему мнению, это не совсем так – наши высшие начальники не хотят сознаться в своем бессилии и все время стараются убедить самих себя, что все образуется; они не стоят близко к войскам и потому многое не знают и не видят.

По нынешним временам рассчитывать на то, что все образуется, нельзя, попущения только окрыляют разнузданную солдатскую толпу. Видя безнаказанность, они смелеют и наглеют.

Генерал Клейненберг, ночевавший вместе со своим командармом 3 генералом Квецинским в поезде на ст. Залесье, уверен, что там штаб-квартира германских агитаторов, а может быть, и переодетых немцев до офицеров включительно, которые производят всю смуту, агитируя сразу как раз там же размещенной 2-й Кавказской гренадерской дивизии.

Очень рад был повидать генерала Клейненберга, питал и питаю к нему большую симпатию, как умному человеку и весьма серьезному артиллеристу.

Вчера Марков мне говорил, что Мельгунов был кандидатом на армию. Чего не бывает на свете – генерал-майор и армия! Очевидно, ему дали корпус для ценза и при ближайшей освободившейся армии он будет назначен. Марков говорит, что он любимец Брусилова.

Настоящая буря: кого волны выносят наверх, кто идет ко дну. Среди таких молодых я чувствую себя уже стариком – Деникину 44 года, и это главкозап. Не следует держать стариков, но и такие молодые, не имеющие солидного опыта, при всех их качествах вряд ли могут быть на месте и полезны. Ну какое же сравнение Деникина с Гурко?

22 июня

Вчера поздно вечером наштарм ездил в штаб 2-го Кавказского корпуса, а сегодня у командарма был комкор 2-го Кавказского. Что-то предпринимают относительно 103-го полка и 2-й Кавказской дивизии. Что,

еще не знаю. Днем командарм уехал в Минск и вернулся поздно ночью.

Являлся вечером комарт 203 полковник Зигель — специалист по стрельбе при помощи летчиков, заведовал школой на Северном фронте.

23 июня

Был у командарма на докладе — операция отложена, но ненадолго, дня на два-три. По-моему, и это не выйдет. О нежелании воевать и наступать — лозунге пехоты, говорят все, а во 2-м Кавказском корпусе полный развал, пехота не дает артиллерии вести пристрелку с наземных наблюдательных пунктов. Если ведется огонь, то только при помощи аэростатов.

Около 12 часов выехал на автомобиле в 38-й корпус. В Микулевщине были собраны начальники групп, с которыми выяснял, что сделано. На участке 175-й дивизии легкая и тяжелая артиллерия разбита на подгруппы соответственно полковым участкам — идея децентрализации проведена уже за пределы возможного. Недостает, чтобы каждая пушка была придана каждой роте, батальону. Это мне совсем не нравится. Генерал Мальковский на это не реагирует.

Затем, на участке 69-й дивизии нет тяжелой артиллерии 38-го корпуса, здесь работает тяжелая артиллерия (2-й мортирный [дивизион][1] и одна 6 дм[2] батарея) 3-го корпуса. При таком положении, мне кажется, 38-й корпус сократил ширину ударного участка, так как слабая артиллерия 3-го корпуса не может создать иллюзии действительного разрушения окопов противника, и это явно подчеркнет пассивность всего участка 69-й дивизии и демонстративной артиллерийской подготовки.

На обратном пути заезжал к полковнику Шеллю, живущему на дворе Шлямки. Вернулся около 20.30 вечера. По дороге был на 114-й батарее, которая поместилась лагерем у большака.

24 июня

Генерал Мальковский невыносим — принял манеру чрезмерных требований. Что ни день, то сенсационные телеграммы, то подай ему такое количество снарядов, которое заведомо нельзя израсходовать, не заменив всех орудий, то угрожает снять с нужных участков противосамолетные батареи, то забирает себе батареи, назначенные для других корпусов и других надобностей.

Он достойная пара генералу Довбор-Мусницкому — на днях последний

[1] Артиллерийский дивизион, укомплектованный 280-мм мортирами образца 1877 г. Не входил в ТАОН.

[2] 152-мм пушка Канэ (см. приложение Б).

телеграфировал главкозапу, что ему нужно 107 миллионов винтовочных патронов, а ему дают всего 16 миллионов, эти 16 миллионов составляют почти 500 патронов на винтовку, т.е. почти двойное число против положенного. Генерал Деникин за это прислал командарму следующую телеграмму: «разъясните комкор 38 по его пр. 06877 относительно отпуска 107 мил. патронов что неосновательных представлений о невероятном количестве патронов возбуждать не следует пр. 42027».

Конечно, это не может смутить – нахал во всех проявлениях генерал Довбор снова шлет самые сенсационные телеграммы.

Вчера был у меня комарт 81 генерал Борисов, жаловался, что бригада только что получила 600 солдат пополнения, еще не имела времени сладить батареи, а потому бригада просит дать время подготовиться. Сам генерал Борисов тоже не считает возможным быть боевым начальником, имея мало времени для ознакомления с обстановкой.

Сегодня звонил ко мне генерал Чоглоков, который от доклада генерала Борисова (четыре батареи назначены во 2-й Кавказский корпус) пришел в ужас и просил замены какой-либо другой артиллерией. Доложил командарму, что мое впечатление, что генерал Борисов мечтает об отдыхе для бригады, и что неготовность надо проверить, и что я комкора уже просил поручить генералу Рудневу осмотреть батареи по их прибытии. Командарм приказал послать телеграмму, что он удивлен, что комарт 81 просит об отдыхе, когда вся Россия ждет подвигов от своих сынов.

25 июня

Целый день с 4 часов утра идет возня с 703-м Сурамским полком. Вызвана вся 51-я дивизия, Астраханский и Оренбургский полки. Пехота полукольцом окружила 703-й полк, казаки стали частью на путях к остальным частям 2-й Кавказской гренадерской дивизии, частью в резерве. Были выставлены две батареи 51-й артбригады. Полк сложил оружие, которое тотчас же было принято под охрану двух рот и одной сотни – затем полк отвели в соседнюю деревню. В этот момент астраханцы, по непонятной причине, распоряжением командира полка стянулись в резервную колонну и прозевали, что подошел 704-й полк с оружием в руках, окружил астраханцев и подошел к 703-му полку. Составился грандиозный митинг двух полков, к которому, вероятно, присоединились, хотя официально это отрицается, и ближайшие части 51-й дивизии. Между прочим, на митинге говорил член Совета рабочих и солдатских депутатов из Петрограда г-н Прусак, состоящий при 20-м корпусе. Говорилось на тему, что 703-й полк приносит

повинную и что посылаются телеграммы в разные места и Керенскому[1].

По-видимому, миролюбивое настроение и видимое «улажение вопроса» убедило солдат 51-й дивизии в «ненужности» дальнейших мер против 703-го полка. Точно причины не установлены – но полки 51-й дивизии ушли назад в свой район, а распоряжением командира Горийского полка были сняты обе роты, охранявшие оружие. Еще не выяснено, по чьему почину или решению полки ушли и не выполнили до конца задачи, т.е. арестования всего состава 703-го полка. В донесении комкора сказано, что полки ушли «самовольно». Начдив 51-й не проявил энергии в задержании полков, неизвестна и причина, почему командир Горийского полка снял роты с охраны оружия.

После ухода 51-й дивизии 703-й полк снова разобрал оружие и ушел в расположение 704-го полка. Офицеры же остались в прежнем месте стоянки своего полка.

Решено снова приступить к разоружению 703-го и уже и 704-го полков при помощи 174-й и 28-й дивизий 20-го корпуса.

Безоружные полки выводятся в тыл, где хотят потребовать выдачи зачинщиков.

Точно не имею сведений, но из разговоров видно, что главкозап чем-то остался недоволен и, кажется, против вывода в глубокий тыл. Может быть, я ошибаюсь в точности этих переговоров с фронтом, но существование их было и советы издалека, не всегда соответствующие обстановке давались.

До позднего вечера шли переговоры у командарма и кверху[2], и в корпус.

Начинают из Царского Села. Прибывают крупные калибры – прибыла 12-я батарея литера «Г», за ней подошла 10-я батарея литера «Г»[3], потом батарея литера «Т»[4]. Каждая батарея приходит без всякого предупреждения, совершенно неожиданно. Говорят, в ближайшие дни будут подходить еще разные батареи «Г» и «Т».

Вечером получил телеграмму, что генерал Шихлинский приезжает завтра утром и будет затем «шляться» по корпусам. Надо проявлять деятельность. Хорошо еще, что он о деле говорит мало и не вносит «смуту

[1] Этот случай описан в книге: Гончаров В.Л. 1917: Разложение армии. Док. № 114 (Телеграфное донесение начальника штаба Верховного главнокомандующего от 27 июня 1917 г.).

[2] Так в рукописи.

[3] Четырехорудийные батареи, укомплектованные 203-мм гаубицами Виккерса.

[4] Четырехорудийная батарея, укомплектованная 234-мм английскими гаубицами.

в умы подчиненных».

26 июня

Приехал генерал Шихлинский, и в то время когда он сидел у меня, передали из Минска, что туда приехал полевой инспектор генерал Ханжин и с поездом 12.50 выедет в Молодечно. Около 17 часов подошел поезд. До 18 часов я и генерал Шихлинский пробыли в вагоне генерала Ханжина, который затем поехал в штарм и был у командарма. Побыл недолго, так как командарма к юзу вызвал главкозап.

С генералом Ханжиным приехали полковник Яковлев (бывший лейбгвардии 2-й), полковник Шайтанов и полковник Драшусов.

Из штарма генерал Ханжин поехал в свой вагон, куда и я приехал с разными сведениями относительно операции. Оставались до 20 часов.

27 июня

Около 8 часов я выехал в Кавказский корпус в Высоковщину, куда приехал почти к 10 часам, до того испортилась дорога от последних дождей. Генерал Ханжин приехал еще позже. Был у генерала Чоглокова, а затем рассматривали задачи, намеченные для тяжелой и легкой артиллерий у генерала Руднева. Пробыли недолго, а затем все поехали на батарею «В» и на наблюдательный пункт. Я же поехал домой.

Генерал Чоглоков пока не приезжал. Полевой инспектор рассказывал мне историю разоружения и вновь захвата оружия 703-м полком. В настоящее время ни 174-я, ни 28-я дивизии уже колеблются[1] выполнять охрану и угрозу разоружения 703-го и 704-го полков, начдивы говорят, что «упущен порыв», а сами, вместо того, чтобы вывести полки тогда же, допустили созыв комитетов, на которых раздавались голоса. Зачем вмешиваться в чужое дело – корпус и армия чужие. В этих разговорах прошло вчера и наступило сегодня, а к делу не приступали.

Опять фронт издалека в чем-то обвиняет армию и корпус.

Обвинять можно, но где же реальная сила, на которую можно опереться?

Всегда жизнерадостный, с большим запасом энергии генерал Чоглоков начинает сдавать и, хотя он усиленно скрывает, но волнение и вполне понятное проглядывает во всем. Вот попал в тяжелую, трагическую обстановку.

Дождь идет почти непрерывно, дороги испортились настолько, что

[1] Так в рукописи.

машины перегреваются.

Приехал новый комкор 1-го Сибирского генерал-майор Искрицкий. Вчера был в штарме, но я его не видел.

28 июня

Всю ночь шел сильный дождик. В 11 часов должен был приехать военмин Керенский, для него собраны были всяких наименований комитеты корпусов и армий.

Однако поезд пришел около 9 часов, с ним приехал главкозап. Около 9.30 утра командарм и наштарм поехали на вокзал.

В 10 часов я поехал с капитаном Волковым посмотреть на Керенского. Шел дождь. На вокзале ждали до 12 часов. Затем Керенский вышел из вагона и прошел к автомобилям, чтобы ехать на митинг комитетов.

Видел близко.

В вагон были вызваны генерал Квецинский и наши комкоры. Кажется, комкоры докладывали главкозапу, и только генерал Чоглоков докладывал в присутствии Керенского.

Сегодня стало известно взятие Галича и распространился слух, что при этом нами захвачено 30 000 пленных и до 200 орудий.

Напрасно ездил на вокзал и мок под дождем. Керенский приехал и обедал в штарме. Любопытная черта, подавал руку всем, и служителям собрания.

Лицо Керенского не очень приятное, щурит постоянно глаза. Говорит, и голос не очень привлекательный, но захватывает толпу.

После обеда военмин и главкозап уехали в Минск.

Познакомился с военным корреспондентом «Русского Слова» г-ном Савельевым. Если не врет, то обходится он газете от 6 до 20 тысяч в месяц.

Принято решение со 2-м Кавказским корпусом—2-я Кавказская гренадерская дивизия с 703-м полком отведена в более глубокий тыл. 1-й Кавказской гренадерской дивизии и 134-й дивизии предъявлен ультиматум исполнить боевой приказ занятия исходного положения. Если таковой ими исполнен не будет, то и эти дивизии будут отведены в резерв. На замену их придут две дивизии 20-го корпуса, которые вместе с 51-й дивизией составят ударную часть 20-го корпуса, которыми будет командовать комкор 20. Остальные дивизии этого корпуса останутся на местах и будут объединены под командой заместителя комкора 20-го.

2-я Кавказская гренадерская дивизия будет расформирована, что бу-

дет с 1-й Кавказской гренадерской дивизией и 134-й дивизией, не знаю.

Артиллерия 2-го Кавказского корпуса с генералом Рудневым остается на месте.

Что-то сложное, импровизированное.

29 июня

Около 9.30 утра приехал на 20 минут генерал Шихлинский, особенно ничего нового не говорил, очевидно, все более или менее благополучно.

Генерал Ханжин в 38-м корпусе не был и уехал в Ставку ночью.

2-й Кавказский корпус без 51-й дивизии уводят с фронта, вместо него, как уже я записал, приходит штаб 20-го корпуса и две дивизии – 28-я и 29-я.

Вчера поздно вечером прибыла совершенно неожиданно еще одна батарея литера «М»[1]. Удивительные сюрпризы, ждешь одно, прибывает другое. Никто не извещает, что идет. Ничего нельзя ни предусмотреть, ни заранее наметить план распределения.

Не записал, что видел прапорщика Бочкареву, начальника женской роты, при ней адъютантом дочь адмирала Скрыдлова. Бочкарева очень энергичная, «бьет по харе», и потому вчера уже шесть солдат ее роты отказались продолжать «службу» с ней. Говорят, уходит и Скрыдлова. Режим суровый, кокетство не допускается ни под каким видом. Эти дни было нападение ночью хулиганов-солдат, только угрозой применения оружия заставила наглецов уйти.

Нашел себе захимарма – 45-й бригады капитана Черных, он был помощником захимзапа, пока капитан Баташев был в командировке.

С генералом Мальковским ничего не налаживается, в представленном «плане действий артиллерия 38-го корпуса» есть приложение «питание снарядами», где рядом с цифрами полученного количества снарядов показаны те несуразные цифры, которые требовал корпус. Я доложил командарму, что это совсем неуместно, создается впечатление, как будто для выполнения операции требуется такое-то количество снарядов, а начальство дает в 3–5 раз меньше; это явно скверная тенденция. Насколько цифры преувеличены, можно судить уже по одному тому, как они требовали винтовочные патроны (стр. 72 bis[2]).

На это командарм поручил написать от его имени и за его подписью

[1] Четырехорудийная батарея, укомплектованная 152-мм английскими гаубицами.

[2] См. запись от 24 июня 1917 г.

бумагу комкору, в которой я поместил такую фразу:

«Эти цифры указывают на значительную разницу, в меньшую сторону, получаемого относительно намеченного.

Не говоря о неправильности составления расчета – артиллерия не в состоянии вести 14 дней интенсивный огонь, а каждое орудие не может выдержать такого числа выстрелов; подобное сопоставление может внести большую смуту в войска и поселить опасную мысль, что командный состав ставит их в тяжелое положение, требуя выполнения задач, не давая на это необходимых средств.

Что цифры, ожидавшегося прихода снарядов непомерно преувеличены, указывает несоответствие их с теми данными, которые приведены в приложении VII и по норме которого производится фронтом действительный отпуск снарядов».

Кажется, надрание довольно определенное.

30 июня

Собирался ехать в корпуса, но дорога такая скверная, что нет проезда. Полковник Раттель ездил с утра в штакор 2-го Кавказского и застрял на полтора часа в Лебедеве, хорошо, что я не поехал.

Сегодня наштарм говорил, что распоряжением канцелярии военмина зачислен в резерв комкор 20 генерал Ельшин, почему и отчего не известно. На его место назначается генерал Ярон. Вот не поздравляю корпус – хам и очень неприятный начальник. Говорят, корпусный комитет, по почину члена Совета рабочих и солдатских депутатов Прусака, послал телеграмму военмину, Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов, с просьбой оставить генерала Ельшина, который пользуется широкой популярностью в войсках.– Верно ли, да и вряд ли это будет?

1 июля

Ну и время – командарм получил телеграмму, что главковерх приказал зачислить его в резерв за «полную нераспорядительность» в деле приведения к порядку 2-й Кавказкой гренадерской дивизии. Точно редакции не помню. Генерал Киселевский считает это лишь предлогом – причины взаимная несимпатия, создавшаяся еще в приезд Брусилова в армию.

Бесконечно жаль, что такой порядочный и благородный человек, как генерал Киселевский, отчислен. Обидно за него, тяжело чувствовать царство произвола.

Преемником называют генерала Ломновского – комкора 8.

Прибыли сегодня «комиссары Временного правительства» с г-ном Венгеровым (не из жидов ли, фамилия жидовская).

С сегодняшнего дня приказано часы переставить на час вперед – прекрасная мера, будет значительная экономия в освещении. Эта замена нисколько не заметна в обиходе.

Генерал Балашов говорит, что разговаривал с адъютантом Бочкаревой – Скрыдловой, все, что болтали эти шесть уволенных, вздор. Бочкарева по «харям» теперь не бьет. Было два случая в Петрограде, но сейчас ни разу. Она никуда не уходит, и в роте полное согласие – эти шесть исключены постановлением всех и, очевидно, врут. Все-таки любопытное учреждение.

4 июля

Спешка, горячка... ничего ни у кого нельзя узнать. Записывать ежедневно невозможно, нарушаю обычай записывать каждый день. Определенное, что можно вписать, – хаос, молодые на крупных постах хорошо, принципиально, на деле очень плохо. Не справляются, а потому волнуются, нервничают, а потому волнуют и дергают других.

Это вступление.

Дождь, который шел много дней, не переставал, донельзя испортил дороги; автомобили и грузовики не ходят. Лошади выбиваются из сил.

28-я и 29-я дивизии должны сменять 1-ю Кавказскую гренадерскую, 2-ю Кавказскую гренадерскую и 134-ю дивизии. Штакор переехал в Высоковщину. Генерал Ельшин возвращен в корпус, его отчисление было «по недоразумению». Записываю только, что есть, без толкований – они излишни, отчисление по недоразумению само говорит за себя.

В Высоковщине живут и Руднев, и Вешняков.

Так вот, на смену 2-му Кавказскому корпусу идут дивизии 20-го корпуса. 28-я до сих пор по ту сторону Вилии; здоровая, пока стояли на месте вне операции, она теперь колеблется, но на нее еще рассчитывают, более тревожит, чтобы зараженный и зачумленный воздух не повлиял и не испортил. 29-я пошла по ...[1] в одном полку на походе стреляли в командира полка, его энергичный поворот лошади назад и окрик стрелять прямо, а не из-за угла в спину. Это подействовало, и полк пошел. 115-й Вяземский с командиром полка полковником Гамченко не пошел и вернулся в свой район – охранять район 20-го корпуса, который остался без

[1] Так в тексте.

резервов. Полк «имеет сведения», что их уводят нарочно, чтобы открыть фронт. За открытие фронта «кто-то» получил 12 тысяч.

Во 2-м Кавказском корпусе разбираются, кто остается выполнять свой долг, а кто не настроен. Верные долгу части и отдельные команды и люди группируются в «Ударную группу частей 2-го Кавказского корпуса» под командой генерала Афанасьева.

Кажется 1-го вечером, мне стало известно и притом «случайно», что из фронта приказано быть готовыми к 4-му.

Рано утром 3-го пришел поезд главкозапа с наштазапом и оперативным отделением. Главкозап принимает на себя ведение операции за отсутствием командарма. Генерал Добрышин совместно с Марковым работают как наштармы... хаос и неразбериха полная. Совершенно не знаешь в конце концов к кому обращаться. Езда в поезд на автомобиле — под рукой нет, а поехать нужно, все отнимает время.

Вчера ездил в 1-й Сибирский и 2-й Кавказский, дорога не проезжая, что пришлось испытать и мне и еще больше автомобилю.

Сегодня утром ездил в поезд — узнать насчет приезда 12-дюймовых пушек — полковник Прозвицкий говорит, что это еще не наверное. Кто их разберет.

Генерал Марков в ужасе, что батарея «Г» во 2-м Кавказском корпусе не может стать на место, не готова, пришла 28-го в корпус, время-то конечно было, но при общем хаосе в корпусе откуда достанешь рабочих, кто привезет материалы, бензину нет, дороги непроезжие.

Приехал новый командарм генерал Ломновский. Производит приятное впечатление — о нем очень хорошие слухи, за время командования им 15-й дивизией.

Приехал Керенский — заседают с главкозапом. Шихлинского все еще нет — когда нужно, тогда как раз он отсутствует.

Устал — устал душой, я не приспособлен к хаосу и работе кое-как.

По-моему, нельзя начинать операцию, не подготовив всех мелочей... а мелочи (по-видимому, по мнению штазапа) серьезные: не поставлена одна батарея «Г», которая могла бы быть поставлена, отсутствие бензина, без которого нельзя ходить грузовикам, подносящим снаряды, — казалось бы, необходимо обеспечить транспортами. Затем, отчаянные дороги, надо подождать, пока просохнут. Правда, два дня уже нет дождя.

5 июля

Наконец приехал генерал Шихлинский, я был у него в вагоне около 9 часов, и с ним приехал в штарм. Написали в корпуса телеграммы, что главкозап приказал поставить 8-дюймовые батареи, минуя все препятствия (???!!!).

Прощался отъезжающий генерал Киселевский – очень жаль, что уходит.

В 14 часов был у генерала Шихлинского, но он опоздал и выехал только в половине 15-го. Были в Каскевичах [в] штаркоре 1-го Сибирского. У генерала Бодиско, все три батареи литера «Г» уже на позиции – вообще все, насколько возможно, готово, нет бензина. Вызывал в штакор полковника Шелля, но он был уже в отсутствии и потому к назначенному времени не был. Приехал случайно самостоятельно. Отсюда генерал Шихлинский поехал в 38-й корпус, а я с полковником Шеллем в господский двор Понизье к инаркору 2-го Кавказского. У генерала Руднева батарея литера «Г» еще не стала, но станет (кажется, пришла 28-го числа, а в 1-й Сибирский пришла 3-го). К моему приезду для батареи литера «Г» не было снарядов, несмотря на неоднократные телеграммы зачу – ни снарядов, ни ответа нет; однако перед моим отъездом сообщили, что снаряды подошли.

Кажется, тоже все налажено.

4-ю батарею 12 дм[1] сегодня обстреляли, по их мнению 8-дюймовыми[2] снарядами до 40 штук – по-видимому, в ответ на их пристрелку 42-лин[ейными] орудиями. Вблизи расположен резерв, комитет прислал постановление, что они не разрешают дальнейшую стрельбу, почему пристрелка целей 1-го Сибирского корпуса не произведена.

По дороге встретился Мингрельский полк (1-я Кавказская гренадерская дивизия), отходящий в тыл по нежеланию воевать. Группы с ружьями проходили без замечаний, но безоружные, шедшие сзади, мрачным и злобным голосом говорили: «Ишь буржуи идут».

Днем был Керенский, сначала на ст. Залесье, а затем в д. Сивицы, где проездом я видел многотысячную толпу солдат, приведенных и строем и пришедших без строя.

Результатов посещения Керенского не знаю, наштарм говорит, что об этом новостей не слышно, интерес упал.

В 20 часов все комкоры были собраны главкозапом в Бенице, там же

[1] 305-мм Обуховского завода (см. приложение Б).

[2] У немцев не было 8-дюймовых орудий, поскольку их калибры были приведены в метрическую систему. Речь может идти о 21-см немецких мортирах образца 1910 г. или 21-см скорострельных пушках образца 1900 г.

были командарм и наштарм.

Вернулся после 21 часа. Был у меня генерал Шейдеман, начальник ТАОНа.

Вечером получен приказ командарма № 7:

«Во исполнение приказа главкозапа приказываю:

1) 6 сего июля с рассветом в зависимости от видимости начать артиллерийскую подготовку наступательной операции согласно приказа армии сего года № 5.

2) 9[–й] пех[отной] див[изии] двумя переходами перейти в район Копаное Болото – Косариха – Клим – Угляны – Редьки.

К[омандующий] а[рмией] г[ражданин] г[енерал] Ломновский».

Итак, завтра начало операции. Помоги, Господи.

20-й корпус – 115-й Вяземский полк выдал прапорщика Уварова и 72 зачинщиков, которые отправляются в Минск.

Остальные разоружены.

Полки 114-й и 116-й просят их не разоружать, а вести на участок, согласны наступать.

1-й Сибирский – наштакор говорил, что еще не все части охотно идут на места.

38-й корпус – есть полки, не согласные на наступление.

Часть 3

Начата 6 июля 1917 года –
окончена 20 ноября 1917 года

Самые тяжелые последствия бывают от легкомыслия.

Не может человек вредить ближнему, не вредя себе самому.
Не мудрено Голову срубить, а мудрено приставить.

1917 год

6 июля

Особая эра — первый день артиллерийской подготовки. В 5 часов 5 минут, как сообщил комкор 38, был сделан первый выстрел.

К началу стрельбы были поставлены 7-я батарея литера «Г» (наконец-то) во 2-м Кавказском корпусе, 8-я батарея «Г» в 1-м сибирском корпусе, пришедшая два дня назад, и 9-я батарея «Г» штабс-капитана Карпинского (бывший 14-й бригады), пришедшая только вчера[1].

Этим дивизионом командует полковник Болдескул (тоже бывший 14-й бригады).

Целый день по телефону через Бениду собираю сведения о работе артиллерии. В штакоре 1-го Сибирского в Бенице находится дивизиона литера «Г» поручик [Литовцев][2] и к вечеру прибыл управления 203-й бригады прапорщик [...][3]. Они сидят на телефоне и получают сведения от полковника Шелля, который находится при генерале Бодиско.

Днем можно было уже говорить с 38-м корпусом и получить от генерала Мальковского сведения о работе артиллерии 38-го корпуса. С 20-м корпусом (инаркор 2-го Кавказского) до ночи связи не установлено и получено только донесение, что все намеченные на этот день задачи выполнены.

Подготовка идет успешно, проволока просекается чисто, окопы разрушаются.

7 июля

Ночью получил от генерала Шихлинского длинную записку с замечаниями главкозапа, который был на наблюдательном пункте в 38-м корпусе.

[1] Батареи, укомплектованные 203-мм гаубицами Виккерса, по 12 орудий на батарею.

[2] В оригинале фамилия написана неразборчиво.

[3] В оригинале фамилия пропущена. По-видимому, А.М. Сиверс хотел дописать фамилию офицера, но не узнал ее.

Существенного ничего, но есть пункты, нарушающие все мои упорные старания убедить корпуса, что разрушить окопы по всей линии нельзя – не хватит орудий, а при наличном числе орудий нельзя из них выпустить нужного числа снарядов, стало быть, надо, характер разрушения должен быть различным на разных участках позиций: против проходов в заграждениях и на фланкирующих фасах разрушение полное, на остальных же в зависимости от их значения или только завалить окопы или даже только держать под огнем.

Главкозап же требует работы тяжелой артиллерии на всем фронте.

Затем и другое требование главкозапа неодобрительно – это усиление огня за два часа до атаки. Усиление огня подчеркивает наш переход в атаку, а усиление его за два часа даст возможность противнику подтянуть резервы как раз ко времени нашей атаки. Кроме того два часа интенсивного огня утомят артиллерийских номеров[1].

[1] Так вспоминает этот случай Али-Ага Шихлинский:
«Главнокомандующий мне сказал, что нужно участить стрельбу:
– Прикажите, чтобы артиллеристы стреляли чаще.
Я сказал, что такая стрельба невыгодна:
– Вы видели, какие результаты достигнуты, а при частой стрельбе ухудшится точность стрельбы. Все будет затянуто дымом разрывов снарядов.
Он на это возразил:
– Мы на Юго-Западном фронте так стреляли.
Я ответил:
– Австрийцы бегут и от дыма, но немцев надо повалить. Кроме того, это вызовет большой расход снарядов и преждевременную порчу тяжелых орудий, которые рассчитаны на ограниченное число выстрелов.
Он тогда обратился к начальнику штаба и сказал:
– Профессор, видите, этот артиллерист нас с вами считает дураками. Напишем сами командующему армией, чтобы участили стрельбу.
Я, ни слова не говоря, повернулся и ушел в свой вагон. Через четверть часа я принес им копию депеши, которую послал инспектору артиллерии генералу Сиверсу. Депеша была приблизительно такого содержания:
"Главнокомандующий сегодня посетил артиллерийские позиции. Работой артиллеристов остался отменно доволен, но желает участить стрельбу, чтобы создать музыку в нашем расположении от звуков выстрелов, а в расположении противника – от треска разрывов и легких осколков. Это повысит дух нашей пехоты и подавит дух противника. Предлагаю вам сообщить об этом вашему командующему и инспекторам артиллерии всех трех корпусов, но предостеречь их от излишнего увеличения скорости стрельбы, которая может привести к преждевременной порче дорогих орудий крупных калибров и к излишним расходам снарядов.
Главнокомандующий требует почаще заглядывать в душу нашей пехоты и постоянно учитывать современное состояние ее духа".
Деникин взял эту депешу, прочитал и с улыбкой сказал:
– Профессор, а ведь он лучше нас написал». (*Шихлинский А.А.* Мои воспоминания. С. 166.)

Утром главкозап с наштазапом приехали к командарму — обсуждался вопрос о продлении подготовки на один день — решено. Главным мотивом не установившееся еще брожение в пехоте, намечено выделение элементов отказа волнующихся от выполнения долга или как теперь мода называть, отказывающихся выполнять «боевой приказ».

О своем недовольстве огнем артиллерии главкозап говорил уже в более личной форме, генерал Шихлинский «обещал» прибавить снарядов... Опять обещания, выполнит ли это генерал Похвиснев?

Большой ужас — 12 дм[1] для стрельбы имеют надобность в баллонах с сжатым воздухом, генерал Похвиснев отписывается тем, что из ГАУ телеграфировали, что 26 июля высланы. Оба дня сведения идут, что артиллерийская подготовка успешна. Пехотное начальство доносит, что окопы разрушаются, проволока просекается чисто. Ночью ходили разведчики и во многих местах побывали в передовых окопах немцев. В некоторых местах их встречали ружейным и пулеметным огнем.

8 июля

Подготовка продолжается — как всегда 38-й корпус оставляет себе выход на всякий случай. Вчера была телеграмма, что окопы отлично разрушены, а сегодня донесли, что наши разведчики везде из первой линии были встречены огнем противника. Может быть, и просто не дошли, сообщив, что помешал огонь, а комкор с охотой отметил, чтобы иметь данную, что недостаточно все разрушено.

Между 16 и 20 часами ездил в Понизье штакор 20, но инаркоров ни 2-го Кавказского, ни 20-го не видал. Генерал Руднев был на наблюдательном пункте, а генерал Вешняков неизвестно где. У генерала Руднева на наблюдательном посту были генерал Шихлинский и генерал Шейдеман.

Общее мнение артиллерийских генералов, что разработка операции в артиллерийском отношении сделана хорошо.

Наши противобатарейные группы борются с артиллерией противника, но все же его огонь силен. К сожалению, не утаишь — был бы он еще сильнее, если бы не было противобатарейных групп или действительно эти группы заставляют замолкать часть батарей противника настолько, что его огонь значительно слабее, чем бы он мог быть. Корпуса систематически сообщают, что наши батареи тушили неоднократно батареи неприятеля.

[1] 305-мм гаубица Обуховского завода особой мощности (см. приложение Б).

9 июля

Сегодня с 7 часов утра наша пехота перешла в наступление – 1-й Сибирский и 38-й корпуса двинулись вперед и быстро прошли первую полосу укрытий противника. 1-й Сибирский корпус доходил до д. Мыксы, но... к вечеру все-таки удержался впереди на месте д. Гладово – Фердинандов нос в Богушинском лесу.

38-й корпус занял первую линию, неприметные постройки Крево, линию опорных пунктов, дошел до Попелевичского леса и согнал батарею у Томасовки, которая «ускакала». К вечеру в виду «распространившихся» слухов, что соседняя 16-я Сибирская дивизия осадила, весь корпус вернулся в свои окопы.

20-й корпус – 113-й полк отказался идти совсем, остальные полки 29-й дивизии залегли у проволоки, 51-я дивизия продвинулись вперед, частично заняв окопы противника, 28-я дивизия залегла. К вечеру все вернулись в свои окопы, а 51-я дивизия стала уходить с позиций массами.

10 июля

Уход с позиций к ночи начали в 1-м Сибирском корпусе, принявший значительные размеры за ночь. Мотивом – «выполнили задачу – нужна смена и отдых».

Наштарм говорил, что в наших руках в 1-м Сибирском корпусе было 14 немецких орудий, но... все впустую при таких совершенно развращенных солдатах.

Противника перед нами мало, артиллерия его хотя и ведет очень сильный огонь, но временами, очевидно, или ее мало, или наша артиллерия держит ее за горло. Наша пехота так легко прорвала несколько линий. Казалось, что прорыв мог быть грандиозным.

Между тем... уходят с позиций не только одиночные люди, но целые роты – полки. Победа была в руках и из рук ускользает. Вот он где развал армии, вот где отменнейшая дисциплина, вот где приказ № 1 и декларация прав!

Сплошной ужас, а что если немцы, увидав деморализацию наших войск, подвезут кое-какие резервы и двинутся сюда – ведь это все побежит. Можно ли при таких условиях не только воевать, но и обороняться?

Этим позорным наступлением разрушена иллюзия подобия стойкой обороны.

Мы все пухнем, изобретаем увеличение штатов, а между тем, пожалуй, вернее было бы сокращать, чтобы быть готовыми даже к позорному отходу.

Так все неимоверно тяжело и позорно, что нет сил записывать.

Правительственные комиссары, приехавшие сюда для... ну как сказать, для контроля, для налаживания, для уговора — их функции в сущности не ясны и их полномочия официально не известны; вначале говорили тоном вершителей судеб и намекали, что в их руках — смена неподходящих начальников. Теперь они заговорили другим голосом — заметна растерянность: я бы думал, как вы полагаете и т.д.

Самовольный отход частей с занятых уже позиций уже вселил тревогу за целость наших батарей. Генерал Руднев спрашивает, нельзя ли отвести не имеющие больше снарядов батареи крупных калибров. Пришлось передать, что «ни в коем случае». Воображаю, как отнеслись бы «товарищи» к отводу батарей — пожалуй, тогда уже совсем удрали.

11 июля

Плохие вести приходят с Юго-Западного фронта: сначала кучки, затем полки и даже дивизии самовольно покидают окопы и уходят даже без нажима противника. По-видимому, наша тяжелая артиллерия досталась в руки немцев. По немецкой радиотелеграмме трофеи не поддаются сейчас учету. Какой позор!

Начали приходить телеграммы Керенского о применении «всей власти» (какая жалкая ирония) до вооруженной силы включительно против изменников и подстрекателей. Хорошие речи, но где взять выполнителей, согласных применить вооруженную силу.

Пусть военмин и правительство вернут дисциплинарный устав. Эту мысль, которую я уже два дня проповедую, Союз офицеров, бюро которого в Ставке, воплотил в телеграмму, адресованную всем министрам, главнокомандующим и командующим.

Отлично составленная телеграмма, когда получу, кое-что впишу.

Утром был у командарма, докладывал о снятии с позиций литерных батарей, не имеющих снарядов, и просил снять с позиций батареи литера «В».

Около 13 дня поехал в Шлямки к полковнику Шеллю, дорога сносная, хотя от д[ома] лесника и до Угляны отчаянная, пришлось остановиться и надеть цепи на колеса.

В Шлямках пробыл более часу — узнал, как организовать погрузку материальной части.

К 20 часам был дома.

12 июля

С Юго-Западного фронта приходят совсем неутешительные вести, наши части отходят без малейшего нажима со стороны немцев. Даже полки 1-го Гвардейского корпуса не отличаются от других, и только Преображенский и Семеновский еще не совсем погрязли в охватившем всех безумии.

Теперь правительство забило тревогу – вечером говорили о введенной смертной казни за некоторые воинские проступки. Приказом Керенского разрешено применение вооруженной силы для поддержания требований начальства. В армии идут разоружения 703-го, 704-го полков, а также банд 1-й Кавказской гренадерской дивизии, не пожелавших перед операцией принять участие в бою. Предъявляются требования выдать зачинщиков.

Отдан приказ, чтобы армия заняла оборонительное положение. 112-я дивизия[1] спешно направляется в Финляндию, очевидно, там тоже чувствуется что-то неладное. Очень неудобно соседство «отдельной Финляндии» по соседству с Петроградом.

13 июля

Из состава армии уводят 10-й корпус – на Юго-Западный или Румынский фронт.

Введена смертная казнь на местах военных действий, какие преступления будут ею караться, будет сообщено в ближайшие дни. Поможет ли это, ведь это снова только угроза. Во-первых, за все казнить не будут, а во-вторых, кто будет приводить приговоры в исполнение – как бы не оказалось это одним только жестом.

Нужнее, важнее, главнее – введение дисциплины.

Вызывал сегодня полковника Шелля для беседы по поводу погрузки и увоза в Ельню всего 13-го дивизиона (12 дм).

Вызывал также и подполковника Шуттинга относительно увода 15-го и 35-го воздухотрядов.

14 июля

Как-то не налаживается совместно работа со штармом. Слишком тесно соприкасается дело, а между тем связи нет. Когда оперативному отделению нужны справки, схемы, сведения они обращаются ко мне и очень

[1] 112-я пехотная дивизия входила в число дивизий третьей очереди, сформированных в 1915–1916 гг. из ополчения и новобранцев; была в составе Западного фронта и приняла незначительное участие в наступлении под Барановичами.

недовольны (мелкие чины), когда чего-либо даже не могу. А между тем ни одна бумага, поступающая в штарм по артиллерийской части, не передается мне. Даже телеграмма оперативного характера, директива передвижения мне не сообщается, хотя, казалось бы, нетрудно делать надпись на всех телеграммах — «Инспартарму».

Постоянное выпрашивание надоедает и утомляет, в конце концов, это совершенно ненормально.

Ни одно требование по части выполнения задач авиацией не выполняется.

Правда и время такое, что все эти вопросы казалось бы первой важности отходят на второй план из-за безобразий, творящихся в пехоте. Теперь самое главное — это разложение пехоты, удержание ее хотя бы в границах внешней дисциплины. Обидно, что ни от командующего, ни от Главнокомандующего не было ни одного слова привета артиллерии за ее великолепную работу. Надо же отдать полную справедливость, что только благодаря искусно разработанным планам артиллерийской подготовки и отличного выполнения 6, 7 и 8 июля, наша теперешняя пехота могла прорвать укрепления немцев, взять Крево, о неприступности которого ходило столько рассказов.

Что говорить — что ни делай артиллерия, она всегда будет в тени. В такое смутное время артиллерия не поддалась общему развалу, и точно по приказу раздался ее первый выстрел.

Конечно, это долг, но в настоящее время тех, кто исполняет свой долг, не так много.

Получил письмо от генерала Михайловского (командира лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады): артиллерия проделала проходы, разрушила укрепления и пехота свободно заняла несколько линий, прошла вперед до батарей, остановилась и потребовала «наступать», а затем — затем отошла назад... Совсем как у нас!

Про отличные действия артиллерии, давшей пехоте возможность свободно занять укрепления противника пишет и генерал Некрасов (комарт 202).

Сегодня в ночь уехал в Минск командарм, вызванный к главкозапу.

Получена телеграмма о выводе всех крупных калибров «А», «Б», «В», «Г», и «Т»; батареи 6-го и 9-го осадного дивизиона, а также литера «Е» оставлены условно[1], что это означает, не знаю. Приказано с фронта лишь беречь их снаряды.

[1] См. приложение Б.

15 июля

Вернулся утром из Минска командарм – завтра главкозапа вызывают в Ставку, где будет Временное правительство, генерал Деникин, генерал Клембовский; говорят, приглашены генерал Алексеев, Гурко, будто бы Рузский. Кто еще – неизвестно. Очевидно, будет решаться вопрос о создавшемся положении и надо надеяться, что решат же, наконец, и вопрос о введении настоящей дисциплины.

Между прочим, говорили, что на письмо Брусилова к Деникину о необходимости строгими мерами бороться с развитием пропаганды большевиков, очевидно указана «смертная казнь», рекомендуется отрешать начальников, не умеющих установить порядок, и т.д.), генерал Деникин ответил, что он не вполне согласен с главковерхом, что большевики ему представляются не более как червями, разъедающими гнойные язвы, что эти язвы образовались от уничтожения дисциплины, а вовсе не от пропаганды.

Второе определение – всякое хождение вокруг да около и боязнь сказать настоящее характерны для генерала Брусилова.

Даже генерал Корнилов в своей горячей телеграмме не вполне твердо указал на необходимость теперь же, пока не поздно вернуть старый дисциплинарный устав и те пункты устава внутренней службы, которые отменены.

Сегодня с 6 часов утра весь участок 2-го Кавказского (20-го корпуса) – от Шалудьки[1] до «к Сутк»[2] – передан 1-му Сибирскому корпусу, вся артиллерия также подчинена комкору 1-го Сибирского.

Приказано передать во 2-ю армию 2, 43 и 57-й тяжелый дивизион, а в 3-ю армию 4, 53 и 55-й тяжелые дивизионы и 3-ю батарею 50-го тяжелого дивизиона.

В армии оставлены 32, 51, 52, 54 и 4-й Сибирский тяжелые дивизионы; а 6-й и 8-й тяжелые, 6-й и 9-й осадные 1, 2 и 3-й дивизионы литера «М», 1-й и 2-й дивизионы литера «Е» оставлены временно. В резерв Главказапа отводятся 17, 18, 1 и 2-й Ивангородские тяжелые дивизионы.

Получил из Петрограда, что убит снарядом во время разговора с батареей лейб-гвардии 2-й бригады полковник Иевреинов.

В боях в бригаде же убит еще штабс-капитан Симанский, ранены подполковник Исаев и штабс-капитан Радкевич.

[1] В настоящее время поселок Светоч под Сморгонью.

[2] Имеется в виду дорога к деревне Сутково (в настоящее время Сутьково Синьковского сельсовета Сморгонского района). На старинных картах отметка «к Сутк» располагалась возле Спасо-Преображенского кладбища южнее Сутково.

Какой наглый и самодовольный вид у правительственного комиссара прапорщика Гурвица! Типично жидовские свойства.

Вечером за ужином прощались с подполковником Раттелем, получившим место в Ставке. Жаль его отъезд — очень порядочный человек, на его место назначен капитан Говоров — порядочный хам, из семинаристов.

16 июля

Работы в штарме много, но зато и аккуратности нет: писали телеграмму об отправке литерных батарей, все написали, а литеру «Б» пропустили. В сущности все лежит на одном капитане Манакове — ему не под силу эта масса всевозможной переписки, а помощников нет. Кроме того, «свобода» естественно развивает свое ядовитое начало и в офицерскую среду. Работников за совесть очень мало было всегда, а теперь естественно, что раз «за страх» отменено, то получается картина пренебрежения к делу. Исполняется лишь то, без чего нельзя обойтись, а лишнее, сверхурочное... ну об этом мало кто нынче думает.

Так много есть что записывать, и так мало времени для этого, что забываешь занести многое любопытное. Так, я совсем не отметил появление у нас правительственных комиссаров. Несколько дней болтался у нас комиссар при главкозапе капитан конной артиллерии Калинин, его прошлое — агитация в войсках, шесть лет каторги и два года поселений. Он принимал участие в выводе и разоружении солдат, не пожелавших исполнять боевые приказы. Другой тип, прапорщик Горвиц (или Гурвиц) — жид, выполняет ту же роль, хвастает, как он все великолепно инсценировал, горд своими «успехами» невероятно. Был еще поручик Романенко — он еще почтеннее других, так как во время операции был впереди и подталкивал на наступление, но на днях был убит, и труп его изуродован, кажется солдатом 38-го корпуса. Он начал разговор с офицерами полка, подошли солдаты-делегаты слушать, о чем Романенко говорит отдельно с офицерами. Это подслушивание и контроль его, «правительственного комиссара», возмутило, и он приказал их арестовать. В ответ на это послышалось в солдатской толпе: «штык» — «провокатор», раздались выстрелы, которыми он был ранен или убит, а затем толпа набросилась на него[1].

Грязные, позорные сцены.

[1] Случай описан в книге: Гончаров В.Л. 1917: Разложение армии. Док. № 150 (Телеграмма комиссара Западного фронта военному министру).

Презираю этих комиссаров, так как нахожу оскорбительным для начальников контроль таких или младенцев, или прохвостов.

Ведь, кажется, всерьез воображают, что они господа, своими разговорами что-нибудь, но могут, что-нибудь сделают.

Их успех достигался до сих пор, когда они напускали на себя «мнимую» строгость, толпа все же труслива и призрак чего-то серьезного, какие-то чары заставляет слушать, но ведь известно, что когда кто-то крикнул, что «король голый», все сразу увидали наготу. Так и здесь: «призрак» силы исчезнет, они также ничего не смогут сделать. Пока им помогают не их таланты, а та фирма, под которой они работают – правительственные комиссары.

Толпе надоест их слушать, и обаяние фирмы исчезнет, как быстро исчезло обаяние приезжих ораторов, примеры – Соколов и Романенко. Это у нас на глазах – вероятно, и в других местах тоже.

Как люди слепы, неужели не видят, не понимают, что солдат поверит в конце концов только своему офицеру, но при условии, что престиж офицера будет поднят, что у офицера будет реальная власть, что будет восстановлена дисциплина – этот единственный рычаг, двигающий массами в бою.

Получил панический рапорт командира дивизиона литера «А» полковника Бибинова:

«Учитывая неустойчивость нашей пехоты, настроение которой очевидно не блестящее, раз солдатами полка корпуса, который один только и действовал очень удачно в предшествующей атаке, убит комиссар Временного правительства. Имея недавний печальный опыт 11-й армии, принимая во внимание все изложенное и учитывая, что во всей России у нас имеются всего 16 орудий литера «А», прошу Вашего распоряжения о снятии с позиций и отводе в резерв батарей дивизиона. Если Вы не считаете возможным взять на свою ответственность такое распоряжение, прошу мой рапорт представить вашему начальству. О последующем не откажите уведомить».

Первый раз приходится иметь дело с подобным господином.

Вечером над Молодечно произошел воздушный бой, два наших аппарата пытались атаковать трех немцев. Пострадавших не оказалось, хотя впечатление было, что один немец стал быстро спускаться вниз.

17 июля

К 15 часам был в Бенице у ген[ерала] Бодиско, куда пригласил начальников главнейших групп разрушения и нач[альники] противоартилле-

рийских групп.— Собрались полковники Шелль, Подставкин, Боголюбов, Глазков, Бардадымов, Котович и Калатилин. Разбирали существенные вопросы: 1) по поручению командарма выяснить количество дней артиллерийской подготовки по опыту бывшей операции и 2) надобность и польза противоартиллерийских групп, их состав и работа.

Просил всех собравшихся прислать мне по этим вопросам свои мнения, из которых затем составлю доклад командарму. Любопытная острота— операция окрещена—вооруженный грабеж с артиллерийской подготовкой!

18 июля

Комкор 3 самочинным порядком выделил из каждой бригады корпуса по одной батарее и создал для 171-й дивизии «сводный дивизион». Теперь он подал рапорт о том, чтобы этот дивизион закрепили, так как по донесению начдива 171 генерала Егорьева «как-то случилось», что офицеры и солдаты стали носить на погонах цифру 171.

Вполне согласен с комкором 3 и приветствую его решение дать дивизии свою артиллерию, если высшее начальство, создавая в корпусах новые дивизии, само не позаботилось организовать для них артиллерийские части.

По приказанию командарма составил доклад о сформировании артиллерийских дивизионов для 175-й и 16-й Сибирской стрелковой дивизий, также не имеющих своей артиллерии. Формирование возможно путем выделения одной из батарей тех бригад, где имеются седьмые позиционные батареи.

Крайне желательно, конечно, восстановить как восьмые батареи, так и доформировать седьмые до нормального штата легких батарей.

Вопрос весь в лошадях—будет ли возможность получить нужное число лошадей. Относительно штата тех же дивизий, не имеющих парков, казалось бы, что следовало составить также парковые дивизионы и тоже путем выделения одного из парков тех дивизионов, где сейчас имеются по три парка.

Это тоже помещено в доклад командарму.

Немцы делают теперь налеты, пользуясь хорошей погодой, и бросают бомбы в районе станции, санитарного городка Буховщины.

Местные жители полагают, что немцы бросают бомбы потому, что там стояла автомобильная батарея. По просьбе командира батареи, чтобы не было нареканий, он отводит ее вперед к д. Огородники. Теперь приходится считаться не только с условиями боевой надобности, но и с настроением.

19 июля

В 8 часов утра выехал с командармом в 1-й Сибирский корпус. В Бенице захватили генерала Бодиско. Поехали дальше на наблюдательный пункт в районе Саковичи, на пункт начальника группы полковника Исаева, мортирной батареи и 3-й батареи 2-й Сибирской стрелковой бригады. Затем прошли по Варесовскому лесу до опушки в направлении на д. Драки[1]. Командарм интересовался возможностью наблюдения за огнем артиллерии в случае прорыва немцами в каком-нибудь месте нашей позиции. В этом случае передовые пункты не будут действовать, и командиры батарей останутся без глаз. Естественно вытекает надобность обеспечить себя или наличием более тыловых наблюдательных пунктов, или же боковых.

По условиям местности то и другое очень трудно, по-видимому, командарм это понял и уже не настаивал, попросил генерала Бодиско и бывших тут же артиллеристов принять меры, чтобы извлекать средства, чтобы иметь возможность вести артиллерийский огонь не вслепую, а при наличии таких наблюдательных пунктов, которые давали бы возможность наблюдать атакованных немцами участков.

Вернулись около 16½ часов от генерала Деникина. Командарм узнал, что вместо генерала Брусилова Верховным главнокомандующим назначен генерал Корнилов. Какие приняты еще решения по телефону, главкозап не сообщил.

Однако назначение генерала Корнилова после его определенной телеграммы показывает, что политика пожимания солдатских рук оставлена и можно ждать поворота к более реальной дисциплине.

20 июля

Ночью был налет немецких аэропланов — говорят, сбросили 13 бомб — были ли жертвы, не знаю. Пулеметы трещали и разбудили, как будильник.

На место Корнилова главкоюзом назначен генерал Черемисов. Совсем молодой генерал. Не одобряю такие скороспелые назначения — случайная удача выдвигает человека, не имеющего опыта руководства операциями большого масштаба. Если человек хорош на своем месте — и держи его, а то с этого места срывают, а затем, как Гутора, при неудаче сейчас же гонят прочь.

Впечатление то, что младенцы стоят у верхов или же проводят «своих».

[1] В настоящее время деревня Весенняя Сморгонского района Гродненской области.

Нет никакой устойчивости, нет солидности. Какая может быть вера в начальника, когда чувствуешь, что у него мало опыта, и еще не знаешь, что из него выйдет; одна «фирма» высокие должности — еще не гарантия успеха.

Если Алексеев, Гурко поднимали голос во имя блага и настоятельной необходимости, то будет ли решимость у этих новых «молодых» начальников общий интерес поставить выше своего я, во-первых, и смогут ли они подняться до этого — во-вторых? Не все Корниловы, да и он, в сущности, не из очень молодых категорий Деникина, Черемисова и других, он командовал дивизией, кажется, еще в мирное время[1]. В пришедшем сегодня номере «Русского Слова» имеются доклады комиссаров при армиях, которые в газете наименованы «представителями армии». Ну, Бог с ними, не в названиях дело. Путают много.

Но возмутительна «речь» «представителя» 10-й армии жида Венгерова.

Вклеиваю этот «исторический документ» наглой лжи и передержки фактов.

«**Доклады.**

Речь представителя 10-й армии

Первым выступает представитель 10-й армии Венгеров:

— Перед наступлением настроение армии определялось чувством общей усталости и естественным нежеланием идти на смерть, и в этой усталости, а не в чем-либо ином, надо искать причину создавшегося на фронте положения.

Нельзя сказать, что все явилось плодом преступной агитации большевиков и их органов. Роль прессы, ведшей агитацию против наступления, была второстепенной, но лозунги, которые эта пресса бросала в солдатские массы, подхватывались бывшими жандармами, городовыми и другими темными элементами, в том числе, вероятно, и немецкими агентами. Разложению армии способствовала также и посылка туда пополнений. Вливавшиеся в армию маршевые роты численно увеличивали количество штыков, но не увеличивали боеспособности армии, а, наоборот, понижали ее. Особенно ясно это стало перед приказом о наступлении. Несмотря на численное превосходство и технический перевес нашей армии, несмотря на полное сознание возможности до-

[1] До начала мировой войны Корнилов командовал бригадой в 9-й Сибирской стрелковой дивизии (4 июля 1913–11 сентября 1914).

стижения успеха, двигать полки на позиции стоило колоссальных усилий. При передвижении войск некоторые части отставали, и полки приходили на позиции в уменьшенном составе. Тем не менее, наступление началось с небывалой энергией; но столь же быстро, как эта энергия проявилась, в армии наступила реакция. Некоторые полки не только отказывались идти в наступление, но не пожелали очистить свои места для других и отказывались, несмотря на категорический приказ уйти в тыл. При таком положении переходившие в наступление полки начали быстро таять. Ввиду отсутствия пополнений, настроение полков сильно падало, и этим надо объяснить быстрое отступление нашей армии. К полкам, не желавшим подчиниться приказу и пойти в наступление, применялись репрессивные меры, преимущественно в виде расформирования этих частей. Прибегать к расформированиям слишком часто не следует; как показал опыт, оружие это обоюдоострое. Если полк, подлежащий расформированию, переводится целиком в тыл, то это вызывает зависть на фронте. Если же солдаты расформировываемых полков распределяются по другим полкам, то они оказывают развращающее влияние на эти полки, деморализуют их, разлагают. Офицерство, особенно младшее, проявляло несомненный героизм, но оказалось совершенно неспособным к организационной роли. Офицерство было бессильно двинуть полки; здесь значительную роль сыграли представители общественных организаций и комитеты войсковых частей. Представители совета рабочих и солдатских депутатов должны были принять по существу не свойственную им роль — роль командного состава, и, надо отдать справедливость, они с этой ролью справились с честью. Среди высшего командного состава имеется безусловно контрреволюционное настроение. Высший командный состав против демократизации армии. Практика показала, что если еще возможно спасение армии, то только путем укрепления демократических армейских организаций. Роль армейских комитетов, особенно организационная их роль, колоссальна. Если бы не было этих комитетов, у нас сейчас армии совершенно не было бы.

Речь представителя 5-й армии.

Представитель 5-й армии Козлов, присоединяясь к докладу Венгерова, говорит:

— Первая весть о свободе пришла в некультурную среду, особенно если учесть состав пехоты, куда направляются самые малосознательные мас-

сы. Новые буквально. «Переворот» понимался как освобождение от всяких тягот не только царского режима, но и вообще как освобождение от всяких обязанностей. Самое слово «свобода» было принято буквально в анархистском смысле. «Равенство» понималось в том смысле, что все, от кашевара до министра, должны получать одинаковое жалованье. Некоторые солдаты упрекали членов армейских комитетов в том, что они ездят на автомобилях, в то время как солдаты идут пешком. Всех тех, которые жили в лучших условиях, называли буржуями. Лозунги мира были приняты солдатскими массами в буквальном смысле: «Какая же там война, раз нужен мир?».

Основная причина отступления — развал воли армии. Долгое позиционное сиденье в окопах разлагало ее волю. Весть о революции вызвала творческую энергию в армии, но она вся ушла в организационную работу, и не хватило энергии для боевой работы. Весь командный состав оказался непригодным для выполнения функций этой организационной работы, и на сцену выступили лозунги о мире, разрушавшие волю. Потом пришел приказ о наступлении, который явился для пехоты смертным приговором.

— При обсуждении вопроса о наступлении,— продолжал оратор,— армия пережила три момента. Первый момент — когда армия должна была решить вопрос: нужно ли и вообще наступать?

Этот момент совпал с приездом Керенского и Брусилова, и вопрос был решен в положительном смысле.

Второй момент,— когда каждая часть должна была решить вопрос для себя самой, когда она должна была идти в бой, занять исходное положение, то есть должна была подойти вплотную к смерти. Что, господа, может побороть страх в человеке, идущем на смерть? Честное сознание того, что это нужно, или же твердая воля подчиниться большинству? Ни того, ни другого у нас не было. Страх перед смертью можно побороть еще гипнотическими действиями всех боевых манипуляций, но этого также не было, и мы должны были сказать: если ты не хочешь смерти там, то получишь ее здесь. И мы, демократы, должны были скрепя сердце решиться на то, что будем стрелять в своих братьев. Но ни одной капли крови не пришлось пролить.

Третий момент — это самый момент боя, когда полки после артиллерийской подготовки должны идти в атаку. «Батальоны смерти» доблестно пошли вперед. Они подошли на сто шагов к батарее противника, и если бы у них хватило достаточно действенности, то был бы осуще-

ствлен тот прорыв, о котором нельзя было и мечтать. Но здесь сказался весь ужас нашего положения: первые смельчаки пошли вперед, а вторые не решились их поддержать, заняли оставленные ими окопы и никого не пускали на поддержку передовых частей. Но, и оставшись в окопах, они пострадали не меньше; большая часть их полегла, так как они служили неподвижной мишенью для неприятельских пулеметов.

Переходя к последним событиям, делегат заканчивает:

– Контрреволюция не пугала нас. Мы, революционная действующая армия, готовы смести с пути явную контрреволюцию. Но когда мы чувствуем, что правящую власть начинает бить контрреволюционная лихорадка, и когда появляются признаки гниения, мы теряем уверенность, что контрреволюция себя не проявит, и нам делается жутко».

Надо сказать, что Венгеров был в армии всего 5–7 дней. Сколько надо иметь наглости и нахальства, чтобы считать себя осведомленным в настроении армии и причинах? Очевидно, что не детальное, серьезное, честное изучение того, что происходит в настоящее время нужно этим господам. Им нужно во что бы то ни стало убедить всех и каждого, что не пропаганда и ораторы с их декларациями прав разлагают армию, а «естественная» усталость «товарищей», которые со дня революции абсолютно ничего не делают. Какая разница в речи «представителя» 5-й армии – он честно говорит, в чем дело, он правдиво излагает, как были поняты солдатами переворот, свобода и равенство. Не знаю, кто он – но фамилия русская, Козлов. Жид всегда останется жидом с его жидовскими приемами. Ему нужно провести «необходимость» войсковых комитетов, он не стесняясь говорит, что их роль колоссальная, без них не существовало бы армии, так как офицерство не способно к организаторской деятельности, а высший командный состав безусловно настроен контрреволюционно.

Речь Венгерова настолько погана, что о ней не следовало бы и говорить... Но она очень ярка в ряду текущих событий, и потому не записать о ней нельзя.

Тяжело переживать это.

На днях генерал Добрышин говорил, что следовало бы всем главнокомандующим и командующими сказать решительное слово: или дисциплина, или мы уходим. На это генерал Ломновский чистосердечно и правдиво возразил – найдутся другие. Вот это несчастье, это было бы болото, черти будут. Коли на должности командующих войсками идут полков-

ники, генералы, только что надевшие эти погоны, поручики, то на армейские должности пойдут многие, воображая себя способными быть крупными военачальниками. Яркий пример — генерал Марков. С его назначением наштазапом я не могу помириться.

21 июля

Устал, устал душой, пора уходить!

Может быть, я и мог бы еще приносить пользу, но сейчас устал, надо отдохнуть. За всю войну я не отдыхал как следует, не обновлял своих сил, а теперь три года напряжения нервов сказываются.

Не могу сейчас ясно определить усталость ли, или вообще весь уклад прошлой жизни причиной тому, что я не могу хладнокровно видеть и быть свидетелем всего происходящего. Я сознаю, что должны быть борцы во имя лучшего будущего, но сейчас в их ряды я стать не могу. В настоящую минуту уже нет больше нужных сил.

Я сознаю, что это так, но привычка к выполнению долга еще колеблет решение уйти. Надо решить вопрос, что важнее — не отстраниться от работы, напрячь все последние силы, пока они не сдадут уже явно, или я могу уйти, так как той уже работы, которую я давал до сих пор, я дать не могу. Имею ли я право устранить себя?

22 июля

Ездил в Минск — выйти из ежедневной обстановки. Полтора часа стояли в поле — сломались головки болтов ведущей шестеренки, еще счастье, что быстро заметили, а то бы поломались зубья шестеренки и тогда ни взад, ни вперед в 20 верстах от Минска. Разбирали весь ведущий механизм.

В Минске заходил к генералу Шихлинскому. Из новостей потрясающего характера арест генерала Гурко в Петрограде, говорят, за какое-то письмо Государю уже после революции, говорят, за руководительство какой-то партией для восстановления прежнего строя. Мало ли что говорят — но самый арест генерала Гурко возмутителен, я глубоко верю, что он порядочный человек и что в заговорщики не пойдет. Он будет действовать открыто.

Рассказывают также инцидент в Ставке — на заседание 18 июля Брусилов пригласил Гурко, однако когда тот приехал, Брусилов сконфуженно передал ему, что вышла ошибка и Керенский не желает его видеть. Тогда Гурко вошел в вагон Керенского и как говорят высокие чины... был бой (словесный), а по рассказам адъютантов было так: при входе Гурко,

Керенский встал и протянул руку. На это Гурко заложил свои руки назад и сказал, что он не пожмет той руки, которая подписала акты, разложившие армию и доведение ее до позора, до предательства родины; если же эта рука восстановит разрушенное и даст победу России, то эту руку он поцелует.

Было так – Бог их ведает. Но самый рассказ показывает, на каком высоком пьедестале стоит Гурко – и его арестуют!

Говорили про политический маневр Керенского, который, видя неуспех переговоров о формировании Кабинета, подал в отставку – собрались советы, заседания, пошли воззвания и просили Керенского «княжить и править».

Прошел слух, что убит командарм 11 генерал Эрдели своими солдатами.

23 июля

Вернулся ночью, во втором часу. В мое отсутствие получены были телеграммы о подаче вчера же составов для тяжелых батарей – хаос был невероятный, но, тем не менее, все как-то грузилось и постепенно уходило. Ушла автомобильная противосамолетная батарея, пробывшая у нас очень не долго.

Целый день шли погрузки, все время справлялись, кто и когда ушел, но точных сведений получить не удавалось.

Получил очень милое письмо от командира 2-го дивизиона 62-й бригады подполковника Маркова, где он за себя и весь дивизион благодарит за оказанную ему помощь. Дело в том, что когда освободили его дивизион, то начальство хлопотало о назначении его командиром этого дивизиона, получился благоприятный ответ. Прошло несколько месяцев и вдруг прибывает другой подполковник, назначенный командиром этого же дивизиона.

Я послал телеграмму в Упарт с просьбой оставить подполковника Маркова и получил согласие полевого инспектора.

Вечером мне принесены «постановления» офицеров 9-го осадного дивизиона о том, что они считают пребывание командира дивизиона полковника Скобеева в их среде невозможным, так как он инициатор происшедшего в дивизионе судебного дела, пострадавшими в котором являются штабс-капитан, заведующий хозяйством и чиновник.

Постановление туманное, из которого, по-моему, четко сквозит просто желание напакостить Скобееву. Я предполагал поручить командиру 69-й бригады полковнику Надеину произвести расследование – команд-

арм же считает, что сначала надо вызвать старшего из подписавших, подполковника Линденера, чтобы узнать, в чем дело. Вот этого-то мне и не хотелось — лучше было бы ознакомиться с делом по объективному расследованию постороннего лица. Ну, попробуем по рецепту командарма — лично не сочувствую переговорам. Проще было бы сначала расследование и узнать закулисную подоплеку. Легче было бы узнать, где зарыта собака.

До чего доходит или наглость, или наивность комиссаров. В 38-м корпусе генерал Довбор-Мусницкий отдал приказ распустить дивизионный комитет (кажется, 175-я дивизия) ввиду его вредного направления, произвести новые выборы с условием, чтобы никто из прежнего состава в новый комитет не попал. Приехал к комкору комиссар Крыжановский и просил отмены приказа — генерал Довбор заявил, что это он скорее уйдет в отставку, чем отменит свой приказ. Ничего не добившись у комкора, комиссар написал начдиву, что «предлагает приостановить исполнение приказа комкора». Курьезно также волнение и возбуждение, охватившее армейский комитет, его председатель солдат Рубинштейн убеждал генкварта и заместителя комкора отменить приказ как незаконный, создающий нежелательный прецедент и, как последний аргумент,— что он может повлечь за собой крупные неприятности всем. Одним словом, все было пущено в ход, что полагается — от просьб до угрозы.

24 июля

Генерал Эрдели жив, по-видимому, слух о его убийстве — недоразумение.

Комкор 38-го генерал Довбор-Мусницкий ушел командиром 1-го Польского корпуса, на его место назначен генерал Добрышин.

Генерал Мальковский думает перейти к генералу Довбору, если тот получит Польскую армию.

Газеты подтверждают слух о письме генерала Гурко к Государю — его брат обещает опубликовать письмо, так как в нем нет ничего преступного.

Генерал Корнилов телеграфирует Временному правительству, что как солдат он привык к дисциплине, потому принимает назначение, но как Верховный главнокомандующий он требует, чтобы были приняты все его условия (газетная корреспонденция на обороте[1]).

[1] Текст вырезки из газеты приведен ниже.

«Действующая армия, 20.VII. Назначенный Верховным главнокомандующим генерал Корнилов послал председателю совета министров следующую телеграмму:

«Постановление временного правительства о назначении меня Верховным главнокомандующим, я исполняю как солдат, обязанный являть пример воинской дисциплины, но уже как Верховный главнокомандующий и гражданин свободной России заявляю, что я остаюсь на этой должности лишь до того времени, пока буду сознавать, что приношу пользу Родине и установлению существующего строя.

В виду изложенного, докладываю, что я принимаю назначение при условиях:

1) Ответственность перед собственной совестью и всем народом.

2) Полное невмешательство в мои оперативные распоряжения и потому в назначения высшего командного состава.

3) Распространение принятых за последнее время на фронте мер и на те местности тыла, где расположены пополнения для армии.

4) Принятие моего предложения, переданного телеграфно верховному главнокомандующему к совещанию в ставке 18 июля.

Докладываю, что лишь при осуществлении вышеперечисленных условий я в состоянии буду выполнить возлагаемую на меня правительством задачу и в полном содружестве с доблестным офицерским составом и сознательной частью солдатской массы привести армию и народ к победе и долгожданному справедливому и почетному миру».

Генерал Корнилов требует, чтобы был также отменен приказ о назначении главкоюзом генерала Черемисова, причины не известны, считает ли он его неподходящим, или потому что назначение состоялось без его ведома. Говорят, что Корнилов вызвал себе заместителем генерала Балуева, а потому назначением генерала Черемисова создалось неудобное для него положение. Может быть и это.

Однако хуже всего, что разносится слух о восстановлении оздоравливающей дисциплины, до сих пор не подтверждается, и посейчас нет никаких симптомов, показывающих намерение укрепить власть начальников, дать кроме власти и реальную силу проявлять эту власть.

Все это промедление не обещает ничего хорошего.

Один из честных комиссаров или вообще ораторов заявил, что дисциплина необходима и не только для боевых действий, но она нужна и, пожалуй, еще в большей мере при демобилизации, когда во-

оруженные толпы потекут на восток, уничтожая все на пути, подобно саранче.

Надо предотвратить грабежи, насилия и разрушение.

Однако, к прискорбию, все это одни слова, а когда перейдут к делу — что-то не видно.

А главное, что не видно — это и желания сделать что-либо в этом отношении.

25 июля[1]

Получил через инаркора 38 копию письма полковника Скобеева (командира 9-го осадного дивизиона) к одному из подписавших постановление. Прекрасное письмо, полное достоинства — он пишет, что просьба об удалении его из своей среды в виду возможных эксцессов с офицерским составом свидетельствует лишь о недисциплинированности подписавших. Эксцессы с солдатами — не допускает и мысли, так как облечен достаточной властью, авторитетом и, в крайнем случае, имеет оружие, а потому считает, что это добавлено для красного словца.

Его интересуют причины, в отношении старшего из подписавших он еще понимает, так как он является естественным заместителем, но злостное и враждебное отношение остальных ему непонятно.

Что касается образования негласных сумм и растраты части их, как он говорит в скобках — предполагаемой, то дело суда. Пристегивать же это дело к нему самозваному судебищу он не допускает, т. б[2]. что ни в каких денежных комбинациях для личных выгод не замешан.

Вообще считает, что, поднимая вопрос об удалении своего командира, собрание офицеров идет по стопам несознательных солдат, меняющих и даже арестующих своих начальников.

Если сравнить это письмо, полное гордого сознания своей правоты, с неразумным, нелогически редактированным постановлением офицеров, то сравнение не пользу офицеров.

Убедил командарма произвести расследование, поручив его полковнику Надеину. Вместе с тем командарм желает, чтобы был запрошен начальник ТАОН генерал Шейдеман, что он собирается предпринять по этому делу.

[1] В рукописи непонятно, с какого именно момента начинается текст записи от 25 июля.

[2] Так в рукописи.

26 июля

Со всех сторон идут слухи, что мы уходим отсюда — начал панические выкрики командир дивизиона «А» полковник Бибинов, самовольно захватил железнодорожный состав на ст. Полочаны командир 3-й батареи литера «А» подполковник Кондырев, приезжает командир парка литера «Е», с ужасом говорит, что ему дают снаряды, а между тем, не пора ли уходить. Является командир 23-го железнодорожного батальона за разрешением снять рельсы с артветки, дабы рельсы не достались немцам. Болтают и солдаты... Говорил об этом наштарму. Виноват в этом отчасти и штарм, предполагающий отправить фотометрическую часть в Минск и проверивший телеграфную линию на Борисов.

А ведь все эти разговоры могут поселить убеждение «товарищей», что отход решен, и давать отпор не надо. В такое время, при таких войсках — еще панические слухи.

Около 18 часов приехали четверо английских офицера, из них два по части артиллерии и тракторов. Случайно не ушла одна батарея литера «Г» капитана Карпинского, можно показать испортившиеся во время стрельбы гаубицы, а также тракторы-гусеницы Рустона.

27 июля

Сегодня утром вышел номер «Голоса 10-й армии» с нахальными резолюциями армейского комитета как по поводу инцидента с комитетом 175-й дивизии, так и по поводу печатания бюллетеней офицерского союза.

Командарм запретил печатание «Голоса 10-й армии» в казенной штабной типографии. Мера очень хорошая.

Всю ночь и все утро шел сильный дождь, а потому поездка в 9-ю батарею «Г» не состоялась, как предполагали утром. К 12 часам приехал капитан Карпинский, и решено было ехать в 14 часов. Пока подавали автомобиль штаба, выехать удалось только без четверти 15 часов. Поехали три англичанина.

К 15½ часам были в Груздове, где в леске стоит батарея. Огромные гаубицы 8 дм почти 20 калибров длиной, первый образец этих гаубиц Виккерса худший, следующий образец строится на заводе Армстронга — им вооружены все остальные батареи[1].

Преимущество этих гаубиц, что у них снаряд имеет 38 фунтов разрывного заряда, а у второго образца всего 18 фунтов. Однако увеличение

[1] Имеются в виду гаубицы Виккерса первой и второй доставки, имеющие существенные различия между собой.

разрывного заряда пришлось сделать за счет утоньшения стенок, вследствие чего при первом смещении снаряда он очевидно сплющивается и производит сильное давление на стенки гаубицы — в обоих орудиях получились срезы и заусенцы нарезов, а в одном и раздутие средней части.

Смотрели движение тракторов Рустона — мощные машины, тащат четыре тяжелые повозки, очень поворотливы, неровности и канавы для них не составляют препятствий. Гусеничные колеса изумительно удобны.

Вернулись вскоре после 18 часов.

28 июля

Говорят, армейский комитет нашел (?!!) здесь в Молодечно типографию, где печатает «Голос 10-й армии».

Сегодня в 10 часов утра в 43-м Сибирском стрелковом полку (11-я Сибирская дивизия) беспорядки — 7-я рота не вышла на занятия и, несмотря на приказ командира полка, не повиновалась; командир полка вызвал учебную команду, но она разбежалась, тогда солдаты 7-й роты набросились на командира полка, сорвали погоны, грозили поднять на штыки и два часа водили по расположению полка, измышляя ему казнь. Кто-то крикнул: «Арестовать его». Тогда его, адъютанта и еще одного офицера спрятали в землянку и приставили караул. Только к 19 часам при «помощи» комитетов удалось их освободить. Таким образом гнусное, пошлое и дикое поведение солдат еще вспыхивает.

Между тем правительство медлит проведением действительной дисциплины, и генерал Корнилов как-то замолк со своими «требованиями и условиями». Вчера в «Новом времени» проскочило, что правительство оповестило, что оно совершенно не удовлетворило все те условия, которые поставил новый Верховный главнокомандующий.

Куда мы идем — что ждет в будущем?

29 июля

Между 24½ и 1½ ночи был налет немецких самолетов, сброшено много бомб в районе станции и Бухощины.

Около 11 часов был генерал Надеин (комарт 69-й), вызванный мною для производства расследования постановления общего собрания офицеров 9-го осадного дивизиона.

Откуда-то разнесен слух, что генерал Деникин будет назначен главкоюзом, а генерал Ломновский главкозапом. Говорят, что кто-то слышал разговор по телефону между главкозапом и командармом.

Как у нас это нехорошо поставлено, если есть лица, могущие слушать телефонные разговоры, то, казалось бы, они должны это держать в секрете – а между тем это разбалтывается широко.

Действительно, генерал Деникин назначен главкоюзом, везет с собой и генерала Маркова. На его месте будет генерал Балуев, который до этого получил 11-ю армию, а генерал Эрдели – Особую армию. Наш командарм вызван в Минск до приезда нового главкозапа.

Говорят, что «уходят» генерала Квецинского.

Новостей много, все перемены и перемены. Будет ли толк от этого, многие дела стоят, а между тем нужны решения.

24 июля объявлен новый состав Временного правительства:

Председатель совета министров, военный и морской министр – Керенский.

Министр внутренних дел – Авксентьев.

Министр иностранных дел – Терещенко.

Министр юстиции – Зарудный.

Министр путей сообщений – Юренев.

Министр торговли и промышленности – Прокопович.

Министр народного просвещения – Ольденбург.

Управляющий военным министерством – Савинков.

Управляющий морским министерством – лейтенант Лебедев.

Министр финансов и заместитель председателя – Некрасов.

Министр труда – Скобелев.

Министр земледелия – Чернов.

Министр продовольствия – Пошехонов.

Министр государственного призрения – Ефремов.

Министр почт и телеграфов – Никитин.

Государственный контролер – Ф. Кокошкин.

Обер-прокурор Синода – Карташев.

30 июля

Сегодня утром, после 11 часов, немецкий аэроплан бросил несколько бомб, из которых одна упала в районе штарма, против моего дома по улице за три дома. Пробила крышу, через потолок осколки прошли в комнату; там были два солдата и баба – никого не задело.

Это первая бомба в нашем районе.

За обедом был комиссар армии – жид Венгеров, удивительно гнусный вид.

Расход снарядов на одно орудие за:[1]

	3 л	3 х	45 л	48 л	6 кр	6 п	6 М	6/120	6/200	6 Б	42 ск	42=	105	120	120 Е
Февраль	0,2	0,1	0,5	1,0	0,9	v	v	0,2	v	v	0,5	0,2	1,8	1,7	v
Март	2,0	0,1	0,7	1,1	0,4	v	v	0,2	v	v	0,4	0,6	1,5	1,7	v
Апрель	1,5	v	1,1	1,0	0,1	0,1	v	0,1	v	v	0,5	0,3	5,0	v	v
Май	2,7	v	0,2	1,5	0,3	0,2	v	0,8	v	v	0,9	0,9	0,2	v	v
Июнь	1,7	0,1	0,8	0,8	0,6	0,3	2,0	0,1	0,5	1,6	1,3	0,3	4,2	v	3,4

31 июля

Дивные дела — управляющий военмином Савинков, если верить «Русскому слову», говорит, что в настоящее время предоставление полноты власти военным начальникам преждевременно и не желательно. Хотя на этом настаивает большинство командного состава и отсутствие дисциплины может создать большую угрозу при демобилизации. Эта слепота совершенно не непонятно[2] — очевидно боязнь, что командный состав, получив власть над солдатами и восстановив кое-какую дисциплину, раньше всего разгонит эту шайку так называемых правителей. Может быть, их опасения и правильны, слишком тяжело видеть настоящим военным этот развал армии, эту гибель русской мощи.

Но все же мне кажется, что командный состав в массе — рыцари, и на мелкую месть не пойдут. Только сознание блага Родины заставит выступить против безумцев. Но ведь и сейчас эту роль понемногу берет

[1] Расход снарядов на орудие за:

	76 мм легких	76 мм химических	114 мм для гаубиц	122 мм для полевых	152 мм для крепостных пушек	152 мм для полевых	152 мм для литеры М	152 мм для 120 пудовых пушек	152 мм для 200 пудовых пушек	152 мм для осадных Шнейдера	107 мм для полевой скорострельной	107 мм для осадной пушки	105 мм для японских орудий	120 мм для пушек Виккерса	120 мм для французских пушек лит. Е
Февраль	0,2	0,1	0,5	1,0	0,9	v	v	0,2	v	v	0,5	0,2	1,8	1,7	v
Март	2,0	0,1	0,7	1,1	0,4	v	v	0,2	v	v	0,4	0,6	1,5	1,7	v
Апрель	1,5	v	1,1	1,0	0,1	0,1	v	0,1	v	v	0,5	0,3	5,0	v	v
Май	2,7	v	0,2	1,5	0,3	0,2	v	0,8	v	v	0,9	0,9	0,2	v	v
Июнь	1,7	0,1	0,8	0,8	0,6	0,3	2,0	0,1	0,5	1,6	1,3	0,3	4,2	v	3,4

[2] Так в рукописи, очевидно, описка.

на себя казачество. Может быть, спасение России явится именно отсюда. Сейчас точки опоры нет нигде, и сплоченная масса, одушевленная идеей, может еще сказать свое слово, лишь бы во главе стоял человек честный, преданный отечеству и понимающий пользу государственную.

Паническое настроение еще держится в штарме – малодушные укладывают вещи.

Сегодня уезжают английские офицеры, артиллеристы.

Составил и послал генералу Шихлинскому отчет об орудиях, выбывших из строя за время операций. Интересные цифры:

Легкие орудия дали.....15%
48 лин. гаубицы.....около 60%
6 дюймов разн. образцов.....около 30–35%
42 лин. пушки.....77 д. ок. 12,5% – ск. ок. 22,5%
6 дм Шнейдеровские.....50%.
Пришла в негодность 1 гаубица 12 дм из шести.
Обе гаубицы 8 дм Виккерс 1-го образца совсем испорчены, по-видимому, от сплющивания снарядов в канале [ствола].
Остальные английские пушки 6,8 и 9,2 дм выдержали хорошо.
120 мм французские, из 24 орудий – испортилось 1[1].

1 августа

Пишут, что генерал Гурко освобожден, говорят, что освобожден казаками. Казачья депутация прибыла в Петроград и потребовала освобождения Гурко, пригрозив в случае отказа не признавать Временное правительство и убрать с фронта все казачьи части.

Может быть, это и не так, но уже разговор о возможности выступления казаков знаменателен. Говорят, что казаки выбрали генерала Гурко верховным атаманом. Если это подтвердится, то возможно, что его освобождение было результатом казачьей агитации. При нынешней свободе слова, газетам разрешено писать правду.

Из анекдотов – Керенского называют главноуговаривающим.

Наше разведывательное отделение почти ежедневно сообщает панические вести: то пришел полк, то дивизия появилась у Бакшты, теперь против нас еще дивизия.

Одно верно, что достоверно мы ничего не знаем.

[1] Марки и калибры орудий см. в приложении Б.

Удивительно, как мы безграмотны в разведке. Немцы вот знали почти каждый шаг, правда, «товарищи» сильно помогали сообщениям разных сведений.

2 августа

Сегодня грузится управление 201-й бригады и уезжает полковник Шелль. Жаль – очень хороший человек, и его пребывание вносило все же возможность поговорить.

Как сильно изменилась «физиономия» штаба. Трое из офицеров Генерального штаба семинаристы, а потому отсутствие воспитания, или попросту хамство, проникает во все.

Мой денщик Петров начал портиться, принял какой-то «товарищеский» тон – ругал его сегодня. Вероятно, придется скоро выгнать.

Абсолютно ничего нового.

3 августа

Насчет освобождения генерала Гурко – ошибка, он перевезен лишь в более удобное помещение и разрешено его жене поселиться с мужем. В сущности, возмутительная история.

Царскую семью, судя по газетам, переводят в Тобольск.

Пишут, что полковник Кутузов (бывший лейб-гвардии 2-й) получил лейб-гвардии 3-ю артиллерийскую бригаду, в добрый час. Лучше было бы, если бы он получил лейб-гвардии 2-ю. Если действительно генерал Михайловский уже ушел, кто же получит лейб-гвардии 2-ю?

4 августа

Собрался ехать в 1-й Сибирский корпус, но вследствие сильного дождя не поехал. День прошел без особых впечатлений. Приехал новый наштарм генерал Рыльский.

Каждый день в разговорах выясняются вредные стороны деятельности комиссаров и комитетов, наглость и тех, и других, неумение многих начальников выпутываться из расставленных сетей. Так, комкор 3 генерал Надежный звонил по телефону вчера вечером к генералу Добрышину по следующему делу. Комитет корпуса нашел действия командарма незакономерными – какие именно и как это сформулировано, я в точности не знаю. Комкор 3 сам ли, или по указанию привлек членов комитета к судебной ответственности. Так вот, генерал Надежный по телефону сообщил, что комитет просит взять свой приказ назад и спрашивал

«совета», как быть, ему, очевидно, хотелось это сделать, и он искал поддержки. Генерал Добрышин спросил, а во имя чего просит это сделать комитет, выразил ли он раскаяние и повинился ли в преступности своего постановления... Нет. Тогда генерал Добрышин сказал, что он бы ни за что не отменил приказ. После этого генерал Надежный просил переговорить с командармом; генерал Добрышин сначала отказал, но потом согласился. Командарм ответил очень ловко – пусть генерал Надежный поступает так, как ему говорит его совесть и долг службы.

Даже по телефону чувствовалось, что генерал Надежный поморщился, получив такой урок. Характерная картинка. А все же эти «революционные» назначения людей, не набравшихся житейского и служебного опыта, – вред.

5 августа

Ездил с утра в Бениду, там у инаркора собрались генерал Казбек, полковник Подставкин, полковник Андреев и наштакор полковник Костяев, обсуждавшие вопросы артиллерийской обороны участка корпуса.

Генерал Бодиско удивительно медлительно проводит в жизнь все требования. Все трудно и чуть, чуть что невозможно. Все сведения, присылаемые им, крайне небрежны – только чтобы сбыть. Творческой, сознательной работы не видно, нет и настойчивости проведения в жизнь тех или иных требований.

Вечером возвратился командарм.

6 августа

В газетах пишут, что армия начинает выздоравливать, говорят уже 60% здоровых частей, сегодня, тоже по газетам, и генерал Корнилов говорит, что в армии заметен поворот к лучшему. Так ли это. Какое же это выздоровление, когда сегодня бьют командира полка, завтра арестуют начальника дивизии; там комитет удостоверяет, что командный состав настроен контрреволюционно, другой выносит порицание командующему армией.

Где же выздоровление – в 9-й армии конфликт между командным составом и армейским комитетом, командарма генерала Ступина смещают, а армейский комитет предают суду. А где логика, если прав комитет; зачем его оцепляют и предают суду? Может быть, это газетные утки, но нет дыма без огня, который вовсе не показывает на выздоровление армии.

В штаб приезжали сегодня генерал Чоглоков, генерал Стихович[1] (бывший начдив 169, назначенный начдивом 1-й Польской).

Генерал Рыльский рассказывал, что Максимилиан Филоненко был им выставлен из лейб-гвардии Гренадерского полка – кажется, вскоре после его прикомандирования в 1915 году, за симуляцию ранения. Генералу Рыльскому не удалось предать его суду, так как врач дал перевязочное свидетельство. Теперь этот субъект – комиссар правительства при Ставке.

Говорят, комиссаров Калинина и всех его помощников, в том числе и бывшего у нас Горвица, выставили из Минска. Конечно, на их место явятся другие, не лежать же 10–15 тысяч содержания неиспользованными.

Днем был у командарма с докладом, после этого беседовали. Оказывается, телеграмма, указывавшая армейскому комитету, что надо идти в контакт с командармом, была от Филоненко, а не из «приличного места», как я думал (это все по поводу запрещения печатать «Голос 10-й армии» в типографии штаба). Сегодня на имя армейского комитета получена телеграмма за подписью какого-то поручика, что управляющий военлитом не нашел в статье их армейского комитета ничего неправильного и считает действия командарма 10 необоснованными.

Вот где сказывается истинное направление г-на Савинкова, вот где его «физиономия».

7 августа

История с корпусным комитетом 3-го корпуса повернулась очень нехорошо. Генерал Надежный уговорил командарма отдать распоряжение «отменить его приказ». Так что неодобрение, порицание и признание распоряжений командарма «реакционными» остались.

Генерал Ломновский сдает. Как это печально.

Сегодня в газетах есть уже указания, что Совет революционных и солдатских депутатов ополчается против генерала Корнилова.

Есть также намеки о причинах разлада между генералом Корниловым и генералом Черемисовым, газеты формулируют так: первый настаивает на решительных и суровых мерах для поднятия боевой мощи армии, ультимативно требуя от правительства немедленного принятия их, совершенно пренебрегая существующими армейскими организациями.

[1] Ошибка в написании фамилии. А.М. Сиверс имеет в виду генерал-майора Г.В. Остановича, служившего в Русской армии и в Войске Польском.

Другой весь центр тяжести борьбы с разрухой армии переносит на совместную работу командного состава со всеми организациями.

Что говорят от Совета рабочих и солдатских депутатов, многое в отношении генерала Корнилова неверно, но все же теперь становится понятным и спешное назначение Черемисова, и то нежелание Корнилова на это назначение.

Утром явился новый комарт 203 полковник Денисенков – первое впечатление неприятное. А то, как он попал комартом, усугубляет это впечатление.

В 17 часов у командарма были собраны генерал Искрицкий, генерал Добрышин, генерал Данилов, генерал Надежный, генерал Афанасьев, генерал Княжевич и генерал Рыльский.

Совещание происходило относительно настроения и поднятия дисциплины и порядка. Я не был, но мне жаль, что я не бываю на этих совещаниях. Как-то жить вне их – не знаешь происходящего.

После ужина генерал Добрышин уехал в штакор 38.

Вечером получил письмо от генерала Шихлинского: он огорчен, что я послал к нему подполковника Бернадского (комбат 55-го тяжелого дивизиона), так как не может ничем помочь; между строк надо читать – больше не посылайте. Оно, конечно, легче не видеть и не слышать о тяжелых вещах, а как же этим часто хорошим и честным людям, которых ушли «по обстоятельствам настоящего времени». По большей части это строгие начальники, которым теперь вспоминают солдаты их требовательность. Так вот оно легче – проходить мимо этих выброшенных на улицу и не знать, что такие существуют. Эх, хитрый татарин!

Из новостей диких и гнусных выходок «товарищей» вчера в 134-й дивизии бросили ручную гранату в офицера – сильно изранен. За что – не знаю, слышал сегодня самый факт.

Газеты начинают писать о голоде, который скоро будет в Петрограде – куда деваться, да и дороговизна же какая жить в нем.

8 августа

Что-то неладно – командарм не дает ясных категорических ответов по моим докладам. Это все мелочи, хотя вызывают неудобства. А вот в деле комитета 3-го корпуса – это уже не мелочь, а уступка и недостаточная твердость. С печатанием «Голоса 10-й армии» пока проявляет малую уступчивость, но это уже слишком. Громкое дело, и сдать здесь – это значит потерять к себе всякую веру.

По поводу статей о генерале Корнилове и генерале Черемисове командарм сказал, что если уйдут Корнилова и поставят главковерхом «генерала-конфетку» (из статьи Яблоновского в «Русском Слове»), то придется уже серьезно поднять голос протеста. Это, пожалуй, он сделает.

Генерал Шихлинский опять прислал требование схемы окопов и батарей противника и наших. Вот без конца требует. Точно есть время этим заниматься.

Мой отчет об операции подвигается плохо, а с ним связана моя эвакуационная поездка в отпуск — что выгорит?

9 августа

Сегодня упорно идет слух об уходе генерала Корнилова и назначении генерала Черемисова главковерхом — если так, то после «рекомендации» Совета рабочих и солдатских депутатов уже совсем плохо. Есть слух, что и генерал Деникин тоже ушел — или ушли.

Получил телеграмму генерала Довбор-Мусницкого — ходатайствует о производстве генерала Мальковского в генерал-лейтенанты. Отказ, конечно, будет обидой всей артиллерии 38-го корпуса, которая одна исполнила свой долг перед Родиной. Справился у дегенарма — оказывается, командарм отклонил представление, пошел к нему с докладом телеграммы, оказывается генерал Довбор и ему телеграфировал, командарм сказал, что представит. Опять, то одно решение, то другое. Мне очень не нравится, что он совершенно не справляется в этих делах у меня. Его дело, но пользы в этом мало.

Сильный дождь, гроза и прохладно, опять дороги будут непроезжими, а мне надо ехать в 38-й корпус.

Узнал, что генерал Клейненберг уехал в отпуск отдыхать — устал. Надо скорее кончать отчет и самому брать [отпуск].

10 августа

Сегодня вышел «Голос 10-й армии». Крупными буквами напечатано, что поздно ночью начштарм передал, что со стороны командарма теперь нет препятствий к печатанию газеты армейского комитета в штабной типографии. При этом это «теперь» не объяснено, что дано после письменной гарантии комиссара Венгерова, что телеграмма комиссара при Ставке Филоненко восчувствована армейским комитетом.

В том же номере «Голоса» напечатан приказ управляющего военмином Савинкова, что право издания органов печати принадлежит исключительно

армейским, фронтовым и соответствующим комитетам. Вместе с тем отдано распоряжение всем штабам прекратить издание собственных органов.

Подтверждение слухов о генералах Корнилове и Деникине нет, может быть более вздорные, хотя очень определенные.

11 августа

Никаких событий, день прошел незаметно.

Пишу отчет об операции, подвигается слабо; много писать, никто не будет читать, мало не стоит печатать.

Получил расследование генерала Надеина относительно постановления офицеров 9-го осадного дивизиона. Расследование меня не удовлетворило – составлено по-детски, как прежде писали молодые офицеры, не отдавая себе отчета о том, что же, в сущности, нужно.

В общем ясно, что полковник Скобеев не понравился офицерам, свалить его было нельзя, а тут великолепный предлог – негласные суммы, растраты части их заведующим хозяйством и «тень» на весь дивизион. Есть курьезные показания – так, один из командиров батарей говорит, что негласные суммы предполагались для покрытия крупных карточных долгов офицеров, но был ли такой факт, не сообщает; один молодой офицер заявляет, что удалить полковника Скобеева они не имели в виду, так как если бы они это хотели, то всегда могли бы устроить при помощи солдат; наконец, врач Либерман развязно говорит, что оправдательных счетов на поверках не было на негласные суммы, точно он участвовал в этих поверках.

Комиссара Венгерова «отозвали». Теперь будут комиссары, назначенные Временным правительством, этот же хам был рекомендован Советом рабочих и солдатских депутатов и утвержден правительством, то есть, попросту говоря, навязан.

12 августа

Около 15 часов поехал на автомобиле в штакор 38 в Яхимовщину, приехал в начале 17-го [часа]. Сначала был у генерала Мальковского, а затем у генерала Добрышина, который вернулся в половине 18-го. С утра ездил на позиции и во время посещения им минной горки по тем открыли огонь 42 лин[1]. снарядами. Убит корпусной инженер, один солдат

[1] Имеется в виду 105-мм пушка образца 1917 г. До окончания войны германская промышленность успела выпустить 200 подобных орудий.

и трое раненых. Немцы выпустили по ним 12 снарядов, часть из них были химические, так что пришлось одевать маски.

Вернулся около 20 с половиной вечера, так как в дороге лопнула шина.

Подтверждение слухов о Корнилове нет, вообще сейчас в штарме никаких новостей не знают.

Утром приезжал комарт 203 полковник Денисенков.

13 августа

Являлся сегодня командир 1-го дивизиона литера «Е» – его гонят из занимаемых помещений, куда перейти, не знает, так как в 1-м Сибирском корпусе толку не добиться. К сожалению, и я не в силе что-либо сделать, если штакор мало оказывает внимания, то следует обратиться к наштакору – все, что могу посоветовать. Вообще, не очень сладко живется частям, временно придаваемым корпусам.

Затем был 8-го тяжелого дивизиона подполковник Бардадымов – приезжал, по-моему, побеседовать, так как дело, о котором говорил, не столь важно – как устроить починку гаубиц.

После этого был опять полковник Денисенков – сегодня уезжает в Ржев и затем в Киев к генералу Шейдеману, поручил ему переговорить по поводу 9-го осадного дивизиона.

Вот и весь день. Работа моя не подвигается, не могу взять себя в руки.

14 августа

Чувствую себя все хуже и хуже, опять осенняя боль спины. Хотя это к дневнику и не относится, но все же для меня это событие. Даром три года войны не проходят – многое за три года отдыхали, меняли места с перерывом. Я этого не имел, спешно переезжал с одного места на другое. Необходимо теперь отдохнуть... но что буду делать дальше, вот вопрос. Пока ответа не имею.

В мечтах об улучшении армии проблеска не видно, по газетам, ушел управляющий военмином Савинков, что он ушел – туда ему и дорога, но причина его ухода – разногласие с Керенским по поводу введения в армии твердой власти начальников, знаменательно. Не менее симптоматично, что назначение Левицкого на Северный фронт не состоялось, так как условия, предъявленные им, оказались неприемлемыми. Положение Корнилова тоже еще не вполне определенное, очевидно, окончательное решение будет после московского съезда, где он должен, по-видимому,

высказать свои взгляды на оздоровление армии. Хотя Керенский и уверяет, что предложения Корнилова приемлемы и что его никто не собирается уйти, и что поход против него поднят Советом рабочих и солдатских депутатов, что вовсе не обязательно для Временного правительства, тем не менее все же непонятно, почему приемлемые условия Корнилова до сих пор не принимаются. Очевидно, что неладно и не все обстоит благополучно.

Нет твердого курса и не только в армии, прокурора Петроградского суда или палаты Каринского убрали, правда, с повышением, но с места спихнули, как неугодного рабочим и солдатам. Правда, все это газетное писание, но черпать приходится о настроениях из газет. В газетах было также очень хорошее сообщение, что Керенский потребовал от казаков после их резолюций письменного подтверждения их лояльности; казаки ответили, что они своими делами доказали свою полезность, а письменного удостоверения не дадут, чтобы не умалять значения своей резолюции.

Щелчок по носу. Имитируя «товарищей», кричу... «правильно!»

Слух о назначении генерала Михайловского шткором 1-го гвардейского оправдывается.

Генерал Соковнин назначен командармом 8.

У нас в армии опять «недоразумения» – один полк отказался идти на позиции.

Сегодня с 24 часов участок от Вилии до Шалудьки переходит к 10-й армии, становится части 1-го Сибирского корпуса. Опять перегруппировка, опять новый план обороны.

Вечером получена телеграмма от начштабата, что вместо 2-го Ивангородского дивизиона на Румфронт послать 32-й тяжелый дивизион – значит, его взять, а из 1-го Сибирского корпуса перевести другой. Докладывал командарму и с его разрешения говорил с генералом Самойло, тот уверяет, что это Ставка назначила, просил послать 52-й тяжелый дивизион, того же состава. Генерал Самойло обещал доложить наштазапу и дать ответ, но до ночи ответ не получил. Надо удивляться, что из Ставки требуют дивизионы по номерам, не справляясь в армии, удобно ли и возможно ли снять тот или другой дивизионы.

На фронте армии за последнюю неделю сбит один немецкий самолет, летчики взяты в плен. Сообщали также и о другом [самолете], но тот спустился над немецкими окопами – от него в районе Лебедево упал разбитый пропеллер. Верно это или нет, трудно сказать, немцы могли сбро-

сить сломанный и ранее пропеллер, чтобы обмануть — хотя это лишь мое предположение.

15–16 августа

Ничего интересного. Разрешено вместо 32-го тяжелого дивизиона послать 52-й тяжелый.

16-го числа с ночи немцы ведут непрерывный артиллерийский огонь по нашим окопам в районе 1-го Сибирского корпуса, выпустив за день свыше 1000 снарядов разных калибров, причем много неразрывов.

Пока еще нет определенных результатов Московского совещания — есть речь Керенского, есть речи некоторых министров, но пока еще нет речей различных партий, нет еще голоса народа, нет речи генерала Корнилова.

Во что выльется все это совещание, каким путем от «речей» возможно будет перейти к «делу»? Вот что важно.

Подполковник Бардадымов согласился на назначение штаб-офицером к Инспартзапу — хороший офицер, несомненно, принесет пользу.

17 августа

Сегодня распространено показание немецкого летчика-солдата, взятого в плен после падения подбитого аэростата. Он был подкуплен и сообщил, что на 20 августа (2 сентября нового стиля) назначено наступление немцев на Сморгонь — Шалудьки — Тынчин[1]. Действительно, эти дни немцы долбят по этому участку и главным образом по окопам у Шалудьки (169-й дивизион), выпуская 1000, а иногда и более снарядов разных калибров, но не выше 6 дм. Штабная паника началась — уехало несколько жен здешних офицеров. Но, в общем, в штабе паническо-легкомысленное настроение. Зато дошедшее сведение о наступлении немцев произвело также панику во фронте. Временно приостановили передачу тяжелых и мортирных дивизионов из армии. Около 24 часов вызывал к юзу генерал Шихлинский — передал, что завтра приедет сам!!! Дал несколько мудрых советов.

Меньше всего волнуются, по-видимому, в 1-м Сибирском корпусе, так как не спешат с перегруппировкой. Хотя это-то именно и напрасно.

[1] В настоящее время хутор Тынчино деревни Новоспасск Синьковского сельсовета Сморгонского района Гродненской области.

18 августа

Хорошо быть инспартзапом: и содержание, и вагон, и автомобиль, и жизнь в Минске с семьей – лишиться этого не хочется, вот и делает наезды г-н Шихлинский, как будто толк от этого; а спросишь что-нибудь, так никакого прямого ответа, если кто к нему обратится – ах, как они меня огорчают. Разочаровался совсем.

Приехал около 17 часов, ужинал и уехал – завтра едем по корпусам – по позициям? Везем во 2-ю батарею 1-й Сибирской бригады стереотрубу как приз за что-то. Все фиглярство. Не разделяю такой системы.

Получил письмо от генерала Попова (бывший наштарм), очень был рад его весточке, просит сына взять к себе, жаль, что не раньше писал, я бы его взял с охотой, тем более что капитан Лагунов – не находка. Плохо работает, портит Бауце, ведя с ним компанию, портит писарей, ведя разговоры, за которыми дело совсем заброшено. В положении вещей виноват и полковник Попов, который видит все это и сам ничего не скажет. К тому же и сам болтает, что можно и что нельзя.

Говорил с генералом Бодиско по телефону – у них нет опасений относительно наступлений немцев, все может быть, но особых признаков нет.

19 августа

Паника в штабе идет дальше, еще несколько жен уехало. Оно положим и лучше, чем меньше дам, тем лучше. Я понимаю – приехать повидаться ненадолго, но жить месяцами – мне это не по сердцу, я и прошлое лето осуждал семейную жизнь наштарма генерала Попова.

В казарме, на войне не место женам.

Нет времени записать относительно Государственного совещания, да, впрочем, оно и не нужно. Все написано подробно в газетах, так что для истории хватит материала.

То же, что меня интересует, это можно сказать в двух словах. Будет ли толк, будет ли правительство вести дело на основании всего высказанного всеми или все же слепо следовать своей программе. Вот в чем главное.

В отношении же армии, для меня все же загадка – Корнилов требует, дает программу оздоровления, его программе аплодируют на совещании. Правительство говорит, что она приемлема – а воз поныне там! И ничего, все сидят, молчат и ждут. А тут еще твердое решение солдат уходить, если немцы будут наступать.

Верно написал помзахимарм Лукерьин сказку, которая кончается так:

«Ослы и до сих пор орут
И ждут, пока заходит снова кнут».

Пора, совсем пора приняться за кнут. А то сладу нет. Вижу и по своим сослуживцам по армии, совсем не те, которые были сначала. Вижу по Петрову и другим. Хотя надо сказать, что за последнее время, когда я обругал Петрова, он внимательнее. Про себя еще наверно думает смущенно.

На фронте армии все еще очень не благополучно, после истории в 43-м полку, недавно 61-й полк отказался идти на позиции, затем 4-й стрелковый полк тоже от чего-то отказывается. Командарм считает, что наша армия по свой болезни следующая после 12-й.

Не ожидал, не потому что у меня были какие-либо данные или иллюзии, но потому, что отовсюду приходят известия о покорных отходах, убийствах командиров и других художествах «товарищей», что просто казалось всюду одинаково.

Если завтра будет спокойно, то займусь отчетом как следует и затем отдыхать, отдыхать и отдыхать. Не могу больше. Нервы не выдерживают.

20 августа

Командарм с утра ездил на Сморгонский участок, смотрел основную позицию Клиденяты — Шалудьки; ездил с наштармом.

Около 17-и часов приехал генерал Шихлинский — о поездке не говорил ничего. Подтверждается мое мнение, что ездил для того, чтобы показать свою деятельность и сохранить должность, 30 рублей суточных и вагон. Завидую вагону!

Нового ничего, если не считать, что снова то полк, то батальон отказываются исполнять разные приказы.

Вчера Говоров, бывший на Московском совещании, говорит, что общее впечатление, что никого ни с кем нельзя примирить. Рознь чувствуется такая же, как и была, и никакие слова, никакие речи не заставят разные политические партии протянуть руку друг другу, несмотря на явную гибель России.

Ненапечатанный конец речи Керенского представляет истерический бред сумасшедшего. После совещания Керенский потребовал стенограмму этой части и разорвал, так что следа не осталось. Когда он говорил, Чернов, повернувшись к Чхеидзе, показал на лоб. Очевидно, было слишком явно, что Керенский говорил уже совсем несуразные вещи.

21 августа

Утром получены телеграммы о новом позоре – прорыве нашего фронта в районе Риги. Немцы переправились через Двину – некоторые части без сопротивления отходят. Дни Риги сочтены, если она уже сегодня не в руках немцев. Штаб 12-й армии переехал в Валк. Теперь начнется переброска войск на север.

Чем же все это кончится? Куда ведет нас злой рок.

Опять один батальон отказался идти на занятия, объясняя свой поступок, что приказ о занятиях – не «боевой» приказ.

Очевидно, какая-то зараза забралась в 1-й Сибирский корпус. Что же делать – свыше рекомендуют принять «энергичные» меры. А как их принять, когда нет никакой гарантии, что не только приказ, но и простое распоряжение будет исполнено.

Какие чудовищные резолюции выносит наш армейский комитет, всего не запишешь – надо тома для этого. Да еще комиссар при армии прапорщик «Копейкин» – какой-то тихий идиот. Надо уступать, чтобы не было скандалов – вот его платформа, жалкая мразь. Ничего твердого ни в ту, ни в другую сторону.

Сегодня писал отчет – не много, но все же подвинул вперед. Может быть, через неделю и осилю.

Ко мне ежедневно заходит генерал Платов – больной человек, со странностями. Когда-то был хорошей души, сейчас он остался хорошим, но как-то выветрился.

Итак, 19-е, 20-е и 21-е прошли, и немцы не наступают у нас. Я не верил, что это будет, хотя конечно могло и быть, я считаю наше положение здесь совершенно не прочным, немцы могут в любой момент нас погнать, как и куда хотят. На днях был 2-й Сибирской стрелковой бригады подполковник Блиндже и говорил, что его телефонисты слышали разговор по телефону пехоты, что если немцы начнут атаку, то они уйдут. Правдоподобно. Удивительного ничего нет.

Не солдаты – а поганая, разнузданная сволочь. А какие были кадровые войска в начале войны!

Не будь разрухи, с немцами уже было бы покончено. Подумать, что на Южном фронте был успех, что мы могли уже быть в Вильно. Мир был бы уже подписан!

Боже Милостивый, помоги!

22 августа

Рига не взята, а мы отдали ее немцам — надо вещи называть своими именами. До чего дойдет позор, что еще отдадим... и как ответ на это статья в «Новом Времени», вырезку из которой привожу дальше.

> «Слухи о расхождении Временного правительства с верховным главнокомандующим он объявил лишенными основания. Временное правительство признает неприемлемыми лишь те мероприятия генерала Корнилова, которые касаются "штатских" вопросов, то есть тыла. В вопросах же, касающихся фронта, между Правительством и Верховным командованием установилось полное принципиальное согласие.
> Для оценки этого полного согласия нужно иметь в виду, что Верховный главнокомандующий считает необходимым принять предлагаемые им меры "безотлагательно", сегодня же, сию же минуту, иначе будет поздно, иначе настанут катастрофические события.
> Временное правительство отвечает: мы не будем ждать катастрофических событий для принятия мер, указываемых генералом Корниловым и нами принципиально вполне одобренных; мы лишь примем их не сегодня, не сейчас, а когда на приемлемость их укажет общая внутренняя политическая обстановка.
> То, что Верховное командование считает неотложным, Временное правительство отлагает на какой-то неопределенный срок. Принципиально — полное согласие; на деле — полное отрицание его».

Реформы не своевременны еще, как бы не были поздны.

Сегодня Ломновский говорил, что кто-то стоящий близко к правительству передавал, что там смотрят безнадежно. Надеются на чудо!

Не знаю, правда ли это, не хочется верить — люди, стоящие у власти, безнадежно махнули на все рукой, не испробовав последней ставки.

Каждый игрок, имея хоть рубль в кармане, ставит его и только тогда пускает себе пулю в лоб.

Хоть бы и они пустили себе пулю в лоб, раз видят, что не могут справиться с государственным делом.

Ведь если судят Сухомлинова за бездействие власти, за легкомыслие, как утверждает Гучков, то как же надо судить тех, кто разрушил армию?

Сухомлинов лишил армию оружия — господа авторы приказа № 1 и декларации прав (без обязанностей) лишили армию души. Борясь с негодным командным элементом, выкидывай всех, которые хотя по их мне-

нию неподходящи – но уничтожать дисциплину, делать из войска разнузданную толпу, это значит заведомо предать Родину.

Говорят, осудит суд истории – что история? Этих предателей нужно судить сейчас, сию минуту и тут же повесить.

Эти, пожалуй, будут хуже Сухомлинова. Ломновский считает, что армия пропала безвозвратно, чтобы иметь настоящую армию, нужно составить ее с начала. Неужели он прав? Мне кажется, еще можно восстановить, вернув старую дисциплину и власть начальникам. Еще найдутся солдаты, которые одумаются. Могут быть случаи, когда офицеры, недостаточно разумно относящиеся к событиям, будут не на высоте, будут вымещать на солдатах прошлое, да, будут – но, во-первых, не так много будет таких, а во-вторых, это будет менее ужасно, чем настоящий ужас, настоящий позор.

Не довольно ли уже мы оплеваны, не довольно ли наша душа загажена.

Есть о чем беспокоиться, что сотня офицеров не сумеет себя поставить, семья не без урода. Они будут изъяты, это будет показателем, что таких не поощряют. Праздные мечты, вернуть прошлое армии никто не решится.

Помоги, Господи, не допусти погибнуть всему, не дай врагу смеяться над нами.

С болью в сердце читаю нападки на великого князя Сергея Михайловича при разборе дела Сухомлинова. Говорит Родзянко, нельзя не верить. А вместе с тем, сколько пользы принес великий князь артиллерии.

Я привык видеть и слышать о великом князе только хорошее по отношению артиллерии как роду оружия. Конечно, не его дело было соваться в технику, как совершенно не у места был и Кузьмин-Караваев.

«В октябре Родзянко совершил свою первую поездку в Ставку.

– Там я узнал, что снарядов не хватает, что винтовок нет. Тогда же, кажется, мне было указано, что армия ходит босой, и великий князь Николай Николаевич обратился ко мне с просьбой помочь. Мы забили тревогу, обратились к съезду представителей торговли и промышленности. Сам Сухомлинов как будто отнесся сочувственно, но упорную оппозицию встретили мы в главном артиллерийском управлении, и никакого движения в промышленности не состоялось.

Здесь свидетель отмечает ту постоянную, по его словам, борьбу, которую генерал Сухомлинов вел с генерал-инспектором артиллерии вели-

ким князем Сергеем Михайловичем, и тот невероятный хаос, каким эта борьба отразилась в ведомстве.

– Я не понимаю,– восклицает свидетель,– как при полном доверии царя к Сухомлинову он не мог добиться устранения великого князя. Он должен был это сделать или сам уйти. Я говорил ему об этом еще в Киеве. Вы, конечно, помните?– увлекаясь, обращается свидетель к подсудимому, но сейчас же спохватывается.

На спуске броненосца "Гангут" я убеждал Сухомлинова добиться удаления великого князя или уйти самому. Он мне ничего не ответил. Тогда я поехал к царю, чтобы изложить все и требовать созыва Думы. Ныне отрешенному императору благоугодно было сказать, что Сухомлинов будет уволен,– и отставка Сухомлинова состоялась. Но трения с артиллерийским ведомством, во главе которого стоял Сергей Михайлович, продолжались, на все меры особого совещания возражения сыпались как из рога изобилия. Тогда я поехал к великому князю и сказал ему, что если он не оставит своего поста, то вся преступная неряшливость его ведомства будет оглашена с думской кафедры. Он сказал: "Я сам уйти не могу, но своей отставки тормозить не буду". Состоялись доклад генерала Поливанова в Царском Селе и затем увольнение великого князя».

Кузьмин-Караваев – чистейшая личность, но ему не по плечу было Главное артиллерийское управление, как не годится для этого и Лехович.

Наверное, нашлись бы соответствующие начальники, я многих не знаю, но хотя бы Чернявский. Знающий, дельный, твердый. Вероятно, были и другие, которые могли бы вести дело ГАУ, но вина великого князя в том, что он по человеческой и великокняжеской слабости личные чувства переносил и на дело. Говорят, он уважал, но не любил Чернявского, а потому...

Да что говорить, много было в прошлом нехорошего, неправильного и такого, чего не следовало. Честный новый режим, если он работает во благо и пользу, должен всеми мерами и силами искоренить все подобное, но может и портить все, увлекаться утопиями – это преступнее, чем даже все нехорошее прежнее вместе взятое.

Помоги, Господи, дай дожить до светлого будущего, дай дождаться, что вся эта грубая, разнузданная, дикая масса поймет весь ужас, весь позор.

23 августа

Погода скверная, с утра идет мелкий дождик, тем не менее, главкозап генерал Балуев приехал около 12 часов и вместе с командармом и наштармом поехали на фронт 38-го корпуса.

Сегодня же с 7 часов утра наштазап генерал Духонин ездил на фронт 1-го Сибирского корпуса с тремя офицерами генштаба.

Что все делали, не знаю – но только сколько не езди, все равно «товарищи» разбегутся при малейшем нажиме.

Говорят, что наконец правительство приняло предложение Корнилова – что-то плохо верится, столько было принудительного согласия и так мало настоящего согласия, что сразу поверить слуху невозможно.

Тоже передают слух, что правительство отказалось от своего проекта разрушить казачество. Странная система: начать – и потом напопятный.

Поживем – увидим. Что будет дальше?

К 18 часам были собраны в штарм все комкоры, но главкозап вернулся лишь после 20 часов. Пригласили комкоров в поезд, поехал и я на всякий случай, но оказалось, что я «не нужен». Конечно, сейчас же уехал назад.

Довольно непонятно, почему инспектору артиллерии «не нужно» быть в курсе разговоров с комкорами, неужели моя работа только по специальности, но ведь и при этом надо же быть осведомленным. Особенно теперь, когда настроение масс имеет такое огромное значение. Вообще в 10-й армии, инспектора артиллерии приглашали на совещания комкоров только Цуриков и Киселевский.

Ломновский совсем не интересуется артиллерией.

Для иллюстрации отношений к артиллерии можно привести отказ главкозапа в производстве генерала Мальковского в генерал-лейтенанты. А ведь генерал Довбор мне телеграфировал, что главкозап обещал поддержать.

24 августа

Генерал Платов рассказывал, какое тяжелое впечатление оставил разговор – речь главкозапа генерала Балуева на всех комкоров; даже генерал Надежный, и тот чувствовал себя пришибленным. Основная мысль Балуева была – «требовать» от офицеров и «уговаривать» солдат, и затем, что с комитетами можно вести дело, надо только уметь с ними «ладить». Может быть, и еще что было, но это главнейшее, что особенно сильно поразило всех.

Действительно, есть отчего прийти в тихий ужас.

Говорят, что в ночь с 20-го на 21-е был жуткий момент на фронте 1-го Сибирского корпуса — немцы открыли особенно сильный огонь, мы ответили заградительным огнем, по имеющимся сведениям и наши «товарищи» удрали назад и немцы... тоже.

Вечером распространился слух, что Керенский ушел, военмином назначен Корнилов, а главковерхом генерал Юденич. Откуда идут такие слухи и что в них правды?

Настроение совсем неважное, сильно мечтаю уехать, какой ценой угодно.

Только бы кончить свой отчет, это мне очень хочется выполнить, много по-моему интересного материала.

Генерал Некрасов (лейб-гвардии 2-й) назначен инаркором 2-го гвардейского, куда же ушел Гилленшмидт; говорили, что он жаловался на то, что его не назначают инспартармом, может быть, напросился.

Прочел, что комкором 26-го назначен инаркор 26-го генерал Михайлов[1], вот выбор-то, о нем много может рассказать Добрышин, кажется, Шелль или Синеоков тоже рассказывал. Врет не стесняясь. Таких теперь назначают. Конечно, когда всех лучших твердых разогнали, тогда и таких приходится назначать. Воображаю, как он заигрывает с комитетами.

Сегодня Рыльский рассказывал, как неумно вел себя с комитетами генерал Евгений Новицкий.

Много экзаменов пришлось выдержать людям — первый война, второй революция. Остаться на высоте, не утратить порядочности, вероятно, будет уделом не многих.

25 августа

Что-то будет с Петроградом, дойдут немцы или нет. Все в руках Божьих.

Еще не могу настроить себя относиться индифферентно ко всем событиям.

Сегодня один офицер Курлянского драгунского полка рассказывал, что у них солдаты не верят, что Рига взята, это нарочно пишут буржуйные газеты. А если это верно, что тут замешаны начальники, которые устроили отдачу Риги в связи с контрреволюционным заговором? До чего темный народ, до чего поганы распропагандисты.

[1] Автор дневников А.М. Сиверс допустил ошибку в фамилии. Инаркором, а потом командиром 26-го армейского корпуса был генерал-лейтенант А.В. Мартынов.

В Петрограде в связи с контрреволюционным заговором арестованы великие князья Михаил Александрович и Павел Александрович и их жены. Им предстоит высылка из России. Арестованы они как «объекты» заговора — так пишут газеты.

Сегодня в приказах армии и флоту прочел, что комкор 41 генерал Мельгунов уже зачислен в резерв Киевского округа — не долго был возвеличен. Думаю, что он был бы неплохой комкор. Неглупый и с характером.

Сегодня командарм поручил мне проехать на наблюдательные пункты некоторых батарей 1-го Сибирского корпуса. 23-го числа, когда ездил по позициям наштазап генерал Духонин, то на него пехота произвела более благоприятное впечатление, чем артиллерия; на наблюдательных пунктах не было офицеров, были только одни телефонисты, которые сказали, что офицеры не бывают; не было также и всего, что положено иметь.

Хотел ехать завтра с утра, но мой автомобиль сегодня дежурит и потому приготовиться к поездке с утра, конечно, не может. Это уже не в первый раз, сколько раз я просил генкварта, чтобы мой автомобиль не назначали дежурным, чтобы не давали на поездку разных проходимцев — тем не менее, подполковник Говоров и в ус не дует. Вообще мельчает народ, полковник Соколов — какая-то балаболка.

Сегодня ругался также и насчет помещения захимарму, до сих пор не дают.

26 августа

Хотел ехать на фронт, но автомобиль оказался «дежурным» — ничего не вышло. Сколько не говоришь, ничего толку не выходит, удивительно нелюбезно, даже больше — прямо по-хамски.

Кажется, невозможность мне выехать по службе имела свое действие, подполковник Говоров обещал оставить автомобиль в исключительное мое пользование.

27 августа

Сегодня в 6 утра выехал в Понизье, хотел видеть комарта 51 генерала Агищева, но он еще спал около 8 часов. Поехал в д. Коты. Откуда пешком прошел к лесу и по дороге нашел телеграфный блиндаж 2-й батареи 1-й Сибирской артиллерийской бригады. Шустрый телефонист взялся провести меня на наблюдательный пункт: прошел туда, застал командира батареи — посмотрел в трубу, ознакомился с распоряжением немецких

окопов и вообще картиной немецкого расположения. Батарея недавно на месте, а потому только еще устраивается на наблюдательном пункте, хотя он и не главный, так как эта батарея принадлежит к противоартиллерийской группе, главный пункт в тылу вышке. Другой пункт — 3-й батареи 51-го тяжелого дивизиона — тоже противоартиллерийской группы, на пункте оказались только телефонисты.

С этих наблюдательных пунктов я прошел на 2-ю батарею 1-й Сибирской бригады, офицеры живут тут же на батарее в землянках. Рядом есть еще несколько батарей, но их наблюдательные пункты дальше. После этого прошел пешком в господские дворы Цицин[1], там также в блиндажах живут дивизионеры 51-й артиллерийской бригады. Спали, хотя было уже более половины десятого. Посидел с командиром 2-го дивизиона. Затем вернулся в д. Коты к автомобилю.

В это время наши батареи сбили немецкий самолет, снаряд разорвался непосредственно под аппаратом и отбил хвост. Самолет, переворачиваясь, упал около Микулевщины.

После этого я поехал опять в господские дворы Понизье, где был у комарта 51 генерала Агищева, там же помещается командир 134-го артдивизиона полковник Скиргайло. Поговорил с ними о наблюдательных пунктах, службе на них и поехал домой.

Здесь, оказывается, приехала артиллерийская батарея, а за ней будет подходить и весь 26-й легкий мортирный дивизион — якобы конного корпуса; запросил генерала Шихлинского — получил ответ расположения близ железной дороги, дивизион назначен для особой цели.

28 августа

За ночь куча новостей печального, но захватывающего характера. Началось с того, что ночью около 2 часов председатель армейского комитета Печерский звонил по телефону к командарму — просил содействия указанию комкорам, чтобы приказы генерала Корнилова не исполнялись, так как он смещен с должности. Главковерхом назначен генерал Клембовский. Керенский же объявлен диктатором. Наштарм отказался передать это, так как не имеет указаний начальства, а во всяком случае без командарма ничем распорядиться не может. Поехав после этого в корпус, он убедился, что Печерский уже передал в корпусные комитеты, а потому, переговорив

[1] Хутор с броваром и водяной мельницей. Сейчас входит в административную границу деревни Байбы Сморгонского района Гродненской области.

с командармом, передал Печерскому, что редакция по передаче неправильна и недопустима, почему ее следует изменить. Печерский, кажется, понял, и потому согласился послать вдобавок объяснение и разъяснение. Из разговоров по телефону с фронтом запомнилось, что с одной стороны Керенский объявляет, что Корнилов прислал к нему князя[1] Львова передать, чтобы Временное правительство сложило свои полномочия, так как Корнилов принимает на себя создание министерства и узурпирует власть, а потому объявляется изменником и смещается с должности, и главковерхом назначается генерал Клембовский с тем, чтобы тот оставался в Пскове.

В дальнейшем было передано, что Клембовский отказался, предлагает должность Щербачеву и Лукомскому, но и те отказались – за что объявлены изменниками.

Официально же лично сообщено не было. Затем сначала частным путем, хотя и по юзу, а потом официально пришла телеграмма Корнилова, где он говорит, что телеграмма Керенского за № 163 во всей своей первой части является сплошной ложью, не он послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал к нему как посланец министра председателя, чему свидетелем член Государственной думы А. Аладьин. «Таким образом, совершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества», пишет Корнилов.

Далее Корнилов призывает всех русских объединиться, потом в храм и помолиться о явлении величайшего чуда, чуда спасения Русской земли.

Объявление составлено горячо, искренно и прекрасно. Всякий порядочный человек должен по совести это понять.

Но где правда – что говорит неправду Корнилов, поверить невозможно.

Но «комитеты» и то, что требовал Корнилов, конечно, поставили солдат не на его сторону. Клич «не исполнять приказов Корнилова», моментально облетел все и всех. Члены армейского комитета полетели во все концы на паровозах.

Говорят, пишут об этом и посылаются телеграммы, что по направлению Петрограда посланы части, между ними Дикая дивизия. Они на стороне Корнилова, какая их задача еще неизвестно, надо думать, что арестовать Временное правительство и, главное, «рисовые» советы (Совет рабочих и солдатских депутатов)

[1] Ошибка автора: имеется в виду член Государственной Думы и обер-прокурор Священного синода во Временном правительстве (3.3–24.7.1917) Владимир Николаевич Львов, который не имел княжеского титула.

Кто победит? К сожалению, солдатская масса не на стороне Корнилова.

Что-то делается в Петрограде.

Целый день определенного ничего нет.

Объявление Корнилова официально не разослано, но неофициально, отпечатано на машинке и послано в корпуса.

По-видимому, генерал Корнилов отдал распоряжения и выжидает развития событий. Он прав. Помолившись Господу Богу, он ждет чуда спасения Родины.

Вера Твоя спасет Тебя!

Если он держится этого, то он победит. До чего озабочены комиссары и комитеты, проявляют усиленную деятельность, распространяют свое гнусное дело, восстановления солдатской массы против «контрреволюционных» выступлений — как они показывают и понимают дело спасения Родины.

На телеграфе поставлены особые делегаты, которые наблюдают, чтобы контрреволюционные распоряжения не распространялись в войска. Но они вызывают только смех — юзисты[1] не на их стороне и телеграммы идут, минуя этих революционных жандармов.

Сегодня приехали два французских офицера для ознакомления с постановкой противогазовой обороны, вчера они были в химической команде, завтра едут в 63-ю дивизию.

29 августа

Целый день в ожидании, комиссары нервничают и волнуются по поводу каждой поездки офицера. Но их надувают вовсю. Прознали, что полковник Иванцов командируется в Ставку (от подотдела 10-й армии союза офицеров), им сказали, что он едет в Москву за мотором для освещения.

Сегодня улетели в Могилев пять наших ап[п]арат[а][2], это их опять-таки обеспокоило. Но они еще не знают, что туда же пошел грузовик с бомбами.

Вообще организации прохвостов и мерзавцев.

К вечеру наштарм говорил, что (откуда, сейчас не знаю, агентская телеграмма или радиотелеграфная передача) уже намечается компромиссное решение. Шесть министров — кадеты, Чернов и некоторые другие социалисты уходят в отставку. Керенский почему-то считает невозможным

[1] Телеграфисты.

[2] Неразборчиво.

сложить с себя полномочия. Генерал Каледин объявил, что поддерживает генерала Корнилова, и если правительство не примет условий Корнилова, то он запрет весь юг и не допустит подвоза к Москве.

Что из всего этого выйдет, решить трудно, если у Корнилова имеются достаточные силы, то он еще может взять верх, но что-то сомнительно. Комитеты – армейские по указке сверху, а остальные через армейский комитет – сильно орудуют против Корнилова. «Приказание» не исполнять приказов Корнилова пущено уже всюду.

Командный состав игнорируется совершенно, все идет помимо. Командарм присутствует в армии, а не командует.

Тяжелые времена!

Возмущаюсь поганой ролью комиссаров (и фамилия-то – прапорщик Копейкин) и армейских комитетов, ведь с каким недоверием относятся они к командному составу.

Какое зло эти комиссары, комитеты – как они разлагают армию!

30 августа

Дело Корнилова проиграно – Правительство объявило его выступление мятежом. Генералы Деникин и Марков послали телеграммы, что вполне присоединяются к Корнилову – есть сведения, что они арестованы.

Верховным главнокомандующим по поручению Временного правительства назначен Керенский – временно, до успокоения умов. Начальником штаба генерал Алексеев. Передан разговор Алексеева с Корниловым: Корнилов зовет Алексеева скорее приехать в Могилев, затем советует, чтобы до его приезда Временное правительство отдало распоряжение, чтобы оперативные приказы Корнилова выполнялись, а для того, чтобы это имело какую-либо цену, надо, чтобы правительство запретило распространять о Корнилове всякие глупости. Алексеев обещал передать Временному правительству.

В Выборге восстание; агентская телеграмма передает, что, по-видимому, генерал Орановский погиб.

Передают, что под Петроградом железнодорожные пути разобраны, чтобы задержать войска, направленные Корниловым. Навстречу посланы правительственные войска.

31 августа

Сегодня целый день в Георгиевской думе, председательствует генерал Чоглоков.

Георгиевский крест присужден полковнику Фоку — очень рад за него, доблестный артиллерист.

Получены сведения, что Корнилов, Лукомский, Кисляков, Деникин и Марков отчислены от должностей и преданы суду за мятеж.

Говорят, арестованы Гучков, Пуришкевич, В. Львов и Аладьин.

1 сентября

Утром и до 16 часов продолжалась Георгиевская дума, разобрано 49 представлений.

Сегодня есть уже в газетах о предании суду всех указанных мной вчера генералов.

Для управления Петроградом образовано было генерал-губернаторство, назначен Савинков, генерал Маньковский был отчислен от командования войсками.

Сегодня по газетам командование войсками Петроградского округа восстановлено и назначен генерал Теплов (бывший командир лейб-гвардии Финляндского полка).

Говорили, что Каледин арестован, что генерал Крымов, командир 3-го конного корпуса, который шел на Петроград, застрелился.

События, вести мелькают скорее, чем в калейдоскопе. Совершенно не поспеваешь отдавать себе отчет во всем, что происходит. Пока ясно одно, что до конца разрухи, общего неустройства и развала армии очень, очень далеко.

Было одно время, когда как будто виден был какой-то просвет в оздоровлении армии. После твердых требований Корнилова как будто что-то начало улучшаться. И если бы тогда были введены хоть элементарные начала дисциплины, то еще можно было надеяться создать нечто похожее на армию. Теперь же, особенно после авантюры Корнилова, это уже немыслимо. Надо армию создавать совершенно изнова.

Когда говорили, что нужен человек, который смог бы взять страну в руки, я тогда же говорил, что это невозможно, так как нет никакой силы, на которую можно было бы опереться. Так и вышло. Корнилов попробовал, но сил-то не хватило.

Я считаю, что Корнилов поступил неправильно. Он должен был учесть, что сил нет ни достаточных, ни настоящих. Он должен был вести свою линию твердо, упорно, медленно, шаг за шагом отвоевывать то, что нужно для блага армии, а за ней и Родины. Я считаю, что это водворение порядка в России может быть только тогда, когда будет опять

настоящая армия, на которую сможет опереться то правительство, которое захочет повести государство по пути порядка.

До тех пор, пока правительство будет потакать низменным инстинктам массы, порядка не будет, не будет никакой устойчивости.

Вероятно, так думают и многие другие. Мне интересно также, почему руководители идут другой дорогой.

2 сентября

Приходят газеты, понемногу начинает вылепляться обстановка. Конечно, всей подноготной узнать нельзя, но все же интересно, как было дело. По-видимому, для Временного правительства Корниловское выступление было полной неожиданностью, поэтому ясно, что линия В. Львова исходила не от правительства; будет ли врать Корнилов в своем искреннем воззвании, что В. Львов посланец от правительства, но тогда Корнилов был кем-то направлен – кем же? Для какой цели? Благой, ускорить порядок, который застрял на мертвой точке или же мерзкой – натравить, разжечь страсти.

Как все условно, авантюра Корнилова не удалась – он мятежник. Удайся – Керенский и прочие оказались бы предателями, агентами Германии и проч.

Правда на стороне сильного.

Называю выступление Корнилова авантюрой, потому что нехорошо и не достаточно честно организовано и выполнено. Опять-таки все со слов газет. Считаю нечестным, так как войска не знали, на что идут. В настоящее время можно считать на своей стороне только тех, которые добровольно идут за мной. Слепого повиновения нет, если офицеры знали – это недостаточно. Вот и результат, солдаты сейчас же отказались от выполнения до конца своей задачи.

Я верю в желание Корнилова блага России, но он не учел всего, он пошел с малыми и не верными средствами, он вовлек много хороших людей, полезных, умных и дельных военачальников; мне жаль, что такие работники как Лукомский, Романовский, Деникин, Кисляков и, вероятно, еще и другие надолго, если не совсем, будут устранены. Зато как глупо, по-мальчишески держал себя Марков. Момент серьезный, пост его высокий – между тем такое пошлое поведение.

3 сентября

«Нового Времени» от 1 сентября нет – очевидно верно, что оно прикрыто; «Русское Слово» вышло. Самоубийство генерала Крымова подтверждается. Особенно нового ничего нет.

Объявлен новый состав Кабинета:
Министр-председатель и Верховный главнокомандующий – Керенский.
Министр внутренних дел – Кишкин.
Министр иностранных дел – Терещенко.
Министр юстиции – Малянтович.
Министр путей сообщения – Ливеровский.
Министр торговли и промышленности – Коновалов.
Министр народного просвещения – Архангельский.
Министр военный – генерал Верховский.
Министр морской – адмирал Вердеревский.
Министр финансов – Бернацкий.
Министр труда – Скобелев.
Министр земледелия – Авксентьев.
Министр госуд. призрения – Ефремов.
Министр почт и телеграфов – Никитин.
Министр исповеданий – Карташев.
Министр продовольствия – Прокопович.
Государственный контролер – [...][1].

Газеты отмечают еще несколько лиц, арестованных в связи с «контрреволюцией».

Мой захимарм капитан Черных, кажется, серьезно заболел психически на почве политических бредней. Конечно, ему неоткуда набраться большевистских идей, но глупости болтает порядочные, все над ним издеваются, а он серьезно отвечает каждому – у него какая-то мания говорить.

Недавно так увлекся, что орал на все управление – два раза передавал через капитана Лагунова просьбу не кричать и не мешать работать – ничего, позвал к себе: «если это вам мешает, то я не буду».

Вчера вызвал к себе и сказал ему, что так вести себя не корректно, он возражал, что свободный гражданин может вести себя как ему угодно. На указание, что это вообще неприлично и что при таких условиях мы вместе работать не можем, он возразил, что я волнуюсь и злопамятен.

Так мне и не удалось обиняком убедить его поискать себе другое место, следующий раз уже придется предложить уйти без всяких обиняков.

Случайные назначение всегда неудача – надо бы освободиться от Черных и Лагунова.

[1] В рукописи пропущено.

Получил вторично письмо от генерала Попова, редакция та же, очевидно, переслано через сына. Очень бы хотел устроить, но как сделать, не знаю. Лагунов очень не подходящ, да и главное держит себя слишком запросто с солдатами и Бауце.

Ни писарями, ни тем более командой совершенно не интересуется, не ходит проверять, что делают. Сидит себе в управлении и тут ничем не интересуется и ничего не знает. Все в руках Бауце.

Полковник Попов тоже не находка, ничего не может направить, ничего не может взять в руки. Правда, следит за картой, составляет сведения об артиллерии противника, но если дать ему поручение сделать что-нибудь серьезное, то... всегда с ошибками, потому что дело делает среди разговоров, смешков или истерических выкриков. Выбор неудачный... Оказалось, не умею выбирать людей, печально.

По строевой части умел, а вот тут помощников — не вышло. Так со времени напросившегося Мдивани у меня нет хорошего помощника, который бы не только помогал, но и был инициатором хотя бы некоторых работ.

4 сентября

Сегодня был небольшой конфликт с командармом. Он уже давно говорил о желательности составления карт с нанесенными точками обстрела артиллерией противника. Я поручил это составить офицерам, объединяющим наблюдение за немецкой артиллерией — долго не получал образцов. На днях получил, сегодня показал, указав на то, что такие схемы не ведутся. Командарм окрысился... он-де давно уже потребовал, но до сих пор не исполнено. Увлекшись тем, что это еще не сделано, совершенно безучастно отнесся к моему заявлению, что не только это, но даже доставление еженедельных сведений идет у нас кое-как.

В это время пришел комиссар армии, и разговор закончился ничем, пришлось сказать, что будет сделано... и все.

Все мы нервничаем, поэтому естественно и в нем, хотя для высокого поста надо уметь себя сдерживать и внимательно относиться ко всем докладам. Какая разница с Киселевским!

Сегодня был интересный случай. Во время Корниловской эпопеи солдаты одной из батарей 132-го артиллерийского дивизиона волновались по поводу того, что офицеры разговаривали между собой без присутствия солдат, что командир дивизиона собирал командиров батарей и проч., на этой почве в грубой форме потребовали объяснений от командира

батареи [под]полковника Баркалова (имеет Георгиевский крест, за бои ему присужден солдатский Георгиевский крест, за те же бои присуждено Георгиевское оружие). Затем, после того, как подполковник Баркалов по вызову в Ставку доехал до Минска и, не пропущенный дальше, вернулся, солдаты комитета снова в грубой форме спрашивали, куда он ездил. Возмущенный поведением солдат, с которыми до сих пор у него были отличные отношения, подполковник Баркалов решил уехать, для чего хотел поехать в штаб дивизии, чтобы освидетельствоваться для эвакуации. Солдаты не дали лошадей и экипаж, подполковник Баркалов пошел пешком.

Комитет подал жалобу комиссару армии, и тот вызвал к себе подполковника Баркалова. Вот вчера подполковник Баркалов приехал к комиссару и просил кого-либо из офицеров штаба быть свидетелем разговоров с комиссаром — пошел подполковник Попов.

Благодаря энергичному отстаиванию своих интересов, интересов офицера и командира подполковник Баркалов добился утверждения комиссаром, что солдаты были не правы. В этом духе, в конце концов, комиссар составил увещевательное письмо комитету батареи, советуя «дорогим товарищам» поспешить прислать письмо с извинениями командиру батареи. И то спасибо. Затем, после Баркалова, у комиссара был еще штабс-капитан Таргонский, командир 117-й батареи. Таргонский ко мне не заходил, а потому его дела не знаю.

Большое же значение имеет самый факт вызова офицеров к комиссару... нечто вроде земских начальников или мировых судей. Только с окраской в определенную сторону. До чего мы дожили, до чего еще можем дожить!

5 сентября

Приехал из Ставки пробравшийся туда капитан Яковлев — привез знаменательные исторические приказы главковерха № 897 и № 900. (Подшитые приложены к дневнику[1].) Из них рисуется совершенно иная окраска выступлений Корнилова.

1) Выступление Корнилова было заранее предрешено Керенским, Савинковым и Корниловым.
2) Для переговоров с Корниловым от Керенского был прислан В. Львов, передавший три варианта реорганизации власти.

[1] В приложении к дневнику этих документов нет, по видимому, они были изъяты самим А.М. Сиверсом. Но в приложении В они восстановлены по публикациям.

3) Отказ Керенского и Савинкова по прямому проводу во время их разговоров с Корниловым от всего прежде условленного.
4) Посылка конного корпуса генерала Крымова – была по соглашению с Керенским для борьбы с большевиками, в оправдании их выступления и не имела значения «Корниловских противоправительственных войск».
5) Знаменательны слова Керенского и Савинкова, чтобы Корнилов был осторожен, так как в числе министров есть люди ненадежные.

В рассказе капитана Яковлева мало нового, все больше слухи, может быть и верные, а может быть и сплетни. Сейчас отличить правду от сплетни трудно. Значение имеют лишь документы.

В Петрограде, говорят, спокойно, но с 10 сентября будет воспрещен въезд, надо торопиться ехать, иначе будет хлопотно достать разрешение.

Объявленный на днях состав министров распался. Установлена директория пяти лиц:

Керенского, Терещенко, генерала Верховского, адмирала Вердеревского и Никитина. Эти министры управляют своими министерствами, а во главе остальных ведомств будут временно состоять управляющие.

Правительством провозглашена Российская Республика. «Срочная необходимость принятия немедленных и решительных мер для восстановления потрясенного государственного порядка побудила Временное правительство передать полноту своей власти пяти лицам из его состава с министром-председателем во главе».

6 сентября

Кончил и напечатал на машинке отчет об операции 6–10 июля. Хотел бы напечатать несколько экземпляров в типографии.

Просил командарма в отпуск – еду. Очень рад. Надо вздохнуть. По нынешним временам быть полтора года на одной должности это сверх сил. Еще возможно работать, если иметь какие-либо перемены и отдых в промежутке.

Собираюсь выехать 8-го числа.

7 сентября

Нового ничего нет. Из политики – Керенский поехал в Ставку. Казаки стоят за Каледина. Каледин дал объяснения, ему овации. Крики «ура» и при упоминании о Корнилове.

Вообще «Корниловщина» – весьма смутная история. Мое впечатление, что сорвалось – сорвалось и у Корнилова, сорвалось и у Керенского.

Что Керенский отступился, так ведь лес рубят — щепки летят. Он счел, что вместо того, чтобы обоим лететь в пропасть, проще и удобнее одному. Есть латинская поговорка — человек человеку волк. Особенно это справедливо в настоящее время. Сегодня ты — а завтра я.

8–10 сентября

8-го с утра занимался укладкой, днем прощался с Ломновским, сидел у меня Рыльский.

В 19.20 выехал в Петроград. Ехать было сносно. Приехали с опозданием всего на полтора часа — около 10 утра.

Здесь неважно. Грязно, солдаты всюду — вид их омерзительный, никакого подобия на молодцеватых, бодрых солдат старого времени. Оборванцы, нестриженные, невоспитанные, на улицах занимаются торговлей всякой мелочью. У Александровского рынка толпы в несколько сот, а может быть и до тысячи, продают все, что ни попадется под руку. Развал невероятный.

В строю курят, руки в карманах. Офицеры подают руку унтер-офицерам.

И это войско! Да неужели у вершителей судеб не обливается сердце кровью! Ужас и отчаяние. Может быть, обновление и нужно, может быть, жизнь требует иных путей, иной манеры вести дело. Я согласен, что многое было не так, контраст жизни офицеров и солдат был резкий, но... Ведь офицер всю жизнь на службе, солдат три года. Офицеры живут так же как и все, только как все живут, никто не видит и никому нет дела. Офицеров же травят.

Необходимо всеми мерами бороться с пьянством, грубостью, невоспитанностью, воровством среди офицерства — это верно. Однако не вся же масса подвержена указанным порокам. Точно никто больше не пьет, не ворует; точно все уже так галантно воспитаны. Отсутствие воспитания — это дух нового времени. Ведь отсутствие воспитания резко бросается в глаза за последние 10–15 лет. Откуда же это — хам пошел в училище?

Надо воспитать офицерство, тогда это будут лучшие начальники-руководители, надо чтобы все проходили военные академии, тогда будут сведущие офицеры.

Чтобы улучшить жизнь солдат и сделать ее менее тягостной, необходимо образование массы и культурное воспитание. Тогда не угрозы, пытки, аресты и проявления грубой силы заставят их «служить» не за страх, а за совесть. Надо с этого начать.

Свобода ничегонеделания, это только развращение солдат и как результат развал и позор всей армии.

10 сентября

Согласен с Ломновским, что не видеть этого нельзя, а потому все что делается для уничтожения армии, делается умышленно и планомерно.

При таких условиях продолжать служить, ежедневно насиловать себя невозможно.

11–15 сентября

Видел А.А. Сиверса и Н.Н. Сиверса. Ничего интересного не узнал от них. Живут изо дня в день теми же газетными слухами, как и я.

Сенсационная новость! Ушел Ломновский и назначен командармом 10... генерал Шихлинский.

Такой сюрприз, что я не удержался и позвонил к мадам Рыльской. Она получила от мужа письмо, что Ломновскому удалось быть зачисленным в резерв. Когда же он начал хлопотать, по-видимому, еще раньше. Счастливец!

Но Шихлинский – не командовал во всю свою жизнь ничем – какой же он командующий?

Неужели умения «приспособляться» достаточно, чтобы быть командующим?

Боже мой, куда мы идем!

Инспартзапом назначен генерал барон Майдель.

Ну и служи в такой компании! Пока они решат, что за старостью и непригодностью надо меня сплавить, я и сам уйду.

Не следует ожидать «ушли».

Сам уйду! Я это предполагал, но теперь нет уже никаких сомнений.

16–20 сентября

Сижу болею дома – выхожу для прогулок и кое-каких прогулок. Больше пешком. Извозчики на Морскую 2–3 рубля, подальше 5–8 рублей, нечто невероятное. Цены на все тоже изумительные. Фунт колбасы, стоивший много 40 копеек, теперь 4–6 рублей. Все в этом духе.

Приехал Б.Д. Куликовский лечиться (геморой).

На днях вечером пришел генерал Балашов, они с женой приехали тоже лечиться – делают прививки от укуса бешеной собаки.

Видел лейб-гвардии 2-й – Богачева, Мировича (старшего), фон дер Ховена (старшего). Приехал И.П. Михайловский, назначенный начальником Михайловского артиллерийского училища.

Продаю мелочь, набирается много – за хлам получил уже около 325 рублей. За мебель дают немного.

Надо ликвидировать пока все излишнее.

Встретил генерала Савримовича — постарел очень, вид больной.

Был у генерала Потоцкого — до сих пор не может помириться с тем, что его выставили. Пока еще числится в резерве, собирается в отставку. Вид у него бравый.

На улице видел Олохова, Горбатовского. Олохов в штатском, оно и лучше, по крайней мере, как бы со стороны смотришь на всю солдатскую распущенность и их гнусный вид — кто ходит в растерзанном виде, кто, наоборот, имеет вид, как в былые времена, мерзейший писарский, почти все с длинными волосами. Руки в карманах, толкаются, ругаются отборными словами, не стесняясь никого и ничего.

Тот, кто служил прежде, не может не возмущаться этой невозможной ордой грубых насильников, этой разнузданной, животной толпой бездельников. Только трусящие за свою шкуру могут, закрыв на все глаза, уверять других, что это войско, что это армия. Уверять других, ибо сами, конечно, не верят в то, о чем говорят.

Полная гибель всего. Гибель всего государства.

21–25 сентября

Сегодня 25 сентября — всегда праздновал день праздника «Пятой»[1].

За эти дни ничего интересного не было, ничего не слышал, да и слышать-то неоткуда. Все в сущности узнают из газет или же путем сплетен. Газеты многое скрывают, то есть лучше сказать «по старому режиму» — не позволяют о многом писать.

Там, где «правят», идет переливание из пустого в порожнее, ничего, конечно, сделать не могут, потому что «рисовые» комитеты опираются на всю распущенную массу солдат, а правительству опереться не на что.

После войны, если захотят иметь какую-нибудь силу для поддержания порядка и охраны этого порядка, нужно завести на первое время завербованное войско, с хорошей платой и определенными контрактами. Опираясь на эти войска, водворить порядок, а затем постепенно переходить на общую воинскую повинность. Все это, однако, при том условии, чтобы войска политики «не касались». Иначе яд, отравляющий теперь армию, останется, и ждать фактической силы, послушания и чувства опоры будет «бездельное мечтание».

[1] Имеется в виду праздник 5-й батареи лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, которой командовал А.М. Сиверс, будучи полковником.

Судя по газетам «острота» дела Корнилова ослабевает, какие-то невероятно странные заявления Львова, что он забыл то одно, то другое – как было дело, кто кому и в какой форме говорил. Все темно если отрешиться от простого понимания вещей.

Разговоры здесь нервные, часто панические – но все живут. Уезжают или очень богатые или очень панические. Во всяком случае, хаос полный.

26 сентября

Сегодня был у генерала Леховича – выглядит отлично, не ожидал его видеть таким цветущим. Прошлый мой приезд он был гораздо утомленнее.

Зато само ГАУ производит удручающее впечатление. Толкучий рынок. Народу масса, офицеры, девицы (служащие писарями), вольные и всякая всячина. Я думаю, и темных личностей, и шпионов достаточно. А грязь!

Полная «демократизация».

Интересного от Леховича не узнал ничего.

Снова составлен новый кабинет, смены министров при новом режиме пожалуй чаще, чем при старом.

Министр-председатель и Верховный главнокомандующий – Керенский.
Министр внутренних дел – Никитин.
Министр иностранных дел – Терещенко.
Министр юстиции – Малянтович.
Министр путей сообщения – Ливеровский.
Министр торговли и промышленности – Коновалов.
Министр народного просвещения – Салазкин.
Министр военный – Верховский.
Министр морской – Вердеревский.
Министр финансов – Бернацкий.
Министр труда – Гвоздев.
Министр земледелия – Маслов.
Министр госуд. призрения – Кишкин.
Министр почт и телеграфов – Никитин.
Министр исповеданий – Карташев.
Министр продовольствия – Прокопович.
Председатель Главного экономического комитета – Третьяков.
Государственный контролер – Смирнов.

Долговечна ли будет эта компания, так как уже сейчас идет агитация «рисового совета», возглавленного г-ном Троцким, против этого кабинета.

27–29 сентября

27-го днем был у коменданта Царскосельского вокзала, записался на место, утром 28-го взял билет и в 17.50 уехал в Молодечно.

Очень не хотелось уезжать, нет души к работе, ибо она впустую. Работать без сердца невозможно.

Доехал хорошо, в Минске был вагон, поезд отошел после 24 часов.

Из Петрограда ехал вместе с полковником Драке, генералами Балтийским, Вандамом (...)[1] и Жновым. Последние трое в резерве и командированы на фронты для выяснения желательных сокращений штатов офицеров и солдат.

Приехал в Молодечно ночью, в 8 утра подали автомобиль, и в 8.20 я был дома.

Настроение то же, как и перед отъездом, так же мучительно хочется скорее уйти. Не могу работать. За какое дело не примусь — нет охоты продолжать.

В 11 часов пошел к Шихлинскому, у него комиссар, ушел и снова потом в 12 часов — опять тот же комиссар. Сидит с 10 часов, о чем можно говорить два часа подряд? Все же вошел, но так как Шихлинский собирался ехать в армейский комитет, то я сейчас же ушел. Днем Шихлинский меня не вызывал, а потому не мог с ним поговорить о зачислении меня в резерв.

30 сентября

Получил письмо от И.П. Романовского, письмо не имеет вовсе мрачного тона, наоборот, очень бодрое. Другое письмо от Люце, просит бригаду — придется отклонить. Сейчас вообще трудно устраивать, так как через инспартармов назначения не проходят, на освободившуюся вакансию сейчас же в корпусах хлопочут о своих кандидатах; а затем, Люце не находка, чтобы о нем стоило просить. Просить можно за тех, в ком уверен, иначе это будет как с аттестациями мирного времени, когда даешь хорошую аттестацию, дабы не портить службы, а затем такие «гуськи» проявляют себя и в благодарность так скандалят, что потом краснеешь за него и себя.

Генерал Шихлинский — командарм самой новейшей формации. Любопытен его вступительный приказ. Во-первых, «я приступаю к исполнению народного дела, доверенного мне народным вождем А.Ф. Керенским».

[1] В тексте рукописи между фамилиями Вандам и Жнов имеется незаполненный пробел, взятый в кавычки. Возможно, А.М. Сиверс хотел дописать там прежнюю фамилию генерала Вандама – Едрихин, которую тот сменил в 1907 г.

Фраза многозначительная: почему Керенским? – можно сказать правительством, народом, Россией, что угодно, но Бога ради, почему «дело, доверенное Керенским»? Почему народным вождем – какой Керенский народный вождь, он может быть назван вождем (водителем) народа, но никак не народным вождем.

Не спасение ли все это своей шкуры – поставлен Керенским, а не Корниловым, а потому верьте мне! Дальше приказ в том же духе плюс татарская манера.

Ну, Бог с ним, пусть ведет «дело Керенского» уйти подальше от подобных «дел».

1 октября

1 октября, пока товарищи еще с позиций не ушли, но отказываются принимать теплую одежду и строиться на зиму. Между делом занимаются «эксцессами». Сегодня что-то в 44-м стрелковом полку. Правда, виноваты офицеры – но разве их можно винить? Мотивом недоразумению – полковой праздник, и офицеры напились. Я их понимаю – от такой собачьей жизни, дорвавшись до вина, вполне естественно, что выпили лишнее. Нехорошо, не ко времени, но пусть в них бросит камень кто безгрешен!

Почему это «преступно» для офицеров и сходит с рук солдатам? Да что об этом говорить, куда ломиться, каждый понимает, по умным лицам никто не хочет видеть, никто не хочет слышать.

А немцы свое дело делают, пользуются нашим бессилием и, воображая себя героями, а может быть и ничего не воображая, а просто пользуясь, как мелкий воришка, ротозейством обывателя, тащат из кармана кошельки. Они уже высадились на островах Эзель и Даго.

В Петрограде, вероятно, новая паника, снова усиленные разговоры о разгрузке и эвакуации. Бедные наши семьи – беспокойство за близких и волнения за себя. Как быть, что делать. И посоветоваться нет возможности. Уехать – но куда, всюду не сладко.

Боже, дай сил вынести все это! Весь кошмар, всю эту тяжелую долю!

Утром заходил ко мне Шихлинский, я ему сказал, что хочу в резерв – он по обычной манере промычал что-то и перевел разговор на другую тему.

Придется завтра снова идти к нему и окончательно решить этот вопрос, дальше оставаться я не могу.

2 октября

Конец – путь отрезан. Был у Шихлинского, сказал, что ухожу. Худо ли хорошо – дело сделано. Я по совести не могу больше работать так, как я работал раньше, а раз нет сердца к работе, то сидеть и получать жалованье непорядочно.

Вчера целый день волновался – сегодня полное спокойствие, как-то совсем хорошо на душе. Тяжелое оставляю позади себя – инцидент в 44-м полку, как выясняется, произошел оттого, что на празднике полка и.д. наштадива капитан Зуев (причислен к Генеральному штабу и офицер 2-й Сибирской стрелковой бригады), хорошо подвыпив, провозгласил тост за Корнилова, сначала «обиняком», а затем, когда его вывели по распоряжению комкора и возвратясь через некоторое время, он вновь уже открыто пил за здоровье Корнилова. Это и послужило причиной выступления солдат и ареста ими 12 офицеров.

С 1 октября разрешены отпуска и не на 3 недели, а на 5 недель. Полковник Попов поэтому сегодня же уезжает на полный срок.

В номере «Русского Слова» от 29 сентября описаны ужасы, пережитые Деникиным, Марковым, Орловым, Эрдели и другими. При переводе их из Бердичева в Старый Быхов.

Четыре часа они были под угрозой самосуда, четыре часа наглого издевательства солдатской толпы. Эти кошмарные четыре часа не пройдут даром в жизни этих несчастных героев. Все почти Георгиевские кавалеры, имена, заслужившие историческую память. Неужели судьба не вознаградит их за те сверхчеловеческие переживания?

Что-то невероятное творится. Нет, видимо, ни стыда, ни совести у тех людей, которые виновны во всем. Да что говорить о стыде – когда они позорят, унижают и продают Родину.

Поневоле перефразируешь немцев. Боже, покарай этих предателей!

В 18 часов генералом Шихлинским заведены доклады по разным отделам штаба – это уже было при генерале Цурикове. Особой пользы не вижу, во всяком случае, так, как эти доклады поставлены. Мне бы казалось, что следовало бы или еженедельно, или два раза в месяц приглашать комкоров, наштакоров и инаркоров для обсуждения текущих вопросов. Тогда было бы единение и действий, и работы, все шли бы к одной определенной цели.

3 октября

Ничего существенного и серьезного нет. Стреляют немцы, стреляли мы; как те, так и другие ведут по всей вероятности бесполезный огонь. Что

огонь немцев ни к чему, это мы знаем, полезен ли наш огонь, конечно, неизвестно, но полагаю, что тоже ни к чему, так как донесения чаще отмечают стрельбу по рабочим. Эта стрельба как дополнительная к другой, имеющей более важные и определенные задачи и цели, имеет значение, но обстрел рабочих как главнейшая задача конечно бесцельна.

Командарм сегодня уехал в 38-й корпус.

Газеты полны описаний «дела Корнилова», между строк мне читается полное недоумение, в чем же в сущности «дело», где измены, где мятеж. Человек, стремившийся поддержать правительственную власть, дать ей возможность опереться, сбросить с себя все, что связывает, дать силу водворить порядок – этот человек клеймится изменником. Или это действительно «историческая провокация», или же спасение своей шкуры, когда намеченное сорвалось.

И это, и другое – грязное дело. Нечестные руки касаются людей, действительно служащих идейно на благо Родины.

4 октября

Новостей нет – если не считать вошедших уже в обычай избиений и убийств офицеров. Эти дни был сначала избит, а затем убит командир запасного батальона одного из полков. Убит зверски – когда он пришел в себя после первого избиения, сел на лошадь и побрел домой, толпа солдат снова накинулась на него, стащила с лошади и так избила, что он тут же умер.

Газеты печатают специальный отдел, посвященный «Гражданской войне». В Тамбовской губернии крестьяне одного села числом до 3000, помолясь Богу, запрягли до 2000 подвод и отправились уничтожать имение. Сняли железо с крыш, снимали стропила, балки, двери, окна – работали как при постройке нового, аккуратно. Увезли все имущество, расхитили скот и инвентарь, а затем оставшееся подожгли.

Грабежи, убийства повсюду – где же жить?

До каких же пор люди, взявшие на себя власть, будут хладнокровно смотреть на все это?

5 октября

Ожидавшаяся, но, тем не менее, тяжелая весть о взятии немцами острова Эзеля. По-видимому, в плен попало до 10 тысяч. Захвачены наши береговые батареи.

Точных сведений нет, но, по-видимому, часть нашего местного флота заперта в Рижском заливе. Потоплена «Слава».

До чего все это нестерпимо тяжело и грустно.

За мое отсутствие ушел комкор 3-го генерал Надежный командиром 42-го корпуса в Выборге. На его место назначается генерал Дзичканец (бывший начдив 29).

Командарм эти дни разъезжает — вчера вернулся из 38-го корпуса Сегодня ездил в 1-й Сибирский или 2-й Кавказский, точно не знаю, вечером уезжает в Минск к главкозапу.

6 октября

Холодно — погода совсем осенняя. Вчера был сильный ветер и мелкий дождик, к вечеру дождь усилился. Сегодня холодно, тоже дождь, но менее сильный ветер.

Последнее время в комнате забегали мыши — выживают, говорят, это примета. Пора кончать здесь работу. Жалко, слов нет, бросать дело, привык и люблю артиллерийское дело. Но сил уже больше нет — переутомился и не выдерживают нервы. Необходимо привести себя в порядок. Начинаю приготовляться к отъезду — заказал ящики для перевозки вещей. В понедельник будут готовы. Когда-то будет возможно уехать! Е. Ф. тоже нервничает в Петрограде, неизвестность будущего очень неприятная вещь, пенсия 4800 рублей тоже по теперешнему времени мало. Нищета не полная, но далеко до создания спокойной и обеспеченной жизни под старость. Надо искать дела, какой-нибудь платной работы.

7 октября

Приехавший из Минска командарм передает слух, что генерал Балуев уходит или вернее его уходят, а на его место будет генерал Данилов (рыжий) или генерал Леш. И то, и другое неважно. Первый хоть умный, но, по-моему, мало осведомленный в строевой жизни и распорядках. Впрочем, Похвиснев как-то очень давно сильно хвалил Данилова за его правильные взгляды и оперативные предсказания.

Засим нового нет ничего. Если не считать болтовни приехавшего «сокращать» генерала Жнова. Эта балаболка все время пересыпает «военный министр, Временное правительство» и тому подобные жупелы. Сокращать до 30% намечено тыловые организации! Они так много стоят так много требуют продовольствия, что если их не сократить, то... нужно заключить сепаратный мир. А если мы дойдем до такого положения, то союзники раньше заключат за счет России. Болтал он также о какой-то экстренной телеграмме — что через три месяца будет перемирие.

Вообще большевики не зевают и все глубже и глубже развращают армию, провоцируя в духе сокровенных желаний солдатской массы, вернее, ее худших элементов, так как я все же считаю, что большая часть солдат благомыслящая и лишь под давлением уродливого понимания «свободы» распустились, распоясались и отупели.

8 октября

Вчера начался офицерский съезд 10-й армии. Хотя офицерский, но позваны были и солдаты. Съезд собрал комиссар армии (Пасечный). Говорят, вначале был большой хаос, так как комиссар хотел, чтобы приглашенные солдаты были с правом голоса, но, в конце концов, установили, что в решении они участия не примут, а могут только иметь совещательский голос. Вести собрание комиссар не умеет совсем, вступительную речь сказал слабо, по шпаргалке.

Были курьезы – один офицер заявил, что офицеры полка не пожелали посылать делегатов, но командир полка сказал – поезжайте, посмотрите, что будет. Другой офицер, желая охарактеризовать положение России, заявил, что прежде Россию изображали красивой женщиной, а теперь ее изображают публичной женщиной. Комиссар возмутился и потребовал удаления офицера, но за него встали все, и так как оказалось, что комиссар не так понял офицера, а потому извинился перед ним.

Сегодня офицеры говорили на тему о положении в армии. Все утверждают, что армии нет, офицеры ничего не могут сделать, так как главное желание солдатской массы – мир. В офицерах они видят противников мира, а потому относятся к ним враждебно. Один солдат какого-то комитета заявил, чтобы он со съезда «без замирения» не возвращался. Восстановить дисциплину и боеспособность армий невозможно. Всякое слово о необходимости вести войну вызывает острое раздражение. Мир во что бы то ни стало, чувство позора родины совершенно непонятно солдатам. Вообще картина удручающе тяжелая.

Перед ужином приезжал к командарму комкор 1-го Сибирского генерал Искрицкий и наштакор полковник Костяев по поводу смены корпусов. Эти дни 1-й Сибирский корпус должен быть сменен 2-м Кавказским корпусом. Вся артиллерия остается на местах. В оперативном отделении не очень одобряют командарма, со своими речами и приказами он уже садился в лужу.

Так, рекомендовал не назначать работ по воскресным и праздничным дням, в ненастную погоду и т.д. – в результате понижение работ бо-

лее чем на 10%. В разговоре с одним из полков о необходимости занятий командарм сказал, что занятия необходимы, чтобы не скучать без дела. На следующий день в полку брожение, отказываются заниматься, ссылаясь на то, что командующий говорил, что занятия должны быть, когда скучно — а нам совсем не скучно. Анекдотов уже много. Возня с солдатами вызывает неодобрение офицерства. Мои писари начинают наглеть — самолично захватили избу, которая предназначена была конарму[1] графу Толь. Правда, в том помещении, которое было у них, чрезмерно тесно. Комендант на записку генерала Андреева никакого ответа не давал, когда писари обратились к нему лично, он ответил — ищите сами. Вот они и нашли. Я бы ничего не имел против, пусть комендант не говорит вперед глупостей, но меня возмутил злобный, наглый тон писарей.

Сегодня ходил, смотрел разные помещения и, кажется, нашли им подходящее помещение. Проклятая почта — за 10 дней, что я уехал, из Петрограда было только одно письмо от Е.Ф. от 29 сентября; с тех пор, то есть уже четыре дня, нет писем.

9 октября

Еще день и нет писем, это уже становится неприятно. В сущности, должна была бы быть телеграмма, если не ответная на мою, то посланная очередной в субботу.

Послал в Петроград Стасяка узнать, в чем дело, а также какие соображения относительно эвакуации.

Совершенно нельзя теперь даже что-либо предположить, пойдут немцы на Петроград или нет. Сегодня писари устроили «бенефис» — взяли и перенесли все свои вещи в Управление. Невероятная наглость, а по-прежнему — дерзость! Им была временно, на несколько дней отдана еще одна комната, так что разместиться было где, а затем комендант обещался освободить довольно большую комнату. Они же не перенесли вещей, остались в квартире полковника Толь и, когда пришли рабочие белить, то притащили свое имущество в канцелярию. Не спросив разрешения, а прямо нахально приперли!

Записываю этот инцидент как показатель разложения даже в писарской команде, которая по условиям жизни и близости к офицерам еще лучше, чем части на фронте.

[1] Так в рукописи. В русской армии не было кавалерийских соединений на уровне армии. До 25 августа 1917 г. граф А.А. Толь являлся командиром 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка, дальнейшее назначение неизвестно.

В 18 часов был недельный доклад в оперативном отделении штарма. Начштарм отмечает значительное понижение процентов работ. Странный человек генерал Платов – очевидно больной, нельзя сказать слова, чтобы всего не переводил на себя. Собирается уходить и что-то дальше сборов не идет, только говорит. Затаенная мысль, что при натиске немцев здесь будет опасно. Всячески старается выведать, насколько опасно и как близка опасность. Больной человек, цепляется, как бездомная собака за каждого, кто к нему хоть немного ласков.

10 октября

Командарм спешно вызван в Минск во фронт для выяснения текущих событий по поводу смены частей на фронте, отказов от занятий, работ и т.п.

Что-то разговор об уходе генерала Балуева затих.

Днем был в семье прокурора Шереметева, он и она живут вместе с ее сестрой, которая замужем за полковником Гоерцом.

Вчера был у меня д-р Вакье, осматривал и обещал мне дать свидетельство состояния моего здоровья в настоящий момент. Это будет необходимо в будущем для отставки по болезни.

11 октября

История с писарями продолжается. Вчера вечером пришел ко мне писарь Пурпов, которого я решил выставить, и довольно нахально спросил о причинах откомандирования. Отправил его к чертям. Сегодня днем собрался комитет Управления и «постановил» довести до сведения армейского комитета или чего-то в этом роде о восстановлении «справедливости». Протокол составлен в очень корректной форме.

Вчера получил, наконец, телеграмму, а сегодня письмо от Е. Ф.– письмо от 1 октября, а телеграмму не разберу, как будто от 10-го. Во всяком случае, недавняя – и то хорошо.

Днем был с докладом у командарма, а затем пили чай у его жены по случаю ее рождения. Были Рыльский, Самойло, Вальтер, Шишкин, затем пришел комиссар.

12 октября

История с писарями разрастается – сегодня приходил помощник комиссара «выяснять», так как писарь Пурпов – член управленского комитета, и без его «собственного» желания не может быть переведен.

Объяснил ему, что в данном случае Пурпов выставлен мною не как член комитета, а как дурной человек. Возвращение его временное, так как за первой вероятна и вторая выходка. Поэтому я бы не желал его сохранить, но если это нужно, то могу принять только в случае, если Пурпов и остальные поймут, что наглость и нахальство качества не похвальные, что так вести себя нельзя и они сознают свою вину. Сознают действительно, а не ради того, чтобы остаться.

До ночи помощник комиссара ответа не дал — не знаю, чем они порешили.

Писем нет из Петрограда — это нечто сверхвозмутительное! Не знаешь, куда и к кому обратиться.

Кроме этого, ничего нет для записи.

13 октября

Еще меньше для записи. Письмо Шихлинского дошло до главкозапа, значит скоро и конец. Главкозап предлагает на мое место Скерского, а Шихлинский намечает Вешнякова. Кандидатура Михайловского не проходит, так как, во-первых, он молод, а Шихлинский только что писал, что противник выдвижения не по порядку, а затем неловко говорить относительно Карагана, которому он рекомендовал Михайловского.

Наконец инспартармам дали свои автомобили, из химических команд, но тот, который назначен мне, полгода в мастерской в Смоленске и слабый — всего 14 сил.

Не удастся последний отъезд сделать на своем автомобиле.

Пускаюсь в неведомую жизнь. Господь поможет.

14 октября

Приехал Стасяк, привез письмо от Е. Ф. — паники нет; решили сидеть во что бы то ни стало. Слава Богу, что нет тревоги, и относятся более или менее хладнокровно. Слишком много было тревог за последнее время — чувства притупились.

Около 10.30 утра собрались инаркоры — генерал Андреев, генерал Руднев, генерал Бодиско и генерал Гуржин. Собеседование было по некоторым текущим вопросам. Около 15 часов всей компанией пошли к командарму, где просидели до 16 часов. Генерал Бодиско командармом задержан, оказалось, что по аттестации «снизу» он признан «старого режима», но по технической части на высоте. Генерал Шихлинский сказал, что в настоящее время сначала ставится политическая благона-

дежность, а затем технические знания. Это в высшей степени знаменательно – в специальном деле специальность на втором месте.

15 октября

Все на месте – ничего нового, впрочем, есть очень неприятное – это неудачи итальянцев. Немцы прорвали фронт к северу от Горицы, продвинулись на большом пространстве на 50 километров в глубь, захватили до 601 тысячи пленных и 450 орудий. Погром основательный. Случилось это не сегодня, а уже несколько дней назад; сегодня только подтверждение.

У Гоерца и Шереметева их жены – родные сестры, со мной был еще и генерал Рыльский. Это уже совсем мирные занятия.

16 октября

Наши метеорологи дают удивительные предсказания, преимущественно наоборот тому, что случается в действительности. Несуразность в силе ветра подчеркнул и послал военмету. Маленький военмет прибежал обиженный, но толку от этого мало. Мне кажется, что у них работа идет механически, я совершенно не сведущ в этой области, но полагаю, что изучение и искание причин несоответствия действительности с предсказанным может дать материал для исправления предсказаний – иначе это дорогостоящая игрушка.

Нет бензина – вторые сутки сидим вечером без освещения. На столе две свечки. У немцев в окопах электричество, откуда они берут бензин? Обидно, что у нас все есть, но нет доставки. Все расстроилось.

Неаккуратность и неумение предусмотреть – главные причины нашей разрухи.

17 октября

Снова без освещения. Это самая свежая новость и вместе с тем в данный момент самая неприятная.

Заболел капитан Лагунов и, по-видимому, серьезно, что-то с почками или вообще чем-то внутренним.

Прибыл штабс-капитан Попов на усиление управления, ввиду болезни Лагунова это более чем кстати.

Вопрос о писаре Пурпове заглох, по-видимому, комиссары поняли, что нельзя поддерживать всяких прохвостов только потому, что они члены какого-то комитета. Борьба с комитетами одно, а выставка прохвостов другое; если нет первого, то нельзя же мешать второму. Остальная свора писарей утихла. Может быть, поняли, что не их взяла.

Сегодня уехал в отпуск в Петроград генерал Искрицкий, послал с ним письмо.

18 октября

Зачислен в резерв генерал Киселевский — говорят, за погром в Ржеве. На его место назначен генерал Леш. Генерал Платов возится с комиссией, сокращающей штабы и тылы. У меня в Управлении я наметил сократить одного из захимармов и одного из военметов.

Получена телеграмма из Упарта на запрос Шихлинского, что Скерский и Вешняков кандидатами на инспартарма не состоят — вот странно. У нас проходят Мальковский, Андреев, а такие основательные генералы не внесены в кандидатские списки.

Закончил составление «заключения» по операции — надо печатать. Очень многие просят получить экземпляр.

Командарм уехал в вагоне во 2-й Кавказский корпус; ночует или в Залесье или в Прудах, ожидается завтра.

Штакор 1-го Сибирского из Беницы переходит в Красное, поэтому оттуда выселяют воздухдив 10! Предоставлен господский двор около Родошковичей, они просят перейти в Минск. Лично не вижу препятствий, что скажет командарм?

Света нет. Писем нет. Зато днем было яркое солнце.

19 октября

Получил брошюру одного из комиссаров Северного фронта В. Станкевича. Любопытно, сам ли составил или же ему кто-либо дал схему, во всяком случае, написано интересно, многое верно, хотя очень тенденциозно. Название брошюры «Якобштадский бой 8 сентября в историческом освещении».

Начинается брошюра историческим описанием причин наших неудач — «история нынешней войны — в сущности, история наших поражений» причину которых он видит в низком уровне нашего военного искусства и недостаточной обученности войск. В противоположность западным армиям, извлекающим из каждого боя урок будущего, мы относимся к этому инертно, совершенно не изучаем событий, оставляем без разработки военные эпизоды и не делаем из [них] никаких выводов.

Разбирая этапы наших неудач, он говорит, что под Сольдау было отсутствие умения организовать связь, отсутствие правильного управления, слепая вера в голую быстроту и натиск.

Великий отход было оценено лишь с точки зрения недостатков снабжения, отсутствию достаточного количества снарядов, винтовок и колючей проволоки, а на качество управления и умения войск не было обращено внимания. Почему были сданы Ковно и Новогеоргиевск, почему не были использованы Брест и Ивангород – до сих пор тайна.

Затем Стрыпа (декабрь 1915) и Якобштадт (март 1916) – среди начальствующих лиц не было веры в успех, отсутствовала тщательно, широко и всесторонне обдуманная подготовка, несогласованность отдельных родов оружия, дефекты в выборе участков наступления, неправильность организации и группировке наступающих сил, отсутствие настойчивости со стороны наших начальников.

Барановическая и Нейгутская операции – мы потерпели полнейшее поражение в наступательном бою. Наши войска не сумели воспользоваться идеей инженерного плацдарма и беспомощно заблудились в сети собственных траншей. Наступающие волны перемешались еще до выхода в поле... громадные силы, топтавшиеся на месте, несли значительные потери.

Митавская операция (декабрь 1916), блестяще начавшаяся, не удалась из-за неумения правильно пользоваться резервами, расположенные слишком далеко, они систематически опаздывают.

Далее он повторял, что выводы из многочисленных операций не были сделаны и уроки остались неиспользованными, он так характеризует состояние: «неподатливость опыту, неспособность самосовершенствоваться, отсутствие восприимчивости к новым методам войны и упорный консерватизм военных взглядов, составляют душу нашей армии при нынешнем ее управлении».

Используем ли мы опыт войны в будущем? – задает он вопрос.

Многое верно, действительно, мы мало обращали внимания на разработку минувших операций, не извлекали из них новых методов борьбы. Нас закидывали выводами и методами французской армии, которые часто непригодны для наших условий, но никогда не получали обработанных данных, пригодных и приспособленных для нас непосредственно.

Далее Станкевич указывает на влияние революции. Он говорит, что «демократия, взяв фактически в свои руки власть над армией, сочла себя вправе влиять на ее организацию устройства и быт... но сразу решительно и безоговорочно отказалась от соприкосновения с боевыми вопросами. И дело руководства стратегическими операциями остались в руках прежнего командного состава. Если к этому присоединить четы-

ре месяца отсутствия каких-либо занятий и в тылу и на фронте, полную растерянность и вялость командного состава, который более заботился о добрых отношениях и войсковыми комитетами, чем о боевом управлении войсками; если к тому же мы припомним подавленность нашего низшего офицерства, полное забвение боевых вопросов, решительно вытесненных вопросами политическими — мы получим более чем достаточное объяснение наших неудач на Юго-Западном и Северном фронтах».

Вот тут-то и кроется то, да не то: а разруха в армии, явившаяся следствием упразднения дисциплины, а целые потоки недоверия начальникам, а самосуды, а неисполнение боевых приказов, а сразу выросший шкурный вопрос и как следствие жажда «замирения», а большевизм в армию?

Для «исторического освещения» требуется правдивое, объективное слово. Многое верно, но оценка влияния революции, какая дана Станкевичем, требует другого заглавия... «в моем освещении». История тут ни при чем.

Рыльскому предлагают корпус — говорит, что откажется. Посмотрим! Содержание и пенсия больше.

Сегодня наштарм послал телеграмму в штазап относительно меня, текст составил дегенарм. Думаю, что по ней ничего не выйдет, придется уходить по болезни. Поговорю с Шихлинским. Может быть, самому поехать в Минск и поговорить с нашазапом. Ведь это на полгода — разница в содержании, и затем обидно слово «отчисление от должности».

20 октября

Назвал свой отчет о действии артиллерии в Июльской операции «Артиллерия на фронте 10-й армии за операцию 6–10 июля 1917 г.» Отдал ее напечатать в числе 150 экземпляров. Скоро ли будет готова?

Два дня горит электричество до 24 часов ночи.

Новостей абсолютно нет ни внешних, ни внутренних.

21 октября

Сегодня был у меня подполковник Марин — предназначаемый начальником школы траншейных орудий. Он уже осмотрел Заславльскую школу НЭХО[1], которую переделываю на штатную. Обстоятельный офицер — уже разработал расширение и наметил, что можно сделать для размещения всей школы.

[1] Заславльская школа (нештатная) Этапно-хозяйственного отдела штаба армии.

Поздно ночью получил телеграмму от Е. Ф. – значит, выступление большевиков не состоялось, теперь срок второй, конец октября.

Большевики говорят, что мятеж как таковой не исключается, но надо иметь силу и чтобы он был во благо времени.

22 октября

Час от часу не легче: что Верховский человек не высокопробной марки – это вполне определилось. Хотя он и бросил обвинение многим в принадлежности к партии «куда ветер дует», но ведь он сам во время «корниловщины» искал, куда безопаснее примкнуть, что равносильно принадлежности к партии «КВД». Все это так, но то, что про него написано в «Русском слове» от 20 октября, заставляет причислить его не к партии, а категории прямо мерзавцев... Он не разделяет политики правительства по отношению к большевикам, так как считает их вполне лояльными революционерами! Он не считает целесообразной меру замены Петроградского гарнизона другими частями с фронта... по слухам, в этом отношении он ближе к мнению Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. (Еще бы! Кто же тогда будет защищать этих «рисов»?) Как передают, генерал Верховский всегда осведомлял органы революционной демократии о трениях, происходивших между ним и членами Временного правительства, причем встречал неизменную поддержку со стороны демократии.

Вот оно, «лицо» военмина! Да будет он проклят вместе с Мазепой и другими изменниками и предателями!

23 октября

Итальянцев теснят, французы и англичане посылают подкрепления, одни мы безнадежно толкуем о мире.

Объявлен приказ воемина о «революционной дисциплине», арестантском пайке для частей, не исполняющих приказы, штрафных частях, нагайках и проч.

Приказа не читал, но говорят, что есть, когда получу, то запишу этот знаменательный и идиотский приказ.

Приезжал генерал Дзичканец, назначенный комкором 3-го, но я его не видел, он торопился на поезд.

Сегодня был доклад в оперативном отделении. Любопытные цифры: расход снарядов за неделю 14–20 октября у нас и у немцев:

	У нас [1]	У немцев
На фронте 2-го Кавказского корпуса	3539 п 958 т	816 п.—т.
На фронте 38-го корпуса	3600 п 248 т	415 п.—т.
На фронте 3-го корпуса	1439 п 324 т	491 п.—т.

24 октября

Генерал Добрышин назначается в Военный совет—военмин и его помощники все ученики Добрышина... Устроился. Ничего не имею, он доблестный, ранен, контужен и теперь слепнет... Но зачем же через таких людей! Мне противно было бы получать от них что-нибудь.

Эту весть привез генерал Кондратович, приезжавший наниматься на комкора 38, отказано!

Был у меня полковник Шелль, подполковник Марин. Приезжал также капитан Корчагин, просит устроить, говорит, невмоготу от заведования хозяйством во 2-м Ивангородском тяжелом дивизионе—«товарищи» не дают покоя, их мечта урвать, а потому он негоден, так как не позволяет. История старая.

Сегодня получил письма Е. Ф. с оказией, через денщика генерала Рыльского, письмо от 21-го числа.

25 октября

Неприятные и тревожные вести: вчера состоялось в Петрограде выступление большевиков. Подробностей пока нет, но, вероятно, хорошего немного. Пронеси, Господи!

Опять волнения, опять работа нервов!

Слепое правительство—умышленно или не умышленно оно вело к этому.

В «Новом времени» от 22-го числа в статье «Предатели России» пишут: «в действиях большевиков вы не найдете сумбурности, напротив—полная согласованность и планомерность... немцы на фронте—большевики в тылу, их выступления совпадают... От бдительности большевиков ничего не ускользает. Ни один город, ни один промышленный центр. России нужно топливо, нужен уголь—поднимаются волнения в Донецком бассейне. России необходим хлеб—Поволжье бунтует, в армии подсчитывают каждый куль зерна, а крестьянам нашептывают—лучше жгите, лучше сгноите, а не давайте ни одного пуда армии. Фронт требует пополнений—большевики уже на местах и доказывают в полках, что покуда власть в их руках, ни один солдат не будет уведен из тыла.

Часто большевикам помогает Правительство... если в каком городе или местечке спокойно, туда непременно направляют взбунтовавшийся или распропагандированный полк и через день порядка как не бывало...

До июльских расстрелов предателей народа называли идейными борцами – ...через три месяца все главные растлители страны и народа были выпущены на свободу и министр юстиции (Малянтович) в оправдание сообщает, что он наряду с предателями отпустил на поруки каких-то офицеров и прежних, теперь никому не нужных черносотенцев. А на фронте нашлись такие неожиданные командующие (Черемисов), которые стали поддерживать субсидиями большевистские газеты, доказывающие, что войну нужно кончать, а всех, кто против немедленного мира – убивать...

Люди без всякого опыта храбро берутся за реформу армии, разгоняют опытных и талантливых генералов, окончательно подрывают дисциплину и приходят к сознанию полного бессилия. Все правительство, все керенские, терещенки, некрасовы, верховские, никитины кроме разврата, сумбура, попустительства предателям и истерики ничего не дали России.

Они погубили армию, превратили революцию в голодные и тяжкие бунты, в погромы и самосуды, отдали мирное население на расправу каторжников и озверевшей черни и вместо войны и управления занимаются самолюбованием и переговорами с явными предателями народа!»...

Историческая картина настоящего времени!

26 октября

Новостей мало. Из какого источника не знаю, но телеграмма через Штаб, что большая часть министров арестована и находится в Петропавловской крепости. Большевики одни, человек 300; остальные примыкающие к ним партии откололись. На Петроград идут войска с Северного фронта, а Керенский, очевидно вовремя ускользнувший, идет во главе 3-го конного корпуса.

Ирония судьбы!

Что в этом верно, увидим впоследствии. Драма не кончена, бедные наши семьи, сколько переживаемых волнений – междоусобица, развал даже той призрачной власти и охраны, что была. Широкое поле для грабежей и преступных элементов.

Сидишь как на вулкане, ожидая каждую минуту всяких возможностей.

Расход снарядов на одно орудие в армии за:[1]

	3 л	3 х	45	48	6 кр	6 п	6 Б	6 М	6/120	6/200	8	9,2	12	42с	42	120ф	105
Июль	36,7	5,1	31,2	24,8	23,6	22,0	12,5	7,6	24,0	15,1	33,4	49,1	19,1	29,1	24,1	14,4	28,5
Август	3,3	0,1	1,1	2,4	0,3	1,1	v	0,7	0,2	0,7	v	v	v	1,3	4,5	0,1	v
Сентябрь	2,9	0	0,6	0,5	0,6	0,6	v	0,1	2,0	0,4	v	v	v	5,9	3,5	0,2	v

27 октября

Поступаемые сведения из Петрограда очень скудны — говорят, но откуда известно, не ясно, что пришедший в Неву крейсер «Аврора» открывал огонь по Зимнему дворцу. Зимний дворец взят приступом, много убитых и раненых с обеих сторон; защищали дворец юнкера и другие части.

Есть слух, что генерал Черемисов задержал войска, назначенные для водворения порядка и поддержки правительства под предлогом избежать кровопролития. Предатель. Но будто бы войска все же идут на Петроград.

Какие-то намеки, что борьба только у Зимнего дворца, район которого оцеплен, и никто из публики не пускается, на Невском нормальная жизнь. Бог милостив, может быть, ужасы этой уличной бойни не коснутся наших семей. Опасны, конечно, те преступные элементы, которые сейчас чувствуют, что внимание отвлечено, и на свободе занимаются грабежами. От них трудно уберечься.

Да будет воля Твоя!

Получил копию письма командарма главказапу обо мне.

«11 октября 17 г. № 21412. Милостивый Государь Петр Семенович.

[1] Расход снарядов на одно орудие:

	76 мм легких	76 мм химических	114 мм гаубичных	122 мм гаубичных	152 мм для крепостных пушек	152 мм для полевых	152 мм для орудий лит. Б	152 мм для орудий лит М	152 мм для 120 пудовых пушек	152 мм для 200 пудовых пушек	203 мм гаубичных	234 мм гаубичных	305 мм	107 мм для скорострельных пушек	107 мм для пушек образца 77 г.	120 мм французских	105 мм
Июль	36,7	5,1	31,2	24,8	23,6	22,0	12,5	7,6	24,0	15,1	33,4	49,1	19,1	29,1	24,1	14,4	28,5
Август	3,3	0,1	1,1	2,4	0,3	1,1	v	0,7	0,2	0,7	v	v	v	1,3	4,5	0,1	v
Сентябрь	2,9	0	0,6	0,5	0,6	0,6	v	0,1	2,0	0,4	v	v	v	5,9	3,5	0,2	v

Калибры и марки использующихся на Западном фронте орудий даны в приложении Б.

Условия настоящего времени требуют от каждого начальника напряжения всех его сил и сообщения равновесия во всех отношениях, иначе работа не может быть достаточно продуктивна.

К сожалению, инспектор артиллерии вверенной мне армии генерал-лейтенант Сиверс, с самого начала настоящей кампании находящийся в действующей армии на ответственных командных должностях – сначала в качестве командира лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, затем инспектора артиллерии 20-го армейского корпуса и, наконец, инспектора артиллерии армии – и все это время напряженно работавший, в настоящее время обнаруживает признаки переутомления и не в состоянии с прежней бодростью отдавать себя и свои силы на службу Родине.

Крайняя нервность генерал-лейтенанта Сиверса, недостаток терпимости и чувства равновесия, необходимого теперь по условиям переживаемого армией момента, и как результат сего недостаточная продуктивность работы, [в] значительной степени умаляют его значение как моего ближайшего помощника в такой серьезной области, как правильная постановка в армии артиллерии.

В виду сего я ходатайствую перед Вами о назначении генерал-лейтенанта Сиверса, согласно п. 1 сношения[1] Главного Штаба от 3 августа с.г. № 135781, в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа.

Уверен, что отдохнув за время пребывания в резерве, генерал-лейтенант Сиверс с прежней бодростью, ясным умом и крепкой волей снова приложит свой ум, знание и опыт на пользу армии и Родине.

Уважающий Вас А. Шихлинский».

На это была телеграмма от дегензапа с предложением об отчислении меня в резерв по болезни. Начштарм ответил телеграммой с разъяснениями письма. Тогда от дегензапа была телеграмма, что я буду зачислен в резерв согласно ходатайства. На запрос дегенарма, что это означает, 24 октября получена телеграмма: «Представление генмайора (?)[2] Сиверс сделано назначение резерв обстоятельством текущих событий 36630 Врид[3] дегензапа генмайор Масляный».

Теперь все устроено, надо ждать приказа, пожалуй, за «текущими событиями» несколько задержится.

[1] В данном случае термин «сношение» употребляется в значении «деловая бумага, отношение», посылаемое из вышестоящей канцелярии в нижестоящую.

[2] Генерал-лейтенант А.М. Сиверс имел все основания удивиться, что в телеграмме его поименовали генерал-майором.

[3] Временно исполняющий должность.

28 октября

Сегодня разнообразные сведения о Петрограде. С одной стороны, что Зимний дворец занят штурмом, большие потери с «обеих» сторон. Крейсер «Аврора», вошедший в Неву, обстреливал дворец. Части, занявшие дворец, затем разграбили винные склады, перепились и бесчинствовали — это уже хуже, так как среди них должны были быть и измайловцы. Все ли благополучно в доме Гарновского?[1]

Затем была телеграмма Керенского, что Гатчина занята без кровопролития, высланные навстречу кронштадцы, измайловцы и моряки беспрекословно сдали оружие и присоединись к войскам, верным правительству. Это уже утешительнее, надо думать, что и петроградские трусливые войска также положат оружие «без кровопролития» и тогда порядок восстановится.

Но пережить эти дни все же должно оставить нравственный след, даже если все прошло благополучно для обитателей дома Гарновского. Неужели и теперь Керенский займется попустительством и не вздернет Ленина, Бронштейна (Троцкого) и других большевиков? Неужели не выгонит и теперь генерала-конфетку Черемисова?

Если этого не будет, не место ему в правительстве, это будет означать, что порядка он не даст никогда.

Были у меня сегодня руководители «курсов стрельбы» в корпусах. От 2-го Кавказского корпуса — Кавказской гренадерской бригады подполковник Попов, от 1-го Сибирского корпуса — подполковник Яковлев и от 38-го корпуса 62-й артиллерийской бригады — полковник Андреев. От 3-го корпуса «по сложившимся обстоятельствам» руководители прибыть не могут. Все организовано во 2-м Кавказском корпусе, намечено в 38-м корпусе и ничего не сделано в 1-м Сибирском (это как всегда).

Ночью в 4 часа приезжал ко мне временно командующий 6-м тяжелым дивизионом подполковник Вахарловский. Я его вызывал для выяснения вывода одной из батарей в резерв ввиду отсутствия орудий, ему передали, что немедленно явиться ко мне.

29 октября

Сегодня есть сведение, что Керенский вступил в Петроград — очевид-

[1] Дворцовое здание конца XVIII в., перестроенное при Павле I в казармы Измайловского и лейб-Егерского полков. В описываемое время в нем жили семьи офицеров.

но, с какими-нибудь войсками. Вступил, значит, без борьбы. Опять мягкость – воззвание сложить оружие и присоединиться всем, кто были введены в заблуждение. Опять задаром пролитая кровь останется без возмездия. «Новое время» от 26-го числа пишет о растерянности командующего округом полковника Полковникова, хаосе и бездействии штаба.

Громкие воззвания и приказы, призывавшие к порядку – и никакого плана обороны, никакой системы! Ровно ничего не было сделано для защиты Правительства и государственных учреждений.

Банк, почта, телеграф и телефон сразу были захвачены. Зимний дворец осажден и тоже захвачен. О выезде Керенского разноречивые указания – то в 7, то в 11 часов уехал в особом вагоне. Здесь ходит слух, что он вывезен был на подводной лодке (?!). здесь у нас тоже понемногу налаживается спокойствие. Минск очищен от большевиков. Как будто нарочно недавно в Минск переведены были два запасных полка, которые стали на сторону большевиков.

Вчера был в Молодечно какой-то съезд, кажется комитетов армии, который вынес сначала большевистскую резолюцию и хотел арестовать армейский комитет, выпустивший воззвание, призывающее стать на сторону Временного правительства.

К Молодечно подтянута сотня казаков. Комитет нестроевой роты Штаба вынес первоначально резолюцию перерезать всех офицеров штаба, затем отложил и решил арестовать, но и это не вышло.

Появляются провокаторские приказы даже за подписью Балуева. Кавардак полный.

Из подробностей зверских поступков сообщают, что Зимний дворец защищался женским батальоном – многие из них убиты, а остальные затащены в казармы Павловского полка и изнасилованы. Вот они, борцы за революцию!

Вчера получил протокол и удостоверение на право носить кольцо лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады в память текущей войны.

Мне предоставлен № 1. Кольцо золотое с бригадной петлицей и надписью внутри.

Хорошая идея. Хорошая тем, что указывает, что бригада еще не разложилась, и добрый товарищеский дух не угас. В добрый час, дай Бог и дальше не поддаваться общему развалу.

В прибавлении к Минской газете большими буквами написано «Побег Корнилова» – очевидно, провокационная утка. Новая тема для волнений среди солдат.

В этом же прибавлении имеется список большевистского революционного комитета в Петрограде — список министрам, которым не удалось подержать министерские портфели[1].

Председатель комиссаров — Ленин.
Министр иностранных дел — Троцкий.
Министр земледелия — Милютин.
Министр торговли и промышленности — Ногин.
Министр просвещения — Луначарский.
Министр внутренних дел — Раков[2].
Министр финансов — Скворцов.
Министр юстиции — Ломов.
Министр продовольствия — Назарович[3].
Министры почт и телеграфов — Адилов и Грибов[4].
Министр по национальным делам — Талин[5].
Комиссары по морским делам — Дыбенко, Крыленко и Антонов.

Сегодня днем был у генерала Балашова вместе с генералом Платовым.

30 октября

28-го числа получил телеграмму от Е. Ф. от 25-го, шла почтой, сегодня телеграмма от 29-го. Слава Богу.

Сегодня в 18 часов очередной доклад в присутствии командарма — бедные итальянцы, их сильно теснят. У нас на Скробовском участке немцы сегодня открыли сильный артиллерийский огонь. Давно уже были сведения о готовящемся на этом направлении небольшом ударе. Посмотрим, что будет. Экзамен 2-й армии. Безусловно, наступательная операция легче, чем остановить натиск.

С нашими войсками результат наступления нашего — это нуль, не считая огромного расхода снарядов. При немецком наступлении — отход, во-

[1] Ошибки в фамилиях в нижеследующем списке позволяют предположить, что А.М. Сиверс записывал состав первого СНК со слуха, не имея перед собой письменного документа.
[2] Имеется в виду А.В. Рыков, российский революционер, советский политический и государственный деятель.
[3] Имеется в виду И.А. Теодорович, российский революционер, советский государственный деятель, историк революционного движения.
[4] Имеется в виду Н.П. Глебов (Авилов), российский революционер, советский государственный деятель, член Учредительного собрания.
[5] Имеется в виду И. В.

прос только «на сколько».

Вот тяжелые времена, как это больно говорить и ощущать.

Приехал в штарм начдив 16-й Сибирской генерал Бирюков[1] — на днях он был арестован дивизионным комитетом. После объявления приказа Троцкого арестовывать всех офицеров подозрительных ему было предъявлено обвинение в том, что он ездил на генеральное совещание «корниловцев» (генерал был в Георгиевской думе). Затем были собраны представители полковых комитетов и это «общее собрание» постановило его освободить. Сейчас он отчисляется в резерв. Счастлив и доволен, что так отделался. В газетах было, что начдив (?) генерал Зиборов был убит в такой же обстановке.

В газетах пишут о подробностях выступления большевиков, об убийстве помощника военмина генерала князя Туманова, который был заколот штыками матросов.

Опять слух, что Корнилов бежал и находится в Новочеркасске, где вошел в состав правительства Каледина. Что-то не верится.

Получена телеграмма о передаче 4-го Сибирского тяжелого дивизиона и нештатной полубатареи 11-й Сибирской бригады во 2-ю армию. Жаль, что уходит отличный командир дивизиона полковник Калатилин.

Вместо нештатной батареи 11-й Сибирской бригады, уже слитой со вновь сформированной во время войны 4-й батареей, отправляются 73-я позиционная батарея 62-й артбригады.

31 октября

На Скробовском участке после сильного артиллерийского огня, начавшегося в 15 часов, между 17 и 18 часами немцы перешли в наступление, захватили наши окопы первой линии и некоторые участки далее, но с этих участков были выбиты, контратакой или огнем — неизвестно. Сегодня в 8 часов утра предполагалось очищение окопов от немцев. Пока сведений нет. Как будто наступление немцев сопровождалось газовой атакой.

У нас в армии идет развал — армейскому комитету выражено недоверие, за то, что он вынес резолюцию поддержки Временному правительству во время выступлений большевиков — причиной приказ Троцкого, контрассигнованный Балуевым. Говорят, Балуев подписался под этим приказом, будучи захвачен большевиками. Выручил Балуева генерал До-

[1] Скорее всего, имеется в виду генерал-майор Н.П. Биркоков. Но он был командиром 16-го стрелкового полка (1915), а затем начальником 2-й Сибирской стрелковой дивизии а не 16-й, как указано в дневнике.

вбор-Мусницкий со своими польскими частями.

Армейский комитет решил назначить новые выборы, воображаю, какие большевики попадут туда.

Вчера мой денщик Петров говорил, что солдаты с фронта обещают прийти поколотить офицеров штаба армии, сегодня панический генерал Платов сообщил, что какой-то полк вынес резолюцию 1 ноября уйти с позиции, по дороге разнести все, особенно штабы дивизий, корпусов и армии.

Приятные перспективы. Ну и войска, ну и солдаты!

Сегодня получена телеграмма за подписью Керенского, Авксентьева, Гоца и каких-то других незнакомцев о высылке из каждой армии не менее одного полка на смену Петроградского гарнизона. Направить их следует спешным порядком, даже курьерскими поездами в Гатчину и еще куда-то в окрестности Петрограда. За промедление ответственность возлагается на промедлителей.

У нас намечаются 2-й и 26-й Сибирские стрелковые полки — пойдут ли?

Барон Майдель снова «садится в лужу». На днях прислал телеграмму: «Главкозап приказал просить уведомить, как использованы указания сводки 12–19 октября — агентурные сведения». В этих «агентурных сведениях» сказано, что какой-то дезертир показал, что наша артиллерия разрушила железнодорожный мост у Богданова и несколько снарядов упали в церковь Боруны, а не попали в монастырь, где штаб дивизии. По рассмотрении карты и то, и другое невозможно, так как дальность недосягаема для наших орудий, если были попадания, то вероятно это были бомбы, сброшенные с аэропланов.

И это инспартзап! Показывал сегодня Шихлинскому.

Ничего не понимаю, по газетам левых между войсками Керенского и Троцкого, который присоединил к себе 42 корпус (из Выборга) был «бой» в окрестностях Красного Села, окончившийся не в пользу Керенского. Войска его по радиотелеграмме Троцкого разбиты наголову.

Но ведь была же откуда-то телеграмма, что Петроград занят и министры освобождены! Что-то все непонятно; что не все благополучно — истерическая телеграмма Керенского о присылке по одному полку от каждой армии. С другой стороны — подпись Керенский, Авксентьев и Гоц; как они попали к Керенскому? Полки отправить не удалось, так как железнодорожная организация отказывает везти и большевистские части, и части на помощь Керенскому.

Вот времена!

Был у меня сегодня генерал Гуржин, затем полковник Скропытев (командир дивизиона 2-й Сибирской бригады). Последнего вызывал командарм, против него в дивизионе возбуждение, он ничего не знал – ему тоже посоветовал Шихлинский уйти. Который это! Кто же останется, если все будут разогнаны?

Днем приезжал полковник Влесков (8-й тяжелый дивизион), вызывал штабс-капитана Попова, передал, что офицеры дивизиона арестованы (?), вернее взяты под контроль, просил передать во 2-й Кавказский корпус, так как никого не выпускают.

Сам Влесков едет в Киевскую артиллерийскую школу. Передал это все наштарму.

Час от часу не легче. Уже и в артиллерии развал!

За ужином был генерал Лебедев (начдив 5-й стрелковой), его тоже арестовали, причем в то время, когда его вели арестованного, то оскорбляли словами и вообще держали себя грубо. Арестован на основании приказа № 1 Троцкого.

Комиссар Пасечный, говорят, сегодня уехал в Петроград выяснять положение. Он сильно волнуется.

Беспокоит меня сильно, что делается в Петрограде. Если пока, может быть, «мирные жители» еще не пострадали, то как с продовольствием – это тоже вопрос серьезный. Завтра денщик Рыльского будет на месте, 2-го числа выедет и 4-го будет здесь, кое-что узнаем.

У нас тоже не все ладно, сегодня командарм говорил, что было задумано арестовать весь штаб во время обеда в столовой, но это ликвидировано. Недолго ли? Может быть новая вспышка. Вообще все тревожно.

Как надоедает мне Платов, боится невероятно, хотя прямо не говорит, а только ходит вокруг да около. А еще думает, что может быть генквармом! Он совершенно больной человек. Его присутствие еще больше расстраивает нервы.

1 ноября

Совершенно нельзя разобрать, что в Петрограде. Немецкие радио не подтверждают, чтобы было особенно кровопролитное сражение под Красным Селом, нет и победы большевиков. По некоторым данным гарнизон Петрограда «разоружается», чему Керенский не препятствует. Какая-то телеграмма говорит, что в Гатчине происходит совещание Керенского с большевиками, которые требуют себе несколько мест в кабинете пра-

вительства.

Приехавший солдат говорит, что в Петрограде тихо.

Здесь – комиссар будто бы не доехал, а в виду недоверия, выраженного комитетом 1-го Сибирского корпуса, передал дело помощнику Башмачникову, а сам сказался уехавшим в Петроград. Что верно узнать нельзя, так как все секреты и тайны, о которых штабные болтуны говорят открыто.

Не могу никак понять, почему Шихлинский изгоняет командный состав. Было указание выяснить, кто не пользуется доверием, то есть аттестации снизу. Комиссар «выяснил», составлен список таких начальников, и командарм ревностно одного за другим призывает к себе и дает советы «уходить». Большинство с радостью складывает пожитки и уезжает.

К чему это ведет, среди «уезжающих» большая часть, конечно, самый лучший элемент. Власть переходит к молодым, в лучшем случае малоопытным, а в худшем случае к ненадежным начальникам.

Генерал Балашов говорит, что прямых указаний нет, по-видимому, это внушается свыше, дабы какими угодно мерами предотвратить эксцессы и тем удержать войска на фронте.

Не знаю, как в других армиях, но в 10-й армии действительно дело дрянь.

Сейчас на уме солдат первое – мир, второе – освободиться от офицеров, и третье – грабить всех и все! Милая идеология.

Сегодня явился командир 203-й артиллерийской бригады полковник Денисенков.

Для охраны штаба армии притянут ударный батальон и сотня казаков.

Рассказывали мне подробности ареста начдива 5-й стрелковой генерала Лебедева. Арестовал его один полк, при аресте ругали его площадной бранью, сняли сапоги, одели лапти и так повели в штаб корпуса в Воложин. Три полка выразили порицание ареста начдива. Толку мало. Еще хорошо, что не били.

2 ноября

Сегодня получена телеграмма: «До прибытия в Ставку главковерха я сего числа вступил во временное исполнение должности Верховного главнокомандующего. Приказываю войска направленные на Гатчину остановить и сосредоточить в районах указанных мною главкосеву. Всякие самочинные выступления войск прекратить, принять меры к скорейшему установлению порядка на жел. дор. станциях и гарнизонах. Главное вни-

мание обратить на укрепление положения на фронтах и на обеспечение продовольствием войск. Ставка 2 ноября 1917 г. 8080 Духонин».

А кто же главковерх в конце-то концов? Телеграмма не говорит. Где он?

Затем получена и другая телеграмма: «Армейский комитет, в согласии с общественными организациями, образовал комитет спасения страны и революции, являющийся полномочным органом для частей и учреждений 10-й армии. В состав его входят: 4 представителя аркома, по одному представителю от коркомитетов, по одному представителю от железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, военно-народной охраны, совета солдатско-офицерских депутатов местного гарнизона и представителей комиссара. Комитет действует в полном согласии, контакте и по указаниям комитета спасения родины и революции Западного фронта. Комитет объявляет: ни один приказ общеполитического характера, откуда бы он не исходил, не должен исполняться без его ведома и согласия. Все распоряжения и приказы Комитета подлежат точному и немедленному исполнению. Комитетом установлен надзор над приказами командующего армией, находящегося в подчинении Комитету спасения. Комитет ставит своей задачей предотвращение междоусобной гражданской войны, сохранение целости фронта, поддержание революционного порядка вплоть до образования твердой революционной власти, опирающейся на все слои демократии, и создание в армии обстановки, дающей возможность спокойно произвести выборы в Учредительное собрание. Сообщая вышеизложенное, армейский комитет спасения родины и революции предлагает коркомитетам организовать при корпусах корпусные комитеты спасения на указанных основаниях Приказа № 1. Временно и.д. председателя Колобов, и.д. секретаря Васьковский».

Дождались! Хотя программа почтенная и приемлемая. Будет ли у Комитета спасения власть выполнить и вести за собой солдатскую массу?

В добрый час. Все, что стремится к установлению порядка, приветствую.

Не было новостей – сразу особенная. Уходит Шихлинский. Сегодня зашел ко мне, сообщил свое намерение и принес стихи своего пера, не очень складные, но на злобы дня доброго старого времени. Вид бодрый – но думаю, что в душе не очень рад. Впрочем, напрасно печалуется – он выскочит! В крайности тоже попадет в Военный совет. Конечно, все это в том случае, если все это останется.

Шихлинский говорит, что Комитет спасения без него и без предупре-

ждения объявил о его подчинении и контроле приказов. Здорово!

Говорят, что устраивается новое правительство с Авксентьевым во главе. Это, пожалуй, еще лучшее из того, что могло быть.

Керенский исчез — куда?

Если правительство действительно организуется в Петрограде, то это еще хорошо, может быть будет кое-какой порядок, а то в Москве полный развал — по одной телеграмме убитых на улице до 700, а по следующей уже до 2000 человек. Грабеж по квартирам, разгромлен Кадетский корпус, много кадет перебито.

Нерадостные вести.

Если безумие толпы перекинется на Петроград, то будет очень плохо.

Неужели не организуется правительство, которое даст хоть какой-нибудь порядок, даст хоть немного вздохнуть?

3 ноября

Как будто в Петрограде успокоение. Газет, кроме левых, нет. В газете «Дело народа» — Волынский, Семеновский (конечно, запасной) полки призывают покончить братоубийственную войну. Это уже шаг вперед.

А как с грабежами — об этом в газетах нет ничего. Может быть благополучно — давай Бог!

Случайно узнал, что 4-й Сибирский тяжелый дивизион, назначенный для отправки во 2-ю армию, отказался ехать. Поданные вагоны убрали назад.

Это уже артиллерия отказывается исполнить боевой приказ.

Об уходе Шихлинского поторопился записать, как достоверное. Сегодня ему заготовили рапорт главкозапу и письмо наштазапу... он их не отправил. Ждет ответа, подчинен ли главкозап комитету спасения фронта. Если да, то он остается, значит, это общий характер текущего момента.

Мне это не совсем понятно, я бы поступил как раз наоборот, я бы остался, если бы только армейский комитет спасения объявил о подчинении, так как это было бы самочинное узурпаторство, которое надлежало бы через всякие инстанции отменить. И я ушел бы тогда, когда бы это было проведено как общая и обязательная идея. Я подчиняюсь только своему строевому начальнику, а не какому-то самозваному комитету, хотя бы с очень хорошей платформой.

Опять приходится повторить — дело вкуса и понимания.

Желание Шихлинского уйти несерьезно.

4 ноября

Получил письмо от Е. Ф. через денщика генерала Рыльского. Благополучно, в нашем районе спокойно. Но последние события совсем подорвали силы сопротивления, нервы не выдерживают и сдают. Решил ехать, не ожидая приказа. Был у командарма и получил отпуск на 5 недель. Надо думать, что за это время выйдет же приказ о назначении в резерв.

Во время беспорядков убит генерал Карачан – Царство Небесное! Выдающийся артиллерист, человек особенной складки, настойчив, требователен и ясного ума. Бедная его жена, знал ее еще со времен Херсона. Умная женщина, говорят, у них сын технолог или путей сообщения.

Карачан был арестован вооруженными солдатами и при них был штатский, уверили, что беспокоиться нечего, арестуют для безопасности. Затем... сообщили, что он убит и лежит у Самсоньевского моста, жена поехала, но не нашла. Затем сообщили, что его тело в клинике Вилье[1]. Он оказался совершенно раздетым, даже обручальное кольцо снято. Пуля в ухе.

Подробности передал Шихлинскому генерал Похвиснев (удивительный человек – все знает).

Генерал Михайловский арестован – кем?

Итак, я уезжаю – решил на понедельник.

Лошади проданы, вещи начал укладывать. Командарм получил ответ от главкозапа, что он в оперативном отношении не подчинен Комитету спасения, но по другим вопросам он работает в «согласии» с этим комитетом.

После этого ответа командарм послал рапорт главкозапу о назначении его в резерв по болезни и одновременно через наштазапа генерала Вальтера просил о назначении его в Комитет раненных[2].

Рыльский тоже собирается уходить после Шихлинского. Начинаю верить и в его уход.

Все трещит, все рушится!

5 ноября

Настроение в штарме, за исключением командарма и наштарма, панические. Правда есть отчего прийти в ужас. В Москве нечто невероятное, полуразрушены Кремль, Иван Великий, Чудов Монастырь, Храм Христа

[1] Михайловская клиническая больница на Выборгской стороне.

[2] Вероятно, имеется в виду Александровмский комитет попечения о раненых.

Спасителя, Успенский Собор, горит церковь Василия Блаженного.

Ужас и безумие. Сколько уничтожается исторических памятников!

В Петрограде разграблен Зимний дворец.

В Смоленске бой.

Тысячи убитых, раненных, изувеченных.

Сплошной кошмар!

Наш комиссар и его помощники сложили с себя полномочия, так как правительства нет, а они были поставлены правительством, которое сметено последними событиями.

Куда мы идем, где остановимся? Размах, достойный русской широкой натуры. Полезен ли, однако, такой разгул страстей, страстей низких?

С Италией тоже плохо — по непроверенным сведениям Венеция взята, новый разгром, до 100000 пленных.

Ликуют поганые немцы! Казалось, что все должно было бы создать в народе ненависть к ним. Но змеиный яд уже сделал свое дело. Все в исступлении кричат о мире. Что не ведают, что творят,— это ясно, но сказать «Прости им, Господи» не поворачивается язык.

Мы достойны не Бога Милостивого, а карающего Иеговы.

Господи, спаси и помилуй!

Вечером вернулся капитан Черных, но по свойственной ему невоспитанности не показался, и потому никаких петроградских новостей не знаю.

После 21 часа был у меня полковник Вахарловский — временно командующий 6-м тяжелым дивизионом. Относительно размещения дивизиона в окрестностях городка, куда им были назначено отвести на отдых одну из батарей. Командарм приказал вызвать генерала Руднева для временного исполнения должности инспартарма. Итак, завтра ликвидирую пока свою должность, а затем — затем ничего не известно.

Ухожу вовремя — еще одного, а может быть и несколько командармов пересидеть — уже трудно. Это внешняя сторона.

Есть и, самое главное, внутренняя сторона — развал, протекающий уже и в артиллерии.

Много до меня не доходит, но и то, что становится мне известным, уже достаточно, чтобы видеть, как разлагается даже артиллерия. Панические командиры дивизиона и батарей литера «А», такой же командир 26-го легкого мортирного дивизиона, контроль над офицерами 8-го тяжелого дивизиона, требование отдыха в 6-м тяжелом дивизионе, бесчисленное число командиров дивизионов и батарей, которых ушли и кото-

рые сами сбежали. Категорическое требование отвода в глубокий тыл 1-го Сибирского корпусного воздухотряда. Появление таких типов, как полковник Денисенков (комарт 203) и полковник Яблочков (командир 1-го дивизиона литера «М»). Письмо полковника Боголюбова (больше не могу выносить) и т.д. и т.д. до генерала Подставкина, который согласен с бригадой, также желающей уйти в тыл на отдых.

6 ноября

День отъезда.

Утром ходил прощаться с Шихлинским, которого застал в оперативном отделении. После обеда был у Рыльского, Самойло и Балашова.

Около 17 часов пришел ко мне Шихлинский, а затем Платов и Рыльский – мешали собираться на вокзал. Я люблю приехать заранее, а тут еще сообщили, что нет вагона 1 класса.

Багаж весь сдан и едет со мной.

В 15 часов приехал генерал Руднев, который останется временно вместо меня.

7 ноября

В Полоцке прицепили вагон 1 класса, и я перешел в него; было несколько свободнее. Все время едем в компании с офицером 1-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Был очень полезен мне в дороге.

8 ноября

Проехали Петроград в 10.30 утра. Снег и мороз 5°. Неприятная разница с Молодечно, где гораздо теплее. Не люблю холода. В Петрограде с виду тихо и спокойно, но, видимо, работа большевиков кипит. Ломают решительно все.

Телефон испорчен и его не чинят, а потому нельзя ни с кем поговорить.

Видел Куликовского, уверяет, что училища уничтожаются и как будто срок разгона назначен к субботе 11-го числа. Остается только хозяйственная часть, которую «приказано» ликвидировать в ближайший срок.

В газетах пишут, что большевистский военмин «прапорщик Крыленко» издает приказ о сравнении всех военнослужащих в правах и содержании. Об обязанностях конечно ни слова. Какую бы должность и ответственность ни нес, содержание одно и то же, что солдату, что офицеру.

Проводится и выборное начало в назначениях на должности – кажет-

ся, не выше комполка.

9 ноября

Мороз 8°, холодно. Нет охоты выходить. Новостей никаких. Газеты полны возмущения действиями большевиков — чиновники в министерствах бастуют. Большевики хотят принудить их к работе путем лишения продовольственного пайка.

10 ноября

Сегодня в газетах ужас и позор. Большевики издали «Декрет о мире», послали всем посланникам бумаги с требованием прекращения «бойни» и сообщением, что начали с противниками переговоры о мире и перемирии. Генералу Духонину отправлено предписание «Совета народных комиссаров» немедленно вступить в переговоры о перемирии.

Генерал Духонин не то совсем отказался, не то уклоняется под предлогом необходимости выяснить техническую сторону ведения переговоров. Вследствие этого замедления «Совет народных комиссаров» уволил Духонина и назначил главковерхом прапорщика Крыленко, который издал следующий позорный, безграмотный приказ:

«Солдаты! Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда, вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет народных комиссаров дает вам право на это.

О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только совет народных комиссаров».

Газета «День» (орган социалистической мысли) говорит, что «вторая часть приказа невыполнима для людей, находящихся в здравом уме и твердой памяти. Только в состоянии массового психоза армия может принять приказ прапорщика Крыленко. Мы хотим верить, что в этом состоянии вся армия еще не находится, что здравый смысл еще не покинул солдата, и «приказ» откроет ему глаза на действия большевиков, покажет, что с армией говорят безумцы».

Боюсь, что ожидания газеты «День» не оправдаются. Солдаты фрон-

та так ждут мира, что малейшая искра может начать пожар. Братание едва сдерживается, а потому приказ начать переговоры вызовет чувство полного удовлетворения и выполнение его, конечно, не замедлит.

Солдаты не поймут, что с ними говорят безумцы, солдаты не поверят офицерам, которые будут пытаться разъяснить – да будут ли офицеры разъяснять? Ведь вера офицеру давно подорвана, а желание мира настолько сильно, что никакие сильные убедительные слова не остановят «безумцев» фронта.

Что там теперь происходит?

11 ноября

Около 13 часов был в Главном штабе у генерала Архангельского. Там видел генерала Леховича и полковника Билибина – оба в штатском.

Генерал Архангельский говорит, что мое назначение в резерв должно было уже состояться, справиться надо во 2-м отделении.

Говорят, что немцы от заключения мира с господами лениными и троцкими отказались. А насчет перемирия, то им оно не нужно, а если мы его хотим, то должны отвести свои войска на 100 верст от позиций немцев.

Дождались. Даже немцы отнеслись с полным презрением.

Верны ли подробности, не знаю, но что Совет народных комиссаров потерпел поражение с «миром» верно.

15 ноября

Сведения, что происходит на фронтах – скудны и в разных газетах разноречивы. Где признают Крыленко, где его не признают. Ушел ли Духонин, то есть сложил ли с себя полномочия главковерха или нет, тоже нет определенных сведений.

Послы союзных держав собираются уехать в знак протеста обнародования секретных соглашений. Военные агенты заявили Духонину, что в случае сепаратного мира Россию ожидают тяжкие последствия. Есть намек, что в этом случае Япония объявит нам войну и сейчас же начнет военные действия.

Нет также сведений, устраивают ли «полки» перемирие с немцами, во что это все выливается. Газеты сообщают мало и ошибочно.

14-го числа получил телеграмму от Бауце, что генерал Андриевский прислал на мое имя телеграмму, что представления на мое назначение в резерв в Главный штаб не поступало. Поехал в Главный штаб и узнал,

что телеграмма послана мне 8-го числа, а из штазапа телеграмма с представлением пришла 10-го числа и уже составлен проект приказа, причем штазап просит и назначения в резерв при Минском округе (?! — удивительно невнимательный и нелюбезный штаб). Здесь же во 2-м отделении ввиду моей телеграммы с запросом, где сказано о Петроградском округе, переделали, за что хлопот уже больше никаких не будет... Вот это внимание!

13-го числа днем ходил с Куликовским подавать голос в Учредительное собрание. Положили списки № 2 партии Народной Свободы (К-Д).

Сегодня ездил заказывать штатское платье, по дороге на Загородном проспекте встретил едущего с вокзала генерала Рыльского. Как его отпустили в такой момент? Полный развал армии.

Командующим 10-й армией, говорят, назначается генерал Шейдеман — вероятно, начальник ТАОН. Вот изумительные назначения человека, который ничем не командовал. Странно было назначение Шихлинского, а Шейдемана совершенно непонятно. Неужели нет людей — или никто не хочет, а идут лишь авантюристы?

16 ноября

Сегодня объявлены результаты голосования по Петрограду, подавляющее большинство у большевиков (420 951 голос), затем кадеты (246 276 голосов) и социал-революционеры (150 970 голосов). Прочие списки собрали немного голосов.

Выбранными в Учредительное собрание соответственно этим данным оказались:

Большевики (6 мест):
Ульянов-Ленин
Радомысльский-Зиновьев
Бронштейн-Троцкий
Розенфельд-Каменев
Коллонтай
Джугашвили
Кадеты (4 места):
Милюков
Винавер
Кутлер
Родичев
Социал-революционеры (2 места):

Чернов
Кац-Камков
Список говорит сам за себя – не комментирую.

Затем, приложенная речь Крыленко также определенно характеризует момент. Вот что происходит в армии.

Гораздо приятнее уничтожить своих, упорствующих позорному окончанию войны, чем бить противника и его поражением достигнуть мира действительного прочного, в участии с союзниками и почетным местом России.

Для более рельефного выяснения, что происходит в настоящую минуту, вклеил всю речь Троцкого о мире.

«Речь Крыленко.
– Посланной мной делегации,– говорит Крыленко,– было дано лишь одно полномочие: обратиться к германскому верховному главнокомандующему на Восточном фронте с предложением вступить в переговоры о перемирии. Ответ был получен еще раньше, чем истек установленный срок в 24 часа.
Он гласил, что главнокомандующий Восточного фронта получил полномочия от Верховного главнокомандующего начать переговоры. В нашем предложении мы говорили о перемирии на всех фронтах. Мы, таким образом, сделали все, чтобы доказать, что речь шла не о сепаратном перемирии. Но если союзники до 19 ноября не дадут нам утвердительного ответа, то мы спросим – должны ли мы быть пушечным мясом для англо-французских империалистов, или должны сами решать свою судьбу.
Далее Крыленко говорит о тактике Духонина:
– Духонин вместе с частью командного состава саботирует и скрывает готовящийся мир. И моя задача состоит теперь в том, чтобы в ближайшее же время это осиное гнездо срывающих мир генералов было раз навсегда вырвано с корнем. (*Бурные аплодисменты*). Я заявил им, что все, кто будет мешать делу мира, кто бы они ни были, будут арестованы.
И теперь, принимая полную ответственность за свои слова, я заявляю, что если они будут стоять на дороге, то пусть кровь падет на их головы. Я не отступлю. Дело мира находится в руках народных масс. Успех его зависит от нашей готовности к борьбе и от нашей революционной последовательности. Пусть Духонин, и те, кто с ним, знают, что в борьбе за мир, мы не пощадим никого, кто станет у нас на дороге. (*Бурные*

аплодисменты)»

«Затем Троцкий переходит к вопросу о мирных переговорах:

— Германское правительство оказалось вынужденным ответить согласием на призыв русской революции к перемирию. Это согласие продиктовано не симпатиями германского правительства к советской власти.

До нас доходит волна народного подъема из Германии и Австрии. И если германский император вынужден принимать представителей прапорщика Крыленко и вступать с ними в переговоры, то это значит, что крепко русская революция наступила своим сапогом на грудь всех имущих классов Европы. Мы, сторонники всеобщего и честного мира, и если правительства союзных народов нам не ответили и не признают нашей власти, то до их сведения будет доведено о настроении, господствующем в этой зале, где сосредоточена воля рабочих, солдат и крестьян. И союзные дипломаты поймут, что советская власть не нуждается в их утверждении и признании. Но мы требуем, чтобы нам сказали, согласны ли они 19 ноября в 5 час. дня приступить совместно с нами к переговорам о перемирии на всех фронтах. Мы этот вопрос ставим в упор перед союзной дипломатией и народами. Наш вопрос прозвучит по всему миру, и повсюду крестьяне и рабочие будут знать, что 19 ноября дипломаты всех стран могут сойтись у одного стола для переговоров. И если дипломаты откажутся, они будут сметены, возмущенными массами.

Но если бы мы оказались одни, то мы спросим немцев, как они мыслят мир с французами и англичанами. И их ответ мы доведем до сведения народов всего мира, и они будут знать, что мы не предаем их интересов. Если 19-го мы будем одни, то в ближайшую неделю народы все же заставят господствующие классы принять участие в переговорах. И это будет достигнуто политикой революционной дипломатии — открытым обращением ко всем народам».

Оба эти «выступления» дают полную картину того, что происходит сейчас. Во что это все выльется, мучительно интересно знать. Я бы понял такой решительный шаг за окончание войны, если бы Россия была сильна, или, по крайней мере, был бы вызван подъем народа и войска, что если Германия предъявит невыполнимые условия, то мы забудем все распри, забудем нашу «усталость», забудем «шкурный вопрос»... и пойдем бить немцев. Да тогда я понял бы еще этот крик «мира» во что бы то ни стало, даже вопреки союзникам. Но ведь этого нет и нас ждут по-

зорные условия – воля сильного. Я бы понял, если бы большевики сказали – мы потребуем мира от всех, но мы требуем порядка у самих себя, мы требуем поддержки штыков наших мирных предложений.

Ведь и своей власти они достигли только силой, казалось бы, они должны были бы понять, что и во внешней политике заставить себя слушать можно только тогда, когда в руках имеется реальная сила.

Не имея, на что опереться, нельзя диктовать, невелика честь добиться власти путем штыка по отношению к безоружным обывателям.

Надо создать силу, и действительную, для мирных переговоров, без этого все одни слова и громкие фразы. Организуй большевики силу – я думаю многие были бы на их стороне.

18 ноября

17-го числа вечером приехал из деревни Гладков. В день моего приезда он туда уехал. В Пошехонском уезде пока тихо и мирно, думаю, однако, что доверяться тишине нельзя. Если уехать туда, а затем удирать спешно – 60–80 верст до железной дороги, на чем?.. зимой!

Сидеть в Петрограде тоже плохо – был сегодня у Н.И. Балашовой, живет вдвоем с сестрой без прислуги. Настроены панически, да и есть с чего. Их квартиры в здании Главного штаба, и в период выступления большевиков при осаде Зимнего дворца все разыгрывалось в их непосредственной близости. Сейчас у них сведения, что большевики организуют «обыски». Будто бы 800 (или 80) отрядов по 10 человек назначены для этой работы. Мне кажется, что это преувеличение – по-видимому, дело в новом выступлении большевиков ввиду их декрета о роспуске Городской думы и отказа Думы подчиняются этому приказу. Тут борьба политическая, а не погромная, но у страха глаза велики. Какая надобность грабить не причастных к политике людей.

Поживем – увидим. Все от Господа Бога.

Опять два дня телефон не действует, написал письмо – ничего. Не исправляют. Очень трудно жить без телефона. Никаких дел нельзя делать – а между тем время идет. Надо что-нибудь предпринимать. Необходимо уложить то, что хочется сохранить, остальное продать и уехать – только вопрос, куда? Где-нибудь поселиться, надо иметь обстановку: свою перевезти невозможно, пропадет в дороге. Жить в гостинице тоже вряд ли удобно, да и нет у нас таких гостиниц, где бы было и недорого, и хорошо. Пожалуй, скорее найдешь первое, а хорошо нигде.

Уехать куда-нибудь за границу, как быть с деньгами, жалованьем, впо-

следствии пенсией и деньгами из банка.

20 ноября

Телефон не действует, ни просьбы по телефону, ни письма — ничто не помогает! Возмутительный хаос жизни. Два дня в 24 часа закрывается электрическая энергия — но керосину и свечей нет, и достать трудно.

Часть 4

Начата 20 ноября 1917 года –
окончена 31 августа 1918 года

Хороший пример всегда лучше правила.

1917 год

20 ноября

Ничего не делаю, бываю только в своем доме у ближайших знакомых. Мало осведомлен о происходящем. Оригинально то, что большевики выпускают крайних правых, например Дубровина. Говорят, на очереди освобождение Пуришкевича и царских министров. Какая-то связь между ними[1] и монархистами. Есть в этом что-либо настоящее, как многие теперь уверяют, что большевики работают на монархию? Или же это одно из проявлений больного духа, больной мысли, не имеющие ни с чем связи и причинности?

Встретил полковника Римана — бывшего члена правления Гв. Эк. Об[2].— ушел, так как не захотел работать при новом режиме — контракт служащих. Рассказывал чудовищные вещи про полковника Муромцева, Гв. Кон. Арт[3]., также бывшего в Общ[естве]. Во-первых, он крупно играл, а затем хотел заместить генерала Болотова, для чего написал «куда следует» письмо, что Болотов участвовал в полевых судах.

А я думал, что Муромцев очень порядочный человек!

Получил письмо от В.А. Попова — пишет, что за уходом Шихлинского и отъезда в отпуск Рыльского, царит Самойло. «Товарищи» наложили руку на столовые, запретили отпускать сверх пайка, отбирают поваров и служителей. Вовремя же я уехал оттуда.

Других новостей нет.

21 ноября

Чудовищные вести — Духонин убит солдатами в вагоне. Прапорщик Крыленко телеграфирует: «Ставка ликвидирована, выезжаю Могилев». Сколь-

[1] Под «ними» А.М. Сиверс скорее всего имеет в виду большевиков.
[2] Гвардейское экономическое общество.
[3] Гвардейская конно-артиллерийская бригада.

ко цинизма! Сколько позора! Нет сил выразить не скорбь, а жуткий ужас – главковерх убит солдатом!

Честный генерал так просто убран с дороги.

В газетах опять сообщают, что Корнилов сбежал из Быхова с 400 текинцев. Что-то непонятно, как он мог сбежать – по железной дороге нужно много поездов, походным порядком не очень правдоподобно. Вообще новый и очень странный слух.

Если верно, как бы его побег не окончился самосудом над остальными арестованными.

В Царском Селе умер Н.А. Мясоедов (бывш[ий офицер] Л[ейб] гв[ардии] 2-й бриг[ады]).

26 ноября

Георгиевский праздник, сам не читал, но говорили, что большевики отменили празднование. Оно и лучше, уж больно все не по-хорошему. Слишком смешали все вместе с грязью. Воинская доблесть упразднена, святое дело защиты Родины оказалось ни к чему не нужным донкихотством. Празднование Георгиевского Креста было бы профанацией.

25-го был в Главном штабе. С Дворцовой площади не пустили. «Товарищ, сюда нельзя!» Стоит часовой матрос. Пошел через Невский во дворы, наконец, попал на парадный ход из-под ворот. Затем к генералу Андриевскому, у которого узнал, что приказ подписан и выйдет 18 ноября. Это все-таки удачно, так как Маниковский арестован.

Вместе с Маниковским арестован и Марушевский (начальник Генерального штаба). Оба за то, что на вопрос народных комиссаров, признают ли они их власть, оба ответили, что считаются с совершившимся фактом и будут работать. Этого оказалось мало, большевики потребовали подписки, что они признают за большевиками и моральное право власти. От этого и тот и другой отказались. Их арестовали, сначала продержали два дня в Смольном, а затем отпустили домой под домашний арест.

Военное министерство преобразуется в коллегиальное учреждение – комиссар Подвойский и два или три представителя большевиков и затем один военный техник. Таким наметили генерала Потапова. Последний согласился на том условии, если его признают все главные управления министерства.

Чем окончилось назначение, не знаю.

За эти дни в газетах, которые, надо отметить, постоянно закрываются большевиками и потому с пропусками выходят под новыми назва-

ниями... «Новое Время» вышло в виде «Утра», но затем было совсем закрыто, а типография реквизирована.

Так вот, в газетах пишут, что мирные переговоры окончились неудачей. Наших условий немцы не приняли, а немецкие условия, по-видимому, оказались настолько позорными и унизительными, что их большевики не публикуют.

После разгона городской думы назначены новые выборы, однако списков не прислали, так что не знаем, за кого голосовать. Старая дума просит бойкотировать выборы — я считаю, что это напрасно. Приходится считаться с силой штыков красногвардейцев и матросов, все равно работать старой думе не дадут. Если часть будет бойкотировать, то другая часть все же подаст голоса за большевиков, и они будут орудовать в городе.

Мне бы казалось, надо вести борьбу, т.е. наметить списки, а там было бы видно за кого стоит городское население. Бойкот хорошая вещь при единодушии, но его-то нет у нас, русских. Голоса будут поданы все равно, и явится новая дума совсем не желательного состава. В помощь бойкоту — отсутствие каких-либо списков.

Через два дня Учредительное собрание — допустят ли большевики собраться. Газеты уверяют, что Учредительное собрание будет разогнано.

Некрасов ездил к Леховичу устраиваться на какое-нибудь место, как будто ему наклевывалось, сегодня Некрасов говорит об отставке. Очень панический человек, а в работе мало инициативы. По-моему, он непригоден для ответственных мест. У него нет широты мысли и смелости провести что-либо, хотя бы он находил то или другое необходимым.

Боязнь ответственности и боязнь потерять хорошую аттестацию красная нить всей службы Некрасова. Казалось бы, смелые решения скорее могут выдвинуть человека, но Некрасов считал, что еще неизвестно, как будет оценено самостоятельное решение, а скромное исполнение более верно и надежно.

За это время было нападение на винный погреб Зимнего дворца. Некоторые части защищали, но, тем не менее, вино расхищено, были пострадавшие, а также утонувшие в погребах, куда запустили воду, смешавшуюся с вином из разбитых бочек. Последнее время отмечаются налеты на винные погреба. Отчего их не вывезут, нет ничего хуже пьяных погромов!

Сведения, что Корнилов и все арестованные в Быхове генералы ушли «походным порядком» с текинцами. По газетам, в отряде Корнилова есть и пехота, и саперы. Думаю, что это не улучшит положения ни самого Кор-

нилова, ни России. Трудно ему привлечь на свою сторону войска. Во-первых, он враг каждого солдата, так как он требует дисциплины и работы, а то и другое солдатам не по нутру; затем солдатские мысли поголовно за большевиков. Одни большевики не за безделие солдат[1], естественно, что за ними тянутся все худшие элементы, другие уже отяжелели, отвыкли от дела и потому идут охотно, чтобы не попасть в иные условия жизни, третьи боятся первых двух категорий и четвертые, которым все безразлично.

1 декабря

Жизнь идет вперед, каждый день приносит все новые вести о «деяниях» большевистских правителей. Продолжается борьба с Государственным банком и чиновничеством министерств и различных ведомств.

За эти дни были назначены выборы в новую городскую центральную думу. Прислали удостоверение и бланки для записи № списка, но списков не прислали. Старая городская дума выпустила воззвание не ходить на выборы – не одобряю, все равно старой не существовать, надо было бороться, т.е. дать списки, и, наверное, большинство было бы за те же прежние партии. Бойкотировать же неразумно. Все же выборы состоятся, и тогда пройдут безусловно те, кого ожидают большевики. Мы не ходили на выборы только потому, что не было списков и неизвестно, за кого баллотировать. Невольный бойкот.

Была реквизиция теплых вещей – операция производилась домовым комитетом. Сдал шерстяное одеяло, фуфайку, двое носков и перчатки.

Рядом с фактами много слухов... о реквизиции капиталов частных лиц в банках, о передаче всех домов в собственность государства или города и т.д. и т.д.

Распространился слух, что в Л[ейб]-гв[ардии] 1-й артил[лерийской] бриг[аде] приказано очистить в 3-дневный срок квартиры. Генерал Потоцкий переезжает в свой дом. Остальные, жены офицеров, обратились в штаб округа, а затем и в Смольный, и будто бы им там разрешили не выселяться. Что в этом верно, что басня, не знаю.

Быховские узники действительно освободили себя и ушли с текинцами, пишут, что они ведут с кем-то борьбу. На их стороне ударники, против них «правительственные» войска.

Насколько все верно, что пишут газеты, сказать невозможно, так

[1] Так в тексте.

как очень часто в газетах писали такие вещи, которых на самом деле и не было, как, например, что Каледин выступил с казаками и подходит к Харькову. Маниковский и Марушевский вовсе не у себя на квартирах, а в Крестах и даже 29-го их «пригнали» в числе 15 человек в небольшое подвальное помещение Смольного, где находились еще 32 арестованных «Союза Союзов». Несмотря на приказание «следственной комиссии» перевести их в лучшее помещение, красногвардейцы это не исполнили и продержали всех арестованных в этом душном, сыром подвале всю ночь, где несчастные не могли ни лежать, ни сидеть, а были вынуждены стоять прислонясь друг к другу. Так что неизвестно, где же собственно Маниковский и Марушевский. И, наконец, верно ли все это.

Вообще жизнь тревожная, бьющая по нервам, в такой обстановке совсем нет возможности работать и заняться чем-нибудь, а между тем безделье также начинает тяготить. Что делается в Молодечно, почему до сих пор нет ни предписания, ни моей брошюры?

5 декабря

За это время был у генерала Леховича, он уже прощался в Главном артиллерийском управлении и переезжает с казенной квартиры. У него я застал генерала Похвиснева, который эвакуировался, что будет делать дальше, еще не решил.

Похвиснев рассказывал, что после Балуева главкозапом был подполковник. Сейчас прапорщик Мясников. Что-то невероятное!

При отъезде Шихлинского в его вагоне разбили все окна, как он ехал дальше?!

Встретил генерала Добрышина, его назначение в Военный совет не может состояться, так как совет подлежит разгону, также как и комитет о раненых.

Был в штабе округа — подал заявление о своем прибытии и передал аттестат на денежное довольствие. Посмотрим, что будут выдавать.

Какой ужас представляют из себя помещения штаба округа, сплошная грязь! Везде сплошной хаос, шум, кого только нет. Писари ухаживают тут же за женщинами, работающими в штабе. Не могу представить себе, как можно еще работать при таких условиях. Едва-едва узнал о своем зачислении в резерв округа. В штабе видел генерала Минута, его сын пропал без вести во время Октябрьской революции. Он был юнкером Инженерного училища и при защите Инженерного замка исчез. Это несчастье очень повлияло на Виктора Николаевича, он осунулся и сей-

час же подал в резерв.

Сколько горя, сколько несчастий!

Не записываю текущих событий, так как, во-первых, нельзя выяснить действительные факты от выдумки и провокационных слухов. Даже газеты пишут одно, а затем все оказывается сплошным вымыслом. Затем нервы настолько не в порядке, что нет сил сосредоточиться и не только дать какую-либо оценку происходящего и передаваемого по слухам, но даже более или менее стройно и хронологически изложить факты.

Не могу понять, почему до сих пор нет никаких сведений от моего управления? Будет очень жаль, если моя брошюра погибнет, там много ценных данных, собранных в разные таблицы.

13 декабря

Только что огорчался, что нет брошюры, как приехал Стасяк и привез 30 экземпляров. К сожалению, в Молодечно поспешили разослать их согласно моего списка, теперь это не ко времени. Притом хаос, который царит всюду, когда все начальники «выборные», стало быть, старые уехали, рассылать брошюру не ко времени. И как этого не понимает Попов! Нет у него ни чутья, ни достаточного количества ума. Вообще, я разочаровался в нем в полной мере.

Действительно, наше офицерство не на высоте, у многих только внешняя шлифовка, полученная в училищах, а затем – только то, что вдалбливают. Никакой широты взглядов, никакого понимания дальше своего носа. Иные очень шустры, но тогда это идет не на пользу дела, а на соблюдение личных выгод.

Недостает офицерству образования и воспитания. Ну как может быть «руководитель» без образования и воспитания?

Напечатана брошюра очень неважно, много корректурных ошибок, не всюду выдержаны расстояния между строчками, таблицы не рельефны, приложения сбиты.

20 декабря

Дневник утратил свой фасон – записываю не ежедневно. Повседневная жизнь монотонна и однообразна, события идут таким быстрым темпом, что, вноси все в дневник, не хватит страниц и к тому же придется целыми днями сидеть за описанием всего происходящего.

Наиболее волнующее – это конечно заключение мира. По последним данным немецкие условия настолько неприемлемы, что это поняли

даже большевики. Что же будет, если мир не состоится? Армия развалена окончательно и безоговорочно, солдаты уходят с фронта массами и воевать совершенно не желают; с тыла ни на пополнение, ни на смену идти тоже не хотят. В 10-й армии, по письму Бауце, тяжелая артиллерия уже уходит в «глубокий» тыл.

Офицерский состав дискредитирован окончательно, офицеры сравнены с солдатами. В назначениях идет полная вакханалия. Не говоря о полках, дивизиях,— армиями, фронтами командуют... прапорщики, солдаты и штатские (Позерн, минский демагог, на Северном фронте).

Какая уж тут война! Если мира не будет, немцы могут идти куда угодно совершенно свободно.

Говорят, что в военном министерстве возникла идея и будто бы разрабатывается идея добровольческой армии (наемная)—вопрос лишь о ее организации на началах прежних, т.е. командный состав и дисциплина, или же начала теперешние—комитеты. Знаменательно уже то, что начинают задумываться над тем, что управление комитетами не дало «положительных» результатов, даже с революционной точки зрения.

Об организации «платного» войска я уже говорил давно, но ничего хорошего ожидать и от этого войска нельзя, если не будет дисциплины и власти воинской, т.е. от ответственного начальника. Разнузданная солдатская масса не признает никаких авторитетов—«человек-зверь» вот кем оказался наш «серый» солдат. Против этого «зверя» нужна железная (настоящая, а не керенская) дисциплина. Чувство страха. Офицерский состав в этих войсках должен быть набран с особой осмотрительностью. Кутежам, пьянству, картам и проч. не должно быть места. Офицер действительно—пример солдатам. Затем офицеры должны быть образованы. Если не достанет с высшим образованием, то необходимо установить курсы, но не отвлекая от занятий, а ведя их параллельно.

Хозяйственную часть необходимо наладить так, чтобы хищения и растраты не могли иметь места, а воровство жестоко каралось. Здесь, пожалуй, уместно провести комитеты с участием солдат. Необходимо, чтобы солдаты были осведомлены о всех хозяйственных делах.

В строевой же части вмешательство солдат недопустимо ни в коем случае.

Честь и доблесть—основания работы.

Небольшая армия, на первое время, пожалуй, с более продолжительным сроком службы, будет ячейкой для восстановления впоследствии новой, здоровой армии. Но это мечты—действительность пока плохо вя-

жется с этими иллюзиями.

Уничтожено прежнее жалованье, устанавливаются новые нормы с пределом 500 руб. в месяц. Пока же приказано всем офицерам возвратить все деньги, полученные ввиду дороговизны. Какие это деньги, я точно не знаю, так как лично таковых не получал.

Пенсии лицам, кои получают больше 300 руб. в месяц, не выдавались. Не были выданы также деньги за декабрь семьям как офицеров, так и солдат (часть жалованья, оставленная главами семейств).

Все частные банки заняты караулами, директоры были арестованы, но затем освобождены за крупный залог. Несмотря на это, до сих пор банки закрыты, никаких операций производить нельзя.

В Петроград приехали германо-австрийские делегации, говорят до 150 офицеров, насколько это верно, не знаю.

Записывая не ежедневно, я пропускаю занести различные события, так, необходимо отметить бывшие разгромы винных складов. Началось с разгрома погреба в Зимнем дворце, а затем перешло на частные, попутно, конечно, врывались в частные квартиры, где имелись сведения, что хранится вино. Более недели шла непрерывная стрельба по всему городу, участвовали и пулеметы. Вначале высылались для прекращения погромов воинские команды, но они очень быстро сами присоединялись к грабившим, уносили с собой, сколько могли, пили и продавали. Затем стали высылать красногвардейцев и моряков. Лучше ли было, не знаю.

Сейчас как будто бы эти безобразия прекратились.

Привели арестованного инаркора 22 генерала Мировича и многих чинов штаба этого корпуса. Командир, генерал Безкровный удрал на автомобиле, вероятно в Киев.

Мирович был арестован в Орше, когда хотел садиться в поезд, чтобы ехать в отпуск. Привезли его в теплушке, а затем пешком «гнали» в Петроград, сначала в Смольный, где он и остальные штабные провели ночь в подвале. На следующий день их перевели в «Кресты». Затем, признав, что он задержан ошибочно, освободили, остальные же чины штаба корпуса до сих пор еще там.

Насколько бывают неверны слухи, даже не читаемые в газетах, примером может служить рассказ о Маниковском и Марушевском, которые по газетам все еще в «Крестах», были приведены в Смольный, где их продержали в подвале. Оказывается, это все вздор. Маниковский на квар-

тире, а Марушевский в пансионе Рауха (Иматра)[1].

Учредительное собрание до сих пор не собрано, большевики препятствуют и арестовали всех видных деятелей кадетской партии, а на днях еще и С.Р. Авксентьева, и собираются арестовать Чернова.

На днях встретил князя Трубецкого (бывший ком.[андир] Конвоя), он тоже не представляет себе, кто может свергнуть большевистское иго, на какие силы возможно было бы опереться, чтобы свалить большевиков.

Несмотря на общее недовольство, нет никакой возможности найти силу, которую можно было бы противопоставить большевикам. Всякая контрреволюция должна дать порядок, но этого порядка боятся разнузданные солдаты и, конечно, не пойдут ни за кем, ни за каким лозунгом.

Опасным врагом большевикам могут быть анархисты, но ведь их воцарение не обещает лучшего. Анархисты обещают свой съезд на 15 января. Повторят ли большевики ошибку Керенского, допустившего большевиков сорганизоваться и поплатившегося за это.

Никакой Каледин, никакой Корнилов не в состоянии сейчас что-нибудь сделать. Их гражданская война какая-то мертвая. По-моему, у них нет большой силы, мне кажется, что для того, чтобы серьезно что-нибудь изменить, надо подготовить все основательно, а затем быстро и решительно приводить в исполнение. Успех окрыляет и производит впечатление, тут возможно ожидать, что шествие будет победоносное. Тихая же война с переменным счастьем скучна и может скоро надоесть, а тогда уже и успеха ждать трудно. Все будут тяготиться и понемногу откалываться, и опять Каледин и Корнилов останутся у разбитого корыта, как это уже было с Корниловым.

Нужен подъем, нужна сильная воля, нужна громко возвещенная идея.

Вялая война успеха не даст.

Это мое мнение, посмотрим, что будет.

Тяжело быть без дела, непривычно сидеть сложа руки!

Трудно в денежном отношении, если не будут платить жалованья или лишат пенсии при увольнении в отставку.

27 декабря

Все то же — большевики изощряются в развале всего. Частные банки до сих пор не производят никаких операций — везде идет осмотр сей-

[1] Иматра — городок в Южной Карелии. Пансион Рауха — гостиница в Иматре, популярная среди творческой петербургской интеллигенции конца XIX века.

фов. У нас безопасный ящик в Сибирском торговом банке и так как номер большой (1621), то еще не вызвали.

Говорят, что народные комиссары отбирают слитки металлов и звонкую монету.

Готовятся еще разные «декреты», уверяют, будто бы большевики пишут их не произвольно, а под давлением депутаций и делегаций, требующих того или другого, угрожая в случае отказа. Выходит, что и народные комиссары, как и Временное правительство, живет под «давлением». Может быть это и верно, так как декреты часто совершенно несуразные и в большинстве случаев не исполняются.

Мирные переговоры не налаживаются. Германия предъявила такие требования, что даже большевики должны были признать их неприемлемыми и забили тревогу. Издали декрет о священной войне, потребовали боеспособность армии, возвращения всех офицеров в армию (всех, кто был на местах до октября).

Но это оказалось пустым звуком – по-видимому, никто не поехал.

Рассказывают, что Крыленко сообщил Смольному о том, что Северный и Западный фронты находятся в угрожающем положении, крепче на Юго-Западном и Румынском фронтах, и что он приказал... последним фронтам отойти на линию Лунинец – Одесса!

Сначала это «сокращение фронта» понравилось Ленину и Троцкому, но когда им разъяснили весь ужас этого «приказа» (отдача Бесарабии и друг[их] плодородных земель, переход из существующих окопов на линию, где окопов нет и проч. и проч., не говоря о позорности отхода, добровольной отдачи немцам еще новой территории и т.д.), народные комиссары послали Крыленко телеграмму с требованием отмены этого приказа. По прямому проводу Крыленко отговорился неполучением этой телеграммы и на категорическое требование ответил, что технически изменить невозможно, так как приказ, вероятно, уже приводится в исполнение.

Полагаю, однако, что фактически никто и не думал исполнять этот приказ «главковерха», так как в газетах ничего нет об отходе.

Характерно то, что Ленин, не удовольствовавшись ответом Крыленко, категорически потребовал отмены приказа и сказал, что если Крыленко не исполнит, то будет повешен в день открытия Учредительного собрания.

24-го числа получил телеграмму от чин[овника] Бауце: «управления инспартармов расформировываются». Затем это же было и в газетах.

Как всегда, в газетах написано так, что нельзя понять, касается ли

это только армии или всего, т.е. Ставки, фронтов и армий. По-видимому, в корпусах управления остаются.

При мне родилась должность и почти что при мне и умерла, во всяком случае назначенный на мое место генерал Конопчанский не прибыл. Еще раз могу радоваться, что ушел из армии вовремя.

Может быть, судьба даст мне возможность и в дальнейшем устроить свою судьбу более или менее сносно.

1918 год

1 января

Новый Год!

Война не окончена, встретил в мирной обстановке. В нормальное время это было бы немыслимо даже предположить. Настолько это было бы позорно — здоровому быть не на войне. А теперь — теперь, по-моему, позорно быть в армии, быть там участником совершающихся неслыханных в истории событий.

Одиннадцать месяцев революции, а что она дала, кроме ужаса и позора — ничего.

Прежние революции имели оправданием всех настроений и ужасов в том, что они были внове, были неожиданны. Но наша революция, пришедшая сто лет спустя Французской, является не менее, если даже не более ужасной по количеству жертв, а в отношении позора превзошла все, что было и, вероятно, что будет.

Странно, что вожаки революционного правительства не только не огорчены тем, что у нас опыт Французской революции не только не использован[1], но они как будто гордятся тем, что у нас революция идет «совсем как во Франции». Рассказывали, что один из «министров», уговаривая подчиненных чиновников не саботировать, читал выдержки из брошюры описания Французской революции. Неужели нет разницы в том, что со времени Французской революции прошло сто лет, что все в культурном отношении ушли сильно вперед, что и русский народ совершенно другой, чем французы?

Я уже говорил и, кажется, записывал в дневник, что в настоящее время революция как коренная ломка всего порядка немыслима, необходи-

[1] Так в тексте. Сиверс, говоря о неиспользованном опыте, подразумевал то, что большевики не пытались избежать ошибок Великой Французской революции.

ма эволюция взаимных отношений. Я согласен, что должна быть борьба классов, может быть, смена правительственного режима, но подходить к коренной ломке всего распорядка надо с осторожностью. В настоящее время жизнь сложилась так, что, кроме крестьян, никто не приспособлен к жизни без различных технических усовершенствований. Да и не все крестьяне могут обойтись только с тем, что у них есть под рукой. Не было бы железных дорог, разве возможно было бы расселение в таких местах, где хлеб не растет? Только условия подвоза дают возможность жить там, где почва и климат не позволяют заниматься посевами. Ну а одежда — разве теперь возможно обойтись только домашним изготовлением?

Разруха транспорта и промышленности грозят такими бедствиями, которые не приходили в голову сто лет назад.

Последние дни уже издан или обещается быть изданным декрет об аннулировании всех долгосрочных государственных займов и прекращении уплаты по купонам — не будучи знакомым с финансовой политикой, я не могу представить себе, как это отразится на всей жизни, но в частной, я полагаю, что это полное разорение и не только очень богатых людей, но и всех вообще.

Ни одно предприятие не может развиваться без обеспечения его солидным капиталом, сколько прогорало помещиков от отсутствия оборотного капитала, как многие запутывались, «перехватывая» за большие проценты деньги для нужд в данный момент.

Идут разговоры о свержении большевиков. 5 января, в день созыва Учредительного собрания, должна быть мирная демонстрация социал-революционеров меньшевиков[1]. Судя по подсчету «сил», должна выясниться позиция и затем, если силы меньшевиков окажутся достаточны, то большевики должны будут «уступить».

Платоническое предположение, никакая мирная демонстрация не заставит никого уступить своего места. Для этого нужно сбросить тех, кто занял власть, сбросить можно только силой. А где она? В солдатской среде и в массе безработного люда большевики устроились прочно. Что могут дать меньшевики — то же самое, так стоит ли выступать, порядок — с ним связаны ограничения, стало быть, стеснения. Меньшевики выдвигают то, что большевики обманывают народ... но в чем, в том,

[1] Так в тексте. А.М. Сиверс объединил таким образом «правых социалистов» в единое целое.

что будет, наплевать, а сейчас «вольготно». Большевиков поддерживает также армия громил и воров, которые теперь чувствуют себя вполне на «свободе».

Наконец, большевики «явно» организуют свои «силы», меньшевики «тайны», да и организуют ли еще, во всяком случае, явное всегда сильнее тайного. Поэтому шансы, по-моему, не на стороне меньшевиков.

Поживем увидим.

26 января

4 января на квартире генерала Резвого (бывший Рейнбот) собрались поужинать 25 офицеров бригады и прежде служивших участников войны. Были Михайловский, Некрасов, я, Куликовский, Т.Т. Беляев, Фехнер, Руднев, Рощин, Бокильон, два Мировича, Чекалов и молодежь, часть которых поступила в бригаду уже без меня. Был и хозяин дома Резвой и один из его сыновей. Не было из находящихся в Петрограде – Мещеринова, Баскова и Чернявского. Ужин прошел довольно хорошо, но вина было слишком много, и многие, отвыкнув пить, не выдержали. Конец ужина был чрезмерно шумный, некоторые же не выдержали и заболели. Я уехал рано, вскоре после 12 часов. Большинство же оставалось до утра. Не к благовремении такое усиленное питье вина. Приятно собраться, повидать друг друга, но пьянства не должно быть.

Первый блин комом. К сожалению, не думаю, чтобы этот раз был уроком. Офицерство не учитывает момента, впрочем, молодежь всегда остается молодежью.

Получил от Бауце телеграмму, что Управление инспартарма расформировывается, значит Конопчанскому так и не удалось быть инспартармом. Генерал Руднев все еще в Минске, а в Молодечно оказался генерал Гуржин.

Получил письмо от Бауце и Лагунова, а также от генерала Балашова – все пишут о тяжелом развале армии. Все уходят... в армии четыре корпуса, т.е. должно быть без армейских учреждений около 160 тыс., налицо же, по сведениям, до 17 тыс., а в действительности 6–7 тысяч, не более. Как курьез (от которого волосы становятся дыбом) – в одной батарее 69-й бригады осталось четыре человека, в том числе одна женщина, жена одного из трех солдат.

Полковник Попов уехал... уехал и не написал мне, вот она 14-я бригада, действительно на ней лежит какой-то рок непорядочности. Несмотря на все, что я делал для многих, благодарности не увидел. Первый

Каминский[1], затем Попов, потом Лалевич, Поммер и т.д. Совсем посторонний Лагунов, которому я не симпатизировал и тот, уходя из управления, написал мне.

Исключение составляет Побыванец, этот пишет мне очень милые письма.

Приезжал на три дня П. Д. Гладков — он «выбран» инаркором, говорит, останется до конца — вот охота! Формируется «красная» армия, неужели Гладков будет служить «в этих» новоизобретенных войсках?

Конечно, из мирной демонстрации ничего не вышло, на улицах, ближайших к Таврическому дворцу, были наряды Красной гвардии, матросов и войск. Не обошлось без стрельбы — были убитые, раненые.

Учредительное собрание открылось, председателем был избран Чернов, к вечеру политическая атмосфера сгустилась, и к утру Учредительное собрание было разогнано.

Все осталось по старому... большевики и Советы.

Небольшевистские газеты закрываются, некоторые выходят под другим названием, пытаются пропагандировать свое, бороться с большевиками словесным турниром, но при слишком большом азарте закрываются, а чтобы не возрождались, типографии реквизируются.

Читая газеты, нельзя составить себе никакого представления, что делается на Руси. По одним — одолевают большевики, по другим — казаки и украинцы. Пишут о больших боях, приезжающие отрицают. Говорят даже, что те и другие силы стоят друг против друга и боятся друг друга. Мелкие стычки описываются, как бои. То пишут, что генерал Алексеев собрал до 30 тысяч и идет спасать Россию, и даже разошелся с Калединым. Каледин считает, что ему следует только охранять свой Дон, а Алексеев будто бы намерен постепенно захватывать дальше. Затем есть сведение, что Алексеев со своими войсками помогает Каледину, стремясь отрезать Воронеж от Москвы.

Пишут, что большевики захватили и утвердились в Киеве, на улицах ожесточенный бой.

Что верно, где истина, выяснить невозможно.

Одно ясно, что везде плохо, всюду развал, всюду анархическое состояние. Упорядочить никто не может.

Большевики издают декрет за декретом, все, что устанавливается,

[1] Скорее всего, имеется в виду А.И. Каменцов (1868–?), полковник, командир 2-й батареи 16-й артиллерийской бригады.

никак не запомнить. Из крупных событий – это аннулирование займов и дивидендных бумаг, прекращение выплат по купонам. Но какие именно займы аннулированы, точно не известно, говорят, что военный заем действует.

Объявлена социализация квартир, но пока еще реальных результатов этого не видно.

Собирался устроиться в Финляндии, чтобы хоть немного отдохнуть душой, – но и там пошел развал. Буржуи и крестьяне образовали Белую гвардию, рабочие – Красную. По газетам, Красная гвардия оттесняет Белую, ей помогают из России оружием, а также и солдаты корпуса, находящегося в Финляндии, моряки и крепостная артиллерия. Белая гвардия получает оружие из Швеции.

В общем, и там нет порядка, стало быть, и там нельзя отдохнуть.

Н.Н. Сиверс говорил, что в штабе округа слышал, что я увольняюсь в отставку, сам еще не проверял этот слух. В сущности, все равно, раз денег не платят, то в отставке ли или в резерве, безразлично.

Получил послужной список, совершенно неожиданно оказалось, что одним из последних приказов армии и флота мне утвержден орден Белого орла с мечами.

И то спасибо, хоть уходя я не получил награду за работу инаркора и инспартарма. В настоящее время честолюбивые помыслы давно же улетучились, но все же я доволен наградой.

14 февраля / 1 февраля

С сегодняшнего дня у нас новый стиль, вместо 1 февраля – 14-е. Давно пора, хотя многие как будто недовольны – протестует духовенство; почему, мне мало понятно. Весь мир живет новым стилем, и только мы одни имеем какое-то особое счисление.

На днях опубликован удивительный акт – мир не подписан, а война окончена. Глава Министерства иностранных дел Троцкий не подписал аннексионистского мира Центральных держав, но объявил войну оконченной, и армия демобилизуется. Акт небывалый до сих пор, что он означает, невозможно себе представить. Раз мы демобилизованы, то значит, нет реальной силы противодействовать никаким требованиям немцев, вплоть до продвижения их вперед, насколько они признают выгодным и нужным для себя. Правда, армия находилась в таком состоянии, что все равно она не могла бы препятствовать немцам ни в чем. Но это совсем из другой области. Дипломатический акт остается во всей красе,

на удивление будущим поколениям.

Любопытное разъяснение причины всех событий мне рассказывали на днях. Уже Платов видел во всем, что происходит, действие масонов, он мне говорил, что в Троицко-Сергиевской лавре при разгроме библиотеки уничтожены ценные сочинения о масонах, он считает, что целью разгрома библиотеки было желание уничтожить те немногие экземпляры о масонстве, которые были в России и хранились и оберегались в лавре. Остались ли еще где-нибудь подобные издания, не знаю.

Так вот, весь культурный мир разделен на сферы влияния масонов и христианства. Государства, которые всецело в руках масонов,— Англия, Франция, Италия и Америка. Главнейшими центрами христианства были Берлин (Вильгельм) и Рим.

Борьба масонов с христианством, стремление масонов побороть христианство привело к мировой войне.

В России не было до войны масонских организаций, были лишь отдельные лица, принадлежавшие к масонству... называют Гучкова, Керенского и много других, говорят даже и некоторые ком[андиры] гвардейских полков. Православие как совершенно отдельная церковь мешало быть в союзе с христианскими центрами Европы. В войну Россия была втянута вследствие союза с Францией и Англией, очагами масонства.

Иметь Россию на своей стороне давало известные выгоды, а потому, естественно, что принадлежность к той или другой группе европейских государств, тоже была предметом борьбы. Неудача Германии склонить Россию к союзу с ней явно вызывало раздражение Вильгельма. Что борьба за союз с Россией была, что Вильгельм старался привлечь на свою сторону Николая II, доказательством служит напечатанные в журнале (Былое, 1917, № 1) или газете переписка Вильгельма и Николая II, где Вильгельм упоминает, и довольно прозрачно, о личном соглашении с Николаем II относительно присоединения России к союзу с Германией. Сейчас я не помню того, но мне кажется, там же упоминалось о каком-то акте, подписанном Николаем II без ведома министра иностранных дел. Акт составлен, привезен и дан для подписи лично Вильгельмом.

Как известно, идея Вильгельма втянуть Россию в Тройственный союз не удалась, политическая атмосфера сгущалась и, так как Германия серьезно и давно готовилась к этой борьбе, война разразилась.

Закрепощением Италии масонами объясняется ее измена Тройственному союзу.

После летних операций 1916 года стало выясняться, что при сильном

натиске Германия может быть подавлена. Англия, по-видимому, идущая во главе масонства, начала усиленно готовиться как у себя, так и вне. Выступает в реальную борьбу с Вильгельмом Америка, Россия снабжается сильной артиллерией и снарядами.

Последний удар намечался весной и летом 1917 года.

Февраль 1917 года дал России революцию, как утверждают, при помощи Англии, при ближайшем руководстве английского посла Бьюкенена. Зачем понадобилась революция в России, для меня не вполне ясно. Революция как переходная ступень к новому строю всегда вносит разложение, что ослабляет государственный организм. Россия же и без того не имеет устойчивости, порядка и определенной программы.

Можно предположить, что причинами толкнуть Россию в революцию были, во-первых, упорные слухи о возможности заключения сепаратного мира, то есть выход ее из борьбы. Может быть, масоны считали наиболее благоприятным моментом ввести Россию в сферу своего влияния, так как после разгрома Германии, после победы монархическая власть в России значительно усилится, и тогда масонству не проникнуть в Россию.

Большое число масонов, особенно среди партии кадетов, в оппозиционной части Государственной думы, также толкало события на путь революции. Мне кажется также, что, по примеру Великой французской революции, ожидался большой подъем духа в войсках, что увеличивало шансы на разгром Германии.

Незнание народа, увлечение теорией, стремление удовлетворить толпу криком «долой буржуев», а в армии «долой офицеров», привело не к усилению мощи, не к подъему духа, а к развалу и разложению армии. Тем не менее, вместе с революцией, очевидно, широкой волной вливалось и масонство.

Очевидно, допустить это, остаться лишь свидетелем совершившегося, не могло входить в расчеты Вильгельма, и вот он выдвигает на сцену Ленина и партию большевиков. Большевики упорно работают против Временного правительства, которое не имело в своих рядах ни людей твердой воли и определенной программы, ни государственного ума. Их система непротивления помогла большевикам пустить глубокие корни и получить в свое распоряжение значительную силу. Временное правительство прозевало момент готовности большевиков и пало.

Дело Вильгельма было выиграно.

Сами большевики также не представляют собой государственных умов, которые могли бы наладить какой-нибудь порядок и ввести госу-

дарственный строй, но они нужны Вильгельму для поражения масонства, и в этом отношении они отлично выполняют свою роль. Главный удар они наносят партии кадетов, среди которой, как я уже указал, наибольшее число адептов масонства. Затем второй шаг — это удар по банкам и финансам, главнейшей жизненной артерии масонства. Все остальное, творимое большевиками, — это уступки толпе и черни, на которых опирается сила и власть большевиков. Без подачек они слетят, и поле борьбы может перейти вновь в руки масонов. Власть большевиков продолжится до тех пор, пока у Германии связаны руки войной. Окончится война, Вильгельм займется устройством России, так как иметь в непосредственной близости очаг заразы не очень удобно. Правда, в настоящее время будет прослойка в виде государства-буфера — Польши и Остзейских провинций.

Вдумавшись в эту гипотезу мировых событий, надо сказать, что она не представляется невероятной. Ею многое объясняется.

Как штрих масонства, это несовместимость участия в масонстве социалистов, так как равенство, пропагандируемое ими, совершенно исключается масонами. Но для нужд масонства могут быть делегированные в социалистические партии. Таким является Керенский. Как делегат руководимый он был прекрасным работником, но, перейдя на роль руководителя политики момента, он оказался посредственным или даже ниже.

16 февраля

3 февраля! Бывший праздник бывшей Л-гв. 2-й арт. бриг. В 12 часов молебен, а вечером ужин. Устроители неисправимы, опыт первого сбора уроком не послужил — опять большая цена 50–55 руб., опять много вина.

На молебне не был, так как ездил к великому князю Сергею Михайловичу. Должен был быть вместе с Чернявским, но он почему-то не приехал, хотя великий князь знал, что должен быть Чернявский, но предполагал генерала[1].

Великий князь без усов и бороды, непривычный вид.

21 января ему, собственно владельцу дворца Николая Михайловича, было заявлено, что дворец реквизируется под штаб Красной армии. Все живущие должны очистить дом в двухнедельный срок, причем никаких вещей увозить не разрешено. По составлении описей им будет позволено вывезти вещей на 10 тысяч, но только не мебели. Сергей Михайло-

[1] Так в тексте.

вич переезжает в три комнаты, там же, на Миллионной улице; комнаты, очевидно, сдаются от квартиры с мебелью. Дождались!

Великий князь, видимо, очень занят этим, много хлопотал, имеет бумагу от Луначарского, что дворец реквизиции не подлежит, но, тем не менее, штаб Красной армии отбирает. Кое-какая надежда у великого князя еще есть.

Вечером в квартире И.П. Михайловского был ужин, вследствие большой стоимости, многих не было. Организация также хромала, не всем прежде служившим были посланы извещения.

За ужином А.Е. Стоговым и бароном Д.О. Тизенгаузеном был поднят вопрос о создании Трудового общества бригады. Было избрано «предуправление» (модное слово «пред») в составе девяти членов, которым поручено было выработать устав и положение.

Несимпатичным явлением было то, что добрая мысль была предложена не особенно умными людьми, и в состав «предуправления» вошли не обладающие широкими взглядами (преимущественно «кружок» своих людей). Посмотрим, во что выльется затея. Идея хорошая, а потому требует разумных организаторов.

20 февраля

Снова потрясающие события. Во-первых, частное. 18-го вечером по телефону мне передал И.П. Михайловский, что в Обуховскую больницу привезли с Царскосельского вокзала труп генерала Янушкевича. Так как первые сведения были доставлены генералу Бутыркину, то он пошел в покойницкую, где, увидав тело, признал его, но ввиду малого знакомства не вполне уверен, он ли. Вчера уже было в газетах то, что сомнений нет. Я говорил по телефону с генералом Кондзеровским, от которого узнал, что в городе живет двоюродный брат Никол. Никол[1], некий Гартонг[2] и что тот уже принял меры, чтобы тело Янушкевича было похоронено как следует.

Янушкевич, по газетам, был арестован в Чернигове и убит красногвардейцем, сопровождавшим его, в купе близ ст. Оредеж (так пишут газеты).

Царство небесное прекрасному человеку!

Второе события – наступление немцев. 18-го числа окончился срок перемирия, и немцы двинулись вперед, заняв Двинск и выслав конницу

[1] То есть погибшего Н.Н. Янушевича.

[2] Предположительно, Иван Владимирович фон Гартонг (1868–1937), потомственный дворянин, предводитель дворянства, полковник и член Совета Русского Собрания.

в направлении на Могилев.

Вчера ходили слухи, что Смольный предполагает оказать сопротивление (?!!!), организуется оборона Петрограда и т.д. Сегодня в газетах текст телеграммы Совета народных комиссаров германскому правительству. В ней выражается протест наступлению и оканчивается так: «Совет народн. комиссаров видит себя вынужденным при создавшемся положении заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Брест-Литовске» и т.д.

Газета «Наш век» пишет по этому поводу: «Большевизм не дошел до самоотрицания: он не изменил своей природе, он остался верен той политике, которую он ведет с октябрьского переворота и которая дала такие результаты. Вчерашняя телеграмма правительству Германской империи о согласии подписать мир на условиях предложенных Германией в Бресте, показывает, что выбор был сделан. Большевистская власть вернулась к тому настроению, которое привело делегатов Смольного в Брест, чтобы добиться там, во имя торжества большевизма, какого угодно мира».

Но согласится ли Германия теперь на мирные условия, которые она диктовала в Бресте?

Сейчас движение немцев объясняется в заявлении принца Баварского тем, что «теперешняя больная Россия старается заразить своей болезнью все страны мира. Против этого «мы» должны бороться». Таким образом, новый поход немцев имеет задачей борьбу с заразой и не может быть остановлен, пока задача не будет выполнена. Как она будет выполнена, вопрос иной, и предвидеть это, мне кажется, нельзя. Ясно, что наступают очень тяжелые дни.

Так думают и другие. В «Петроградском Голосе» говорится: «Да, мы у последней черты... Накануне великого, тяжелого и последнего испытания стоит Русский народ. Даже о чуде говорить трудно. Но, да не овладевает нами отчаяние, ибо история показывает, что дух Русского народа крепнет в испытаниях».

Прекрасные слова. Верная оценка момента — с одним не согласен — последние ли это испытания!

Хочется верить в оптимизм газеты, но народ так темен, так дик, что надо много, много времени, чтобы его перевоспитать, хотя бы в принятии элементарных чувств патриотизма, любви к родине и любви своему брату. Какой же может быть социализм без равенства и братства.

Помилуй нас Боже!

Любопытно, что во всех слоях Петрограда болезненное ожидание прихода немцев как символа «порядка». Все так настрадались отсутствием спокойствия и условий возможной жизни, что, не отдавая себе отчета в том, «что будет», ждут «избавителей» немцев. А сколько позора в этом «ожидании».

28 февраля

Ничего не понять. Народные комиссары согласились на все германские условия мира, и выехала делегация в Брест-Литовск. Между тем, немцы продолжают наступать и захватили Ревель и Псков. Продолжается ли наступление дальше, неизвестно, какие-то смутные сведения, что немецкие разъезды заметны в районе Луги. Так ли все это – Бог знает!

Странно, что одновременно с согласием на подписание мира против немцев все время отправляют отряды Красной армии и гвардии. Что могут сделать эти «войска», набранные из рабочих, т.е. совершенно необученных военному делу, плохо снаряженных, думаю, что и плохо вооруженных против организованных частей германцев?

Наконец продовольствие, мы испытываем большой голод, нормированных продуктов дают мало, а не нормированные продаются по такой высокой цене, что купить не хватает средств. Отсутствие провизии – результат отсутствия подвоза, откуда же будут доставать продукты для красных войск.

По-моему, посылаемые части есть настоящее «пушечное мясо», о котором так много ломалось копий в старое время.

Коли нет армии – воевать нельзя. Партизаны, добровольческие отряды хороши тогда, когда они опираются на регулярное войско. Неужели этого НИКТО не понимает, неужели «генералы», которые находятся «у дела», не могут это разъяснить! Или «теплое место» дороже совести, боязнь лишиться этого «теплого места» закрывает им рот? Я не верю, чтобы люди, стоящие во главе правления, могли бы не понять, если им разъяснят, как следует. А вот разъясняют ли «эти» генералы.

Как наболена душа, всюду слышишь, поскорее бы немцы пришли – будет порядок. Сколько позора в этих призывах! Сами не можем установить порядок и надеемся получить его из рук врага. Какой ужас, какое бесчестье!

Сейчас не жизнь, а медленная пытка. Три с половиной года борьбы с сильным врагом, победа над которым – это насущный хлеб. Три с половиной года работы нервов, ибо ответственность крупного начальника –

это исключительное напряжение мозговой и нервной системы, а в результате «порядок на родине — от врага!» Одного не могу понять, почему в такой момент, когда всем надо стать на защиту отечества, все время продолжается травля буржуев и офицерства? Неужели это только для того, чтобы разжечь порыв толпы, да и толпы-то некультурной, полной низменных инстинктов? Не пора ли протянуть руку всем, как гражданам одного отечества? Я не говорю, необходимо карать общественные язвы (мародеры, да и буржуев, которые заботятся о личных выгодах), но ведь не вся же буржуазия и 90% офицерства со всей душой пошли бы защищать отечество — протяни только им руку примирения[1].

Почему одна буржуазия повинна во всем, и пролетариат делает ошибки, да еще какие! Пусть бросит камень тот, который считает себя безгрешным. Если каждый будет исполнять по совести, то вряд ли найдется человек, который возьмет на себя бросить камень в другого. Надо жить и жить давать другим — хоть и немецкое изречение, но надо по справедливости сказать, что это единственный закон, которым должны руководствоваться все, без различия партии.

На этом законе должна строиться жизнь!

Новая смерть — полковника Сапожникова, только что дошел слух, что он убит в Киеве во время последних избиений офицеров. Бог хранил на войне — смерть пришла при условии, когда менее всего ожидал.

Генерал Маниковский опять начальник ГАУ, говорят, его выбрали все подведомственные учреждения. Что он там теперь делает? Где вся артиллерия — материальная часть? Будет ли возможность подсчитать все убытки, а также все, что забрано немцами в настоящее наступление?

5 марта

«ПОДПИСАНИЕ МИРНОГО ДОГОВОРА.

4 марта разослана следующая радиотелеграмма:

Всем, всем, всем.

Извещение. Сегодня, в 7 час. утра, получено официальное извещение о том, что наша делегация подписала вчера, 8-го марта, в 5 ч. дня, мирный договор с Германией и ее союзниками. Делегация сейчас должна находиться на пути в Петроград. Текст мирного договора будет опубликован немедленно по возвращении делегации.

[1] Так в тексте. По видимому, А.М. Сиверс делал эту запись, находясь в состоянии сильного душевного волнения, «перескакивая» через смысловые конструкции.

Ратификация, т.е. окончательное утверждение мирного договора, назначается на 17 марта и зависит от всероссийского съезда советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, который, согласно решению центр. исп. комитета, соберется в Москве 12 марта.

Председатель совета народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Народный комиссар по иностранным делам
Л. Троцкий.

* * *

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО.

Сегодня, в 7 час. утра, мною получено официальное извещение о том, что наша делегация подписала вчера 8 марта, в 5 час. дня, мирный договор с Германией и ее союзниками.

В соответствии с этим предписываю немедленно по получении настоящего приказа прекратить военные действия, оставаясь на занимаемых в настоящий момент позициях.

Верховный главнокомандующий
Крыленко.
4 марта».

Мир подписан! Само правительство называет этот мир грабительским.

Вот результат развала армии! Что можно ожидать другого от ликующего врага, сознающего, что никаких пределов его требованию нет, ничто не может дать отпор!

Но не подписать мир тоже нельзя. Опыт произведен – Троцкий уже объявил, что мир не подписан, но война окончена. Как отнеслись немцы известно. Они перешли в наступление «диктовать» мир, и достигли того, что желали.

Но все-таки во всем много непонятного – то демобилизация, когда мир не подписан, то высылка отрядов Красной армии и боевой клич, когда мир уже подписан. Правда, еще должна состояться ратификация мирных условий, подписанных делегатами. Вопрос этот подлежит обсуждению на съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который состоится 12 марта в Москве.

Может быть, еще ратификация и не состоится, если мирные условия не будут приняты съездом. Но все же, мне кажется, воевать мы не можем – упущено и время, и возможность. Прошлой мощи не вернешь,

а новое надо создавать веками.

По условиям мирного договора, является полная демобилизация армии, народные комиссары призывают «весь народ» поголовно обучиться обращению с оружием, чтобы вместо армии создалась всеобщая армия свободных людей. Иными словами — милиционная армия.

Для ведения военными делами образует Высший военный совет, которому вручается руководство всеми военными операциями с безусловным подчинением совету всех без исключения военных учреждений и лиц.

Состав совета — М.Д. Бонч-Бруевич, военный руководитель, и два политических комиссара (Прошьян и Шутко).

В конце тетради приложено воззвание о всеобщем обучении стрельбе и подготовке бойцов всех родов оружия — пехотинцев, пулеметчиков, артиллеристов[1]. Подписано воззвание главковерхом Крыленко, комиссаром по военным делам Подвойским и комиссаром над военно-учебными заведениями Дзевалтовским. Западный фронт и, по-видимому, штаб 10-й армии при наступлении немцев перешли в Смоленск. Наштармом все еще генерал Рыльский, там же и дегенарм генерал Балашов.

Вчера был в штабе округа и получил билет за № 115289 об увольнении меня (гражданина Российской Республики) от военной службы, как перешедшего установленный предельный возраст. Билет помечен 12 января 1918 года, подписан помощником дежурного генерала Телесницким, за старшего адъютанта Трофимовым и комиссаром — подпись не разобрать.

Итак, конец службы. Тридцать лет прослужил и уволен по «предельному» возрасту. Иди теперь, нанимайся куда угодно!

Грустно и обидно. По сравнению с горем всей России это мелочь!

9 марта

Вчера вступил уполномоченным в «Союз реальной работы». На днях был в бюро интеллигентных тружеников и встретил там бывшего офицера 29-й артиллерийской бригады Акимова, которому в свое время я несколько помог. Теперь он в правлении союза устроил мне место, причем председатель, некий г-н Усас, отнесся к этому особо внимательно, постаравшись дать мне «приличествующую» работу. Моя обязанность будет быть представителем союза в различных переговорах с разными лицами, нужными союзу. Пока работы немного — плата 300 рублей в месяц.

[1] См. приложение В.

Не имея никакого прихода, и это помощь – в смысле же дела, то посмотрим, что будет. Может быть, наладится; несколько странно работать в совершенно непривычной обстановке и компании. Будет несимпатично, всегда могу бросить.

Это личное дело, текущие события обещают много серьезного и неизвестного, у всех обывателей сложилось убеждение, что нечто серьезное надвигается в ближайшие дни. Мне кажется, что так скоро ничего не будет. Самый общий вопрос, будут ли немцы в Петрограде. Скоро, по моему мнению, во всяком случае, они не придут. Немцы не будут действовать так, чтобы могла быть хоть малейшая неудача, а для этого нужно создать достаточные силы. Помимо оккупации, все остальные возможности не имеют никакой почвы в настоящую минуту. Все «заговоры», «контрреволюции» настолько несерьезны и малосильны, что считаться с ними положительно нельзя. Разговоры же совершенно напрасно волнуют усталые, панические умы и понапрасну разжигают мечты увлекающейся молодежи. События идут своим чередом, и изменить что-либо возможно лишь тогда, когда назреют в народе новые течения.

Мудрое изречение, что народ достоин своего правительства, оправдывается и теперь. Сейчас ни у кого нет реальной силы что-либо изменить. Да ведь и настоящее правительство творит многое не потому, что считает это нужным, а потому что считается с требованием времени. Этим оно и держится. Не будет оно удовлетворять настроению, оно слетит помимо чьих-либо усилий со стороны.

Взбаламученное море вынесло со дна разные вожделения; когда уляжется, тогда выяснится и тот курс, и то правительство, которое будет соответствовать времени. Конечно, все это будет не так просто, ибо на господство тех или иных течений будут влиять разные внешние силы. Но эти влияния или ускорят, или, наоборот, задержат естественный ход событий.

Поэтому-то мне кажется, что все слухи о скоростных событиях не имеют почвы и порождаются тем состоянием неизвестности и неизбежности завтрашнего дня, а главное голодом, так как наголодавшийся обыватель всей душой мечтает об изменении положения в надежде получить более дешевый кусок хлеба и притом в большем количестве, чем сегодня.

Конечно, события нарастают, и в настоящий момент это нарастание идет усиленным темпом. Естественно, что мир и спешная организация Красной армии не могут «разойтись» ничем, события придут, но какие – этого, мне кажется, сказать не смогут даже стоящие у самой государ-

ственной машины.

Поэтому цена всем предсказателям, ежедневно пускающим новые слухи, бесспорно грош! И лучше бы они сделали, если бы не брались за предсказания.

Видел сегодня генерала Надежного — он уже не командует 42-м корпусом, а каким-то отрядом в районе Парголово. Вот тип-то!

Встретил генерала Добрышина, идет в Военный совет, все-таки ловко устроился. Плохо видит, по-видимому, операция зрения не прибавила, может быть, спасла от слепоты, тогда, конечно, слава Богу.

Генерал Некрасов согласился взять урок в бывшем Михайловском артиллерийском училище. Его дело, но это уже служба на новых началах.

Генерал Михайловский, по-видимому, уже совершенно освоился с работой и службой в новой обстановке. Как люди приспособляются к различным условиям, в зависимости от суммы жизненных удобств. Не следует, однако, делать поспешные выводы, оценка будет более правильной не сейчас, а впоследствии. Это будет справедливее.

11 марта

Странное настроение в обществе — все чего-то ждут. Много разговоров о приходе в Петроград немцев. Передавали, что генерал Маниковский (?!!!) сказал, что 17-го числа, что-то срок все отдаляется, был 9-го, 12-го и т.д. Однако почему-то из Петрограда уезжают всякого вида комиссары, причем с большой поспешностью. Мне лично известно, что уехали из Морского госпиталя, один живущий на Троицком проспекте (где мне предлагали его квартиру), затем сегодня я был в Главном управлении Красного Креста (Инженерная, 9), и там тоже. Что это означает?

Не знаешь, что и желать, чтобы пришли или чтобы не приходили. Единственно чего хочется, это покоя и порядка.

В Красном Кресте, где я был по поручению «союза», мне сказали, что сейчас неудачное время для каких-либо разговоров, ибо события назревают и надо подождать, во что все это выльется. Возможность же помощи не отрицается.

Завтра праздник — годовщина революции.

12 марта

Не знаю, что делалось на Невском, но на других улицах ничего не было, ликования и даже каких-либо намеков на торжественность дня не было заметно.

Удивительные распространяют слухи – так, говорят, что в Смольном была комната, занятая офицерами немецкого Генерального штаба, и что оттуда диктовалась программа разрушения армии. В настоящее время эти немецкие агенты недовольны большевиками, так как развал всей России не входил в их расчеты.

Затем говорят, что комната № 75, где был пожар, принадлежит Троцкому и что пожар был устроен, чтобы уничтожить различные компрометирующие документы... но фотографии сняты своевременно, а потому затея [...][1]

Сколько во всем этом наивной чепухи! Говорят также, что арестованный на днях великий князь Михаил Александрович отправлен в Вятку. Это может быть и верно, хотя в газетах нигде нет, напротив, была заметка, что вследствие болезни его отпустили.

В газете «Наш Век» годовщина революции отмечена в статье «черный год». Характеризуя минувшие события, эта статья говорит: «...Мы думали вначале, что февральские и мартовские дни напоминают собой эпоху 1848 г. Бескровно пала монархия, себя разложившая, себя изжившая. Старый строй капитулировал без борьбы... Казалось, что и в дальнейшем своем течении российские события возвращали нас к 1848 г.,– та же социальная вражда, тот же клич об обеспечении работой и та же уверенность, что государство обязано содержать рабочих неимущих и оплачивать работающих. Но все это «казалось». Уже в апреле государство стало распадаться, раздираемое людьми и умирающее от тех чрезмерных тягот, что на него возлагали все, даже не имеющие на то никаких прав.

Уже в Петрограде, как и повсюду в России власти не было, и бесконечные комбинации Керенского по составлению министерств показывали, что шатко положение правительства, что оно лишено поддержки народа. Иначе и не могло быть. Народ в массе своей жил лозунгами, соответствующими его – увы! – невысокому культурному уровню. Лозунги же эти были до-государственными, разрушающими, но не созидающими. Под влиянием этих лозунгов и пользуясь отсутствием власти, инстинкты заслонили собой совесть, честь и обязанность. Россия пылала в огне бушевавших страстей, считая последние заменяющими правду жизни, и народ, вчера безмерно унижаемый, был превращен в носителя абсолютной истины.

Россия стала как будто походить на Францию времен Великой рево-

[1] Предложение не дописано.

люции. И там было чрезмерное самопоклонение масс...

Но Великая революция была жертвенной родине как носительнице блага всего народа, как объединительнице всех чаяний — люди и партии приносили в жертву себя и свои интересы. И в этом глубочайшая разница между Францией 1789–1796 г. и Россией 1917–1918 гг. ... У нас фразами о высоких идеалах прикрывается грубейший материализм первобытного человека. Все аналоги пошли насмарку. Вновь Россия оказалась «самобытной», не похожей ни на одну другую страну в Европе... В ней не оказалось духа "классического мира", преемственности фактов, явлений и мысли. И потому не оказалось того общего, единого для всех граждан чувства, которое только и создает победные революции. В условиях государственного существования, народы это общее имеют прежде всего в отечестве. Увы! Нелепый, крикливый «интернационализм» сочетался с глубочайшей народной темнотой. Первый отвергал "отечество" как «принцип», народное же невежество не уясняло себе просто понятия Родины. И в самой отсталой в Европе стране, какова Россия, этим обстоятельством и объяснялось увлечение масс интернационализмом, в котором была не идея, а инстинкт общества в первобытном состоянии культуры...

И так как не было ни чувства государственности, ни разума государственности, — революция приняла характер специфически-российский, характер огромной и безудержной смуты, которую легко начать и так трудно кончить.

Тогда, в эти первые дни событий, хотелось верить, что движение совершилось под знаменем Национального возрождения, что в народе окрыленные творческие силы, которые развернутся и проявят себя во всем блеске...

Один голос скорбно раздался. С чувством тревоги за будущее родины и за счастье народа П.Н. Милюков предостерегал и наставлял. Или, говорил он, революция будет общенациональной и тогда она выведет страну из бед; или быть худу.

Теперь, через год, об этом следует припомнить, чтобы не могли найти для себя оправдания те, кто с такой злобой общенациональное заменили эгоистически классовым.

Смута прошла уже три периода: ликования и надежд первых недель, революционной болтовни и творческой бездарности последующих шести месяцев и апокалиптической веры в социальное чудо этих четырех месяцев.

И после всего этого не оказалось ни чуда, ни даже веры в него.

Распыленная, гниющая в самой себе, восставшая против себя, залитая братской кровью во имя идеи социальной революции, а в действительности для удовлетворения жажды социальной ненависти,– смута впустила врага в сердце России. Лишив себя мозга и рук, без знаний и без физической силы, смута сдается на волю победителя, на волю Германии, как легко сдалась бы всякой другой внешней силе, которая оказалась бы по соседству с Родиной.

...Теперь не о чем говорить, не для чего предостерегать, не к чему поучать. Пройден весь путь, пройдена роковая черта. Инстинктам говорили, что нужен мир во что бы то ни стало, и во имя этого мира одолел нарочито себя обессилевшую Россию немец.

Мир дал нам он, а не те, кто обещали, ибо сильна бывает сила, а не бессилие; организация, а не анархия.

Сбылось самое страшное из всего, что могло быть...»[1]

«Времена самодержавия создавали "господ ташкентцев" с девизом:

– Хватай, пока можно!

Времена "социалистические" выдвинули родственный господам ташкентцам тип людей,– господ "тамбовцев", с девизом:

– Моя хата с краю! Мы видели много этих «тамбовцев»,– не столько на фронте, сколько в тылу. Они, господа тамбовцы, были главными противниками продолжения войны и главными сторонниками заключения мира во что бы то ни стало, мира «наипохабнейшего», мира на каких угодно условиях.

И на указание, что такая капитуляция не спасет Россию от нашествия немцев, они отвечали с циничным смешком:

– До нас не дойдет! Мы тамбовские, до нас далеко!..

Господа тамбовцы стадами покидали окопы и ближайший тыл, занимались всем, чем угодно, только не защитой отечества, и довольно успешно усваивали идею о том, что война нужна только буржуям, что германцы – такие же товарищи, что – отечество – это лишь буржуазное понятие...

Некоторые оптимисты утверждали:

– Дайте тамбовцу уверенность, что он сражается не за чужие, а за свои интересы,– и он переменит свое отношение к войне!

[1] Текст переписан от руки самим А.М. Сиверсом.

И вот, сказали тамбовцу:
— Социалистическое, а не буржуйное отечество в опасности!.. Иди на защиту!..
Увы, тамбовец не оправдал чаяния оптимистов: социалистическое отечество оказалось не дороже и не понятнее для него, чем "буржуйное...". Он бросился с фронта к себе домой, в Тамбов или Пензу. Но оставленный фронт двинулся за ним следом.
Получился, таким образом, наглядный урок обучения патриотизму. И в первую очередь этот урок должны были усвоить псковичи.
Разумеется, и среди псковичей было немало "тамбовцев", полагавших, что война не касается их. И полагали так до тех пор, пока не появились германские разъезды и не начали забирать фураж и провиант. Псковичи после этого, говорят, взялись было за вилы, но... наступил мир.
Тамбовцы и пензенцы счастливее псковичей: у них вместо германских разъездов появятся германские коммивояжеры. Но и они скоро почувствуют, что разница между разъездом и коммивояжером не так уж велика.
И они скоро вынуждены будут понять, что слово "отечество" заключает в себе не только село Голодаевку Тамбовской или Пензенской губернии, но и Петербург, и Ригу, и даже остров Эзель и Аландские острова.
Господа тамбовцы будут очень огорчены, убедившись, что жизнь настигает их и в глуши Тамбовской губернии. Быть может, тамбовцы рассвирепеют и начнут вопить:
— Обман... Предательство!..
Но мне кажутся чрезмерными надежды, что господа тамбовцы спохватятся и пойдут спасать отечество, а не только свои хлебные амбары.
Для спасения отечества требуется другой человеческий материал,— не тамбовское тесто. Для тамбовца более понятен и близок лозунг — "накопления сил", "передышки"...
"Передышка" — вот слово, которое будет подхвачено массой тамбовцев с таким же энтузиазмом, с каким они бросали окопы во имя лозунга "мир хижинам и война дворцам". "Передышка" — это целое откровение для тамбовца, жаждущего, пока что забраться в свою Голодаевку и сказать: нас это не касаемо! Нет, из другого человеческого материала создаются спасители отечества.
Я не вижу пока этого должного материала и потому весьма пессимистично настроен в вопросе о судьбах России.
Быть может, явится новое поколение, более чеканное, менее рыхлое.

Быть может, явятся какие-нибудь новые силы, теперь скрытые.
Но песенка нашего поколения, неужели она спета до конца и без остатка?
М. Гун».

Послужит ли этот тяжелый урок на пользу и разумение темному народу и поймет ли он весь ужас положения, созданного его преступным равнодушием к Родине.

Ответ на это дает статья, помещенная на предыдущей странице, довольно верно характеризующая мышление российского обывателя.

16 марта

Газета «Наш Век», характеризуя момент и виды на будущее, говорит: «... Удушая, в буквальном смысле слова, наличную «городскую» буржуазию, большевизм, сам того не желая, создал новую очень крепкую буржуазию деревенскую... «мешочник» восторжествует, и «крестьянская бедно-та» превратится в «хозяйственного мужичка» столыпинского типа.

До поры до времени политические идеалы этой новой, созданной революцией буржуазии будут очень скудны. Всякая власть, которая гарантирует ей безопасное владение на правах частной собственности «благоприобретенной» земли, будет ею безоговорочно признана... процесс демократизации земли и создание новой деревенской буржуазии можно приветствовать. Но... такого скудного результата можно было добиться с меньшей расточительностью по отношению к живым людям, «мертвому инвентарю и благородным идеям»«.

Затем газета говорит также, «что наша хилая промышленность развивалась параллельно с освобождением нашим от германского засилья. Ориентация в сторону союзников означала освобождение России от германских товаров за счет англо-французских капиталов.

Теперь мы не только отказались от привлечения иностранных капиталов, но, аннулировав внешние займы, сделали этот прилив невозможным, что, конечно, крайне выгодно для Германии. Отсюда логический вывод, Германия всячески будет содействовать русскому «хозяйственному мужичку» как производителю сырья, будет выкачивать из России руду, хлопок, лен и возвращать нам это сырье, обработав его на своих заводах и фабриках. Наша же промышленность сведется к минимуму. Произойдет так сказать «всероссийская эвакуация» заводов».

Интересна также речь Бальфура по вопросу о происшедшем в России:

«...Падение самодержавия было встречено всеобщей радостью. Взглянем на события с точки зрения войны и интересов всего мира. С этой точки зрения события в России являются теперь величайшим несчастьем для будущей свободы малых народностей, которые мы спасаем от германского владычества. Выход России из рядов воюющих держав отдалил окончание войны на год, а может быть и более. Выйдя из состава коалиции, Россия стала добычей неприятельского нашествия. Я верю в искренность русских революционеров, но течение событий сделало их совершенно беспомощными перед лицом германского наступления. Теперь они хотят воссоздать русскую армию с целью национальной обороны, и мы, несомненно, предложим им наше содействие. Конечно, они должны создать новый военный механизм, так как обломки старого совершенно разрушены. Но воссоздать разрушенное нельзя в короткий срок. Как же спасется Россия от врага, грозно стучащегося у ее ворот? В интересах Германии продолжение русской анархии. Русский хаос иногда кажется мне непреодолимым, если только что-либо чрезвычайно хорошее или чрезвычайно скверное не положит ему конец».

Что верно, то верно.

21 марта

Поздно вечером 17-го числа ко мне позвонил генерал Рыльский, он приехал уже недели две из Смоленска, и предложил пойти к генералу Шварцу наниматься. На следующий день около 11 утра я был у генерала Шварца, который отнесся к моему предложению работать у него очень любезно, но оказалось, что место начальника артиллерийского отдела предложено полковнику Лисовскому (бывший командир 17-го тяжелого дивизиона) или, как его назвал генерал Шварц, генералу Лисунскому. Но так как он не приезжает и неизвестно приедет ли, а дело требует работы, то он согласен на мое назначение,— по-видимому, они говорили обо мне с Рыльским. Так как эта должность находится в подчинении начальника штаба, то рекомендовал зайти к генералу Геруа (младший, бывший командир лейб-гвардии Измайловского полка). Этот господин, хотя и принял очень внимательно, по-видимому, из хамов, обещал сообщить результат — примут меня или нет.

Очевидно, хам, так как до сих пор ни слуху, ни духу. Курьезно же то, что сегодня я встретил генерала Баранова (бывший офицер лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады), который сегодня же был там, и ему сказали, что если он хочет туда же наняться, то должен обратиться ко мне.

Выходит, что как будто бы меня берут,— ничего не понимаю.

Завтра возвращается Рыльский, и, может быть, я от него что-либо узнаю.

Рыльский ездил в Москву к новому комиссару по военным делам Троцкому (бывший комиссар по иностранным делам) как раз по делам организации генерала Шварца[1].

За эти дни в политической жизни ничего не случилось, все ожидания оказались совершенно беспочвенными. Говорили же настолько определенно, что будет какой-то новый курс, ожидали чего-то со дня на день. Но чего ждали, я выяснить не мог, да вряд ли знали и те, кто говорил.

Мне лично казалось, что все эти «ожидания» чего-то — пустое соображение. Все так устали настоящим, что эвакуация правительственных органов и различных учреждений, сообщения газет о какой-то тревоге в Смольном создали впечатление назревания чего-то. Я уже говорил, что изменить положение может только что-то реальное, да еще опирающееся на порядочную массу. Никакие отдельные личности, каким бы они обаянием не пользовались, ничего сделать не могут.

Настоящие лозунги по вкусу большинству, а потому их проповедники держатся. Когда эти лозунги надоедят, тогда будет конец настоящему правительству.

Тяжесть жизни испытывали городское население, да и то лишь часть — так называемые буржуи и те, кто принуждены наниматься. В остальных слоях тяжесть жизни еще не прочувствована в должной мере.

Что же касается прихода немцев в Петроград, то это также не осуществилось, как и все другое, о чем болтают досужие языки. И в приход немцев я не верил и оказался прав. Не оправдались также и ожидания сокрушения большевиков немцами. Привожу выписку из газеты «Наш Век», которая формулирует настоящее положение достаточно определенно и подтверждает логическими доводами, то что и я говорил.

«Германии нет основания бояться русского большевизма... Германское наступление осуществляет давние завоевательные планы, которые были разработаны пангерманистами еще тогда, когда и большевизма в России не было... Германское наступление есть поход против России, против русского народа, а не против того или иного политического режима в России... Германия осуществила старый план захвата Балтики.

[1] В описываемое А.М. Сиверсом время А.В. Шварц руководил Северным участком «Завесы» и Петроградским районом, как стали называться после заключения Брестского мира Северный фронт и Петроградский округ.

Она устраивает из Украины свою хлебную житницу, берет русские порты один за другим, увозит грандиозную военную добычу — одним словом, черпает в России все, что можно, и при этом совершенно не заботится о том, будет ли сейчас сокрушен в России большевизм <...>

Все легенды о планах немцев, направленных к ликвидации большевизма, которые так охотно подхватываются обывательским настроением, совсем не соответствуют нынешней политической конъюнктуре. Слухи об экстерриториальности Петрограда, о контрольных комиссиях опровергнуты не только официально, но и по существу своему не вытекают из германских планов.

«Передышка» действительно дана советской власти, эта передышка не мешает германцам продолжать свое дело, с одной стороны, а с другой, нисколько, при сложившихся ныне внутри России условиях, не колеблет прочности советской власти...»[1]

Хочу отметить слова левого эсера Левинсона на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов; он говорит, что в Петрограде будет образована контрольная германская комиссия, которая сведет на нет политику Советской власти; национализации банков и социализации земли придет конец. Уже теперь, по слухам, Советская власть создает многомиллионную армию, в которой будет строгая дисциплина, вплоть до смертной казни, и будет отсутствовать выборное начало командного состава. Во главе этой армии будут стоять генералы Шварц и Бонч-Бруевич, настоящие контрреволюционеры.

Эта речь Левинсона малопонятна, так как было официальное опровержение относительно контрольных комиссий и денационализации банков. Что касается формирования армии, то на это ответил Зиновьев, который опровергает слухи об образовании многомиллионной армии во главе со Шварцем. Он заявляет, что во главе комиссариата по военным делам поставлен Троцкий, а потому не может быть никакой речи о контрреволюции.

24 марта

Рыльский не приехал и, очевидно, останется до понедельника 25-го числа. Поэтому я зашел в штаб генерала Шварца узнать, в чем дело (это было 22-го числа). Оказывается, на следующий день после разговора со мной, Геруа вызвал генерала Драке (Владимира), предложил ему, и когда тот

[1] Полный текст статьи см.: Приложение В наст. изд.

согласился, то Драке и был назначен.

Я не могу претендовать[1] на то, что Геруа предпочел другого, но за тридцать лет службы первый раз встретил такое хамское отношение. Если Геруа имел в виду другого, приличие требовало мне сказать сразу, а, кроме того, полагаю, что мог бы сообщить.

Вместе с тем он сказал, что генерал Шварц (будто бы) поручил мне передать, что он мне предоставит строевую должность – ну, на строевую я не пойду.

Да и вообще первый и последний раз попробовал «наниматься». Если я могу быть полезным и нужен, пусть меня приглашают. Никогда на военной службе никуда не просился и не напрашивался, первый раз изменил своему принципу и... налетел на хамское обращение.

Сегодня телеграфировала m-me Рыльская, что у нее есть сведения, что дело формирования армии пошло????, Троцкий произвел вполне благоприятное впечатление, и Рыльскому удалось получить больше, чем он ожидал. Он остался в Москве в ожидании «декрета», утверждающего обещанное на словах.

В добрый час! Государству нужна настоящая армия, при ее наличности и внутри можно ожидать большего порядка, да и во внешней политике это даст более твердый голос.

«Пожар способствовал украшению Москвы».

26 марта

Жгучий вопрос формирования новой армии.

Ввиду участия многих офицеров бывших Л.–гв. 2-й[2]–все время приходится слышать о штабе генерала Шварца. Там по приглашению Драке уже работает Куликовский, должен был поступить Некрасов, но отказался.

О будущности созидаемой армии самые разноречивые взгляды. В то время, как Рыльский сообщает, что ему не только удалось получить согласие, но и достичь большего, чем ожидал, другие мало верят в успех работы. Видел сегодня генерала Княжевича, который не верит в прочность и долговечность работы генерала Шварца, другой, Б.А. Энгельгард, говорит, что в настоящее время нет подходящего материала для создания такой армии, которая нужна как опора государству.

[1] Здесь в значении: «выступать с претензией».

[2] Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады.

И действительно, если верхи советского правительства начинают сознавать необходимость дисциплинированных войск и правления офицеров, то низы — толща народа к этому еще не подошла. Да и подойдет еще не скоро, так как многие из вождей большевизма, убежденно или подыгрываясь под взгляды толпы, продолжают, одновременно с намеками на необходимость прочной армии, говорить про командный состав в очень резкой форме. Как образчик момента, характерно выступление Володарского на митинге в Александринском театре 24 марта. Он говорит, что «при создании новой армии необходимо договориться, чтобы потом не было никаких сомнений. Нас упрекают за то, что мы призываем в Красную армию генералов, которых мы вымели железной метлой. Нас спрашивают теперь — зачем же было выгонять? Для того — отвечаю — чтобы офицерство сознало, что его привилегии — нуль, чтобы оно, пройдя через унижение, через продажу газет на улицах, сознало, что все зависит от народа, который все может дать и все может отнять.

Мы разрушили старое. Строить новое из одних кирпичей нельзя. Мы говорим: — нужен генерал, давай генерала! Всех желающих, милости просим. Саботажников работать заставим силой».

Крыленко сказал: «Около каждого генерала будет по два архангела со штыками! Я добавлю — если нужно, то не — два, а четыре, шесть, восемь!

<...>

Я знаю, нас спросят: зачем же вы разрушили дисциплину старой армии?

Да, разрушил, — отвечу я. А разве можно было поставить предел раскрепощенным рабам. <...>

Армия нужна, так как Россия не застрахована от новых посягательств, аппетиты приходят во время еды. Надо работать стиснув зубы. Необходимо думать о реванше, но не надо говорить об этом».

В «Объявлении» за подписью Троцкого и Подвойского есть такое место: «Советской республике необходима армия, которая умела бы сражаться и побеждать. Обязанностью советской власти является наблюдать за тем, чтобы отдельные учреждения или части народной армии не превратились в очаги контрреволюции, в орудия борьбы против рабочих и крестьян. Политический контроль за всей организацией и жизнью армии поручается военным комиссарам»...

И то и другое, с одной стороны, подготовляет к надобности создания армии с дисциплиной, с другой стороны, неуверенность в том, что

«масса» поймет эту надобность, обещание «глядеть в оба», чтобы сюда не прокралась контрреволюция.

А ведь главное для продуктивной работы в армии, чтобы она могла сражаться и побеждать, это отсутствие вне всякой политики, ее безусловная беспартийность.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что армия в странах немонархических не должна вмешиваться в политику, ее не должна касаться партийная борьба. Армия должна быть государственным органом и выполнять веление своего вождя, который получает директиву действий от военного министра. Военный министр, входя в состав правительства, ведает политикой и дает указания в зависимости от обстановки. Это даст большую устойчивость правительству и будет служить ему опорой. Иначе армия со своими штыками будет, в сущности, вершительницей судеб государства. Не она будет оплотом и охраной правительства, а правительство будет игрушкой в ее руках.

Я уже заносил свой взгляд, что улучшение быта (социальные условия) должны проводиться эволюцией, а не революцией. Конечно, если правительство не желает или не умеет установить социальную эволюцию, революция явится сама собой. Но недовольство отдельных групп или партий направлением политики правительства или медленности проведения реформ не должно служить поводом к новой революции. Так революции могут повторяться нескончаемое число раз, пользы же от этого не будет никакой. Для обеспечения же от подобного увлечения революционных выступлений должна служить твердая армия.

Внося политику в армию, мы обрекаем ее вновь на разложение, слабость и междоусобную борьбу. Сомнительно, чтобы такая армия могла сражаться и побеждать внешнего врага.

Прав ли я? Как на это смотрят наши правители?

При создании новой армии – Боже упаси от политики! Сейчас в ней не место горячим головам, мечтающим о каких-то «революциях». Впоследствии, когда все уляжется, утрясется, и эти горячие головы могут существовать, они будут не опасны для дела. Скажу, что они будут полезны, чтобы армия не была мертвой. Сейчас такие лица портят, ибо смущают людей, не рисующих себе явной картины происходящего. В далеком будущем горячие головы будут терпимы, так как в установившихся взглядах они будут лишь оттенять величавое спокойствие общего тона.

Прав ли я?

Еще есть категория лиц, которые сейчас не должны попадать в но-

вую армию,— это искатели личных выгод. А таких много, девиз «если не теперь, то когда же хорошо устроиться» должен быть изгнан беспощадно. Эти люди вредные и сейчас и всегда.

Забота высших начальников их не допускать ни под каким видом.

Но такие пробираются, ибо это ловкачи и по большей части неглупые люди!

Вот мой взгляд на новую армию.

30 марта

Сегодня окончила работу в Морском госпитале Е. Ф. Госпиталь демобилизуется и потому сильно сокращается. Остаются штатные сестры, да и те по выбору Союза сестер. Сестры военного времени освобождены. Более трех с половиной лет работала Е. Ф. без жалованья, отдавая свои силы на пользу отечества. Очень хорошее свидетельство дали ей доктора Бронников и Кинаст. Старший же доктор госпиталя не нашел нужным поблагодарить за такую работу. Хам, сидевший в душе каждого, лезет наружу.

Недалеко ушел и генерал Рыльский — говорят, приехал и не может даже мне протелефонировать. Я не жду от него ничего — простое приличие.

Рыльского видел генерал Круглевский, который говорит, что Рыльский считает, что ничего не выйдет из затеи создания армии. В Москву к Троцкому поехал сам генерал Шварц. Ничего не понимаю — ездивший с Рыльским Сытин говорил, что удалось получить больше, чем ожидали, а сам Рыльский смотрит пессимистически — ничего не выйдет. Когда же произошла перемена и почему?

Сколько еще позора и унижений надо пройти, чтобы была сознана необходимость настоящей, аполитичной армии!

Да и формировать ее надо не «штабом Шварца» и других, а военному министерству. Необходима однообразная армия, а не создаваемая в каждом округе по своему собственному образцу.

Армия должна быть едина! Иначе где же «взаимная выручка»?

Видимо, об этом не только «разрабатывать», но и просто говорить еще рано!

Подождем...

Ко мне переехал Н. Н. Сиверс, может быть, ненадолго, так как кто-то требует эвакуации его учреждения. Удастся ли ему остаться здесь или же уедет, в конце концов, неизвестно.

3 апреля

Со страниц газет не сходят сведения о формировании новой армии. Вчера в газете «Вечерние Огни» было интервью с К.О. Рыльским[1], который по вопросу о привлечении бывших офицеров, сказал, что до сего времени в Красной армии очень мало кадровых офицеров, число предлагающих услуги незначительно. Это объясняется тем (главным образом), что бывшее офицерство стремится к участию в военных действиях против внешнего врага и не имеет охоты быть втянутым в гражданскую войну. Это верно, но есть и другая сторона... это отсутствие всяких гарантий, что испытанные унижения не повторятся. Затем еще мотивом мне кажется то, что штаб Шварца должен был формировать какую-то армию «особую» от Красной. Такое, по крайней мере, создалось впечатление, а в действительности это самая настоящая Красная армия.

Тем более являются глупыми и скверными разговоры некоторых чинов штаба генерала Шварца.

«Петроград, 30 марта.

Разрушение русской армии прошло необычайно быстро. В течение одного года этот процесс, который носил характер столь многообразный, закончился полным разложением русской военной силы. Теперь, после Бреста, начинаются разговоры о воссоздании военной силы России; к идее о необходимости такой силы пришли и принципиальные отрицатели постоянной военной организации, и те партии и группы, которые так деятельно "революционизировали" старую армию. Если разрушение совершается стихийно, самобытно, то созидание имеет свою логику, и одной из основ ее является принятие опыта, установленного всем миром, признание тех норм, которые выработались в течение веков.

В проектах воссоздания армии, которые теперь появляются на свет Божий, нужно различать две стороны: организационно-техническую и государственно-политическую. В сфере организационно-технической – новая "Америка" уже открыта. В большевистских кругах начинают пони-

[1] Имеется в виду генерал К.И. Рыльский, сослуживец А.М. Сиверса с августа по ноябрь 1917 г. Повторение в дальнейших записях инициалов «К. О.» позволяет предположить, что генерал Сиверс предпочитал при личном общении называть Рыльского не Константином Иосифовичем, а Константином Осиповичем. Это не противоречит правилам русского языка, т.к. имя Осип является производным от Иосиф, однако может свидетельствовать о сложном отношении А.М. Сиверса к евреям.

мать, что элементарные начала всякой воинской организации нужно положить и в основу новой армии. Создание особых руководителей, которым подчиняются все войска данного района; назначение командного состава, введение определенной дисциплины — все это нормы, без которых военные организации существовать не могут, приемлются. Чрезвычайно характерно и отношение к выборным армейским организациям. Как сообщают газеты, в советских кругах после борьбы двух течений (во главе одного из них стоял Крыленко, а во главе другого Троцкий), восторжествовало мнение последнего, согласно которому солдатские комитеты сохраняют за собой только хозяйственные функции и не имеют права вмешиваться в оперативно-строевую часть; политические же вопросы будут разрешаться особыми назначенными комиссарами, которые действуют в контакте с комитетами. В одном из проектов устанавливается даже положение, что добровольцы при поступлении в армию отказываются от представительства частей в местных советах и политических организациях.

Здесь мы имеем попытку провести такую ересь, как освобождение армии от господства политики, как будто проглядывает идея, в силу которой армия не является активным фактором политики, а имеет свою особенную функцию, связанную с самим бытием государства. Но уже здесь организационная сторона сталкивается с более широким, государственным вопросом о функциях и значении армии вообще, о целях ее организации. Но здесь организационные вопросы оказываются связанными со всей конструкцией государства, со всей его идеологией и политикой.

В основе современной организации армии, даже в демократической ее форме, лежит идея "гражданина" и отечества. Все граждане равны перед этой идеей отечества, все обязаны защищать родину, независимо от партийной и классовой принадлежности.

Эта идея, созданная Французской революцией и воспринятая Пруссией после Тильзита, и легла в основу всеобщей воинской повинности, введенной впервые в Пруссии и послужившей толчком к появлению действительно народных армий. Идея единого государства, идея отечества, стоящего над партиями и над временной политической борьбой,— вот предпосылка народной армии. Задача армии в современном государстве, прежде всего, и в чистом виде — это оборона страны от внешних врагов, ей угрожающих. Эта задача суверенная, перед ней отступают все другие внутренне-политические цели.

В этом различие современной народной армии от тех сословных во-

енных организаций, где на первый план выступала защита определенной власти... Абсолютистское государство стремилось лозунг «за отечество» соединять с другими; это воплотилось, например, в сакраментальной формуле: «За веру, царя и отечество». Но цементом для народной армии может быть только защита отечества, не социалистического и не классового, а просто отечества. Тут невозможны никакие суррогаты. Долг, воинская дисциплина могут морально базироваться только на суверенной идее отечества, стоящей выше партии.

Организация народной армии имеет неизбежной предпосылкой цель, которую преследуют все армии – защита Отечества, понимая под этим нечто общее для всех граждан, для всех партий и групп. Только принятие этой суверенной идеи может явиться исходным пунктом; без нее самое удачное разрешение технически-организационных вопросов и привлечение всех специалистов только подчеркнет непримиримое противоречие между идеей национальной армии и идеологией, отрицающей нацию и общее для всех отечество.

В газете «Наш Век» пишет Ф. Батюшков по поводу доклада А.М. Редько «Трагедия интеллигенции» очень верные мысли: «...ныне с сохранением хотя бы некоторых из завоеваний февральской революции, с надеждой, что никакая диктатура не может быть вечной, с уверенностью, что русский народ справится с тяжелым кризисом, который приходится ему переживать, я хочу верить, что благополучно разрешится и «кризис» интеллигенции, значение которой поймет и оценит русский народ. Он вовсе не враг культуры и просвещения... он не понимает еще в должной мере напряженности умственного труда и длительной подготовки, требуемой научной дисциплиной, он доверяет обманчивым рекламам – «полный университетский курс в три месяца» и еще смешивает образовательный ценз с привилегированным положением человека, обладающего дипломом...

Однако на все призывы к просветительным целям он откликается... и понемногу начинает разбираться, что образовательный ценз не есть простой клочок бумаги. В невежестве держали народ,– этого отрицать нельзя,– потому что казалось, что легче управлять невежественной массой, не умеющей заявить и отстаивать свои права. Но, с другой стороны, и чрезмерное преклонение и принижение перед народом дало о себе знать...»

6 апреля

Все то же — каждый день приносит все новые и новые сведения о разрухе, беспорядках и развале.

Вчера встретил подполковника Клейгельса, а сегодня прапорщика Шеншина. Рассказывают, что при наступлении немцев они выехали за четыре часа, все документы сжигали всю ночь. Этапно-хозяйств[енный] отдел остался в Минске. Штаб фронта весь остался в руках немцев, там не поспели даже сжечь документы.

Сегодня телеграфировал ко мне К.О. Рыльский, говорит, что их дело не налаживается, завтра будет окончательное совещание и, вернее всего, что дальнейшая работа будет невозможна.

По-видимому, еще не скоро придет сознание необходимости аполитичной армии, которая должна быть оплотом от врагов внешних. Очевидно, боязнь того, что сплоченная армия будет угрозой существованию советского правительства, не позволяет народным комиссарам пойти по правильному пути при создании новой армии.

Кажется, у меня не записана идея, что армия должна быть только против внешнего врага; для борьбы же с «врагом внутренним» надо установить жандармерию. Правда, название неприемлемо по настоящему времени, но ведь не в названии дело — название можно придумать и другое. Суть же в разделении на две категории.

Гр[аф] Доливо-Добровольский говорил, что Илья Ильдефонсович Волковицкий, по газетам, где-то командует армией или округом формируемых войск. Вот выбор-то, такие провалят и дело; и даже теперешнее.

Иногда в газетах пишут статьи, где некоторые строки формулируют мысли, которые вполне отвечают тому, что и сам думаешь.

«...Конечно, приятнее всего было бы остаться попросту человеком. К несчастью, это совершенно невозможно. Мы были когда-то людьми, но утратили это звание. Нельзя принадлежать к человечьей породе, не обладая чувством человеческого достоинства. Но чувства этого у нас теперь нет, и право на него у нас отнято...»

В сегодняшней газете сообщено, что расстреляна Евгения Бош[1] (большевичка), игравшая большую роль в 1-м или 2-м гвардейском корпусе, а по газете, командовавшая 3-й гвардейской дивизией!

8 апреля

[1] Сообщение оказалось ложным: Е.Б. Бош покончила с собой в 1925 г.

В подтверждение того, что нынешние мировые события являются результатом борьбы масонов с христианским миром, служит газетная заметка («Вечерние Огни»):

«В берлинских финансовых сферах существует сильная тенденция ни в коем случае не допускать денационализации частных банков. Денационализация, по мнению сторонников этого мнения, поведет только к усилению влияния французского и английского капитала. При настоящем же положении, влиянию германского капитала не будет никаких преград. В Берлине существуют уже готовые проекты вливания немецких денег в русскую промышленность».

Итак, закрытие банков есть действительный удар по масонству (см. стр. 18 этой тетради)[1].

По газетам, со штабом генерала Шварца конец. Уход его и Рыльского, как пишут «Вечерние Огни», дело нескольких дней. Кто будет вместо них, неизвестно,—если они не удержались, то кто же пойдет, очевидно, как говорил один из большевиков, генералы второго сорта. Посмотрим, кто будут «эти» люди. Неужели Драке и Куликовский останутся?

В той же газете написано, что жалованье солдатам предполагалось от 250 до 50[2] руб. в месяц (!), в зависимости от местности, где будет находиться часть. Это, однако, вызвало несогласие среди Высшего военного совета, некоторые члены высказались за уравнение платы, по 250 рублей, сумма слишком велика, и казначейство не может выдержать.

Затем там же сказано, что В[ысший] в[оенный] с[овет] решил немедленно возобновить деятельность всех военно-учебных заведений, закрытых после Октябрьского переворота.

Во что же, в конце концов, выльется новая армия?

В конце тетради помещаю статью «В дни раздела», очень ярко характеризующую данный момент[3].

Однако от всего этого не легче. Позор, несмываемый позор, остается на страницах истории России. Были тяжелые времена, но такого отсутствия патриотизма еще не было до сих пор.

14 апреля

Ничего не понимаю, Шварц и Рыльский уходят, но все еще сидят в своем штабе... в ожидании заместителей. Заместителем же Шварцу называют

[1] Смотри запись от 14 февраля 1918 г.

[2] Так в тексте.

[3] См. приложение В.

Добрышина, который уже уехал в Москву для переговоров с Троцким. Участие Добрышина особенно для меня непонятно, он всегда высказывал весьма определенные взгляды и резко давал отповедь всем комиссарам, а тут... согласился и поехал в Москву. Или он тоже ищет, где глубже, и не очень стесняется согласовать дело со словами. Ив. Ив. Попов считал его человеком невысоких качеств, Радкевич мягко называет его — профессором, не военным. Лично я заметил, что он не блещет большим умом и широтой взглядов, но во взаимных отношениях подкупает своей воспитанностью.

Что касается самой армии, которую силятся создать, то любопытная статья помещена в газете «Правда».

«...Не курьез ли в самом деле, что по всем буржуазным газетам на днях разгуливало сообщение о том, что будто Сов[ет] нар[одных] комиссаров решил ввести принудительную воинскую повинность. «Речь» по этому разместилась даже на целую передовицу о «воссоздании» армии и, тряхнув стариной, провозгласила, что целью всякой армии является «защита отечества», «общего для всех отечества». Всеобщее обязательное обучение военному делу на началах народной милиции. «Речь» смешала с буржуазной принудительной воинской повинностью, создание новой, социалистической, армии спутали с «воссозданием» буржуазной армии...

Новая армия не будет и не может быть буржуазной армией, она не может целиком строиться на тех началах, которые выработаны и установлены буржуазной военной наукой. Социалистическую, добровольную, свободную дисциплину в новой армии установить теперь невозможно, ибо социалистическая дисциплина вырастает на основе социалистической сознательности, но и на старой буржуазной дисциплине ее строить немыслимо.

Получается противоречие, но не большее, чем в любой задаче, стоящей перед советской властью...

Организационный план, разделение на роды оружия, специальные части — все это остается прежнее, «буржуазное», но в дисциплине внешнее принуждение уступает место сознательному подчинению. Это — «первый шаг» к строению новой армии. Административные, командные права офицера значительно укорачиваются, но к нему предъявляются несравненно более высокие требования, как [к] «технику» военного дела. Выборное начало на первых порах сочетается с назначением на более ответственные и требующие больших специальных знаний посты. Так

действовала и действует Советская власть и в других областях государственного управления. При всеобщем обязательном обучении военному делу, при росте и развитии в массах начал сознательной, добровольной дисциплины выборное начало неминуемо будет расширяться, а назначение все более и более отходить на задний план...

В новой армии останется много старого, те же новые начала, которые будут в нее внесены, поставят ее по сравнению со старыми армиями на недосягаемую высоту. Старая армия принудительно «сколачивалась» и держалась только палкой, новая армия будет скреплена сильнейшим внутренним цементом – сознательным, добровольным подчинением. Старая армия составлялась из солдат, которые были пригодны только на самую простую, грубую, черную работу стрельбы и рытья окопов, а над этими «чернорабочими» возвышались богатые (не всегда и не везде) специальными военными познаниями офицеры. Солдат новой армии должен быть хорошим специалистом, «квалифицированным рабочим» войны, «полуофицером», если так можно выразиться...

Трудна задача создать такую армию, но она должна быть выполнена. Только армия, построенная на этих новых началах, способна наносить поражения армиям прежнего «буржуазного типа».

Вот как смотрит на армию будущего газета «Правда», отражающая в себе взгляды советской власти.

Позволю себе заметить, что «сознательного, добровольного подчинения» что-то не видно и не предвидится в будущем. Да и вообще много можно было бы написать в ответ. Но может быть я «обломок старого режима» (как называл меня Иван Павлович Романовский) и многого не понимаю.

12-го числа появился П.Д. Гладков – он был в Пскове у немцев, затем ушел из Пскова и вот добрался до Петрограда. Здесь хотел подать в отставку, хлопотать о пенсии, но встретил кого-то из штаба своего (1-й армии) корпуса, от которого узнал, что штаб в Новгороде, что его ждут туда, так как корпус не расформировывается, а наоборот, пополняется. Решил ехать к корпусу. Стало быть – в Красную армию.

Сегодня m-me Руднева сообщила, что ее муж Сергей Васильевич также поступил в Красную армию начальником артиллерийского округа и поэтому вызывает ее к себе в Рязань.

Постепенно многие переходят на службу в Красную армию.

Вчера был в Главном штабе – генерал Перетерский[1], начальник 8-го (пенсионного) отделения просил придти к нему во вторник 16-го числа за удостоверением на право получения пенсии. Это уже некоторый плюс.

Долго ли будут давать пенсию, неизвестно конечно, но все же у меня будет уже назначенная определенная сумма. Небольшая, но реальная.

Моя работа в Союзе реальной помощи вылилась в добывание пожертвований в пользу союза. Никогда этим не занимался, а потому служба не блещет результатами. На мою долю выпали банки и банкирские дома, что при нынешнем положении нуль. Разослал письма от правления главарям банков и владельцам контор – пока ответов нет. Лично получил всего 100 рублей.

Жалованья же мне пока не платят – довольно странно, обещали на будущей неделе – посмотрим.

Иногда встречаю генерала Радкевича – похудел, но все же бодрый и со всегдашней улыбкой на лице.

15 апреля

Генерал Добрышин вернулся из Москвы и, очевидно, достиг соглашения или сдал свою позицию, так как уже работает.

Может быть, дело постепенно наладится – за куском хлеба туда тянутся многие, в том числе и Иван Петрович Михайловский.

Надо поговорить с Добрышиным – какие условия новой армии, и если приемлемые, то и самому попытаться получить должность.

Чувствую, что это сделка с совестью, но надо «жрать».

Был у меня сегодня Михаил Алекс[еевич] Беляев, рассказывал много интересного. Он тоже в положении безработного и ищет себе места на частной службе. Говорит, что при массе знакомств и добрых отношений со многими заправилами фабрично-промышленного мира он ничего устроить себе не может. Все предприятия ликвидируются.

Деньги убывают в ужасающем количестве. Сегодня внес квартирный налог с 60% пеней – 125 рублей. За все берут неимоверно большие деньги, а прихода нет; «жрать» же нужно. За квартиру приходится платить 120 рублей в месяц на наем швейцара и дворников и доставку дров.

17 апреля

[1] На самом деле Н.Н. Перетерский имел классный чин действительного статского советника.

Восстановление армии все же осуществляется. Во главе Петроградского района остается генерал Шварц, помощником у него генерал Добрышин. К.О. Рыльский, как говорят, уходит окончательно.

Набирают личный состав как для войсковых частей, так и для командных должностей. Драке предлагал Михайловскому инспект[ора] артиллерии Петроградского района, но Иван Петрович категорически отказался, так как условия создания новой армии слишком недалеки от тех, при которых старая армия развалилась.

Сегодня был у меня полковник Тимофей Тимофеевич Беляев, просил моего мнения относительно возможности привлечь в восстанавливаемую бригаду бывших офицеров. Я указал, что основанием при приеме в бригаду должно быть положено приглашение преимущественно своих офицеров, посторонних (т.е. других бригад) лишь за неимением своих. Затем командные должности должны быть замещены офицерами, которые пользуются доверием и симпатиями офицерского состава. Я враг выборного начала, но для первого состава новой бригады не должно быть таких, против которых общий голос офицеров. Начальная работа должна идти в полном согласии и в доброжелательном духе.

Поэтому я порекомендовал не приглашать генерала Люце[1], полковника Бокильона, капитана Шнейдемана и штабс-капитана Фехнера.

Т.Т. Беляев говорил, что армией командовать будет Искрицкий, а корпусом Буковский, и что генерал Михайловский предназначался инспектором артиллерии к Буковскому, т.е. в корпус, а не инспектором артиллерии района.

Как курьез, все бывшие инспектора артиллерии более солидные возрастом, из них я младший годами, почему-то обходятся.

Здесь в Петрограде на несколько дней генерал С.Т. Беляев, он инспектор артиллерии формируемых войск в Москве, на какой именно должности, не знаю. Участие многих солидных генералов как будто бы говорит за то, что дела налаживаются, газеты пишут, что все условия генерала Шварца приняты. Троцкий в приказах пишет, что нужна дисциплина и обучение – с другой стороны, цитированная несколько страниц раньше статья газеты «Правда» и мнение многих также не менее основательных генералов, что ничего из всей затеи не выйдет.

Не знаю, как быть, – идти наниматься или нет? Первый урок совать-

[1] Фактическая ошибка А.М. Сиверса. Сергей Александрович Люце не был произведен в генералы, и неизвестно, был ли представлен к этому званию.

ся с предложением вышел неудачным, сердце не лежит к новому укладу военного обихода. А между тем средства приходят к концу, а пить, есть надо, хорошо бы еще одному — а с семьей сложнее. В этом драма жизни и всех сложившихся взглядов на военную службу.

22 апреля

Был у меня генерал С.Т. Беляев, и я был у генерала Рыльского, из разговоров с обоими я вынес определенное впечатление, что постройка новой армии стоит на песке.

Мне рисуется картина в следующем виде — вся «затея» исключительно кабинетная, так как все, «чего добились» от народных комиссаров, совершенно односторонне, никто не поднимает вопроса, а как отнесутся к новой армии те солдаты, которые составляли главную массу.

«Правда» требует и ожидает «сознательной» и «добровольной» дисциплины. Возможно ли это в настоящее время? Думается, что нет. Сознательности в народе вообще мало, если это качество не отсутствует вовсе. Еще в этом случае, когда вопрос не касается «меня лично», пожалуй, можно найти людей сознающих, что без дисциплины армия существовать не может. Но раз вопрос касается «меня», то здесь уже является необходимость «добровольного» подчинения дисциплине. Я считаю, что в настоящее время этого «добровольного подчинения» не дождешься. Ведь все, которые будут призваны в ряды новой армии, были солдатами революционного периода, т.е. вкусившие «свободы» от дисциплины. Можно ли ждать от них добровольного отказа от тех «им понравившихся» порядков... да никогда!

В результате солдатская масса не пойдет, как бы не распинались «руководители» разных степеней, как бы не соглашались на введение «дисциплины» народные комиссары. Только чудо или хорошая «плата» могут дать кое-какой контингент.

Чудес давно не было, а высокую оплату солдатского жалованья не выдержат совершенно расстроенные финансы государства.

Затем, оплата командного состава невелика, что привлечет либо «голодных», либо искателей «устроить». То и другое даст второсортный контингент.

Беляев смотрит оптимистически, он говорит, что в их Московском районе дело поставлено лучше, что у них привлекаются «двенадцати-

бальные»[1]... дай Бог. Но здесь, в Петроградском районе, это незаметно. Здесь на высших должностях много «аферистов» или «бездарных».

Беляев утверждает, что новая армия не есть Красная армия, а какая-то другая – так ли это? Он говорит, что идея создания армии – «враг внешний». Неужели возможно будет удержать армию от политики? В период брожения, не установившегося уклада всей жизни России, по моему мнению, это невозможно.

Теперь Рыльский – по его словам он ушел из штаба генерала Шварца, так как не верит в «затею». Участвуя в работе, он вводит в обман других, которые тянутся к новому делу, глядя на «имена» участвующих. Искренно ли говорит Рыльский, сказать не берусь; эта ли причина или другая, но то, что он говорит, совершенно верно.

Когда ко мне приходил полковник Т.Т. Беляев для ориентировки относительности аттестационных данных офицеров, мне пришла мысль, что идеей восстановления бригады многие офицеры отвлекутся от намеченных ими занятий, а создастся ли бригада – большой вопрос.

На это не надо закрывать глаза!

На мой вопрос, почему же остался Шварц, Рыльский сказал, что он смотрит более оптимистически.

Участие генерала Добрышина Рыльский объяснил тем, что при расформировании Военного совета будто бы был сделан намек, что члены совета должны принять участие в создании новой армии, уклонение будет признано саботажем, и члены совета лишатся пенсии. Насколько это было в действительности, судить не берусь, но говорят, что генерал Кондзеровский никакого участия не принимает, а вопрос о лишении его пенсии не поднимался. Будто бы Добрышин выговорил себе условие окончательно решить вопрос о своем участии в работе через месяц-два. Я не хочу осуждать Добрышина, так как лично не видел в нем ничего дурного, но его назначение в Военный совет хлопотами у военмина Верховского дает впечатление теневое, дает право видеть «применение к местности».

Одно время говорили, что генерал Левицкий будет в числе военачальников, оказывается, что он категорически отказался, так как его взгляд глубоко пессимистический.

[1] В Академии Генерального штаба была принята двенадцатибальная система оценок. Чтобы окончить Академию по «первому разряду», офицеру необходимо было иметь средний балл по основным предметам не ниже десяти, а по вспомогательным не ниже девяти баллов.

Итак, понемногу вырисовывается то, что происходит в деле создания новой армии, а если добавить, что народные комиссары соглашаются на все проекты генерала Шварца лишь на словах, не объявляя в декретах, то это прибавляет ему еще один штрих в общую картину.

23 апреля

Вчера был у С.И. Тимашева, просил совета, куда и к кому обратиться, чтобы устроиться на частную службу. Он указал мне на генерала Н.А. Бабикова (бывш. Л.—гв. 2 бриг.) и на Н.Н. Шпара.

Жаль, что я не знал раньше, что г-н Шпар имеет возможность устроить что-либо, так как я обратиться[1] к нему давно. Учреждение, где служит Бабиков, эвакуировано в Москву—устроиться с ним будет несколько сложнее, надо писать.

Сегодня в газете «Петроградское Эхо» в отчете о заседании Центрального исполнительного комитета в Москве есть выдержка из речи Троцкого и Мартова о новой армии.

Первый говорит: «Наша переходная эпоха особенно остро отразилась на армии, представляющей колоссальную организацию. Когда в октябре власть перешла к Советам, армия уже разлагалась... В новом декрете, о порядке замещения должностей в Рабоче-крестьянской армии, мы сведем на нет выборное начало. С каждого вступающего в армию будет взято торжественное обещание на верность советской республике... Враг грозит нам со всех сторон, и мы должны создать оплот, нам нужна ваша (ЦИК) поддержка».

Полную противоположность этим взглядам и глубоко возмутительную речь сказал Мартов: «Красная армия временное учреждение. При той программе, которую предложил Троцкий,—мы ее отвергаем. Эти наемные солдаты—опасны. Никакая присяга не спасет от опасности. Ведь в присяге говорится об исполнении приказов начальников, но нет права не исполнять приказа, идущего против завоеваний революции. Декрет о назначении начальников совершенно неприемлем. Армия Троцкого—армия преторианская. Армия эта будет совершать насилия во имя социализма, но насилие все же есть насилие».

Другие выступали с еще более резкими речами, один из них советует вспомнить, что говорил Зиновьев о генералах советской армии, которые будут денщиками советской власти. После такого определения в армии

[1] Так в тексте.

будут только пройдохи и проходимцы (это сходится с моим мнением), которые хотят получить вдвое и втрое больше, чем при прежнем режиме.

Эти речи указывают на неустановившийся взгляд советской власти на будущую армию, конечно, это не мотив, чтобы умывать руки, надо работать, надо доказать всем, какая нужна армия и что нужно для армии. Но для этого нужно, чтобы работники были первосортные (в этом я вполне согласен с С.Т. Беляевым), которым бы советская власть могла верить. К сожалению, пока хлынула масса лиц той категории, которые названы в речах «проходимцами и пройдохами».

Сейчас я не стою близко у дела, а потому выражаю обывательский взгляд, но, интересуясь этим делом, собираю некоторые данные, характеризующие то, что происходит. Конечно, мои заметки имеют лишь цену для себя самого. Интересно все-таки, будет ли все когда-либо издано людьми, принимавшими ближайшее участие, и будет ли все сведено в систематическое целое?

24 апреля

Создание новой армии вызывает обширные речи; так, на конференции красноармейцев большевиков («Рабочая и крестьянская Красная армия и флот, орган Совета народных комиссаров по военным и морским делам»[1]) приводит речь Володарского:

«...Для нас есть только один путь: удлинять и использовать передышку для укрепления этой советской власти и создания боевой мощи для использования ее в нужный момент (какой?).

...Два принципа нужно положить в основу при ее создании: принцип привлечения военных специалистов и принцип установления строжайшей самодисциплины.

Вам не раз, конечно, приходилось слышать, что большевики себе изменили, что они привлекают генералов на службу точно так же, как несколько месяцев назад меньшевики и Керенский. На самом деле есть большая разница. Корнилов и Бонч-Бруевич совсем не в одинаковом положении. Корнилов был главой и самодержцем: требовал смертной казни и она вводилась, требовал разгона комитетов, и комитеты разгонялись. Мы же не даем никакой власти генералам. Нас спрашивают: так зачем же было их прогонять, чтобы потом брать опять на службу? Но они получи-

[1] Ежедневное печатное издание СНК. Выходило с 21 ноября 1917 г. по 30 апреля 1918 г. в Петрограде. Прекратило свое существование в связи с выходом в Москве новой газеты – «Красная Армия».

ли свою власть от царя и не хотели добровольно от нее отказаться. А мы им показали, что народ может все отнять и теперь говорим им: поняли? И берем их на службу, но уже не как хозяев армии, а как слуг, как техников. Разница между нашим отношением к ним и прежним положением выразилось в заявлении Троцкого: я не ручаюсь, что вас не расстреляют по ошибке, но что за дело мы вас обязательно расстреляем — за это ручаюсь. Мы приставим комиссаров для контроля над каждым генералом. Комиссары при Керенском — все эти Войтинские и пр. — были пешками, а мы окружили их действительным и неослабным контролем. Мы берем генералов потому, что мы не успели еще за 3–4 месяца выдвинуть из своей среды военных специалистов и полководцев, что и у нас нет людей, в Петрограде, знающих военное дело, а нам даны только месяцы подготовки. Мы принуждены пользоваться услугами холопов всякой власти, готовых служить всем и каждому. И мы заставим их служить себе не за совесть, а за страх, — а страху-то мы на них сумеем нагнать. Вот почему, беря на службу специалистов, мы ни в чем себе не изменяем.

Второй принцип — самодисциплина. Нам нужно создание боевых офицеров, готовых подчиняться без рассуждения. Если каждый приказ будет обсуждаться 48 часов, то исполнение его может запоздать, что в боевой обстановке смерти подобно. Нельзя под снарядами и пулями обсуждать на митингах боевые распоряжения. Необходимо исполнять боевые приказания немедленно. Не надо бояться действий командного состава, ибо надо помнить, что при них всегда находится политический комиссар, поставленный советской властью. Нам говорят: вы сами разрушали дисциплину. Да, мы ее разрушали. Нельзя было подойти к русскому солдату, когда он был угнетен, когда он только глотнул свободы, когда у власти стояла буржуазия, когда велась грабительская война, — и говорить о самоограничении. Но теперь, когда народ взял власть, когда он получил всю свободу, выпил ее до дна, — мы скажем ему: теперь надо себя ограничить, и мы укрепимся и завоюем полную свободу, или... конец русской революции».

Подобные речи говорят сами за себя как по содержанию, так и той грубой форме, в которой ораторы изощряются один перед другим в дискредитировании «генералов». На их слова, конечно, надо смотреть, как на победный клич «взбунтовавшихся рабов»... «моя власть, моя сила». Странно, что, проповедуя «свободу», они хотят не добровольного труда за совесть, а наоборот работы «из страха».

Неприличный тон, по словам «Петроградского Эха», возымел наконец

свое действие, многие «генералы» отказываются, а некоторые уходят. Так генерал Новицкий *(который?)* отказался, Черемисов и Барановский также. Предлагают Болдыреву – ответа нет, но мне он говорил, что не пойдет (вот будет поверка искренности). Наконец, передают, что от Совнаркома на имя Совета Петроградской трудовой коммуны поступило предупреждение о том, чтобы воздерживаться в своих выступлениях от резких нападок на высший командный состав, в то время, когда многие видные его представители в настоящий тяжелый и трудовой момент для советской власти *(а потом?)* работают с советской властью, хотя их политические убеждения далеко не соответствуют советской платформе.

На мой взгляд, это хуже – приятнее иметь дело с явными взглядами, чем со скрытыми, затаенными, по приказу, мыслями.

Эти выступления неприятны, грубы, но они дают возможность ориентироваться в настроении стоящих у власти.

Я считаю, что трудно работать с душой, отдавая себя на дело, если люди власти относятся с недоверием, недоброжелательно и не оценивают работы. Те, которые идут, несмотря на то, как к ним относятся, действительно «холопы», готовые служить всем и «каждому», я добавлю, ожидая извлечь из этого личные выгоды.

Сегодня был у Н.Н. Шпара – реального результата, конечно, не имею, но, может быть, при случае через него легче устроиться.

25 апреля

Времена меняются – люди остаются те же.

Когда был у Рыльского, он говорил, что непременно будет у меня вечерком... никто не дергал за язык, можно было бы обойтись и без этого. Сегодня получил от него письмо, что бесконечные хлопоты по ликвидации квартиры и т.д. и т.д. «лишают меня возможности проститься с Вами». Жалкие слова, когда нет охоты исполнять.

Впрочем, может быть, я и несправедлив, теперь так подозрительно смотришь на людей.

29 апреля

Вчера было заседание Центрального исполнительного комитета СРР, было много работающих в отделах союза членов, дам больше, чем мужчин. Атмосфера собрания была очень боевая, решено было провалить группу организаторов и выбрать новое правление и председателя. Действительно, группа организаторов с С.М. Усасом во главе, имея за собой

несомненно почтенное прошлое, как создателей союза из ничего и добывших на дело до 300 тыс. рублей, создавших различные отделы, где работают члены общества, в настоящее время стали вести дело, не считаясь совершенно с мнением уже большого числа работников союза. Дела союза пошли на убыль, и к настоящему моменту неоплаченных обязательств оказалось на сумму до 28 тыс. рублей.

Председательствовал в собрании Усас, но повел его неправильно, в очень резком тоне давая реплики, за что несколько раз выслушивал по своему адресу нелестные вещи.

В своей программе деятельности союза он указал, что союз возник в силу того, что интеллигенция оказалась выброшенной за борт и нуждалась в материальном обеспечении. Причину «трагедии» (модное слово) интеллигенции он видит в ее неумении прийти на помощь народу культурно-просветительной работой.

Эти цели, т.е. работу в области культуры материальной и культуры духовной, он ставит союзу. В силу чего главнейшим отделом союза должен быть просветительный отдел.

Вся речь отличалась высоким слогом, но задачи, указанные в ней, совершенно невыполнимы.

Затем говорил товарищ председателя правления Уманский, который сказал, что союз вместо «реальной работы» выполняет скорее «реальную помощь» интеллигенции, которая потянулась особенно сильно после октябрьского переворота.

Вначале союз организовал работу возки угля, дров, фонарщиков, а затем разросся в тот вид, в котором он существует. Приток денег, приходивший обильно, теперь иссякает, союз идет вниз по наклонной плоскости, и он полагает, что время настало для ликвидации. Таким образом, из двух говоривших членов правления, оба организаторы союза, говорили один радужно оптимистически, другой мрачно пессимистически (хотя в словах Уманского и из дальнейших прений пессимизм, казалось, вытекал из сознания разлада в союзе и назревающего недовольства группой организаторов).

Любопытно и характерно то, что доклад оказался от имени Усаса, а вовсе не правления. Затем говорил д-р Мацкевич, который назвал руководителей союза «кучкой прожектеров», говорил не особенно связно, но резко. Затем говорил генерал Гинейко – он считает задачи, поставленные в докладе, невыполнимыми, они под силу только государству, а не союзу; предложил спуститься с облаков на землю. Усас вел собра-

ние и возражал нервно, очень часто сходя на личные счеты.

Около 5.30 дня был объявлен перерыв, после очень крупной схватки, и я ушел. Интересного мало, когда дело переходит на личные счеты и руководители собрания не проявляют спокойствия и выдержки.

На этом собрании меня выбрали в ревизионную комиссию.

Сегодня уехал в Москву Н.Н. Сиверс.

30 апреля

Голод... провизия за последний месяц поднялась вдвое, хлеба все время выдавали только по $^{3}/_{8}$ на человека, а сегодня паек уменьшен до $^{1}/_{8}$. Такое уменьшение было и раньше, но в то время была мука и все дешевле. Около формирования «новой», или «Красной», армии уже меньше газетных сообщений. Штабы продолжают существовать, на Загородном у ворот «проходящих казарм» красуется большая вывеска темно-красными буквами на белом «Штаб корпуса Буковского». Итак, штабы здравствуют, идет ли набор солдат,—не слышно. Сейчас большое значение имеет, какую позицию займут эти завербованные солдаты, ибо набрать состав не бывших в войсках нельзя, таких нет. Бывшие же в войсках вкусили запретного плода «свободы» от дисциплины, порядка и подчинения офицерам.

Дай Бог, чтобы я не был пророком, но верить в создание действительной, мощной армии не могу. Если будет «создана» армия, то, во всяком случае, она в данную минуту не может быть боеспособна. На это нужны десятки лет.

Немцы готовились к настоящей войне пятьдесят лет при условии наличия армии, только что победившей Францию.

Сравнивая с нашей прежней армией, мы видим, что она не совершенствовалась в боевом отношении. После блестящих побед Петра Великого наша армия за отсутствием талантливых полководцев имеет успех в силу стечения благоприятных обстоятельств. Причиной—отсутствие талантов и малая систематическая работа в обучении и подготовке.

Это мы видим в 1812 году, то же и 1876–1877 годах. Значение таланта наглядно показывает Суворов, который как личными качествами, так и умением обучить и воспитать свою армию достигал невероятных успехов.

Японская война дает уже минус, вследствие нашей полной отсталости в военном деле. Особенно хромала техническая часть.

Вспышка работы в войсках после 1905 года принесла несомненную

пользу, мы вышли на войну с немцами значительно сильнее, чем были ко времени Японской.

Но и здесь отсутствие технических средств сразу парализовало то, что было улучшено доброй волей, энергичной работой и полученным опытом.

Помощь союзников дала возможность довести технику до достаточной степени, и казалось, что победа над уже слабевшим врагом была видна.

Но здесь обычно благоприятствовавшие нам обстоятельства изменили. Св. Николай Чудотворец, всегда помогавший нам,— отвернулся.

Внутреннее настроение, отсутствие таланта, системы и крепкой любви к Родине создали такое положение, что немцам (я думаю, что немцы) удалось в тяжелую для себя минуту создать полный крах России.

Таким образом, если прежняя армия, существовавшая более двухсот лет, шла по уклону,— то где же создать армию, способную на победу, в несколько месяцев и даже лет?

Раньше, чем воевать, надо научить этому.

В газетах проскочило сообщение, что Германия озабочена формированием новой русской армии, так как по Брестскому договору Красная армия подлежит расформированию, а не воссозданию.

В «Вечерних огнях» помещена статья Юрия Данилова «Открытое письмо», посвященная сомнению бывших военных вступать или не вступать в ряды новой армии. В статье есть много верных слов:

«В последние дни власть проявляет усилия к воссозданию военной мощи страны. В ряду мер, ею принимаемых, стоит призыв к работе лиц, посвятивших свое прошлое военному делу. Истерзанная Родина нуждается в сильной и боеспособной армии — в ней наши надежды, в ней оплот нашего дальнейшего бытия...

Сильная духом, грозная для внешнего врага армия может быть создана лишь на идейной основе, каковой, при данных условиях человеческого общежития, может быть только идея государственности... Армия должна быть всенародной... Армия должна стоять вне политики. Раздираемая внутри себя борьбой политических партий, она быстро гибнет или, что то же, перерождается в орудие преторианства, теряя свой общегосударственный облик.

Создание армии требует спокойной планомерной работы, достижимой лишь при наличии внутренней дисциплины как в аппарате управления страной, так и в самой жизни последней. Только на этой почве мо-

жет создаться и та сознательная, а не мнимая дисциплина, коей должна быть спаяна великая организованная вооруженная сила. Командный состав армии должен пользоваться безусловным доверием и уважением. Всякие огульные выпады против него должны быть прекращены. Кому вручается вести людей на трудный подвиг крови,—тот должен быть поставлен высоко и вне подозрений; иначе за ним никто не пойдет.

Общеизвестно современное значение техники. Лучшее, по сравнению с противником, вооружение и обильное без отказа снабжение влияют на дух войск, всегда составляющий основу успеха. Удовлетворение этих существенных нужд требует создания сильной и независимой отечественной военной промышленности».

Программа создания новой армии, так как восстановить прежнее невозможно, верная. Это всё аксиомы, которые, казалось бы, должны быть общеизвестны, но которые, к сожалению, совершенно чужды массе, да, вероятно, и самим возглавляющим власть—иначе не могли бы иметь место все гнусные речи по отношению к генералам.

При отказе в доверии и уважении никто не может идти в новую армию. Если идут, то это спекулянты совести, спекулянты личности. Это не саботаж, а честное отношение к великому делу.

Между тем власть видит в отказе от участия в комедии создания армии именно саботаж. Характерен инцидент с телеграммой генерала Новицкого, который в ней привел мотивированный отказ. Троцкий же видит в этой телеграмме именно «саботаж обороны советской республики». А так как Новицкий состоит профессором Военной академии, «задача которой воспитывать специалистов для формирования советской армии», то он считает своевременным возбудить вопрос, в какой мере совместимы призывы к саботажу с несением генералом Новицким обязанностей профессора академии! Это уже и репрессия инакомыслящему.

Сегодня был в РСРР и получил первое жалованье за время 8–15 марта, всего 70 рублей.

2 мая

Вчера не выходил; по газетам, праздник 1 Мая не удался. Процессии были только по назначению властей, преимущественно Красная армия. Рабочих было мало. Публика реагировала вяло.

Мимо нас прошла часть Красной армии—вид ужасный, батарея шла с грязными орудиями, запряженными плохо кормленными и совсем не убранными лошадьми. Амуниция в ужасном виде, а некоторые под-

ручные и вовсе без амуниции.

Сегодня получил пенсию с 1 января, эмеритальная пенсия еще не включена, так как не получено ассигнований. Вот где задерживают, а теперь, по газетам, эмеритальный отдел Главного штаба спешно, в трехдневный срок, эвакуируется в Москву — новая задержка, из-за этого задерживается и % прибавка на дороговизну.

3 мая

Сегодня в газетах пишут о расстреле генерала Ренненкамфа и генерала Смирнова, а также об убийстве генерала Кислякова. Верно ли — какой это Смирнов, неужели командующий 2-й армией?

Также пишут, что генерал Плешков во главе какого-то отряда идет брать Владивосток.

Много газеты сообщают неверных сведений, жаль, что нельзя по ним ориентироваться в происходящем.

И.П. Михайловский, по слухам, сдался, несмотря на заявление, что категорически отказывается принять должность Исп. Арт[1]., так как его взгляды не подходят к тем условиям службы, которые ему сообщили, сегодня пошел соглашаться быть инспектором артиллерии в корпусе Буковского.

Так меняются взгляды, мнения и решения.

Как хочется отдыха, война сильно потрепала нервы, а безнадежное чувство гибели всего да еще голодовка окончательно расшатывают здоровье.

Хочу отменить хлебный паек; после довольно продолжительного времени выдачи по 3/8, первого мая дали 1/8, а эти два дня по 2/8.

На днях занёс[2], что о создании новой армии стали писать меньше,— между тем вопрос об армии, как тесно связанный с мощью России, не может не интересовать, и потому нет-нет, да и появляются разные заметки. Впечатление же затишья было очевидно временное. Я не имею всех газет, а потому не могу делать выборки всего, что пишут, но и то, что доходит до меня, представляет интерес. Так, сегодня в «Вечерних Огнях» помещена маленькая заметка:

«Проекты создания армии пекутся как блины. Ими заняты и те, которые в этом много понимают, и те, которые в нем ничего не смыслят.

[1] По-видимому, это орфографическая ошибка А.М. Сиверса. Имеется в виду «Инсп[ектор] Арт[иллерии]».

[2] Имеется в виду «записал в дневник».

Даже Верховский выступил со своим проектом. Он возмечтал о том, как бы хорошо было собрать кадровых офицеров, а кадровые офицеры подобрали бы каждый по 20–25 старых своих солдат. Словом, точь в точь как мечтал мужик о свинье и поросятах».

(Действительно, оригинальный способ вербовки армии – ясно, что Верховского надо причислить к числу тех, которые ничего не смыслят. А он-то еще был военным министром!)

«Зарапортовавшись, он тут же прибавляет: здесь не хватает только одного решения народа бороться за свою независимость».

Нечего сказать! Немногого не хватает. Стоило и канитель с проектом разводить?

«В общем, какая-то совершеннейшая неразбериха. Ни та, ни другая сторона не варит, ни их призывающие не могут найти одного языка».

Что верно, то верно. И долго еще будем мы искать «выхода», много будет еще разных прожектеров, пока правители не признают, что армии нужны: дисциплина, порядок, технические средства и власть.

Без этого армии не создать.

А чтобы все это дать, надо иметь желание и власть провести. Есть ли желание, не знаю, ездившие в Москву уверяли, что желание как будто бы есть, но нет силы признаться перед толпой. Искренно ли желание, не ясно, так как раз в момент разговоров о желании были выступления с площадной руганью всех генералов огулом и тех, которые пошли уже в новую армию в частности.

Насчет силы и власти дело тоже обстоит не совсем благополучно... В.М. Пуришкевич говорил, сидя в Крестах: «Советская власть это – твердая власть,– увы, не с того лишь боку, с которого я хотел бы видеть твердую власть над Россией...»

Сейчас в Кремле Ленин сказал: «Наша власть еще не железо. Наша власть пока кисель, а на киселе социализма не построить». При таком признании трудно ожидать проведения в жизнь тех начал, на которых только и может быть создана армия.

Если «кисель» не дает возможности наладить социализм, то этот же «кисель» может только задушить веру в новую армию. Если теперь есть еще оптимисты, от всей души стремящиеся вложить свою лепту в дело возрождения боевой мощи Родины, то, потеряв на киселе свою веру, они никогда не смогут верить. Те же, которые сейчас шли ради личных выгод, отойдут, так как увидят, что личных выгод-то нет. В таком случае не нужно ли повременить; время не терпит, это верно, но все же более

пользы выждать и затем приступить к работе — серьезно, с пониманием значения и нужд армии. Если сейчас погубить дело, то, пожалуй, будет еще хуже, чем выждать. Прав ли я! Не первый раз задаю этот вопрос. В данном случае я полагаю, что могу дать определенный ответ — да, прав!

5 мая

Христос Воскресе! Какая грустная Пасха. Как тяжело на душе. Неужели Христос воскрес не для нас? Хочется верить, что все переживаемое — кошмар во сне. Что мы проспимся и радостно воскликнем «Христос Воскрес!», воскресла и Родина.

12 часов, в церквях славят Христа, а на улице слышны громкие (значит близко) выстрелы. Даже в такую ночь богоотступники не могут прикрыть свое безобразное развлечение.

Помилуй нас, Господи, дай разум народу.

9 мая

На Украине избран или объявлен гетман — Скоропадский (бывший командир лейб-гвардии Конного полка, Свиты его величества). На белом коне проехал по Киеву, духовенство встречало в парадном облачении. Как будто признак монархии, образовано правительство, по-видимому, конституционное. Говорю «по-видимому», так как разобраться во всем трудно в настоящее время, да и надолго ли будет само гетманство. Газеты относятся насмешливо, а «Петроградское Эхо» называет Скоропадского новым Мазепой, что отчасти верно,—так как своим согласием на гетманство он как бы закрепил отделение Малороссии от всей России. Останется ли так, изменится ли? но он все же пошел на отделение, на разрыв. Кроме того, опять-таки по газетам, он издал указ, в котором говорит, что своим «спасением» Украина обязана могущественной поддержке Центральных государств! Конечно, когда вся Малороссия занята немцами, другого не скажешь, но ведь можно и не говорить. Русский генерал, командир гвардейского полка, Свиты русского государя, сам воевавший против немцев, теперь благодарит этих немцев за «спасение»... от кого, от русских!

Нет, он Мазепа!

Как странно, на севере такой же командир русского гвардейского полка, Свиты государя, воевавший против немцев,—генерал Маннергейм, также приветствует немцев, явившихся спасти Финляндию!

Как тяжело это слышать истинно русским людям — все радуются «спа-

сению» от России! Все отделяются и все благодарят спасителей немцев. Вот она безалаберная русская политика, вот результат отсутствия программы и системы управления, вот плоды полного отсутствия патриотизма, национальной идеи!

Германия действительно достойна уважения и изумления. Составляя союз отдельных «монархических» государств, она, тем не менее, едина, и никто не помышляет об «отделении», видя в идее германизма своих людей, свою силу и свое благополучие. Идея всесветного могущества, всемирного влияния, казавшаяся утопической, дала возможность иметь ясную программу, по которой, кто бы ни был во главе правительства, вели германский народ.

Даже самостоятельная Австрия, в минуту общей опасности германству, в момент Мировой войны, оказалась верным союзником Германии. Мировая война была ей непосильна, ее войска терпели неудачи, ее территория была нами захвачена, тем не менее, сильная рука Германии поддерживала ее, и Австрия дождалась «победы». Правда, «победа» немцев не в ратном поле, а путем подлых интриг, но разве разбираются в средствах, когда на кону ставится последняя ставка, когда против Германии ополчился весь мир! До выбора ли тут способов действия. Ведь в 1917 году, не будь развала у нас, наверное, Германия была бы побеждена. Мне думается, что это главным образом и заставило немцев пустить в ход все способы, чтобы вывести из строя своего врага. Они знали, что у нас происходит, я думаю, они работали над этим, не дни, не месяцы, а долгие годы. Только в нужный момент замкнули ток и пустили в ход машину. А мы – мы попались как карась на удочку. Это даже недостойно сожаления. Сваливать вину на других – это логика малолетнего ученика – «учитель придирается, а не то, что я не знал, я не выучил!»

В государственном деле надо иметь голову на плечах, а если ее нет, то честно не берись за то, отчего зависит судьба миллионов людей. Большинство же сановников с этим не считались, да и был ли хоть один такой! Высокие посты лестны, а могу ли я справиться, ответ один – не боги лепят горшки.

Тяжелые, кошмарные мысли – но и обида велика. Ужасно то, что не видишь ни одной светлой точки, которая дала бы возможность хотя бы во имя нее зацепиться остатком любви к Родине, к ее народу и иметь надежду на возрождение будущего величия на ошибках прошлого. Россия должна строиться сначала, а началом должно быть сознание отечества, принадлежности каждого к этому отечеству, необходимости защи-

щать это отечество, а не говорить «мы тамбовские».

Может быть, это явится через очень много, много лет, но сейчас не видно даже проблесков. Народ занят не тем — в деревнях устраивают свои дела — делят, грабят; в городах — свои — спекулируют, грабят.

О том же, что Родину делят, грабят — никто не думает. Даже интеллигенция молчит — часть ее примкнула к грабежу, спекулируя и наживаясь на моменте, другая часть заперлась, и ее не видно.

В начале войны я, сколько помню, записал мнение немцев о нашей армии, офицерах и солдатах, сведения, добытые агентским путем. Сегодня в газете приведена характеристика русских, написанная бывшим библиотекарем Публичной библиотеки неким немцем Виктором Гена: «В России нет ничего идеального. Из России не начнется новой эры, разве только это будет эра огрубления, разрушения. Честь и чувство долга у русских неизвестны, господствующий характер — склонность к мошенничеству... Народ без творческой силы, забывающийся в водке, народ, чувствующий себя в повиновении приказу, как в природной стихии, народ, с которым посредством приказаний и розг можно все сделать. Безличная масса для повелителей... Русский народ нужно презирать, и главное — бить его, бить, бить и чем грубее с ним, тем меньше он сопротивляется!»

Недурна характеристика — к сожалению, близкая к истине.

Да и как же о нас думать, когда (словами той же газеты) мы, русские, «в глазах всего света объявлены варварами и дикарями, мы грабим и убиваем самих себя, расхищаем и разбрасываем по ветру свое добро. Из великого государства превратили себя в жалкую колонию, в богатой стране мрем с голоду». И это верно! Что будет дальше? Газеты говорят, что немцы оккупируют Москву и другие города. На Петроград у них какие-то новые вожделения. Эта мера принимается для водворения «порядка».

Правда или нет — Бог знает. Сейчас невозможного ничего нет. Мы падаем в глубокую пропасть. Идет слух, что столица переносится в Нижний Новгород. И это может быть.

Вчера был у М. А. Беляева, говорили о новой армии. Со слов генерала Гольтгоера, который был у генерала Шварца, последний так характеризовал положение вещей: «Создание армии решено, если не мы возьмемся за это дело, то создавать будут люди худшие, а потому... и т.д., идите к нам».

Печальная логика, печальные перспективы! При таких условиях кто пойдет? да «проходимцы и пройдохи» плюс малая толика сбитых с тол-

ку идейных работников.

Поэтому прав Рыльский, говоря (искренно или нет, его дело), что он уходит, дабы не давать своей «фирмы» в деле, которому он не верит. Не прав Михайловский, давший себя убедить, да я не знаю, его ли убедили или он сам себя убедил.

Как много суетного в мире!

15 мая

Два раза за эти дни был в эмеритальном отделе Главного штаба – отдел эвакуируется в Москву, тем не менее, мне удалось узнать, что эмеритальная пенсия мне ассигнована еще 8 апреля – какой же хаос в казенной палате, где эти ассигнования не могли найти 2 мая!

Пенсия оказалась небольшой, всего 71 рубль с копейками. Сегодня занесли в пенсионную книжку.

Вчера был у М.М. Лазарева (служащий страхового общества «Россия»), он советовал обратиться к В.И. Тимирязеву, или Покровскому, или Кистеру, чтобы заручиться их содействием на поступление в «Союз международного торгового товарищества»[1] или «Общество экспортеров и импортеров». Хотел идти сегодня к Тимирязеву, но случайно встретил другого Тимирязева, Виталия Константиновича (бывш. Л-гв 2-й), который сказал, что В. И. можно застать лишь около 11 часов утра. Виталий Константинович обещал мне место в банке, где он директором, на следующий день, как только банки начнут функционировать, но... когда это будет!

Получил телеграмму от Н.А. Бабикова: «желательно личное прибытие». Попробую приехать на будущей неделе.

Был в штабе генерала Шварца у генерала Добрышина, видел много разных лиц... бывших военачальников – Искрицкого, Архипова, Шрейдера и т.д. Заходил и Куропаткин. Что они ищут, не знаю, последний по личному делу, за адресом комиссара Позерна (?!), чтобы найти свою коллекцию исторического оружия.

На политическом горизонте «что-то» ожидается – но ведь столько раз «чего-то» ожидали, причем это «что-то» каждый раз различно. Думаю, что и на этот раз «что-то» будет «ничем». Что именно ожидается, никто

[1] Союз международных торговых товариществ организован в Петрограде представителями деловых кругов в целях «содействия развитию товарообмена России с иностранными государствами и облегчения русской внешней торговли». Ставил перед собой задачу организации торговых товариществ для торговли с отдельными зарубежными странами. Прекратил деятельность после введения монополии внешней торговли.

не знает, но какие-то симптомы действительно существуют, так в различных учреждениях выдают содержание вперед от 6-недельного до 3-месячного (хотя последнее было отменено и заменено приказом не выдавать, а разложить по конвертам на каждого служащего). Какая причина — выяснить не удалось, я так мало знаю людей, стоящих близко к кормилу правления. Во всяком случае, это все приказы из Москвы. Стало быть, на этот раз какое-то «что-то» существует, но произойдет ли и в какой области,— угадай, обыватель. Каждому разрешается отгадывать по своему уму и разуму. Отсюда масса различных выдуманных толков. Пока что картина жизни самая печальная — дороговизна неимоверная, сегодня купил 1 фунт сахара за 25 рублей, а четверть фунта какао за 10 рублей.

Разрешен ввоз продуктов — уже сейчас чувствуется прилив, но пока еще по высоким ценам, если снова не запретят свободную торговлю, то конкуренция должна сбить цены.

На улицах кадеты (настоящие) продают газеты, шоколад и проч.

В Финляндии белогвардейцы окончательно вытеснили Красную гвардию, причем были массовые жестокие расправы с русскими, которых сгоняли в кучи и расстреливали из пулеметов. Мне говорили, что это были все сочувствовавшие Красной гвардии — хотя, по газетам, избивались и женщины, и дети.

Беспорядки на фабриках и заводах, где рабочие из-за малого хлебного пайка настроены довольно воинственно и требуют ухода большевиков, заставили выдавать вдобавок к хлебу (кстати сказать, с примесью овса и массой овсяной шелухи) еще картофель. Обещают увеличить хлебный паек.

Третий день работаю с генералом Орловым и полковником Ивановым по ревизии сумм Союза реальной работы. Денежная отчетность велась очень небрежно. Были большие деньги, но распорядиться ими не умели; расходовали широко, а теперь, израсходовав все, не умеют найти выхода, поднять дело и найти новые средства.

21 мая

Продолжаю работу ревизии СРР, времени уходит много, но денег не получаю — невыгодно, но не хочется бросать дела.

Чувствуя себя очень слабым — опять инфлюэнца, как в январе, только теперь выхожу. Из-за недомогания никак не могу собраться поехать

в Москву. W.L[1]. мест нет, а в простом вагоне трудно – это тоже отнимает желание ехать, а надо, иначе места не найдешь, а деньги уже на исходе.

Вчера был у В.И. Тимирязева, принял очень любезно, высоко корректный и чрезвычайно порядочный старик – думаю, что пользы не будет. Он говорит что дело «Союза экспортеров и импортеров» только в зачатке, пока никаких сношений нет, работает только организационная группа. Директором распорядителем состоит Алексей Иванович Рафалович. Тимирязев обещал в четверг на заседании передать ему, чтобы меня зачислили кандидатом как особо желательное лицо. Это очень любезно, но выполнит ли – кто его знает. Советовал зайти к Рафаловичу на будущей неделе. Адрес Союза – Английская набережная, 34.

В «Союзе международных товариществ» он не состоит, и рекомендовал обратиться к Николаю Николаевичу Покровскому, который возглавляет это общество.

Сегодня звонил к Н.Н. Шпар, хотел просить его устроить мне свидание с Покровским, оказалось, что Шпар сам состоит в этом же обществе и с не особенно довольной интонацией в голосе сообщил, что и тут работает небольшая группа организаторов (хотя Тимирязев говорил, что их общество сейчас развилось несколько больше, чем Экспортер и импортер) и что настроение сейчас чрезвычайно плохое, улучшения «дел» не предвидится, так что рассчитывать найти место нельзя! Видимо здесь шансов еще меньше. Все же попробую повидать и Покровского. С.И. Тимашев получил место в новооткрытом банке – надо будет и ему напомнить о себе.

Как трудно получить работу и иметь заработок.

Деньги идут неимоверно быстро – с ноября уже израсходовано почти 8 тысяч.

И.П. Михайловский уверяет, что он окончательно отказался от работы в Красной армии, он столько раз менял свое решение, что я не могу составить себе понятие, будет он или не будет там служить?

А.М. Некрасов читает лекции в Михайловском и Константиновском артиллерийских училищах, получает около 400–450 рублей в месяц. Все же кое-какой заработок к пенсии. Будет ли работа все лето, не знаю. Все же некоторый плюс.

Если бы СРР платил жалованье, то на первое время и у меня был бы плюс к пенсии, но они не платят. Обидно работать впустую.

[1] Wagon lit (фр.) – спальный вагон.

Нашел великолепную квартиру в три комнаты, в доме Анненской церкви на Кирочной улице, 8, только ее собирается взять генерал Фан-дер-Флит – собирается, но не может окончательно решить вопроса, так как не знает, как расстаться со своей обстановкой. Если бы он отказался... Квартира удивительно удобная и очень чисто содержится. Плата невелика – 102 рубля в месяц, что с дровами составит до 200 рублей.

Конечно, несколько мало комнат, но сейчас надо сокращаться, при неимоверной дороговизне жизни. Даже если удастся получить хорошо оплачиваемое место, то и в этом случае лучше жить скромно и кое-что отложить, чтобы хоть остаток дней провести приятно за границей. В маленькой квартире хоть душой отдохнешь. Не надо иметь много прислуги, которая в нынешнее «свободное» время очень усвобóдилась и доставляет много неприятностей.

Наконец решил ехать в Москву. Был в штабе руководителя Петроградского района и от начальника службы связи полковника Доможирова получил «разрешение» на выезд и обратное возвращение, а кроме того, место в «штабном вагоне». Это удобно. По газетам, генерал Шварц ушел – наконец он устал быть оптимистом. Давно пора. В штабе определенно не говорят. На его место, также по газетам, назначен генерал Парский, по-моему, это бывший комкор 35[1]; если это он, то выбор очень неудачный. Это генерал не только второго сорта, а, пожалуй, ниже четвертого. Его очень не одобряли Горбатовский и Минут. Вид у него пресмыкающегося типа, хвалит сам себя, так как другие не хвалят. Интересно, откуда появляются все эти личности, кто их рекомендует?

Добрышина не видел, по словам его «денщика», он остается на месте. Как-то странно – Шварц ушел, Добрышин остается.

Мещеринов, Михайловский и Куликовский «украинизировались». Мещеринов с семьей на днях уехал в Москву, чтобы со временем перебраться на Украину. У Михайловского новые планы – ехать в Киев и там пытаться устроиться и затем тоже перевезти семью – но это уже к зиме. Он считает, что будущую зиму в Петрограде будет ужасающий голод.

Как я и ожидал, назревавшееся «что-то» оказалось настоящим «ничем» (см. стр. 61 bis)[2]. И что это было «что-то», так я и не выяснил. Наза-

[1] Автор перепутал двух генералов – Парского и Парчевского. 35-м армейским корпусом командовал генерал-лейтенант П.А. Парчевский(15 мая1916–18 апреля 1917); генерал-лейтенант Д.П. Парский во время Первой мировой войны командовал Гренадерским корпусом (20 февраля 1916–20 июля 1917).

[2] Смотри запись от 15 мая 1918 г. (Стр. 000 наст. изд.)

ров верно определяет момент. Недовольство почти поголовное, но люди устали. Никаких «выступлений» делать не собираются, с 1/8 хлеба не выступишь, да кроме того, ни у кого из рабочих нет оружия, а Красная армия вооружена – шансы не равны. У всех полная апатия – пассивное подчинение.

П.Д. Гладков, уехавший от нас 12 мая, говорят, попасть к себе в имение не может. Нанялся работником к А.П. Окуловой – от него еще нет писем.

1 июня

Наконец собрался ехать в Москву. 25 мая был в штабе руководителя Петроградского округа, где получил «разрешение на выезд и обратный въезд», а также плацкарту на место в штабном вагоне[1]. Таким образом, поездка обещала и была очень удобна. 27 мая достал свою продовольственную карточку, сдал в управу и получил соответствующий талон; затем в кассе, помещающейся в Знаменской гостинице (на Лиговке против Николаевского вокзала), получил билет. Взял 2-го класса, так как 1-го класса не продавали – пришлось брать дополнительный билет в Любани. В вагоне ехало достаточно народа, со мной в купе капитан 1-го ранга Сталь[2], затем в других купе генерал Балтийский, полковник Михайлов, генерал Эрн и т.д., которых не знаю.

28 мая, с опозданием на несколько часов, около 1 часа дня приехали в Москву. Сразу я поехал в Железнодорожный банк к генералу Балашову, там видел бывших финляндцев Кириченко и Садовского. Устроить себе место через них не удалось. Все очень любезны, но когда дело касается до помощи... то тон меняется сразу.

Затем поехал к генералу Бабикову, он оказался в Петрограде и должен вернуться 29-го или 30-го числа. Это было уже не очень приятно – вагон уходит 29-го и сидеть до субботы уже много хуже.

Остановился у Н.Н. Сиверса на Таганке по Гончарной улице в доме № 22.

На следующий день снова поехал на Новинский бульвар, узнать, когда же приедет Бабиков, секретарь сказал, что ждет сегодня и советовал быть между 2–4 часами дня.

По счастью, Бабиков приехал и принял меня очень мило и тепло,

[1] См. приложение В.

[2] По-видимому, здесь имеется в виду Александр Викторович Шталь.

предложил место председателя демобилизационной комиссии, содержание от 800 до 900 рублей, но пенсия в счет. Ну, это мы еще договоримся, во всяком случае, пенсию я не брошу, а лучше пусть уменьшат содержание,—конечно, если нельзя будет сохранить и то, и другое. Окончательное решение на мое назначение должно было исходить от А.А. Маниковского. Тут мне повезло—в момент разговора приехал Маниковский и согласился, чтобы я был назначен на эту должность. Согласие это настоящее или только при мне—увидим дальше. Бабиков сказал, что в ближайшие дни вызовет меня телеграммой, а сейчас могу возвращаться домой.

Днем был у Ивановых, он безработный, живет так же, как и все,—продавая имущество. Имение отнято. Они сдают часть квартиры и т.д. и т.д.

Поездка обошлась очень дорого—дорога 80 руб., извозчики около 60 руб. и еда более 100 руб. и наган 25 руб.—т.е. более 250 рублей! Это еще при том, что ужинал я у Н.Н. Сиверса.

Обратно ехал из всей компании только полковник Михайлов (служащий в отделе снабжения штаба руководителя Петроградского района). Он рассказывал много интересного. Сейчас руководитель Петроградского района генерал Парский подчинен руководителю Ярославского округа—генералу Ливенцову (штаб в Ярославле). Затем он говорил о своих впечатлениях, о жизни и настроении штаба Высшего военного совета, где во главе стоит генерал Бонч-Бруевич. Живут они в поезде на Брестском вокзале, писаря в купе 1-го и 2-го класса наравне с офицерским составом. Столуются в вагоне-ресторане, причем еда одинаковая для всех. Лишних порций нет, так что приезжающих не кормят... денег «на представительство» нет, это излишний расход государственных денег! Экономия грошей, а крадут кругом кругленькие суммы, совершенно не заботясь об «экономии» государственных средств!

Настроение подавлено, угодливое в сторону правительства. Дисциплины нет, писаря распущены, работают по «просьбе», если работа не указана, то гуляют в городе. Срочную работу часто некому выполнить.

Говорят, что скоро все будет отменено, а что будет взамен налаживаемого теперь, никто не знает. Впечатление удручающее. Как можно ждать энергичной, продуктивной работы, если высшие руководители сами не верят в ее успех!

Также интересное сведение, которое, полковник Михайлов говорит, было в газетах, что на Пасху германский посол граф Мирбах был с визитом только у патриарха и бывшей великой княгини Елизаветы Федоровны. После визита последней Мирбах дал «совет» правительству от-

править ее в Екатеринбург, причем, ввиду ее положения настоятельницы монастыря, предоставить отдельный вагон, и чтобы никто в этот вагон не входил. Что, конечно, и было выполнено. Естественно является мысль, что великая княгиня Елизавета Федоровна была «оказией» для передачи каких-либо сообщений от германского правительства Николаю II или даже письма от Вильгельма. Невероятного ничего нет... это возможно.

Затем будто бы спешно ремонтируются императорские поезда, один уже совсем готов, а второй заканчивается – это уже, пожалуй, из области «контрреволюционных» выдумок.

Вернулся 30 мая тоже с опозданием около 3 часов дня.

Здесь получено письмо от П.Д. Гладкова, он пишет, что крестьяне отнеслись к нему хорошо, по-приятельски, и что если ему дадут помещение и землю, то он займется огородничеством. Однако письмо не обстоятельное, больше всего насчет еды, которой много. Приехавшая оттуда А.П. Окулова говорит другое, что ракобольские[1] крестьяне его не признают и что ему нельзя жить у себя в имении. Что все его заведовавшие имением изгнаны, денег он не получил, так как будто бы большевики «отняли» у Шуры (жена управляющего Турова, сама управлявшая имением во время войны). А. П. думает, что Шура просто оставила деньги П. Д. – около 7–10 тысяч – себе.

31 мая я был у Рафаловича (Союз экспортеров и импортеров) – принял любезно. Обещал занести в список кандидатов. Дело пока на мертвой точке. «Обещал», но сделает ли, – кто ж его знает. В.И. Тимирязев «обещал» поговорить обо мне с Рафаловичем... но не говорил. Я просил разрешение наведываться – надо изредка напоминать о себе, это неприятно, но что же делать, хлеб жевать нужно.

31 мая получил телеграмму Н.А. Бабикова: «необходим временный приезд». Почему временный, а не совсем, – это меня несколько беспокоит относительно судьбы моего назначения. Главное, обидно, что если ничего не выйдет, то израсходовано много денег напрасно. Поживем – увидим.

Сегодня опять достал в штабе Петроградского района разрешение и плацкарту в штабном вагоне на понедельник 3-го числа.

12 июня

В понедельник 3-го числа выехал и на следующий день около 2 часов был в Москве. В день отъезда распространился слух о перевороте в Мо-

[1] Село Ракоболь, Пошехонский район, Ярославская область.

скве, но уже на вокзале выяснилось, что никаких официальных вестей нет и поезда идут по расписанию. В Москве оказалось, что все слухи чистейший вздор. Кому охота распространять подобную ерунду?

Вызвал меня Бабиков, чтобы я «показался» комиссару, «товарищу» Ефраиму Марковичу Склянскому. Молодой, говорят, лекарь выпуска 1914 года. Мне он понравился своим энергичным видом, но, к сожалению, отсутствие воспитания проглядывает во всем. Склянский подробно опросил меня относительно моей прежней службы, не было ли у меня столкновений с советами и комитетами и почему я ушел с фронта в ноябре. Это «знакомство» должно было состояться, так как все назначения на высшие должности утверждаются им. Затем он «просил» или «предложил» зайти побеседовать на следующий день, таким образом, мой отъезд в среду в штабном вагоне не мог состояться, и мне пришлось остаться до субботы. На другой день Склянский опоздал на полтора часа и не мог меня «принять», так как торопился на совещание какой-то комиссии, куда должен был приехать и Троцкий. Назначил на следующий день к 1 часу дня. Однако и этот раз он меня «не принял», а через секретаря поручил передать, что даст письменный ответ, когда узнает обо мне у Бонч-Бруевича.

Такое отношение меня очень покоробило, и я решил переговорить с Бабиковым и отказаться от назначения, тем более что ответ письменно мне казался отказом, так уж лучше, если я откажусь, а не мне откажут. Неприятно повторение истории с Геруа. Однако, случайно столкнувшись со Склянским в залах, я вынес другое впечатление. Склянский, не зная меня *(конечно)*, хотел получить кое-какие сведения обо мне — это понятно, справлялся у Бонч-Бруевича по прямому проводу на Муром, но тот уехал в Москву, и здесь его телефон не известен. Тогда я сказал Склянскому, что не знаю, знает ли меня Бонч-Бруевич, но я его не знаю и ни разу с ним не встречался, а что все сведения обо мне мог бы и, вероятно, не откажет дать Маниковский — так и решили. Тогда я пошел к Маниковскому и передал просьбу Склянского переговорить обо мне. Маниковский согласился и просил, чтобы Бабиков написал, что нужно и дал ему подписать. Я просил Бабикова выполнить все это без моего участия и затем сообщить результат. На следующий день, субботу 8-го числа, уехал из Москвы, а в понедельник 10-го числа получил телеграмму о своем назначении.

Таким образом, благодаря Бабикову я получил место — как будет и что будет с этой службой, загадывать не приходится. Н.Н. Сиверс держится

этих мест, он получил назначение начальником Главзаграна с окладом 1000 рублей в месяц, а может быть и 1100 рублей. Меня интересует теперь вопрос, как быть с пенсией – учтут ее или нет?

В Москве видел генерала Балтийского, он мне предложил принять участие в журнале «Военное дело» с платой 40 коп. за строчку – писать статьи по 100 строк. Журнал выходит еженедельно. Если помещать статьи два раза в месяц, то можно получать до 70–80 рублей.

Завтра окончательно переселяюсь в Москву, пока будет трудно жить на два дома.

Первый раз потерпел неудачу: в штабном вагоне все места оказались занятыми – придется ехать в коридоре, если случайно кто-нибудь не откажется от поездки. Ну что делать? Хорошо, что все-таки уговорил дать разрешение ехать в этом вагоне.

Предлагал место секретаря Высоцкому, но он уже совсем погрузился в комиссионное дело и не хочет бросать. Жаль, он был бы очень полезен. Затем должность делопроизводителя предложил П.Н. Гусаковскому (бывший Л-гв. 2-й), офицеру Генерального штаба. Может быть, он согласится – это было бы для меня ценное приобретение, как очень толкового помощника и с душой. Из Москвы пошлю телеграмму Бауце, может быть, он пойдет на должность секретаря; совсем будет жаль, если и он откажется.

17 июня

Доехал великолепно, случайно оказалось место, и, кроме того, мне уступили нижнее место, так что неудача сменилась удачей. Дай Бог, чтобы и дальше все шло бы так же, как и здесь.

Приехал в пятницу и пошел в Московский областной комиссариат по военным делам, где была одна из упраздненных ликвидационных комиссий. Там «поговорили», но существенного ничего не узнал. На одну из должностей «принял» товарища Кондратова.

Затем в субботу был на Новинском бульваре. Сначала у Бабикова, но от него толком ни о помещениях, ни о деньгах на канцелярские расходы не добился. Взял утвержденное Склянским «положение» о комиссии для исправления разных названий учреждений в их новых редакциях и для заключения по содержанию. Между прочим, Склянский сократил мне содержание с 900 рублей на 800. Это меня возмутило, хотел бросить и уехать в Петроград, но все советуют не обращать внимания. Придется вообще заявить о необходимости увеличить ставки, так как соседние

учреждения в своих штатах показывают большие ставки — может быть, пройдет «по сравнению».

После этого пошел к нач[альнику] канцелярии Маниковского инженеру Мальчиковскому. Он принял сначала очень нелюбезно, но, в конце концов, когда я сказал, что сожалею, что обратился к нему, и собрался уходить, он стал много любезнее и сразу же набросал мне несколько бумаг от имени Маниковского к Склянскому — об отводе помещения и о выдаче мне 4000 рублей на обзаведение, и затем от себя о выдаче мне канцелярской принадлежности. Таким образом, и здесь неблагоприятное начало кончилось вполне хорошо.

Был у Склянского, который хотя и изменил число комнат с 5 на 3–4, но зато велел коменданту Староверкину отвести эти комнаты на Новинском же бульваре. Теперь я имею три комнаты плюс одну временно в квартире № 5, получил кое-какую мебель и канцелярскую принадлежность.

Главной причиной нелюбезности Мальчиковского оказалось то, что он не знал «положения» о демобилизационной комиссии, не знал о ее функциях, хотя эта комиссия причислена к Центральному управлению глав[ного] нач[альника] снабжений. Когда я ему сказал, что и я не принимал участия в составлении положения, то он переменил тон. Сейчас его отношение ко мне очень хорошее.

22 июня

Прибывают бумаги и в большом количестве, уже более 200 входящих номеров, ни одной бумаги нельзя «исполнить», нет никаких данных, да и взять не откуда! Все бывшие до сих пор комиссии расформированы, служащие распущены, и нет никакой преемственности, приходится начинать дело, сначала отыскивая все нити.

Сегодня было совещание у Мальчиковского представителей учреждений, подчиненных гл[авному] нач[альнику] снабжений. Мальчиковский говорит, что поднимать вопросы о «правах» гл[авного] нач[альника] «несвоевременно», и даже сверху намекают, что это «неполитично». Эти права дает сама жизнь, и в своих «положениях» надо иметь в виду эти «права», но писать о них нельзя. Поэтому сейчас надо повременить составлением «положений» и «правил» различных учреждений.

Любопытны слова Троцкого на одном из «высших» совещаний, что сейчас «порядок работы стихийный», что «нужно сидеть с 10 до 5 и давать немедленные ответы на все запросы». Курьезно!

Был у С.Т. Беляева – он хочет привлечь меня к их беседам по артиллерийским вопросам. Участвуют, кроме него, Вахарловский и другие артиллеристы.

Ищу квартиру, осмотрел несколько, но все неудачно. Кажется, пока останусь на Таганке. Н.Н. Сиверс уезжает в Архангельск, вероятно на продолжительный срок, а потому я буду жить в его комнате. Живущий здесь один из служащих в Главзагране Воронецкий говорит, что препятствий нет.

В Петрограде неспокойно, в д[оме] Гарновского арестовали гл[аву] дом[ового] комитета солд[ата] Олькевича и даже хотят выселить из квартиры. Е. Ф. в большом волнении просит прислать удостоверение, что я на службе, тогда ее оставят. Достал от Бабикова и послал с офицером охраны штабного вагона.

Эти дни сильная жара, какая третьего дня была буря, но прохлады не принесла.

Сегодня встретил П.П. Лебедева (бывший генквартзап), симпатичный умный человек. Дал свой адрес – просил заходить. Он устроился в мобилизационном отделе Всероссийского Главного штаба. Любопытно, какое он получает жалованье?

1 июля

Получил от Е. Ф. письмо, полное жалоб на тяжелое настроение в связи с необходимым переездом и разговорами о выселении, просит приехать. Решил ехать в субботу 29-го. Достал предписание и удостоверение на выезд и въезд, достал место в штабном вагоне и уехал.

Дела все равно в таком хаосе, что неделей больше, неделей меньше будет лежать – убытка не будет. Если будут мной недовольны – уйду, очень не дорожу местом. Свое в настоящий момент ближе.

Прошлую пятницу не мог быть на лекции в штабе военрука Моск[вы] Байова, был зато эту пятницу. Затея хорошая, буду исправно посещать, тем более что меня выбрали в «президиум». Присутствовали Вахарловский (председатель президиума), Беляев (член президиума), Шейдеман (бывший комкор 1 турк[станского армейского корпуса], командарм 10), Гутор (главкоюз, ком[андир] Л[ейб] гв[ардии] Моск[овского] п[полка]), Григорьев, Старов, Глазков, Столбин и много других знакомых и незнакомых артиллеристов и проч. родов оружия. Темой бесед было: «действие германской артиллерии во все периоды войны».

Выступали многие, затронуты интересные вопросы, хотя и не все

на тему, все часто сводили вопрос к действию нашей артиллерии. Пессимистично и неверно говорил генерал Старов (бывший командир 77-й артиллерийской бригады), надо будет следующий раз ему ответить.

8 июля

События внутренней политики назревают, по-видимому, весьма серьезные, следовало бы опять вести дневник ежедневно, но день проходит как-то так неопределенно, что не хватает времени, кроме того, чувствую физическую усталость. С приезда с фронта я сильно сдал сразу, и все же не могу оправиться, правда, для отдыха нет времени, то физическое утомление, то нравственные волнения, как устроить свою будущую жизнь.

За эту неделю в Петрограде пришлось ликвидировать казенную квартиру — это хорошо, так как жить под угрозой выселения неприятно. Обидно только так бесславно покинуть дом, в котором прожил всю свою жизнь (с 1876 года).

Другое дело — разрушение гнезда. Вещи поставлены в склад, Е. Ф. должна переехать в комнату в квартире Д.П. Тишина (Фонтанка, 64). До моего отъезда удалось только при себе перевезти вещи. Как устроилась на новом месте Е. Ф., не знаю. Не видал также, как поставлены вещи в складе (склады Кокорева, Лиговка, 50). Е. М. П[1]. должна была выехать в субботу 6-го в Рыбинск к сестре А.М. Прасоловой — удалось ли, и как устроилась, тоже не знаю. Писем пока нет и вряд ли скоро получу.

Вернулся в Москву в пятницу 5-го числа. Вечером был на артиллерийской беседе, разбирался вопрос о вреде чрезмерной отлогости траектории легкой пушки. Выступало несколько докладчиков, в том числе и я, сказали несколько слов о необходимости изменения свойств нашей легкой пушки.

В субботу 6-го числа был на службе, получил первое жалованье 640 рублей (с 7 июня). Около 5 часов был в Экономическом обществе, где встретил военного юриста, бывшего полковника Позняка, которому предложил место секретаря, если полковник Пономарев (которого рекомендовал Б.Н. Кутузов) на месте, и не согласился на эту должность. Там же передавали слух, что в германского посла графа Мирбаха брошена бомба.

7-го числа с утра в городе шла стрельба пулеметов, даже орудийная. Граф Мирбах убит, по словам большевиков, левыми эсерами, которые

[1] Е.М. Прасолова, судя по тексту, бывшая прислугой в доме Сиверсов.

одновременно направили свои силы для свержения Совнаркома. Определенного ничего неизвестно, но к 3 часам дня стрельба почти совершенно стихла, и сегодня в городе полное спокойствие.

Однако сообщение с внешним миром, т.е. за пределы Москвы прервано, газеты не выходят. Большевики объявляют, что победа осталась за ними. По слухам же, бои идут кругом Москвы, борьба продолжается и чем она окончится, многие из деятелей большевиков не могут сами сказать определенно. Есть слух, что Муравьев, начальник отрядов, действовавших против чехословаков, изменил Советской власти и идет на Москву. Часть его полков перешла на сторону чехословаков.

Но все это слухи.

Вчера и сегодня поезда не ходили, говорят, пойдут сегодня вечером – будет ли функционировать почта? Получу ли письма из Петрограда? Воображаю, как беспокоится Е. Ф., жаль, что нельзя послать телеграмму, что здесь все довольно тихо.

Большой интерес представляет, как будут реагировать немцы на убийство графа Мирбаха. Ближайшие дни покажут, чем они ответят на этот террористический акт.

Вчера, воскресенье, утром был А.В. Пономарев, но определенного ответа не дал, обещал зайти сегодня на Нов[инский] бульвар, но не пришел,– подожду до завтра. Вечером был М.Д. Позняк, видимо, он хочет поступить. Если Пономарев откажется или не придет завтра, окончу с М.Д. Позняком.

Как я сожалею, что принял А.Е. Горбачевича,– совершенно ничего не соображает, к сожалению, не только не хочет, но и не может соображать. Неужели сам не поймет, что работать не может.

Правильно меня называл И.П. Романовский «обломком старого режима», нельзя заниматься благотворительностью. В прошлом крупная ошибка – благоприятная аттестация Дену[1], теперь прием Горбачевича. Много таких ошибок на моей душе, много и на душе других. С этим надо бы покончить раз навсегда... но, впрочем, оправданий нет.

Это уроки жизни.

[1] А.М. Сиверс уже поднимал в дневнике тему своей положительной аттестации А. А. фон Дену, когда последний был командиром 4-й батареи лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. А.М. Сиверс считал эту аттестацию одной из больших своих ошибок, поскольку в 1914 г., будучи уже командиром 36-й артиллерийской бригады и генерал-майором, А.А. Ден, попав в окружение в Восточной Пруссии, не застрелился, как следовало генералу, а сдался в плен.

В газетах было известие, что на Кавказском внутреннем фронте в борьбе с советскими войсками убит ручной гранатой генерал Марков, сподвижник генерала Деникина. Очевидно, это Сергей Леонидович. Так закончил свою жизнь, полную искания карьеры и удовлетворения личного честолюбия. Вероятно, в истории о нем будет сказано много, но лично я не считаю его «полезным» деятелем, а по характеру и своим личным качествам я ставлю его много ниже его товарища, однолетка достойнейшего И.П. Романовского. Иван Павлович не гонялся за громкой славой, но с кем бы он не имел дело, все отзывались о нем как о светлом человеке. В нормальное время он дошел бы до высоких должностей, и, наверное, его деятельность принесла бы большие плоды, но он не опережал резкими скачками карьеры, он не бил на популярность не кричал о себе, как то постоянно делал Марков.

Маркову едва ли 40 лет.

13 июля

Наконец начали приходить письма из Петрограда. Воскресенье 7-го числа, так же, как и у нас, была стрельба, и Е. Ф. попала на Фонтанке под обстрел. Но, по-видимому, так же, как и здесь, больших «беспорядков» не было, так как позднейшие письма ничего по этому поводу не сообщают.

Вчера был на артиллерийской беседе (пятница), докладывал Н.Л. Владиславский – французская артиллерия во время войны 1914–1917 годов по личным впечатлениям от заграничной командировки 1917 года.

Доклад был очень интересен. Владиславский говорил хорошо.

Некоторые данные доклада заслуживают записи: так, французская артиллерия к началу войны имела до 3000 легких (75 мм) орудий и около 240 тяжелых (120 и 155 мм). На тяжелую артиллерию до войны французы обращали мало внимания. После Марны почти вся тяжелая артиллерия погибла, частью попала к немцам, частью была выведена из строя вследствие усиленной стрельбы. Пришлось создавать заново – вытащили старые образцы из арсенала, чуть ли не из музеев. Исправляли, переделывали, совершенствовали детали, главным образом в отношении лафетов. Новых пушек (тяжелых) изготовляли мало, французы говорили, что они не так богаты, чтобы делать новые пушки, когда у них есть старые, вполне пригодные. Они удивлялись, что мы не используем своих старых, а шлем заказы на новейшие образцы. Французы очень берегли орудия, не допускали большой скорости, были назначены нормы дневного коли-

чества выстрелов, уничтожили унитарные снаряды и на малые дистанции стреляли уменьшенными зарядами, поэтому их орудия выдерживали число выстрелов, превосходившее нашу продолжительность службы орудий до четырех раз. Были орудия, сделавшие 20–22 тыс. выстрелов.

Французы при стрельбе учитывали метеорологические данные, поэтому пристрелка сокращалась по времени и расходу снарядов.

Подвоз огромного числа снарядов достигался применением всевозможных технических средств – поезда грузовиков[1] по проложенным заново шоссе, узкоколейки и железные дороги нормальной колеи. В боях под Верденом (с 21.II по 1.VII) израсходовано 16,5 миллионов пудов снарядов, а в боях на Сомме (с 1.VII по 1.XI) – до 24 миллионов пудов.

На сообщении присутствовали те же лица, что и раньше, и кроме того Ф.Ф. Новицкий, Корольков и др.

Работа в комиссии подвигается плохо – столько различных дел, ответы на которые зачастую затрудняешься дать. Члены комиссии собираются по вторникам и субботам довольно исправно, за исключением Шиманского (контр[ольного] наблюд[ательного] отд[ела]), который, однако, позволил себе довольно дерзко сказать, что я посылал к нему бумаги, желая отпихнуться.

Нашел квартиру у присяжного поверенного Арнольда на Староконюшенном пер., д. 10 в районе Арбата. Две комнаты за 250 рублей в месяц. В понедельник буду переезжать.

20 июля

Месяц официального существования комиссии – сегодня как раз закончен прием всех «постоянных сотрудников» приемом на должность секретаря бывшего офицера Л[ейб] гв[ардии] 3-й [бригады] А.В. Пономарева.

Сейчас состав комиссии следующий: члены от Всероссийского Главного штаба С.Н. Савченко и Л.К. Кун, от Главного военного хозяйственного управления Н.И. Яковлев, от Контрольного наблюдательного отд[ела] С.В. Шиманский и от Московской окружной к[омиссии] по в[оенным] д[елам] С.Г. Макропято. Делопроизводство: секретарь А.В. Пономарев, делопроизводители: Н.А. Шмидт и А.Е. Горбачевич, заведующий приемом отчетности И.Д. Кондратов, помощники заведующего приемом отчетности: С.И. Аристархов и Г.А. Маркевич, журналист Н.И. Давыдов. Переписчики: Хромов, Е.М. Беляева и М.Д. Кулакова. Курьер Галах и убор-

[1] Так в тексте.

щик Моченов.

За месяц выбыло двое: переписчик Петров и уборщик Рогов.

Дела подвигаются, но медленно, задержка явилась в форме бумаги, которую нужно представлять через гл[авного] нач[альника] сн[абжния] народному комиссару по в[оенным] д[елам] об утверждении отсрочек.

Длинная канитель в получении 4000 рублей, назначенных комиссии на обзаведение. Так как в канцелярии главного начальника сн[абжения] нет до сих пор счетного отдела, то неоткуда их получить. Счетный отдел (заведующий Ильинский) В[оенно] З[законодательного] Сов[ета] отказывает, так как комиссия не подчинена В. З.С. Затяжка в получении денег затягивает покупку необходимой канцелярской принадлежности.

Личные дела по переезду на новую квартиру тоже еще задерживаются. Почему-то m-me Арнольд все оттягивает мой переезд — вчера, наконец, видел хозяина, который, наконец, окончательно решил, какие комнаты, цену и срок, когда я могу въехать. Я получаю две небольшие комнаты за 200 рублей в месяц, это мне еще лучше, так как дешевле, затем, перееду в среду 24-го числа. Адрес: Арбат, Староконюшенный переулок 10. Район очень хороший — 16–18 минут ходьбы на службу, близко Смоленский рынок для хозяйственных закупок.

С письмами из Петрограда от Е. Ф. опять плохо — сегодня четвертый день нет почты. Это не успокаивает нервы. Подожду завтра и пошлю телеграмму.

Вчера был на заседании президиума артиллерийских бесед, решались некоторые вопросы.

С.Т. Беляев предложил мне участвовать в издании книжек, платят хорошо, но срок мал, и, затем, у меня нет никаких пособий.

Меня устраивало бы больше участие в комиссии по выработке новых уставов, плата как за сверхурочную работу, сколько именно не знаю, но это интересное дело, я уже работал в уставной комиссии.

В местных газетах снова было известие о расстреле бывшего императора Николая II, даже оповещалось от имени советского правительства — верно ли?

Время идет быстро, но малопродуктивно,— скучно и невероятно устаю. Очевидно сильное напряжение нервов дает в результате физическую усталость; чувствую переутомление. Следовало бы отдохнуть, а между тем надо работать, чтобы жить. На днях издан декрет о прекращении пенсий; заходил в пенсионный отдел к Перетерскому, он успокаивает тем, что вопрос о восстановлении выдачи пенсий уже поднят, и реко-

мендует выждать.

Поживем – увидим, который раз приходится прибегать к этой фразе за это время. Действительно, живем выжиданием лучшего будущего. Время от времени все новые осложнения жизни. Одна надежда, что Бог милостив. Надо надеяться только на Божью помощь, так как даже при энергии ничего нельзя сделать самому, так как не знаешь, откуда появится новая незадача.

Главнейшее желание теперь – это устроить как-нибудь свое личное существование. С нетерпением жду приезда Е.Ф. Сейчас необходимо быть вместе, нужна взаимная поддержка и работа друг для друга.

27 июля

Для восстановления точности записи в дневнике – об отмене пенсии был не декрет, а распоряжение какого-то комиссара. Этот комиссар поднимал вопрос о том, что следует уравнять пенсии офицеров и солдат; когда на совещании это было отклонено, он самолично отдал распоряжение приостановить выдачу пенсии.

В настоящее время «говорят», что Троцкий уже подписал другое распоряжение, чтобы впредь до выработки нового Положения о пенсиях выдача производилась по старому... и на это тот же припев: поживем – увидим.

24-го числа переехал на новую квартиру, комната очень маленькая 5 на 7 шагов, вторая такая же, но пока несвободна. Прислуга старого уклада, очень услужливая. Может быть, будет хорошо, но с едой пока плохо. Готовить для меня на кухне могла бы здешняя кухарка, но надо доставать продукты, а этого я фактически выполнять не могу, так как вставать раньше, идти на рынок и возвращаться сдавать провизию, притом, что и без этого я сильно устаю, немыслимо. Остается ходить питаться по разным столовым. Это же скверно и дорого. Хожу на службу пешком, большое удовольствие не пользоваться трамваями, которые большей частью переполнены, обычно простым народом. Как ездит интеллигенция, не знаю.

Судьба относится не ко всем одинаково благосклонно. Генерал Вахарловский живет с женой в одной комнате размерами, как моя, т.е. 5 на 7 шагов, и платит 150 рублей в месяц. А.Н. Сиверс с женой имеет одну большую и одну огромную комнаты и платят 200 рублей в месяц. Генерал Похвиснев имеет две комнаты, размеры не знаю и сколько платит не знаю, но имеет при квартире стол; этот умеет устраиваться,

его жена тоже с ним.

Вчера был в штабе Байова на обмене мнений по поводу% гаубиц в артиллерии приданной дивизии; очень дельно говорили Гутор и Ф.Ф. Новицкий, а также Туров. В общем, наиболее серьезные головы были за оставление 12 гаубиц (48 лин.) на дивизию.

Как курьез: Ф.Ф. Новицкий указал, что формируемые теперь дивизии имеют 28 тысяч ртов и 8 тысяч штыков.

В общем, на дивизию предположено 36 легких орудий, 12 облегченного типа (3-дм горные на легких лафетах), 8 противосамолетных орудий (3 дм.), 12 гаубиц 48 лин., 8 гаубиц 6 дм. и 4 пушки 42-линейные[1].

Мне кажется, что эта норма артиллерии отличная, а принятые в расчет 80 пушек на 8 тысяч штыков, что составляет 10 орудий на 1 тысячу штыков,—количество артиллерии до сего времени, не виданное нигде.

Кроме того, предположено организовать ТАОН и ГАОН, т.е. Тяжелую и Горную артиллерии особого назначения, которые, составляя армейский резерв, будут направляться туда, где будут наиболее серьезные операции,—очевидно, их задача будет в период позиционной войны.

Эта идея распределения артиллерии не может вызвать критики. Важно, чтобы она была проведена и выполнена, а не осталась только на бумаге.

Все эти предложения, конечно, касаются настоящей армии, сейчас же все это в том же положении, как и все формирование «Красной» армии: штабы существуют, а солдат нет.

Вчера официально объявлен декрет о призыве в тыловое ополчение. Регистрации подлежат все лица в возрасте от 18 до 45 лет, кои не подлежат призыву на действительную военную службу или не будут приняты в Красную армию добровольцами. Призыву подлежат:

а) живущие на нетрудовой доход (% с капит[ала], поступл[ения] с имущ[ества] и проч.)

б) пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли (владельцы промышленных, торговых и земледельческих предприятий и т.п.).

в) члены советов и правлений акционерных обществ, компаний, всякого рода товариществ, директора—управляющие, заведующие, доверенные таких обществ.

[1] То есть 58 орудий калибра 46 мм разных образцов, 12 гаубиц 122 мм, 8 гаубиц 152 мм и 4 орудия 107 мм.

г) бывшие присяжные поверенные, их помощники, частные поверенные, прочие ходатаи по делам, нотариусы, биржевые маклеры, торговые и коммерческие посредники, сотрудники буржуазной печати.
д) монахи, духовные служители церквей и различных культов (всех вероисповеданий)
е) лица так называемых свободных профессий, если они не выполняют общественно-полезных функций.
ж) бывшие офицеры, чиновники, юнкера училищ, кадеты корпусов и лица, не имеющие определенных занятий.

Пункт 14 Положения гласит: «Рабочие части могут формироваться для следующих назначений: для окопных, строительных и дорожных работ, для работ при интендантских, продовольственных, вещевых и иных складах, а также в складах других ведомств, для работ в различных военных мастерских (сапожных, портняжных, хлебопекарных, мукомольных, сухарных, сенопрессовальных и иных), для работ по заготовке топлива и продовольствия, для грузочных работ на железных дорогах и водяных путях, а также для иных, вызываемых общегосударственными и местными потребностями, назначений».

Сегодня, наконец, получил деньги на канцелярские расходы и обзаведение, но... тов. Склянский сделал пометку выдать пока 2000 рублей вместо четырех. Вот где и на чем проявляют экономию и... власть. Пишущую машинку купить не могу.

Штаб военрук[а] московск[ого], т.е. К.К. Байова расформировывается, куда пристроится теперь С.Т. Беляев, еще не спрашивал. Знаю, что он состоит постоянным сотрудником в военном отделе Издательства при ЦИК. (Центральный исполнительный комитет), где назначена плата 500 рублей тем, кто служит, и, кажется, 800 рублей безработным. Кроме того, вероятно, получает за заседания в Артиллерийском комитете. Не пропадет!

Расформировываются ли [штабы] военрук[ов] других округов, еще не имею сведений. Не знаю, чем вызвано расформирование штаба К.К. Байова.

Не отметил важной перемены в нашем муравейнике – ушел А.А. Маниковский, назначен в Военно-законодательный совет постоянным членом. На его место назначен Евгений Иванович Мартынов (известный в свое время командир Зарайского полка).

Кандидатами в постоянные члены Военно-законодательного совета намечены: В.Т. Чернявский, Е.А. Радкевич, В.Н. Клембовский, П.А. Гейсман, Ф. И. фон Торклус, П.К. Кондзеровский – все бывшие члены Воен-

ного совета.

Заместителем С.В. Шиманского в ЦДК приходит Н.Н. Соколов, по-видимому, очень обстоятельный человек; по крайней мере, он очень помогает в определении, куда направлять бумаги, которые по своей редакции и содержанию совершенно не ясны.

Прочитывая приказы Народного комиссариата по военным делам, натыкаюсь на удивительные приказы М.С. Кедрова (советская ревизия), которые поражают правильностью требований, но, к сожалению, они вряд ли исполняются.

Одним из таких № 47а, отданный в Вологде 6.VI.18: «Больницы существуют для больных. Весь обслуживающий персонал, начиная от главного врача и кончая санитаром, должен твердо это помнить... Госпитальные советы и комитеты существуют как органы, вся цель и деятельность которых должна быть направлена на постановку больниц на такую высоту, при которой больные будут получать все необходимое для восстановления их здоровья. С другой стороны, больные должны твердо знать, что больница не ночлежный дом, а место, где они получают исцеление от своих недугов...» и т.д.

Приказ правильный и решительный, как часто он нарушался в прежнее время, а теперь и говорить не приходится. Действительно, больницы сейчас — ночлежки.

30 июля

Говорят, что военрук беломорский, Ф.Е. Огородников, со штабом переехал из Архангельска в Вологду. Значит Архангельск в руках союзников или, по крайней мере, в сфере их влияния настолько, что пребывание штаба Огородникова стало невозможным. Любопытно, что делает Н.Н. Сиверс — переехал ли тоже в Вологду или Сухону или возвращается в Москву?

Говорят также, что в Москву прибыло более батальона немецких войск для охраны посольства, из уважения к протесту народного правительства солдаты не в военной форме. Не для этого ли отдан приказ, воспрещающий носить военную форму всем иностранным военным?

В моей записной книжке занесены в хронологическом порядке все переходы, сделанные мной от высадки бригады в Варшаве вплоть до Ломжи, всего 55 дней похода в течение которых сделано 971 верста. Это составляет в среднем около 17,5 верст в день. Наименьший переход две версты, наибольший 38 верст. Все 917 верст сделаны мною исключительно верхом. В дальнейшем я уже пользовался автомобилем, верхом ездил

как редкое исключение.

Сегодня среди приказов Народного комиссариата по военным делам имеется первый приказ составленный мною.

1 августа

В приказах Кедрова есть уже о переводе Беломорского комиссариата по военным делам из Архангельска в Вологду, очевидно, туда перекочевал и штаб военрука Огородникова. Значит Архангельск в руках или сфере сильного влияния союзников.

Никак не могу уяснить себе, чем все это может кончиться. Конечно, владение Мурманом и прилегающим округом важно союзникам для того, чтобы влиять на дела России и будущих торговых связей. И, пожалуй, не столько владеть этим краем, сколько не допустить немцам или финляндцам захватить и отрезать союзников от России через европейскую щель.

Как долго еще Россия будет ареной борьбы окружающих государств?

Сегодня определенно говорили, что немецкий генерал Эйхгорн, начальствовавший на Украине,– убит. Это же второе убийство немецких высоких чинов – как на него будут они реагировать?

Последнее время я газет не читаю и питаюсь только одними слухами.

Говорят, что в последние дни усилились обыски, причем отбирают «всё», мотивируя, что «там» разберут. Что это «всё», никто сказать не может; думаю, что и усиление обысков, как и все в настоящее время,– плод напуганной фантазии и продукт всяких слухов. Чтобы не портить себе вконец нервов, я большую часть слухов в одно ухо впускаю, а в другое выпускаю. Так спокойнее!

Вчера в «Известиях НК по ВД» напечатан декрет о недопустимости службы родственников в одном учреждении, и в особенности, если родственник на должности руководительской. Это, пожалуй, и правильно: теперь пошла тенденция пристраивать «своих близких» на оплачиваемые места. Конечно, служба родственников, не подначальных друг другу, мешать не может, следовало бы изъять «пристраивание» на оплачиваемые места, но это трудно уловить, а потому проще воспретить. Этим путем исчезнет и «пристраивание», если декрет будет вообще исполнен. Обычно декреты пишутся, но плохо исполняются, каждый объявляет себя «независимой державой» и не хочет исполнять приказаний центральной власти. Я лично приветствую этот декрет, так как мне всегда противно это «устройство»: можно устроиться – слава Богу, нельзя – терпи. Го-

лод не оправдание для порядочного человека, а многие «устраиваются» и не голодающие. У меня «сотрудники» тоже волнуются из-за прибавки содержания по декрету 27 июля. Вопрос рассматривается в Военно-законодательном совете, чтобы во всех учреждениях провести одинаково,— так мне сказал Горецкий (некто в канцелярии Мартынова). Верно это или нет — не знаю, во всяком случае, надо подождать. Алчность же противна — если будут приставать, скажу: не служите, на ваше место желающие найдутся.

Очень рад, что А.Е. Горбачевич ушел из делопроизводства, ушел сам в какое-то учреждение тут же, на Новинском бульваре. Почему ушел, не знаю,— может быть, обиделся, что я его доклады принимал нетерпеливо, но, мне кажется, он должен был понять, что плел такую чепуху, что терпения не хватало. Во всяком случае, он сделал мне громадное удовольствие и услугу своим уходом. На его место я пригласил М.Д. Позняка. Если бы еще ушел Н.А. Шмидт и переписчица М.Д. Кулакова, то работники были бы вполне удачные, так как вместо Шмидта я взял бы С.Н. Бартенева, он был в 20-м корпусе командиром паркового дивизиона, а потом командовал тяжелой батареей и был в июле 1917 года под Молодечно в 10-й армии. Заходил он ко мне здесь в Москве; пока он устроился в Главном артиллерийском управлении. Его бы я взял очень охотно, это толковый работник — не знаю, как выставить Шмидта.

Получил сегодня письмо от Е. Ф.; она пишет, что хорошо бы мне было устроиться в Петрограде и жить у Д.П. Тишина вместо московской авантюры. Это блестящая идея для выполнения не в прошлом, а в будущем. Надо попытаться найти место где-нибудь в Петрограде и вернуться назад. Голодно — да ведь и здесь не многим лучше. Сейчас я устроился — завтракаю за 3 рубля на службе, обедаю в Левшинском переулке за 6.50, но надолго ли это. Не лопнут ли столовые, тогда опять броди по тавернам, да и те еще будут ли?

Все же иметь «свой угол» много приятнее, чем в чужом месте. Кроме того, сейчас в Петрограде гораздо спокойнее.

Служба тяжелая, так как с 10 до 4 часов сидеть трудно, устаю и физически, и головой.

6 августа

Ни за один час нельзя отвечать — только что написал, что в Петрограде спокойнее, как дошли слухи о каких-то арестах офицеров; слухи выросли до чудовищных цифр — 14 тысяч. Где граница правды и «у страха

глаза велики» определить трудно. Но, тем не менее, по-видимому, что-то есть, и «спокойствие» бывшей столицы явно нарушено. В каких пределах, конечно, знать трудно. Кто, за что? Неужели опять попалась молодежь или, правильнее сказать, дала себя уговорить? Я не столько виню эту горячую молодежь, сколько тех, которые завлекают эту молодежь и ведут к ее гибели. Мне жаль молодежи, она пригодилась бы заменить нас, уже стареющих, а главное, слабеющих физически от непрестанной нервной работы, от неуверенности в завтрашнем дне.

На этих днях был у меня С.Т. Беляев – печаловался, что «президиум» только сидит, а что дело висит только на нем одном. Это верно, но в отношении меня это очень трудная задача, я совсем не сталкиваюсь ни по службе, ни по работе с кем-либо, кто мог быть полезен, т.е. изобразить докладчика. У С.Т. Беляева, в силу ли служебного положения, в силу ли личных качеств, много «бывающих» и заглядывающих к нему артиллеристов. У него уже упрочилась слава «хлопотуна», «идейного артиллериста». Мне подобрать докладчиков почти невозможно.

Уговаривает он также дать статью в журнал «Военное дело» по артиллерийским вопросам. Каждая статья от 100 до 150 строчек. Плата 40 коп. за строчку. Попробую – хотя никогда не писал статьи.

2-го числа было заседание Президиума, последний раз в помещении бывшего штаба военрука московского. Теперь артиллерийские собеседования будут в доме бывшего военно-окружного суда – Арбат, 37.

Вчера ездил по делам к начальнику Всероссийского Главного штаба Н.Н. Стогову, но он уже назначен членом Военно-законодательного совета, на его место идет Свечин, не знаю который,– их два. Т[ак] что со Стоговым не договорился. Затем был в Управлении по организации армии, в отделе по устройству и боевой подготовке войск (Антипьевский[1] пер. 6), ходил «наниматься» в Уставную комиссию; это дело для меня знакомо и всегда интересовало. Оказывается Могульский (заведующий или какое другое место занимает) сам хотел мне предложить участие в работе Уставной комиссии... памятуя мое участие в Уставной комиссии П.П. Потоцкого (в 1910–1911 гг.), мой конспект, мое командование бригадой и т.д.

Вот не ожидал, что все это вспомнилось!

Это будет приятная работа и заработок

[1] С 1994 г. Колымажный переулок.

11 августа

Всего пять дней от прошлой записи, а событий много; наиболее волнующие местное население, это регистрация офицеров — тех, которые не находятся на службе в войсках или учреждениях военного ведомства.

Сегодня пятый день, что держат большую часть, говорят, в общем до 15 тысяч, частью в Алексеевском училище, частью в другом месте. Ввиду отсутствия какой-либо организации этой регистрации, все собранные лишены примитивных удобств и голодают.

Есть уже выпущенные — инвалиды, служащие в советских и общественных учреждениях, но не все, кого именно выпускают, определенно сказать трудно.

Между находящимися там Похвиснев (освобожден), Гартунг (тоже), Безруков (вчера утром еще не был освобожден).

Слухи различные: говорят, всех выпустят, говорят, устраиваются концентрационные лагеря.

Я уже усвоил себе правило никаким слухам не верить, записываю только для того, чтобы потом вспомнить о тех рассказах, которые были в данный момент. Сегодня даже передавали, что уже расстреляно 70 человек, но этот слух явно ложный, так как я видел двух обстоятельных людей — Байова и Лебедева; и ни тот, ни другой ничего подобного не говорили; если бы в этом была хоть доля правды, то, наверное, сказали бы. Наоборот, прислуга, носившая еду для сына хозяина квартиры, говорила, что на месте рассказывали, что красноармейцы расстреляли одного красноармейца же за продажу со спекулятивной целью сахара офицерам.

В Петрограде, кажется, тоже идет регистрация — сведения, однако, неясны; жители дома Гарновского были арестованы, но освобождены на другой день или через два дня. Арестованные раньше — по одной версии 14 тысяч, по другой 1400 офицеров — помещены на жительство в Кронштадте и Шлиссельбурге. Но это тоже неопределенные сведения, а по рассказам, но более достоверных лиц.

Затем, за это время из Москвы выехало германское посольство, по одной версии (более правдоподобной) в Петроград, а по другой — в Финляндию.

Затем, Казань занята какими-то отрядами — чехословаки, японцы или алексеевцы, не знаю, так как газет не читаю, а питаюсь лишь тем, что мне расскажут. В Казани большие интендантские склады и, главным образом, весь запас сукна для Красной армии.

Вообще, события назревают, в какую сторону повернется колесо Рус-

ской истории?

На фронте союзников большой успех в течение последнего времени. Сегодня говорят, что будто бы заключено перемирие, а другие говорили, что у союзников новый успех.

Перемирие объясняют так – американцы с французской территории выслали большое число аэропланов, на которых были установлены особые прожекторы, дающие свет (какие-то лучи, ослепляющие тех, на кого направлены). После этого будто бы Вильсон написал Вильгельму послание, которое было сброшено также с аэропланов. В этом послании Вильсон указывает на то, что по примеру немцев и американцы изобрели такое средство, которое, как и газы, наносит людям большие страдания, а потому не лучше ли прекратить войну, так как по части изобретений американцы сумеют превзойти немцев.

Любопытно, есть ли в этом крупица правды, или все измышления досужих людей?

Сколько слухов, сколько вздору болтают люди, сами себя взвинчивая на различные настроения, то оптимистические, то пессимистические, доходящие до полной паники!

Сейчас кто-то привез сведения, что вокруг Алексеевского училища расставлено 14 пулеметов и, кроме того, несколько скрытых. Ну для чего болтать и расстраивать и без того угнетенное настроение близких тем, кто там задержан, если поставлена охрана, да как уверяют тройная, то что же удивительного, что принесены пулеметы. Эти бобчинские и добчинские хуже этих пулеметов, так как еще не стреляют, а эти господа раздергивают и без того натянутые нервы.

Боже, смилуйся над нами, дай нам покой! Удивляюсь, как в такое время люди могут играть на рояле, петь? Это будто бы дает забвение – по-моему наоборот, в такой тяжелый момент это не может дать хотя бы временное успокоение, это расстраивает еще больше.

Сегодня опять слышал, что наша революция произошла по внушению англичан и что немцы признают большевиков потому, что только Ленин обещал им заключение мира. То и другое будто бы из немецких источников.

Когда-то история выяснит причины всех текущих событий. Доживу ли я до этого времени?

Что-то мое писание статьи для «Военного дела» не клеится. Как-то не могу собрать мыслей. А надо бы – во-первых, обещал Беляеву, во-вторых, деньги. Сегодня, очевидно, не напишу.

Вчера было очередное собеседование на тему о подвижности артиллерии легкой, конной и горной. Говорили много, но дельного мало. Мне понравилось мнение Литвинова (бывший командарм), он считает, что подвижность достаточна, а что случаи застревания были — по воде одновременно застревали не только орудия, но и легкие экипажи. Во всяком случае, нельзя говорить об увеличении подвижности, если это идет в ущерб могучести орудия.

Я бы добавил: да, орудие тяжело, шина узка, станины низки, есть еще и другие дефекты; если пригласить наших техников (бригадных, батарейных), они укажут более подробно, что именно. Но все же надо сказать, что при наших отчаянных дорогах батареи справлялись, правда, иногда с неимоверными усилиями, но ведь на то и война. Ведь и пехота на тех дорогах, где было тяжело артиллерии, не летала, а шла очень медленно, теряя много отсталыми. В грязи завязали сапоги, и бывали случаи, что сапоги увязали безнадежно и приходилось вытаскивать их руками. Как бы ни уменьшали вес системы, на таких дорогах и эти орудия наверно застряли бы.

При будущих конструкциях, конечно, надо иметь в виду уменьшение веса системы, особенно если принять пожелание С.Т. Беляева обратить большее внимание на конечную скорость, не гоняясь за большой начальной скоростью.

А.А. Маниковский опять попал в передрягу. По-видимому, ввиду каких-то трений, он просился в отпуск на полтора месяца — на время его отсутствия заместителем был призван Е.И. Мартынов, который не захотел временно замещать Маниковского, а соглашался принять должность совсем. Тогда Маниковский предложил освободить его совсем и назначить Мартынова. Это было выполнено, а Маниковский был назначен членом Военно-законодательного совета. Отпуск разрешен, и вот он собрался ехать в гетманском поезде на Киев и дальше на Кавказ. Накануне он узнал, что вычеркнут (кем, не знаю) из списка едущих в этом поезде. Он поехал к Потапову, через которого получил от Троцкого подтверждение на право поездки в отпуск и разрешение выехать с этим поездом. Прошлое воскресенье выехал с женой и... в четверг был доставлен обратно арестованным. При этом вещи, деньги — все было отобрано. Кажется, его арестовали в Смоленске. Что с ним сейчас, не знаю, надо будет узнать.

Вот уж поистине — «судьба играет человеком, то вознесет его высоко, то в бездну свергнет с высоты».

Однако Маниковский в огне не горит и в воде не тонет. Где-то и в ка-

ких ролях он вынырнет снова?

20 августа

Давно не записывал дневника – событий много, но я сижу почти безвыходно (кроме службы, где новостей никаких не рассказывают), – оно и лучше, так как увлечешься политикой, сам не рад будешь, только служебные разговоры гарантируют от всяких нареканий. Да и что, в сущности, говорить, кроме слухов, другой самых невероятных и явно неверных никто ничего не знает и только по привычке таинственно сообщает «из достоверных источников» и потому почти не осведомлен о внешнем, так как вдобавок и газет не читаю.

В нашем муравейнике была буря – во-первых, занятия назначено производить до 5 часов. Затем, приказано установить суточные дежурства – однако в приказе нарковоена оказалось, что там, где за ответственностью начальников отделов будет признано не нужным – их не устанавливать. У себя я устроил дежурство до 8 часов вечера на случай возможности экстренных дел, которых, кстати сказать, ожидать трудно.

Затем неприятное ощущение производят поверки своевременного прибытия на службу. Утром отбирают контрольные карточки и затем отмечают, кто в котором часу явился на занятия.

Сегодня пришел комиссар Управления снабжений Э.В. Рожен; кто он, определить трудно, – форма военная. Говорит, что комиссия оторвалась как-то от управления, и он не знает, что у нас делается, а потому просил списки служащих и учетные карточки на офицеров. Затем заявил, чтобы все бумаги ответственного характера проходили через него.

Вместе с этим исчезают все преимущества службы в комиссии, где мы работали совершенно самостоятельно. Теперь и нас коснулось комиссарство. Что поделаешь – жаль, что у нас не Грузит, тот не глупый и во всяком случае доброжелателен к своему Главзаграну.

16-го числа было артиллерийское собеседование, С.Т. Беляев докладывал схему организации артиллерии в Норманской дивизии. Прения пошли без программы, а потому было не очень интересно. С.Т. Беляев в конце указал на отсутствие плана в обсуждении схемы, на это В.Н. Вахарловский довольно резко ответил: «Так вы бы раньше наметили порядок вопросов, вы же были докладчиком!» Замечание отчасти правильное, так как С.Т. Беляев, зная неумение председателя президиума Вахарловского руководить беседами, должен был после очерка схемы указать программу вопросов. Но все же больше виноват сам Вахарловский.

В субботу 17-го числа в церкви Иоанна Предтечи по Староконюшенному переулку была по моей инициативе отслужена панихида по Мейнгарде Антоновиче Шифнере, который умер, попав в Петрограде под автомобиль. Грустная, противоестественная смерть!

Е. Ф. пишет, что получила, наконец, разрешение на въезд в Москву и предложение[1] себе и на 10 пудов багажа. Это хорошо, багаж по предложению, может быть, дойдет целым. Зовет приехать, чтобы ехать вместе,—вот это уже много труднее, так как при нынешней обстановке—контроль, совершенное незнакомство с Мартыновым, которого к тому же я и не уважаю как человека,—очень не хочется просить об отпуске. Хотя, с другой стороны, нет никаких мотивов стеснять себя, когда дело касается необходимости.

В субботу С. Т. Беляев говорил обо мне в Центральной редакции военных изданий для армии и народа. Там было решено в артиллерийском отделе не замещать артиллеристом, а пригласить персонально К. К. Байова, мне же предложить быть постоянным сотрудником с платой 25 рублей за заседание, т.е. до 200 рублей в месяц, а затем за просмотр работ по 20 рублей с печатного листа—еще 200–300 рублей. Вчера в заседании Центральной редакции вопрос решен, и Беляев сообщил, что он уполномочен официально просить принять должность его заместителя—и... являться на заседания Артиллерийского отдела [в] субботы от 2.30 дня и Центральной редакции [в] понедельники от 6.30 вечера.

Вместе с тем передал для отзыва работу П. М. фон Зигеля.

Итак, набираю дел, справлюсь ли?—Со статьей в «Военное дело» все не клеится. В сущности «писать», очевидно, я не могу, у меня другой «талант»—компиляция, т.е. изложение конспектов по уже намеченным положениям. Но выливать в письменную форму свои мысли не могу—нет умения красиво и просто излагать.

24 августа

За эти дни много событий личного характера. Заходила Вера Николаевна Похвиснева предлагать квартиру Владимира Борисовича Похвиснева—условия великолепные: и хорошо и дешево. Пошел к Бекетовым предлагать взять совместно. На грех, в прежнее время Бекетовы поссорились с Влад. Бор. Похвисневым, и потому из этого ничего не вышло.

[1] Так в тексте. Здесь, по-видимому, имеется в виду плацкарта—дополнительная карточка или квитанция к проездному билету на нумерованное место для человека или багажа.

Пока раздумывали, квартиру сдали другим. Жалею, что не сразу обратился к Могилевичу (начальник юрисконсультского отд[ела] Военно-законодательного совета), с которым мы сговаривались о совместном жительстве.

Затем Бабиков предложил мне квартиру у художника Нестерова: условия еще более подходящие по цене, квартира в доме, где служба (кв. № 12). Немного далеко от города, но зато на службу через двор. Сегодня был у коменданта дома – говорит, что есть предположение выселять всех живущих частных лиц. Значит, если перееду – снова спешно ищи квартиру, вместе с тем, просит не говорить Нестерову – как же я выйду из этого положения? Чем мотивировать отказ? Значит, остаюсь при «разбитом корыте», при убогой обстановке и тараканах. Не знаю, как в таких условиях въедет Е. Ф.

Одно можно сказать: все к лучшему. Мне приходится неоднократно отмечать, что Господь Бог бесконечно милостив ко мне. В тяжелые минуты всегда находится выход. Надо думать, что так лучше. Тем более, что в крупном мне не только повезло, но и устроилось так, как и нельзя было ожидать. Отпуска запрещены, а между тем и Мартынов, и комиссар согласились дать мне командировку в Петроград до 1 сентября. Причем все это было сделано без того, чтобы я лично ходил и просил. Новый начальник канцелярии Центрального управления снабжения Пневский любезно взялся переговорить с тем и другим, и на следующий день у меня уже было предписание. Значит мне «везет» или, вернее, там, где нужно, Господь Бог помогает. Вероятно, и с квартирой так нужно.

А что нужно ехать за Е. Ф. – ее письма, где она очень просит приехать.

К тому же «везет» следует отнести и то, что я достал место в международном вагоне. Дорого – 78.30, но есть.

Пока плохо с провизией – запасы кончаются. Муки нет совсем. Картофель можно получить, но муки и хлеба нет. В продаже хлеб случайно достают по 8, 9 и даже 10 рублей за фунт.

Сегодня первый раз был на заседании Артиллерийской секции – значит 25 рублей, и сдал просмотренную работу П.М. Зигеля – около 60 рублей.

Маленькая помощь к бюджету началась. Спасибо С.Т. Беляеву.

Совсем не занимаюсь политикой – газет не читаю. Как-то спокойнее. Как-то и слухов меньше, тоже лучше, а то всегда слухи не...

На днях «фракция коммунистов» из кв. 3 Новинского бульвара, где царит некто Лезгинцев, которого я не знаю, т.е. может быть, и видел,

но не связываю лицо с фамилией; так вот эта фракция затребовала списки служащих комиссии. Послал А.В. Пономарева к Пневскому узнать, в чем дело и следует ли выполнять «требование».

Там оказался комиссар Центрального управления снабжений Э.В. Рожен, который подтвердил, что нужно, и кроме того просил прислать ему список служащих в комиссии и направлять к нему на просмотр все бумаги, имеющие значение, чтобы он был в курсе дела. Затем на следующий день Э.В. Рожен зашел в помещение комиссии, пробыл недолго и еще раз повторил, что ему надо иметь списки, чтобы знать, кто служит, и что это для нас же полезно, а равно и об осведомленности в делах комиссии.

Впечатление благожелательное — я ничего не имею против, хотя я несколько не понимаю, для чего комиссарам нужно знать все. Или доверяют или нет. Мне кажется, комиссары должны иметь исключительное наблюдение за настроением, за так называемой «контрреволюцией». Неужели среди деловой переписки может быть «контрреволюция» — впрочем, кто знает и это! Люди настолько потеряли голову и разум, что суют политику в работу и потому действительно поселяют к себе недоверие. Мне кажется, что если взялся за работу, то основанием ее должно быть добросовестное исполнение. Правда, бывает, что чрезмерная придирчивость обижает, как, например, утренний контроль; руки опускаются работать, как следует. Но это же не политика и не «контрреволюция». В сущности, это усталость издерганных нервов, ибо что тут особенного — пусть поверяют.

В свое время и я поверял службу, своевременное начало занятий, причины опоздания и т.д. Правда, я это делал лично, т.е. своим примером. Ну а здесь путем отбирания карточек. Суть та же — только форма. Сейчас на форму смотреть нечего. Ведь не смотришь на «сервировку», когда есть хочется.

Одно плохо, что душа устает, так как человек выбит из колеи, годы уже не те, чтобы слагать свою жизнь на новых началах. Вкладываю душу в работу и болею душой обо всем, принимая все близко к сердцу, я уже чувствую, что сейчас начинаю выдыхаться.

Продолжай жизнь идти старым порядком, я бы еще имел достаточно сил поддерживать в себе энергию работы. Но сейчас, когда условия жизни так резко изменились, я уже не могу настроить себя, как следует; если бы отнять десять лет, я бы, конечно, свободно справился с обстановкой, приспособился бы, и она меня не тяготила бы.

На все Господня Воля.

31 августа

Поездку в Петроград совершил отлично, хотя туда в купе было продано шесть мест, однако повезло и здесь: пассажир над нами, двумя «нижними», перешел в другой вагон, и мне очистилось свободное верхнее место.

На обратный путь тоже повезло – достал два места в штабном вагоне, и также не было пассажира на верхнее, и мы с Е. Ф. ехали вдвоем.

В Петрограде видел Некрасова, Михайловского, Павлова, Руднева (младшего) – из своих, сестер[1]. Д. П. Тишина не было все время, он уехал в Псков и, вероятно, проехал в Киев, так как очень долго не возвращается.

При получении права на штабвагон, познакомился с бывшим генералом Каменским, который предложил принять участие в его комиссии или другом учреждении, – как будто, писать. Его адрес М. Штатный переулок, 10, должно быть, служебный. Говорит, что много слышал обо мне как командире Л[ейб] гв[ардии] 2-й.

Это уже второй раз меня знают по слухам. Что же, лестно, что с хорошей стороны.

Вчера приехали в Москву – переезд обошелся около 450 рублей. Здесь было огорчение – багаж не прибыл. Но сегодня утром уже получили – новое подтверждение «повезло».

Везет не только в этом, но и в людях, которые помогают. В Петрограде все сделал для нас Назаров, это действительно человек, который не по нынешним временам порядочный и доброжелательный. Кто нынче согласился бы оказать подобные услуги и притом бескорыстно. То, что я мог ему дать, не окупает и сотой доли его помощи. Здесь тоже оказался расторопный и охотно помогавший нам в доставке вещей – это В. И. Хромов, кто он, не знаю. У меня лишь недавно переписчиком в комиссии, что не помешало ему охотно и с большими хлопотами помогать мне, и также бескорыстно.

Дай Бог им здоровья, большое спасибо.

Вместе с тем нельзя не видеть во всех случаях «повезло» воли Божьей. Я могу вполне утвердительно сказать, что неоднократно чувствую

[1] В Петрограде А. М. Сиверс видел перечисленных однополчан и еще повидался с родными сестрами.

на себе помощь Господа Бога. Я уже, кажется, записывал, что во всей моей жизни было много тяжелых минут, но каждый раз все тяжелое смягчалось, и находился выход.

Пойду к священнику, о котором говорил С. Т. Беляев, пусть он помолится обо мне и вымолит разрешение поблагодарить Бога за всегдашнюю помощь. Я сам не могу помолиться, мне кажется, это будет неискренно. Мне нужна помощь, мне нужно сознание, что я благодарю вполне чистосердечно.

Господь Бог знает все побуждения человека, но я сам не могу разобраться. Неверующим я себя не считаю, но и ничего не делал и не делаю для того, чтобы стать ближе к Богу.

Единственное, в чем я признаю себя искренним, это в просьбах и помощи. Я верю в помощь и потому прошу, верю же потому, что много раз видел эту помощь. Я вкладывал пальцы в раны Господа Спасителя. Но не чувствую себя достойным поблагодарить. Пойду к священнику и попрошу его помощи.

Сегодня услышал о покушении на Ленина — ранение серьезное. В Петрограде убит Урицкий. Мне несимпатичны эти террористические акты. Они внесут опять потрясения, опять будет много жертв среди многострадального офицерства.

Я очень не одобряю линию поведения офицеров — я бы понял саботирование, но все эти контрреволюционные заговоры ни к чему. Пользы не принесут, а лишь губят людей. Я поражаюсь отсутствию здравого смысла у большинства офицеров. Борьба — почтенная вещь, когда идешь на нее во имя идеи, но тогда нужно умение выполнить, умение хранить в строжайшей тайне.

Наше офицерство оказалось неумным и преступно болтливым.

Вот с таким элементом идейной контрреволюции никогда не будет, а потому не следует и пытаться. Только загубишь других.

Часть 5

Начата 31 августа 1918 года –
окончена 18 марта 1919 года

С кем поведешься, от того и наберешься.

Мы многого порой боимся,
Пока к нему не приглядимся.

Но все, что дозволено — прилично.

1918 год

31 августа

Себя губи сколько хочешь, глупо, но, по крайней мере, не подло. Подводить других, выдавая их своим неумением держать язык за зубами, низко и не достойно идеи, во имя которой идешь в ту или другую организацию. Еще раз повторяю, что виновны Корнилов, Каледин и Алексеев, так как они не видели, что наше офицерство не созрело для крупной борьбы.

Оно охотно идет на опасность, но и гибнет, как бабочка на огне.

Еще старик Гурко говорил, что очень глупо «слагать свои головы», когда они нужны Родине.

А у нас все готовы «сложить головы» и «складывают их», но работать ими не умеют. И не только офицеры, они во главе лишь потому, что мученики, но и вся интеллигенция.

Правильно ведут свою линию большевики, во-первых, изобрели «силу» — какую не важно, опираясь на нее, проводят свои идеи. Я считаю, что они делают большую ошибку, что не увеличивают эту «силу» и не борются с «автономными» провинциями, которые не признают центрального правительства и делают, что хотят, не считаясь с решениями центральной власти. Это недочет. Это слабость. Ошибка в том, что большевики гоняются и душат мягкотелого обывателя — буржуя. Он уже скис, он уже так запуган, что, падший, не сможет исправиться. Вернее было бы побороть все усиливающееся движение сепаратизма провинций. Власть правительства только в Москве и на внутренних фронтах. В Петрограде своя коммуна, в губерниях своя.

Вот это надо прибрать к своим рукам.

5 сентября

Не читаю газет, а потому совершенно не в курсе происходящих событий.

Слухи по-прежнему передаются на ушко, но я, впуская в одно,– выпускаю в другое, а потому не могу даже и записать, ибо не помню.

Мальчишки кричали, продавая газеты, об аресте в Петрограде 5 тысяч, сегодня уже по передаче более основательных людей цифра арестованных упала до 500.

Понедельник 2-го числа был на первом заседании Военно-технической редакции на Дегтярном переулке, 10.

Состав этого заседания – Радус-Зенкович, Байов, Стаев, Белолипецкий, Афанасьев, Чесноков, Беляев, Сиверс – делопроизводитель Базилевич. Заседание было от 6.30 вечера, продолжительность недолго, не более часа.

Сегодня было артиллерийское собеседование от 6.30 вечера (Арбат, 37).

С. Т. Беляев достал мне еще работу – участие в Уставной комиссии, где он председательствует – это интересное дело, и я с большой охотой буду здесь работать.

Комиссия по уставам, которую собирался организовать с конца августа Могульский (Антипьевский пер., 6), очевидно, не состоится, так как меня не вызывают, как было обещано.

В нашем муравейнике не все благополучно – сегодня встретил Мальчиковского, который назначен для поручений при главном начальнике снабжения; он говорит, что Центральная демобилизационная комиссия под угрозой расформирования, так как она не только не нужна, но и вредна. Откуда эти разговоры? Мне кажется, это отзвуки двух искателей пропитания Лагорио и Изместьева. И тот, и другой что-то о деле не заботятся, а только стараются узаконить свои ликвидационные комиссии, чтобы получать содержание. Если это так, то придется подчеркнуть эту сторону их домогательств. Удивляюсь, как люди в такое время сами создают себе невыгодную позицию. Я молчал до сих пор о своем впечатлении, но если они будут бросать на меня тень, то мне придется открыть их карты.

Что касается комиссии, то я сам в принципе согласен, что в том виде, как она существует, толку мало. Ее нужно преобразовать в нечто близкое к архивному учреждению для сбора и разбора дел и отчетности частей прежней армии. Работа, которая идет сейчас, большая, но совершенно не соответствует назначению. Это передача 80% бумаг в другие инстанции, может быть, смело изничтожена объявлением, куда, по каким делам нужно посылать бумаги. Только малая часть бумаг касается ведения комиссии, а учет расформированных частей и учреждений

идет крайне медленно. Правительственные военные комиссариаты очень туго сообщают сведения, а без их помощи узнать, где какая часть окончила свое существование, невозможно. Кроме того, многие местности сейчас не во власти правительственных органов, многие части остались на Украине и в Румынии. Пойди найди все это!

Сегодня встретил С.М. Андреева – вот изменился, похудел, стал белым. Едва узнал. Встречаю также А.С. Белого (бывший офицер лейб-гвардии 2-й, а потом Генерального штаба), служит во Всероссийском Генеральном штабе в оперативном отделении, вид цветущий, не изменился внешностью нисколько.

7 сентября

Сегодня передавали за достоверное о расстреле Щегловитова, Белецкого, Хвостова. Затем будто бы взяты заложниками бывшие великие князья и крупные генералы – что это, обычный беспочвенный слух или правда? Неужели правда? В наше время никого не остановит чувство жалости, как прежде к именитым гражданам, заложники ничего не обеспечат, никого не убедят. Это лишь совершенно лишние очередные жертвы, которые еще раз подтвердят мою мысль о бездарности и неумении вести политическую борьбу.

Все эти мелкие «контрреволюционные», хотя, может быть, по сути дела, самые революционные, выступления только вредны. Борьба должна вестись большими силами и может обещать успех или при сочувствии массы или же тогда, когда вновь выступающая партия имеет серьезную реальную силу. Иначе это покушение с негодными средствами, безусловная гибель многих горячих, но сильных голов, а теперь еще и «заложников». Но мне не верится в действительность слуха.

Вчера очень обрадовался, встретив Ф.Е. Огородникова – как живо вспоминает Гродно, 20-й корпус и его отъезд из Друскеник. С тех пор его судьба была очень превратна, кажется, не один раз он сдавал и снова принимал дивизию, затем в период Гучкова получил корпус; после ареста Деникина был и наштаюз, и главкоюз, и, в конце, руководитель Беломорского округа. Сейчас он, по-видимому, безработный и стремится получить место в исторической комиссии Клембовского.

Начинаю положительно тяготиться своей службой, совершенно никчемное сидение от 10 до 5; особенно теперь, когда наклевывается много разных интересных работ, во главе которых уставлена комиссия. Без ущерба для дела я мог бы посвящать своей демоб[илизационной] ко-

миссии несколько часов, затем участвовать в других. Сейчас же сидение беспрерывно семь часов совершенно утомляет и после этого уже нет сил работать с совершенно свежими мозгами. Между тем, если бы вести дело и там и тут—всегда были бы свободны для полного отдыха. Ну, что делать, надо приспособиться—в природе все основано на приспособляемости, а потому надо и самому использовать это свойство.

15 сентября

За эту неделю нового мало—взята советскими властями Казань, вчера кричали и про Симбирск. Не читая газет, я не совсем в курсе событий. Хотя полагаться на газеты тоже нельзя—писали и говорили, что на Мурмане союзники под командой генерала Гурко (бывший главкозап), затем, правда или нет—теперь не разберешь, оказалось, что там французский генерал Гуро[1]. Стало быть, определенно полагаться даже на газетные сведения нельзя, а уж на слухи... так и говорить нечего.

Имел беседу с комиссаром Э.В. Роженом—[в] очень корректном тоне. Очевидно, А.В. Пономарев не сумел с ним говорить, так как, по его словам, комиссар очень резко наступает против комиссии. Идея Э.Н. Рожена в том, что комиссия как таковая не нужна для управления снабжений—если же ее оставить, то она должна вылиться во что-то другое; конечно, с точки зрения комиссара управления снабжений, правильно. Вопрос, нужна ли комиссия—на это и я отвечу, что в том виде, в какой она вылилась, она не нужна. Нужна совсем другая функция и другой штат, а тут она будет прицеплена безграмотно.

Комиссия должна быть переименована соответственно функциям—сейчас я еще не придумал названия, ибо еще неясно наметил все работы, которые она должна выполнять. Но идея же та, чтобы приблизиться к архивному делу, к разборке всего письменного наследия старой армии. Имущество учитывается уже различными учреждениями—главными управлениями и Отделом военного имущества (при Центральном управлении снабжений).

Оставить же на произвол судьбы, т.е. на уничтожение, все документы, на мой взгляд, не только нельзя, но и преступно перед историей.

На этой неделе были обычные заседания ВТР—понедельник 9-го Центральной редакции и пятницу 13-го артиллерийского отдела. Толково

[1] А.М. Сиверс был введен в заблуждение. Все силы интервентов на Севере находились под британским командованием, которое в указанное время осуществлял генерал майор Ф. Пуль.

ведет Беляев заседание артотдела, но чрезмерно священнодействует и создает из каждой мухи допотопного слона. Надо вести дело проще. Но все же нельзя отнять от него дельности, мозговитости и большого интереса к работе, фанатического интереса.

Получил из Петрограда письма от И.П. Михайловского и Б.Д. Куликовского. У обоих смятение духа — первый отменяет свое решение поездки, второй, напротив, начинает думать об этом более усиленно, но оба не знают, что делать с собой дальше. Это очень грозный симптом. Вскользь было написано об аресте А.М. Некрасова, и что все кончилось благополучно, но он выезжает из дома Тарновского. Почему именно он арестован, а не другие, почему, раз кончается благополучно, он выезжает из дома — вопросы без ответа.

Очень честный человек А. М., но у него есть очень плохое качество душевная трусость. Последнее время, говорят, он начал «розоветь» и даже слегка «краснеть». Думаю, что это напускное, чтобы соответствующими разговорами обеспечить себе беспечальное житие. Вообще, я считаю, что люди перекрашивающиеся должны производить на всех впечатление хуже, чем они хотят, чтобы о них думали. Честнее быть прямолинейным, это не значит бить в стену лбом, но одеться в платье «шанжан»[1] гораздо менее почтенно. Это все равно, что люди красят себе волосы — никого не обманут, а вид прескверный.

Другая категория — это люди, которых «убедили» — это цельные люди, они боролись за свои коренные убеждения, но затем они или поверили в новые идеи, или убеждавшие их умело заставили поверить себе — эти люди уже идут искренно по новой вере, эти люди заслуживают полного уважения.

В таких случаях все дело в честности побуждений. Вообще честность не только материальная, но, главным образом, нравственно-моральная привлекает к себе симпатии. Где этой нравственной честности не чувствуется, там не может быть душевного влечения и близости отношений, нет веры, нет доверия.

Сегодня был у С.М. Андреева — очень интересный и неглупый человек, но есть какое-то «но». Впечатление, что многое врет — насколько это верно, не знаю, не проверял, так как близко к нему не стоял.

Не записал еще странички «человеческого документа», а как раз

[1] От фр. changeant — переменчивый. Сорт ткани, производившейся во Франции в XVIII в. Это ткань-хамелеон, меняющая оттенки в зависимости от освещения. А.М. Сиверсом употребляется иносказательно, для обозначения людей, меняющих взгляды, убеждения.

на эту тему говорил С.М. Андреев, характеризуя провинциальное армейское офицерство. Совершенно правильно, что в офицерской среде людей, работающих по долгу, по разумению, ради дела – немного. Большая часть, может быть, и работает добросовестно, но в глубине души всегда расчеты гривенника. На это я наткнулся и в Кишиневе; я относился очень деликатно к этой стороне офицерских «интересов», но они меня поражали. Особенно меня поражает это грошовничество и сейчас. Что вопрос увеличения содержания интересует всех, это понятно, жизнь так дорога, что получаемого жалованья действительно недостаточно. Но лазание всюду, надоедание каждую минуту о прибавке противно. Когда хлопочет Кондратов, я не говорю ничего, но когда вылезают глаза на лоб у юноши Маркевича или уже почтенного бывшего полковника Позняка, это уже вызывает брезгливое чувство.

Все же заслуживает записи характерный факт – из счетного отдела 11-го числа пришел сотрудник и принес проект приказа по Наркомвоен о прибавке содержания (разным категориям различная процентная надбавка, в среднем около 50%) и просит составить спешно новые требовательные ведомости с расчетом увеличения содержания с 15 августа. В этот же день я составил и послал в счетную часть. 13-го приходит тот же сотрудник и просит назад требовательную ведомость по прежним окладам, так как выдача 50% надбавки приостановлена, потому что разрабатывается проект надбавки 100%. И так видали себя счастливыми, и остались, как старуха при разбитом корыте. Прочел в газете, что в Витебске расстреляна известная Бочкарева, так кончила свою судьбу, полную изумительных превратностей. От торговли мясом в окопы с мужем, затем идея формирования женского батальона, работа на фронте и конец – расстрел за противоправительственную деятельность. Живо вспоминаю ее лицо – за обедом в штабе 10-й армии в Молодечно.

Сегодня встретил М.Н. Басова (бывший офицер 14-й бригады). Он был в плену с 63-й артиллерийской бригадой, говорил, что М.И. Зенков тоже вернулся из плена и находится в Кишиневе.

На службе новый вид контроля – суточные ведомости с указанием наличности состава. Командировочные, больные, арестованные, неявившиеся. Это лучше, чем ловля у ворот, только много уходит бумаги. В нашей квартире полный разгром – Арнольды свои вещи составляют в одну комнату, вся остальная квартира наполняется массой вещей новых хозяев – Кристи (из Бессарабии) и м-м Сипягиной: масса картин, хороших и ценных вещей. Нас перемещают в другие комнаты, но мы упираемся.

Нельзя же выезжать в комнаты с хаосом или же в несуществующую, как мне — просят освободить, а куда мне деваться, неизвестно. Вернее всего, что, в конце концов, придется съехать с этой квартиры.

Так занято время, что три недели не записываю в дневник — это очень большой срок. Много мелочей забыл, надо восстановить хотя бы нужное.

Главнейшим событием является поход на Ц[ентральную] д[емобилизационную] ком[иссию] — один день я ушел рано, и как раз в это время пришел комиссар Рожен. Секретарь А.В. Пономарев вызывался в комиссариат для каких-то переговоров о поступлении инструктором курсов. Отсутствие нас обоих произвело, очевидно, неблагоприятное впечатление, ибо Рожен, выражаясь стилем старого времени, «рвал и метал». На следующее утро я раздумывал, идти к нему или нет, и решил пойти на следующий день, во-первых, дабы не было впечатления «испуга», а во-вторых, чтобы и самому иметь промежуток, чтобы под известным настроением не сорваться с нарезов. Пока я размышлял, Рожен сам пришел ко мне. В очень приличной форме, но, видимо, не очень благожелательно настроенный, он сказал, что комиссия ничего не делает, дела ведутся неаккуратно и что он напишет Склянскому, что комиссии не место при ЦУСе, да и вообще ее нужно упразднить. Сейчас не время заниматься перевозкой бумажных материалов из разных мест, когда расстроенный транспорт едва справляется с другими важными перевозками.

Ну, может быть, он и прав. Только если сейчас не собрать исторический архив, он исчезнет. И об этом все потом будут сильно горевать. Дело же окажется непоправимым.

3 октября

После этого прошло некоторое время, я ходил к комиссару по поводу дел и бумаг — все было в очень приемлемом виде, так что я претензий никаких не имею. Неприятно только одно — это то, что о том, что комиссия «ничего не делает», облетело все отделы ЦУС(а), может быть и дальше, почему всякий считает долгом лягнуть — еще Крылов отметил, что это свойство ослов. Так, начальник канцелярии ЦУС Евневич[1], разговаривая со Шмидтом и Кондратовым по поводу прибавки жалованья по декрету 24 тысяч, сказал: «Оно и видно, что вы ничего не делаете, если по два ходите за пустяками». Начальник технического комитета Пиевский на днях

[1] В последующем тексте именуется Евецким.

прислал резкую бумагу, что, казалось бы, что после приказа 592[1] следовало бы знать, где находятся расформированные части, и т.д. В общем, это все ослиные выпады – черт с ними.

26-го числа меня просил зайти Шиманский – он показал мне записку Рожена к Склянскому, где написано довольно необстоятельно, что, зайдя в комиссию, он нашел вместо 10 служащих, всего 7, а потому комиссию надо упразднить. Аргументация вообще слаба. Склянский передал это дело на расследование или дознание Шиманскому. Последний отнесся к делу иначе: считая себя автором комиссии, он против ее уничтожения или (искренне или нет, кто их разберет по теперешним временам) посчитает, что ей место при Всероссийском Главном штабе – это считаю и я. Он просил дать ему материал, в каком виде я считаю необходимым продолжать деятельность комиссии, и соответственно этому, может быть, придется изменить и название.

Свое мнение в виде записки я передал Шиманскому 28-го числа, а сегодня ходил справиться у него, как обстоит дело. Шиманский говорит, что написал заключение в этом же духе, что комиссия должна быть подчинена Всероссийскому Главному штабу. Склянский сейчас очень занят и потому решение вопроса пока отложил.

Что выйдет из всей истории? Я бы очень хотел, чтобы мой проект организации «Отдела Всероссийского Главного штаба по разбору архивных дел старой армии и материалов войны 1914–1918 гг.» С удовольствием занялся бы архивной работой.

Опять повторяется неизменная фраза: поживем – увидим.

Прибавили содержание пока по декрету 27 июня лишь до 950 рублей, предполагалось увеличение до 1180 рублей, но по каким-то причинам отложено. Мое желание исполнилось – попал председателем 2-й комиссии при ГАУ уставной, эта комиссия соединена с 5-й по боевому употреблению артиллерии, под общим председательством С.Т. Беляева.

Общее собрание совещания при ГАУ под председательством А.Е. Гутора.

1. Комиссия по организации и штатам – В.Д. Туров
2. Комиссия по пересмотру уставов – А.М. Сиверс
3. Комиссия по материальной части – А.И. Маркевич
4. Комиссия по практической стрельбе – М.А. Лисовский
5. Комиссия по боевому употреблению артиллерии – С.Т. Беляев

[1] См. приложение В.

6. Комиссия по осадной и крепостной артиллерии – В.А. Лайминг
7. Комиссия по выработке требований от новой полевой 3-дм пушки – В.Н. Вахарловский
8. Комиссия по траншейной артиллерии – В.К. Смысловский.

Из этих комиссий, как я уже записал, соединена 2-я и 5-я, а затем соединены 3-я и 7-я.

27 сентября было первое заседание комиссии С.Т. Беляева. На этом заседании среди других вопросов и решений избран президиум – Беляев, Сиверс, Руппенейт и Лисовский.

В свою комиссию пока завербовал Лисовского и Рыльского.

За это время собирались на заседания ВТР по понедельникам и Артотдел по пятницам (последний раз субботу 28-го, так как пятница был праздник).

Временно вместо заболевшего В.К. Смысловского по просьбе С.Т. Беляева я был на предварительном обсуждении артиллерийских тезисов для полевого устава (1 октября) и комиссий А.Е. Гутора по переработке полевого устава (2 октября). В воскресенье 29 сентября я переехал из квартиры Арнольда на Большой Левшинский переулок в дом № 13, квартира 7, где мы поселились с Бекетовыми. Комнаты большие, удобные и, главное, стол – дома. Не надо бегать по разным столовым. Но цена, кажется, будет больше, чем у Арнольд[ов] – зато тишина, покой и отсутствие «кабака» и «хаоса».

Последние новости Мировой войны, полная победа союзников над Болгарией, которая заключает мир и таким образом выбывает из строя. Этим Турция отрезается от Австро-Германии и тоже начинает мирные переговоры. Сегодня в газетах пишут, что англичане взяли Дикмюде[1]. По-видимому, у союзников наступление началось всерьез. Дай Бог, чтобы немцам было наконец возмездие. Сильная нация, доблестная, но слишком возгордившаяся – ей необходим хороший урок. Еще раз (вероятно, не последний): поживем – увидим.

Читаю книгу С. Нилуса «Близ есть, при дверех» о близости пришествия антихриста и конца мира. В этой книге напечатаны протоколы собраний сионистских мудрецов, которые уясняют деятельность еврейства к захвату власти над всем миром. Среди намеченной программы есть много глубокой правды, учитывая которую заправилы еврейства используют для выполнения своих задач.

[1] По видимому, город Диксмёйде в Западной Фландрии.

Привожу некоторые определения из протоколов:

– В начале общественного строя люди подчинялись грубой и сильной силе, потом – закону, который есть та же сила, только замаскированная. Заключение: право – в силе.

– Политическая свобода есть идея, а не факт.

– Эту идею надо уметь применять, когда является нужным идейной приманкой привлечь народные силы к своей партии, если таковая задумала сломить другую, у власти находящуюся.

– Было время – правила вера, в настоящее время – власть золота.

– Идея свободы неосуществима, потому что никто не умеет пользоваться ею в меру. Стоит только народу на некоторое время предоставить самоуправление, как оно превращается в распущенность.

– Великие народные качества – откровенность и честность – суть пороки в политике, потому что они свергают с престолов лучше и вернее сильнейшего врага.

– Чтобы выработать целесообразность действия, надо принять во внимание подлость, неустойчивость, непостоянство толпы, ее неспособность понимать и уважать условия собственной жизни, собственного благополучия.

– Толпа – варвар, проявляющий свое варварство при каждом случае. Как только толпа захватывает в свои руки свободу, она ее вскоре превращает в анархию, которая сама по себе есть высшая степень варварства.

Как все это применимо сейчас, а протоколы появились до 1904 года.

8 октября

Совершенно не читаю газет, а потому не слежу за текущими внешними событиями, а между тем они назревают с особой важностью. По отрывочным сведениям, которые доходят до меня, картина рисуется очень неблагоприятной для Германии. Вчера болтали про отречение Вильгельма в пользу сына – весьма возможно, так как, представляю себе, насколько этот человек устал душой и насколько он убит нравственно несбывшимися надеждами, нет, не надеждами, а упованием и верой в полную победу Германии.

Лично я, конечно, радуюсь, что столь горделивые и самоуверенные замыслы рушились, но, с человеческой точки зрения, конечно, могут опуститься руки, видя, как рушится то, что еще несколько дней казалось[1]

[1] Так в тексте.

так достижимо. Сегодня нет подтверждений об отречении Вильгельма — и это похоже на него, как правдоподобно был бы его уход на покой[1].

В Болгарии, по-видимому, дело обстоит весьма серьезно, очевидно, разгром болгарской армии полный.

Как, однако, нарушена теория, что война окончится победой или поражением на главном театре. Между тем, второстепенный, болгарский театр приобретает первостепенное значение. Очевидно, война изживается. Устали морально все воюющие стороны, и небольшой шок заставляет уже искать мирного выхода.

Если мир будет явлением свершившимся, как он отразится на нас? Что предпримут союзники, будут ли они «приканчивать» Германию — эту семиголовую гидру, или же, войдя с ней в соглашение, «нагнут», т.е. поручат ей привести нас «в порядок»? Опять: «поживем — увидим». Кажется, я уже не первый раз задаю вопрос: есть ли люди, которые могут хотя бы очень схематически нарисовать мало-мальски правдоподобную картину близкого будущего? Или и они также говорят «поживем — увидим»? Среди моих знакомых люди исключительно второй категории. Итак, во внешней политике я совсем неграмотен — газеты дорогие. Одну читаешь только, да стоит немалых денег, а несколько — совсем не по карману.

А карман пуст. Любопытно записать некоторые цены. Лет 5–10 тому назад возможно ли было бы себе представить, что фунт черного хлеба 7,50–9 рублей, мука 350–400 рублей пуд ржаной, арбузы продают 15–40 рублей штука, ягоды 3–7 рублей фунт, яблоки 15–40 рублей десяток. Колбаса 30 рублей фунт, мясо 13–16 рублей фунт, чай и кофе около 20–25 рублей фунт, какао 45–60 рублей фунт. Молоко 4–5 рублей бутылка, масло сливочное 34 рубля фунт. Картофель 1–1,50 копеек фунт. Да и то всего этого достанешь с трудом, при этом масса дорогих и бесполезных продуктов — икра 40–50 рублей, балык 30–40 рублей за фунт. Табаку нет — покупаешь микроскопическими дозами, а иначе за большие деньги от 110 рублей за фунт. Папиросы тоже в такой же оценке, т.е. 120–140 за тысячу. Сигары Гаванеры — 10–12 рублей десяток плохих, заграничные около 200–400 рублей сотня. Вот и живи, как хочешь или, вернее как, умеешь. Ботинки в Экономическом обществе (московском) 175 рублей, а в продаже от 190 и до 600 рублей. Сукно около 100 рублей аршин.

Мой заграничный костюм уже обнашивается, и заменить его нет де-

[1] Так в тексте.

нег. Ужас берет от мысли, что начинаешь «падать», а на возможность останется «без места» — безработным, прямо закрываешь глаза. А что карьеры не прочны, этому примеров много. Так, ушел со сцены Бонч-Бруевич, а казалось, что он прочно сидит в Высшем военном совете. А смена начальника Всероссийского Главного штаба — был Стогов, недавно заменен Свечиным, вот и он уже «уходит». На днях — в субботу 5-го числа — заходил узнать у Шиманского о судьбе ЦДКом[1]. Он передал все «дело» с моей запиской и своим заключением Э.М. Склянскому, который отложил пока в сторону, так как очень занят более важными делами.

Чем-то вся эпопея кончится? «Поживем — увидим».

Говорят, журнал «Военное дело» дышит на ладан — жаль. Хорошие силы приняли участие, статьи интересные. Кроме артиллерийских, которые ниже критики.

Нет времени, и устаю, а то следовало бы написать свои «Миниатюры» (как называет С.Т. Беляев) под названием: «Из военной книжки артиллериста». Попробую исподволь продолжать писать: если «Военное дело» еще поднимется, отдам туда, нет — может быть, издам самостоятельно. Хотя сейчас издать стоит больших денег.

Не едет что-то Кутузов, получил письмо от него — был болен. А мне бы его нужно было получить делопроизводителем в уставную подкомиссию.

В субботу заходил Микеладзе, просит привлечь к уставным работам Н.А. Крутикова, который арестован в Петрограде, и никто не знает его судьбу. За что он взят, тоже неизвестно, впрочем, разобрать «за что» вообще трудно, сидел же и долго Головачев, а на что человек безобидный, да и умом не блещет. Может быть, это и причина: не разобрал, что и как, и сунулся в какую-нибудь организацию. Сколько люди делают нелепых вещей, совершенно забывая афоризм: «что противно природе, к добру не ведет».

Конечно, сидеть в подполье по системе «моя хата с краю» не почтенно, но все же это лучше, если не обладаешь умом, волей, энергией и не имеешь «около себя» серьезную силу. Да и ум нужен для дел политических «государственный», т.е. могущий предвидеть и учесть. Надо также знать досконально и принципы политики.

Без таких данных соваться куда-либо — это провалить дело, и самого себя загубить. Одним словом, выражаясь вульгарно, с малым нечего и соваться. Нужен крупный масштаб, а не мелкое плавание.

[1] Центральная демобилизационная комиссия.

10 октября

По газетным сведениям, умер Алексеев — он уже давно болен, удивительно, что прожил еще столько в такое смутное время. Умный человек, но не внес ничего в войну. Говорят, Галицийская операция его разработки, честь и слава... но большего ничего не дал — великий отход тоже его «дело», тут уже нельзя сказать спасибо. И тогда считалось, что мы «ушли» слишком далеко, и теперь мое убеждение остается тем же. Затем, как наштаверх и главковерх он не внес ничего. А дальнейшие выступления уже совсем не только никчемные, но и вредные. Нельзя идти ни с чем; очевидно, как больной, он допускал «вести» себя, не имея уже воли уклониться и отсоветовать тем горячим головам, которые, имея добрые мысли, добрые побуждения — действуют опрометчиво без государственной дальновидности. Во всяком случае, Царство ему Небесное — хороший как человек, кристаллический работник за совесть.

Как надоели слухи о «смерти» ЦДКом — опять какая-то девица-почтальон Новинского бульвара сообщила, что приказ о расформировании подписан. Неопределенности в настоящее время нервируют помимо воли, придаешь значение всякой девице.

Сегодня спешно составлял требовательные ведомости на увеличение содержания. Хоть бы поспеть получить до разгона ЦДКом!

Нервное, голодное время, все как-то настроены волками. Недоразумение у Беляева с большой Комиссией ГАУ. На заседании комиссии Беляев предложил вопрос о центре тяжести работы по боевому употреблению артиллерии в отношении маневренного или позиционного переезда. Оказывается, вопрос этот был уже решен большим совещанием[1], которое, узнав о поднятом Беляевым обсуждении,— составило протокол, чтобы комиссия не уклонялась в решение вопросов, выходящих из рамок составленного вопросника. Беляев нашел это неприемлемым и пригрозил уходом. Дурляхов и Вахарловский, которым Беляев высказал свое «откровенное» мнение, «решили» аннулировать протокол.

Так голодные люди ведут дела, кусая друг друга, не имея, что укусить из провизии. Прежде подставляли подножки, дабы самому стать на место того, против кого ведут подкоп,— сейчас трудно уловить причины,

[1] По-видимому, имеется в виду «Совещание для использования опыта войны 1914–1918 по отношению артиллерийской материальной части и употребления артиллерии в бою», созданное по приказу начальника ГАУ № 385 от 25.08.1918 г. Возглавлял его выдающийся конструктор лафетов и орудийных установок Р.А. Дурляхов.

почему люди делают друг другу неприятности. Или по старой привычке, или от тяжелых условий жизни.

Тяжесть жизни, безусловно, отражается на всех, особенно заметно на «простом» народе, на пролетариях, по новой терминологии. Они были грубы, но это по природе – от подчиненного положения, хотя часто было и добродушие, и условная вежливость. Сейчас все это сошло, как налет, как позолота, – остается грубость внутренняя, которая вышла наружу. Надо слышать резкие, грубые ответы по самым пустым поводам.

Никому не живется легко в это переходное время.

Говорят, бывший генерал Болдырев командует военными силами в Сибири. Как он попал туда? Интересно, что там делается, какая организация, кто руководит всем происходящим? Знают ли это главари нашего правительства или они также не осведомлены? Как не осведомлены воюющие стороны во время войны. Как во время войны многое удается через нейтральные страны.

Вчера встретил Хомутова, бывшего офицера Петроградского окружного артиллерийского управления. Он говорит, что три недели назад было сведение, что Лехович живет в Херсоне. Хомутов собирается в Киев, просил его узнать точный адрес Владимира Андреевича.

19 октября

Разгон ЦДКом совершился – относительно в приличной форме. В приказе по Центральному управлению снабжения от 10 октября за № 21 объявлено:

Во исполнение распоряжения Председателя Революционного военного совета республики от 2 октября предписывается

1. Ц.Д. Ком расформировать, уволив ее личный состав установленным порядком.

Далее в остальных четырех пунктах указано, как выполнить расформирование.

Через две недели после получения этого приказа (получен 11 октября входной № 3325), т.е. 25 октября, мы будем ликвидированы. Снова ищи места. На помощь опять пришел С.Т. Беляев – в штабе ТАОН перемены: Ю.М. Шейдеман уходит и на его место назначается М.А. Лисовский. Так вот, предлагают на место помощника к нему – содержание 1500 рублей в месяц. Принципиально я ответил согласием – все же лучше, чем ничего. Материальная сторона вполне удовлетворительна и содержанием, и выдачей красноармейского пайка.

Что касается честолюбия, то я за ним больше не гоняюсь. Я получил полное удовлетворение в прошлом — не помню, писал ли об этом, повторяю это уже, но, во всяком случае, это вполне искренно. Пусть никто не заподозрит, что, вспоминая несколько раз, я тем самым гипнотизирую себя и занимаюсь самоутешением. Наоборот, мне именно хочется подчеркнуть, что в настоящее время меня заставляет браться за работу «в какой бы то ни было» должности лишь отсутствие средств к жизни.

В прошлом, конечно, я предпочел бы жить на пенсию, но не хотел бы на должность, меньшую той, какую я занимал, но сейчас, когда нет цены и расценки ни материальной, ни должностей, все это до того безразлично, что останавливаться перед этим не стоит. Тут нужно учитывать лишь средства к жизни и тех людей, с кем будешь сталкиваться. В последнем отношении М.А. Лисовский вполне подходящий человек, и наоборот, атмосфера службы Новинского бульвара в сообществе с моральным шантажистом Мартыновым и просто хамом (начальник канцелярии ЦУС) Евецким[1] меня начинала раздражать и нервировать. Есть, конечно, и в ТАОНе «но», но это вопрос иного порядка — с ним приходится считаться. Очень рад, что удалось туда же устроить и моего помощника по ЦДКом — А.В. Пономарева — начальником отдела.

Вчера зашел ко мне Н.Н. Сиверс — его управление (Главзагран) сокращают в виде «отделения» ЦУС, почему и содержание уменьшается до 1180 рублей — т.е. столько, сколько получал и я. Николай Николаевич хотел устроиться в другое место, но, по-видимому, это не так легко, поэтому он склоняется пока остаться во главе своего отделения. На днях он снова едет в Вологду и через две-три недели вернется совсем.

В провинции, конечно, не так голодно, но зато и менее устойчиво, настроения так переменчивы, что арест возможен по всякому поводу. Он рассказывал, что в Петрограде был арестован и посажен в Петропавловскую крепость А.А. Сиверс. Четыре дня он побыл в ужасных условиях — 19 человек помещены в одиночной камере, спали на голом полу. Затем его освободили, как оказалось, по требованию германского консула. Хлопотала об этом Александра Гастоновна (бывшая его жена, урожденная Эшен).

Арестован также в Петрограде и бывший генерал А.И. Черепенников.

Здесь тоже пришлось натолкнуться на историю ареста М.И. Дунина-

[1] Ранее в тексте назван Евневичем. Но речь идет об одном и том же человеке. МОЖЕТ ПРОСТО УНИФИЦИРОВАТЬ ЭТОГО ЕВНЕВИЧА???? Нельзя. Исторический документ

Борковского. Третьего около шести часов вечера пришла сестра Елизавета Михайловна в слезах и рассказала о случившемся. Просила помочь, но как это сделать? По нынешним временам и сам влетишь в крупную неприятность. Я совсем не знаю ни что делает, ни как делает М. И[1]. В жизнь сестры Надежды Михайловны он внес столько горя, поступил большим мерзавцем, что рисковать чем-либо для него он не заслуживает[2]. Притом я совершенно не имею никакого прикосновения к морскому ведомству, чтобы узнать, за что он схвачен. Если он не причастен ни к чему, его, конечно, освободят – вопрос лишь в продолжительности его ареста. Если же у него есть какое-либо темное дело, то, конечно, никакие просьбы не помогут.

Печально, но помочь – мне – невозможно.

26 октября

Вчера окончательно закончилась эпопея мертворожденной комиссии. В четверг отвез «дела» комиссии в архив, а вчера сообщил сношением за № 2353 главному начальнику снабжений о расформировании. Итак, на деле поставлена точка. Я очень рад, так как последнее время я ходил на службу с тяжелым чувством и тяготой на душе.

Конечно, в преждевременной смерти комиссии виноват я сам. Надо было «сделать» около нее больше шума. Надоедать проектами ее расширения и изменения функций, увести в другую область – так делал Нейман, завотделом имущества, так делал Мальчиковский с Техническим комитетом и канцелярией ЦУС – но результат-то их «дела» почти тот же. Если их детища остались, то только потому, что они не мертворожденные, а существовали и раньше, хотя под другим наименованием, но зато сами должны были также уйти. И тот и другой. Стало быть, нет «лиха», что я не тратил сил «попусту», не гонялся за «интересом», ибо результат был бы, вероятно, тот же, но я не сохранил бы «лица», известной меры

[1] Имеется в виду Михаил Иосифович Дунин-Борковский, муж Надежды Михайловны Сиверс.

[2] Из этого отрывка и последующих кратких сообщений дневника о встречах с Дуниными-Борковскими явствует, что брак М. И. и Н.М. Дуниных-Борковских не был счастливым и распался по вине Михаила Иосифовича, ушедшего к другой женщине. Поразительно, что этой женщиной оказалась, по всей видимости, свояченица М.И. Дунина-Барковского, Елизавета Михайловна Сиверс. А.М. Сиверс, не захотел понять и принять этого и свел общение с ближайшими родственниками к минимуму. В своем дневнике он говорит о них очень сухо, лишь отмечая, что они к нему заходят. Только один раз он называет Елизавету Михайловну домашним именем Ляля.

«достоинства».

Грустно все же видеть, что Нейман (кто бы он ни был — хороший или дурной, я его не знаю) до сих пор околачивается на Новинском. Ушел — и до свидания, туда можно войти лишь по приглашению, на более высокий пост.

Я говорил, что честолюбие мое уже вполне удовлетворено и в дальнейшем руководителем действий не может служить, тем не менее, тут, т.е. в вопросе о месте на Новинском же, нельзя им не руководствоваться. От отказа от честолюбивых планов до унижения (а я именно считал бы унижением и хлопотать, и брать место на Новинском) дистанция огромного размера.

Итак, конец. Должен был поступить в ТАОН — помощником начальника, но, оказывается, что это место связано с уходом Ю.М. Шейдемана. А уходит ли он, еще определенно неизвестно. А так как люди о своем уходе любят болтать, а затем и перерешать, то должность-то еще для меня не вполне обеспечена.

Это очень меня не устраивает, так как ресурсы жизни истощены, получить поддержку сложно и требует времени. На этой неделе шел снег — наступает настоящая осень, а за ней зима. Квартиру не топят — в комнатах сейчас температура держится 10–11 градусов. Замерзаю и с трудом работаю. Теплые вещи — фуфайки, чулки, пиджак меховой и полушубок, все. Что было бы полезно, все осталось в Петрограде в складе. Как достать?

Кстати, о Петрограде — не ожидал, что Высоцкий окажется не корректным в денежном отношении. У него оставлено много вещей для продажи, часть продано, но денег не высылает и даже не пишет. Мелкий счет и с магазином Богачева, тоже никакого известия. Как трудно в денежных делах найти кристальных людей!

Получил письмо от И.П. Михайловского — продолжает служить, получал 870 рублей в месяц. Пишет, что дороговизна продуктов заставила перейти на довольствие в общественную столовую! Очень характерна фраза: «Да, старый друг, невеселые мысли приходится нам с тобой друг другу выкладывать на бумагу!»

Внешняя и внутренняя политика почти исчезли из моего дневника, а жаль — интересно было бы впоследствии прочесть и вспомнить то, что было. Правда, трудно заниматься этим делом, надо систематически читать газеты и изучать все происходящее, чтобы дать хоть мало-мальски правильную оценку. Иначе все будет или пересказом обывательских

слухов и фантазий, или оценка личная, совершенно далекая от истины.

Конечно, в личном дневнике интересны личные взгляды на происходящее, но, во-первых, это будет смешным, если мои мысли (истины), не основанные на изучении, а поверхностные, будут совершенно расходиться с действительностью, а знать ее нельзя, надо углубиться или в соответствующие знакомства, или же, как я указал, серьезно изучать события. Изучать надо непременно, так как газеты выходят лишь одного лагеря и потому имеют определенную окраску, да и при существовании газет разных политических течений надо их также «изучать», чтобы дать свое заключение.

Вот поэтому-то сейчас и не читаю никаких газет и довольствуюсь рассказами и слухами. Думаю, что и хорошо делаю, ибо слухи ежедневно меняются, давая совершенно противоположную окраску самой сути события.

Итак, пока политика исключается из дневника, да, по правде сказать, и некогда. До сего времени до 5 часов был занят, вечером устаешь – или нужно бывать в комиссиях, или что-нибудь подработать. Совсем и нет времени углубиться в эту политику.

Заканчиваю книгу Нилуса – она на меня не производит сильного впечатления, во всяком случае, того, как, по-видимому, желает автор. Конечно, богоотступничество идет, и чем дальше, тем сильнее. Когда все идет хорошо и гладко, о Боге не вспоминаешь, к Нему обращаешься лишь в момент несчастья и отсутствия душевного равновесия. Культура, создающая удобство жизни и способы достижения этих удобств, естественно, отдаляет от Бога. Поэтому простой народ, как менее причастный культуре, ближе к Богу (может быть, по своей темноте лишь внешне, но есть и искренно верующие, это несомненно). Что же касается масонства, отождествляемое Нилусом со служением Люциферу, то ведь оно почти исключительно распространено в высших слоях, и я сказал бы денежных, т.е. обеспеченных слоях, пресыщенных земными благами. Что оно в тесной связи с еврейством, тоже вероятно, но ведь денежная аристократия – еврейская, также верно.

Вот работа еврейства и их замыслы для меня неясны. Что работа идет, это ясно, но в чем она, насколько она в духе тех проблем, которые вкладывает Нилус,– я не знаю. Чтобы знать, надо быть ближе к этим делам, людям и литературе.

Так, верить исключительно Нилусу, я еще не могу. Вероятно, указанная им работа идет, но наряду с ней мы видим – идет и работа социалисти-

ческих теорий. Эти идеи имеют много привлекательного, но на практике они не всегда выливаются в идеальные формы. Я искренний противник «потрясений» — широкой «революции», мне более по душе мирная «эволюция» социальных благ. Но ведь это свойство моего характера, свойство души. Иной применяет один метод, другой — совершенно противоположный.

Я стою за установление принципов — «что хорошо» и в постепенном достижении этих определенных благ. По-моему, перейти сразу к идеальному невозможно — но ведь не все же обязательно согласны друг с другом. Другие считают противоположные пути для достижения того же.

Все же прочесть книгу Нилуса интересно и полезно. Кстати, любопытно выписать из нее кое-какие данные — например, статистические сведения о вероисповедании на земном шаре.

	1885 г.	1910 г.
Численность всех обитателей	1 461 285 500	1 544 510 000
Христиан	430 285 500	534 940 000
Магометан	230 000 000	175 290 000
Евреев	7 000 000	10 860 000
Язычников	794 000 000	823 420 000(*)[1]

29 октября

13 октября был декрет об обязательном применении нового правописания с 15 октября, хочу попробовать — что выйдет. Возможно ли привыкнуть и насколько оно будет удобнее. Частично я уже ввел давно это изъятое «ъ» и замена «э». Самое сейчас странное — это отсутствие «ѣ» и «і», а также изменение окончаний и других правил. Попробую.

Получил письмо от Б.Н. Кутузова — ждет моего вызова, без которого не выпускают из города — курьезные порядки. Телеграмму послал ему 27-го с предложением участия в Уставной комиссии. Очень хотел бы его повидать.

Замерзаю, в комнатах температура держится 10–11 градусов. Нет возможности согреться — сижу в меховой куртке, но это не помогает. Руки и ноги холодные, все время дрожу. При таком положении заниматься

[1] В том числе последователей Конфуция — 300 млн браминистов — 214 млн буддистов — 121 млн остальных, менее значительных, вероисповеданий — 188 420 000. (Примеч. авт.)

нелегко. Даже голова хуже работает.

До чего, оказывается, глубоко сидит в каждом человеке хамство. Если несколько ослабить сдерживающие начала, то хамство сейчас же выступает наружу.

Вчера около двух часов дня приходит курьер от начальника канцелярии ЦУС Евецкого, и говорит, что меня сейчас же требуют к нему, там кто-то сидит и дожидает.

Конечно, слово «требует» в счет не идет, это обычное выражение не разбирающихся в тонкостях этики передатчиков, но приглашение прийти на словах без письма и записки – невероятное хамство. К сожалению, воздержался, и на записке, правда, без обращения, карандашом написал, что занят и прийти не могу.

При таких условиях «свободы» невоспитанность – Евецкий офицер гвардейского полка (3-й дивизии) Генерального штаба – что же ожидать от других; как же рассчитывать, что новое строение государства пойдет по здоровому пути. Сейчас, когда внешних побудителей нет, необходимо самому возможно строже относиться к своим поступкам и чаще проверять себя.

1 ноября

Действительно, хамство и больше ничего, 29-го получил записку от Евецкого, что главный начальник просит прибыть. Не то, но все же еще коекак допустимо. 30-го пошел получать деньги и, кстати, зашел к Евецкому – начал в неподходящем тоне, мне пришлось перебить и, во-первых, сказать, что если тон будет такой и дальше, то я уйду, а затем спросил: совсем ли отменена вежливость. Обычно, когда приглашают, то пишут письмо, бумагу – в крайности, записку, но требование через курьера неприлично. Извинился!

Вызывали меня по ерундовым делам – куда сданы дела, точно сами не знают, а затем какой-то проситель, тоже оригинально, мало ли кто будет приходить – из-за всех меня будут вызывать.

Ну, довольно факт не важный, хотя очень характеризующий дух времени и нашу только «наружную» шлифовку. Внутри же сидит хам. Интеллигенция не отличается в лучшую сторону, а притом, это внешность, лоск, наведенный сверху, оказался так различествуемым от внутреннего содержания – то это бросается в глаза еще резче.

Закончил книжку С. Нилуса – любопытна его характеристика истории человечества под углом зрения христианской Богооткровенной веры:

«Исходный пункт истории — грехопадение первозданной чести и добровольное подчинение ее свободной воли искусителю-дьяволу.

Поворотный — искупление человечества по вере в Искусителя, Сына Божия, восстановление через Него союза Бога с человеком, нарушенного первородным грехом.

Конечный — великое отступление, внешнее и кратковременное торжество Сатаны и посеянного им в сердце его добровольцев зла, Страшный Суд и «новое небо и новая земля, идеже правда обитает».

Затем, далее не менее интересно его утверждение, что «враг-дьявол вел доселе свою борьбу на два фронта, подготовляя грядущего антихриста: Синедрионом масоно-еврейства во главе с духовным руководителем своим антипапой и Орденом иезуитов во главе с черным папой. Синедрион готовил миру царя сионской крови, иезуитство — царя в лице Римского первосвященника.

Но Господу не угодно было, чтобы из недр христианства родился «человек греха» и «сын погибели»: трагическая и страшная честь соблюдена на конец времен жестоковыйному народу-богоборцу.

Синедрион сломил соперничество Ватикана. Вначале папский престол имел верх над Синедрионом. Казалось, что с сожжением главы ордена храмовников (тамплиеров) Жака де Моле (1314 г.) и жестокими казнями участников рыцарей совершенно уничтожена деятельность масоно-еврейства.

Однако сам Синедрион оказался неуловимым и перекочевал из Франции в Шотландию, где под именем масонов разных наименований вступил в союз с Англией, обещав ей совместное с собой владычество над миром. И до наших дней Синедрион не изменял слова — Англия «владычица людей» и «мирового богатства». Отсюда, поправ Европу и все ее колонии сетью масонских лож, Синедрион, обладая несметными богатствами, при общем падении христианского духа, овладел духовной жизнью народов. С помощью закупленной печати, продажной совести лиц, стоящих у власти, извратил политические учреждения, расхитил материальное благосостояние, а с ним и физическое здоровье.

Крупной победой Синедриона над папством было провозглашение «свободы совести» в 1532 году после работы такого борца масонства, как Лютер.

С 1534 года и до начала XVIII века орден иезуитов не без успеха тормозил дьявольскую работу масонства. Но, борясь «во славу божью», подразумевал под богом римского первосвященника, а потому, не имея за со-

бой истинного Бога, иезуиты должны были, естественно, уступить поле битвы своему противнику, что совершилось в конце XVIII века.

Последняя попытка Ватикана побороть Синедрион была предпринята уже в наши дни папой Львом XIII, учредившим в 1880 году франко-австрийский католический банк в Париже под названием «Union Générale» с директором Бонту во главе. Это грандиозное финансовое предприятие должно было «раздавить» капиталами католического мира – мир еврейский с капиталами масонства «всемирного израильского союза», управлявшегося Ротшильдом (Париж). Однако и эта борьба была выиграна Синедрионом – Бонту был ложно обвинен в каком-то подлоге и посажен в тюрьму. Несмотря на то, что он был выпущен через несколько часов, скандал был сделан, цель достигнута – вкладчики «Union Générale» потребовали свои деньги. Католический банк лопнул, просуществовав лишь два года.

Вместе с этим, капиталы стали стекаться в кассы банкиров Синедриона, и с этого времени уже не было преград еврейскому завоеванию».

5 ноября

Бестолково уходит время – много происходящих домашних дрязг, которые мешают и работе, и записи дневника.

То бестактное обращение наших сожителей Бекетовых с прислугой, которая, надо заметить, воровата и похабна. Но все же главным образом причиной квартирных непорядков отсутствие достоинства и умения вести себя «господ». С прислугой теперь надо быть очень осторожным, но в то же время и твердым, а самое важное, не делать и не говорить глупостей.

Поражает меня в Бекетовых, богатых людях, воспитанных и прелестных – меркантильные качества, желание если не урвать, то не упустить копейки, хотя бы это было в ущерб другим. Беречь «копейку» одно, а выуживать – совсем иное.

Ну, Господь с ними.

Приехал Б.Н. Кутузов – очень рад ему; если он будет серьезно работать в комиссии, то это облегчит мне работу. Приятно также то, что стопроцентно свой человек.

Вчера было заседание президиума совещания А.Е. Гутора при ГАУ, куда были приглашены председатели всех образованных комиссий. Произвело оно на меня удручающее впечатление. Средств заранее не обеспечили, а теперь делайте, как хотите, как-нибудь. Канцелярской принад-

лежности не дают, а между тем она дорогая, и на свои деньги заводить невозможно. Средств рассмотрения написанного нет, рассылать пакеты и извещения не с кем. Затем, и люди подобрались там желчные и не идущие навстречу, а, скорее, вставляющие палки в колеса.

Дурляхов производит впечатление, точно он издевается над всеми, а секретарь Руппенейт совершенно неприличен. Не только потому, что некорректен в манере работы, но он еще некорректен в разговоре.

Вообще ГАУ сохранило свою физиономию прежнего режима — та же клоака, если еще не хуже. В такой и с такой компанией работать трудно.

Это все житейские мелочи — сейчас на мировой сцене совершаются великие события. Болгария уже вышла из строя, Турция капитулирует, освобождая Дарданеллы и выход в Черное море. Австрия разваливается, народности объявляют свою независимость. Если верить газетам, то кроме политической (национальной) революции поднимается еще и социальная.

Держится еще Германия, но уже не в том ореоле величия. Победа над нею — акт возмездия, но все же надо преклониться перед той мощью, с которой она вела борьбу. Изумительная подготовка; совершенство техники, все время усиливавшаяся, и наконец, действительно железная дисциплина. Сверх же всего — глубокий патриотизм, любовь к родине и вера в мощь народа.

Так разворачиваются в настоящий момент политические события. Как больно на душе, что мы не только в стороне, но стоим, как зачумленные, никто с нами не считается, а только делят нас. Да что делят, это бы еще полбеды — важнее то, что мы потеряли удельный вес. Из великой державы мы обратились в «quantité negligeable»[1] ...[2] Персию, Турцию, что угодно, только Великая Россия пока исчезла.

Это угнетает, это оскорбляет.

А между тем, были возможности — только не сумели их взять в руки. Отсутствие предвидения и государственного ума, как бывшего правительства старого режима, так и руководителей нового курса государственного устроения России.

Не первый раз приходится вспоминать, но это «старая песня всегда нова». Слишком больно, слишком тяжело.

Вчера в ТАОНе узнал, что Шейдеман уходит, получил назначение

[1] пренебрежимое количество (фр.).

[2] Здесь и далее отточия в тексте поставлены самим А.М. Сиверсом.

на место Зейца. Теперь, стало быть, будет решена моя судьба – упросит ли меня к себе Лисовский помощником, как обещал. Напрашиваться не буду.

Обстановка в ТАОНе мне не понравилась – какая-то беспорядочная толчея. Полная распущенность отношений и работы.

Если даже и поступлю, то все же буду искать частного места.

7 ноября

Газеты и устные передачи «углубляют» сведения об окончании войны, то тем, то другим из воевавших в союзе с Германией государств. Сейчас пишут об окончательном выходе из войны Австро-Венгрии, которая к тому же распадается. По газетам, там социальное движение, по слухам – национальное. Большого значения, то движение или другое, не имеет – распад Австрии, по-видимому, имеет реальное осуществление. Различие в мотивах может играть роль только в отношении продолжительности течения нового устроения.

Новые события нарастают в таких формах, что ни предугадать, ни обнять во всей их совокупности невозможно.

Вчера в газетах указано на недоброжелательное отношение Германии к советской власти. Дипломатические агенты Германии отзываются, а послу Иоффе предписано выехать из Берлина в 24 часа.

Поводы, по-видимому, притянуты, как говорят, за волосы ... ибо они существовали и до «сегодня», однако не вызывали до сих пор такой спешности репрессий. Интересны «причины» – не зная их, все остается в виде голого факта и потому не имеет того интереса, если бы рядом были вылеплены и действительные причины. Вчера приходил А.В. Пономарев – принес поручение М.А. Лисовского зайти в ТАОН [в] субботу для обсуждения ... очевидно поступления на должность помощника начальника ТАОНа.

Ну, что же – неприятная сторона, поездки по гостям. Никогда не любил ездить без комфорта, а теперь в особенности. Посмотрим! Ничего не поделаешь: когда надо «зарабатывать» содержание, тогда не приходится быть щепетильным в деталях. Главное, не допускать сделки с совестью. Необходимо во всяком положении, во всяком деле сохранять порядочность.

Утеря порядочности показатель внутреннего «хамства» – пример ... Евецкий, Шиманский, Соколов, Ильинский с Новинского ... Руппенейт, Дурляхов, Маркевич (молодой) и многие другие.

Наоборот, насколько привлекает воспитанность и внутренняя чисто-

та. К таким лицам я бы отнес Байова, Беляева, Рыльского... упоминаю небольшое число, так как эти люди исключительны — остальные занимают промежуточное положение, приближаясь к той или другой крайности.

Это деление, конечно, существовало и раньше, но... внешняя шлифовка, идеи дисциплины, идеи зависимости (будем откровенны) заставляли людей быть более корректными во взаимных отношениях. Сейчас нет удерживающих начал, и потому темные стороны характера отдельных лиц проявляются без всякой окраски, без желания даже себя сдержать. Дай Бог, чтобы настало время новой переоценки людских отношений, и уважение к чужой личности явилось бы не по принуждению (палки), а по идее, чтобы люди сами поняли необходимость уважать друг друга и относиться прилично.

Вчера с 12 часов дня началось чествование годовщины вступления Советской власти во главу Русского государства. С этого часа должны быть прекращены все занятия и закрыта торговля. Празднование назначено и на сегодня. Обещаны два фунта хлеба на человека и другие продовольственные блага.

Пока получили только масло. Хлеб еще не выдан, хотя уже 2 часа дня, а о «прочем» не слышно.

Писание по новому способу совершенно не прививается, легче всего писать без «ѣ», труднее заменять «і» буквой «и»; что же касается окончаний и уничтожения «онѣ», «ея» и проч., ввести совсем не могу.

11 ноября

Пятницу 8-го числа в заседании уставной подкомиссии Лисовский передал приглашение быть помощником начальника ТАОНа. В субботу затем около 12 часов в Леонтьевский переулок, где чувствовал приветливое настроение[1]. Шейдеман сказал даже очень теплое слово, что он очень рад, что я согласился на должность.

(Невольно свернул на прежнюю орфографию — значит, не очень-то настроил себя на писание по-новому — буду следовать дедовским заветам.)

Сегодня сдал в Счетную часть ВЗС отчет расхода аванса в 2000 по ЦДКом — последнее звено с Новинским бульваром.

Газеты полны телеграмм из Германии о революции. Начало идет от моряков в Киле[2], затем упомянут город Altona и Берлин. Власть захва-

[1] Так в тексте.

[2] 3 ноября 1918 г. в портовом городе Киль произошло восстание кайзеровского флота, которое стало толчком к революции в Германии. 9 ноября 1918 г. восстал Берлин.

тили советы—какие? По газетным данным выяснить еще трудно. Пишут о расстреле 400 морских офицеров. Говорят, Вильгельм отрекся от престола за себя и за сына в пользу внука.

Упорно не читаю газет, а потому не могу ничего связать в событиях ни внешних, ни внутренних. Питаюсь только слухами.

Рассказывали сегодня, что в Туле рабочие провели новые выборы в различные советы, причем победа одержана меньшевиками—худо это или хорошо?! По неграмотности в политических делах совершенно не понимаю улучшения или ухудшения положения. Переживая с точки зрения новой борьбы, нового числа жертв,—конечно, хуже. Хотя большевики и называют «мягкотелыми» тех интеллигентов, которые расценивают политику и земные блага момента только в отношении «покоя», но я открыто должен признаться, что всей душой жажду и физического, и нравственного «покоя». Пусть величают «мягкотелым», но я так устал душой, что уже сил нет на энергичные выступления, а кроме того, не знаю, что же делать,—глубоко скорблю за всю разруху, за потери красивого, культурного, но определенно не верю ни в какой центр «освободителей»—«белогвардейцев» всех фронтов. Не верю потому, что сейчас нет, по-моему, убеждений, возможности собраний ни силы, ни средств для борьбы, не верю потому, что офицерство, ставшее в ряды, не способно к такой самоотверженной работе—нет духа, нет самопожертвования во имя идей—это бесцельная бравада, а в лучшем случае, добросовестное, но неумелое применение своих сил, ибо другого приложения они не нашли. Не верю и потому, что в массе пролетариата, настоящего пролетариата, большевизм пользуется полной симпатией—конечно, не в идейном толковании, которого никто не понимает. Беспорядки в Рязанской губернии, о которых тоже говорили сегодня, где будто бы изгоняют комитеты бедноты, основаны, естественно, не на идейной ниве, а на местном неудовольствии или данными комитетами, или на ниве все той же голодовки, или экономической неурядицы.

Конечно, непочтенно твердить только «не верю» и самому быть в стороне. Это верно, но все же предпочитаю быть за кулисами, если не чувствую таланта выйти на сцену. Что толку подойти к рампе, либо на посмешище публики, либо неумением вызвать бурю протестов, свиста и злобы толпы.

Надо иметь веру в себя, но надо уметь и оценить свои силы, свое знание и свою пригодность для той или другой работы, того или другого дела. Особенно, когда это касается государственных вопросов. Ну, это

заведет далеко — надо спуститься с облаков, на землю. Сегодня Н.А. Бекетова забастовала по кулинарной части, и потому мы все ходили есть в столовые. Как далеко продолжится такое положение, неизвестно. Я пророчу, что недолго, ибо скучно, дороже и голоднее.

12 ноября

Недолго ждать исполнения пророчества — сегодня Н.А. Бекетова ходила в «конфликтную комиссию» вместе с прислугой, где решили, что прислуга должна сегодня же уйти из квартиры, причем заплатить ей по декрету за две недели. Ввиду такого оборота дела и безусловной трудности довольствоваться в столовых Н. А. уже начинает говорить о скорейшем найме прислуги.

Итак, «эти милые люди» руководствуются не здравым смыслом и логикой, а лишь фантазией и капризом Н. А.

Сегодня первый день службы — пришел к 10 часам — никого, стали собираться к 10.30. Буду опытнее. Видел комиссаров, один Симонович (бывший офицер 51-й артбригады, знает меня по фронту), другой (без фамилии) бывший шахтер, оба молодые. Был Ю.М. Шейдеман, кончавший дела в штабе. Дела пока никакого, от 2–3 [часов] перерыв. Получил сегодня пять фунтов хлеба на пять дней, четверть фунта табаку и полфунта конфет. Несколько дорого выходит на еду в столовых. Хочется есть, а все стоит больших денег.

Приходил Е.Ю. Клейненберг — очень рад был его увидеть, он занимает должность инспектора тяжелой артиллерии в ГАУ, но название не соответствует функциям, он, так сказать, начальник отдела по тяжелой артиллерии. Живет недалеко от меня.

Ввиду событий на политическом горизонте, купил газету. Очень интересно введение передовой статьи Ю. Свердлова[1] «Будем на страже»: «События мчатся с такой быстротой, что настроение не успевает к ним приспособиться. Приходит одно известие — и восторг их охватывает душу; приходит второе — и чувство тревоги невольно закрадывается в сердце». Восторг — революция в Германии, тревога — противодействие союзников и их решение бороться с распространением социализма в той форме, в которую он вылился в России. По газетным сведениям, в Германии революция пролетариата, но пока сдерживаемая партией, опирающейся на буржуазию,— с Шейдеманом и Эбертом во главе.

[1] На самом деле Свердлов Яков Михайлович.

По слухам же в городе, в Германии революция буржуазная, отречение Вильгельма есть акт выполнения требований союзников, после чего он будет предан суду. Газеты же пишут об отречении Вильгельма как результат революционного движения. «Может быть, не пройдет и месяца, как Клемансо, Пуанкаре вместе с итальянским королем последуют по стопам Вильгельма...» Таким образом, приходится повторить мою «классическую» фразу: поживем—увидим! Увидим, где же настоящее.

Самое важное—это сохранить объективность и равновесие. Записывал с тем, чтобы в будущем прочесть и понять смысл событий; главнейшее, записывать лишь факты как они есть. Нет ничего более смешного, как пытаться давать какие-либо толкования тем или иным событиям, а затем убедиться, что действительность сложилась иначе. Таких положений будет чаще, чем тех, когда события развернутся так, как предсказал.

Чтобы верно предсказывать надо быть в курсе дела или тщательно изучать события, ежедневно следуя за ходом их развития, да и то еще надо обладать знаниями многих данных. Поэтому надо избрать за благо изображать «летописца», и вносить лишь явления, не разбирая их.

Встретил Бурмана (бывший начальник электротехнической школы), он сообщил, что его брат А. В. (бывший комарт Л-гв. 3-й и инаркор гвардейского, не помню которого—кажется, первого) умер. Совсем не старый, пожалуй, не больше, как на два года старше меня.

Вечером заходил Б.Н. Кутузов.

Из петроградских писем—очень плохо с продуктами. А.Н. Шлейфер и М.И. Ханецкий арестованы и находятся в Петропавловской крепости.

Кажется, все дневные новости.

13 ноября

Крестьянские бунты в Рязанской губернии, говорят о 17 уездах. Сегодня рассказывали про выступление трех уездов под Серпуховым, куда переехал Военно-революционный совет—было предположение вернуться назад в Москву. То же говорили о движении рабочих в Туле.

Революция в Германии развивается. Образовано правительство, какой партии, не могу записать, так как газет не покупал, но, по-видимому, левее нашего февральского, но и не коммунистическое. Интересно, в какие формы выльется новый строй Германии.

Любопытно, что и в Швейцарии тоже социалистическое движение, вместе с тем изгнали наших дипломатических представителей. Ничего нельзя понять во всей каше.

По дневным телеграммам, вывешенным на Тверской у бывшего Филиппова, Иоффе дан свободный проезд в Берлин.

Туркестан и Кавказ заняты англичанами — правильность сведений оставляю на совести сообщавших.

Кто-то уверял, что Сибирским правительством в приказе № 46 или 47 (даже номер указан) объявлено, что все служащие советским властям и находящиеся на фронтах подлежат смерти, все же остальные изгнанию из России. Если не явная нелепость, то несправедливое решение. Во-первых, по всем законам «войны», только вооруженные считаются «врагами», значит, не все подлежат смертной казни. Затем, изгонять придется очень многих — кто же останется? Для государственного строительства нужны люди; если всю рабочую интеллигенцию изгонять, то себе же хуже.

Впрочем, это мало страшно, ибо я положительно не верю в победу наших «белогвардейцев» всех фронтов. Если будет перемена правительства, то только двумя путями — или внешней силой, т.е. иноземной, или же историческим путем, т.е. настоящее силой вещей претворится во что-нибудь иное. При этом последнее мне кажется и наиболее вероятным. Сейчас все заняты «дома», каждое государство должно, прежде всего, разобраться в том, что происходит, и наладить изменение в государственном строе у себя, чтобы социальная эволюция прошла с наименьшими потрясениями. Стало быть, наша теперешняя «власть» проживет положенный срок и изменится естественным путем.

Я совершенно не убежден, что социально-демократическая и прочие партии будут лучше, а при насильственном перевороте, несомненно, будут новые жертвы. Что нынешняя власть изменится — не подлежит сомнению, так как народ не в состоянии выдержать всю разруху и финансовый крах. Бунты крестьян и, вероятно, со временем рабочих неизбежны. Какая конструкция новой власти заменит правителей сегодняшнего дня, я думаю предсказать не сможет никто. На мой взгляд, только не «победы» белогвардейцев будут вершителями судеб будущего. Поживем — увидим — эта фраза у меня стала такой же ходячей, как и куропаткинское «терпение».

15 ноября

В числе арестованных в Петрограде находятся: М. А. Беляев, Резвой (Рейнбот), Арапов, Щербов-Нефедович. За что, или, лучше сказать, почему? Сегодня в газетах есть сообщение, что убит германский кронпринц; по тому, что писали о нем раньше, он представлялся мне крайне

несимпатичным типом. Поэтому мне его, как человека, не жаль, но вообще я против всякой насильной смерти. Это не дело рук человеческих.

Интересных событий дня не было. Получил в ТАОНе первую работу – составление штатов военного времени.

В газете «Известия» есть статья о намерениях союзников по отношению к Советской власти, вырабатываемые в Яссах. «Окружение» начинает осуществляться. С юга Деникин с Добровольческой армией и десантами союзников, с востока Болдырев с кем неизвестно, от Пскова – Драгомиров, какие у него силы и войска не знаю.

Там же манифест Павло Скоропадского о том, что на долю Украины выпала счастливая и великая задача выступить для объединения всей России. Таким образом, по-видимому, совершилось объединение против советского правления.

Эти дни в Одессу, Севастополь и Новороссийск приходит эскадра союзников с десантами, а по условию с Германией другая эскадра союзников проходит проливами в Балтийское море.

Вот краткое содержание сегодняшней газеты. Вообще, события идут быстрым темпом, но все же, мне кажется, решение вопроса в ту или другую сторону будет нескоро. Велики пространства, скоро зима и морозы, когда всякие операции трудны. Поэтому никакие предсказатели не в состоянии указать хотя бы мало-мальски вероятный срок шока.

16 ноября

Из событий местного характера интересно нападение на денежный ящик на Новинском бульваре. Как рассказывают, банда около 40 человек ограбила кассу финансового отдела ВЗС на сумму более миллиона рублей. Сегодня было оживленное заседание уставной подкомиссии – разбирали устав оруд[ийного] учения в его будущей редакции.

18 ноября

Получил приглашение зайти к Е.К. Смысловскому получить деньги за заседания комиссии полевого устава (защищал его) и затем переговорить по делу. После заседания ВТР зашел и застал Е.К. Смысловского, который предложил мне быть его заместителем по должности инспектора артиллерии Высшей военной инспекции. Содержание около 1500 рублей плюс командировочные около 1000 рублей. Таким образом, в общем около 30 тысяч в год. Разъезды в специальном вагоне. Задача – инспектирование частей во всех отношениях и представление кратких отче-

тов. Если бы не только что полученное место в ТАОНе, я, пожалуй, бы пошел, но сейчас не знаю, как решить этот вопрос. С одной стороны, меня очень тяготит сидение от 10 до 5 дня без цели, затем дорого стоит продовольствие, так как надо два раза питаться вне дома, а там на стол идут деньги своим чередом, кроме того, утомительно ходить далеко.

Конечно, все эти вопросы возникают лишь потому, что появилось новое предложение,— иначе приходилось переносить все это терпеливо. А все-таки вопрос — переходить или не переходить, не решен. Думаю пойти к М.А. Соковнину и переговорить с ним, стоит или нет менять место.

На общем горизонте, европейском и внутреннем, ничего существенного.

Интересно отметить, насколько неосведомлены слухи, а может быть, и газетные статьи — сейчас не помню, откуда появилось сведение, что Драгомиров (вероятно, Абрам) во главе белогвардейских «банд» в районе Пскова, затем его же называли председателем Совета министров «одного из всероссийских правительств», а сейчас пишут, что он является ближайшим помощником Деникина, стоящего во главе Добровольческой армии на юге.

Так смутны и все остальные сведения. Одно верно — это то, что мы окружены со всех сторон и отрезаны от всякого рода продуктов, изделий и фабрикатов. Сейчас нет почти никаких продуктов, кроме остатков зелени, кое-как добываемого картофеля — остального нет и как достать, нам неизвестно, хотя другие как-то ухитряются. Нет муки, нет кофе, какао, чая, сахара, масла, почти невозможно достать молоко и даже спичек, не говоря уже о платье, сапогах, калошах и проч., проч. и проч. Недурная жизнь.

21 ноября

Порядочный мороз — 6 и к вечеру 8 градусов, за ночь выпал снег, а потому еще держится. Сильный ветер прибавляет холоду.

Новостей нет, особенно выдающихся.

Говорил с С.Т. Беляевым по поводу предложения Е.К. Смысловского — решаю остаться в ТАОНе. Еще один довод против, это то, что если там не уживешься, то найти место будет очень трудно. ТАОН подвернулся совершенно случайно. Это была положительно рука Божья, а потому и не следует идти другим путем.

23 ноября

Вчера погода была отвратительная – мороз около 7°, ветер и мелкий сухой снег. Сегодня погода мягкая – 0°, ветра почти нет. Скользко.

Говорят, что Рузский и Эверт расстреляны – первый в Ессентуках, второй в Верее. Говорят, определенно – как будто, правда, а вот кронпринц, по новым газетным сведениям, жив. Как всегда, цена слухам и даже газетным сведениям грош.

На Украине крупные волнения, Петлюра поднял восстание против гетмана. Из Конотопа, где он находился, восстание сильно разрастается, сегодня ждали взятия им Харькова. Казалось, что на Украине так спокойно, как много стремилось туда в надежде на порядок и отсутствие голода.

Ничего нельзя предугадать, и самое лучшее – это сидеть на месте, как моряки «отстаиваться» в непогоду.

Работа в Уставной комиссии понемногу идет – думаю, что уставы будут готовы к сроку и выйдут в очень приличной форме, особенно если примут во внимание наше решение изданий их в одной книжке. Это будет большой шаг вперед.

Вчера вечером были у нас Е. М. и М. О[1]. Дунины-Борковские – он выпущен из тюрьмы только на днях – всего просидел 36 дней. Говорит, что обращались хорошо. Все же выдержать такую марку нелегко.

С нашими компаньонами по квартире отношения обостряются на денежной почве. При их жадности, они стремятся разложить все расходы пополам, независимо от того, что они пользуются всем и в большей мере и в некоторых вещах лучшей мере. Приходится, как это и противно моей природе, отстаивать свои интересы.

25 ноября

Получил предложение А. Д. Окунева на какое-то место (?) с хорошим окладом. Окунев сам назначается на должность при Э. М. Склянском в Управлении делами Военного революционного совета. Кажется, так, а может быть, иначе именуется его место службы. Пытался говорить с ним по телефону, но не мог вызвать, так что точно не знаю, в чем дело.

От отдела по устройству и боевой подготовке войск (Управление

[1] Как и генерала Рыльского, А. М. Сиверс называет здесь своего зятя, Михаила Иосифовича Дунина-Барковского «Михаилом Осиповичем» и пишет «М. О.» вместо «М. И.» То, что речь идет именно о Михаиле Иосифовиче Дунин-Барковском вытекает из предыдущего сообщения дневника об его аресте 19 октября (срок ареста именно 36 дней). Инициалы же «Е. М.» читаются очень четко, и не оставляют сомнений, что речь идет о Елизавете Михайловне, которую А. М. Сиверс в записи от 19 октября называет сестрой.

по организации армии) меня уведомили о включении в состав комиссии по разработке «Полевого устава» А.Е. Гутора. Это мне дает по 20 рублей суточных (бумага 21-XI-18 № 6634).

Вчера окончательно отказался от предложения Е.К. Смысловского; главная причина – неустойчивость моего положения; если почему-либо мне там не удастся упрочиться и придется уйти, то снова ищи место; в ТАОНе же я пока сижу твердо. Лисовский поговаривает об уходе, вероятно, уйдет, как только найдет место на заводе, тогда я могу быть и начальником ТАОНа, т.е. останусь при деле, в крайности, могу остаться и на месте помощника. Значит, от добра добра не ищут.

Вчера холод сменился оттепелью, сегодня уже 2° тепла, тает. Небо серое – не московское.

С продуктами все хуже и хуже: говорят, уже и конина взята на учет – значит, и это будет трудно доставать. Что же есть? Одна зелень, картофеля не приносят, положим, сейчас дороги, вероятно, невозможные, трудно подвезти. Нет мешочников.

Придется перейти на столовые – а это и голоднее, и, затем, сложно во всякую погоду.

Удивительно, как люди живут и еще работают?

На одном из комиссионных заседаний М.К. Смысловский сказал, что мы всегда помогали там, где неудачи (на войне), а не там, где удача. Удивительно правильная и меткая фраза, характеризующая нашу «доктрину». Мы никогда не умели развить успеха. Вспоминаю, что во время успешного прорыва Брусилова на Юго-Западном фронте была отменена операция под Крево (1916 год), и корпуса спешно были сняты для отправки на «развитие» этого успеха, но по дороге несколько корпусов оставлены под Барановичами и, спешно, без предварительной подготовки, собрались прорвать укрепленную позицию и потерпели неудачу. Если бы тогда Эверт не задержал этих корпусов, не пошел бы на авантюру, то у Брусилова были бы лишние корпуса, и его успех мог бы развиться значительно больше.

Таких примеров найти можно много, и, пожалуй, еще больше рельефных, где мы посылали заткнуть дыры, вместо того чтобы поддержкой частичного успеха или самостоятельным ударом в другом месте, где противник слаб, отвлечь внимание от того места, где он получил успех.

Записываю слова М.К. Смысловского, как имеющие большое значение в характеристике действий наши военачальников.

1 декабря

Получил вчера первое жалованье в ТАОНе. Пока на рельсах, что будет дальше!

Жизнь идет своим путем, ежедневная служба от 10 до 17 часов, затем в положенные дни по вечерам различные комиссии. Так, понемногу проходят дни за днями. Особенно светлого не видно, условия жизни усложняются также изо дня в день. Все дорожает, а главное, исчезает. Не знаю, чем будем питаться в конце концов. Сейчас главнейшей заботой—питание, все деньги уходят на еду, а получаешь по цифрам очень много, около 18 тысяч в год, да еще различные добавочные за комиссии. С нашими сожительницами все труднее и труднее жить, неумение быть выдержанными в денежным расчетах устанавливает натянутость отношений. На днях Екат. Алекс. вела с Е. Ф. довольно бестактный разговор—вчера извинилась, ссылаясь на развинченные нервы. И то шаг вперед—поняла, что перехватила. Их скаредность—достояние всех, прислуга относится враждебно (сведения имеют, и очень подробные, от и родственников Епитерловых, которые, видимо, не стесняясь, посвящали прислугу во все домашние дела).

2 декабря

Не успел записать домашних дрязг, как они возникли вновь. Наши сожители явно ненормальные люди. Они не только позволяют себе бестактности, но и неприличные (в смысле разговора) выходки, и притом становятся в нападательную позицию, обвиняя других в том, в чем их собеседники даже и не грезили (грешили) (грозили). Так, Е. Ф. упрекают за то, что она говорила «колкость»—обвинение недобросовестное, так как Е. Ф. совершенно не мелочный человек, на колкости не способен. Она, скорее, скажет умышленно резко, но женской системой изводить шпильками и т.п. совершенно не занимается.

Больное воображение у всех Бекетовых, очевидно, создает в их мозгу совершенно неправильные впечатления.

Вчера опять разговор на денежной почве вызвал резкий конфликт между нами и Екат. Алекс. Мы решили устраиваться на новое место—к сожалению, переезд стоит дорого, что при отсутствии наличных свободных денег очень трудно.

Сегодня была дикая выходка Нат. Алекс. Но относительно к жилице Рыжовой; по какому-то пустячному поводу она с кулаками перед носом Рыжовой обругала ее дурой и назвала большевичкой. Выходка дикая

и глупая. Сумасшествие ни при чем, просто своевольная, необузданная натура, никем и ничем не сдерживаемая.

Мой дневник переходит в перечень домашних дрязг. События велики, но обнять их трудно. Кроме того, устаю, и потому голова не работает для систематической записи, а главное, анализа событий. Вместе с тем, откуда черпать данные... газеты тенденциозны и умалчивают о том, что делается «против шерстки», а слухи, конечно, не могут быть приняты в расчет — в лучшем случае, они просто нелепы.

Думаю нельзя не записать рассказанного сегодня — в Тамбовской губернии красноармейцами были сожжены две деревни, причем погибли в огне женщины и дети. Местные крестьян 80 сел и деревень объединились, заманили шеститысячный отряд красноармейцев и вырезали всех. Батарею обрушили на мосту, в котором подпилили устои.

Если верно — дикая расправа, одичавшие нравы с той и другой стороны.

Говорили также, что Петлюра (стр. 27 bis)[1] потерпел неудачи против войск Скоропадского, который, вопреки слухам, не сложил полномочий, не был нигде задержан. Надо отметить, что и это также слух, рассказ голословный.

Сегодня утром С.Т. Беляев просил быть с ним в Организационном управлении Всероссийского Генерального штаба, куда он был вызван по поводу пересоставления артиллерийских уставов. Я передал А.М. Могульскому (начальник управления), в каком положении дело.

По-видимому, подкомиссию прикомандируют к Организационному управлению — оно и лучше, потому что связь с ГАУ только мешает работе, ибо они не могут получить денег на оплату работы. Получил 100 рублей за составление «перечня тем» Артиллерийского отдела ВТР.

Недавно получил 280 рублей за работу в комиссии «Полевого устава» за заместительство В.К. Смысловского.

Чувствую себя неважно, утратил запас жизненных сил. Устаю, особенно ноги. Правда, приходится очень много ходить — ежедневно не менее восьми верст, к чему я совершенно не привык. Кроме того, дает себя знать война. Конечно, необходимо было бы отдохнуть — но где же, необходимо получать жалованье, чтобы жить, да и жалованья не хватает, приходится еще участвовать в комиссиях. Это утомляет, а не подкрепляет здоровье. Пенсий, говорят, не дают, да и что сделаешь на 371 рублей?

[1] См.: запись от 23 ноября 1918 г.

По-прежнему это около 45 000 рублей в год, можно было бы в маленьком тихом городке пожить два-три года, разобраться в материале войны, написать кое-что, а затем снова куда-нибудь устроиться. Можно было бы и сейчас, но, во-первых, жить в небольшом городе опасно, да и денег нет. Приходится перебиваться. Одна надежда, что Господь Бог поможет и через несколько лет даст отдых. Но время идет, здоровье и годы уходят. Места такого, которое дало бы снова «хорошую» жизнь, не достанешь. Значит, ношу жизни придется вести очень скромно и то, если будет милость Божья.

Ну, что Бог пошлет. Должен все же благодарить Его за все то, что до сих пор было, жаловаться на плохую жизнь не могу. Нет оснований и в будущем ожидать худшего.

Поживем увидим! Господи, помилуй.

3 декабря

Был сегодня в Главном военно-хозяйственном управлении у начальника управления Акимова по делам ТАОНа – сидел около часу, убеждая его, что ТАОНу необходимо, чтобы хозяйственное управление подчинялось непосредственно ГВХУ, а не окружному управлению, как то ранее было введено в положение. После долгих разговоров Акимов сдался и заявил, что с их стороны препятствий не будет. Вместе со мной был помощник заведующего хозяйственного управления ТАОНа Н.Ф. Дунаев. Первое «дело», проведенное мной для ТАОНа.

5 декабря

Вчера на заседании комиссии «Полевого устава» видел А.М. Могульского, который сказал, что решено комиссии при ГАУ пока сохранить, уставную подкомиссию, вероятно, причислят к Всероссийскому Главному штабу и тогда будут платить деньги. Это известие оживило сегодняшнее заседание подкомиссии – П.М. Зигель и Н.Л. Тихоцкий обещали в течение недели сдать переработанные уставы «Орудейного учения».

Закрыты табачные магазины, пожалуй, теперь и сигар не купишь нигде – введена табачная монополия. Ничего не имею против монополий, национализации, социализации т.п. объединения торговли, но должно быть все устроено заранее и тогда закрыть частные магазины, чтобы обыватель мог покупать то, что ему нужно без перерыва. Без этого жизнь становится прямо нестерпимой.

Скоро дома столоваться будет совершенно невозможно, останется

единственный выход – ходить в столовые, если и те не закроются. Отличная столовая студенческая на Малой Бронной, 4; дают хороший густой суп и затем котлеты, часто из конины, а иногда мясные или форшмак.

Симпатичная, но уже много дороже, польская столовая в Настасьинском переулке.

Очень недурно кормят в столовой в Денежном переулке, 22 (недалеко от нас): обед 10 рублей из двух блюд, причем второе по выбору из трех. Дают и хлеб – лепешка 2–50. Затем неплохо и в вегетарианской столовой по Арбату между Денежным и Никольским переулком, цены были небольшие. Столовая вегетарианская «Отдых» на Арбате на углу Годеинского переулка[1] грязная, цены поднялись порядочно, но еда сносная. Есть еще столовая на Никитском бульваре, женская, порции невелики и пища не так основательна, как в студенческой, а цены гораздо больше. У Никитских ворот есть народная столовая, недорого, но грязно и неважно приготовлено. Как курьез можно указать на столовую цирка на Тверской, где минимальная цена блюда 31 рубль, кофе стоит 8 рублей – сюда не заглянешь, несмотря на 18 тысяч жалованья в год!

Вот в таких условиях приходится жить, а если добавить, что температура в комнатах по утрам 9°, а иногда и 8,5°, и к вечеру, когда топят, 11°, то сладость и удобства жизни станут очевидными.

Сейчас, когда в других странах о чем-либо подобном и помину нет, а с окончанием войны начнут приходить в нормальное состояние – невольно позавидуешь.

Никогда не завидовал никому и ничему, были моменты, когда мечталось о лучшем, но зависти не было. теперь же, если по привычке не завидуешь, то все же берет досада, почему нельзя жить по-человечески.

Все шло так, чтобы к концу жизни воспользоваться плодами личного труда, получить тот комфорт жизни, которого был лишен в молодые годы и о котором мечтал все время. Восстановления же такой жизни ожидать невозможно. Дай Бог устроиться покойно и мало-мальски сносно. Хорошо бы поселиться в небольшом чистеньком городке и несколько лет иметь тишину и отдых.

Отдых – это теперь мое самое сильное желание.

Сегодня в «Известиях» указано о явке на призыв обер-офицеров, полковников и генералов.

[1] Сейчас Арбатский переулок.

6 декабря

Купил красноармейскую звезду — вчера в газетах был приказ об обязательном ношении их — надо прочитать, как там сказано точно по отношению к штатскому платью. Кажется, следует одевать в пятницу.

Красноармейская звезда. Рисунок Сиверса
Ил. Zvezda_DSC_0106

Сегодня приказ комиссара ТАОНа, чтобы все одели звезды на головной убор — иначе арест и отставление от должности. В приказе как будто требуется только на службе.

Нового ничего нет.

Утром заходил ко мне Ф.Е. Огородников, но уже не застал меня, после 5 часов я заходил к нему и тоже не застал его дома. Попытаюсь еще раз зайти завтра.

Получил приглашение в 6-е отделение Отдела по устройству и боевой подготовке войск в понедельник 9 декабря в 11 часов утра по организации Комиссии для разработки артиллерийских уставов. Кажется, дело станет на определенные рельсы.

Опять искать место! ТАОН может быть расформирован.

7 декабря

Утром на автомобиле Лисовский и я поехали на Антипьевский переулок получать деньги за участие в комиссии по «Полевому уставу». Туда же пришел и С.Т. Беляев. Денег не дали, причем казначей грубо отказался сообщить и причину неуплаты денег — еще один хам!

Лисовский поехал к начальнику Всероссийского Главного штаба Раттелю по делам ТАОНа, я и Беляев остались в 6-м отделении у В.В. Ступина (начальник отдела) для переговоров относительно зачисления Комиссии по боевому употреблению артиллерии и Уставной подкомиссии во Всероссийском Главном штабе. (Ввиду бывшего сегодня разговора — идти в понедельник не надо).

Лисовский, вернувшись от Раттеля, рассказал, что в высших сферах решено уничтожить ТАОН — против существования Склянский и Вацетис, но что Раттель и Троцкий считают сохранение ТАОНа необходимым, по сокращенным штатам мирного времени. Раттель поручил Лисовскому составить записку с мотивами о необходимости сохранения ТАОНа.

Затем мы поехали в Нижнелесной переулок[1], 1, где я пошел к А.Д. Окуневу, а Лисовский уехал назад. Окунев сейчас занимает должность управляющего делами Военного революционного совета. Зашел поговорить о его предложении мне места, поблагодарить за то, что вспомнил. Оказалось, что пришел очень кстати, так как Окунев сообщил по секрету, что расформирование ТАОНа решено почти окончательно и во всяком случае выполнится в течение будущей недели. Место, на которое он меня хотел поставить, уже занято, но он сможет задержать место начальника отдела или отделения на жалованье 1600 рублей – упущенное было на 2000 рублей.

Если судьба закинет сюда, то, конечно, жалко, что упустил большее.

«Все к лучшему», – говорит С.Т. Беляев, буду на это надеяться.

Во всяком случае, надо снова устраиваться – это несколько хуже.

Вечером заходил к Свидерским (Сивцев Вражек, 35) переговорить относительно занятия у них двух комнат – решили ждать до среды утра, чтобы за два дня узнать в жилищном комитете, возможен ли переезд.

Затем был в Ф.Е. Огородникова – договориться окончательно о программе отдела «Артиллерия» в учебники тактики для инструкторских курсов. Буду писать – условия в печатный лист, 600 рублей, срок к 1 января. Надо постараться удовлетворить требованиям и сроку, то и другое довольно сложно для меня. Попробую.

Днем в редакции «Военное дело» получил 30 рублей 40 копеек за свою артиллерийскую заметку. И то хлеб. Сегодняшний день оказался полон самых существенных для меня новостей.

9 декабря

В ТАОНе настроение не подавленное – питают надежду на благополучное разрешение вопроса, в докладной записке (кстати сказать, очень плохо редактированной) на имя начальника Всероссийского Главного штаба Н.Т. Раттеля намечено свернуть часть ТАОНа из действующих в резервный. Идея правильная, так как сейчас тяжелая артиллерия не нужна, сдать же ее в склады – тоже погубить всю невероятной ценности материальную часть и не иметь контингента подготовленных инструкторов.

Сегодня по старому стилю 26 ноября – день Георгиевского праздника. Минувшее прошлое!

Ходил в Жилищную инспекцию по поводу переезда на квартиру Сви-

[1] Сейчас Курсовой переулок.

дерских. Сидевшая за столом еврейка сказала, что лист о квартире затерян, а потому не может дать разрешение, предложила прийти завтра. Какой всюду хаос!

Распространили сегодня слух о прибавке жалованья – будто на мою долю будет 2400 рублей в месяц; на это можно было бы и жить. Насколько это окажется верным?

Составленный мною «перечень тем» вызвал одобрение К.К. Байова, который считает, что его необходимо напечатать в количестве 200 экземпляров, а другим отделам составить подобные же перечни.

10 декабря

Никаких новостей нет. На пятницу или субботу назначена моя поездка в Карачев, со мной поедет Н.М. Шафров, комиссар Миронов и из общего отдела Руг. Свой вагон уже разрешено получить, это будет особенно удобно, так как можно будет ночевать в нем. Может быть, к пятнице и морозы несколько уменьшатся.

Эти дни холод держится от 12° до 8°. После метели [в] воскресенье 8-го сейчас ветер утих и достаточно хорошая погода.

Сегодня служитель ТАОНа Митюткин должен получить для меня обмундировку, среди которой будет и теплая одежда – так что можно рассчитывать, что не замерзну.

Вопрос о переезде на квартиру Свидерских вылепляют при помощи домового комитета – завтра узнаю результат. Очень хочется освободиться от хамского поведения Бекетовых, но большое неудобство для Е. Ф. на новом месте – это отсутствие стола. Придется ходить в столовые, хорошо, если не закроется столовая в Денежном переулке, хотя там уже цена поднялась до 12 рублей на блюда. Трудность получать продукты увеличивает цены на все.

Как-то грустно видеть все магазины с надписью «Заперто»; на меня произвело впечатление при приезде в Москву именно масса открытых магазинов и много вещей в окнах. Сейчас же все куда-то исчезло, чрезвычайно унылый вид. По-видимому, торговля убита в корне. Жизнь замирает.

Говорят, в Петрограде полный голод – удивляюсь, как и чем живут Некрасовы, Куликовские и все остальные знакомые.

12 декабря

В Известиях Наркомвоен напечатан приказ по Всероссийскому Главно-

му штабу от 26 ноября за № 125.

«Бывший инспектор артиллерии ... ой армии[1] А.М. Сиверс и бывший начальник пехотной дивизии А.А. Дмитриев назначаются членами в состав комиссии, учрежденной приказом [по] Всероссийскому Главному штабу сего года за № 52 для просмотра и разработки устава полевой службы.

Совет Всероссийского Главного штаба: начальник штаба Раттель, главный комиссар Дзевалтовский».

Получил обмундирование — шинель, рубашку, шаровары, папаху, теплые перчатки, вязаную рубаху и кальсоны, 3 нижних рубахи, 3 кальсон, 6 платков, 3 полотенца, 6 портянок, 3 простыни, 1 бумазейное (двойное) одеяло и 1 тюфячную наволочку, 3 подушечные наволочки. Все это, вероятно, на большую цену.

Вернулся из Петрограда Н.Н. Сиверс — денег не привез, можно получить по чекам текущих счетов 1000 рублей, но нужно иметь разрешение комитета бедноты. А как это разрешение достать? Вот стеснения — на одно жалованье не проживешь, надо делать закупки вперед, значит необходимо иметь «свободную наличность».

Припоминаю наши «мечты» получить 1000 рублей в месяц — предел благополучия. Сейчас имею 1500, да еще другие получки, и то не хватает на жизнь.

Сегодня объявлено разрешение на свободную продажу картофеля, зелени, молока, яиц и еще чего-то. Поможет ли это появлению на рынке продуктов и упадет ли цена. Как все это скучно и тяжко.

Н.Н. Сиверс рассказывал, что в Петрограде для столования необходимо приписываться к какой-нибудь столовой, где дают обед, срезая купоны от продовольственных карточек, и дают только раз в день. Это уже и голодно.

Есть частные столовые, которые дают разные блюда — обед 10 рублей два блюда, а затем пироги, сладкие пирожные и т.д.

Завтра должен ехать в Карачев для осмотра и поверки 1-й запасной бригады и Тракторной школы. Со мной едут начальник арт[иллерийского] снабжения Н.М. Шафров, начальник Военного хозяйственного управления А.Р. Гринько[2] (он же представителем комиссара), затем Н.П. Руг

[1] Так в тексте.

[2] Далее в дневнике чередуется написание этой фамилии «Гринько» — «Гринко». Редакция выбрала грамматически более правильное с ее точки зрения написание. НЕ ЯСНО Сиверс пишет фамилию этого человека то с мягким знаком, то без мягкого знака. В ree-

и кое-кто еще. Поедем завтра, если дадут вагон, иначе в субботу.

Большие надежды возлагают на поездку в смысле привоза различных продуктов.

Вопрос о переезде на квартиру Свидерских налажен, завтра будет письменное разрешение — вернусь из поездки, будем устраивать переезд. Опять много денег уйдет зря!

С едой будет очень плохо и дорого — опять столовые! Тяжелая жизнь.

Холода стоят порядочные, вот уже пятый день, что температура колеблется от −12° до −7° — холод на улице дает холод и в квартире, доходит до 8°; когда топят, то прибавляется максимум до 10°. От холода трудно заниматься. А надо начать писать учебник техники для Ф.Е. Огородникова, срок до 1 января, а тут поездка и переезд на квартиру. Справлюсь ли!

13 декабря

Как жизнь становится тяжелой, утро сижу в ожидании умывания и мерзну, в комнате 7,5°. По вечерам топят, но, по-моему, бесцельно — нагревают лишь до 9°. Лучше бы топили через день и натапливали бы до 13°–14°, а так бесполезный расход дров.

Очень заботит меня наш переезд к Свидерским в отношении еды. Плохо будет и с самоваром, плохо и со столом, мы привыкли здесь есть достаточно. В столовых голодно, а главное, придете вечером, и не будет ужина, правда, у Арнольдов было то же, но тогда было тепло и не так трудно выходить, а теперь два раза в день во всякую погоду и мороз, хоть и недалеко, но все же утомительно и стеснительно. Конечно, вспомним здешнюю жизнь. Надо как-нибудь устроить прислугу и готовить дома. Вернусь, поговорю с С.Т. Беляевым — может быть, и он примет участие.

Мой дневник выливается в форму будничных, повседневных интересов, что поделаешь, может быть, кому-нибудь и это будет интересно со временем. Переживаем сложные события, эти жалобы на трудность жизни и те условия, в какие попали мы, будут иметь значение. Если бы все записывали происходящее, можно было бы делать выводы — все ли сейчас в одних и тех же условиях или другие могут и умеют устраиваться, приспособляться. Много ли таких совсем обездоленных.

Третьего дня говорил с Замятиным (помощник начальника арт[иллерийского] снаб[жения]), родственником Арнольдов, по поводу энцикло-

---

стре фамилий фамилия Гринько есть, а Гринко — нет. Поэтому я везде поставил мягкий знак. Но так как Дневник — документ исторический, я счел своим долгом это отметить.

педического словаря — квартиру Арнольдов реквизировали, часть вещей куда-то увезли — может быть, временно получить их энциклопедический словарь. Он нужен мне для работы.

Перееду на новую квартиру, засяду за писание, постараюсь заработать на «свободную наличность», без которой очень трудно существовать. Все хочу перейти на новое правописание — надо привыкать, а то казенные бумаги и все писание приходится вести по-новому. Писать без «ъ» привык уже давно, а буквы «ѣ» и «і» все не могу еще исключить из обихода. Итак, новое правописание!

Писать еще легче, но читать гораздо труднее, часто не сразу разбираешь слова. Как буду писать дневник, когда кончится эта тетрадь? Нигде нельзя купить тетради без линеек, да и вообще сейчас письменные принадлежности достать нельзя, магазины закрыты, товар на учете. Писать на отдельных листах — в конце концов, и растеряешь, а жалко. Еще не начал перечитывать дневники, но когда-нибудь примусь.

Следовало бы экономнее вести записи, но тогда потеряется смысл записей.

Предлагал Б.Н. Кутузову поступить в арт[иллерийское] снаб[жение], содержание 1180 в месяц, в ГАУ он получает 750 или 830, точно не знаю, вчера он отказался. Жаль, место хорошее.

21 декабря

Пятница, да еще 13-е число — ясно, что поездка началась неудачно. Хорошо еще, что в общем все прошло благополучно и ограничилось только малой неудобств[1]. Решено было, что за мной заедут на автомобиле около 5.15 часов дня, с тем, чтобы, отвезя на вокзал, поехать за второй партией. Однако до 5.30 часов никого нет. Я оделся и сошел вниз ждать у ворот — прождал 15 минут — никого, проезжал извозчик, нанял его на Брянский вокзал за 25 рублей. Приезжаю, тоже никого, иду узнавать, будет ли прицеплен вагон, говорят нет, было будто бы распоряжение не прицеплять без особого указания начальник ТАОНа и железнодорожного округа. Подождал еще и поехал назад, полагая, что произошла отмена и меня не поспели известить. Дома узнал, что автомобиль заезжал за мной пять минут назад — очевидно, ехавшие не поспели на поезд, так как он уходит в 6.15 вечера, а были они у меня около 6.10 вечера. Вторая же партия и совсем не поспеет. Звонил в штаб ТАОНа — там

[1] Так в тексте.

Н.М. Шафров тоже ждал автомобиля и остался не дождавшись. Решили ехать на следующий день отдельно.

Около 8 часов вечера меня вызывают к телефону, и Н.М. Шафров передал, что никто не уехал. Вагон не был подан, и обещали, если мы соберемся через полтора часа, то нас прицепят к ночному поезду. Вновь собрался и опять на извозчике поехал на вокзал. Там уже были несколько человек, и вскоре подошли остальные. Железнодорожное начальство обещало подать вагон к поезду, который отойдет в час ночи. Однако, когда подали состав, нашего вагона № 207 не оказалось. Несколько раз ходили к дежурному по станции, безуспешно его искали на всех путях, но найти не могли. Так прошло время до 3 часов ночи, поезд отправили, а мы остались на вокзале ночевать, кое-как, на сиденьях полулежа, полусидя. На следующий день, субботу 14-го числа, железнодорожное начальство решило заменить вагон № 207, который не находился, другим. Обещали присоединить к поезду, отходящему в час дня.

Наконец подали состав, и для нас был вагон 2-го класса № 2313, довольно грязный, но все же можно было ехать. Вышли около 3 [часов] дня[1]. В воскресенье 15-го числа утром прибыли в Брянск. Здесь впервые купили хлеба по 6 рублей за фунт и белого по 13 рублей. Целый день нас передавали с Киево-Воронежской дороги на Риго-Орловскую и, наконец, около 5 часов дня отправили дальше. В Корачев приехали около 7 часов вечера.

В дороге я заболел желудком и потому просил командира 1-й запасной бригады прийти в вагон для обсуждения порядка осмотров и поверки сумм.

Понедельник 16-го числа от 10 утра я и Н.М. Шафров ездили осматривать работы по оборудованию мастерской Тракторной школы, затем помещения школы, бараков, где хранится и разбирается амуниция и артиллерийское имущество бригады и, наконец, смотрели разгрузку тракторов с платформ. Заведующий военно-хозяйственного управления А.Р. Гринько в это время рассматривал отчетность 1-й запасной бригады.

Во вторник 17-го числа с 11 часов утра я проверял денежные суммы тракторной школы, а от 2-х [часов] дня в 1-й запасной бригаде, в последней была неувязка в подсчете документов, а потому окончание поверки было отложено на утро среды 18-го.

Этим закончились служебные дела, оставалось ждать подвоза продук-

[1] Так в тексте.

тов. В этом отношении были шероховатости — выяснилось, что достать продукты в Карачеве трудно, надо ехать в окрестные деревни. Вукотич и Озерицкий предполагали сидеть до тех пор, пока не удастся что-либо приобрести, я воспротивился этому. Считаю, что мы командированы по делу, а продукты — если есть возможность. Сидеть же специально для продуктов нельзя. Помирились на отъезде в четверг, что и было выполнено.

В деревнях закупки тоже очень трудны — по-видимому, все есть, но тщательно спрятано и зарыто, все опасаются друг друга.

Довольствовались «относительно» очень хорошо, около часу дня на станции — отличный суп и мясное за 9 рублей, затем обед в 4 часа в управлении запасной бригады, там же в 9 часов ужин, готовила кухарка, оставшаяся при доме. Эти обеды и ужины обошлись [в] 61 рубль, причем на каждого было сделано еще и в дорогу.

В четверг 19-го около 5 дня отошел поезд, часов около 7 были в Брянске, откуда выехали пятницу 20-го числа в 7 часов утра и приехали в Москву сегодня в 5 часов утра.

В общем, поездка не особенно приятная в отношении удобств и продолжительности — грязь в вагоне, кампания ехавших не очень симпатичная. Корректнее всех был Гринько, затем Шафров, остальные слишком себе на уме, и терпимы только тогда, когда делаешь для них. Не понравилась мне манера вести служебный разговор Гринько, его тон в бригаде был повышенный и потому неприличный, по содержанию также неподходящий.

В Шафрове тоже разочаровался — больше на словах, чем на деле.

Сейчас все работают, не слишком напрягая свои силы, лично я этого не понимаю. Мне кажется, что раз работаешь, то уже ведешь дело соответственно самой работе, а не тому, для кого и для чего работаешь.

Получил письмо от И.П. Михайловского — пишет, что признан совершенно не годным к военной службе и потому не подлежит призыву. Он переменил службу — устроился в автогужевом отделе Народного хозяйства, жалованье получает 1000 рублей. Нет дров, нет провизии, он столуется в общественной столовой, где другой раз подают такие блюда, что прежде не рискнул бы предложить и собаке.

Жизнь изо дня в день становится тяжелее.

Письмо Михайловского, а также полученное Е. Ф. от кухарки Д.П. Тишина о «табаке» были вскрыты цензурой и оклеены этой бандеролью.

Бандероль
Ил. Banderol_DSC_0112

Вечером были Н.Н. Сиверс и А.Е. Стогов, последний служит помощником военного руководителя в Курском военном комиссариате. Приехал сюда делегатом на съезд по поводу всеобщего военного обучения.

С нашими сожителями полный разрыв – приходила без меня и в отсутствие Е. Ф. дочь Свидерского и рекомендовалась «с квартиры, в которую въезжают Сиверс». Это послужило поводом к новым грубым выходкам сумасшедших дев. Надо скорее перебираться, чтобы покончить с неприятным положением наталкиваться на неприличное поведение наших сожителей. Устаешь от всех домашних дрязг.

Говорят о большой прибавке содержания – хорошо, если бы слух оправдался. Можно стать на ноги и кое-как привести себя в порядок в отношении одежды и обуви. Не привык ходить обтрепанным, между тем приходится ходить не только в поношенном, но и рваном.

Третий день холод и метель, надо надеяться, что завтра прекратится – обычно непогода длится три дня. Улицы заметены снегом, по тротуарам нельзя идти, никто не сгребает нанесенные сугробы. В такую погоду нет не только удовольствия, но и охоты идти обедать куда-нибудь, и если бы не голод, то и носа не высунул бы. Заходили на новую квартиру – комнаты гораздо меньше, но будет уютнее, диван войдет, весь вопрос – как перевезти или перенести вещи?

В вагоне прочел «Программу коммунистов» – не всю брошюру, а конец, где указано, что такое коммунисты. Это новое название левых социал-демократов, дабы не смешивать с теми, которые в своих действиях не идут по одному пути с большевиками.

22 декабря

Говорят, что и среди коммунистов также есть деление – более правые во главе с Лениным и более левые во главе с Бухариным. Однако об этом я не говорил ни с одним коммунистом, а потому достоверность не установил. Думаю, что об этом мне никто и не скажет, так как это внутреннее дело и не для большой публики.

Слухи об Украине самые разноречивые, в газетах было, что украинскими войсками командует великий князь Николай Николаевич; по сведениям приехавших на днях из Киева, там войска союзников, которые разоружили петлюровцев, гетманские полки и немцев. Вот и разберись

во всем! Одно дело, что еще очень далеко до того момента, когда все утрясется и вырисуется определенная власть. Все ждут развязки событий к весне. Говорят, что союзники решили разделить Россию на районы, занять своими войсками и наводить порядок. Эту версию мы слышали давно, но осуществима ли она, вот вопрос.

Мне кажется, что порядок будет устанавливаться очень медленно, жизнь должна указать рамки осуществимых идей, все, что противно природе вещей отпадет путем эволюции событий. Насильственные меры не могут привести к хорошему, все насильственное вызывает борьбу. Сейчас проводимые меры идут также насильственным путем, против них идет глухой ропот, борьбы нет, ибо все подавлены, чего-то опасаются. Со временем явится привычка к страху, и тягость жизни поборет чувство страха. Будут, очевидно, кровавые вспышки. Этим путем все, что не соответствует естественному укладу, будет отменено и постепенно начнет выявляться то, что допустимо и что возможно.

Таким мне рисуется будущее... поживем — увидим. Кому придется дожить до этого момента, только Господу Богу известно. Но скоро этого не будет. Нам, т.е. людям в возрасте 50 лет, пожалуй, не видать удобств жизни. Дай Бог не кончить нищетой.

Пока еще есть кое-какие силы, чтобы служить, т.е. работать и получать содержание, не дай Бог заболеть или переутомиться, тогда нищета полная. Я не верю в помощь комиссариата «общественного призрения», это слишком молодое учреждение, чтобы оно могла оказать действительную помощь всем нуждающимся. Да и какую помощь — мне нужна та обстановка жизни, к какой я привык, этого безусловно дать никто не в состоянии, а без этого — гибель.

Только сильный и здоровый может рассчитывать на блага жизни, большой и усталый уже обреченный.

25 декабря

Рождеством по новому стилю, наши батюшки не признают этого и потому праздники будут в январе.

Собрались сегодня переезжать, но не вышло. Муж нашей прислуги — красноармеец — обещал достать подводу и товарищей, но, уйдя около 10 утра, до сих пор, а уже 11 часов вечера, не явился. Вероятно, что-нибудь задержало. У нас все уже уложено, а потому провели весь день, как на станции железной дороги, кроме того, никуда нельзя было выйти, ибо весь день ждали, вот-вот приедет подвода.

Сейчас пришлось часть вещей распаковывать.

Тяжело так жить.

Вечером был в комиссии по «Полевому уставу», получил через Лисовского записку от Ф.Е. Огородникова, уже было три заседания комиссии по III части «Полевого устава» – «Ближний тыл». Приглашает меня на заседания, которые у него на квартире по понедельникам от 4 часов дня. Очень неудобное время, так как в этот день я бываю в Центральной коллегии ВТР.

Говорили сегодня, что Царицын взят, – кем, не знаю, Добровольческой армией или союзниками? Также говорили о десантах в Риге и Ревеле. Опять борьба, опять будут жертвы. Когда же это все кончится? Когда можно будет отдохнуть душой?

М.А. Лисовский в пятницу 24-го числа уезжает в Рыбинск на 8–10 дней.

Во время моей поездки в Карачев выяснилось, что ТАОН остается по старому, т.е. продолжает формирования, и даже потребовалось ускорить формирование нескольких дивизионов для отправки на фронт.

Без меня в штабе ТАОН были потрясения – уволен из артснаб сын Лисовского. Он очень резко говорил с военкомом Мироновым, кроме того нашли какое-то письмо с неодобрением существующего порядка или что-то в этом роде. Лисовский (сын) уверяет, что письмо подброшено кем-то. Оно и лучше, что он ушел, по-моему, было неудобно, что сын служил в учреждении, где начальником его отец.

Любопытно, до чего доходит людская гадость – сахар, который мы привезли из Карачева для кооператива ТАОН, перевез к себе на квартиру А.Н. Вукотич (бывший обер-офицер управления инаркора 2-го Кавказского [корпуса]). По доносу кого-то из квартирных хозяев, Вукотича чуть не арестовали, так как этот милый субъект заявил, что Вукотич привез сахар для спекуляции. Вот нравы!

28 декабря

Сегодня вечером М.А. Лисовский едет в поездку, получил вагон 1-го класса. Может быть, ему будет более удачно, чем нам.

В результате нашей поездки я получил провизии – 20 фунтов муки, 8 фунтов сахару и 2 фунта фасоли (5 фунтов отдал С.Т. Беляеву и Н.Н. Сиверсу), все же «улов» хороший, принимая во внимание, что добывали другие. Теперь это редкость, каждый сам за себя – провизией не делятся.

К чему не могу привыкнуть, это к отсутствию возможности пору-

чить что-нибудь сделать. Прошу служителя получить за меня продукты пайка — ему конечно лень, и я остаюсь без них. Сам же часто не в силах выполнить — я не в состоянии снести 20 фунтов картофеля, 10 фунтов керосина. Итак, я стою в очередях на получение хлеба и мелочей.

Это уже житейские невзгоды, тяжеловатые в почтенные годы. Сегодня мне 50 лет, правда, по старому стилю это будет 10 января, но надо же когда-нибудь окончательно перейти на новый стиль, а потому считаю, что сегодня мне полсотни лет.

Начал записывать, а главное то (по нынешним временам) пропустил — это переезд на новую квартиру — Сивцев Вражек, 35, кв. 2.

Наш красноармеец, оказалось, был послан в Бутырскую тюрьму с пулеметом и вернулся лишь на другой день, 26 декабря, около часа дня. С большой охотой согласился перевезти вещи на маленьких санках. Первый рейс — небольшие чемоданы и мешок со спальными вещами, второй рейс — четыре тяжелых сундука и чемодана. Снести вниз одному нельзя, а потому я просил дворника помочь. Этот негодяй ломался, ломался и, наконец, смилостивился за 20 рублей! С большим трудом по глубокому снегу красноармеец довез до новой квартиры. Там помог втащить вещи. Швейцар без всяких капризов. Красноармеец просил за работу 15 рублей, я дал ему 60, и он был в полном восторге. Обещал ускорить перевозку дивана и шкапа... но до сих пор ни слуху, ни духу. Также и его жена (прислуга Бекетовых) не несет оставшихся мелочей. На новой квартире пока очень трудно живется из-за невероятного холода — всего 6°. Руки и ноги мерзнут, невозможно работать, совсем замерзаешь. Неужели такая жизнь будет еще долго? Как отразится на нашем капитале новый декрет? 5 тысяч считаются неприкосновенными, сверх них до 2 тысяч отбирается 50%, а у кого более 2 тысяч сверх 5 тысяч, то 100%.

Если это так, то у нас пропадут 10 тысяч, собранных мной для черного дня или на поездку за границу для отдыха после войны.

Всю жизнь работал добросовестно, чтобы к известному возрасту иметь удобства жить, и вот теперь после 30 лет и участия в такой огромной войне придется нуждаться.

Пример уже на А.Н. Нищенкова, он уже сейчас очень нуждается в средствах, а тоже служил добросовестно, хороший ли он человек или дурной — дело стороннее, но работник он незаурядный. На службе занимал высокие должности, а теперь несколько сотен ему уже важны.

В настоящую минуту я кое-как, т.е. тратя исключительно на еду, свожу концы, но ведь нельзя закрывать глаза, что все это — жалованье, место,

все не верно. Сегодня есть, а завтра нет. Что меня удивляет, это полное непонимание действительности Е. Ф. – такое впечатление, как будто он не отдает себе отчета. Дай Бог ей не испытать всего ужаса безденежья!

Я верю, что Господь Бог Милосердный и поможет, как помогал до сих пор, но что картина нужды стоит перед глазами, так это тоже верно.

Только помилуй Боже и упаси, чтобы она не совалась!

31 декабря

Последний день тяжелого года, что впереди? Пока несомненный холод в квартире от 5° и до 8°, нет сил работать. Руки мерзнут, голова отказывает мыслить. Голода нет, так как еще кое-какие столовые действуют, но все это дорого, а главное, много ходить. Пока наиболее выгодные – у Шахаевых (обед 10-), на Денежном, 22 (обед 14-), на Никитском бульваре (обед 7–9-) и на Арбате вегетарианская (обед 8–10-).

Что же касается надобности купить что-либо, даже самое необходимое, то это уже невозможно. Платье, обувь, белье и даже туалетное мыло, все, все решительно недоступно, ибо надо иметь карточки, разрешение домового комитета и проч., нет чаю, кофе, какао, молока (последнее разрешено для свободной торговли), нет многих необходимых предметов.

На улицах одни пешеходы, извозчиков немного, но все же есть и даже кого-то возят, несмотря на цены – конец это десятки рублей. Трамваи тоже ходят, но вагонов мало, а потому набиты, так что «висящие» постоянно срываются и падают.

Погода эти дни сдала, после холодных дней и метели третий день около 0°. Сейчас очень скользко.

Политикой по-прежнему не занимаюсь и потому обзора событий записать не могу. Но следует отметить, что слухи по-прежнему сообщаются из самых достоверных источников и потому оказываются самыми ложными. Так, уже дня три определенно говорили, что Воронеж взят... кем-то, Добровольческой армией Деникина, войсками ли Краснова, или кем-либо иным. Сегодня был у начальника Всероссийского Главного штаба Н.И. Раттеля, который сказал, что все это вздор, так как там его брат И. И. (бывший офицер Генерального штаба 10-й армии).

В нашем муравейнике шевеление, вчера вызывал меня к телефону Ю.М. Шейдеман (инспектор артиллерии при Военно-революционном совете) и указал на необходимость ускорить формирование четырех ди-

визионов: 1-го и 2-го лит. «Е», 1-го лит. «Д» и 3-го лит. «С»[1] и управления 3-й армейской артиллерийской бригады. Голос был взволнованный, вероятно, его там прижимают усиленно. Срок окончания формирования истечет 1 февраля.

Для формирования необходимо получить конскую принадлежность для приема лошадей, конскую амуницию (Артснаб вошел в соглашение с ГАУ). Тракторы Рустон (где и сколько исправных в Артснаб, точных данных нет) и, наконец, автомашины (где их получить, кажется, никто не знает). Затем люди и лошади. По этому поводу вчера же говорил со мной Раттель и просил зайти к нему сегодня к часу дня. Без четверти час я был на Гранатном, 7 и ожидал «приема» до 3-го часа дня. У Раттеля сидели Муралов, Дзевалтовский, Жданов и еще кто-то. Видел Жданова (военный руководитель Московского округа) бывший генерал-лейтенант, примкнувший к партии коммунистов[2]. В сущности, не стоило меня вызывать, а тем более заставлять ждать. Разговор окончился советом побывать у П.П. Лебедева (мобилизационный отдел Всероссийского Главного штаба) и лично выяснить вопрос о пополнении людьми и лошадьми. Это можно было передать и по телефону. Как курьез: начальник личной канцелярии Раттеля показал мне запрос ЦУСа указать, когда и за каким номером состоялся приказ о расформировании ТАОН.

Эти милые люди торопятся все расформировать — не пора ли раскасировать их самих.

Через десять минут Новый год.

Помоги Господи терпеливо перенести тяжести жизни.

[1] См. приложение Б.

[2] Н.А. Жданов был генерал-майором, а не генерал-лейтенантом, при отступлении в августе 1919 г. перешел на сторону ВСЮР.

1919 год

4 января

Мерзнем в квартире – от 5° до 7°. Стынут ноги, руки. Нет никакой возможности работать. Не везет нам в Москве на квартиры. Везде что-нибудь неподходящее. Только бы не заболеть – это было бы полным крахом.

Как и везде в настоящее время, домовый комитет, вместо того чтобы блюсти интересы жильцов, занялся насаждением морали. Умные головы решили, что лицо, взявшееся поставить дрова для дома, занимается спекуляцией, а потому подняли против него поход. В результате дров нет, топить нечем, и холод. Ближайшие дни, вероятно, дойдет до 0°. Отсутствие пищи знаем, теперь познакомимся с холодом. Все надо испытать в жизни. Тяжело жить в таких условиях.

Получил сегодня бумагу от 6-го отделения отдела по устройству и боевой подготовке войск Организационного управления Всероссийского Главного штаба с просьбой сообщить, в каком положении дела разработки артиллерийских уставов (3 января 1919, № 57 ор.). В понедельник отнесу уставы к А.М. Могульскому.

6 января

Церковный сочельник – нынче праздник не в праздник. Только что читали новый декрет, чтобы в домах электрические лампочки были не свыше 16 свечей, за перебор электрической первый раз особенно повышенная плата, а второй раз прекращение энергии.

Все это – отсутствие топлива.

Холод в квартире невероятный, в комнате Е. Ф. всего 4°. Немудрено, так как неделю уже не топят дома, будет и меньше.

Я как-то переношу довольно стойко, но Е. Ф. страдает очень.

Сидишь и чувствуешь, как застываешь; на грех, когда переезжали, то всю теплую одежду – полушубок, меховую куртку и меховое одея-

ло — оставил в Петрограде. Не хотелось везти много вещей — а вот теперь понадобились бы.

Не умеем мы устраиваться как следует — за это надо терпеть. Больно только глядеть на Е. Ф., которая мучается от холода до слез. Одна надежда на милость Божию.

Сегодня утром заходил к Ф.Е. Огородникову, сдал ему программу Артиллерийского отдела «ближнего тыла» — часть III Полевого устава. Затем был у А.М. Могульского, передал ему три устава «орудийного учения» и «материальную часть легкой артиллерии». Эти уставы будут печатать в Петрограде, а затем корректироваться подкомиссией.

Вчера на заседании общего собрания домового комитета я был избран в ревизионную комиссию, а сегодня от 9 до 11 часов вечера собирались на первое совещание. Кроме меня там состоят Лев Львович Рупдантуев и Исаак Абрамович Гурвич. В первую очередь намечен вопрос о причинах отсутствия дров для топки дома. Опишу всю историю, когда она окончательно будет освещена.

11 января

Вчера мне исполнилось 50 лет — по старому стилю это 28 декабря — ввиду юбилейного числа надо отметить этот день как фактический день полувековой жизни. Вспоминать прошлое не сто́ит — сейчас так плохо живется, что вообще думать о чем-либо нет никакой охоты.

В квартире все еще холод, те же 6–4°, говорят, завтра привезут дрова, — посмотрим. Эти дни ходил по жильцам дома вместе с коллегами по ревизионной комиссии собирать «обвинительный материал» против тоже жильца дома С.И. Листочкина, который, сговорившись с домовым комитетом доставлять дрова по 1900 рублей за вагон, сам приобретал по 1400 рублей за вагон. Казалось бы, что раз условие было принято, усматривать уголовщину в том, что он сам получает дешевле, по меньшей мере наивно. Слишком явно, что здесь какие-то закулисные счеты.

На днях был у Н.Н. Сиверса; эгоизм, который был у него всегда, не покидает его и теперь. Весь обложен запасами продуктов, имеет возможность получать их, но никогда ничего не предложит, а сам не зевает воспользоваться случаем. Я принес ему сахар, привезенный из Карачева, а он не мог достать двух-трех фунтов хлеба, который приносят ему разные типы в дом Плевако (где Главзагран). Уверяет, что не приходили, а между тем у самого на окне было фунтов пять-шесть. Неужели нельзя было быть любезным и взамен принесенного сахара дать два фун-

та хлеба, о которых я просил потому, что у меня кончился запас своего и мы очень нуждались?

Вчера пришли поздравить М.И. Дунин-Борковский и Ляля.

Сегодня вернулся из Серпухова М.А. Лисовский. Там все идет «спешным» ходом – формирование четырех тяжелых дивизионов должно быть закончено к 15 февраля, несмотря на то что это совершенно невозможно. Не потому ли, т.е. видя невыполнимость этих требований, М.А. Лисовский собирается уходить. Уйдет ли, вопрос другой, но говорит об этом не первый раз, а сейчас очень настойчиво.

Последнее время устаю, может быть невероятный холод квартиры причиной того, что усталость чувствуется сильнее. Как бы то ни было, самочувствие неважное – утомился опять душой и физически. Это уже было, при такой тяжелой жизни немудрено, что повторяется. Немудрено будет, если такое состояние будет повторяться чаще и чаще. Грустно сознавать, что сдаешь, но ничего не поделаешь. В обычное время, уверен, еще очень не скоро наступил бы момент, что я стал бы чувствовать переутомление жизнью и работой.

19 января

Медленно вымерзаем – низкая температура квартиры была 7–8° – теперь спустилась ниже 4°. Жить совершенно невозможно, но и переехать куда-либо и сложно, и дорого, а главное, надо найти. И найти подходящее место, ибо мы уже много натерпелись неудобств и неприятностей.

Нет никакой возможности работать в подобной атмосфере, все дела у меня остановились – писать не могу, стынут руки. Читать не могу, стынут ноги. Все теплое осталось в Петрограде в складе – неблагоразумно, но теперь ничего нельзя поделать.

Время идет по-прежнему: 10–5[1] в ТАОНе. Затем комиссии уставная, по боевому употреблению артиллерии, полевого устава, ближнего тыла и наконец ВТР.

На днях был в ГАУ на совещании председателей – денег не платят, а требования предъявляют работать, между тем сотрудники постепенно отпадают.

Из внешних событий вчера в газетах было об убийстве толпой в Берлине с-р[2]. Либкнехта и Розы Люксембург.

[1] То есть с 10 часов утра до 5 часов дня.
[2] Так в тексте.

21 января

Температура комнат ниже 4°, казалось бы, что в такой температуре жить нельзя, но мы все же живем и даже пока здоровы. Господь хранит.

Эти дни были бурные собрания жильцов дома, решался вопрос об отоплении. Больше месяца назад одна компания жильцов повела интригу против тоже жильца дома С.И. Ласточкина, взявшего на себя поставку дров. Его обвинили в спекулятивных использованиях, и доставка дров остановилась. Избрали отопительную комиссию, которая ничего не делала, тогда выбрали некоего Л.Л. Рупдантуева толкать дело доставки дров из Кооператопа. При помощи штата Латышского авиационного отряда он получил один вагон (12 саженей [дров]), а дальше никаких надежд. Дом без отопления, температура падает.

На собрании 18-го числа выразили порицание отопительной комиссии, которая по заявлению одного из членов М.П. Мейера не выбрала председателя, не имела заседаний и совершенно не осведомлена в денежных делах, касающихся отопления. Ввиду такой инертности отопительной комиссии, ее аннулировали и решили вновь обратиться к С.И. Ласточкину, поручив наладить дело отопления дома по своему усмотрению. Такое решение очень не понравилось Л.Л. Рупдантуеву, который состоял членом ревизионной комиссии (кроме него Гурвич и я), тенденциозно опрашивал лишь тех, которые показывали против Ласточкина, что заставило меня отказаться от участия в комиссии. Кроме того Рупдантуеву за «толкание» было назначено 500 рублей в месяц плюс разъездные без определения суммы. Конечно, лишиться этого ему было обидно, а потому он начал энергичную кампанию против Ласточкина, подав протест против решения общего собрания жителей дома, и кроме того пустился в грязную комбинацию мешать Ласточкину получить топливо.

Вся история с отоплением великолепный образец, как мы не умеем организовать что-либо. Во-первых, совершенно «неграмотны» в деле налаживания работы «для общей пользы», во-вторых, даем ход интригам, так как не умеем разобрать, кому что можно поручить и доверить.

В деле общественной службы с одной стороны младенцы, с другой стороны нет охоты работать на общую пользу, а главное, слишком много негодяев, которые берут верх над более воспитанными и менее наглыми. Достаточно видеть, как обнаглевшие дворники, швейцары и т.п. издеваются над прежними «господами» и как эти бывшие «господа» в лучшем случае молчат, а в большинстве готовы исполнять каждое их самое нелепое требование.

Хам идет. Идет быстрыми и твердыми шагами, опошляя всех и все кругом себя. Отсутствие сдерживающего начала дает возможность выходить наружу грубости и дурным инстинктам.

4 февраля

Большой перерыв дневника. За это время температура в квартире спустилась до 0° – было нестерпимо. Е. Ф. страдала невероятно. Ищем квартиру, чтобы переехать в более теплое место, но найти невозможно. Везде какие-нибудь осложнения.

В четверг, 30 января, Е. Ф. поехала к Дуниным-Борковским и прожила там до воскресенья. Несколько согрелась. За это время кое-как наладилась топка дома и сейчас 6–7°, плохо, но все же не мороз. С.И. Ласточкин делает все, что в его силах, и если бы не он, то мы совершенно погибли бы. Бедная Е.Ф. все же сильно пострадала, так как у нее от холода опухли руки.

Параллельно с квартирными делами большие перемены в ТАОНе: Лисовский уходит окончательно, был уже приказ по ГАУ о его назначении инспектором тяжелой артиллерии. По слухам, в Серпухове в Военревсовете намечают в начтаон меня, но официально об этом до сих пор неизвестно мне самому. Е.К. Смысловский снова предложил мне должность его заместителя (оклад 2500 рублей в месяц), послали телеграмму в Серпухов, не встречается ли препятствий. Оттуда через три дня получился ответ, что там не согласны. Какое точно выражение, не знаю. Решил идти на то, что выйдет, но помощником я, конечно, ни при ком не останусь.

Сегодня поехал в Серпухов для доклада Шейдеману начштаба Бежанов, он повез письмо Лисовского, где просится сообщить официальное решение Военревсовета.

Набегает еще новая комбинация в ВТР на должность члена совещания в качестве председателя комиссии по составлению учебников для «рядового» и учебных команд (оклад, вероятно, 2400 рублей в месяц). Это очень заманчивое место, так как дает свободу распоряжаться своим временем.

Хотя выгоднее всего начтаон, так как содержание 2000 рублей плюс паек. Сейчас это очень важно – но зато ответственность, ввиду необходимости формирования к 15 февраля четырех дивизионов. Недаром же Лисовский уходит. Кроме того, я не очень умею вести дело с комиссарами. Вдобавок ко всему, меня возмущает порядок работы в штабе и других учреждениях ТАОНа. Придется сразу прибрать все к рукам, а это ко-

нечно не всем будет по вкусу.

Меня поразила неделикатность Лисовского — он хлопочет у Ю.М. Шейдемана о назначении помощником начальника ТАОНа Н.М. Шафрова, даже не спросивши меня. Шафров очень милый человек, но у него больше все гладко на словах, а на деле не все так образцово, как бы можно было. Затем он молод и мало обстоятелен лично.

Конечно, Лисовский сделал для меня много, когда я был безработный, и потому не хочется делать ему неприятность, но все же странно, что он не спросил моего мнения или просто не попросил меня о Шафрове. Это типично для настоящего времени, когда все перемешалось, все понятия о деликатности, вежливости и приличиях отошли куда-то, на очень задний план.

12 февраля

Приходится отмечать, что и на солнце есть пятна. Казалось, что Лисовский принадлежит к числу людей с тактом. Однако есть периоды и обстоятельства, где внутреннее содержание человека выходит наружу. Я уже записал, что на должность помощника начальника ТАОНа он без моего ведома устроил Шафрова. 6-го числа получено от Ю.М. Шейдемана предписание сдать ТАОН мне, Шафрову быть помощником и сдать свою должность Замятину (последнего не знаю по работе, думаю, что дело не проиграет). И вот тут же, уже имея в руках бумагу о моем назначении, Лисовский хотел опять без меня назначить помощника к Замятину — пришлось вмешаться и попросить не торопиться, пока я сам не соображу, кого назначить.

Затем оказывается, что все должности «для поручений» тоже уже замещены служащими в ТАОНе... своими людьми, замещены недавно, т.е. тогда, когда вопрос об уходе Лисовского был окончательно решен.

Это уже некорректно.

6-го же числа Лисовский должен был ехать в объезд частей ТАОНа, накануне он был в ГАУ, где его требуют на новую должность, а потому он решил послать в командировку меня, о чем сказал мне вечером, в комиссии «Полевого устава». Я энергично воспротивился ехать на следующий день — в сущности, я бы мог, но не люблю собираться так спешно. Поэтому настоял на выезде в пятницу 7-го числа.

Около 6 часов вечера собрались на вокзале все едущие — Баранов (начштаба), Вукотич (из хозяйственного отдела штаба), Гофман (из Артснаба) и Дардзинский (переписчик). Вагон, который нам дали, оказал-

ся чудовищным по отсутствию оборудования и намека на примитивные удобства. Рамы одни, во-вторых, нет стекол, в некоторых окнах стекла побиты и дырки, вентиляторы не завинчиваются, неисправны отопительные трубы и также грязны, нет умывальника и в общем невероятная грязь. Хуже нельзя придумать. В таком вагоне мы провели ночь, спали урывками, каждые два часа вставали пить чай, чтобы согреться.

Выехали в 7 часов с Курского вокзала по направлению на Нижний Новгород. На следующий день, 8-го числа, около 12 часов прибыли на станцию Сеймы в дивизион «В». Отдохнув немного и выпив кофе у командира дивизиона Ф.Н. Шумского (был на операции под Молодечно и ранее начальник воздушной обороны Молодечно). Осмотрел размещение дивизиона, а также выяснил все нужды и получил те сведения, которые мне были записаны Лисовским. Обедали и ужинали с командным составом. Спали в тепле в помещении дивизиона.

Не знаю, по какой причине у меня вспухли ноги настолько, что я не мог одеть ботинок,— хорошо, что удалось получить валенки. Это было важно и потому что заменили обувь, и особенно пригодились потом при поездке на лошадях.

Дивизион размещен в нескольких сотнях сажен от вокзала ж[елезной] д[ороги], что было очень удобно для нас.

9-го числа около 12 часов мы опять вошли в вагон; накануне начальник станции давал телеграммы о замене нам вагона, но тщетно — ничего не прислали, и мы поехали в тех же условиях. Здесь произошел инцидент — полученные для команды ТАОНа продукты опоздали доставить вовремя, начальник станции не задержал поезда на четверть часа, и мы уехали без продуктов и Вукотича, который остался с ними.

Отсюда к 4 часам дня мы прибыли в Вязники. На вокзале нас встретил командир дивизиона «Б» А.М. Захаров с санями. До города 6–7 верст. Мороз был около 14–15° при ветре. Доехали в 20–25 минут, замерзнуть не успели, и потому поездка была удачная. На квартире Захарова его жена встретила обедом. Затем был чай, вечером вторичный чай и ужин. Очень гостеприимные люди.

Около 10 часов вечера приехал Вукотич, продукты довез багажом, переложил в наш вагон. На следующий день, 10-го, осматривал размещение дивизиона, а в управлении беседовал относительно нужд и собирал требуемые сведения. Комиссаром в дивизионе состоит Спрогис, которого Захаров очень хвалит, большой работник и помощник во всех делах. С таким комиссаром легко идти рука об руку.

Снова обедали и пили чай у мадам Захаровой. Ночь провели в доме, где квартира Захарова,—чудное помещение, тепло, отлично выспался и отдохнул.

Около 5 часов дня выехали на станцию, погода всего 4°, но снежный ветер и снег. Все же доехали легко. На станции наш вагон, благодаря начальнику станции, привели в порядок—заткнули дырки в окнах, законопатили вентиляторы, исправили отопление, снабдили дровами и свечами. Новый проводник оказался, не в пример выехавшему с нами из Москвы, отличным человеком. Около часа ночи вагон прицепили к почтовому поезду. В 12 часов дня 11-го числа вернулись в Москву. Домой приехал на извозчике за 100 рублей. Вечером после 6 часов ко мне звонил по телефону Гофман, что в ТАОНе сумятица, из Серпухова ряд телеграмм об окончании формирования 2-го дивизиона «Е» к 15 февраля во что бы то ни стало, с возложением ответственности на Лисовского. Очевидно, эти телеграммы вывели Лисовского из равновесия, так как будто бы он сказал, что «крайне недоволен» нашим возвращением назад, а не поездкой в Гаврилов Посад. Я полагаю, можно было бы сказать, что наше решение неудачно, не совпало с моментом, но передавать через будущих подчиненных, что он крайне недоволен,—дико.

Целый вечер говорил по телефону—выяснял положение, так как Гофман сказал, что надо ехать в тот же вечер. Наконец через Шафрова (который поспешил также упомянуть о недовольстве Лисовского) узнал, что мы «должны» ехать сегодня.

Утром говорил с Бежановым и Гофманом, а сейчас Бежанов передал, что к поезду 10 часов 40 минут на Ярославском вокзале будет прицеплен вагон 3-го класса № 1034 (тот же вагон был тоже 3-го класса № 1053).

16 февраля

Автомобиля опять не было, а потому в 9 часов вечера выехал на Ярославский вокзал на извозчике—безумные цены, 100 рублей. На вокзале выяснилось, что 7-час[овой] почтовый поезд не ушел, а поезд [в] 10 часов 40 минут отменен. Наш вагон будет прицеплен к поезду, который должен отойти в 12 часов 40 минут, но и это не вышло—почтовый отошел после часу ночи, а наш поезд подали только около 5 часов утра, и отправились в 7.30.

Ночь провели в комнате начальника станции, пили чай и жевали хлеб.

Вагон на этот раз дали приличный—чистый, теплый с прекрасным проводником. В дороге долго стояли, отъехав всего 11 верст от Москвы,

так как испортились пять теплушек, их выбрасывали из состава. По пути два раза от железнодорожного комиссара и чрезвычайного комиссара поверяли наше право на отдельный вагон.

В Гаврилов Посад прибыли 14-го числа в 7.30 часов утра – довольно долго ожидали лошадей. Только к 11 часам мы были в управлении 2-го дивизиона «Е». Командир дивизиона Митурич на днях заболел, а потому временно командует дивизионом заведующий хозяйством. Болезнь, по-видимому, политическая – нежелание идти на фронт, хотя Митурич коммунист. Прикрыто тем, что он давно болен (вообще), но в этом случае зачем было держать больного, кажется не богадельня, а войсковая часть. Командиром бригады (3-й арм[ейской] арт[иллерийской] бр[игады]) Л.Л. Коссович – коммунист. Он только пять дней в Гавриловском Посаде, где сменил командира бригады Михно.

Затем были в управлении бригады и 1-го дивизиона «Д». В помещениях дивизионов не был, так как люди размещены в окрестных деревнях. 1-м дивизионом «Д» командует тоже заведующий хозяйством: командир дивизиона А.Н. Одинцов получил новую должность заведующего артил[лерийским] снабжением Западного фронта.

Здесь получена телеграмма Лисовского на мое имя. Немедленно возвращаться полном составе. Что она означает, догадаться не могли.

Вечером сели в вагон, но поезд вместо 12 часов ночи отошел только около 5 утра.

В Москву прибыли около 4 дня вчера, 15-го числа.

В Гавриловском Посаде обедали у Одинцова, я вывез оттуда 1 пуд картофеля по твердой цене около 12 рублей. Продукты местные жители достают, но так приезжим трудно достать за один день.

По приезде в Москву снова автомобиля не достали, причиной вызова оказалось то, что формирование отложено на два месяца. Поднят также вопрос о переводе частей ТАОНа на юг, а штаба в Орел.

Вечером С.Т. Беляев передал мне предложение ВТР взять должность председателя секции составления учебников, жалованье 2100 рублей в месяц – но пайка нет. Не знаю, как решить свою судьбу. Паек в настоящее время чрезвычайно важен.

Сейчас ТАОН записан в военный кооператив, где тоже будут давать какие-то продукты. Но огромный минус ТАОНа – ответственность и целый день на службе, первое время придется даже, вероятно, оставаться дольше положенного времени. Задача куда приткнуться не так проста, как кажется.

26 февраля

За это время произошло много перемен, 17-го числа М.А. Лисовский сдал мне должность начальника ТАОНа и ушел в ГАУ.

Первыми моими шагами было выяснить вопрос об уходе заведующего Военного хозяйственного управления ТАОНа А.Р. Гринько. Первые дни он не приходил с докладом, а посылал своего помощника Н.Ф. Дунаева. Когда же я пожелал выяснить, когда же он уйдет и как идут дела нашего кооператива, то пришел на доклад сам, причем старался ходить вокруг да около, так что мне пришлось поприжать. После этих докладов его уход ускорился, и 22-го числа была получена бумага о его назначении куда-то. Вчера подписан приказ о назначении на его место Н.Ф. Дунаева, очень обстоятельного человека, окончившего в свое время Интендантскую академию.

В четверг 20-го числа телеграммой был вызван в Серпухов. Вечером вместе с делопроизводителем Аспелундом. Поезд ушел в 9 утра с Курского вокзала — утром извозчиков не нашел и шел пешком до Красных Ворот, и только пройдя их, удалось найти извозчика за 30 рублей.

Ехал в штабном вагоне — удобно. В Серпухове в штабе Ревовоенсовета не покормили, пришлось обедать и ужинать в столовой. Ю.М. Шейдеман вызвал меня по пустякам — вероятно, цель была поговорить со мной. Назад поехали около 9 часов вечера на вокзал, удалось сразу попасть в штабной вагон, но вагон был плохой и грязный. Вместо 5 часов 40 минут утра поезд отошел в 8 часов 50 минут — не было паровоза. В Москву приехали около 2 часов дня. В дороге есть не пришлось, не считая четырех крошечных кусочков хлеба с колбасой и телятиной.

В воскресенье пришла телеграмма от Ю.М. Шейдемана об отмене перевозки частей ТАОНа и о продолжении формирования дивизионов. Таким образом, вся история с переброской на юг оказалась непродуманной.

За это время от ВТР им было предложено взять на себя отдел издания войсковых учебников с оплатой 1050 рублей в месяц при совместительстве и 2100 рублей, если я уйду из ТАОНа. Помощников штатных у меня может быть три, одного я наметил А.М. Бунакова, который согласился.

9 марта

В квартире продолжается невозможная температура — 3° и только иногда

к вечеру доходит до 5°, когда топят жен. печь[1] в комнате хозяев.

На днях приехал хозяин квартиры Н.И. Свидерский – с его приездом усиленно топят и плиту на кухне, и печь в комнате; сегодня он уедет и опять наступит период экономии (или, говоря вульгарно, жмотства, хотя берут с нас все ту же большую плату «за квартиру с отоплением»). От холода у меня снова опухли ноги, и я принужден ходить в валенках, они тяжелы и потому при больших расстояниях я очень устаю и появляется одышка, от которой я думал, что уже освободился.

На дворе стояли порядочные морозы – 15–18°, и только три дня как яркое солнце пригрело и температура спустилась на –4° и до +1°. На улице хорошо, а в комнате холодно и сыро.

В ТАОНе порядка нет – в штабе работа идет кое-как, в частях и того хуже. Хотел ознакомиться с делами кооператива, но хаос, царивший там, не дал возможности хоть приблизительно узнать финансовую сторону дела. Наш кооператив вошел в ЕВКО (Единый военный кооператив), но, благодаря халатности заправил нашего кооператива, мы прозевали получку картофеля. Мое требование познакомить меня с постановкой дела вызвало спешный уход Гринько – не огорчен, это уже один плюс моего вмешательства.

Затем вторым делом было предложение командиру 1-й армейской артиллерийской бригады ТАОНа Л.А. Чумаковскому подыскать себе другое место и объявление ему выговора за небрежное отношение к службе – четыре месяца не мог перевезти орудия в пределах Москвы, прозевал получить большую партию обоза, упряжи и мотоциклетки, высланные в бригаду по железной дороге. Все это имущество забрала 1-я запасная артиллерийская бригада. Наконец, на днях пришли из Карачева тракторы, он и их не нашел времени сгрузить, и они едва не были отправлены обратно.

Вчера снова пришлось ставить на точку одного из служащих Артснаба – В.И. Озерицкого. Лодырь в работе, небрежно вел приходо-расходную книгу кооператива.

При современном положении дел, при отсутствии «палки» над душой, очень трудно заставить людей работать как следует – совершенно не вижу способов наладить дело. Начальник штаба С.Г. Бежанов слишком хороший и мягкий человек, чтобы прибрать всех к рукам. Мой помощник Н.М. Шафров легкомысленный до предела, на его помощь у меня

[1] Так в тексте.

нет никакой надежды. Поймал его даже на том, что он распоряжается помимо меня.

Если поставить себе задачей наладить работу в приличном виде, то придется много положить труда — стоит ли?

На днях приехал П.Д. Гладков, его призвали на службу и командировали от Ярославского комиссариата по военным делам в Астрахань. Какая должность ему будет назначена, неизвестно. Наружно изменился очень — характером нисколько, такой же эгоист. Жизнь последнего полугода его не научила быть внимательнее к другим. Едет с 200 рублями в кармане — это при нынешних ценах! Поэтому не каждый день обедает, но ужинает у нас ежедневно, что ложится большим бременем на наш бюджет. Вместе с тем не чувствуется, чтобы он сознавал какое-либо смущение. Ну, Бог с ним. Несколько неприятно, когда есть что-нибудь и не предложить ему — но все у нас в таком мизерном количестве, что делиться трудно.

Цены растут с каждым днем — 1 фунт хлеба 20–25 рублей.

Отказался от работы в комиссии Огородникова, мой отдел передан сначала Я.С. Михно, но он сейчас же отказался, так как Огородников принял его очень нелюбезно. Сейчас согласился и написал уже в три дня А.Н. Вукотич.

Холод в квартире не дает возможности работать, а потому никак не могу справиться со всеми комиссиями, где я участвую. Между тем, я так любил сидеть за своим столом и писать.

Даже дневник приходится забрасывать, что меня огорчает, ибо теряет связность, и многое упускается. Со временем был бы богатый материал для воспоминаний, а в таком виде он не дает ничего.

Избегаю также записывать и текущие события политического характера, так как критика в настоящий момент является преступлением и за нее можно поплатиться. Между тем, было бы интересно через много лет прочесть именно критику настоящего, чтобы видеть, насколько тяжелое положение либо затемняет смысл эволюции, либо происходящая эволюция идет не в неправильной[1] плоскости. Было бы очень интересно проверить себя — прав ли в своих взглядах, или «тамбовские интересы» заглушают или затемняют идеи блага в будущем.

Может быть, если доживешь до времени, когда порядок и определенная система установятся прочно, может быть, тогда будет возможность

[1] Так в тексте.

вспомнить то, что переживал и передумал за это время, и сравнить, но если умрешь или состаришься настолько, что уже утратишь способность объективно смотреть на события, то будет жалко, что не оставил следа своих впечатлений и взглядов на происходящее.

Главнейший минус настоящего это полная противоположность тезису В. Гюго, который говорит: «развивайте народ... постарайтесь устроить так, чтобы он шел навстречу всему хорошему».

Сейчас этого нет: народ идет навстречу не «всему хорошему», а наоборот – многому дурному, народ грубеет правами.

С этим огрубением придется считаться очень долго. Дурные инстинкты выходят наружу, а молодежь наша не видит хороших примеров и воспитывается в духе хулиганства, озорства и эгоизма. И вдобавок к этому развивается жажда быстрой наживы – спекулянтства. Нередко приходится видеть, как в столовых, кофейнях и т.п. мальчишки 11–14 лет тратят свободно 40–60 рублей: откуда они у них – очевидно, получены спекуляцией. Спекуляция же не закаляет людскую честность.

18 марта

Больше двух недель живет у нас П. Д. Гладков – две недели стесняет нас отсутствием основных признаков деликатности и внимания к укладу нашей жизни. Странно видеть человека в 50 лет, привыкшего к известному жизненному укладу, опростившимся до неузнаваемости. Непонятнее всего является его нечувствительность к тому, когда ему указываешь определенно на его эгоизм и стремление на себя приспособить к жизни тех, кто в тяжелую минуту приютил его, а наоборот, заставлять нас приспосабливать к своим нуждам, да еще таким, которые легко могут быть отложены в сторону.

Еще в Петрограде я определенно ему высказал, что жить вместе с ним не могу и что больше не приглашаю его к себе. Тем не менее, он остановился у меня и делает вид, что такого разговора вовсе и не было.

Через меня ему удалось задержаться в Москве и устроиться в ТАОН.

Казалось бы, приюта и ТАОНа достаточно, чтобы человек шел бы навстречу нашему обиходу, старался быть полезным, а не в тягость.

Не знаю, понимает он это или нет, но по его действиям не видно. Эгоизм впереди всего. Несколько дней хворал, простудился; оно и немудрено. Дома холод, хотя температура и поднялась до 6°, на улице несколько дней было выше 0°, сейчас опять утром 8–10° мороза. Два дня сидел дома.

Вызывал меня Ю.М. Шейдеман в Серпухов – телеграфировал, что не могу; вчера снова вызывает. Что нужно, опять по пустякам? Средств к передвижению нет, по железной дороге ехать трудно, в Серпухове не организовано кормление, вечером негде ночевать. Вообще не так проста поездка, и потому вызывать зря совсем не следует.

Сегодня в ТАОН не пошел – праздник Французской Коммуны, буду выходить только для обеда. Температура уже нормальная (в эти дни мерил не регулярно – было до 37,5), но чувствую слабость. Есть еще кашель и насморк.

Часть 6

**Начата 7 апреля 1919 года –
окончена 1 декабря 1919 года**

Нельзя существующий порядок приводить в оправдание своих поступков. Побольше уважения к человеку, побольше внимания — вот что не надо забывать!

1919 год

7 апреля

Почти месяц не записывал в дневник — интересного ничего, дни тянутся за днями и, надо сказать, проходят довольно быстро.

П. Д. Гладков совершенно неожиданно вместо назначения в ТАОН, получил предписание Всероглавштаба ехать туда же, куда ему было назначено сначала.

Приехал какой-то уполномоченный с фронта и, по-видимому, потребовал командный состав — ну вот П. Д. и забрали. Надо думать, это возмездие за его сверхбесцеремонное поведение. Уехал, даже не сказав толком, когда едет, не подумал написать хоть открытку с вокзала или пути, чтобы сказать спасибо. Бог с ним, пусть на его душе останется этот поступок.

Работы по изданию войскового учебника подвигаются медленно, на что в редакции начинают претендовать. Однако при холоде в квартире, когда нет никаких сил долго писать и работать, да еще при условии загородных участников (Триковский и Яковлев[1]), навязанных редакцией, дело наложения[2] сильно усложняется. Уставы тоже медленно подвигаются вперед — Орудийное учение для полевой легкой и тяжелой уже окончено, на днях будет сдано в печать. Как курьез следует отметить, что первая корректура Устава попала к Ю. М. Шейдеману на просмотр, и он, не разобрав, что это лишь первая корректура, дал отзыв, указывая на корректурные ошибки и отсутствие чертежей. Однако расценил, как составленные хорошо. Ну, спасибо и на этом!

С комиссией Огородникова покончил, заменив себя А. Н. Вукотичем, кажется, он справится с задачей. Вукотич взялся писать также и учеб-

[1] Скорее всего, здесь имеется в виду В. В. Яковлев (1871–1945), видный военный инженер, преподаватель Военно-инженерной академии, два раза дослужившийся до чина генерал-майора: в царской армии (1916) и в Советской армии (1943).

[2] Так в тексте.

ник артиллерии для ВТР.

Помощником по созданию учебника устраиваю С.Г. Бежанова. По телефону А.И. Литвинов сообщил, что берется писать учебник для кавалерии, но считает 750 рублей за лист мало – пойдет ли ВТР на повышение.

Погода начинает сдавать, несколько дней 1–2° тепла, а то было 15–8° мороза.

Мечтаем найти квартиру с лучшими условиями для жизни, а то вторую зиму не выдержим такой жизни.

Последнее время было изобилие привезенных из разных мест продуктов, многих из них – сало, творог, сметану и яйца – мы не видали давно. Здесь на них прямо неприступные цены – творог, сметана 30–40 рублей фунт, масло – 120 рублей, яиц в продаже не видно.

А.И. Нищенков, живший в Москве, уехал, и от него кем-то получено письмо, что добрался до Киева, как-то ему будет там житься. Политическое спокойствие в Киеве, по-моему, наступит еще не скоро. В этом отношении в Москве много лучше.

Недавно через одного из служащих в ТАОНе, ездившего в отпуск в Киев, получил письмо от В.Г. Бланка – единственный еще оставшийся в живых из их семьи. Его сын Володя расстрелян здесь, в Москве. На днях произошел трагический случай: перевозили орудия 155 из Мастяжарт'а в батареи, одно из них из-за порчи трактора застряло в конце Пречистенки в районе Храма Спасителя, проезжал Троцкий и нашел, что это орудие своим видом возбуждает нежелательные толки в народе, приказал убрать в 24 часа. Конечно, выполнить нельзя, так как исправных тракторов нет, да и бензина тоже. Мокарт'и забило тревогу, но помочь все же не смогло. Наконец через день орудие было убрано, и инцидент исчерпан. В публике ходили разные версии: одни утверждали, что орудия везут в Кремль для защиты от выступлений (как раз была забастовка на Алекс. железной дороге), другие утверждали, что наверное знают, что орудие приготовлено, чтобы разрушить Храм Спасителя. Действительно, переполох был большой!

11 апреля

Время идет быстро, через неделю Пасха – на дворе заметно теплеет, снег тает – всюду неимоверная грязь. Уборкой улиц никто не занимается, только кое-где чистят панели. Калош нет, сапоги промокают.

Увеличение содержания как будто налаживается. Сегодня бывший арт[еллерист] Козловский (служит в РВС) говорил, что оклады ТАОНа

прошли и будут объявлены 15 апреля. По его словам, возможно получение еще 40%, как учреждению, подчиненному РВС. Посмотрим, во что это выльется.

М.И. Дунин-Борковский снова арестован, 10-го и 11-го был суд, он оказался в числе тех, о которых назначено доследование. Виновен ли он в действительности, или просто попал в историю, этого никогда не узнаешь.

Н.Н. Сиверс после расформирования Главзаграна был в распоряжении начальника Главного штаба, а теперь назначен начальником Командного управления (Старая Басманная, 17).

Сегодня в ТАОНе очередная «строгая» бумага Ю.М. Шейдемана: во 2-м дивизионе «Е» не обучен состав и не съезжены лошади, в конце угроза привлечь к ответственности, если через месяц все не будет налажено. Не первый раз Ю. М. срывается с нарезов, отлично зная, что многое невозможно выполнить.

ТАОН получил склад инструментов, материалов и прочего добра, в ближайшем он сможет развернуться в починочную мастерскую автомашин. Во главе склада энергичный человек, и может быть дело пойдет лучше, чем в тракторной школе (Карачев). Уставная комиссия ползет медленно, но все же кое-что уже сделано. Вчера на заседании был С.Ф. Зубовский (начальник Высшей артиллерийской школы), докладывал намеченные изменения орудийного учения конной артиллерии, жаль, что не обещает скоро составить.

Кооператив ТАОНа начинает оживать при В.Е. Карташевском (начальник хозотдела штаба).

Хотел завтра выехать в Рыбинск, но отложил до среды Св. недели, так как при задержке можно застрять либо в Рыбинске, либо в пути на праздники, к тому же, через 10 дней будет еще теплее, а это уже много лучше.

19 апреля

Завтра Пасха — дивная погода, уже совсем тепло и яркое солнце. Природа не изменяет своих порядков, только люди в поисках «счастия» стараются все изменить, все переломать.

В жизни человека много несовершенств — счастье, как удовлетворения всех мечтаний достичь, невозможно. Жизненный уклад каждого или создает приближение к намеченному представлению о счастии или наоборот, ряд преград, причем в большинстве случаев сам человек явля-

ется причиной неудач.

Доволен человек не бывает никогда, так как если слагающаяся_обстановка как бы осуществляет картину нарисованного счастия, человек создает уже новую, высшего порядка, а то малое или мелкое счастие его уже не удовлетворяет.

Мне нравятся люди, не опускающие рук, и находят[1] пути к уловлению того благополучия, которое они поставили себе в данный момент. Что касается людей, которые мечтают об «идейном» счастии, оказываются лицемерами; прикрываясь фирмой общего счастия, они стремятся к личному благополучию.

Истинно идейных людей не только мало, но даже меньше малого. Да к тому же они малозаметны.

20 апреля

Пасха – утро несколько пасмурное, как и в Благовещение, примета подтвердилась. Вчера в штабе получены телеграммы о передвижении некоторых дивизионов. Сговорились с Мироновым (военком) и начальником штаба быть в ТАОНе в 2 часа.

Вчера вечером неожиданно пришел Д.П. Тишин – как приятно было его видеть. Девять месяцев о нем ничего не было известно. В августе он поехал в Псков, а затем в Киев, теперь едет в Петербург, а потом собирается в Ригу, где его сын. Он совсем не изменился ни внешностью, ни характером – по-видимому, только с П.Д. Гладковым произошла резкая перемена. Впрочем, еще С.Т. Беляев, который как-то утратил душевное равновесие, недаром Гутор и Рыльский считают его психически поврежденным.

На церковную службу пошли с Е. Ф. в Никольскую церковь в Серебряном переулке, но там была такая масса народа, что войти в церковь не удалось, и мы остались на улице, пока крестный ход с пением «Христос Воскресе» не вошел в церковь. Оттуда пошли в церковь отца Владимира на Сивцевом Вражке, там народу тогда было много, но все же протискались, пришли, когда крестный ход еще не начался; простояли у заутрени до 2 часов и затем кое-чем разговлялись – была Пасха, казенный кулич, крашеные яйца, колбаса, сало, сливочное масло и молоко к чаю.

Большая часть продуктов – или паек, или из кооператива ТАОНа, или прислано добрыми людьми из ТАОНа.

[1] Так в тексте.

На днях был у меня С.Н. Бартенев (бывший командир 29-го парка, затем командир тяжелого дивизиона под Крево), я думал, он исчез из Москвы, так как сам он не появлялся, а кого ни спрашивал, никто о нем мне не мог ничего сказать, а между тем, он все время был в ГАУ.

Б.Н. Кутузов снова заболел рожистым воспалением лица — кажется, решился принять место «для поручений» в ТАОНе. Будем его устраивать.

24 апреля

Вчера вечером вернулся из Ростова (Ярославск[ого]). Выехал в среду 23-го числа в 1 час ночи, вместе с С.Г. Бежановым, К.Н. Гофманом в вагоне «микст»[1]. Ехать было удобно и доехали скоро — в 10 утра были уже на месте. Осматривали дивизион 1 «Е», которым командует Белорусский. Комдив не был в Ростове, ездил за 18 верст — говорит, осматривал место, куда собирался перевести дивизион. Знакомился с нуждами дивизиона по докладу завхоза, смотрел орудия, мастерскую и помещения казарм.

В общем, все производит удручающее впечатление, материальная часть содержится кое-как, помещения грязны до невероятия и неуютны, красноармейцы имеют вид оборванцев, а никак не солдат. К 5 часам вернулся комдив.

На следующий день пробовал пищу, которую дают только один раз в день, вследствие недостаточного отпуска продуктов. При фунтовой даче хлеба это совсем мало, в результате большой процент самовольных «отлетов» красноармейцев домой за хлебом и кое-какой провизией. Вызвал на осмотр 2-ю батарею — из 200 человек было выведено не более 100, остальные или в отсутствии, или не могли быть в строю из-за отсутствия сапог. Занятия не ведутся вовсе ни с командным составом, ни с солдатами. Первые мало подготовлены, вторые не имеют никакой выправки и совершенно необучены при орудиях.

Выехали обратно вчера в 8 часов утра и приехали в 2 часа вечера. Автомобилей вызвать не удалось, а потому с вокзала приехал на извозчике за 200 рублей.

Около 9 часов вечера Н.М. Шафров телефонировал, что меня вызывает на сегодня в Серпухов к Ю.М. Шейдеману — хотя очень неловко второй раз отказываться ехать, но все же я устал за поездку в Ростов и потому просил Шафрова поехать за меня, сам же собираюсь ехать во вторник, а то мои отказы будут иметь вид саботажа.

[1] Вагон смешанного типа, включающий места «Люкс» и места «СВ».

Получил письмо от И.П. Михайловского, пишет, что умер Н.М. Каменев.

На Святой неделе умер В.М. Альтфатер (сын бывшего артиллериста, начальника Главного артиллерийского управления[1]), руководитель морского ведомства. Я его не знаю, но последнее время приходилось много слышать о нем по поводу дела Дунина-Борковского. Говорят, будто он отравился или его отравили – как знать. Всегда при скоропостижных смертях начинают «говорить». Грустно сознаться – начинаю уставать жить, вместе с чувством усталости является сильное желание вернуться в Петербург и, больше всего, жить совершенно отдельно, лучше всего в гостинице. Как мне недостает «моих вещей» – хотелось бы приняться за приведение в порядок коллекции марок, за писание воспоминаний войны. Вообще быть дома – «у себя». Ежедневное хождение на службу от 10 до 5 меня угнетает. Бр... какая тяжелая жизнь, а холод в квартире, голова болит, колени болят – совсем калека! Работать нет никаких сил. Выбит из колеи.

Может быть, лето, тепло хоть немного подбодрит, и снова можно будет приняться за какие-нибудь дела, как было прошлым летом и осенью.

Какие вещи привезут; о вещах – реквизированы или нет – надежды мало получить их.

1 мая

Был в Серпухове и хорошо сделал, ехал с большим удобством в своем вагоне, вечером с 9 часов забрался в него и отлично выспался, не так как прошлую поездку, когда до 2 часов ночи сидел в комнате коменданта и клевал носом, а затем в отдельном штабном вагоне мучился на верхней лавке.

По возвращении из Ростова получил от военкома Симоновича из Харькова две бумаги, возмутившие меня по форме и по содержанию. «Предлагаю» и об исполнении «доложить». А предложение таково, чтобы я от себя отозвал Лутохина и ветврача Ширяева, отнюдь не ссылаясь на «предложение» Симоновича. Такой способ убрать их оттуда «обиняком» подозрителен, очевидно, они чему-то мешают.

Работа в ТАОНе не очень привлекательна, паек да кооператив имеют кое-какую цену, а то больше худого, чем хорошего. Кооператив наш

[1] На самом деле контр-адмирал В.М. Альтфатер был сыном помощника начальника ГАУ М.Г. Альтфатера.

сильно поднялся после того, как им заведует В.Е. Карташевский, хозяйственный и живой человек.

Вчера был суд над М.И. Дуниным-Борковским, обвинен в попустительстве и служебном нерадении, что дало возможность существованию государственной измене. Приговорен к заключению в концентрационном лагере на все время гражданской войны. Повезло все же, мог быть и расстрелян.

Получил письмо от Г.М. Богачева – без содержания.

Читаю интересную брошюру «Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века» А.А. Корнилова, изд.1915 г. В обличительной записке, составленной Н.А. Милютиным в 1863 году и поданной им при проекте устройства учебной части в Царстве Польском, между прочим сказаны знаменательные слова: «поверхностное материальное знание в ущерб серьезной науке открывает простор революционной пропаганде, которая всего успешнее действует на людей полуобразованных...»

4 мая

Заходил Б.Н. Кутузов – наконец основательно решился взять место в ТАО-Не, я этому очень рад.

Недоволен С.Т. Беляевым – в комиссии Полевого устава было установлено, что при прорыве артиллерия подчиняется начальнику див[изии], а иногда может быть объединена и тогда подчиняется начальнику арт[иллерии] высшего соединения. С. Т. исповедует и проводит всюду обратное положение, т.е. вся артиллерия подчиняется начальнику арт[иллерии] высшего соединения, который передает ее по частям в дивизии «напрокат», отнимая «в случае надобности» и «переключая» их в соседние дивизии в зависимости от обстановки, на манер телефонных аппаратов.

В соответствии с этим он составил ст[атью] устава, А.Е. Гутор поймал его в передержке, С. Т. начал утверждать, что таково было решение комиссии, но это явная неправда – как не стыдно прибегать к таким приемам, чтобы проводить свои идеи.

Лично я не разделяю его положений, переключение не только трудно, но, пожалуй, в большинстве случаев и невозможно – с переносом огня на другие участки надо ведь переносить и наблюдательные пункты, а это требует времени, хотя бы они были даже заранее устроены. При подготовке прорыва все задачи каждой батареи должны быть предусмотрены, и порядок огня должен быть намечен так, чтобы не приходилось отступать от составленного плана, тут именно важно, чтобы все

задачи для одной батареи были в одном районе, чтобы не делать переносов огня на большие углы и чтобы все цели, подлежащие обстрелу, были видны с одного и того же наблюдательного пункта; для выполнения случайных задач, не предусмотренных артпланом, нужны «свободные батареи» разных калибров (по возможности).

Мою теорию поддерживает и М.К. Смысловский, что мне доставляет большое удовольствие.

Вчера опять телефонировал Ф.Е. Огородников по поводу «Учебника артиллерии», я думал, что о нем давно забыто, оказывается, что в ГУВУЗе нуждаются в таком учебнике. Составленный А.М. Некрасовым и переделанный Ф.Е. Огородниковым еще не печатается. Надо знать и В.П. Муратову (заместитель начальника ГУВУЗа) и переговорить с ним. Я бы хотел составить, это интересная работа, но нет времени – в ТАОНе работать сейчас нельзя, так как по заведенному обычаю все лезут ко мне во всякое время, по вечерам я занят четыре дня в неделю в разных комиссиях, и на писание не остается свободного часа. Урывками заниматься не могу. Надо достать материалы и уже по ним писать; таскать все книги в ТАОН, а затем домой неудобно. Теперь мне надо наладить работу для ВТР, неправильно поставил сразу, оттого и не вышло.

6 мая

Снова собрался ехать в Рыбинск, но вагона не дают, надо мотивировать требование на отдельный вагон; без вагона ехать немыслимо – не поездка, а мучение, ни отдыха, ни пристанища.

Был с Е. Ф. на обеде к Н.В. Марину[1] – было 15 человек, среди которых Вас. Ф. Новицкий с семьей и бывший генерал Лобачевский.

Сегодня утром узнал, что умер В.Н. Свяцкий – известный прожектер и изобретатель, последнее время читал лекции в нынешней Академии Генерального штаба.

Ввиду того, что работа по «войсковому учебнику» не налаживается, поступим, как страус, – не пошел в ВТР, неприятно докладывать, что ничего не сделано.

Из Ржева прислали «Talbot», ездил на нем в ГУВУЗ к В.П. Муратову, но так как он был занят, то, прождав четверть часа, уехал назад. Назад шел пешком – «Talbot» не захотел заводиться. Вообще с автомобилями не везет – не могу получить даже для служебных поездок. Все автомобили

[1] Так в тексте.

забирают комиссары и портят усиленной ездой, а машины едва держатся и могут еще работать при умеренной езде и аккуратном обращении.

Время идет быстро. Но очень нудно.

10 мая

Начальник штаба хлопотал о вагоне, ничего не вышло, послал телеграмму Ю.М. Шейдеману и кроме того письмо с просьбой посодействовать получить вагон.

Е. Ф. узнала в банке, что текущий счет переведен в Москву, лично получать не более 1000 рублей в месяц. Ходил узнавать в Государственную ссудную казну узнать о судьбе нашего серебра – все из Петербурга вывезено в разные города. Ценные вещи, заложенные в Москве, выдаются, если оценка их не свыше 300 рублей, все остальное реквизируется.

Мало-помалу приходится лишаться всего, что накапливалось за всю жизнь и службу с таким трудом. Никогда не имел средств, жил на жалованье, а теперь лишаюсь своих сбережений.

Вчера в комиссии С.Т. Беляева произошел крупный инцидент – из многих, посещавших эти заседания, осталось очень немного. Я предложил спросить всех членов, могут ли посещать заседания или же отказываются от участия, с тем, чтобы определить число «верных» посетителей и решить, может ли комиссия в таком небольшом составе решать вопросы о «боевом употреблении артиллерии».

В момент обсуждения этого вопроса П.М. Зигель, Н.Л. Владиславский и М.К. Смысловский как раз вошли в помещение. Объясняя мотивы поднятого вопроса, С.Т. Беляев высказал порицание частым пропускам и опозданиям на заседаниях – Зигель и Владиславский обиделись. К ним присоединился Смысловский, усмотрев в этом контроль посещаемости заседаний.

М.А. Лисовский предложил спросить всех членов дать письменные ответы – Зигель, Владиславский и Смысловский разобиделись окончательно и отказались посещать комиссию.

Дело не мое, конечно, но я считаю, что обострять отношения нехорошо, надо проводить мягко и не в обидной форме.

Сегодня получил письмо от Ю.М. Шейдемана, в котором он предлагает, по сформировании 4-х дивизионов, остальные свернуть в резервные. Идея для ТАОНа самая правильная, она уже давно намечалась, но поднимать ее от штаба ТАОНа было неудобно – другое дело, если это будет проведено РВСР – в этом духе написал ответ.

Был у меня Л.А. Лупаков (Генштаб), взялся составить учебник для пехоты – может быть, дело пойдет наконец на лад.

Заходил в ТАОН бывший генерал А.М. Бонч-Богдановский (знаю его по 10-й армии), предлагал ему принять участие в учебниках, он пока согласия не дал, жаль – он бы был очень полезен.

За последнее время много разных слухов, но... памятуя, что «ходить бывает склизко по камушкам иным», а потому лучше помолчим.

Главное же, что большинство «слухов» или же вздорные, или же основаны на субъективных впечатлениях, а таким слухам цена не велика. Конечно, как исторический материал они очень интересны, но склизкость хождения по этим камешкам заставляет остерегаться их записывать.

1 июня

Непривычка работать от – до чрезвычайно утомляет, кроме того, возвращаешься домой четыре раза в неделю довольно поздно, все это мешает и работе дома, а потому из дневника ускользает характер записи всех мелочей, из которых слагается жизнь. Кроме того, «скользкие камешки» не дают возможности записывать ни личные взгляды, ни события, ни слухи, ни взгляды людей, с которыми соприкасаешься. Между тем, это было бы до крайности интересно в ныне переживаемое нами время. Буду вести хронологическую запись, что делал в течение дня, а некоторые выводы в допустимой форме в зависимости от настроения и свободного времени.

Начал такую запись в календаре, а потому надо внести записанное в нем с начала этих пометок.

30 апреля. От 7 вечера в комиссии Гутора (Антипьевский, 6) – Полевой устав.

1 мая. Провел дома, у нас была Е.М. Дунина-Борковская.

2 мая. От 11.30 до 9 вечера в ТАОНе – вечером в штабе ТАОНа комиссия Беляева.

3 мая. Ходил с Е. Ф. в Народный банк – оказался запертым по случаю дезинфекции. От 1 [до] 5 дня в ТАОНе.

У нас была Л.И. Новикова. Получил приказ № 13 из Организационного управления с программами обучения... Телефонировал Ф.Е. Огородников по поводу учебника артиллерии.

4 мая. Дома, в 5 часов пошли с Е. Ф. к Н.В. Марину, где обедали.

5 мая. От 11 до 5 в ТАОНе, днем ездил к В.П. Муратову в ГУВУЗ,

но он был занят, и я не дождался его.

У нас были Л.И. Новикова и Е.М. Дунина-Борковская.

6 мая. От 11 [до] 3 в ТАОНе, собрался ехать в Рыбинск, но вагона не дали. Дома была Е.М. Дунина-Борковская.

7 мая. От 11 до 5.30 в ТАОНе — хлопоты о вагоне в ЦУПВОСО не увенчались успехом, послал телеграмму Ю.М. Шейдеману в Серпухов и кроме того письмо с просьбой выхлопотать вагон. Послал также Шейдеману просьбу о переводе управления 2-й артиллерийской бригады и двух дивизионов «М»[1] из Рыбинска в г. Белев Тульской губернии.

От 6.30 до 8.30 в комиссии Гутора в Антипьевском переулке.

8 мая. Утром ходил с Е. Ф. в Народный банк открыть текущий счет на переведенный счет из Петербурга на 8281 р.

От 2 до 9 в ТАОНе, от 7 вечера была Уставная артиллерийская комиссия.

9 мая. От 11 [до] 8.30 в ТАОНе. Около 1 часа дня ходил в Московское отделение Государственной ссудной казны, от 3 до 4 в артотделе ВТР (Дегтярный, 10), от 7 до 8.30 в комиссии Беляева.

Заходил А.М. Бонч-Богдановский просит принять в ТАОН некоего Сазонова, долго была Е.М. Дунина-Борковская.

10 мая. От 11 [до] 5 в ТАОНе. Из Серпухова вагон на поездку разрешен. Дома были Л.А. Лупаков по поводу составления войсковых учебников и Е.М. Дунина-Борковская.

11 мая. Дома, обедал с Е. Ф. в Обыденском переулке, была Е.М. Дунина-Борковская. В 7 часов ходил к М.К. Смысловскому.

12 мая. От 11 до 5 в ТАОНе, опять с вагоном неудача, назначенный нам вагон отправлен куда-то, другого не дают.

Днем заходил А.И. Литвинов, просит о зачислении в ТАОН его знакомого.

Е. Ф. была на общем собрании жильцов дома от 9 до 1 часа ночи!?

13 мая. От 11 [до] 5 в ТАОНе, приехал из Харькова военком Симонович с частью комиссии по закупке лошадей, из Петрограда вернулся В.Е. Карташевский, привез сахарин, говорит, что Б.Д. Куликовский арестован.

Б.Н. Кутузов поступил в ТАОН — для поручений.

С вагоном кажется окончательный провал — отказал Наркомпуть.

Дома заперли воду за невзнос платы.

[1] См. приложение Б.

14 мая. От 11 [до] 5 в ТАОНе, прибыл Б.Н. Кутузов. Идет слух о расформировании штаба ТАОНа; дивизионы будут переданы на фронты для формирования – не понимаю идеи, если штаб ТАОНа не в силах ускорить формирование, где для этого имеются все средства, то как же будет это выполнено на фронтах. Нет логики, а потому, вероятно, это только один слух.

От 6 [до] 8.30 вечера в комиссии Гутора, был Огородников – через Гутора предлагают взять на просмотр арт. отд. «ближнего тыла», составл[енный] Вукотичем.

Дома была Е.М. Дунина-Борковская и П.Н. Алексеев.

15 мая. От 11 [до] 9 в ТАОНе – полный переполох, кто-то передал, что в ГАУ получена телеграмма о расформировании штаба ТАОНа в месячный срок – старожилы говорят, что ТАОН расформировывается уже не первый раз и все еще жив, так и сейчас. Военком Симонович получил разрешение покупать лошадей по *вольной цене* и сегодня снова уехал в Харьков. От 7 часов Уставная артиллерийская комиссия.

Е. Ф. получила из Госбанка 1000 рублей с текущего счета.

16 мая. От 11 до 9 в ТАОНе, из Серпухова приезжал сотрудник Упр[авления] инспарта Доможиров и ничего угрожающего штабу не сообщил. От 3 [до] 4 в артотделе ВТР, от 7 часов Уставная артиллерийская комиссия. Дома Е.Ф. перевели по карточкам продовольствия из 2-го разряда в 3-й, надо восстановлять права.

17 мая. От 12 [до] 5 в ТАОНе. Утром ходил в Организупр. – получил деньги за Полевой устав (620 рублей), в ТАОНе выдали за седьмой час. Дома была Е.М. Дунина-Борковская.

18 мая. Дома, обедали с Е. Ф. в Обыденском переулке, ходили осматривать Храм Спасителя.

Дома была Е.М. Дунина-Борковская, приходил начальник отдела металлов инженер Богдасаров по поводу автомастерской.

19 мая. От 11 до 5 в ТАОНе, ходил смотреть квартиру в Хлебном переулке, очень хороша, но надо иметь прислугу, запас дров – а это все не по средствам. От 6.30 до 7.30 в ВТР.

Военком Миронов, Н.М. Шафров, Я.С. Михно и инженер Богдасаров выехали в Серпухов.

Сегодня прекращено электрическое освещение.

20 мая. От 11 до 5 в ТАОНе, дома Е. Ф. ходила к С.В. Ивановой.

21 мая. От 11 до 5 в ТАОНе – ездившие в Серпухов вернулись вчера, от 5.30 до 10 обед в отделе металлов (Мансуровский пер., 4). Дома

были Е.М. Дунина-Борковская, Л.И. Новикова, но не застали, так как Е. Ф. была с С.В. Ивановой.

22 мая. От 11 до 5 в ТАОНе – ездил на автомобиле в ГУВУЗ к В.П. Муратову – обещал учебник артиллерии к 1 августа, затем ездил к Н.Н. Сиверсу (Н. Басманная, 16). Ходил опять на квартиру в Хлебный, но хозяин В.И. Борманский занят приездом жены. От 7 до 9 Уставная артиллерийская комиссия. Дома Е.Ф. ходила к С.В. Ивановой, опять заходила Е.М. Дунина-Борковская и опять не застала никого.

В Командном управлении видел И.С. Балашова.

23 мая. От 11 до 5 в ТАОНе, телеграммой из Серпухова меня вызывают туда на сегодня, по телефону уговорились на понедельник. По телефону, а затем ряд телеграмм с требованием подготовить к отправке на фронт две батареи 3-го дивизиона «С»[1] в 48 часов – целый день отдавали распоряжения для выполнения сей мудреной задачи.

От 7 [до] 9 вечера комиссия Беляева.

24 мая. От 11 до 5 в ТАОНе, около 1 часа ходил в ВТР, говорил с Радус-Зенковичем по поводу учебников, просил не выдавать содержания, пока не наладится дело. Вообще, это не так все легко и меня сильно нервирует.

Батареи «С» отправляются в Гатчино.

Дома была Л.И. Новикова и затем Лупаков по поводу учебника. В Петербурге арестованы Б.Д. Куликовский, И.Н. Андреев, был и уже освобожден С.Н. Бутыркин.

25 мая. Дома, обедать ходили с Е. Ф. в Обыденский переулок. Заходила Е.М. Дунина-Борковская, но не застала нас дома.

26 мая. Поездка в Серпухов, автомобиль опоздал на полчаса, выехал из дому в 7.30 вместе с К.П. Гипус, поезд отошел в 9 утра, приехали Серпухов в 12 ч. 35 м. Доклад у Ю.М. Шейдемана до 2 часов – главное, реорганизация ТАОНа – части резервные, штаты сокращенные. Наскоро пообедали, и в 3.15 вечером обратно в Москву, куда прибыли в 7 вечера. День был очень жаркий.

Получил письмо от П.Д. Гладкова. Он председателем правления автоброневой базы на ст. Краматоровке.

27 мая. От 11 [до] 4 в ТАОНе – вчера батарея 3-го дивизиона «С» не поспела погрузиться, кончает погрузку сегодня. Являлись комбриги в Ржеве Рудольф и затем Бойно-Радзевич.

[1] Тяжелая батарея, оснащенная четырьмя 155-мм французскими пушками.

От 4 [до] 6 в комиссии Гутора в ГАУ – бесполезное переливание из пустого в порожнее.

28 мая. От 11 до 5 в ТАОНе – 2-я батарея 3-го дивизиона «С» ушла сегодня в 7 часов утра. Военком недоволен малой энергией комсостава, а по-моему, батарея погрузилась быстро, что же касается хаоса, тоже его теперь нет.

Утром в 10 часов зашел в церковь отца Владимира, служил архиерей Трифон, отцу Владимиру поднесли наперсный крест.

От 7 [до] 9 в комиссии Гутора, удивительно по-детски написан Дмитриевым отдел обороны.

29 мая. Праздник Вознесения, обедал с Е. Ф. в Обыденском переулке, ходили смотреть квартиру на Никитской, 29, кв. 7. Две комнаты 600 рублей, затем были у П.Н. Алексеева – видел там В.Н. Лодыгина.

Дома заходила Е.М. Дунина-Борковская, но не застала нас.

30 мая. От 11 [до] 5 в ТАОНе – составлены новые штаты ТАОНа. От 6 часов должны были обсуждать отдел обороны.

11 ч. Полевой Устав, но С.Т. Беляев заболел, В.К. Смысловский сильно запоздал, а мы с М.А. Лисовским просидели 40 минут и разозлились.

31 мая. От 11 до 5 в ТАОНе. Около 12 дня в ВТР – отд[ел] воен[ных] учебников переходит в секцию тактики. Был Ф.Н. Шумский (комдив «В»)[1]. Вечером был в церкви отца Владимира.

1 июня. С 11 вечера часы переведены на час вперед.

Обедали с Е. Ф. в Обыденском переулке, Л.А. Лупаков отказался писать учебник. Вечером дома была Е.М. Дунина-Борковская.

2 июня. От 11 до 5 в ТАОНе. Из Смоленска вернулись Бежанов и Гофман, из Харькова закупочная комиссия (лошади). Приезжал Л.Л. Коссович. От 6.30 [до] 8 в ВТР.

Е. Ф. вечером была у С.В. Ивановой, у нас была Е.М. Дунина-Борковская.

3 июня. От 11 до 5 в ТАОНе, приезжал Соболевский (комбриг 2). Около 5.30 был в столовой штаба, получил билеты на обеды. Утром по телефону говорил начальник Главного штаба Н.И. Раттель – почему медленно исправляются уставы, вот чудак, а когда же работать, собираясь раз в неделю немного напишешь.

4 июня. От 11 до 5 в ТАОНе, от 1.30 до 2.30 в ВТР, беседовал с К.К. Байовым по поводу злосчастных учебников.

[1] Командир дивизиона литеры «В».

От 7 до 9 в комиссии Гутора.

5 июня. От 11 до 5 в ТАОНе, после 5 был на обеде у Бежановых от 7.30 до 9 в комиссии С.Т. Беляева.

6 июня. От 11 до 5 в ТАОНе – получена телеграмма начальника штаба РВС Костяева подготовить одну батарею «Е»[1] из Ростова. Послали соответствующее распоряжение.

Около 4 часов ходил смотреть квартиру Ершова (Кудринская Садовая, 7); подошла бы, но самим покупать дрова.

От 7.30 до 9 Уставная комиссия. Вечером дома был П.Н. Алексеев.

7 июня. От 11 до 12.30 в ТАОНе, от 12.30 до 3 обсуждение 11-й части Полевого устава «Оборона» с Беляевым, В.К. Смысловским и Лисовским. Около 5 часов поехал на трамвае к Е.М. Дуниной-Борковской, туда же приехала и Е. Ф. Е. М. больна – жар около 40°. Назад вернулись к 7 часам.

8 июня. Обедали в Обыденском переулке. В 10 вечера телеграфировал П.Н. Алексеев, что у Е.М. Дуниной-Борковской воспаление легких. Около 10.30 ходили в садик у Храма Спасителя. Днем писал проект подчиненности артиллерии для обороны, 11 часть «Полевого устава». С.Т. Беляев говорит – почти так, у него всегда что-нибудь да есть заметить на написанное кем-либо другим, только написанное им самим его может удовлетворить.

9 июня. Обедали в Обыденском переулке. Около 5 часов П.Н. Алексеев телефонировал, что Е.М. Дунина-Борковская провела ночь плохо, собирается перевезти к себе. Телефонировал в ТАОН, чтобы прислали автомобиль. Комендант Поль обещал, действительно в 7.30 подали, с автомобилем приехал служащий Ефрос, он, Алексеев и Е. Ф. поехали за Е. М., привезли благополучно и поместили у П.Н. Алексеева, это очень любезно с его стороны, так как Е. М. одна в квартире, и присмотреть за ней некому.

10 июня. От 11 до 5 в ТАОНе – инцидент с начальником отдела Артснаба Аспелундом, который на какой-то запрос комиссариата ответил заносчивой, бестактной бумагой; Симонович потребовал смещения его на низшую должность.

11 июня. От 11 до 5 в ТАОНе – ходил в магазин «Мюр и Мерилиз», получил по ордеру ботинки, хорошие, за 202 рубля. От 6 до 9 в комиссии Гутора. На Никитском бульваре встретил Е.М. Дунину-Борковскую, еще не поправилась, а уже выходит.

[1] См. приложение Б.

12 июня. От 11 до 5 в ТАОНе. От 7 до 9 комиссия С.Т. Беляева, который сообщил, что после неприятных слов А.Е. Гутора на большом совещании в Арт[иллерийской] ком[иссии] ГАУ, бывшем 10 июня, он считает себя обязанным сложить обязанности председателя.

13 июня. От 11 до 5 в ТАОНе. От 7 до 9 Уставная комиссия, был С.Ф. Зубовский.

14 июня. От 12 до 5 в ТАОНе. Был в Организупре Всероссийского Генерального штаба отнес бумаги об ускорении работ комиссии. В ТАОН заходил Е.З. Барсуков по поводу формирования латышской батареи «Г». От 8.30 до 9 был у В.К. Смысловского. Встретил А.И. Могилевича, который рассказал, что Я.С. Вешняков и жена ведут бродячую жизнь.

15 июня. Обедали в Обыденском переулке, перед обедом ходила Е. Ф. на Кудринскую Садовую смотреть квартиру. Вечером был П.Н. Алексеев, говорит, что результатом выходов Е.М. Дуниной-Борковской явился плеврит.

16 июня. От 11.30 до 5 в ТАОНе. Утром относим в Организупр Устав батарейн[ого] учения легкой и тяжел. артиллерии. От 6.30 до 8 в ВТР.

Е.М. Дунин Борковская переехала от Алексеева домой. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

17 июня. От 11 до 5 в ТАОНе. Много слухов – но, как и все, очевидно, вздорные. Видел перечень уничтоженного Растяпинского артсклада – свыше 300 тыс. пудов пороха, до 2 миллионов разных легких снарядов и огромное число трубок, гильз и проч.

18 июня. От 11 до 5 в ТАОНе. Послано распоряжение о погрузке батареи 1-го дивизиона «Е» в Ростове на 21-е число. От 7 до 9 комиссия Гутора, который сегодня говорил абсурды и спорил с В.К. Смысловским.

19 июня. От 11 до 5 в ТАОНе – комиссия из Миронова, Дубинского и Аспелунда рассматривает вопрос об изъятии служащих, согласно каких-то особых указаний. Писали анкету – вероятно, для комиссии Миронова.

Дома. Заходил А.А. Лукерьин, бывший помзахимарм 10-й армии. Е. Ф. ездила к Е.М. Дуниной-Борковской.

20 июня. От 11 до 5 в ТАОНе – Серпухов требует послать на фронт одну батарею дивизиона «Д»[1], хотя бы и не закончив по доформированию[2]. От 7 до 9 Уставная комиссия.

[1] Тяжелая батарея, оснащенная 155-мм французскими орудиями с удлиненным стволом.

[2] Так в тексте.

21 июня. От 11 до 7 в ТАОНе – телеграмма, телефонограмма об отправке на фронт дивизионов 4 «Е» и 3 «С». Вечером ходил на Б. Дмитровку, 7, кв. 75 смотреть две комнаты. Трагически покончила с собой мать А.М. Бунакова – вонзила финский нож в сердце, 65 лет. У него третья смерть в короткий промежуток времени – отец, жена и вот теперь мать.

22 июня. От 11.30 до 1.30 в ТАОНе, обсуждали вопросы об отправке дивизионов 3 «С» и 4 «Е», а также о нуждах 1-го дивизиона «Е».

С.Т. Беляев узнал, что среди арестованных в Петрограде его брат Влад[имир] Тим[офеевич] (так недавно вернувший из германского плена), находится он в Песковском лагере, ходил туда днем и видел Б.Д. Куликовского и И.Н. Андреева. Надо их навестить!

23 июня. От 10.30 до 4 в ТАОНе, вернулся из отпуска начальник штаба С.Г. Бежанов – ездил в Орел и дальше, провожал свою мать.

От 4 до 5 в ГАУ в большом совещании, обсуждается вопрос о существовании комиссии Беляева, после его отказа.

24 июня. От 10.30 до 5 в ТАОНе. От 11.30 до 2 в ВТР на заседании по поводу планов занятий в войсках. Были Гутор, Белолипецкий, Нилов[1], Ступин (Организупр).

Вечером дома была Алекс Борисовна Радченко (сестра m-me Лехович и Похвиснева), просит о сыне принять в ТАОН.

25 июня. От 11 до 5 в ТАОНе, от 6.30 до 9 в комиссии Гутора.

Германия подписывает тяжелые условия мира, но отказывается признать себя единственной виновницей войны и выдать Вильгельма и генералов для суда над ними. Соглашаясь на торгашеские условия, она не признает за собой идейного позора. Дома Е.Ф. была у С.В. Ивановой.

26 июня. От 11 до 5 в ТАОНе. Дома Е.Ф. ходила к П.Н. Алексееву. Встретил А.Н. и М.М. Сиверс.

18 июня. От 11 до 5 в ТАОНе – Серпухов дает распоряжение подготовить к отправке две батареи 1-го дивизиона «Е». Был В.П. Селиверстов, говорил, что арестован И.П. Михайловский, воображаю, как он подавлен, замкнулся в своей домашней среде, и вдруг арест, вот уж он-то ни в чем наверно не замешан.

От 7 до 9 Уставная комиссия. Дома была Е.М. Дунина-Борковская.

28 июня. От 11 до 4 в ТАОНе, после 4 ходил с Е. Ф. смотреть кварти-

[1] Возможно, имеется в виду генерал лейтенант Иван Дмитриевич Нилов (1859–1933), но он являлся участником Белого движения, а после эмигрировал во Францию. Впрочем, история Гражданской войны знает немало примеров перехода с одной стороны на другую.

ру на М. Никитской у м-ме Ершовой, затем были у Бежановых.

Дома были Э.Б. Похвиснев и М.В. Муратова.

29 июня. Утром ходил смотреть квартиру в Хлебном переулке. Е. Ф. ходила в Новопесковский лицей навестить Б.Д. Куликовского. Я был у А.А. Маниковского по поводу автомастерской ТАОНа. Обедали в Обыденском переулке.

30 июня. От 11 до 5 в ТАОНе, от 7 до 8 в ВТР, Е. Ф. ходила смотреть квартиру в Хлебном переулке.

1 июля. От 11 до 5 в ТАОНе, вечером играл в карты у Н.П. Муратова.

2 июля. От 11 до 5 в ТАОНе. Миронов без ведома Симоновича распорядился об увольнении трех служащих ВХУ, по-видимому, предстоит чистка в Артснабе, а может быть в штабе. Говорил с Симоновичем, разговор был совсем по-домашнему, он обещал пересмотреть решение Миронова. От 7 до 9 комиссия Гутора, который снова не особенно корректно спорил с В.К. Смысловским.

Пришло письмо Д.П. Тишина, надо послать 900 рублей за содержание Тобика, Е. Ф. нервничает о судьбе Тобика.

3 июля. От 11 до 5 в ТАОНе. Опасаются активных действий зеленых в районе Можайска, где огнесклад ТАОНа. От 7 до 9 бывшая комиссия Беляева, председательствует А.В. Иордан—присутствовал Гутор, который указал, что задачей комиссии разрешение вопросов, выдвинутых войной и являющихся спорными или новыми; правильно!

4 июля. От 11 до 5 в ТАОНе, после 5 ходил с Е. Ф. решать вопрос с квартирой в Хлебном, но опоздали, она уже сдана. Е. Ф. пошла к М.В. Муратовой. От 7 до 9 Уставная комиссия.

Из Серпухова приказано отправить две батареи дивизиона «Д» и две батареи 1-го дивизиона «Е» в Тулу, куда начальником обороны назначен Л.Л. Коссович.

5 июля. От 11 до 5 в ТАОНе, получено распоряжение Председателя РВСР Троцкого див[изион] «В» перевести из Сеймы в Нижний Новгород. Для чего, неизвестно, Серпухов не знает. Через Я.С. Михно получено приказание Серпухова готовить 3-й див[изион] «Е».

6 июля. Обедали в Обыденском переулке, от 7 до 12.30 играл в карты у С.Ю. Прибыткова.

Смотрели комнаты в М. Николопесковском пер., 9—приличные, хорошо обставлены, 450 рублей, отопление центральное.

Получил устав оруд[ийного] учения, материальная часть 48-л[инейной] гаубицы и пешее уч[ение]—еще корректура.

7 июля. От 11 до 3.30 в ТАОНе. В Серпухов поехали Д.М. Якушевский для доклада о 3-м див[изионе] «Е» и Б.Н. Кутузов со штатами резервных частей ТАОНа. Приходила В.Н. Данилович.

Около 4 дня был в Организупре, сдал дивизионное учение.

8 июля. От 11 до 5 в ТАОНе. Вернулись Якушевский и Кутузов. Был в казенном ломбарде – наше серебро не в Москве. Снова заходила В.Н. Данилович. Дома была М.В. Муратова.

9 июля. От 11 до 5 в ТАОНе. Вечером играл в карты у Н.П. Муратова.

10 июля. От 11 до 5 в ТАОНе, от 7 до 9 комиссия Иордана; пока ничего не выходит, он не умеет вести заседания, так как, очевидно, сам не составил себе программы работы, мешает присутствие Гутора и кроме того неизвестно для чего приходил С.Т. Беляев – глупо и бестактно.

11 июля. От 11 до 5 в ТАОНе, Я.С. Михно сообщил о замыслах комиссариата против Гофмана и Бунакова.

Шалыгин привез Тобика и отвел его на квартиру – Е. Ф. довольна бесконечно.

От 7 до 9 Уставная комиссия. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

Среди арестованных из Петербурга находятся Чепурнов и Житенов.

12 июля. От 11 до 5 в ТАОНе. Военком Симонович принял православие, крестили М.А. Лисовский и жена Н.М. Шафрова. От 6.30 до 11.30 играли у нас в карты Прибытков, Муратов, Бежанов – были еще Мария Вас[ильевна] и С.В. Иванова. Днем была Е.М. Дунина-Борковская.

13 июля. От 2 до 3 ходил в Новопесковский лагерь – видел Б.Д. Куликовского, В.Т. Беляева, И.Н. Андреева, Шевича. Среди посетителей были Н.В. Шульга, Л.П. Чебашов.

Обедали в Обыденском переулке днем, были Ф. Е. и М.И. Огородниковы. Вечером 7–11 играли в преферанс у Прибыткова.

14 июля. От 11 до 5 в ТАОНе – из Рыбинска один взвод дивизиона «М» ходил в Пошехонье на усмирение, одно орудие подбито артиллерийским огнем восставших.

Вечером заходили М.В. Муратова и Э.Б. Похвиснев.

15 июля. Около 11 утра был в Наркомфине у управляющего Народным банком, подал заявление о получении серебра.

От 12.30 до 5 в ТАОНе.

Встретил архиепископа Серафима (бывшего в Кашине).

16 июля. От 11 до 5 в ТАОНе, утром заходил в Организупр, сдал три уст[ава] оруд[ийного] учения. Серпухов приказал готовить 1-й дивизион «С» (нет ни людей, ни автомобилей).

От 7 до 9 комиссия Гутора. Прошел слух, что А.Д. Головачев арестован в Петербурге.

17 июля. От 11 до 5 в ТАОНе – слух о передаче Тракторной школы в ГУВУЗ. От 5.30 до 6.30 в артиллерийском отд[еле] ВТР. От 7 до 9 комиссия Иордана.

18 июля. От 11 до 5 в ТАОНе, днем ездил в Отдел металлов, смотрел две комнаты для себя, очень подходящие.

От 7 до 9 уставн. комиссия.

19 июля. От 11 до 5 в ТАОНе. Вечером у нас была М.В. Муратова.

20 июля. Обедали в Обыденском переулке, днем ходили на Мануровский переулок, смотрели комнаты, очень хороши.

Вечером был у нас С.Г. Бежанов с семьей.

21 июля. От 11 до 5 в ТАОНе, из Серпухова вернулся Пономарев, штаб ТАОНа не расформировывают, только некоторые служащие будут переведены в дивизионы.

От 6.30 до 8 в ВТР.

22 июля. От 11 до 2.30 в ТАОНе, около 3 часов дня был у Управлении народным банком, разрешение на получение серебра не готово. Был в Отделе металлов по поводу комнат и затем у А.А. Брусилова, говорил о комнатах для К.К. Байова, потом был у К. К. сообщить результат. Дома была Е.М. Дунина-Борковская.

23 июля. От 11 до 4.30 в ТАОНе. Вечером играли в карты у С.Ю. Прибыткова, там был Н.И. Купреянов.

24 июля. От 11 до 5 в ТАОНе. Днем арестовали переписчицу Голубятникову – по соучастию в спекуляции.

От 7 до 9 комиссия А.В. Иордана[1].

25 июля. От 11 до 5 в ТАОНе. От 7 до 9 Уставная комиссия.

26 июля. От 11 до 5 в ТАОНе. Прибыла комиссия Воен. Хоз. надзора ВЗС для расследования причины отсутствия автомастерской при Серпуховском артскладе.

Дома была М.В. Муратова с дочкой и П.Н. Алексеев.

Утром был на Мансуровском по поводу комнат и в Организупре, снес устав матчасти 3-дюймовых пушек.

27 июля. Около 1 часа дня неожиданно пришел И.П. Михайловский – он тоже переведен в Москву и сидит на бывш[ем] зав[оде] «Проводник»

[1] Скорее всего, А.М. Сиверс ошибся в инициалах и имеет в виду генерал-майора А.Ф. Иордана, бывшего инспектора артиллерии штаба 7-й армии.

(Лефортово)[1]. Очень нервен, его экзема от пережитых волнений усилилась и покрыло все тело. Очень жаль его.

Обедали в Обыденском переулке. Дома приходил Н.И. Купреянов. Вечером играли в карты у Н.П. Муратова.

28 июля. От 11 до 5 в ТАОНе.

29 июля. Дома, целый день укладывали вещи для переезда, очень устал.

30 июля. Продолжали укладку вещей, к 4 часам должен был быть грузовик, но не прибыл – задержался перевозкой вещей инспарта. Обедали в Обыденском переулке.

31 июля. В 1 час дня пришел грузовик и к 2 часам все вещи были на новой квартире. Устали от укладки и разборки вещей. Обедали в Обыденском переулке.

1 августа. От 11 до 5 в ТАОНе. Около 1 часа дня был у Ю.М. Шейдемана, они теперь помещаются в Алекс[сандровском] училище[2] на Арбатской площади. Опять тревожит слух, что дело об серпуховской автомастерской принимает дурной оборот, будет новое расследование Высшей военинспекции – кому отвечать, было столько начальников ТАОНа.

Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

2 августа. От 11 до 5 в ТАОНе, ходил на Сивцев вражек забрать оставшиеся вещи, туда пришел Б.Д. Куликовский.

Дома была Е.М. Дунина-Борковская.

На новой квартире тихо, спокойно – как на даче. После жары теперь идут дожди, температура понизилась, но не очень; в общем, лето было очень хорошее.

3 августа. Около 12 часов пришел И.П. Михайловский, пробыл до 2 часов. Обедали все вместе дома.

Е. Ф. ходила к Свидерским за посылкой от Е.Э. Некрасовой из Петербурга, а вечером оба были у Ивановых.

4 августа. От 11 до 5 в ТАОНе. Утром ходил в Организупр, отнес дивизионное учение, около 12 часов был у Ю.М. Шейдемана. От 6.30 до 8 в ВТР. Е. Ф. была у Свидерских.

5 августа. От 11 до 5 в ТАОНе – были Мезенцов и В.П. Селиверстов. Б.Н. Кутузов уехал в Ржев.

[1] Предприятие Товарищества русско-французских предприятий «Проводник» было эвакуировано из Риги в Москву в 1915 г. Завод производил изделия из каучука – от калош до автомобильных шин.

[2] Александровское военное училище, ныне здание Генерального штаба ВС РФ.

Дома была М.В. Муратова.

6 августа. От 1.30 до 5 в ТАОНе, около 12 был у Ю.М. Шейдемана, днем ходил к Прибыткову. От 7 до 9 в комиссии Гутора. Е. Ф. была у С.В. Ивановой и у М.В. Муратовой.

7 августа. От 11 до 5 в ТАОНе – около 1 часа дня был у Ю.М. Шейдемана и Хвощинского по поводу штатов. От 5.30 до 6.30 артотд. ВТР, от 7 до 9 комиссия Иордана.

8 августа. От 11 до 2.30 в ТАОНе, от 3 до 6 ездил на завод «Проводника» к И.П. Михайловскому, он работает в канцелярии фабрики. От 7 до 11.30 играли в карты у С.Ю. Прибыткова, его день рождения.

9 августа. От 11 до 5 в ТАОНе, донесение о саботаже комдива 2 «Е» – Шупта!

В газетах сообщено, что Рябцев (бывший ген[ерального] шт[аба] 10-й армии[1], затем командующий войсками Московского округа) повешен Деникиным.

Вечером играли в карты у нас Прибытков, Бежанов и Муратов, были Мария Вас[ильевна] и С.В. Иванова.

10 августа. Утром пришел И.П. Михайловский, а затем Б.Н. Кутузов, который принес матрас для И.П. Около 1 часа дня ездил с С.Г. Бежановым к начальнику ЦУПВОСО Аржанову просить о включении начальнику ТАОНа в число лиц, пользующихся вагонами.

Днем был Д.Д. Иванов и С.Т. Беляев – обедали в Обыденском переулке.

11 августа. От 11 до 5 в ТАОНе, от 6.30 до 8 в ВТР. К вечеру очень нездоровилось, поднялась температура.

Днем заходил Б.Д. Куликовский с дочерью Таней, но не застал дома.

12 августа. От 11.30 до 4 в ТАОНе, около 2 часов у Ю.М. Шейдемана. Передал штаты и другие бумаги. Получил бумагу с надписью главкома «разрешаю» на вагон для поездок. Был у управляющего Народным банком. Наконец получил разрешение на получение серебра, но что толку – где оно!

Довез на автомобиле К.К. Байова, который тоже хлопотал о ценных вещах.

13 августа. От 11 до 5 в ТАОНе. Ходил к зубному врачу – вырвал два зуба, едва державшихся. От 7 до 9 в комиссии Гутора.

14 августа. От 11 до 5 в ТАОНе, от 5.30 до 6.30 артотдел ВТР. От 6.30

[1] То есть офицер, переведенный в Генеральный штаб с закреплением по месту прежней службы – при штабе 10-й армии.

до 7 рассматривали артотд. «ближний тыл», от 7 до 9 комиссия Иордана.

15 августа. От 1.30 до 5 в ТАОНе, около 1 часа дня у Ю.М. Шейдемана — обсуждение штатов и формирование еще четырех дивизионов. От 7 до 9 Уставная комиссия. Е. Ф. была вечером у С.В. Ивановой.

16 августа. От 11 до 5 в ТАОНе, около 9 часов вечера заходил к Н.В. Шульге, дома была М.В. Муратова.

17 августа. Утром был И.П. Михайловский, днем зашел Б.Д. Куликовский с Таней. Около 7 ч. вечера зашел К.О. Рыльский по поводу учебников, взял работу.

18 августа. От 11 до 5 в ТАОНе. Вечером были в церкви Зачатиевского монастыря. Е. Ф. была у М.В. Муратовой.

19 августа. Праздник Преображения. Днем был И.П. Михайловский и др[1]. Михаил Эдуардович Белявский (10-й армии). Вечером у Прибыткова играли в карты. Е. Ф. нашла на улице портсигар с 31 рублем.

20 августа. От 11 до 5 в ТАОНе, утром заходил в Организупр, отнес дивизион[ое] уч[ение] 2-й коррект[уры] Около 1 часа дня в ТАОН пришел Ю.М. Шейдеман. От 7 до 9 комиссия Гутора.

21 августа. От 11 до 5 в ТАОНе. От 5.30 до 7 артотд. ВТР, вечером комиссия Иордана не состоялась. Е. Ф. днем была у М.В. Муратовой. У нас были, но не застали дома Б.Д. Куликовский с Петиным и Е.М. Дунина-Борковская.

22 августа. От 11 до 5 в ТАОНе, от 7 до 9 Уставная комиссия. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

23 августа. От 11 до 4 в ТАОНе, от 6 до 8 заседание домового комитета. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

24 августа. Днем играли у нас в карты — были Н.П. Муратов, С.Ю. Прибытков, Б.Н. Кутузов, Б.Д. Куликовский и И.П. Михайловский.

25 августа. От 11 до 6 в ТАОНе. Около 2 часов был у Ю.М. Шейдемана — зондировал почву относительно постоянной Уставной комиссии, встретил полное сочувствие. От 6.30 до 8 в ВТР, приехал Симонович из Нижнего Новгорода, по дороге был в Вязниках — нашептан[2] по уши А.М. Захаровым и, должно быть, в смысле критики Штаба ТАОН.

26 августа. От 11 до 3 в ТАОНе, от 4 до 6 в Артиллерийской комиссии ГАУ, обсуждались орудийные учения, замечания мелкие в виде придирок, сути касалось немного. Вечером приехал из Рыбинска В.А. Пра-

[1] Так в тексте.
[2] Так в тексте.

солов, ночевал у нас в помещении Отдела металлов.

27 августа. От 11 до 5 в ТАОНе – горячка, из Карачева сообщалось об опасном положении Тракторной школы и запасной бригады, просят их срочно эвакуировать, запросили Шейдемана – не надо. Симонович настаивает на назначении М.Н. Волчанецкого начальником снабжения ТАОН – не хочется, но придется бросить ему эту кость. От 7 до 9 комиссия Гутора.

28 августа. Праздник. Утром были С.Н. Бутыркин и И.П. Михайловский. Днем играл в карты у Н.П. Муратова.

29 августа. От 11 до 5 в ТАОНе – в штабе пошли интриги, автором их, по-видимому, А.М. Захаров, так как все идет из комиссариата. От 5.30 до 6.30 арт[еллерийский] отд[ел] ВТР. От 7 до 9 Уставная комиссия. Уехал В.А. Прасолов.

30 *августа.* От 11 до 5 в ТАОНе. Около 6 часов был у Я.Б. Якулова по поводу освобождения И.П. Михайловского, не застал, говорил с его сожителем, тоже политотдела Красного Креста.

31 *августа.* Днем играли в карты у С.Ю. Прибыткова. Вечером ходил к Н.В. Шульге по поводу поручительства об И.П. Михайловском.

1 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе, днем ездил к Ю.М. Шейдеману, не застал. Был у Я.Б. Якулова, передал ему заявление И.П. Михайловского. От 6.30 до 7.30 в ВТР.

2 сентября. От 11.30 до 3.30 в ТАОНе. Утром был у Ю.М. Шейдемана. От 4 до 6 в Артиллерийской комиссии ГАУ продолжали обсуждать орудийные учения. Получены новые штаты ТАОНа. Начальником снабжения назначается М.Н. Волчанецкий – я очень против, но Симонович очень просил.

3 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе. Из Петрограда приехала кузина, m-me Драке, привезла письмо И.П. Михайловскому и прошение его дочери к Каменеву об освобождении отца. От 7 до 9 в комиссии Гутора. Дома была Е.М. Дунина-Борковская, а Е. Ф. ходила к М.В. Муратовой.

4 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе – первый день по новым штатам. От 7 до 9 комиссия Иордана – не состоялась, мало собралось. Дома была М.В. Муратова.

5 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе. Около 4 часов был в Политическом Красном Кресте по поводу И.П. Михайловского. От 7 до 9 Уставная комиссия. Дома были Н.Н. Сиверс и д-р Белявский, оба не застали нас дома, Е. Ф. ходила к С.В. Ивановой.

6 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе. Дома был Михаил Эдмундович Бе-

лявский. Е. Ф. ходила утром к С.В. Ивановой, а днем у Богдасаровых.

7 сентября. Утром был И.П. Михайловский, обедали в Обыденском переулке.

8 сентября. От 12 до 5 в ТАОНе. Утром был у Ю.М. Шейдемана. Е. Ф. ходила к М.В. Муратовой.

9 сентября. От 11 до 3 в ТАОНе, ходили с С.Г. Бежановым в Организупр к Могульскому, просили размещения 4-го дивизиона «С» в Москве. От 4 часов в Артиллерийской комиссии на общем заседании комиссии по использованию опыта войны.

Какие дивные жаркие дни, тихие теплые вечера, квартира великолепная! Продал золотые часы Эриксона.

10 сентября. От 11 до 6 в ТАОНе, в 12 часов был у Ю.М. Шейдемана по поводу перевода управления 1-й бригады и 4-го дивизиона С в Уфу. От 7 до 9 комиссия Гутора.

Хлопоты Шульги о Куликовском и других кончились печально, их засадили до окончания гражданской войны, хорошо, что Михайловского не включили в их список, может что и выйдет для него.

11 сентября. От 11.30 до 12.30 в ТАОНе. Утром у Ю.М. Шейдемана. От 1 до 2 в ВТР, от 2.30 до 6 в Военной академии (Генерального штаба) на военной игре — видел С. М. и Ю.М. Шейдеман[ов], Рыльского, Костяева, Лукирского, Надежного, Цыховича, Н.С. Беляева, В.П. Муратова, П.И. Полякова, М.М. Загю и многих других. Е. Ф. ходила в банк.

12 сентября. От 11 до 2 в ТАОНе, от 2 до 6 в академии по военной игре, от 7 до 9 Уставная комиссия. Из Рыбинска приехал В.А. Прасолов, заходила Е.М. Дунина-Борковская.

13 сентября. От 11 до 2 в ТАОНе, Симонович сообщил, что с 1 октября он назначается начальником ТАОНа по решению Совета обороны, комиссариат упраздняется. Опять безработным надо наниматься, куда? От 2 до 6 в академии на военной игре.

14 сентября. Утром был И.П. Михайловский — днем играл в карты у Н.П. Муратова. Была М.В. Муратова, ходили с Е. Ф. к С.В. Ивановой, но та больна. Был Н.Н. Сиверс. Вечером заходила Н.В. Брусилова.

15 сентября. От 12 до 2 в ТАОНе, утром ходил в Литиздательский отдел РВСР к С.П. Виноградову по поводу сотрудничества в издании учебников. От 2 до 4 в академии на военной игре.

16 сентября. От 9 до 11.30 в ТАОНе, от 12 до 6 на военной игре в академии. В 6.30 заходил к В.А. Соковнину, который живет или, вернее, болеет у брата М. А., у него грудная жаба, астма, жар и очень плохой вид.

Вечером были Новиковы.

17 сентября. От 11 до 1.30 в ТАОНе, от 2 часов у С.П. Виноградова – работа неподходящая, далеко, и оплата всего 2200. От 3 до 6 на военной игре в академии – общее заключение, отлично сделал разбор С.Г. Лукирский. От 7 до 8 комиссия Гутора.

18 сентября. От 11 до 4.30 в ТАОНе, от 1 до 3 в ВТР.

19 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе, от 7 до 9 Уставн. Арт. комиссия.

При набеге Мамонтова на Тамбов 4-й дивизион «Е» оставил три орудия, но личный состав ушел.

20 сентября. От 11 до 4.30 в ТАОНе. Вечером от 6 до 10 был у В.Е. Карташевского, там был Генерального штаба бывший комкор П.В. Черкасов. Дома Е.Ф. была С.В. Ивановой.

21 сентября. Утром был И.П. Михайловский, от 2 до 6.30 играл в карты у С.Ю. Прибыткова. Умер Леонид Андреев.

22 сентября. От 11 до 3.30 в ТАОНе, при взятии Курска белыми остались 12 орудий [дивизиона] «Е», 3 орудия – «Б» и 3 орудия латышской батареи «Г».

Наштаюж Пневский требует 1-й дивизион «С» из Тамбова, но он уже в Саратове – ездил с Бежановым к Ю.М. Шейдеману узнать, что же делать, встретили на улице, до завтра. Е. Ф. была у С.В. Ивановой, у нее брюшной тиф, потом она ходила к М.В. Муратовой.

23 сентября. От 11 до 4 в ТАОНе. Арестован В.К. Смысловский – ходил на арткурсы, и там его забрали, аресты в школе маскировки и стрелковой школе[1]; в последней арестован Н.М. Филатов.

24 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе, спешные дела с эвакуацией Тракторной школы и Запасной бригады из Карачева. Военком Миронов сообщил о взятии Малоархангельска, но, кажется, неправда, так как в Полевом штабе таких известий нет. От 7 до 8.30 в комиссии Гутова, арестован П.Я. Ягодкин.

25 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе, от 1.30 до 2.30 в ВТР. С.Г. Бежанов назначается наштармом 14 – очень жаль, это его военкомы слушали, едет в Брянск. 3-й дивизион «Е» переводят из Симбирска в Гомель.

[1] Речь идет об оперативных мероприятиях ВЧК по ликвидации военной организации Национального центра – подпольной антисоветской организации, занимавшейся шпионажем в пользу белых и готовившей вооруженный мятеж в Москве в случае подхода к ней войск Деникина. Заговорщики имели опору в военных школах: Пехотной, Высшей школе военной маскировки, Окружной артиллерийской, Броневой, в числе курсантов которых было много контрреволюционно настроенных офицеров.

26 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе — вчера на Леонтьевском на заседании коммунистов в доме № 18 бросили бомбу, были жертвы. Не пропускали по переулку, едва прошел на службу. Е. Ф. была у С.В. Ивановой, ей лучше. Вечером была М.В. Муратова.

27 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе, заходил к Ю.М. Шейдеману по поводу артшколы; если она перейдет в Москву, то лично не имею против. Переезжать не хочу.

Вечером был В.А. Прасолов.

28 сентября. Дома. Е. Ф. ходила к С.В. Ивановой.

29 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе, сегодня Бежанов окончательно покинул штаб ТАОНа.

30 сентября. От 11 до 5 в ТАОНе, утром заходил к А.М. Могульскому, передал ему уставы; ходил к С.Ю. Прибыткову поздравлять. Е. Ф. ходила к С.В. Ивановой, вечером были у А.А. Брусилова. Днем был у Ю.М. Шейдемана.

1 октября. От 11 до 5 в ТАОНе, от 7 до 9 в комиссии Гутора.

2 октября. От 11 до 2.30 в ТАОНе — явилась Высшая военная инспекция с Е.В. Смысловским, ознакомились о ходе формирования дивизионов. Днем был у Ю.М. Шейдемана.

3 октября. От 11 до 5 в ТАОНе. Ю.М. Шейдеман передал, что назначение в школу обеспечено. Обыск [в] СНАБТАОНе и затем в штабе. Арестован П.М. Шафров. От 7 до 9 Уставная артиллерийская комиссия.

4 октября. От 11 до 4.30 в ТАОНе. Около 6 вечера пришел И.П. Михайловский ночевать, в 9 часов дом был оцеплен; ожидали обыск, И. П. сильно волновался. Оказалось, ошибка. Обыск должен был быть в доме № 6, около 10 часов оцепление было снято.

5 октября. Днем играл в карты у С.Н. Прибыткова. Е. Ф. ходила к С.В. Ивановой, заболел тифом Д. Д[1].

И.П. Михайловский ушел около 2 часов. Вечером был В.А. Прасолов, а потом Н.В. Брусилова.

6 октября. От 11 до 3 в ТАОНе. Днем был у Ю.М. Шейдемана, С.Н. Бутыркина и Д.К. Лебедева. Е. Ф. целый день была у С.В. Ивановой. Вечером заходила Н.В. Брусилова.

7 октября. От 11 до 5 в ТАОНе. И.М. Шафров освобожден. Вернулся из Петербурга С.Т. Беляев — нашел Д.П. Тишина. Е. Ф. ходила к С.В. Ивановой.

[1] Из текста не ясно, о ком идет речь.

8 октября. От 11 до 2 в ТАОНе. Днем играл в карты у С.Ю. Прибыткова (день именин). Сегодня праздник 5-й бат[ареи] Л-Гв. 2-й [артиллерийской бригады]. От 7 до 9 комиссия Гутора. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

9 октября. От 11 до 3.30 в ТАОНе, был у Ю.М. Шейдемана с военкомом по поводу сбора части ТАОНа в Москве. После двух недель ареста освобожден В.К. Смысловский. Вечером заходил Н.Н. Сиверс—назначен начальником штаба Туркестанского фронта. Е. Ф. была у С.В. Ивановой. От 1 до 2.30 в ВТР.

10 октября. От 11 до 5 в ТАОНе. От 7 до 9 в Уставной артиллерийской комиссии. Е. Ф. была у С.В. Ивановой. Заходил К.О. Рыльский по поводу учебника.

11 октября. От 11 до 5 в ТАОНе. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

12 октября. Утром был И.П. Михайловский, заходил Б.Н. Кутузов, днем играли в карты у Н.П. Муратова. Продал ордена за 2000 рублей.

13 октября. От 11 до 5 в ТАОНе. Днем был у Ю.М. Шейдемана вместе с Симоновичем. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

14 октября. Утром был у Ю.М. Шейдемана. От 11.30 до 4 в ТАОНе. Заезжал в Артком ГАУ. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

15 октября. От 11.30 до 5 в ТАОНе. Утром был у Ю.М. Шейдемана. Е. Ф. была у С.В. Ивановой, ей хуже.

16 октября. От 11 до 5 в ТАОНе. От 1 до 2 в ВТР. Е. Ф. была у С.В. Ивановой. Вечером заходил К.О. Рыльский.

17 октября. От 11 до 5 в ТАОНе, от 7 до 9 Уставная артиллерийская комиссия. Е. Ф. была у С.В. Ивановой—ей лучше.

18 октября. От 11 до 4 в ТАОНе. Были И.П. Михайловский, М.В. Муратова. Е. Ф. была у С.В. Ивановой. Продал звезды за 400 рублей.

19 октября. От 2.30 до 5.30 играл в карты у Мар[ии] Геор[гиевны] Гадаловой. Приходил В.А. Прасолов. Нездоровится.

20 октября. От 11.30 до 2 в ТАОНе, утром заходил к Ю.М. Шейдеману, вечером был С.Н. Смысловский—редактировали устав. Е. Ф. была у С.В. Ивановой. Нездоровится.

21 октября. Остался дома, надо высидеть, чтобы не разболеться, в квартире становится холодно—7 и 8°, на улице по утрам мороз. Е. Ф. была у С.В. Ивановой. Продали брошь с бриллиантами [за] 11 000 рублей.

22 октября. Дома, болит спина, надо отсидеться. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

23 октября. Дома. У Е. Ф. был сердечный приступ, обморок, вид покойницы, отеки рук и лица. Не знаю, чем помогать в этих случаях, про-

шло скоро. На ночь Е. Ф. все же пошла к С.В. Ивановой на ночное дежурство!!! Вот безумие. Заходил В.А. Прасолов.

24 октября. Утром был у Ю.М. Шейдемана по поводу назначения военкома Симоновича начальником ТАОНа – вряд ли состоится. Заходил за Е. Ф. к С.В. Ивановой. Днем пошел в ГУВУЗ к В.П. Муратову по поводу Артиллерийской школы, но не застал. От 7 до 9 Уставная артиллерийская комиссия.

25 октября. От 11 до 1 в ТАОНе, от 1 до 3.30 в ГУВУЗе, ждал В.П. Муратова два часа, назначение начальником школы возможно. Е. Ф. была у С.В. Ивановой, заходила Е.М. Дунина-Борковская, но никого не застала.

26 октября. Утром был И.П. Михайловский. Был Д.К. Алексеев, нашел у Е. Ф. вялое сердце и анемию мозга. Был у Муратовых, играли в карты.

27 октября. Утром был у С.Ф. Зубовского, положение трудное, имущество Артиллерийской школы застряло в Детском Селе[1], отведенные помещения не приспособлены к житью.

От 12 до 4 в ТАОНе. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

28 октября. От 11.30 до 3 в ТАОНе, утром заходил к Ю.М. Шейдеману. От 4 до 6 в Арт[иллерийской] ком[иссии], рассматривали батарейное учение, прочли редакции комиссии. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

29 октября. От 12 до 5 в ТАОНе, утром в ГУВУЗе – В.П. Муратов просил подождать 10 дней, так как Зубовский раздумал уходить!! (то-то он все рисовал мне в мрачных красках). Около 6 часов вечера был у Ю.М. Шейдемана на квартире – просил устроить куда-нибудь, так как в ТАОНе атмосфера неподходящая. От 7 до 9 в комиссии Гутора. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

30 октября. От 11 до 4 в ТАОНе, Ю.М. Шейдеман по телефону обещал или школу, или ГАУ. Около 5 часов пошел к С.В. Ивановой, где была Е. Ф. В комнатах 5,5°.

31 октября. От 11 до 4 в ТАОНе, от 1 до 3.30 был в ГУВУЗе по вызову у Флейснера (вот немец-то) – решено предложить Зубовскому быть помощником, иначе не отпустили до приведения школы в порядок. От 7 до 9 Уставная артиллерийская комиссия. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

1 ноября. От 11 до 4.30 в ТАОНе, заходил Зубовский, согласен на помощника, значит мое назначение будет скоро. Е. Ф. была у С.В. Ивановой. Первый снег.

2 ноября. Днем был И.П. Михайловский, все ноет – помочь ведь

[1] С 1918 по 1937 г. Царское Село именовалось Детским Селом.

никак нельзя, а он в лучшем положении, чем другие арестованные. Был В.А. Прасолов.

3 ноября. От 11 до 1 в Организупре, от 2 до 4 в школе – какой-то сплошной хаос, придется много работать; все спутано, никто не знает, на какой должности.

Е. Ф. была у С.В. Ивановой, которую перевезли к родственникам ее – Любощинским. Около 7 вечера был у Дурляхова по поводу назначения А.М. Бунакова заведующим учебной частью школы. Ночью в квартире было 2,5°.

4 ноября. Утром ходил к Ю.М. Шейдеману благодарить за хлопоты, зашел в ТАОН – там комиссариат вдруг разросся до 30 человек?! От 2 до 3.30 в школе – хаос, хаос и хаос!

5 ноября. В 12 часов был у Флейснера – школа должна быть открыта 15 ноября – вот это-то чудо. Мое назначение с 1 ноября. В 2 часа зашел в школу – завтра в 1 час дня вступаю в должность официально.

6 ноября. От 1 часа знакомился с организацией – ничего, абсолютно ничего, сколько времени уйдет на постановку всего аппарата, впечатление несерьезного учреждения. Около 4 часов зашел в ТАОН, комбриг 1-й рез[ервной] Рудольф отказывается занять место начальника ТАОНа, но, кажется, все же будет назначен, а Симонович продолжает устраивать себя на эту должность – прогорит! Был В.А. Прасолов, у Е. Ф. мигрень.

7 ноября. Были И.П. Михайловский, А.М. Бунаков (по делам Артиллерийской школы), С.Т. Беляев. Е. Ф. ходила к С.В. Ивановой.

8 ноября. От 11 до 4 в Артиллерийской школе. Не могу помириться с необычайным хаосом, никто не знает, какую должность занимает и использует. Приличное помещение получить не удается, а все требуют начинать занятия!

9 ноября. Был И.П. Михайловский.

10 ноября. От 11 до 4 в Артиллерийской школе, вечером приходил В.Е. Карташевский – спрашиваю его – заведующим хозяйством школы – принципиально согласен.

11 ноября. От 11 до 3 в Артиллерийской школе, затем был у Бурдулова по поводу дома № 32 по Ст. Конюшенскому и у тов. Вуколова (политпросвет штаба Московкого округа) по поводу дома № 11 по Пречистенке – и то и другое невозможно.

12 ноября. Утром в Артиллерийской школе, заходил В.А. Лучковский – просится в школу, около 1 часа дня был в ГУВУЗе у Э.Ф. Флейснера, затем в ТАОНе. Симонович не отпускает В.Е. Карташевского. Около 4 дня

смотрел ресторан «Прага» для перевода туда школы. От 7 до 8.30 комиссия Гутора. Е. Ф. нездоровится, устала.

13 ноября. От 11 до 4 в Артиллерийской школе, от 7 до 9 на Мансуровском было собрание руководителей, приглашаемых в школу.

14 ноября. От 3 до 4 в Артиллерийской школе, от 7 до 9 Уставная артиллерийская комиссия. С.Т. Беляев сообщил о смерти В.А. Соковнина, вчера были его похороны.

15 ноября. От 11 до 5 в Артиллерийской школе, заходил в ТАОН за жалованьем и аттестатами. Дома холодно, не более 1,5°.

16 ноября. Утром и до 2 часов дня был И.П. Михайловский. На улице –19 °С, в комнате всего 0,5°.

17 ноября. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе, около 1 часа был в ГУВУЗе у Э.Ф. Флейснера – посылка комиссии обследовать Лужский полигон. На дворе сильная метель целый день. Затопили новую печку дощечками и бумагой в ванной.

18 ноября. От 11 до 5 в Артиллерийской школе. Зубовский мешает работе, путаясь все время без толку и не узнав у меня, как и что нужно.

19 ноября. От 11.30 до 4.30 в Артиллерийской школе, от 7 до 8 в комиссии Гутора. Дома 1–0,5°, на улице мороз 8–12°, трудно приходится.

20 ноября. От 11 до 4 в Артиллерийской школе.

21 ноября. От 11 до 4 в Артиллерийской школе, от 7 до 9 Уставная артиллерийская комиссия. Температура в комнате ужасная, колеблется от 0,5 до 2°.

22 ноября. От 11 до 4 в Артиллерийской школе. Опять метель. Печники все не приходят. Слушатели отправляются на распиловку дров, потому на две недели прекращаются лекции. Школе обещают передать имущество расформировываемых окр[ужных] артиллерийских курсов – может, надуют. Заходил В.А. Кушнерев – хочет ко мне.

23 ноября. Пришел, наконец, печник, поставил печь, после топки 5° и целый день было 4°, прогресс; вечером протопили – 9°, уже жить можно. Был И.П. Михайловский. Е. Ф. ходила к С.В. Ивановой. На улице сильная метель.

24 ноября. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Назревает конфликт между Зубовским и военкомом Веппером, последний ставит условие: или он, или С.Ф. Дома была Е.М. Дунина-Борковская и М.Э. Белецкий. Топили и доходило до 12° – миновали ужасы замерзания. Наши сожители – служители ТАОНа – подтаскивают нам небольшие поленца, спасибо им, а то замерзнуть можно. Зато Отдел металлов начинает ха-

меть, я уже не начальник ТАОН, а потому им не страшен, вот кретины-то, а еще интеллигенты; стыдно за них и за всех так называемых буржуев.

25 ноября. От 11 до 4 в Артиллерийской школе. Принял в школу А.И. Соболевского, руководителем тактики П.В. Черкасова, руководителем топографии Л.А. Радус-Зенковича. На улице стало тепло и тает. Топим и нагреваем до 10°, чувствуем себя много лучше. Цены на все растут невероятно – хлеб 190 рублей фунт!

26 ноября. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Около 1 часа дня был у В.П. Муратова по поводу С.Ф. Зубовского – надо хотя бы на время их разъединить. Вечером заходил В.А. Прасолов – завтра едет в Рыбинск. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

27 ноября. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Слушатели и служащие выехали на рубку дров, перерыв дней на десять.

28 ноября. От 11 до 4 в Артиллерийской школе. От 7 до 9 Уставная артиллерийская комиссия. С С.Т. Беляевым снова недоразумение, он положительно утратил всякое душевное равновесие, вид скверный, одутловатое лицо – должно быть, голодает, а холодает у Свидерских наверно. Зубовский тоже как-то глупо ведет себя, хочет искать какой-то справедливости, хотя виноват сам, так как не сумел ничего наладить, ехать к семье в Детское Село – боится ареста, хотя кто и зачем его арестует, и сам не знает. Там С.Н. Бутыркин, которому поручили разобрать конфликт между Зубовским и Веппером.

29 ноября. От 11.30 до 4.30 в Артиллерийской школе. Зубовский назначен в распоряжение ГУВУЗа – оно и лучше. На улице тает. Интересны цены, который все увеличиваются в цифрах, а действительную стоимость продукта учесть трудно, говорят, что если перевести на заграничную валюту, то многое подешевело, однако от этого не легче, так как цифры велики, но денежных знаков добыть для приобретения всего, что нужно, очень трудно, содержание невелико; итак: масло 1400, хлеб 170–190, соль 330, конечно, за фунт.

30 ноября. Целый день дома, ненадолго заходил И.П. Михайловский.

1 декабря. От 11 до 5 в Артиллерийской школе, являлись В.А. Лучковский и комдив легк[ого] Масловский; последний – болтливая мямля, советовал ему поработать, а не ждать, что все ему свалится с неба. Вообще в Школе все рассчитывают, что все будет как-то само собой, без их работы. Это закваска С.Ф. Зубовского, который, кстати сказать, как будто бы что-то мутит.

2 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Приходили Т.П. Ма-

каров, М.А. Лисовский, С.Т. Беляев и Е.К. Смысловский. Являлся командир противосамолетной батареи при данной школе.

3 декабря. От 11 до 4 в Артиллерийской школе. Вечером пришел И.П. Михайловский... Освобожден! Е. Ф. нездорова, сердце и мигрень. Не пошел в комиссию Гутора.

4 декабря. От 11 до 3.30 в Артиллерийской школе, вечером были А. А. и Н.В. Брусиловы и Я.М. Тюлин. Хотел купить календарь на 20 г.—нет. Цены: на хлеб 190, масло и сахар 1500, селедка 250, чай 3000.

5 декабря. От 11 до 4 в Артиллерийской школе, около 1 часа дня был у Ю.М. Шейдемана. Без меня дома был И.П. Михайловский, а вечером д-р Алексеев. Последние дни сильно устаю. От 7 до 9 Уставная артиллерийская комиссия.

6 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Заместитель военкома Межак влетел ко мне в служебный кабинет и начал громко кричать, что я кого-то пускаю в отпуск; я просил его посмотреть на надпись на двери, где написано «Начальник школы» и сказал, что он, вероятно, ошибся, что в кабинете начальника школы так разговаривать, кажется, нельзя! Ну и ладно. Военком ТАОНа отказал принять Школу участницей в покупке разных продуктов—ничего не поделаешь.

Устал физически и душой!

7 декабря. От 2 до 6 играли в карты у М.Г. Гадаловой, вечером пришел И.П. Михайловский в очень минорном духе... что-то будет. Наверху шум и грохот, попойка у комиссара: его гражд[анская] супруга—именинница.

8 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Зубовский командируется для инспектирования артиллерийских курсов, хорошо бы если бы совсем убрали, неважный тип. Выдержал длинную беседу с А.К. Веппером по поводу штатов и конструкции Школы. Погода не холодная, в ноябре около 8° в среднем, теперь всего 1–2°, иногда тает.

9 декабря. От 11 до 3.30 в Артиллерийской школе. Веппер сует нос, но пока безвредно, прошу добавления 70 слушателей, ему хочется 100, а где их поместить... хвост устроим! Так у него все порывом. От 7 до 9 заседание Учебного комитета.

10 декабря. От 11 до 3 в Артиллерийской школе, заходил И.П. Михайловский, волнуется, что у Раттеля нет почтотелеграммы, между тем таковая послана была четыре дня назад. Ему хочется, чтобы все шло гладко,—это теперь-то!

Обедал с С.Г. Бойе. От 7 до 9 Комиссия Гутора. Он и П.С. Стаев просятся в Школу лекторами. Е. Ф. была у С.В. Ивановой.

11 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Опять разговоры с А.К. Веппером – все о Зубовском, все о том, что ему хочется, чтобы все было иначе, вот несносная душа. Приходил проситься в Школу Гришинский. Дома была Е.М. Дунина-Борковская. Как скучно, и устала душа!

12 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Принят И.П. Михайловский начальником Строевого отдела. От 7 до 9 Уставная комиссия. В Петербурге А.И. Куликовская больна сыпным тифом и очень плоха. К вечеру на дворе мороз 9°.

13 декабря. От 11 до 4 в Артиллерийской школе. Интриги и сплетни, есть слух, что Зубовский не зевает и плетет гнусную паутину. Среди забот о себе он не забывает лягнуть Школу – по его компетентному мнению, Школа ничего не делает и ничего не сделает. Будто бы сие было брошено Раттелю, который посылает Зейца для инспектирования Школы; слухи растут и говорят, что Зейц сам не против быть на моем месте. Ходил к Ю.М. Шейдеману – он ничего не знает. А дрянная и грязная личность Зубовский.

14 декабря. Утром был И.П. Михайловский. Днем играли в карты у В.И. Раевского. Вечером был В.А. Прасолов и по делу С.Н. Бутыркин. На дворе эти дни мороз 10–12°.

15 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе, ходил смотреть дома Леонова по Молчановке, которые передают Школе, но там все еще сидят пехотные курсы, обещают выехать к четвергу. Дома мучаемся с печкой, дым выбивается в комнату, более 12° не натопить, а днем 6–8°.

16 декабря. От 11–3.30 в Артиллерийской школе. От 4 до 5_Артиллерийская комиссия, обсуждались уставы дивизионного и пешего учения. В Организупре сдаю постепенно составляемые уставы.

17 декабря. От 11 до 4 в Артиллерийской школе. От 7 до 9 в комиссии Гутора.

18 декабря. От 11 до 5 в Артиллерийской школе. Утром был Зейц от начальника Всероссийского Главного штаба ознакомиться с нуждами и, если возможно, помочь! – итак, первый абзац слухов оправдался, откуда вдруг внимание Раттеля, как не со слов Зубовского. Сказано хорошо, но зачем не идти прямо.

Час от часу не легче, жена преподавателя Моллериуса завела скандал с Веппером из-за комнат, он в родстве с наркомздравом Семашко, тот передал Склянскому, этот Раттелю и т.д.

После 3 часов дня переехал в новый кабинет в доме Леонова – Молчановка, 1, ничего, была ванна, теперь я, но, в общем, удовлетворительно.

19 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Снова был Зейц по поводу инцидента между Веппером и Моллериусом, причем последний, докладывая по существу дела, не произвел впечатления порядочности. От 7 до 9 Уставная комиссия. Дома заходил д-р Белявский, благодарит за сына, которого удалось перевести из пехоты в ТАОН.

20 декабря. От 11 до 5 в Артиллерийской школе. Был на лекции В.В. Шелковникова, обстоятельно и с интересом ведет занятия, но слушатели совершенно неподготовлены к восприятию курса, для них это арабская грамота. Днем хожу обедать на Пречистенский бульвар — много уходит денег, но зато поддерживает силы. Заходил В.А. Прасолов. Вечером на улице вьюга.

21 декабря. На дворе 20°, отменил игру в карты, слишком холодно идти, тем более, что вчера чувствовал себя неважно, когда шел, в глазах темно, испарина. Дома печь дышит немилосердно, вот жизнь-то, еще спасибо сожителям, Втулов помогает во всем, ставит самовар, рубит дрова, а то хоть пропадай! Я не могу заниматься черной работой наряду со службой.

22 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. И.П. Михайловский своей манерой «требовать» производит неприятное впечатление, уже на него косвенно жаловался завхоз Гарухин. Там М.А. Лисовский просил за А.М. Дмитриева (старый знакомый — Херсон и Молодечно). На улице 20°, хорошо, что без ветра, дома температура понизилась до 3,5°; вечером после топки 11°.

23 декабря. От 11.30 до 4.30 в Артиллерийской школе. Днем был у Ю.М. Шейдемана по делам Школы, есть приказ о сформировании зенитного отделения. Подтянул одного из преподавателей, Успенского, когда прижал, то он сдался — жалкие люди, без добавления ничего. Мороз сдал днем 5°, ночью выпала масса снегу.

24 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Приходил В.Е. Белолипецкий от ВТР получить программы Школы. Взял охранную грамоту на квартиру, а то кто-то передал, что меня хотят выселить, посмотрим, в чем дело. Е. Ф. чувствует себя нехорошо — утомление, слабость. Еще бы, целый день в работе, а температура едва терпимая.

25 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Веппера уходят — причина точно неизвестна, поводом является пошлая клевета, что он уволил двух уборщиц за то, что они не пошли на его гнусные предложения. Против Веппера я ничего не имел и считаю, что с ним можно работать.

Вероятно, этот повод + его нелады с Зубовским[1] и есть причина увольнения. Вечером заходил В.А. Прасолов.

26 декабря. От 11 до 5 в Артиллерийской школе. Около 1 часа дня был в ГУВУЗе у В.П. Муратова по поводу замены военкома – он не вмешивается в политчасть. В школе был Александер от ГУВУЗа узнать, в чем дело, какие нужды Школы, о которых запрашивает Раттель, по затеи Зейца. От 7 до 9 Уставная комиссия. Дома был В.А. Прасолов.

27 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Опять слухи, говорят, что во главе Школы будет Коллегия – начальник школы, комиссар и представитель строевых частей; по-моему, все это вздор и досужая болтовня. Закрыто электричество[2], в 4 часа уже темно. Дома исправлен водопровод – вот это приятно, а то без воды нельзя жить. И.П. Михайловский говорит, что у него с женой очередной разрыв.

28 декабря. Днем играли в карты у Муратовых – разошлись в 4.30, так как за отсутствием электричества стало темно. Дома топили два раза, к вечеру догнали до 13°. На улице опять холодно, –18°, снегу выпало невероятно много. Снова чувствую усталость, не переутомление ли это.

29 декабря. От 11 до 5 в Артиллерийской школе. Межак просит за слушателей, которые не хотят оставаться в Школе, так ведь почти никто не останется, кому охота жить в скверных условиях, да еще усиленно заниматься. Пусть мандатная комиссия их освобождает. Днем было головокружение.

30 декабря. От 11 до 4.30 в Артиллерийской школе. Учебный отдел хромает, А.М. Бунаков работает по совместительству, а потому бывает редко, это чувствуется на всем распорядке, его помощник де Поллини не на месте. Не устраивается и порядок в общежитии, совсем нет людей, которые могли бы что-нибудь наладить.

31 декабря. От 11 до 5 в Артиллерийской школе.

Конец года – в Школе новый комиссар Н.Е. Шубин. Трудно налаживать дело, легче создать, чем приводить в порядок, нет совсем людей. Самый важный отдел, учебный, не на высоте, затем хозяйственная часть тоже не идет как следует, нет настоящего завхоза. Дома тоже разруха, тяжелые условия создают нервность и нетерпимость, отсюда натяжка добрых отношений. Встречаем Новый год, не разговаривая друг с другом. Дай Бог, чтобы такая встреча была первой и последней – иначе это каторга.

[1] Так в тексте.
[2] Так в тексте.

Приложения

Приложение А

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авиадив – 1) начальник авиационного дивизиона 2) авиационный дивизион
автодив – начальник автомобильного дивизиона
артснабзап – начальник артиллерийского снабжения Западного фронта
арком – армейский комитет
артснаб – 1) начальник артиллерийского снабжения 2) управление артиллерийского снабжения

ВВС – Высший военный совет
ВЗС – Военно-законодательный совет
военмет – военный метеоролог
военмин – военный министр
воздуходив – воздухоплавательный дивизион
воздухорота – воздухоплавательная рота
Военревсовет – Военно-революционный совет (Реввоенсовет Респеблики)
Всероглавштаб – Всероссийский главный штаб
ВТР – военно-техническая редакция
ВХУ – Военно-хозяйственное управление

ГАУ – Главное артиллерийское управление
гениспарт – генерал-инспектор артиллерии
генкварверх – генерал-квартермейстер при Верховном главнокомандующем
генкварзап – генерал-квартирмейстер Западного фронта
генкварм – генерал-квартирмейстер штаба армии)
генкварсев – генерал-квартермейстер Северного фронта
главкосев – главнокомандующий армиями Северного фронта
главкозап – главнокомандующий армиями Западного фронта
главкоюз – главнокомандующий армиями Юго-западного фронта
Главзагран – Главное управление по заграничному снабжению (ГУЗС)
Главковерх – верховный главнокомандующий
ГУВУЗ – главное управление военно-учебных заведений

дегенарм –дежурный генерал армии
дегенверх – дежурный генерал при Верховном главнокомандующем
дегензап – дежурный генерал штаба армий Западного фронта

дивмет – дивизионный метеоролог
дорожзап – начальник железнодорожного сообщения при штабе Западном фронте

ЕВКО – единый военный кооператив

завинт – заведующий интендантским управлением
Зап – Западный фронт
зач – заведующий артиллерийской частью (Зач 10 – заведующий артиллерийской частью 10-й армии)
захимарм – заведующий химической частью армии
захимзап – заведующий химической частью Западного фронта
захимрота – запасная химическая рота
Земсоюз – Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам

инаркор – инспектор артиллерии корпуса
инвоздухзап – инспектор воздухоплавательного парка Западного фронта
инспартарм – инспектор артиллерии штаба армии
инспартзап – инспектор артиллерии штаба армий Западного фронта
инспартрум – инспектор артиллерии штаба армий Румынского фронта

командарм – командующий армией
комарт – командующий артиллерией
комкор – командир корпуса
Кооператоп – кооператив, централизовано снабжавший дровами советские учреждения, железные дороги и домовые организации

лин. – линейный

Мастяжарт – Мастерские тяжелой артиллерии
Мокарт – Московские курсы артиллерии (тяжелой)

нарковоен – народный комиссариат по военным делам
Наркомпуть – Народный комиссариат путей сообщения
нахим – начальник химической команды
начвосозап – начальник военных сообщений армий Западного фронта
начдив – начальник дивизии
начинзап – начальник инженеров армий Западного фронта
начтаон – начальник Тяжелой артиллерии особого назначения

начупарт – начальник штаба полевого генерала-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем
наштаверх – начальник штаба Верховного главнокомандующего
наштазап – начальник штаба армий Западного фронта
наштадив – начальник штаба дивизии
наштакор – начальник штаба корпуса
наштарм – начальник штаба армии
наштасев – начальник штаба Северного фронта
наштаюж – начальник штаба Южного фронта
нэхо – начальник этапно-хозяйственного отдела штаба армии

Органгизупр – Организационное управление

политпросвет – отдел руководящий политико-просветительной работой
помзахимарм – помощник заведующего химической частью армии

РВСР; Реввоенсовет – революционный военный совет Республики

снабзап – главный начальник снабжения армий Западного фронта
СРР – Союз реальной работы (помощи)
СнабТАОН – отдел снабжения ТАОН

ТАОН – тяжелая артиллерия особого назначения

Упарт – управление полевого генерала-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем

ЦДК (ЦДКом) – Центральная демобилизационная комиссия
ЦУПВОСО – Центральное управление военных сообщений
ЦУС – центральное управление снабжений

штадив – штаб дивизии
штазап – штаб Западного фронта
штакор – штаб корпуса
штарм – штаб армии

ЭХО – этапно-хозяйственный отдел

Юз — 1-е значение — телеграфный аппарат Юза; 2-е значение — Юго-Западный фронт. Различается по контексту употребления
юзист — телеграфист

Приложение Б

Марки и калибры орудий, применявшихся на Западном фронте в 1916–1917 годах

Полевая артиллерия

75 мм морская пушка Канэ (переделана для стрельбы по воздушным целям)
3 дм (76 мм) скорострельная легкая пушка образца 1902 г.
3 дм (76 мм) скорострельная горная пушка образца 1909 г.
3 дм (76 мм)«противоштурмовая» укороченная пушка образца 1910 г.
3 дм (76 мм) скорострельная зенитная пушка образца 1900 г. (кустарно переделанная)
105 мм японская пушка образца 1905 г.
42 лин. (107 мм) осадная пушка образца 1877 г.
42 лин. (107 мм) полевая тяжелая пушка образца 1910 г.
45 лин. (114 мм) английская гаубица.
48 лин. (122 мм) легкая полевая гаубица образца 1910 г.

Тяжелая артиллерия

120-мм дальнобойная пушка Обуховского завода образца 1915 г., литера «В»
120 мм французское орудие образца 1878 г., литера «Е»
6 дм (152 мм) скорострельная крепостная гаубица образца 1909 г.
6 дм (152 мм) береговая пушка Канэ
6 дм (152 мм) осадная пушка весом 120 пудов образца 1877 г.
6 дм (152 мм) осадная пушка весом в 190 пудов образца 1877 г.
6 дм (152 мм) осадная пушка весом в 200 пудов образца 1904 г.
6 дм (152 мм) английская гаубица, литера «М»
8 дм (203 мм) гаубица Виккерса 1-й доставки
8 дм (203 мм) гаубица Виккерса 2-й доставки (так называемые Ампра-Виккерса, литера «Г»)
9,2 дм (234 мм) английская гаубица Виккерса на тракторной тяге, литера «Т»
11 дм (280 мм) гаубицы Шнейдера, литера «А»
12 дм (305 мм) гаубица Виккерса, литера «Л»
12 дм (305 мм) гаубицы Обуховского завода (особой мощности)

Приложение В

К записи от 22 ноября 1916 года

Речь В.М. Пуришкевича в Государственной думе

19 ноября 1916 г.

Пуришкевич. Да не будут вершителями исторических судеб России люди, воспитываемые на немецкие деньги, предающие Россию и нашедшие себе приют в разного рода учреждениях. (*Аплодисменты в центре и слева. Возгласы:* Браво.)

Да исчезнут с нашего горизонта, в ужасные, в переживаемые нами дни, требующие величайшей осмотрительности и правительственного такта, и Андроников, и Варнава, и Мордарий, и Монасевич, и все те господа, которые составляют позор русской жизни. Верьте мне, я знаю, что так же думает, как я, что моими словами говорит вам здесь вся Россия без различия партий, верноподданная, желающая счастья Царю, церкви своей и своему народу. Россия бескорыстная в дни скорби, не способная, как всегда, говорить холоповским языком, но честно несущая к подножию трона слова горькой и неприкрашенной правды, во имя блага царя и народа,— Россия Пожарского и Якова Долгорукова, Россия Кузьмы Минина и Ивана Сусанина, Россия, стоящая на страже своих великодержавных задач и неспособная мириться с картиной государственной разрухи, учиняемой взлетевшими к верхам власти продажными единицами из среды своего правящего класса. (*Голоса слева и в центре:* Верно.)

Господа. Нужно просить Государя, и вы Его верноподданные слуги, призванные исполнять Его Волю, вы первые ответственные за течение русского государственного корабля, объединенные с нами — туда в ставку Государя просить... (*Продолжительные и общие аплодисменты.*)

Пуришкевич. В настоящее время, да будет вам ведомо, поднимать национальные вопросы, это значит создавать в России революцию. Я не буду останавливаться на мелких фактах подобного рода, я выберу «бобра», одного человека, занимающего крупное общественное положение, и громко на всю Россию назову его впервые здесь, дабы не было повадно впредь делать то, что делается. В России есть генералы от инфантерии и от артиллерии, но, есть еще в тылу один генерал, генерал-от-кувакерии Вл.Н. Воейков. В то время, когда на счету каждая пара рельсов, когда необходимо проведение железных дорог стратегического характера, чем вы объясните, что из имения Воейкова «Кувака» проведена стратегическая дорога для вывоза этой самой куваки? Я вам скажу, что в минуту нашего отступления с варшавского фронта, когда все было запружено беженцами, я собственными глазами видел целый ряд вагонов, где было написано

«кувака». Хлеба, керосина, масла нельзя было достать, но кувака безнаказанно проезжала повсюду и доставлялась в места, где население голодало. (*Шум.*) Бог с ней, с этой кувакой, но возмутителен факт ходатайства о проведении железной дороги от «Куваки» и еще возмутительнее, что Воейков потребовал и получил ссуду на эту линию почти в миллион рублей из министерства путей сообщения.

К записи от 26 марта 1917 года

Весьма секретно.

Копия рапорта командира 61[–го] Сиб[ирского] стр[елкового] полка от 22 марта 1917 года за [№] 46 на имя Начальника 16[–й] Сиб[ирской] стр[елковой] дивизии

Предоставляя рапорт шт. кап. Зубрицкого прошу вашего ходатайства об исполнении его просьбы. Вместе с тем доношу, что эта просьба будет не единой. Объясняется тем странным положением, в которое поставлен теперь офицер: с одной стороны, ему приказывают строжайшими мерами поддержать порядок, а с другой стороны не только строжайшая, но даже строгая власть отнята. Словами поддержать дисциплину нельзя, если она не в крови народа. Думать, что дисциплина есть только масса обещаний и слов, нельзя. Дезертиры якобы возвращаются в строй, но мы их не видели, дезертирство растет и доходит до небывалых размеров. Секретные приказы да и наши тайные сведения показывают, что малейший натиск немцев и солдаты сдаются в плен. Мы, офицеры, учим, что плен позор, а газеты пишут, что нам нужно больше заботиться о пленных. Есть выражение «герои военнопленные», «товарищи дезертиры». Где же тут может быть речь о дисциплине? Надо скорее прийти на помощь не словами, а решительно сказать слово о том, как ее поддержать, если слова, увещевания и чувство долга и совести не действуют или молчат. Мы теперь ¾ времени тратим на разъяснения, а не учимся делу – а немцев словами не побьем. Мне солдаты верят, т.к. я никогда не лгу, и они это чувствуют, по крайней мере, лучшие из них. Но уже иссякают силы для постоянных разъяснений. Ведь надо же подумать, что мы – это нелюбимое старое офицерство – на своих плечах вынесли 2 и 3/4 года войны. 60% из нас уже в могилах, остальные изранены с разбитым здоровьем. Мы же – парии, должны все же разъяснять, что нужно для победы, т.к. молодежь не в силах разобраться в совершающемся. Я прошу, чтобы нас поддержали по настоящему, т.к. слова останутся словами. Умереть за родину мы умеем, мы доказали это, но для чего ждать позорного конца – не знаю.

Полковник Травников

К записи от 9 июня 1917 года

В армии генерала Деникина

Действующая армия, 14, VI.

Находящийся на фронте главнокомандующий армиями западного фронта генерал Деникин посетил несколько корпусов N армии.

Вместе с начальником своего штаба генерал-майором Марковым, командующим армией генералом Киселевским генерал Деникин обходил окопы боевой линии, был на наблюдательных пунктах, знакомился с настроением частей и в передовых линиях.

Как выяснилось, в некоторых частях еще сильны идеи большевизма. Части эти, подогреваемые агитаторами, провокаторами и немецкими наемниками-шпионами, категорически отвергают наступление, заняв в этом отношении непримиримую позицию. Для них нет никаких авторитетов. Они не только не верят приказам министра, но и грубо, цинично заявляют, что Керенский – буржуй, что если ему надо наступать, пусть наступает, что петроградский совет рабочих депутатов – тоже буржуи. Представителей совета, приехавших знакомиться с настроением, они чуть не выгнали. Особенно тяжелое, грустное впечатление производит один из лучших еще так недавно полков – N Сибирский. Растлевающие лозунги большевизма дали здесь наиболее яркие результаты, вылившись в дикую форму, абсолютно недопустимую на фронте[1]. Командный состав полка, не имея средств борьбы с этими роковыми явлениями, беспомощно опустил руки.

Но наравне с такими представляющими картину полного развала полками на фронте армии остались полки, сохраняющие образцовый порядок и воинский дух. Сегодня главнокомандующий был в двух таких полках, стоящих в непосредственной близости к окопам.

N полк только что пришел с позиций и расположился на отдых в лесу в землянках и палатках. Сюда ясно долетают не только раскаты артиллерийских выстрелов, но и дробь пулеметов. При появлении главнокомандующего солдаты выстроились. Впереди был оркестр, а на фланге – знаменосцы с красными стягами, имеющими надписи: «Да здравствует свободная Россия!», «Да здравствует временное правительство!», «Да здравствует единение офицеров с солдатами!», «Мы победим врага!» Оркестр заиграл «марсельезу», полк взял на-караул. Генерал Деникин обратился к солдатам со следующей речью:

– Славные молодцы. Я вижу на ваших знаменах надписи, которые меня трогают. К сожалению, я убедился, что не все полки, так же, как вы,

[1] Подчеркивание оригинала.

стремятся к единению с офицерами, к защите своей родины и свободы. Видя вашу несокрушимую решимость, я приглашаю вас всех выполнять наш святой долг. Еще одно последнее усилие,— и мы сломим врага. Никогда еще не были так благоприятны для нас условия. Мы собрали артиллерию, много снарядов, богаты снаряжением. Одно напряжение,— и враг будет разбит. Дай нам Бог победу, дай Бог счастья и удачи вашему полк!

Из солдатских рядов раздались голоса:

— Спасибо, благодарим, господин генерал.

Под звуки музыки полк в образцовом порядке прошел церемониальным маршем.

N стрелковый Сибирский полк оставил еще лучшее впечатление. Сибиряки блеснули выправкой, бодрой внешностью. Главнокомандующего они встретили Преображенским маршем.

— Я рад с вами познакомиться,— сказал главнокомандующий фронтом,— и приветствовать вас, так как слышал от вашего начальства, что ваш полк — один из лучших в дивизии. Он заслужил похвалу, ибо сохранил полный порядок, необходимое спокойствие, веру в свои силы, любовь к родине теперь, когда брат не верит брату, когда уставшая Россия очутилась на краю страшной пропасти. Дай Бог, чтобы ваше настроение перекинулось в полки, где умы еще в смущении! Теперь родина смотрит на вас с упованием. Недаром она тратит миллионы на свою армию. Она ждет от нее победы, она верит, что войска упрочат свободу. Пожелаем все счастья нашей родной России и скажем: пошли Бог победу нашей армии!

Речь была покрыта криками «ура» и звуками «марсельезы». Затем командир полка обратился к солдатам с вопросом:

— Могу ли я доложить главнокомандующему фронтом, что N Сибирский полк пойдет в наступление и защитит грудью своей свободу?

— Можете, просим, господин полковник! — прокричал полк в ответ.

Во время обхода полка главнокомандующим один солдат спросил генерала:

— Будет ли после наступления существовать наша рота?

Тут нужно пояснить, что провокаторы и трусы, агитируя в хороших частях, говорят, что все части, высказавшиеся за наступление, будут расформированы, как вредящие делу свободы.

— Смею уверить вас,— ответил генерал Деникин,— что роту не только не расформируют, но ваши имена будут произноситься с благодарностью. Их напишут золотыми буквами в истории свободной России...

А. Савельев

К записи от 9 июля 1917 года

Телеграмма

От главного комитета союза офицеров армии и флота. Катастрофа на Ю-З фронте с ужасающими картинами грабежа и позорного бегства с поля сражения сотен тысяч солдат, анархия внутри страны, полное бессилие власти и неудержимый поток измены, произвола и насилия, грозят в ближайшее время погубить Россию. Ежечасно сотни честных воинов – офицеров и солдат, призывающих к исполнению долга бегущие с поля сражения толпы, гибнут жертвами произвола разнузданных масс, утерявших понятие о чести и дисциплине. Мы представители офицерского корпуса, веками кровью своей защищавшего Россию и ныне в тягчайших внешних и внутренних условиях сохранившего еще присутствие духа и трезвый взгляд на окружающее, мы главный комитет союза офицеров армии и флота, требуем принятия Временным Правительством исключительных мер для спасения родины. Категорически требуем незамедлительного опубликования по телеграфу приказа о введении смертной казни, как временной меры, по отношению ко всем изменникам родины, покидающим поле сражений и сознательно уклоняющимся от боя. Одновременно мы настаиваем на восстановлении полной власти авторитета и дисциплинарных прав начальников всех степеней, не ограничиваемых безответственными коллегиальными учреждениями. Власть эта должна быть возвращена начальникам от имени Временного Правительства путем торжественного акта ко всему народу армии и флоту. Только эта решительная мера может восстановить авторитет власти, чувство порядка, законности и дисциплины в войсках. Тем более что офицерство, тысячами уже погибшее после 18 июня за свободу родины и этим вновь подтвердившее свою неизменную преданность отчизне, доказало кровью своей, что с первых же дней революции оно требовало твердой власти в армии не для себя, а для спасения родины. Если же таковые решительные законы в непродолжительном времени опубликованы не будут, то ответственность, за могущие быть последствия, ходом захлестнувших нас событий, будет сложена со всех офицеров армии и флота и во всей своей полноте падет на головы лиц, стоящих ныне у власти.

2061 Ставка 11 июля 1917 г. Главный комитет союза офицеров.

К записи от 5 сентября 1917 года

Приказ Верховного главнокомандующего № 897

28 августа 1917 г.

Галицийский разгром армии Юго-Западного фронта определенно указал, до какой степени разложения дошла наша армия. Как Главнокомандующий фронтом я считал своим долгом выступить с требованием о введении смертной казни для изменников и трусов. Требование это было удовлетворено не в полной мере, так как не распространялось на тыл, наиболее зараженный преступной пропагандой.

Вступая на пост Верховного Главнокомандующего, я предъявил Временному правительству те условия, которые я считал необходимыми провести в жизнь для спасения армии и для ее оздоровления. Среди этих мероприятий было и введение смертной казни в тылу.

Временное правительство принципиально мои предложения одобрило, и я вновь подтвердил их 14 августа на Государственном Совещании в Москве.

Время было дорого, каждый потерянный день грозил роковыми последствиями между тем Временное правительство, с одной стороны, не решалось осуществить мои предложения, с другой – допускало даже определенную критику их газетами и различными организациями. Одновременно с целью окончательного разложения армии была начата травля высшего командного состава. В то же время по самым достоверным сведениям в Петрограде готовилось вооруженное выступление большевиков. Имелись определенные указания на то, что они намерены захватить власть в свои руки, хотя на несколько дней и объявить перемирие, сделать решительный и непоправимый шаг к заключению позорного сепаратного мира, а, следовательно, погубить Россию. Что подобное намерение со стороны большевиков и некоторых безответственных организаций являлось вполне вероятным, подтверждается тем, что в составе их, как то с несомненностью доказано, имеется большое число предателей и шпионов, работающих в пользу Германии на немецкие же деньги.

Видя бессилие Временного правительства и отсутствие у него решимости принять энергичные меры против лиц и организаций, определенно ведущих к гибели России, и дабы предотвратить катастрофу, я решил подтянуть к Петрограду 4 кавалерийских дивизии с тем, что если выступление большевиков действительно последует, то оно будет подавлено самыми решительными и крутыми мерами. С преступной работой изменников тыла необходимо покончить раз и навсегда.

Решаясь на это, я лично не преследовал никаких честолюбивых замыслов и не желал принимать на себя всю тяжесть единоличной ответственности по управлению всей страной. Я хотел в согласии с целым рядом лиц, пользующихся общественным доверием, и с целым рядом общественных организаций,

стремящихся к спасению России дать при помощи этих же видных общественных деятелей сильную власть России, способную спасти ее от гибели и позора. Я лишь считал необходимым вступление мое как Верховного Главнокомандующего в состав Нового Правительства.

Выступление большевиков в Петрограде намечалось на 28–29 августа, а к 24-му числу в Пскове, Великих Луках и на ст. Дно уже было сосредоточено 3 кавалерийских дивизии. 24 августа ко мне в Ставку прибыл Управляющий Военным Министерством г. Савинков, который привез проект мероприятий Временного правительства, составленный на основании предъявленных мною требований, и заявил мне. что хотя эти мероприятия правительство и намеревается провести в ближайшие дни, но вместе с тем оно сильно опасается, что это вызовет выступление в Петрограде и сильное противодействие со стороны безответственных организаций. Одновременно г. Савинков сообщил мне, что Временное правительство ожидании выступления большевиков, не уверено в своих силах и просит меня предоставить в его распоряжение кавалерийский корпус,.который надлежит подвести к Петрограду. Правительство же, со своей стороны, предполагало, по получении сведений о сосредоточении вышеуказанного корпуса, немедленно объявить Петроград на военном положении.

Пожелание Временного правительства, переданное мне через г. Савинкова, вполне соответствовало принятому уже мною решению, а потому я отдал в тот же день распоряжение, необходимое для подавления возможного восстания в Петрограде.

25 августа ко мне в Ставку прибыл член Государственной думы, бывший Обер–Прокурор Св. Синода Владимир Львов, который от имени министра-председателя Керенского предложил мне высказать ему свой взгляд на 3 варианта организации власти, намеченных Керенским:

1) уход А.Ф. Керенского из состава правительства;

2) участие А.Ф. Керенского в составе правительства;

3) предложение мне принять диктатуру с объявлением таковой нынешним Временным правительством.

Я ответил, что единственным исходом считаю установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении. Под диктатурой я подразумевал диктатуру не единоличную, так как указывал на необходимость участия в правительстве Керенского и Савинкова. Принимая это решение, я во всеуслышание заявлял, что определенно считал и считаю полную невозможность возврата к старому, и задача Нового Правительства должна сводиться единственно к спасению России и гражданских свобод, завоеванных переворотом 27-го февраля. 26 августа вечером я вновь обменялся телеграммами с министром-председателем

Керенским, который спросил меня, подтверждаю ли я то, что со мною сказано Львовым. Не допуская мысли, что посланец Временного правительства мог исказить смысл моего с ним разговора, я ответил, что вполне подтверждаю и вновь прошу Керенского и Савинкова прибыть в Ставку, так как при оставлении их в Петрограде я не в силах буду отвечать за их безопасность. Министр-председатель на это мне ответил, что выехать в Ставку 26-го он не может, а выезжает 27-го. Таким образом, до вечера 26-го, как видно из всего вышеизложенного мои действия и решения шли в полном согласии с Временным правительством, и я имел полное основание считать, что министр-председатель и Управляющий Военным Министерством не ведут двойной игры. Утро 27-го показало обратное. Я получил телеграмму министра-председателя, коей указывалось, что я должен немедленно сдать должность Верховного Главнокомандующего моему начальнику штаба, а сам немедленно выехать в Петроград. Начальник штаба от принятия должности отказался Я также счел невозможным сдать ее до полного выяснения обстановки. В течение дня 27-го я беспрерывно вел переговоры по телеграфу с Управляющим Военным Министерством Савинковым, из которых выяснил, что министр-председатель и сам Савинков не только отказываются от сделанных мне предложений, но даже отрицают самый факт таковых.

Принимая во внимание, что при создавшейся обстановке дальнейшие колебания смертельно опасны и что предварительно отданные распоряжения отменить уже поздно, я, сознавая всю ответственность, решил не сдавать должность Верховного Главнокомандующего, чтобы спасти Родину от неминуемой гибели, а русский народ от немецкого рабства. В этом моем решении меня поддерживали Главнокомандующие фронтами и я убежден, что вместе со мною пойдут также все честные защитники нашей многострадальной Родины.

Правда и справедливость на нашей стороне.

Я твердо верю, что русская армия, восстав от одра болезни, поможет мне отразить врага, изгнать его из наших пределов и, закончив войну, в полном единении с нашими доблестными союзниками, тем самым обеспечить Свободной России творческую работу для светлого будущего, которое она заслужила своими великими жертвами в течение трехлетней войны.

Одновременно с этим я обратился к Временному правительству со следующим: «Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и совместно со мною выработайте состав правительства Народной Обороны, который, обеспечив победу, вел бы народ русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа».

Генерал от инфантерии Корнилов

Печатается по: Корниловские дни. Пг., 1917. С. 109–114

Приказ Верховного главнокомандующего № 900

г. Могилёв. 29 августа 1917 года

Я, Верховный главнокомандующий, генерал Корнилов, объясняю всем вверенным мне армиям, в лице их командного состава, комиссаров и выборных организаций смысл происшедших событий.

Мне известно из фактических письменных данных, донесений контрразведки, перехваченных телеграмм и личных наблюдений нижеследующее:

1. Взрыв в Казани, где погибло более миллиона снарядов и 12 тысяч пулемётов, произошёл при несомненном участии германских агентов.
2. На организацию разрухи рудников и заводов Донецкого бассейна и юга России Германией истрачены миллионы рублей.
3. Контрразведка из Голландии доносит:

а) на днях намечается одновременно удар на всём фронте, с целью заставить дрогнуть и бежать нашу развалившуюся Армию;

б) подготовить восстание в Финляндии;

в) предполагаются взрывы мостов на Днепре и Волге;

г) организуется восстание большевиков в Петрограде.

4. 3 августа в Зимнем дворце на заседании Совета Министров Керенский и Савинков лично просили меня быть осторожнее и не говорить всего, так как в числе министров есть люди ненадёжные и неверные.
5. Я имею основания также подозревать измену и предательство в составе различных безответственных организаций, работающих на немецкие деньги и влияющих на работу Правительства.
6. В связи с частью вышеизложенного и в полном согласии с управляющим Военным министерством Савинковым, приезжавшим в ставку 24 августа, был разработан и принят ряд мер для подавления большевистского движения в Петрограде.
7. 25 Августа ко мне был прислан Министр, Председатель Думы[1] Львов и имела место историческая провокация.

У меня не могло быть сомнения в том, что безответственное влияние взяло верх в Петрограде и Родина подведена к краю могилы.

В такие минуты не рассуждают, а действуют.

И я принял известное вам решение: спасти Отечество или умереть на своём посту.

Вам хорошо известна вся моя прошлая жизнь, и я заявляю, что ни прежде,

[1] В.Н. Львов не был председателем Думы; он был ее депутатом, а при Временном правительстве – обер-прокурором Синода (на конец августа уже в отставке).

ни ныне у меня нет личных желаний, ни личных целей и стремлений, а только одна задача, один подвиг жизни — спасти Родину, и этому я зову Вас всех; в обращении моём к Народу звал и Временное Правительство.

Пока я ответа не имею.

Должности Верховного Главнокомандующего я не сдал, да и некому её сдать, так как никто из генералов её не принимает; а поэтому приказываю всему составу Армии и Флота, от Главнокомандующего до последнего солдата, всем комиссарам, всем выборным организациям сплотиться в эти роковые минуты жизни Отечества воедино и все силы свои, без мысли о себе, отдать делу спасения родины, а для этого, в полном спокойствии, оставаться на фронте и грудью противостоять предстоящему натиску врага.

Честным словом офицера и солдата ещё раз заявляю, что я — генерал Корнилов, сын простого казака-крестьянина, всей жизнью своей, а не словами, доказал беззаветную преданность Родине и Свободе, что я чужд каких-либо контрреволюционных замыслов и стою на страже завоеванных свобод, при едином условии дальнейшего существования независимого великого Народа Русского.

Верховный Главнокомандующий
Генерал КОРНИЛОВ

Печатается по: Корниловские дни. Пг., 1917. С. 114–116.

К записи от 5 марта 1918 года

Товарищи!

С падением власти буржуазии пала ее опора — постоянная, набранная принудительным порядком, армия.

Ее должно заменить теперь всеобщее вооружение народа.

Дорого пришлась заплатить рабочим и крестьянам России за кровавое наследие царизма. К сотням тысяч трупов, к миллионам голодных и холодных, сирот и вдов, оставшихся от прошлых годов войны за последние недели, прибавилось еще одно наследие — тяжелые грабительские условия мира.

Русские рабочие и крестьяне оказались в плену у немецких помещиков и капиталистов.

И, тем не менее, последние недели показали, какой неисчерпаемый источник революционной энергии и готовности к революционной борьбе в неимоверно тяжелых условиях таили в себе революционные рабочие и крестьянские массы.

Тысячами откликнулись на призыв советской власти: К оружию рабочие и крестьяне. Наспех сформированные эшелоны за эшелонами отправлялись поезда вооруженных рабочих Петрограда на фронт защищать революцию. Со всех сторон летели в революционный штаб телеграммы о формируемых партизанских революционных отрядах крестьян, поднимающихся на защиту земли и свободы. И все же мы потерпели поражение.

Мир подписан, товарищи. Мир подписан. Мы были вынуждены согласиться на грабительский мир.

Мы были вынуждены, чтобы собраться хоть немного с силами, чтобы укрепить советскую власть внутри. Мы были вынуждены согласиться на этот мир, потому что еще не встал и не проснулся, не выпрямился во весь свой рост, не поднял повсеместно красного знамения международный пролетариат.

Но он подымет его еще.

Одним из условий мира является полная демобилизация нашей армии. Мы заменим ее всеобщим обучением всех поголовно обращению с оружием.

Каждый рабочий, каждая работница, каждый крестьянин и каждая крестьянка должны уметь стрелять. Из винтовки, из револьвера, из пулемета.

В рядах народа, строящего социалистическое общество среди капиталистических хищников, не должно быть ни одного, не умеющего обращаться с оружием.

Народный комиссариат по военным делам открыл экстренные курсы обучения стрельбе и подготовки бойцов всех родов оружия — пехотинцев, пулеметчиков, артиллеристов.

Открыты тиры для примерной свободной стрельбы.

По прослушании курсов стрельбы каждый получает удостоверение в том, что он умеет стрелять.

Так создается всеобщее обучение и затем всеобщее вооружение народа. Так, на место старой армии ставить свободный народ, свободную всеобщую армию свободных людей.

Нам не нужна будет постоянная армия, раз каждый из нас в момент внешней опасности, в любой момент сможет стать уже обученным в ряды народных борцов.

Все на курсы обучения военному делу.

Все к тирам стрельбы из винтовок и пулеметов.

Все к оружию.

К записи от 21 марта 1918 года

Поэтому с точки зрения реальной политики, реальной политической обстановки, и тогда, когда началось немецкое наступление, и теперь, когда оно дало Германии столь обильные плоды,— все слухи и толки о германском походе на большевистский режим представляются необоснованными. Все легенды о планах немцев, направленных к ликвидации большевизма, легенды, которые так охотно подхватываются обывательским настроением, совсем не соответствуют нынешней политической конъюнктуре. Слухи об экстерриториальности Петербурга, о контрольных комиссиях и т.д.— опровергнуты не только официально, но и по существу своему не вытекают из германских планов.

«Передышка», действительно, дана советской власти; эта передышка не мешает германцам продолжать свое дело с одной стороны, а с другой нисколько, при сложившихся ныне внутри России условиях, не колеблет прочности советской власти...

[...] Германии нет оснований бояться русского большевизма и что германское наступление осуществляет давние завоевательные планы, которые были разработаны пангерманистами еще тогда, когда и большевизма в России не было.

Мы все время подчеркивали, что германское наступление есть поход против России, против русского народа, а не против того или иного политического режима в России. Мы видим теперь, что наш прогноз подтвердился целиком. Германия быстро осуществила старый план захвата Балтики. Она устраивает из Украины свою хлебную житницу, берет русские порты один за другим, увозит грандиозную военную добычу — одним словом, черпает в России все, что можно, и при этом совершенно не заботится о том, будет ли сейчас сокрушен в России большевизм. Германские империалисты определяли и определяют свое отношение к русскому большевизму своими задачами, своими интересами.

К записи от 8 апреля 1918 года

В дни раздела.

Во Владивостоке высадились японцы, где-то собираются высаживаться англичане, под эмблемой желто-голубых флагов самостийной Украины завоевывается юг России. В это время последние запоздалые солдаты бегут за отходящими поездами, цепляются за буфера и катят в деревню, чтобы поспеть к дележу той земли, которую уже подстерегают ловкие скупщики. И во всем этом хаосе даже не понять, кто кого делит. Не то нас разделили, не то мы сами себя разделили.

Трагедия России в том, что в тот момент, когда с разных концов за нее принялись враги и друзья, когда на юге вместе с австрийцами орудует вспоенная нами же украинская рада, а в Пскове, несмотря на заключенный мир, стоят немцы, когда дальневосточные соседи стараются поспеть к горячему пирогу, чтобы урвать свой кусок — в этот момент мы можем грозить только одним орудием — словесными и письменными протестами. Нас даже не спрашивают, как спрашивали щедринского карася, под каким соусом мы предпочитаем изжариться. Одни вцепились нам в голову, другие расправляются с хвоста, третьи откусывают из середины.

Деревня ничего не видит и не слышит: до нее не доходят ни призывы Троцкого, ни окрики Крыленки, ни декреты, ни протесты, ничего не доходит, кроме тех гостинцев, которые везут замирившееся и успокоившееся воители. В городах тоже не до японцев, не до Владивостока и Ганге... В темном закоулке кого-то режут, кого-то пристреливают, в квартирах за запертыми дверьми друг дружке смотрят в рот и сидят с подведенными животами, радуясь тому, что прожили лишний день.

Интеллигенция, привыкшая к симфониям и успокаивающим мелодиям,— начинает прозревать и, как старая барыня в «Грозе» Островского, произносить в воздух страшные слова. Социалисты разочаровываются в себе и в народе. А сам народ, привыкший к окрикам и повиновению,— не слушает никаких доводов и убеждений и ни на какие приманки не идет из деревень.

Десантные операции предприняты во время, и все высаживающиеся думают только о том, как бы побольше урвать. Так после удачной охоты делят шкуру, распластавшегося на снегу, истекающего кровью медведя...

К записи от 8 апреля 1918 г.

Как спасти Свободу

Свобода есть конкуренция.

Сильный должен вытеснять из жизни слабого, умный — дурака, ученый — невежду, честный — подлеца. Если не прополоть гряду, урожай овощей будет плохой.

Это буржуазная теория? Нет, это теория подбора Дарвина. Конечно, в благоустроенном государстве для слабых есть благотворительность, но там им не дают в руки власти.

Нет, власть должна быть в сильных, умных и твердых руках.

Самый глупый бык идет вперед головой, а не хвостом.

Не говори много, что будешь делать то и то, но делай и сделай.

У каждого человека есть грех, господа. Брюхо требует хлеба и немало, ни много полтора фунта в день. Вынь да положь. А мы в день не доедаем фунта и одной восьмой. Мы давно — скелеты, обтянутые кожей. Можно прощупать все кости и сухожилия. Ни мускулов, ни жира нет. Как же работать? Но этого мало: труд требует порядка и спокойствия. Порядок требует того, с чего мы и начали: смелой и умной власти.

Широко Вильгельма сердце... Он властвует и в Эстляндии и в Лифляндии, и в Курляндии, да, кажется, и в Финляндии, простирая руку и на русскую Корелию. Он властвует и в Латвии, и в Польше, и в Белоруссии. Он на Украине до Черного моря апостолический король. Долго ли они будут там властвовать? Большой вопрос. Но сейчас нельзя забывать, что монархическое начало благодаря немцам уже вытесняет революционное в огромной части, отвергнутой от России. Правда, Украину еще называют даже немцы «народной республикой». Но видимо этому не верит даже и Петлюра с кривой саблей, в синих шароварах, шириною в Дарданельский пролив и в смушковой шапке набекрень. Этому не верят даже и те украинцы, у которых не только шапка, но и мозги набекрень. Тем не менее, при осуществлении в пределах, свободной еще от иностранного захвата России сильной и умной власти, порядка и безопасности неприкосновенности личности гражданина, его жилища и собственности еще можно было бы спасти великомученичную свободу.

Исповедь маленького буржуя[1]

Мне теперь 40 лет; почти 20 лет я нахожусь на государственной службе. Моим жизненным идеалом являлся всегда французский экономный буржуа, завершающий свое жизненное поприще маленьким рантье. Не имея личных средств к существованию, я всегда боялся, в случае потери трудоспособности, до получения пенсии, очутиться с протянутой рукой на улице. Прозябание в богадельне мне тоже не улыбалось. И вот как я наладил свою жизнь. Вместо того, чтобы ходить по кабакам и проживать весь заработок на развлечения, каждый год я упорно откладывал по грошам, мечтая к старости скопить небольшое состояние.

И год тому назад, перед самой февральской революцией, я являлся уже собственником небольшого капитала, который, разумеется, держал в пресловутом сейфе.

Я спрашиваю вас: что тут предосудительного? Кому принес я вред тем, что откладывал часть заработка и покупал государственную ренту?

[1] Газетная вырезка, подклеенная в дневник в конце части 4.

Докатились мы, с Божьей помощью, и до октября; объявляется беспощадная борьба всем буржуям. В частности аннулируются все государственные займы. В результате, одним росчерком пера, я лишаюсь всего своего состояния, накопленного за двадцатилетнюю тяжелую трудовую жизнь. Правда, говорят, что собственники процентных бумаг, имеющие менее чем на 25000 рублей получат первые свои 10 тысяч. Но неизвестно, когда это еще будет. И, кроме того, совершенно непонятно, почему, например, я, скопивший 18 тысяч рублей, должен сохранить только 10 тысяч, а восемь тысяч рублей у меня отнимают. Справедливо ли это? Ведь если бы я не покупал процентных бумаг, а занимался бы спекуляциями и, следовательно, держал бы весь свой капитал в деньгах на текущем счету, то не потерял бы ни одной копейки.

Мой знакомый одновременно со мною купил в мае 1917 года «Заем Свободы» на 1000 руб., но не одной купюрой как я, но, совершенно случайно, десятью купюрами до 100 руб. каждая. Теперь оказывается, что в то время, как я вовсе лишился этих тысячи рублей приятель мой не только их сохранил, но даже нажил на разнице между номинальной и выпускной ценой займа. Но допустим даже, что, в конце концов, рабоче-крестьянское правительство отдаст мне из 18000 руб. первые 10000. Получу ли я когда-нибудь эти деньги? Нет, господа, уже теперь наверно не получу: ни капитала, ни даже процентов по нему и вот почему. Русское государство должно 60 миллиардов рублей, да на 40 миллиардов выпустило бумажных денег. Мы явно несостоятельны и при таких условиях в первую очередь полным рублем придется уплатить лишь сильным соседям и вообще иностранным держателям наших займов. Русские кредиторы едва ли что получат, так как при неизбежном финансовом крахе и государственной несостоятельности на их долю ничего не достанется. Поэтому, в настоящее время мне даже почти безразлично: признают ли за мной право на эти 10000 рублей в процентных бумагах, или аннулируют их.

Сейчас — я нищий. Государственной службы я лишился, места на частной службе приискать себе не могу, ибо жизнь повсеместно замирает. Поддерживаю свое существование постепенной ликвидацией квартирной обстановки, но этого надолго не хватит. Что же, спрашивается, продолжаю я и теперь «пить вашу кровушку». Но, заглянем, однако в недалекое будущее. Кто-нибудь из нас, презренных буржуев, переживет это ужасное время. Восстановится когда-нибудь нормальная государственная жизнь, прекратится мировая война, надоест вести всем и гражданскую войну. Государству, т.е. тому же народу, разумеется, потребуется совершать займы на разные производительные надобности: постройку железных дорог, восстановление всего разрушенного и проч. Но, смею вас уверить, что ни один русский человек, от рабочего и крестьянина до миллионера

включительно, находясь в здравом уме и твердой памяти, никогда уже не поверит ни одной копейки в долг своей родине.

Если у него будут сбережения, он купит заграничную ренту, либо поместит их на текущий счет в иностранный банк, либо, наконец, будет хранить деньги дома. И это – не громкая фраза. Вы сами, товарищи, уже потеряли доверие к финансам страны, ибо с октября 1917 г. вы не только ни единого рубля не внесли в сберегательные кассы, но напротив того, вы выбираете оттуда все что можете. Иначе говоря, внутренние займы России на много десятилетий психологически невозможны. Внешние же займы,– займы у чужих народов – всегда тяжелее, чем внутренние долги.

Вот и судите сами, кто в конечном итоге безумно прогадывает. Немногочисленных в России миллионеров вы, конечно, разорили, но у них, в конце концов, что-нибудь да останется. Нас, мелких буржуев, вы лишили действительно всего. Ну, а сами стали ли вы богаче и счастливее? Фабрики и заводы, которые вы захотели национализировать, закрываются. Захваченную землю нечем засеять, а кругом алчные соседи, которые несомненно закончат свои исторические распри за наш счет.

Нам, «буржуям», приходится туго; но ведь и вам не лучше. Место «задушенного» буржуя немедленно займет и занимает международный и будет он кушать одинаково – и буржуя, и пролетария.

И скушает.

Один из многих.

К записи 3 октября 1918 года

№ 592.

Москва. 24 июля 1918 года

Для учета всех расформированных и демобилизованных войсковых частей, штабов, управлений, учреждений и заведений старой армии всем окружным, губернским, уездным и волостным комиссариатам по военным делам по сношении с местными совдепами сообщить в кратчайший срок и не позже 15 августа с.г. в Центральную демобилизационную комиссию (Москва, Новинский бульвар, № 101, кв. 5) следующие самые точные сведения о всех войсковых частях и учреждениях старой армии как уже расформированных, так и нерасформированных еще до сего времени в районах комиссариатов.

1. Для частей и учреждений уже расформированных:

а) Наименование войсковой части или учреждения.

б) Где именно производилось расформирование.
в) Когда было закончено.
г) Куда были сданы:
1) денежные суммы, денежные документы и%% бумаги;
2) ценные, музейные и исторические вещи;
3) дела и отчетность;
4) имущество: интендантское, артиллерийское, инженерное и санитарное, а также собственное воинских чинов.
2. Для частей и учреждений еще нерасформированных:
а) Наименование войсковой части или учреждения.
б) Место расквартирования.
в) Причины, почему до сего времени нерасформированы.
г) Кем и на какой срок разрешена отсрочка ликвидации.

Народный комиссариат по военным делам:

Л. Троцкий, Э. Склянский.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аберт Карл Вильгельмович, подполковник, командир 6-й батареи 28-й артиллерийской бригады

Абрамов Федор Федорович (1870–1963), генерал-майор, командир сводного конного казачьего корпуса

Аверьянов Петр Иванович (1867–1937), генерал-лейтенант, начальник Генерального штаба (1916)

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), эсер, министр Временного правительства (1917)

Агищев Владимир Афанасьевич (1860–?), генерал-майор, командир 51-го тяжелого дивизиона

Акимов (возможно, Лев Николаевич), бывший офицер 29-й артиллерийской бригады

Акимов Михаил Васильевич (1867–?), генерал-майор, в РККА начальник Главного военно-хозяйственного управления (1918)

Аккерман Александр Федорович, фон (1871–?), генерал-майор, командующий лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады (1915)

Аладьин Алексей Федорович (1873–1927), из крестьян, трудовик, член Государственной думы (1905) сторонник Л.Г. Корнилова (1917)

Александер Николай Михайлович (1869–?), полковник, штатный преподаватель Александровского училища

Алексеев Д.К. врач

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), генерал адъютант, начальник штаба Верховного главнокомандующего, основатель Белого движения

Алексеев Михаил Павлович (1867–?), генерал-майор, и.д. начальника штаба Особой армии (1916)

Алексеев Платон Николаевич (1882–1952) полковник, командир 2-й батареи лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, в РККА

Алексеев, капитан, временно командующий 133-м артиллерийским дивизионом

Альтфатер Василий Михайлович (1883–1919), контр-адмирал, первый командующий РККФ РСФСР (1918)

Аменицкий Сергей Дмитриевич, штабс-капитан, командир 4-й отдельной противосамолетной батареи

Андерс Борис Карлович, капитан, адъютант командующего 10-й армии

Андреев Иван Никанорович (1864–?), генерал-майор, командир 45-й артиллерийской бригады (1914), инспектор артиллерии 3-го корпуса (1917),

Андреев Леонид Николаевич(1871–1919), писатель

Андреев Михаил Никанорович (1867–?), генерал-майор, инспектор артиллерии10-го корпуса (1915) и Дунайской армии (1916)

Андреев Сергей Михайлович (1869–1925), генерал-майор, начальник Московской местной бригады (1914)

Андреев, полковник, командир батареи 69-й артиллерийской бригады
Андреев, полковник, руководитель «курсов стрельбы» 62 артиллерийской бригады
Андриевский Дмитрий Иванович (1875–1951), генерал майор, дежурный генерал Генерального штаба (1917)
Антонов (Овсеенко) Владимир Александрович (1883–1938) нарком по военным делам (1917)
Арапов Петр Иванович (1871–1930), генерал-лейтенант, взят в заложники в Петрограде (1918)
Аржанов Михаил Михайлович (1873–1938), инженер-железнодорожник, начальник ЦУПВОСО
Аристархов С.И., помощник заведующего приемом отчетности
Арнольд (возможно, Федор Карлович) (1877–1954), присяжный поверенный, хозяин квартиры
Арнольд madame, его жена
Артамонов Леонид Константинович (1859–1932), (прозвище «Нильский крокодил») генерал от инфантерии, отчислен от должности с назначением в резерв (1914)
Артемьев Василий Васильевич (1862–1929), генерал-лейтенант, командующий 38-м (1915) и 42-м (1916) армейскими корпусами
Архангельский Алексей Петрович (1872–1959), генерал-лейтенант, начальник Главного штаба (1917)
Архангельский Василий Гаврилович (1868–1948), политический деятель, эсер, депутат Учредительного собрания
Архипов Александр Александрович (1858–1922), генерал-лейтенант, в РККА по мобилизации (1918)
Аспелунд, начальник отдела Артснаба
Афанасьев Владимир Дмитриевич (1853–?) генерал-майор, уволен в отставку по болезни (1917)
Афанасьев Лукьян Васильевич (1869–1934), генерал-майор, командир бригады Кавказской гренадерской дивизии (1916)

Бабиков Николай Александрович (1866–1920), генерал-лейтенант, управляющий делами Военно-хозяйственного совета (3.1918), член Военно-законодательного совещания (8.1918)
Баварский принц – *см. Рупрехт Баварский*
Базилевич, делопроизводитель Военно-технической редакции
Байов Константин Константинович (1869–1920), генерал-лейтенант, в РККА, военрук Московского района обороны (3.1918), член особой комиссии по пересмотру уставов (8.1918)
Баланин Дмитрий Васильевич (1857–1928), генерал от инфантерии командующий 11-й армией (1916)
Балашов Иван Степанович (1868–?), генерал-майор, дежурный генерал штаба 10-й армии
Балашова Н.И., жена И.С. Балашова
Балтийский, (Андреев) Александр Алексеевич (1870–1939), генерал-майор, в РККА, начальник Высшей военной инспекции (1918)

Балуев Петр Семенович (1876–1923), генерал от инфантерии, главнокомандующий Юго-Западным и Западным фронтами (1917)

Бальфур Артур (1848–1930), английский политический деятель, премьер министр Великобритании(1902), министр иностранных дел (1916–1919).

Баранов Михаил Валерианович (1878–1937), генерал-майор (1917), вступил в РККА

Барановский Владимир Львович (1882–1931) генерал-майор, генерал-квартирмейстер Северного фронта (1917).

Бардадымов Иван Степанович, подполковник, командир 8-го тяжелого артдивизиона

Баржили, чиновник при Военном министре

Баркалов Владимир Павлович (1882–1941), подполковник, командир батареи 132- артдивизио

Барсуков Евгений Захарович (1866–1957), генерал-майор, начальник управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Главковерхе, в РККА

Бартенев Сергей Николаевич (1975–1942), подполковник, командир 29-й парковой арт. бригады, командир отдельной тяжелой батареи литеры «А», в РККА

Басков Илья Владимирович (1876–?), полковник, командир 3-й батареи л-гв 2-й арт. бригады

Басов Михаил Николаевич, штабс-капитан, бывший офицер 14-й бригады

Басов Николай Павлович (1875–1928), полковник, штаб-офицер для поручений Управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Главковерхе

Баташев, капитан, помощник захимзапа

Батог Михаил Александрович (1870–?), полковник, командир 2-го дивизиона 14-й артиллерийской бригады

Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920), филолог и педагог

Бауце, зауряд чиновник управления инспартарма 10.

Башмачников, заместитель комиссара временного правительства Пасечного

Беднаржу, доктор

Бежанов (Сакварелидзе) Сергей Григорьевич (1884–1931), подполковник, офицер для поручений штаба ТАОН (1917), в РККА начальник штаба ТАОН

Безкровный Александр Андреевич (1866–1948), генерал-майор (1915), генерал для поручений при командующем 10-й армией, генерал-лейтенант (1917), командующий 22-м арм. корпусом.

Безруков Алексей Герасимович (1861–?) генерал-майор, на службе в РККА

Бекетова Е.А., соседка Сиверсов по квартире

Бекетова Н.А., соседка Сиверсов по квартире

Бекетовы, сестры, соседи Сиверсов по квартире

Белецкий Степан Петрович (1873–1918), директор Департамента полиции (1912), сенатор (1914)

Белолипецкий Валериан Ерофеивич (1869–1943), генерал-майор, председатель секции уставной комиссии

по разработке пехотных уставов штаба РККА

Белорусский, командир 1-го дивизиона литера «Е»

Белой Александр Сергеевич (1882–1938), полковник, делопроизводитель ГУГШ, бывший офицер лейб-гвардии 2-й арт. бригады, в РККА

Белькович Леонид Николаевич (1859–?), генерал от инфантерии, командующий 7-й армии

Белявский Михаил Эдмундович (1854–?) действительный статский советник, дивизионный, потом корпусной врач.

Беляев Владимир Васильевич (1868–1939), генерал-лейтенант, начальник штаба 12-й армии, бывший редактор «Русского Инвалида»

Беляев Владимир Тимофеевич (1872–?) полковник, находился в плену

Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918), генерал-лейтенант, помощник военного министра (1915), военный министр (1917), бывший командир 2-й батареи Л-гв. 2-й арт. бригады

Беляев Николай Семенович (1866–?) генерал-майор, преподаватель Военной академии РККА, инспектор ГУВУЗ

Беляев Сергей Тимофеевич (1967–1923), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 2-й армии, в РККА

Беляев Тимофей Тимофеевич (1880–1918), полковник, командир 6-й батареи Л-гв. 2-й арт. бригады.

Беляева Е.М., переписчица

Бенескул Владимир Онуфриевич (1863–1917), генерал-лейтенант, начальник 51-й дивизии

Бениславский Николай Ипполитович (1872–?), полковник, командир 5-го легкого мортирного дивизиона

Березовский Александр Иванович (1867–1940), генерал-лейтенант

Беркутов Леонид Сампсонович, штабс-капитан, командующий 1-й батареей 6-го осадного дивизиона

Бернадский Вячеслав Александрович, подполковник, командир батарее 55-го тяжелого дивизиона

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943), ученый-экономист, министр финансов Временного правительства (1917)

Берников Николай Владимирович (1853–1932), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 18-го корпуса

Безкровный Александр Алексеевич (1866–1948), генерал-майор, генерал для поручений при командующем 10-й армией (1916)

Бибинов Сергей Николаевич (1870–?), полковник, командир тяжелого дивизиона литеры «А»

Билибин Александр Николаевич (1874–?), полковник, командир 56 парковой артиллерийской бригады.

Бирюков Николай Павлович (1873–1919), генерал-майор, командир 16-й стрелковой дивизии (?)

Бланк В.Г., один из корреспондентов А.М. Сиверса

Бланк Владимир – сын В.Г. Бланка

Блинджe Виктор Михайлович, подполковник 2-й Сибирской стрелковой бригады

Бобринский Алексей Александрович

(1852–1927), граф, заместитель министра внутренних дел (1916), министр земледелия (1916)

Богаевский Лев Алексеевич (1867–1919), генерал-майор, инспектор артиллерии Гренадерского корпуса (1916)

Богачев Георгий Михайлович, поручик Л-гв. 2-й арт. бригады (1909)

Богдасаров, инженер, начальник отдела металлов

Богдасаровы

Боголюбов Борис Аркадьевич (1875–?), полковник командир 3-го дивизиона 11-й полевой тяжелой арт. бригады (1916), командир 55-го отдельного полевого тяжелого арт. дивизиона (1917)

Бодиско Владимир Константинович (1866–1941), генерал-майор, инспектор артиллерии 1-го Сибирского армейского корпуса

Бойе Сергей Георгиевич, штабс-капитан артиллерии (1916), в РККА

Бойно-Радзевич Виталий Павлович (1877–1930), генерал-майор, служил в РККА

Бокильон Вячеслав Константинович (1881–1960), полковник Л-гв. 2-й арт. бригады

Болдескул Лев Иванович (1872–?), полковник, командир 1-го дивизиона 14-й арт. бригады

Болдырев Василий Георгиевич (1875–1933), генерал-лейтенант, член уфимской Директории (1919)

Болотов Николай Андреевич (1863–?), генерал-майор, председатель правления Гвардейского экономического общества (с 1903)

Бонту Поль Эжен (1824–1904), директор франко-австрийского католического банка «Union générale»

Бонч-Богдановский Александр Михайлович (1872–?), генерал-майор, командир 51-й дивизии, в РККА

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956), генерал-майор, начштаба Северного фронта, в РККА

Борисов Василий Николаевич (1857–?), генерал-майор, командир 81-й арт. бригады

Борманский В.И. хозяин съемной квартиры

Бочкарева Мария Леонтьевна (1889–1920), прапорщик, начальник женской роты

Бош Евгения Богдановна (1879–1925) –российская революционерка, руководитель Народного секретариата Украины

Бржозовский (Бжозовский) Николай Александрович (1857–?), генерал-лейтенант, командир 44-го армейского корпуса

Бриан Аристид (1862–1932) премьер-министр Франции (1915–1917)

Бринкен Александр Фридрихович фон ден (1859–1917), барон, генерал от инфантерии, командир 22-го армейского корпуса

Бронников, доктор Морского госпиталя

Бронштейн – *см. Троцкий Л. Д*

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта (1916)

Брусилова (урожденная Желиховская)

Надежда Владимировна (1864–1938), жена А.А. Брусилова

Будберг Алексей Павлович, фон (1869–1945), барон, генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии (1914)

Буковский Александр Петрович (1868–1944) генерал-майор, командир корпуса

Бунаков Александр Михайлович, подполковник 1-й гренадерской арт. бригады

Буняковский Владимир Владимирович (1882–?), полковник, вступил в РККА, бывший командир 5-й батареи лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады

Бурдулов

Бурко, полковник, командир 6 тяжелого дивизиона

Бурман Андрей Владимирович (1867–1918), генерал-майор, инспектор артиллерии лейб-гвардии 1-го корпуса

Бурман Георгий Владимирович (1865–1922), генерал-майор, бывший начальник электротехнической школы

Буров Аполлон Иванович (1860–?), генерал-майор, начальник Сибирской запасной стрелковой бригады

Бутенин, подпоручик, командир химической команды

Бутаков Александр Григорьевич (1861–1917), контр-адмирал, начальник штаба Кронштадта

Бутыркин Сергей Николаевич (1874–1924), генерал-майор, начальник Константиновского артиллерийского училища

Бухарин Николай Иванович (1888–1938), революционер, советский государственный и партийный деятель

Бьюкенен Джорж (1854–1924), английский дипломат, посол Великобритании в России

Вакье, врач

Вальтер Ричард-Кирилл Францевич (1870–1945), генерал-лейтенант, начальник штаба Западного фронта

Вальш, французский генерал артиллерии

Вандам (Едрихин) Алексей Ефимович (1867–1933), генерал-майор, один из участников Белого движения

Ванновский Глеб Михайлович (1862–1943), генерал-лейтенант, командир 35-го корпуса

Вартанов Артемий Соломонович (1855–1937), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 1-й армии

Васьковский, секретарь армейского комитета

Вахарловский Антон Николаевич, подполковник, временный командующий 6-м дивизионом.

Вахарловский Всеволод Николаевич (1858–1939), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 5-й армии, вступил в РККА

Васильчиков Сергей Илларионович (1849–1926), князь, генерал от кавалерии, в отставке

Васильчикова (урожденная Мещерская) Софья Николаевна (1867–1942), княгиня

Ваулин, врач

Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–

1938), советский военачальник, командарм 2-го ранга (1935)

Венгеров, комиссар Временного правительства в 10-й армии

Веппер А.К., военный комиссар в Высшей артиллерийской школе

Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1947) контр-адмирал, морской министр Временного правительства (1917)

Верховский Александр Иванович (1886–1938), полковник, военный министр Временного правительства (1917)

Верцинский Эдуард Алексеевич (1873–1941), генерал-майор, начальник штаба гвардейской стрелковой дивизии

Веселовский Антоний Андреевич (1966–1939), генерал-лейтенант, командир 19-го армейского корпуса

Вешняков Януарий Сергеевич (1869–1937), генерал-майор, и.д. инспектора артиллерии 20-го армейского корпуса

Виктория Федоровна (1876–1936), великая княгиня, жена великого князя Кирилла Владимировича

Вилье Яков Васильевич (1768–1854), врач, организатор военной медицины в России

Вильгельм II (1859–1941), кайзер Германской империи

Вильсон Вудро (1856–1924), президент США

Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) юрист, один из лидеров КДП

Виноградов С.П., начальник литературно-издательского отдела РВСР

Виноградский Александр Николаевич (1874–1935), генерал-майор, помощник инспектора артиллерии армий Румынского фронта (1916)

Вирановский Георгий Николаевич (1867–1920), генерал-майор, и.д. начальника штаба 6-й армии

Вирен Роберт Николаевич (1857–1917), адмирал, командир Кронштадского порта и военный губернатор Кронштадта

Владимир, священник, настоятель церкви на Сивцевом Вражке

Владиславский-Крешкин Николай Леонидович (1874–1938), генерал-майор, командир Гренадерского мортирного артиллерийского дивизиона, вступил в РККА

Влесков Борис Николаевич, полковник, командир 8-го тяжелого артиллерийского дивизиона

Воейков Владимир Николаевич (1868–1947), генерал-майор Свиты, дворцовый комендант (1913–1917)

Войтинский Владимир Савельевич (1885–1960), экономист, меньшевик, комиссар Временного правительства на Северном фронте (1917)

Войцеховский Сергей Николаевич (1883–1951), генерал-майор русской службы, генерал армии Чехословакии, один из руководителей Белого движения

Волков, капитан при штабе 10-й армии

Волковинский, поручик 8-го тяжелого дивизиона

Волковицкий Илья Ильдефонсович (1860–1918), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 24-го армейского корпуса

Володарский В. (Гольдштейн Моисей Маркович) (1891–1918), межрайонец, большевик, член Президиума ВЦИК и Петроградского комитета РСДРП(б)
Волоцкий, штабс-капитан 10-й тяжелой бригады
Волчанецкий М.Н., начальник снабжения ТАОН РККА
Волянский, прапорщик химической команды
Воронецкий, служащий Главзаграна
Втулов, сосед семьи Сиверсов по квартире
Вуколов, начальник отдела политического просвещения штаба Московского округа
Вукотич Александр Николаевич, обер-офицер управления инаркора 2-го Кавказского корпуса, в РККА
Вырубов (возможно, Василий Васильевич (1879–1969), земский деятель, заведующий земскими делами при Ставке), начальник снабжения Западного фронта
Вырубова (урожденная Танеева) Анна Александровна (1884–1964), фрейлина императрицы Александры Федоровны
Высоцкий Александр Федорович (1869–?), полковник, командир дивизиона 59-й артиллерийской бригады, отчислен от должности по болезни.

Гаврилов Александр П.етрович(1855–?), генерал-майор, командующий 69-й пехотной дивизией.
Гаврилов Василий Тимофеевич (1867–?), генерал-лейтенант, командир 1-го армейского корпуса
Гадалова Мария Георгиевна, знакомая А.М. Сиверса
Гажала, прапорщик, командир химической команды
Галах, курьер Центральной демобилизационной комиссии
Галкин Алексей Семенович (1866–1942), генерал-лейтенант, дежурный генерал штаба Западного фронта
Гамченко Евгений Спиридонович (1874–1931), полковник, командир 119-го Вяземского полка
Гаитенов Валериан Михайлович (1855–?), генерал от артиллерии, инспектор артиллерии Гренадерского корпуса
Гантимуров Алексей Гаврилович (1859–?), князь, генерал-майор, инспектор артиллерии 44го корпуса
Гаркушевский Василий Григорьевич (1871–?), полковник, командир 20-го тяжелого мортирного дивизиона
Гарновский Михаил Антонович (1764–1817), владелец дома, перестроенного в казармы Измайловского полка
Гартонг Иван Владимирович, фон (1868–1937), полковник, предводитель дворянства Гомельского уезда
Гартунг Лев Федорович (1868–?), генерал-майор, бывший военнопленный, арестован большевиками как заложник
Гарухин, завхоз Высшей артиллерийской школы
Гвоздев Кузьма Антонович (1882–1956), эсер, затем меньшевик, министр труда Временного правительства (1917)
Гебауер Бернгард Фердинандович, подполковник, заместитель инспектора

воздухоплавательного парка Западного фронта

Гейсман Платон Александрович, (1853–1919), генерал от инфантерии, член Военного совета, в РККА член Военно-законодательного совета

Гейштор Михаил Константинович (1851–?), генерал-майор, штатный преподаватель математики кадетского корпуса

Ген Виктор, библиотекарь Публичной библиотеки

Герасимов Александр Михайлович (1861–1931), вице-адмирал, комендант Ревельской крепости

Геруа Александр Владимирович (старший) (1870–1944), генерал-лейтенант, начальник штаба 2-й армии (1916), в РККА, руководитель подпольной офицерской организации

Геруа Борис Владимирович (младший) (1876–1942), генерал-майор, командир лейб-гвардии Измайловского полка (1915–1916), профессор Николаевской военной академии (1918)

Гилленшмидт Александр Федорович фон (1867–1942), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 2-го гвардейского корпуса

Гинейко (возможно, Бронислав Леонардович (1857–?), отставной генерал, член исполнительного комитета «Союза реальной работы»,

Гипус К. П., работник ТАОН

Гирс Иосиф Иосифович, полномочный представитель Чехословацкой республики в Москве

Гиршфельд Василий Андреевич (1865–1930), генерал-лейтенант, начальник инженеров армий Западного фронта

Гладильщиков, рядовой, изобретатель-самоучка

Гладких, рядовой, изобретатель-самоучка

Гладков Петр Дмитриевич (1870–?), генерал-майор, командующий 22-й артиллерийской бригады, вступил в РККА

Глазков Петр Александрович (1869–?), полковник, командир 2-го дивизиона 10-й полевой тяжелой артиллерийской бригады

Глебов (Авилов) Николай Павлович (1887–1937), большевик, нарком почт и телеграфа в первом СНК (1917)

Глебович-Полонский Иван Брунович (1878–1916), полковник, командир 2-го дивизиона Кавказской гренадерской артбригады

Глоба Павел Евграфович (1871–?), полковник, командир 2-го дивизиона 11-й полевой тяжелой артбригады

Говоров Алексей Владимирович (1885–1967), подполковник, ст. адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии (1917)

Годнев Иван Васильевич (1854–1919), врач и общественный деятель, государственный контролер при Временном правительстве (1917)

Гоерц Александр Александрович, фон (1880–1932), полковник, ст. адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии

Голицын Андрей Андреевич (1865–?), генерал от артиллерии, начальник ар-

тиллерийских снабжений армий Юго-Западного фронта

Головачев Алексей Дмитриевич (1858–?), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 22-го армейского корпуса

Гололобов Всеволод Порфирьевич (1876–1937), полковник, командир 2-го дивизиона 69-й артиллерийской бригады

Голубятникова, переписчица ТАОНа

Гольтгоер Константин Александрович (1865–1933), генерал-майор, участник Белого движения

Гончаров Николай Дмитриевич (1895–?), поручик, летчик

Горбатовский Владимир Ннколаевич (1851–1924), генерал-лейтенант, командующий 10-й армией (1916)

Горбачевич Александр Евстафьевич (1866–?), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 5-го армейского корпуса

Горецкий работник Военно-законодательного совета

Гаркушевский Василий Григорьевич (1871–?), полковник, командир 20-го мортирного дивизиона

Горталов Михаил Федорович (1839–1877), майор, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Гоерц Александр Александрович, фон, (1880–1932), полковник, ст. адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии (1915)

Горвиц – *см. Гурвиц*

Гофман Константин Николаевич (1883–?), штабс-капитан, служил в Артснабе

Гоц Абрам Рафаилович (1882–1940), эсер, член боевой организации, председатель ВЦИК Советов 1-го созыва (1917)

Григорьев (возможно Артемий Федорович) (1883–1960), подполковник, заведующий судной частью штаба армии, участник Белого движения

Григорьев Федор Леонидович (1884–1937), капитан, помощник ст. адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии, в РККА

Гринько А.Р., начальник Военного хозяйственного управления ТАОН

Гришинский Алексей Самойлович (1872–?), генерал-майор, в РККА, сотрудник Военно-исторической комиссии

Грузит, комиссар Главзаграна

Гулевич Арсений Анатольевич (1866–1847), генерал-лейтенант, командующий 47-м армейским корпусом

Гун М., публицист

Гурвич Исаак Абрамович, член ревизионной комиссии СРР

Гурвиц (Горвиц), прапорщик, помощник комиссара Временного правительства на Западном фронте

Гуржин Михаил Васильевич (1868–?), генерал-майор, командир 62 артиллерийской бригады

Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864–1937) генерал от кавалерии, командующий Особой армии (1916), главнокомандующий армиями Западного фронта (1917)

Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал-фельдмаршал, герой Русско-турецкой войны 1877–78 гг.

Гуро Анри Жозеф (1867–1946), французский генерал, командующий 4-й армией

Гусаковский Петр Николаевич (1889–1939), капитан, окончил курс Николаевской военной академии, вступил в РККА

Гутор Алексей Евгеньевич (1868–1938) генерал-лейтенант, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, в РККА председатель Главной уставной комиссии

Гучков Александр Иванович (1861–1936), лидер партии октябристов, военный и морской министр Временного правительства (1917)

Гюго Виктор (1802–1885), французский писатель

Давыдов Н.И., канцелярист Центральной демобилизационной комиссии

Далер Владимир Вильгельмович (1875–?), полковник, помощник начальника управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем

Дамич Николай Арсентьевич (1863–1941), подполковник, командир 6-го осадного дивизиона

Данилов (Рыжий) Николай Александрович (1867–1934), генерал-лейтенант, профессор Николаевской военной академии

Данилов (Черный) Юрий Никифорович (1966–1937), генерал от инфантерии, начальник штаба Северного фронта, в РККА

Данилович В.Н. знакомая семьи Сиверсов

Дардзинский, переписчик Центральной демобилизационной комиссии

Дельвиг Сергей Николаевич (1966–1944), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии армий Юго-западного фронта

Дельсаль Петр Алексеевич (1861–?), генерал-лейтенант, начальник гвардейской стрелковой дивизии

Ден Александр Александрович, фон (1867–1930), генерал-майор, командир 36 артеллерийской бригады

Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант, Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России

Денисенков Михаил Николаевич (1865–?), полковник, командир 1-го отдельного полевого тяжелого артдивизиона батарей «Е» (комарт 203)

Денисов, солдат, председатель армейского комитета 10-й армии

Джугашвили – *см. Сталин И.В.*

Дзевалтовский Игнатий Леонович (1888–1925), польский революционер, комиссар Управления военно-учебными заведениями и главный комиссар Всероссийского Главного штаба

Дзичканец Алексей Иосифович (1840–?) (отец), генерал от инфантерии, в резерве чинов

Дзичканец Борис Алексеевич (1866–1940) (сын), генерал-лейтенант, командир 29-й дивизией, командир 3-го армейского корпуса

Дитман Генрих Владимирович фон, подполковник, дивизионный интендант

1-й Кавказской гренадерской дивизии
Дмитриев Август Александрович (1860–1919), генерал-лейтенант, начальник 4-й пехотной дивизии
Дмитриев Александр Михайлович (1860–?), полковник, командир 1 дивизиона 11-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады
Дмитрий Павлович (1891–1942), великий князь
Дмитрюков Иван Иванович (1871–1918), из дворян, октябрист, член Временного комитета Государственной думы (1917)
Доброхотов, прапорщик, ранен во время атаки
Добрышин Александр Федорович (1871–1942), генерал-майор, и.д. начальника штаба 10-й армии (1917), в РККА
Довбор-Мусницкий Иосиф Романович (1867–1937), генерал-лейтенант русской службы, польский генерал брони, командир 38-го армейского корпуса
Довгирд Стефан Антонович (1871_?), генерал-майор, начальник штаба 38-го армейского корпуса
Долгов Александр Александрович (1859–1930), генерал лейтенант, инспектор артиллерии 7-го армейского корпуса
Долгово-Сабуров Николай Николаевич, радомский вице-губернатор
Доливо-Добровольский Виктор Викторович (1861–1932), граф, генерал от артиллерии, отказался сотрудничать с большевиками
Доможиров Николай Николаевич (?–1922), полковник, офицер ГШ, вступил в РККА
Донцов Захар Яковлевич, подпрапорщик, фельдфебель 5-й батареи Л-гв. 2-й артбригады
Дорошевский Стефан Иоахимович (1868–?), полковник, командир 246-го полка
Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922), журналист, публицист, театральный критик
Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955), генерал от кавалерии, командующий 5-й армией, главнокомандующий Северным фронтом
Драгомиров Владимир Михайлович (1867–1928), генерал-лейтенант, нач-штаба Юго-Западного фронта, Ком-кор 16
Драке Виктор Людвигович (1879–1938), полковник, адъютант великого князя Сергея Михайловича
Драке Владимир Людвигович (1874–1933), генерал-майор, командир 13-го тяжелого артдивизиона, инспектор артиллерии 49-го арм. корпуса
Драке, кузина
Драшусов Александр Евгеньевич (1881–1936), подполковник, офицер для поручений при полевом генерал-инспекторе артиллерии
Дрейер Владимир Николаевич (1876–1967), полковник, командир 275 Лебедянского полка (1915–1916)
Дубинский, член комиссии в ТАОНе
Дубровин Александр Иванович (1855–1921), врач, монархист, один из лидеров «Союза русского народа»

Дубровин Владимир Александрович (1867–?), подполковник, временный командующий 6 тяжелым дивизионом

Дунаев Н.Ф., помощник заведующего хозяйственного управления ТАОН

Дунин-Борковский Михаил Иосифович (Осипович) (1878–?) капитан 1-го ранга, начальник иностранного отдела МГШ (1918), арестован и содержался в концлагере

Дунина-Борковская Надежда Михайловна, урожденная Сиверс, сестра А.М. Сиверса

Дунина-Борковская Е. М.– *см. Сиверс Е.М.*

Дурляхов Роберт Августович (1856–1937), генерал-лейтенант, выдающийся конструктор лафетов и лафетных установок

Духонин Николай Николаевич (1976–1917), генерал-лейтенант, исполнял обязанности Верховного главнокомандующего в ноябре-декабре 1917 г.

Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938), большевик, нарком по морским делам в первом СНК

Евецкий (Евневич) Апполон Павлович, бывший офицер Кексгольмского полка, начальник канцелярии ЦУС

Евстафьев Вячеслав Павлович (1865–1937), полковник, начальник санитарного отдела штаба 10-й армии

Е.Ф.– *см. Сиверс Е.Ф.*

Елизавета Федоровна (1864–1918) великая княгиня, сестра императрицы Александры Федоровны

Е.М.П.– *см. Прасолова Е.М.*

Егорьев Владимир Николаевич (1869–1948), генерал-майор, командующий 171-й пехотной дивизией

Ельшин Александр Яковлевич (1865–1951), генерал-лейтенант, командир 20-го армейского корпуса

Енчевич Марин Драганович (1860–1934), генерал-лейтенант, командующий 62-й пехотной дивизии

Епанчин Николай Алексеевич (1857–1941), генерал от инфантерии, бывший директор Пажеского корпуса

Епитерловы, родственники сестер Бекетовых

Ершова, хозяйка квартиры

Ефремов Иван Николаевич (1866–1945), министр юстиции, министр общественного призрения во Временном правительстве(1917)

Ефрос, служащий ТАОНа

Жанколя Николай Изидорович (1866–?), генерал-майор, начальник юридической части ГАУ

Жданов Николай Александрович (1867–?), генерал-майор, военный руководитель Московского округа

Житенов, арестован в Петрограде

Жнов Александр Иванович (1865–1946), генерал майор, дежурный генерал штаба 10-й армии, с переводом в Генеральный штаб (1915)

Жоффр Жозеф (1852–1931), маршал Франции

Завадский Сергей Владиславович (1871–1935), профессор Александровского лицея, председатель Чрезвычай-

ной следственной комиссии (1917)
Загю Михаил Михайлович (1875–1951), генерал-майор, в РККА, помощник начальника Всероглавштаба
Зайковский Владимир Александрович (1870–?), полковник, командир 8-го тяжелого дивизиона 28-й бригады
Зайченко Захарий Иванович (1871–?), генерал-майор, начальник штаба 38-го армейского корпуса
Закутовский Иван Андреевич (1855–?), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 1-го Сибирского корпуса (1915)
Закутовский Федор Андревич (1862–?), полковник, мандир Кавказского мортирного дивизиона
Замятин, помощник начальника артиллерийского снабжения
Зарако-Зараковский Иван Иванович (1857–1930), генерал-лейтенант, начальник 11-й Сибирской дивизии
Зарудный Александр Сергеевич (1861–1934), министр юстиции Временного правительства (1917)
Зарецкий Георгий Капитонович (1856–?), генерал-майор, и.д. инспектора артиллерии 20-го корпуса
Захаров А.М., командир дивизиона «Б»
Захарова, жена А.М. Захарова
Зейц Карл-Генрих-Роберт Флорентинович (1966–?), генерал-майор, командир 13-й тяжелой артиллерийской бригады, в РККА
Зенков Михаил Иванович капитан, находился в плену
Зиборов Вячеслав Иванович (1868–1917), генерал-майор, командующий стрелковой дивизии, убит на фронте солдатами
Зигель Петр Михайлович фон (1877–?), полковник, командир 11-го тяжелого артдивизиона, комарт 203
Зиновьев (Родомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936), революционер, советский государственный деятель
Зубовский Сергей Фаддевич (1871–1937), полковник, начальник Высшей артиллерийской школы (1918)
Зуев, капитан Генерального штаба

Иванов Д.Д., знакомый А.М. Сиверса
Иванов Владимир Васильевич (1857–?), генерал-майор, инспектор артиллерии 38-го армейцского корпуса
Иванов Николай Иудович (1851–1919), генерал от артиллерии, генерал-адъютант (1907), командир Георгиевского батальона охраны Ставки
Иванов Сергей Алексеевич (1856–1930), профессор, кадет, член IV Государственной думы
Иванова С.В., знакомая семьи Сиверсов
Иванов, полковник, член ревизионной комиссии СРР
Ивановы, знакомые семьи Сиверсов
Иванцов (возможно, Онисим Митрофанович), полковник, член подотдела Союза офицеров 10-й армии
Иевреинов Александр Александрович (?–1917), полковник, командир батареи Л-гв. 2-й арт. бригады, погиб в бою
Иевреинов Александр Иосафович (1851–1929), генерал от инфантерии, командир 20-го армейского корпуса
Изместьев Петр Иванович (1873–1925)

генерал-майор, в РККА, заведующий учебной частью Петроградских комкурсов.

Ильинский, заведующий счетным отделом Военно-законодательного совета

Иордан Александр Фридрихович (1864–?) генерал-майор, инспектор артиллерии 41-го армейского корпуса

Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927), советский дипломат, полпред РСФСР в Берлине

Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952), генерал-лейтенант, председатель состоящего при ГАУ химического комитета по изысканию и заготовлению взрывчатых веществ, удушающих и зажигательных средств

Ирина Александровна (1895–1870), княжна императорской крови, племянница Николая II, жена князя Ф.Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстона

Ирманов Владимир Александрович (1852–1931), генерал от артиллерии, командир 3-го Кавказского армейского корпуса

Исаев, подполковник Л-гв. 2-й арт. бригады

Искрицкий Евгений Андреевич (1874–1949), генерал-майор, командир 1-го Сибирского корпуса

Истомин Николай Михайлович (1955–?), генерал-лейтенант, командир 46-го корпуса

Ихо, врач, оратор на митинге

Кабалов Александр Иванович (1876–?), полковник, начальник штаба 133-й дивизии

Казбек Иван Николаевич (1860–1944), генерал-майор, командующий Кавказской гренадерской артиллерийской бригадой

Казнаков Николай Нмколаевич (1856–1929), генерал-лейтенант, командир 12-го арм. корпуса

Калатилин Николай Порфирьевич, подполковник 4-го Сибирского тяжелого дивизиона

Каледин Алексей Максимович (1861–1918), генерал от кавалерии, войсковой атаман Донского казачьего войска

Калинин, капитан, военный комиссар Временного правительства

Калитин Петр Петрович (1853–1928), генерал-лейтенант, командир 1-го Кавказского корпуса

Калмыков, капитан, командир 2-й Гродненской батареи

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) большевик, советский партийный и государственный деятель

Каменев Николай Михайлович (1862–?), генерал-майор, генерал для поручений при Военном министре

Каменский Сергей Николаевич (1868–1951), граф, генерал-майор, в РККА начальник военно-исторического отдела Всероглавштаба

Каменцов (Каменцев) Александр Иванович (1868–?) полковник, преподаватель Александровского военного училища

Каминский, капитан, член офицерского комитета

Каминский — *см. Каменцов*

Камков (Кац) Борис Давидович (1885–1938) член ЦК партии левых эсеров, член ВЦИК

Карачан Петр Петрович (1868–1917), генерал-майор, инспектор артиллерии 11-й армии (1917)

Караулов Михаил Александрович (1878–1917), атаман Терского казачьего войска, член Временного комитета Государственной думы

Кардиналовский Михаил Григорьевич (1868–1917), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 11-й армии (1916), убит на наблюдательном пункте

Каринский Николай Сергеевич (1873–1948), адвокат, кадет, депутат Государственной думы, прокурор Петроградской судебной палаты (1917)

Карпинский Владимир Васильевич, штабс-капитан 14-й артиллерийской бригады

Карпов, поручик, командир 26-й батареи

Карпович Иван Александрович (1867–1938) генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 35-го армейского корпуса

Карташев Антон Владимирович (1875–1960), богослов, историк русской церкви, последний обер-прокурор Синода

Карташевский Владимир Евграфович, начальник хозотдела штаба ТАОН

Кауфман-Туркестанский Петр Михайлович, фон (1857–1926) сенатор, министр народного просвещения, член Государственного совета

Корчагин Петр Петрович, капитан, завхоз во 2-м Ивангородском тяжелом дивизионе

Коханов Николай Васильевич (1854–?), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 4-й армии

Квецинский Михаил Федорович (1866–1923), генерал-лейтенант, начштаба Западного фронта, командующий 3-й армией.

Кедров Михаил Сергеевич (1878–1941), большевик, начальник военной контрразведки: Военного контроля, затем Особого отдела ВЧК (1918)

Келлер Федор Артурович (1857–1918) граф, генерал от кавалерии, командир 3-го кавалерийского корпуса

Кельчевский, капитан при Главнокомандующем армиями Западного фронта

Керенский Александр Федорович (1881–1870), министр-председатель Временного правительства

Кинаст, доктор Морского госпиталя

Кирей Василий Фаддеивич (1879–1940), генерал-майор, командир 4-й батареи 32-й артиллерийской бригады (1916)

Кириченко Николай Владимирович, штабс-капитан Финляндского полка

Киселевский Николай Михайлович (1866–1939), генерал-лейтенант, командующий 10-й армией (1917)

Кисляков Владимир Николаевич (1875–1919), генерал-майор

Кистер Владимир Константинович фон (1862–1940), тайный советник, сенатор, член совета Союза международных торговых товариществ.

Кишкин Николай Михайлович (1864–1930), врач, член кадетской партии, министр государственного призрения

Временного правительства
Кияница, штабс-капитан 3-го легкого мортирного дивизиона
Клейгельс, подполковник Этапно-хозяйственного отдела 10-й армии
Клейненберг Евгеений Юрьевич (1864–1922), генерал-майор, командующий 56-й артиллерийской бригады, в РККА инспектор тяжелой артиллерии
Клейненберг Иван Юрьевич (1861–?), генерал-лейтенант, и.д. инспектора артиллерии 3-й армии
Клемансо Жорж (1841–1929) французский политический деятель, премьер-министр Франции
Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1921), генерал от инфантерии, в РККА член Военно-законодательного совета
Княжевич Дмитрий Максимович (1874–1918), генерал-майор, командир 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии
Козлов, представитель 5-й армии
Козловский, служащий РВС, бывший артиллерист
Кокорев, владелец склада в Петрограде
Кокошкин Федор Федорович (1871–1918), юрист, один из основателей кадетской партии государственный контролер при Временном правительстве
Колобов, исполняющий должность председателя армейского комитета 10-й армии
Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952), русская революционерка и советский дипломат
Колосов Николай Николаевич (1871–?), полковник, командир 1-го дивизиона 51-й артиллерийской бригады
Колчев, прапорщик
Колюбакин Владимир Николаевич (1873–1944), генерал-майор, начальник военных сообщений армий Западного фронта
Кондзеровский Петр Константинович, (1869–1929), генерал-лейтенант, дежурный генерал при Верховном главнокомандующем, в РККА член Военно-законодательного совета
Кондратов И.Д., заведующий приемом отчетности Центральной демобилизационной комиссии
Кондырев Анатолий Михайлович (1877–?), полковник, командир 3-й батареи дивизиона литеры А
Коновалов Александр Иванович (1875–1949), предприниматель, министр торговли и промышленности Временного правительства (1917)
Коновалов Федор Евгеньевич (1887–1970), подполковник, начальник 10-го авиационного дивизиона
Конопчанский Петр Михайлович (1867–?), генерал-майор, инспектор артиллерии 48-го армейского корпуса
Копейкин, прапорщик, комиссар Временного правительства при штабе 10-й армии
Корнилов Александр Александрович (1862–1925), русский историк, общественный деятель, один из лидеров кадетской партии
Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий (1917), ко-

мандующий добровольческой армией (1918)

Корольков Алексей Львович (1859–1931), генерал-лейтенант, профессор Михайловской артиллерийской академии

Коссович Лев Львович, (возможно, штабс-капитан), коммунист, командир 3-й армейской артиллерийской бригады

Костин Вячеслав Данилович (1874–1930), полковник, командир 10-й тяжелой артиллерийской бригады

Костяев Федор Васильевич, (1878–1925) полковник, начальник штаба 1 Сибирского армейского корпуса, в РККА начальник полевого штаба РВСР

Котович Павел Павлович (1872–?), полковник, командир 1-го Сибирского мортирного арт. дивизиона

Крапоткин Дмитрий Алексеевич (1867–?), князь, генерал-майор, начальник 133-й дивизии

Красильников Владимир Александрович (1852–1928), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 16-го армейского корпуса

Кристи, семья из Бессарабии

Круглевский Василий Александрович (1866–?), генерал-майор, командующий 3-й Сибирской стрелковой дивизии

Крузенштерн Николай Федорович, фон (1854–1940), генерал от кавалерии, командир 18-го армейского корпуса; в отставке после автомобильной катастрофы

Крутиков Николай Александрович (1871–1920) генерал-майор, командующий 51-й артиллерийской бригадой

Крыжановский, комиссар Временного правительства

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938), советский государственный и партийный деятель, Верховный главнокомандующий армией после Октябрьской революции.

Крылов Иван Андреевич (1769–1844), русский писатель, поэт и баснописец

Крымов Александр Михайлович (1871–1917), генерал-лейтенант, командир 3-го кавалерийского корпуса

Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич (1856–1950), генерал-лейтенант, начальник Главного артиллерийского управления

Куклиш, прапорщик, революционный агитатор

Кулакова М.Д., переписчица Центральной демобилизационной комиссии

Куликовский Борис Дмитриевич (1875–1931), полковник, командир 1-го дивизиона Л-гв. Стрелковой бригады

Куликовский Иван Иванович, капитан 42-го Сибирского стрелкового полка

Куликовская А.И., жена Б.Д. Куликовского

Куликовская Татьяна Борисовна, дочь Б.Д. Куликовского

Куликовские

Кульчицкий, подполковник, команд 1 дивизиона 10-й тяжелой бригады

Кун Леонид Карлович (1869–?) полковник, столоначальник ГУГШ, перешел в РККА

Купреянов Н.И., знакомый А.М. Сиверса

Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) генерал-майор, командир Отдельного корпуса жандармов

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал от инфантерии, Главнокомандующий Маньчжурской армии (1904) туркестанский генерал-губернатор (1916)

Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) политический деятель, кадет, главноуправляющий землеустройством и земледелием в Совете министров (с 1905)

Кутузов Борис Николаевич (1875–?), полковник, командир 5-й батареи л.-гв. 2-й арт. бригады

Кшесинская Матильда Феликсовна (1872–1871), балерина и педагог, прима-балерина Мариинского театра

Лагорио Георгий Иосмфович (1867–?) полковник, инженер-железнодорожник

Лагунов, капитан, командир 113-й батареи 2-й Сибирской бригады, офицер управления инспектора артиллерии 10-й армии

Ладыженский Гавриил Михайлович (1865–1945), генерал-майор, начальник штаба 62-й пехотной дивизии

Лазарев М.М., служащий страхового общества «Россия»

Лайминг Владимир Александрович (1854–1920), генерал от артиллерии, командир Запасного крепостного артиллерийского полка, консультант ГАУ

Лайминг Павел Александрович (1852–?), генерал от инфантерии, командир 45-го армейского корпуса

Лалевич Леонид Константинович, подполковник, офицер 14-й артиллерийской бригады

Лебедев (Александров) Владимир Иванович (1885–1956), эсер-боевик, лейтенант французской армии, управляющий морским министерством

Лебедев Дмитрий Капитонович (1872–1935) генерал-майор, служил в РККА и эстонской армии

Лебедев Михаил Васильевич (1872–1931), генерал-майор, командующий 5-й стрелковой дивизии

Лебедев Павел Павлович (1876–1933), генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта, в РККА начальник мобилизационного отдела Всероглавштаба

Лев XIII (Винченцо Печчи, 1810–1903), римский папа

Ливенцов (Ливенцев) Н.Д. (1870–?), генерал-майор, вступил в РККА, военный руководитель Ярославского округа

Левинсон Михаил Абрамович(1888–1938), левый эсер, позже большевик, советский государственный деятель

Левицкий Георгий Александрович (1857–1920), генерал-лейтенант, с 11.03.1917 в отставке

Лезгинцев председатель фракции коммунистов

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), организатор партии большевиков, лидер Октябрьской революции, глава советского правительства

Леонов, подполковник, начальник шта-

ба 11-й Сибирской дивизии
Леонов, хозяин дома на Большой Молчановке
Лесевицкий (Лисевицкий) Николай Петрович (1873–1918), полковник, командир 202-го пехотного Горийского полка, в картотеках фамилия имеет разночтения
Лехович Владимир Андреевич (1860–1941), генерал-лейтенант, начальник Главного артиллерийского управления
Лехович (урожденная Похвиснева) Людмила Борисовна (1864–1955),, его жена
Лечицкий Платон Алексеевич (1856–1923), генерал от инфантерии, командующий 9-й армией
Леш Леонид Вильгельмович (1862–1934), генерал от инфантерии, командующий 3-й армии
Либерман, военный врач
Либкнехт Карл (1871–1919), один из основателей Коммунистической партии Германии (1918)
Ливеровский Александр Васильевич (1867–1951), инженер путей сообщения, профессор, министр путей сообщения Временного правительства
Лидеман, инженер путей сообщения
Линденер Сергей Федорович, подполковник, офицер 9-го осадного дивизиона
Липкин Александр Ксенофонтович (1862–?), генерал-майор, командир 57-й артиллерийской бригады
Лисевицкий – *см. Лесевицкий Н.П.*
Лисовский Михаил Алексеевич (1876–1929), полковник, командир 17-го тяжелого арт. дивизиона, служил в РККА
Лисовский сын М.А. Лисовского
Листочкин С.И. жилец дома № 35 по Сивцеву Вражку
Литвинов Александр Иванович (1853–1932), генерал от кавалерии, командующий 1-й армии
Литовцев, поручик, офицер дивизиона литера «Г»
Ллойд-Джордж Дэвид (1863–1945), премьер-министр Великобритании
Лобачевский Валериан Лукич (1859–?), генерал-майор, в РККА инспектор Всеобуча
Лодыгин В.Н. знакомый А.М. Сиверса
Ломновский Петр Николаевич (1871–1956), генерал-лейтенант, командующий 8-м арм. корпусом
Ломов (Оппоков) Георгий Ипполитович (1888–1938), нарком юстиции в первом СНК
Лось Платон Васильевич (1870–?), полковник, временный командующий 28-й артиллерийской бригады
Лукерьин А.А., подпоручик, помзахимарм 10-й армии
Лукирский Сергей Гаврилович (1875–1938), генерал-майор, сотрудник военно-исторической комиссии, преподаватель Военной академии РККА
Лукомский Александр Сергеевич, (1868–1939) генерал-лейтенант, начальник штаба 10-й армии, один из деятелей Белого движения
Луначарский Анатолий Васильевич (1885–1933), писатель, критик, публицист, нарком просвещения в первом СНК

Лупаков Леонид Александрович (1885–?), подполковник Генерального штаба, делопроизводитель ГУГШ

Лутохин, член комиссии по закупке лошадей

Лучковский Всеволод Алексеевич офицер артиллерии

Львов Владимир Николаевич (1872–1930), обер-прокурор Синода, член Временного комитета Государственной думы.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, председатель Совета Министров и министр внутренних дел Временного правительства

Любощинские, родственники С.В. Ивановой

Люксембург Роза (1871–1919), основатель Коммунистической партии Германии

Лютер Мартин (1483–1546), христианский богослов и реформатор церкви

Люце Сергей Александрович (1874–1919), полковник, командир 5-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады

Ляля – *см. Дунина-Борковская Е. М.*

Мазепа Иван Степанович (1639–1709), гетман Войска Запорожского

Майдель ИгнатийНиколаевич, фон (1874–1930), барон, генерал-майор, генерал для поручений при полевом генерал-инспекторе артиллерии вел. кн. Сергее Михайловиче

Макаров Тимофей Петрович, капитан артиллерии

Макропято С.Г. уполномоченный Московской окружной комиссии по военным делам

Максимович Константин Клавдиевич (1849–1921), генерал от кавалерии, помощник командующего Императорской Главной квартирой

Мальковский Николай Николаевич (1865–?), генерал-майор, командир 67-й артиллерийской бригады

Мальчиковский Николай Гаврилович (1884–1920-е), подполковник, военный инженер, управляющий делами Технического управления Военсовета РСФСР

Малянтович Павел Николаевич (1869–1940), адвокат, министр юстиции Временного правительства (сентябрь-октябрь 1917)

Мамонтов Константин Константинович (1869–1920) генерал-лейтенант, командир 4-го Сводного казачьего корпуса ВСЮР

Манаков Константин Николаевич, капитан управления инспектора артиллерии 10-й армии

Маниковский Алексей Алексеевич (1865–1920), генерал от артиллерии, начальник Главного артиллерийского управления (с 1915)

Маннергейм Карл-Густав-Эмиль Карлович (1867–1951), барон, генерал-лейтенант русской службы, главнокомандующий финской армией

Мануйлов Александр Апполонович (1861–1929), ученый-экономист, педагог, министр народного просвещения Временного правительства

Марин Н.В., подполковник, начальник

школы траншейных орудий
Маркевич Антон Игнатьевич (1860–?), генерал-майор, правитель дел канцелярии технической части при ГАУ
Маркевич Г.А., помощник заведующего приемом отчетности ЦДК
Маркевич Виктор Игнатьевич (1865–?), (младший) подполковник, командир 156-го пех. запасного полка
Марков Сергей Дмитриевич (1862–?) генерал-лейтенант, начальник штаба 10-й армии (1914)
Марков, Сергей Леонидович (1878–1918) генерал-лейтенант, генерал для поручений штаба 10-й армии (1917)
Марков, подполковник 62-й бригады
Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873–1923), лидер меньшевиков
Мартынов Александр Владимирович (1859–?), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 26-го корпуса, командир 26-го армейского корпуса, в рукописи ошибочно назван Михайловым
Мартынов Евгений Иванович (1864–1937), генерал-лейтенант, бывший командир 140-го пехотного Зарайского полка, вступил в РККА
Мартынов Сергей Петрович (1875–1973), подполковник, командир батареи 2 легкого мортирного дивизиона
Мартынов, штабс-капитан, фотограф штаба 10-й армии
Мартюшев Лев Владимирович (1880–1937), полковник, заведующий опытным химическим полигоном при запасной химической роте
Марушевский Владимир Владимирович (1874–1951), генерал-майор, начальник Генерального штаба
Масальский Владимир Николаевич (1860–1940), князь, генерал от артиллерии, и.д. инспектора артиллерии 7-й армии
Маслов Семен Леонтьевич (1874–1938), ученый-экономист, министр земледелия Временного правительства
Масловский Владимир Александрович, звание неизвестно, командир легкого дивизиона
Масляный Антон Павлович (1865–?), генерал-майор, помощник дежурного генерала штаба армий Западного фронта
Мацкевич, доктор
Мдивани Константин Асланович (1868–?), полковник, штаб-офицер для поручений при инспекторе артиллерии 10-й армии
Меднис, инженер путей сообщения
Межак, заместитель военкома Высшей артиллерийской школы
Мезенцов Сергей Петрович (1866–1937), генерал-майор, в Свите Е.И.В., числился по конной артиллерии
Мейер М.П., член отопительной комиссии дома № 35 по Сивцеву Вражку
Мельгунов Михаил Эрастович (1869–1926), генерал-лейтенант, командир 41-го корпуса
Мельчаков Петр Петрович (1888–1972), капитан Генерального штаба, старший адъютант штаба 2-го гвардейского корпуса
Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918), штабс-капитан в отставке, известный публицист, журналист «Ново-

го времени»
Мехмандаров Самед Бек (1855–1931), генерал от артиллерии, командир 2-го Кавказского арм. корпуса
Мещеринов Павел Григорьевич (1867–?), генерал-майор, командир 8-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады
Мещериновы
Микеладзе Вячеслав Артемьевич (1875–1951), князь, генерал-майор, преподаватель Артиллерийской академии РККА
Миллер Евгений Карлович (1867–1939), генерал лейтенант, командующий войсками Северной области (1919)
Милюков Павел Николаевич (1959–1943), профессор истории, лидер партии конституционных демократов
Милютин Владимир Павлович (1884–1937), большевик, член Петроградского ВРК, нарком земледелия в первом СНК
Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), сенатор, статс-секретарь, один из разработчиков отмены крепостного права
Минин Кузьма (?–1616), один из организаторов Земского ополчения (1611–1612)
Минут Виктор Николаевич (1868–1934), генерал-лейтенант, начштаба 10-й армии.
Мирбах Вильгельм, фон (1871–1918), граф, германский посол в РСФСР
Мирович Василий Васильевич(1865–1945), генерал-майор, инспектор артиллерии 22-го армейского корпуса
Мирович, офицер Л-гв. 2-й артиллерийской бригады
Миронов, военный комиссар ТАОНА РККА
Митурич Леонид Александрович, звание неизвестно командир 2-го дивизиона «Е»
Митюткин, служитель ТАОНа
Миша – *см. Пискорский Михаил*
Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, брат Николая II
Михайлов Виктор Иванович (1872–1937), генерал-майор, начальник штаба 1-го Сибирского корпуса, в РККА
Михайлов Николай Александрович (1855–?), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 6-го армейского корпуса
Михайлов, полковник, отдел снабжения штаба руководителя Петроградского района
Михайлов – *см. Мартынов*
Михайловский Иван Петрович (1874-после 1930 г.), генерал-майор, командующий 35-й арт. бригадой, командир Л-гв. 2-й арт. бригады
Михневич Николай Петрович (1849–1927), генерал от инфантерии, начальник Главного штаба, в РККА
Михно Яков Сергеевич, командир бригады ТАОН
Мищенко Павел Иванович (1853–1918), генерал-адъютант, командующий 31-м армейским корпусом
Могилевич А.И. начальник юрисконсультского отдела Военно-законодательного совета
Могульский А.М., начальник Организа-

ционного управления Всероссийского Генерального штаба

Моле Жак де (1244–1314), двадцать третий и последний магистр ордена тамплиаров

Моллериус Евгений Александрович (1870–?), полковник, преподаватель Артиллерийской школы

Морозов, поручик, командир батареи 29-й артиллерийской бригады

Морозов, штабс-капитан

Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934), генерал от артиллерии, командующий войсками Московского округа

Моченов, уборщик Центральной демобилизационной комиссии

Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918), подполковник, в РККА командующий Восточным фронтом

Муралов Николай Иванович (1877–1937), революционер, один из руководителей вооруженного восстания в Москве (1917)

Муратов Владимир Павлович (1868–1934), генерал-майор, в РККА заместитель начальника ГУВУЗа

Муратов Николай Павлович (1867–1930), камергер, бывший тамбовский и курский губернатор

Муратова (урожденная Ненарокова) Мария Васильевна, жена Н.П. Муратова

Муромцев Семен Эммануилович (1972–?), полковник, командир 3-го легкого мортирного дивизиона

Мышковский Семен Михайлович (1871–?), полковник, командир 2-го дивизиона 29-й артиллерийской бригады

Мясников (Мясникян, Мартуни) Александр Федорович(1886–1925) революционер, прапорщик запаса, с ноября 1917 г. главнокомандующий Западным фронтом

Мясоедов Николай Александрович (1872–?), генерал-майор, отчислен из армии по болезни

Набоков, поручик 132-го артиллерийского дивизиона

Надежный Дмитрий Николаевич (1873–1945), генерал-лейтенант, командир 3-го армейского корпуса

Надеин Яков Павлович (1860–1930), генерал-майор, командующий 69-й артиллерийской бригадой

Назаров, знакомый семьи Сиверсов (ординарец?)

Насекин Владимир Евгеньевич (1858–?), генерал-майор, инспектор артиллерии 47-го армейского корпуса

Небольсин Аркадий Константинович (1865–1917), контр-адмирал, начальник 2-й бригады линейных кораблей Балтийского моря

Невадовский Дмитрий Иванович (1850–?), генерал от артиллерии, и.д. инспектора артиллерии 12-го армейского корпуса

Негреев, прапорщик, делегат комитета 26-й противосамолетной батареи

Нейман, завотделом имущества ЦУС

Некрасов Александр Михайлович (1874–?), генерал-майор, командующий 25-й артеллерийской бригадой, инспектор артиллерии 2-го гв. корпу-

са, служил в Л-гв. 2-й арт. бригаде

Некрасов Константин Герасимович (1864–1917), генерал-лейтенант, причислен к Свите ЕИВ, командир 24-го армейского корпуса

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), инженер, левый кадет, министр путей сообщения Временного правительства (1917)

Некрасов (возможно, Алексей Петрович) (1852–?), генерал, командир 202-й артиллерийской бригады

Некрасова Е.Э. жена А.М. Некрасова

Некрасовы,– семья А.М. Некрасова

Непенин Адриан Иванович (1871–1917), вице-адмирал, командующий императорским Балтийским флотом

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), русский художник

Никитин Алексей Максимович (1876–1939), адвокат и политический деятель, во Временном правительстве министр почт и телеграфа, министр внутренних дел

Николай II (1868–1918), российский император

Николай Михайлович (1859–1919), великий князь, генерал от инфантерии, историк и ученый-энтомолог

Николай Николаевич «Младший» (1756–1929), великий князь, Верховный главнокомандующий русской армией (1914–1915)

Никольский Константин Владимирович (1869–?), генерал-майор, начальник 2-й Кавказской гренадерской дивизии

Нилов Иван Дмитриевич (1859–1933), генерал-лейтенант, подробности службы в РККА и в Белой армии не известны.

Нилус Сергей Александрович (1862–1929), религиозный писатель

Нищенков Аркадий Никанорович (1855–1940), генерал от артиллерии, занимался подготовкой пополнения в Действующую армию

Новикова Л.И., знакомая Сиверсов

Новиковы

Новицкий Василий Федорович (1869–1929), генерал-лейтенант, командующий 12-й армией, в РККА

Новицкий Евгений Федорович (1867–1931), генерал-лейтенант, помощник военного министра

Новицкий Федор Федорович (1870–1944), генерал-майор, командующий 22-й пехотной и 82-й пехотной дивизиями, перешел в РККА

Новосильский Адам-Рафаэль Францевич (1859–?), полковник, помощник дежурного генерала штаба 10-й армии

Ногин Виктор Павлович (1878–1924), большевик, один из руководителей вооруженного восстания в Петрограде

Нолькен Александр Людвигович, фон (1879–1958), барон, полковник, штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующегощего армиями Западного фронта

Огородников Федор Евлампиевич (1867–1939), генерал-лейтенант, генерал для поручений при командующем 10-й армии, в РККА военрук Беломорского окр. ваенкомата

Огородникова М.И., жена Ф.Е. Огородникова

Одинцов А.Н., заведующий артиллерийским снабжением Западного фронта

Одишелидзе Илья Зурабович (1865–?), генерал-лейтенант начальник штаба 10-й армии (1914)

Озерицкий В.И., служащий Артснаба

Окулова А.П. жительница Ярославской губернии

Окунев Александр Дмитриевич (1880–1937), полковник, управляющий делами Военного революционного совета

Олохов Владимир Аполлонович (1857–1920), генерал от инфантерии, член Александровского комитета попечения о раненых

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед, кадет, министр просвещения Временного правительства (1917)

Остапович Густав Викентьевич (1860–1941), генерал-майор, командующий 169-й пех. дивизией

Орановский Владимир Алоизович (1866–1917), генерал от кавалерии, командующий 1-м кавалерийским корпусом

Орлов Александр Александрович (1872–?), генерал-майор, начальник инженеров 10-й армии

Орлов Михаил Иванович (1875–1944), генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта, арестован с Л.Г. Корниловым

Павел Александрович (1860–1919), великий князь, генерал от кавалерии

Павлов, бывший офицер лейб-гвардии 5-й артиллерийской бригады

Палкин Андрей Федорович (1858–?), генерал-майор, инспектор артиллерии 3-го арм. корпуса

Парский Дмитрий Павлович (1866–1920), генерал-лейтенант, командующий 3-й армией, вступил в РККА

Парчевский Павел Антонович (1854–?), генерал-лейтенант, командующий 35-м армейским корпусом

Пасечный, комиссар Временного правительства при штабе 10-й армии

Пелипенко Никифор Емельянович (1860–1935), адвокат и общественный деятель, член Государственной думы

Переверзев Павел Николаевич (1871–1944), адвокат, министр юстиции Временного правительства

Перетерский Николай Николаевич, действительный статский советник, начальник 8-го (пенсионного) отделения Главного штаба

Перрет Евгений Васильевич (1876–1940), генерал-майор, командующий 4-й Финляндской стрелковой арт. бригады

Песчанский, полковник управления полевого генерал-инспектора артиллерии

Петин Николай Нникола́евич (1876–1937), полковник, в РККА начштаба Западного фронта (1919)

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), глава Директории Украинской Народной Республики

Петр I Великий (1672–1725), русский царь (с 1682), император (с 1721)

Петров, переписчик канцелярии Центральной демобилизационной комиссии

Петров, денщик А.М. Сиверса

Петровский, полковник, командир 133 артиллерийского дивизиона

Пешехонов Александр Васильевич (1867–1933), либеральный народник, публицист, министр продовольствия Временного правительства

Печерский, председатель армейского комитета

Пиевский, начальник технического комитета

Писарев, прапорщик, ученый-химик

Пискорский Владимир Фердинандович (1868–?) полковник, командир 1-го дивизиона 11-й тяжелой артиллерийской бригады

Пискорский Михаил Владимирович, сын В.Ф. и В.М. Пискорских

Пискорская В.М., жена В.Ф. Пискорского

Питирим (Окнов Павел Васильевич) (1858–1920), митрополит Петроградский и Ладожский

Платов Сергей Александрович (1865–1920), генерал-майор, генерал для поручений при командующем 10-й армией

Плавский Фридрих Болеславович (1877–?), полковник, командир 1-го отдельного полевого тяжелого артиллерийского дивизиона батарей «Б»

Плахова, сестра милосердия

Плеве Павел Адамович (1850–1916), генерал от кавалерии, командующий 12-й и 5-й армиями

Плешков Михаил Михайлович (1856–1927), генерал-лейтенант, командир 1-го Сибирского армейского корпуса

Плюцинский Борис Александрович (1880–1953), полковник, командир Л-гв. 2-й парковой артиллерийской бригады

Плющевский-Плющик Юрий Николаевич (1877–1926), полковник, и.д. генерала для делопроизводства и поручений управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем

Пневский Николай Вячеславович (1874–1928), председатель Технической комиссии Центрального управления по снабжению армии, начальник штаба Южного фронта

Побыванец Владимир Ильич, капитан 14-й артиллерийской бригады

Поваров, железнодорожный инженер

Подвойский Николай Ильич (1880–1948), революционер, большевик, первый народный комиссар по военным делам РСФСР

Подгурский Федор Александрович (1860–1929), генерал-лейтенант, начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии

Подставкин Павел Васильевич (1869–1927), генерал-майор, командир 2-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады

Пожарский Дмитрий Михайлович, (1578–1642), князь, глава Второго земского ополчения (1612)

Позняк Михаил Дмитриевич (1876–?) полковник, военный юрист

Позерн Борис Павлович (1882–1939),

советский партийный и государственный деятель, комиссар штаба Северного фронта

Покровский Николай Николаевич (1865–1930), тайный советник, руководитель «Союза международных товариществ»

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), генерал от инфантерии, военный министр и председатель Особого совещания

Поллини Борис Брониславович де, офицер артиллерии (чин к 1917 г.—не известен)

Полковников Георгий Петрович (1883–1918), полковник, начальник Петроградского ВО

Поляков Петр Иванович (1875–?), полковник, штатный заведующий обучающимися в Военной Академии РККА

Поммер Евгений Федорович, капитан, командир 4-й противосамолетной батареи

Пономарев Александр Викторович, полковник, командир батареи лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады

Попов Борис Иванович (1894–1970), поручик, выпускник Академии Генерального штаба, сын И.И. Попова

Попов В.А., полковник, штаб-офицер управления инспектора артиллерии 10-й армии, бывший командир батареи в 14-й артиллерийской бригаде

Попов Иван Иванович (1866–1918), генерал-лейтенант, и.д. начальника штаба 10-й армии (1915–1916)

Попов Н.М., подполковник, руководитель «курсов стрельбы» Кавказской гренадерской артиллерийской бригады

Попов, штабс-капитан управления инспектора артиллерии 10-й армии

Попов, прапорщик, командующий батареей 75-мм морских пушек

Порохонский Николай Николаевич (1868–1931), полковник, начальник штаба 48-го армейского корпуса

Порошин, поручик 7-й тяжелой бригады

Поспелов Сергей Матвеевич (1854–?), генерал-майор, начальник 2-й Сибирской стрелковой дивизии

Потапов Николай Михайлович (1871–1946), генерал-лейтенант, в РККА управляющий делами Наркомвоена

Потоцкий Петр Платонович (1855–?), генерал-лейтенант, в 1915 г. уволен в от службы с награждением чином генерала от инфантерии.

Потоцкий Павел Платонович (1857–1938)—генерал от артиллерии, командир 1-го гвардейского корпуса, бывший командир Л-гв. 2-й арт. бригады

Похвиснев Владимир Борисович, хозяин квартиры

Похвиснев Эммануил Борисович (1860–1932), генерал-лейтенант, начальник артиллерийских снабжений армий Западного фронта

Похвиснева Вера Николаевна, жена В.Б. Похвиснева

Пошехонов Алексей Васильевич (1867–1933), экономист, министр продовольствия Временного правительства

Пржевальский Михаил Алексеевич

(1859–1934), генерал от инфантерии, командующий Кавказской армией

Прозвицкий Митрофан Михайлович (1884–?), полковник, и.д. начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта

Прибытков С.Ю. знакомый А.М. Сиверса

Прасолов В.А., родственник Е.М. Прасоловой

Прасолова А.М., сестра Е.М. Прасоловой

Прасолова Е.М., бывшая прислуга в доме Сиверсов

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), экономист, министр торговли и промышленности Временного правительства

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918), крупный помещик и промышленник, член Государственной думы, последний министр внутренних дел царского правительства

Проценко Евгений Павлович (1877–1931), полковник, и.д. начальника инженеров 10-й армии

Прошьян Прош Перчевич (1883–1918) левый эсер, нарком почт и телеграфа РСФСР (1918)

Прусак (Пруссак) Владимир Васильевич (1895–1918), член Совета рабочих и солдатских депутатов из Петрограда

Пуанкаре Раймон (1860–1934), французский государственный деятель

Пуль Фредерик (1869–1936), английский генерал-майор, участник Гражданской войны в России

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), монархист, один из лидеров «Союза русского народа»

Пурпов, писарь управления инспектора артиллерии 10-й армии

Путинцев Павел Флегонтович (1856–?), полковник, командующий 11 Сибирской стрелковой артиллерийской бригады

Рагоза (Рогоза) Александр Францевич (1958–1919), генерал от инфантерии, командир 25-го армейского корпуса

Радкевич Евгений Александрович (1851–1930), генерал от инфантерии, командующий 10-й армией (1915–1916), в РККА член Военно-законодательного совета

Радкевич, штабс-капитан

Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859–1918), генерал-лейтенант, командующий 12-й армией

Радус-Зенкович Лев Апполонович (1874–1946), генерал-майор, командующий 22-й пехотной дивизии, в РККА

Радченко Александра Борисовна, сестра Л.Б. Лехович

Раевский В.И., партнер А.М. Сиверса по игре в карты

Разумович, священник 10-й армии

Разумовский Владимир Николаевич, подполковник, командир батареи 51-й артиллерийской бригады

Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1939), заместитель председателя Кронштадского совета, заместитель наркомвоенмора по морским делам.

Распутин Григорий Ефимович (1869–1916), крестьянин Тобольской губернии, «друг» царской семьи

Раттель Иван Иосифович (1877–1939), подполковник, ст. адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии, добровольно вступил в РККА

Раттель Николай Иосифович (1875–1939), генерал-майор, начальник Всероглавштаба РККА

Раух Георгий Оттонович (1960–1936), генерал от кавалерии, командующий 2-м гвардейским корпусом

Рафалович Алексей Иванович, директор Союза экспортеров и импортеров

Регульский Иосиф Ильич (1854–?), генерал-лейтенант, начальник 9-й Сибирской стрелковой дивизии

Редько Александр Мефодиевич (1866–1933) русский революционер, литератор, журналист

Резвой (Рейнбот) Анатолий Анатольевич (1868–1920), генерал-майор, генерал для поручений при главном начальнике снабжений Западного фронта

Ремнев Афанасий Иосифович (1889–1919), прапорщик, в РККА командир 1-го Минского революционного полка

Ренненкамф Павел Карлович (1854–1918), генерал от кавалерии, командующий 1-й армией (1914)

Ресин Алексей Алексеевич (1866–?), генерал-майор, командир Собственным Е.И.В. сводным пехотным полком

Ретивов Николай Андреевич (1977–?), полковник, командир 13-го легкого мортирного артдивизиона

Ржевуцкий Степан Андреевич (1867–1959), полковник, командир Кавказского гренадерского дивизиона

Ржевский Владимир Алексеевич (1865–?), депутат Государственной думы, член Временного комитета Государственной думы

Риман Александр Карлович (1872–?), полковник, член правления Гвардейского экономического общества

Рогов, уборщик Центральной демобилизационной комиссии

Рогоза – *см. Рагоза А.Ф.*

Родичев Федор Измайлович (1854–1933) земский деятель, адвокат, депутат Государственной думы

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), председатель IV Государственной думы

Рожен Э.В., комиссар Центрального управления снабжений

Розенберг Михаил Федорович, фон (1861–1928), барон, генерал-майор, член Арткома, разработчик 37 мм. траншейной пушки

Романенко, прапорщик, комиссар временного правительства

Романов Владимир Романович (1868–?), генерал-майор, начальник штаба 44-го армейского корпуса

Романовский Иван Павлович (1877–1920), генерал-лейтенант, генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии, начальник штаба Добровольческой армии

Роop Владимир Христофорович (1865–1929), генерал-майор, командир 2-го конного корпуса

Российский Евгений Александрович (1865–1933), генерал-майор, командующий 56-й пехотной дивизией

Ротшильд Альфонс Джеймс (1827–1905), французский банкир, глава французской ветви династии Ротшильдов

Рощин, офицер лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады

Рубин, метеоролог Земсоюза

Рубинштейн, солдат, председатель армейского комитета.

Руг Н.П., работник общего отдела

Руднев Владимир Васильевич (младший) (?–1964), полковник, участник Белого движения

Руднев Сергей Васильевич (1866–?), генерал-майор, инспектор артиллерии 2-го Кавказского армейского корпуса

Руднева, жена С.В. Руднева

Рудольф Андрей Викторович (1868–1942), полковник, служил в РККА (комбриг)

Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал-адъютант, Главнокомандующий армиями Северного фронта

Рупдантуев Лев Львович, член ревизионной комиссии домового комитета дома № 35 на Сивцевом Вражке

Руппенейт Владимир Ричардович (1880–1930), делопроизводитель Артиллерийского комитета ГАУ

Рупрехт Баварский (1869–1955), кронпринц Баварии, прусский генерал-фельдмаршал (1916)

Рыбалко (Рыбалка), шофер А.М. Сиверсов

Рыжова, соседка по квартире Бекетовых и Сиверсов

Рыльский Константин Иосифович (Осипович) (1871–1921), генерал-майор, и.д. начальника штаба 10-й армии

Рыльская, жена К.И. Рыльского

Рыков Алексей Иванович. (1881–1938), партийный и советский государственный деятель нарком внутренних дел в первом СНК

Рябцев Константин Иванович (1879–1919), полковник, и.д. штаб-офицера для поручений отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии, командующий войсками Московского округа (1917)

Саввич Сергей Сергеевич (1863–1939), генерал от инфантерии, командующий 18-м армейским корпусом

Савельев Александр Павлович (1892–1929), журналист, военный корреспондент «Русского Слова»

Савинков Борис Викторович (1879–1925), революционер, политический деятель

Савич, полковник, командир 18-го тяжелого дивизиона

Савримович Иосиф Александрович (1866–1954) генерал-майор, постоянный член крепостной комиссии при ГУГШ

Савченко Сергей Николаевич (1871–1968), генерал-майор, в РККА начальник орготдела Центрального управления военных сообщений РВС Республики

Садовский Александр Стахиевич (1872–1920), полковник Л-гв. Финляндского полка, участник Мировой войны, кон-

тужен
Сазонов, протеже А.М. Бонч-Богдановского
Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932), профессор медицины, министр просвещения Временного правительства
Самойло Александр Александрович (1869–1963), генерал-майор, генерал-квартирмейстер 10-й армии, генерал-квартирмейстер Западного фронта
Самохвалов, капитан, старший офицер 6-го осадного дивизиона
Сапожников Сергей Владимирович (1877–1918), полковник, командир 2-й батареи Л-гв. мортирного артиллерийского дивизиона
Сахаров Владимир Викторович (1853–1920), генерал от кавалерии, командующий 11-армией и Дунайской армией
Свечин Александр Андреевич (1878–1938), генерал-лейтенант, начальник Всероссийского Главного штаба
Свидерский Н.И., хозяин квартиры
Свидерские
Свердлов Яков Михайлович (1885–1919), большевик, член ЦК РСДРП(б), председатель ВЦИК
Святловский Анатолий Владимирович (1854–?), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 6-й армии
Священский Владимир Николаевич (1865–1919), генерал-лейтенант, вступил в РККА
Седергольм Дмитрий Ккарлович (1869–1920), генерал-майор, командир Орловского полка
Селиверстов Василий Петрович (1867–1919), генерал-майор, командир Л-гв. Стрелковой артиллерийской бригады
Семашко Николай Александрович (1874–1949), врач, один из организаторов системы здравоохранения СССР
Серафим (Чичагов Леонид Михайлович) (1956–1937), архиепископ Тверской и Кашинский
Сергеев Петр Иванович (1864–?), полковник, командующий 2-м дивизионом 62-й бригады
Сергей Михайлович (1869–1918), великий князь, генерал от артиллерии, полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем
Сиверс Александр Александрович (1866–1954) действительный тайный советник, камергер Двора, нумизмат, работник Главархива
Сиверс Александр Михайлович (1868-после 1932) генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 10-й армии, автор дневников
Сиверс Александр Николаевич (1877-после 1933) подполковник, член Военно-исторической комиссии по описанию Русско-турецкой войны 1877–78 гг.
Сиверс Иван Христианович (1774–1813), прадед А.М. Сиверса
Сиверс Михаил Михайлович (1885–?), брат А.М. Сиверса
Сиверс Николай Николаевич (1869–1919), генерал-лейтенант, начальник штаба Туркестанского военного округа
Сиверс Фаддей Васильевич (1853–?), генерал от инфантерии, командующий 10-й армией (1914–1915)

Сиверс (урожденная Пискорская) Елена Фердинандовна, жена А.М. Сиверса

Сиверс Елизавета Михайловна, сестра А.М. Сиверса, вторая жена М.И. Дунин-Борковского

Симанский, штабс-капитан Л-гв. 2-й артеллерийской бригады

Симонович А.В., бывший офицер 51-й артиллерийской бригады, военный комиссар ТАОН

Синеоков Николай Григорьевич (1873–1934), генерал-майор, генерал для поручений при генерал-инспекторе артиллерии

Синицын Александр Николаевич (1849–1924), генерал от артиллерии, и.д. инспектора артиллерии 40-го армейского корпуса

Сипягина, соседка Сиверсов по квартире

Сирелиус Леонид-Отто Оттович (1859–1920), генерал от инфантерии, командующий 4-м Сибирским корпусом

Скворцов (Степанов) Иван Иванович (1870–1928), большевик, нарком финансов в первом СНК

Скерский Леонард-Вильгельм Генрихович (1866–1940), генерал-майор русской службы, дивизионный генерал Войска Польского, и.д. инспектора артиллерии 5-го арм. корпуса (1917)

Скиргайло (Скиргайло-Яцевич) Карл Францевич, полковник, командир 134 артиллерийского дивизиона

Склянский Ефраим Маркович (1892–1925), советский военный деятель, заместитель председателя РВС РСФСР

Скобелев Матвей Иванович (1885–1938), меньшевик, министр труда Временного правительства

Скобеев Иван Федорович, полковник, командир 9-го осадного дивизиона

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945), генерал-лейтенант, гетман Украинской державы

Скропытев, полковник, командир дивизиона 2-й Сибирской бригады

Скрыдлов Николай Илларионович (1844–1918), адмирал, командующий Черноморским флотом

Скрыдлова Мария Николаевна (1898–?), ударница, адъютант Марии Бочкаревой, дочь Н.И. Скрыдлова

Смирнов Владимир Васильевич (1849–1918), генерал от инфантерии, командир 20-го корпуса, командующий 2-й армией

Смирнов Сергей Алексеевич (1883–1956), предприниматель, прогрессист, государственный контролер Временного правительства

Смирнов, поручик 11-й Сибирской бригады

Смысловский Всеволод Константинович (1879–1931) полковник, тяжело ранен в ногу, в РККА начальник отделения артиллерийских учебных заведений ГУВУЗа

Смысловский Евгений Константинович, (1868–1933) генерал-лейтенант, военспец РККА, автор трудов по артиллерии

Смысловский Михаил Константинович (1877–1922), полковник, в РККА член технического комитета ГАУ, начальник Высшей химической школы

Соболевский, командир 2-й бригады ТАОН РККА

Соковнин Всеволод Алексеевич (1870–1922) генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба 7-й и 12-й армий.

Соковнин Михаил Алексеевич (1863–1943), генерал-лейтенант, комкор 38, командующий 1-й и 8-й армиями.

Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928), адвокат, член Исполкома Петросовета, один из авторов «Приказа № 1»

Соколов Николай Николаевич, заместитель начальника Контрольного наблюдательного отдела

Соколов Николай Павлович (1869–?), полковник, командир Ивангородского отдельного тяжелого дивизиона

Спрогис, комиссар дивизиона литеры «В»

Стаев Павел Степанович (1870–1951) генерал-майор, в РККА член комиссии по разработке уставов при Организупре Всероглавштаба

Станкевич Владимир Бенедиктович (1884–1968), народный социалист, трудовик, комиссар Временного правительства Северного фронта

Сталь (Шталь) Александр Викторович (1865–1950), капитан 1-го ранга, помощник начальника Военно-морской академии

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), генеральный секретарь ЦК ВКП(б), руководитель СССР

Старов В.П. (1871–1919) генерал-майор, бывший командир 77-й артиллерийской бригады

Староверкин, комендант Центрального управления главного начальника снабжений

Стасяк, ординарец А.М. Сиверса

Сташевский Арсений Дмитриевич (1851–1916), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 11-й армии

Стенбок-Фермор Владимир Васильевич (1866–1950), агроном, предводитель дворянства, член Государственной думы

Стихович – *см. Остапович*

Стогов Александр Евграфович (1875–1919), генерал-майор, командующий 45-й артеллерийской бригадой, помощник военного руководителя Курского военного комиссариата

Стогов Николай Николаевич (1872–1959), генерал-лейтенант, начальник штаба армий Юго-Западного фронта, начальник Всероссийского Глвного штаба

Столбин Борис Иванович (1872–1937), генерал-майор, командир 201-й арт. бригады, вступил в РККА

Ступин Всеволод Васильевич (1883–?), полковник, старший делопроизводитель Организупра Всероглавштаба

Ступин Георгий Владимирович (1860–?), генерал-лейтенант, командующий 9-й армией.

Суворов Александр Васильевич (1730–1800), граф Рымникский, выдающийся русский полководец

Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (1887–1967), граф, князь Юсупов, участник убийства Г.Е. Распутина

Сусанин Иван (?–1613), крестьянин,

русский национальный герой

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, военный министр (1909–1915)

Сченснович Николай Николаевич, подполковник, командир 4-й батареи литера «В»

Сытин Иван Павлович (1873–1927), генерал-майор, вступил в РККА, дальнейшая судьба неизвестна

Таргонский Станислав Владимирович, штабс-капитан, командир 117-й батареи

Телесницкий Юрий Алексеевич, помощник дежурного генерала

Телешов Игорь Константиновия (1862–1930), генерал-майор.и.д. инспектора артиллерии 10-го армейского корпуса

Теодорович Иван Адольфович (1875–1937), большевик, нарком по делам продовольствия в первом СНК

Теплов Владимир Владимирович (1861–1924), генерал-лейтенант, находился в распоряжении военного министра

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства

Тизенгаузен Дмитрий Орестович (1872–1937), барон, бывший офицер-артиллерист, вятский вице-губернатор

Тимашев С.И., знакомый А.М. Сиверса, возможно, бывший офицер Л-гв. 2-й арт. бригады

Тимирязев Василий Иванович (1849–1919) действительный тайный советник, министр торговли и промышленности в царском правительстве

Тимирязев Виталий Константинович, директор банка, бывший офицер Л-гв. 2-й арт.бригады

Тихоцкий Николай Львович (1878–1932), полковник, член технического комитета Центрального управления снабжения РККА

Тишин Д.П., хозяин квартиры

Толоконников, поручик, обер-офицер для поручений при инспекторе артиллерии 44-го арм. корпуса

Толстая Александра Львовна (1884–1979), графиня, начальник военно-медицинского отряда

Толь Александр Александрович (1877–?), граф, полковник, командир лейб-гусарского Павлоградского полка

Торклус Федор-Эмилий-Карл Иванович, фон (1858–?), генерал от инфантерии, член Военного совета, в РККА член Военно-законодательного совета

Торнхиль (Торнхилл) Кадберт (1883–1952), майор, помощник английского военного агента

Трепов Александр Федорович (1862–1928), сенатор, член Государственного Совета, председатель Совета министров

Третьяков Сергей Николаевич (1882–1944), российский предприниматель, председатель Экономического совета Временного правительства

Триковский Николай Семенович (1864–1926), генерал-лейтенант, редактор журнала «Выстрел»

Трифон, архиерей церкви на Сивцевом

Вражке
Трофимов, адъютант штаба Петроградского ВО
Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1979–1940), революционер, один из организаторов Октябрьской революции, советский государственный деятель
Трубецкой Георгий Иванович (1866–1926), князь, генерал-лейтенант, командир Конвоя ЕИВ Николая II
Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919), российский экономист и социолог, видный представитель «легального марксизма»
Туманов Георгий Николаевич (1880–1917), князь, генерал-майор, помощник военного министра Временного правительства, сын Н.Е. Туманова
Туманов Николай Евсеевич (1844–?), князь, генерал-лейтенант, главный начальник снабжения Западного фронта
Туров Владимир Дмитриевич (1858–?) генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 5-го Сибирского армейского корпуса.
Туров, управляющий имением П.Д. Гладкова
Турова Александра (Шура), жена управляющего имением П.Д. Гладкова
Тюлин Яков Михайлович (1900–1949), искусствовед и библиограф, сын генерала М.С. Тюлина

Уваров, прапорщик 115-го Вяземского полка
Ульянов В.И.—*см. Ленин Владимир Ильич*
Уманский, товарищ председателя правления «Союза реальной работы»
Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918), председатель Петроградской ЧК
Усас С.М. председатель «Союза реальной работы»
Успенский, преподаватель

Фан-дер-Флит Константин Петрович (1844–1933), генерал от артиллерии, член Государственного совета
Федоренко Василий Тимофеевич (1871–1919), генерал-майор, начальника штаба 28-й дивизии
Федоров Дмитрий Яковлевич (1869–1953), генерал-майор, начальник штаба 2-го Кавказского корпуса
Федоров Сергей Константинович (1877–1919), полковник, командир 1-й батареи Л-гв. 2-й арт. бригады
Фехнер Федор Юльевич, штабс-капитан лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады
Филатов Николай Михайлович (1862–1935) генерал-лейтенант, в РККА, начальник Высшей стрелковой школы командного состава РККА
Филатьев Дмитрий Владимирович (1866–1932), генерал-лейтенант, помощник военного министра Временного правительства (1917)
Филоненко Максимилиан Максимилианович (1885–1960), эсер, поручик, комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего
Финлейсон, английский полковник
Флейснер Эдуард Федорович (1860–?),

полковник, в РККА, заведующий ГУВУЗ (1918)
Флуг Василий Григорьевич (1860–1955), генерал от инфантерии, командующий 10-й армией (1914)
Фок Анатолий Владимирович (1879–1937), подполковник, командующий 1-й батареей Кавказской гренадерской артбригады
Фортунатов штабс-капитан
Фролов Михаил Михайлович (1853–?), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 11-го корпуса

Ханецкий М.И., арестованный в Петрограде
Ханжин Михаил Васильевич (1871–1961), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии армий Румынского фронта
Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), министр внутренних дел (1915–1916), расстрелян как заложник
Хвощинский Георгий Николаевич (1878–1928), генерал-майор, в РККА помощник начальника Полевого штаба РВСР по технической части
Хитрово Владимир Михайлович (1861–?), генерал-майор, начальник штаба 37-го армейского корпуса
Ховен Александр Ренгольдович, фон дер, Л-гв. 2-й артиллерийской бригады
Хомутов Георгий Дмитриевич, бывший офицер Петроградского окружного артиллерийского управления
Хромов В.И., переписчик Центральной демобилизационной комиссии

Цвецинский Максимилиан Адамович (1868–?), генерал-майор, флигель-адъютант, командир 7-го гренадерского Самогитского полка
Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959), член РСДРП, меньшевик, министр почт и телеграфов Временного правительства (1917)
Циглер Иван Алексеевич, фон (1874–?), полковник, командующий 29-й бригадой
Цыхович (Цихович) Януарий Казимирович(1871–?), генерал-лейтенант, командир 10-го армейского корпуса (1917)
Цуриков Афанасий Андреевич (1858–1922), генерал от кавалерии, командующий 10-й армией (1916)

Чайковский Дмитрий Леонидович (1882–1954), полковник старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии
Чебашов Л.П., знакомый А.М. Сиверса
Чекалов, штабс-капитан Л-гв. 2-й артиллерийской бригады
Чепурнов Григорий Федорович (1853–?), генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 34-го арм. корпуса, арестован как заложник
Черемисов Владимир Андреевич (1871–1937), генерал от инфантерии, Главнокомандующий армиями Северного фронта.
Черепанов, подполковник, командир батареи
Черепенников Алексей Иванович (1869–1937), генерал-майор, командир 43-й пехотной дивизии, в РККА

Черкасов Петр Владимирович (1872–?) генерал-лейтенант, командующий 12-м армейским корпусом, в РККА

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), эсер, министр земледелия Временного правительства

Чернов Николай Павлович (1867–?), генерал-майор, командующий 2-й бригадой 33-й пехотной дивизии

Черных, капитан, захимарм

Чернявский Василий Тимофеевич (1850–1832), генерал-лейтенант, в РККА член Военно-законодательного совета

Чернявский Николай Петрович (1877–?), подполковник, офицер лейб-гвардии 1-й арт. бригады

Чесноков Александр Александрович, полковник, помощник начальника Главного артиллерийского полигона

Чикалин В.Н. (1853–?), генерал-лейтенант, инспарт 2-го Кавказского арм. корпуса

Чоглоков Григорий Иванович (1867–1921), генерал-лейтенант, командир 2-го Кавказского армейского корпуса

Чумаковский Леонид Аркадьевич, капитан (?) командир 1-й армейской артиллерийской бригады ТАОНа

Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926), меньшевик, председатель Петроградского Совета (1917)

Шавельский Георгий Иванович (1871–1951), протопресвитер военного и морского духовенства

Шайтанов Евгений Евгеньевич, полковник при полевом инспекторе артиллерии

Шалыгин, знакомый Сиверсов

Шафров Н.М., начальник артиллерийского снабжения

Шафров, штабс-капитан, командир батареи 120 мм. орудий

Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939), князь, общественный деятель, министр государственного призрения Временного правительства (1917)

Шацилло, полковник, командир 20 мортирного паркового дивизиона

Шварц Алексей Владимирович (1874–1953), генерал-лейтенант, и.д. начальника Главного военно-техниеского управления, вступил в РККА

Шевич Дмитрий Дмитриевич (1868–1932) генерал-майор, арестован как заложник в 1919 г.

Шейдеман Сергей Михайлович (1857–1922), генерал от кавалерии, командующий 2-й армией, 1-го Туркестаского армейского корпуса, 10-й армией, перешел в РККА

Шейдеман Филипп (1865–1939), немецкий социал-демократ, первый премьер-министр Веймарской республики (1919)

Шейдеман Юрий Михайлович (1867–1940), генерал, инспектор артиллерии 5-й армии, затем комкор ТАОН (комкор 48), перешел в РККА

Шелковников Владимир Владимирович, капитан, преподаватель Высшей артиллерийской школы

Шелль Густав Яковлевич (1862–1920), полковник, командир 3-го отдельного полевого тяжелого артеллерийско-

го дивизиона литера «Б»

Шеншин, прапорщик, сослуживец А.М. Сиверса

Шереметев, минский прокурор

Шидловский Сергей Илиодорович (1861–1922), октябрист, член Временного комитета Государственной думы (1917)

Шильдбах Константин Константинович (1872–1939), генерал-лейтенант, начальник штаба 39-го армейского корпуса

Шиманский, оратор, железнодорожный рабочий

Шиманский С.В. начальник контрольного наблюдательного отдела

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), министр земледелия, затем министр финансов Временного правительства (1917)

Ширяев, ветеринарный врач, член комиссии по закупке лошадей

Шифнер Мейнгард Антонович (1856–1918), генерал-лейтенант, инакор 3-го Кавказского армейского корпуса, бывший командир 6-й батареи Л-гв. 2-й арт. бригады.

Шихлинский Али-Ага Исмаил-Оглы (1863–1943), генерал-лнйтенант, и.д. инспектора артиллерии Западного фронта (1916), командующий 10-й армией (1917)

Шишкин Владимир Иванович (1881–?), полковник, прикомандирован к штабу 2-й армии (1917)

Шлейфер Александр Николаевич (1873–1937), коллежский советник, чиновник Петербургской городской управы

Шмидт Н.А., делопроизводитель Центральной демобилизационной комиссии

Шнейдеман Георгий Эдуардович, капитан лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады.

Шокоров Владимир Николаевич (1868–1940), генерал майор, генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии, впоследствии командовал Чехословацким корпусом

Шпар Н., Н.член правления Союза международных товариществ

Шрейдер (Тележников) Петр Дмитриевич (1863–?), генерал-лейтенант, в РККА, военрук Ярославского ВО

Штединг Иван Павлович (1871–1920), генерал, командир 11 Сибирской арт. бригады

Шубин Н.Е., комиссар Артиллерийской школы

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937), генерал от инфантерии, военный министр Российской империи (1916–1917)

Шульга Николай Васильевич (1863–1929), генерал-майор, в РККА

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), монархист, один из идеологов Белого движения

Шумский Федор Николаевич, подполковник, командир 6-й батареи 57-й артиллерийской бригады, командир дивизиона «В»

Шупта, командир дивизиона литеры «Е» ТАОН РККА

Шура — *см. Турова Александра*

Шутко Кирилл Иванович (1884–1941),

революционер, советский партийный и государственный деятель, политический комиссар

Шуттинг Гарри Эмильевич, подполковник, командир 10-го воздушного дивизиона

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), министр юстиции Российской империи (1906–1915), председатель Государственного совета (1917)

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932), генерал от инфантерии, командующий 7-й армии

Щербов-Нефедович Павел Осипович (1847–1918), генерал от инфантерии, член Военного совета

Эберт Фридрих (1871–1925), немецкий социал-демократ, первый президент Германии (1919–1925)

Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926) генерал-адъютант, главнокомандующий армиями Западного фронта

Эггер Константин Константинович (1865–1946) генерал-майор, командир 75-й артиллерийской бригады

Эйхгорн Герман фон (1848–1918), германский генерал-фельдмаршал

Энгельгардт Борис Александрович (1877–1962), полковник, председатель военной комиссии Временного комитета Государственной думы (1917)

Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939), генерал-лейтенант, командующий 11-й армией

Энден Николай Михайлович фон (1876–1961), полковник, штаб-офицер управления инспектора артиллерии Западного фронта (1916)

Эрн Николай Францевич (1879–1972), генерал-майор, участник Белого движения

Эшен Александра Гастоновна, бывшая жена А.А. Сиверса

Юденич Николай Николаевич (1862–1933), генерал от инфантерии, главнокомандующий Северо-Западной армией (1919)

Юзефович Яков Давыдович (1872–1929), генерал-лейтенант, 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем.

Юнг фон, химик

Юренев Петр Петрович (1874–1943), член ЦК КДП, министр путей сообщения во Временном правительстве (1917)

Юрченко, подпоручик, начальник 5-й химической команды

Яблоновский (Снадский) Александр Александрович (1870–1934), фельетонист и беллетрист

Яблочкин, Владимир Александрович (1864–1931) генерал-лейтенант, командир 5-го Кавказского корпуса

Яблочков Иван Алексеевич, полковник, командир 1-го дивизиона литера «М»

Ягодкин Павел Яковлевич (1867–?), генерал-майор, добровольно вступил в РККА, член уставной комиссии при Организупре Всероглавштаба (1918)

Яковлев Виктор Васильевич (1871–1945), генерал-майор, преподаватель

Военно-инженерной академии

Яковлев Всеволод Григорьевич (1882–?), полковник, командир 6-й батареи 12-й арт. бригады, бывший поручик Л-гв. 2-й арт. бригады

Яковлев Николай Ильич (1873–?), полковник, командир 23-го отдельного полевого тяжелого артдивизиона

Яковлев, подполковник, руководитель «курсов стрельбы» 1-го Сибирского корпуса

Яковлев, капитан, офицер штаба 10-й армии

Якубовский – см. Г.А. Якубович.

Якубович Григорий Андрианович (1880–1926) полковник, помощник военного министра

Якулов Яков Богданович (1875–?), кадет, присяжный поверенный, известный по политическим процессам

Якушевский Д.М., служащий ТАОН РККА

Янов Георгий Дмитриевич (1864–1931), генерал-майор, начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии (1914–1917)

Янушевский Григорий Ефимович (1861–1934), генерал-лейтенант, командир 3-го армейского корпуса (1916)

Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), генерал от инфантерии, начальник штаба Верховного главнокомандующего

Ярон Владимир Иванович (1872–1919), генерал-майор, начальник штаба 1-го Сибирского корпуса

Яхонтов Виктор Александрович (1881–1978), полковник, старший адъютант отдела генерал квартирмейстера штаба 10-й армии (1914–1916)

Яценко Николай Иванович (1860–?), генерал-майор, командир 11-й полевой тяжелой артиллерийской бригады

А. М. Сиверс

ДНЕВНИК 1916–1919

Выпускающий редактор *Е.Д. Щепалова*
Корректор *Е.Г. Якимова*
Художественное оформление *М.А. Миллер*
Компьютерная верстка *Л.Ф. Комаровская*
Допечатная подготовка *М.А. Рогова*

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел./факс: (495) 256 04 56
info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 11.07.2018. Формат 165×210 мм
Усл. печ. л. 35,9

ISBN 978-5-9950-0933-7